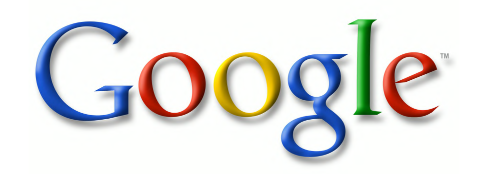


This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

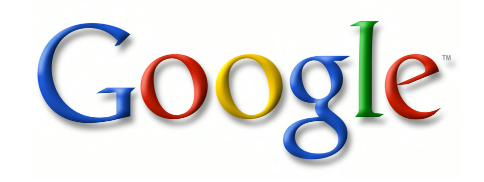
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/



Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

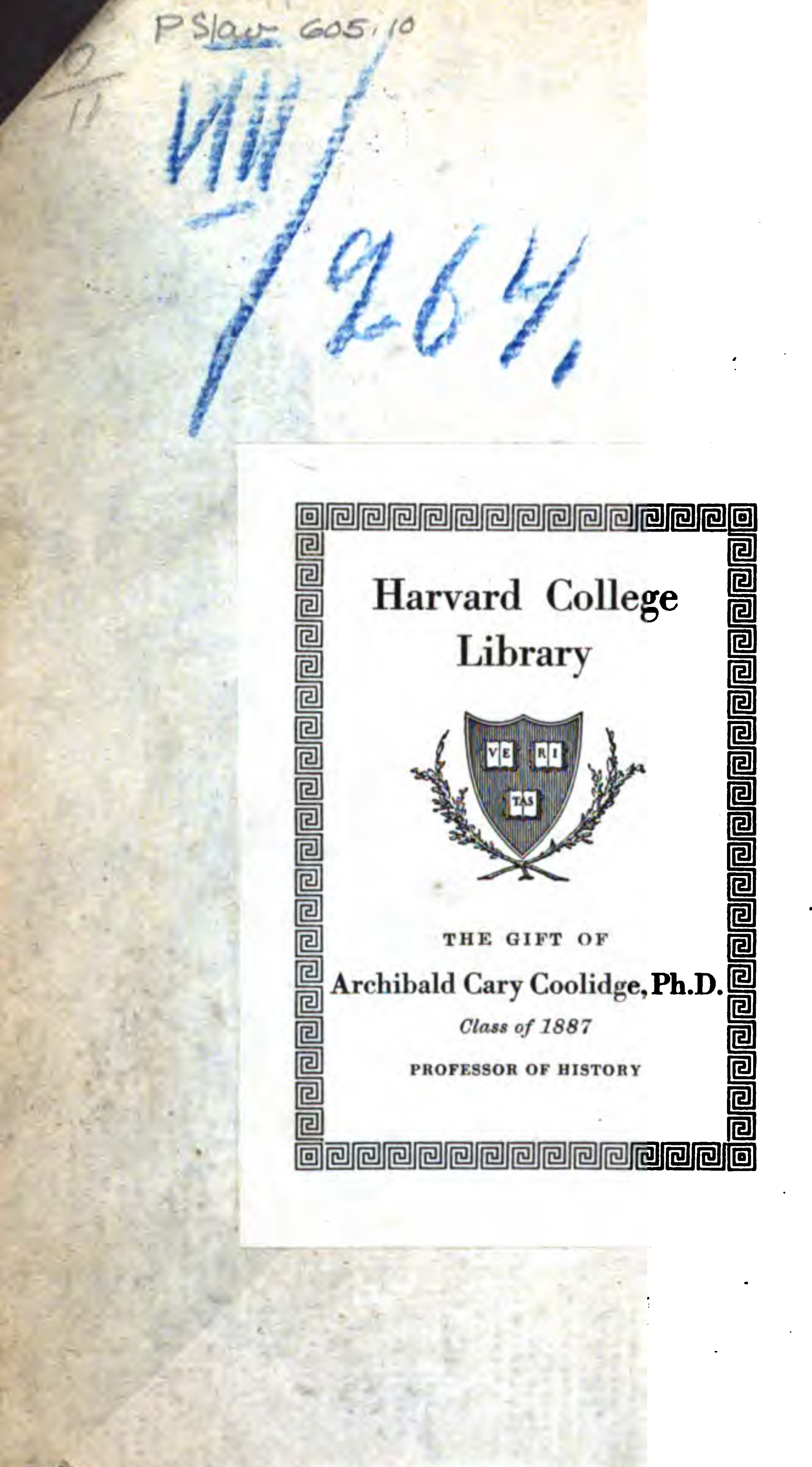
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

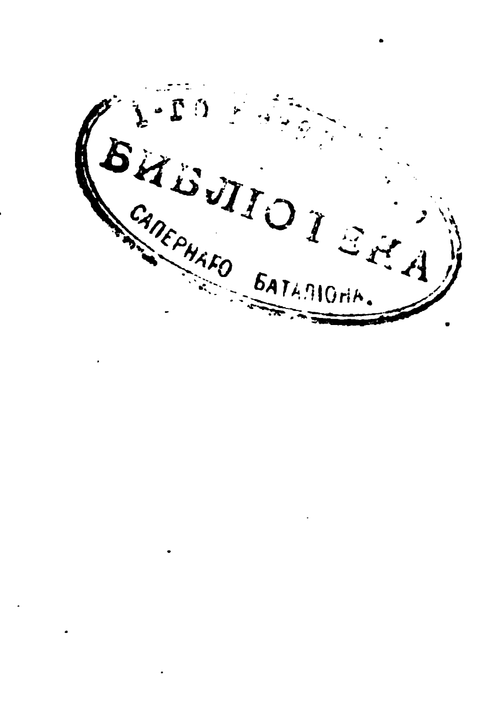
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/


PSlav 605.10

Harvard College
Library

VE RI TAS

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY


БИБЛІОТЕКА
САПЕРНАГО БАТАЛІОНА.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

предпринимаетъ новое изданіе, которое будетъ выходить подъ названіемъ

„БИБЛІОТЕКА РУССКОЙ МЫСЛИ“.

Въ составъ этого изданія войдутъ беллетристическія произведенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, и популярныя сочиненія по всѣмъ отраслямъ науки. Въ теченіе года выйдутъ отъ 15 до 20 книжекъ. Первая книжка

ЧЕРЕЗЪ СТЕПИ

Повѣсть ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА.

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Вышла и продается **въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова.**

Уголь Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. 2—24.

Цѣна 40 коп.

Въ слѣдующія книжки войдутъ произведенія *М. Н. Альбова, К. С. Баранцевича, В. А. Гольцева, М. Конопницкой, М. С. Корелина, В. Косякевича, Вас. Ив. Немировича-Данченко, Э. Ожешковой, М. Н. Ремезова, К. М. Станюковича, А. Шиманьскаго, А. П. Чехова* и другихъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„ВЪ ВОЛОСТНЫХЪ ПИСАРЯХЪ"

Н. М. Астырева.

Второе, дополненное изданіе редакціи журнала „РУССКОЙ МЫСЛИ", съ портретомъ автора.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Пересылка по разстоянію. Подписчики «РУССКОЙ МЫСЛИ» пользуются 10% уступки.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова.

(Москва, Большая Никитская, домъ № 2—24).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. М. Лаврова

(уголъ Б. Никитской и Леонт. пер., д. № 2—24)

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ

НА СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Чарльза Дарвина и Добролюбова

Изданіе О. Н. Поповой.

Также на ВСЕОБЩУЮ ИСТОРІЮ ЛИТЕРАТУРЫ І. Шерра.

Изданіе Байкова и К°.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
НА
ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

1-го ноября вышла XI-я книжка.

I. ПРОЗРѢЛА. Повѣсть. *П. Боборыкина.*—II. ПРАЗДНИКЪ НАУКИ. *М. Венюкова.*—III. ЗА ГРАНИЦЕЙ. Воспоминанія и разсказы. *А. Верещагина.*—IV. ПЕРЕПИСКА МОПАССАНА СЪ БАШКИРЦЕВОЙ. Переводъ съ неизданныхъ автографовъ. — V. ВЪ ДЕНЬ ИТОГОВЪ. Очеркъ *С. Семенова.* — VI. ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ. Николай I и „Мертвыя души".—Болѣзнь и смерть Крылова.— Самаринъ о Бѣлинскомъ, Станкевичѣ, Герценѣ и славянофилахъ.—VII. ИДИ ЗА МНОЙ. Стихотв. *З. Гиппіусъ.* — VIII. ОБЪ ИЗМѢРЕНІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ. Проф. *В. Чижа.*—IX. ИСПОВѢДЬ. *Анни Безантъ.* — X. СОНЪ ХУДОЖНИКА ПАПИЛЬОНА. Разск. *Кота-Мурлыки.*— XI. НОЯБРЬ. Стихотв. *Д. Мережковскаго.*—XII. ИСТОРІЯ, А НЕ ЛЕГЕНДА. *Влад. Каренина.*— XIII. ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ. Ром. *Ѳ. Сологуба.*—XIV. САНЪ-САТИРО. Изъ легендъ *Анатолія Франса.* Перев. *Д. Мережковскаго.*—XV. СТИХОТВОРЕНІЕ. *К. Фофанова.* — XVI. СОВРЕМЕННАЯ „МОЛОДАЯ ГЕРМАНІЯ". *А. Браунера.* XVII. „QUO VADIS". Романъ *Генрика Сенкевича.*—XVIII. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Аполлонъ Григорьевъ. Теорія и законы органической критики. *А. Волынскаго.*—XIX. НА ЗАПАДѢ. ***.— XX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. *Ф. Витберга.* — I. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. РАБОЧІЕ НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ. *Н. Арефьева.* — II. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Полтавская побѣда и побѣда Харькова надъ Полтавой.—Кавказскіе историческіе „юбилеи".—„Русскій вопросъ" въ Крыму.— Высшіе женскіе курсы въ Казани.—Воскресныя школы въ Поволжьѣ.— Упрощенное земское управленіе. — Вопросъ о прислугѣ. — Благодѣтели-землевладѣльцы. *Л. Прозорова.*— III. ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ.— VI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ.— Вопросъ о судебной власти земскихъ начальниковъ. — Почта и телеграфъ. — Новыя желѣзныя дороги.— Вопросъ объ умноженіи народныхъ школъ.— Народныя библіотеки. — Удешевленіе пересылки книгъ. — V. КРИТИКА. *Русскіе символисты.* Лѣто 1895 г.—*Валерій Брюсовъ.*— Chefs d'oeuvre. — *Графъ Алексисъ Жасминовъ.* Голубые звуки и бѣлыя поэмы. *А. Волынскаго.* — О работахъ, вредныхъ для здоровья, и о томъ, какъ уберечь себя отъ нихъ.—IV. БИБЛІОГРАФІЯ: I. Литература.—II. Психологія и естествознаніе.—III. Книги для юношества, для дѣтей и народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ:	$^1/_2$ года:	$^1/_4$ года:		Годъ:	$^1/_2$ года:	$^1/_4$ года:
Безъ дост. въ Спб.	12 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	Съ перес. . .	13 р. 50 к.	7 р.—к.	3 р. 50 к.
Съ доставкою .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	За границей.	15 „ — „	8 „ — „	4 „ — „

Въ главной конторѣ допускается РАЗСРОЧКА безъ повышенія годовой платы.

Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Новые годовые подписчики „Сѣвернаго Вѣстника" на 1896 годъ получатъ вмѣстѣ съ № 1 журнала на 1896 г. первый томъ ром. Генрика Сенкевича „Quo vadis?" (все напечатанное въ журналѣ въ №№ 5—12 за 1895 годъ) въ видѣ безплатнаго приложенія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ: Спб., Троицкая, 9; въ московскомъ отдѣленіи: при книжномъ магазинѣ К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ.

Русская Мысль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

V-й годъ изданія. „Міръ Божій", V-й годъ изданія.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: **По беллетристикѣ:** „Но новому пути" — романъ **Д. Н. Мамина-Сибиряка;** „Матросикъ"—разсказъ **К. Станюковича;** „Мишурисъ"—разсказъ **И. Потапенка;** „Въ водоворотѣ"—изъ исторіи великой французской революціи, **Ю. Безродной;** „У чугунной доски" — разсказъ **Н. Гарина,** „Изъ сибирской жизни"—разсказъ **В. Сѣрошевскаго;** „Богомолье"—изъ народной жизни, **И. Савихина;** „Подъ игомъ"—романъ **И. Вазова,** переводъ съ болгарскаго; романъ **Іонаса Ли,** переводъ съ норвежскаго; романъ съ англійскаго, переводъ **А. Анненской;** „За Атлантическимъ океаномъ"—путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Америкѣ, **Кживицкаго,** переводъ съ польскаго. **Научныя сочиненія и статьи:** „Шекспиръ и Бѣлинскій" — проф. **Н. Стороженко;** „А. Ѳ. Писемскій" — **Ив. Иванова;** „Люди и факты новой европейской культуры"—**Ив. Иванова;** „Герой современной легенды"— **Ив. Иванова;** „В. Г. Короленко (основныя идеи его произведеній)" — критическій этюдъ **М. Плотникова;** „Рёскинъ и его ученіе" — **Д. Коропчевскаго;** „Очерки по исторіи русской культуры" — часть II-я, **Н. Милюкова;** „Свободна ли человѣческая личность"—прив.-доц. **Г. Челпанова;** „Цѣнность жизни" — прив.-доц. **Г. Челпанова;** „Экономическіе этюды"—прив.-доц. **М. Туганъ-Барановскаго;** „Мои воспоминанія" (1851—1862 гг.)—**И. Красноперова:** „Изъ записокъ изслѣдователя"—**Ф. Щербины;** „Гарантіи правосудія" — очерки **Гр. Джаншіева;** „Сила тяжести и давленіе, какъ условіе существованія животныхъ"—проф. **А. Никольскаго;** „Вольфгангъ Гёте" — **Даудена,** переводъ съ англійскаго **А. Анненской;** „Развитіе профессій" — очерки **Спенсера,** переводъ **Т. Криль;** „Исторія цивилизаціи"—**Дюкудре,** часть II-я, средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями **Д. Коропчевскаго;** „Основныя идеи зоологіи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина" — **Эдмонда Пэріэ,** съ многочисленными рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф. **А. Никольскаго** и **К. Пятницкаго;** „Наши тайные друзья и враги"—популярныя лекціи по бактеріологіи, **Фарадея Франкланда,** и проч.

Постоянные отдѣлы: Разныя разности: 1) **На родинѣ,** 2) **За границей,** 3) **Критическія замѣтки,** 4) **Библіографія,** 5) **Новости иностр. литературы.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 7 р., безъ доставки 6 р., за границу—10 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **РАЗСРОЧКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:** при подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому іюля и черезъ казначеевъ.

Издательница **А. Давыдова.** Редакторъ **В. Острогорскій.**

Сибирскій торговый домъ

Большая зол. медаль.

1892 г.

МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

А. М. МИХАЙЛОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, собств. домъ.

Обширный выборъ

ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ

сибирскихъ и американскихъ мѣховыхъ товаровъ во всѣхъ издѣліяхъ. Депо морскихъ бобровъ и воротниковъ. Спеціальное отдѣленіе готовыхъ вещей. Вещи, купленныя въ моемъ торговомъ домѣ, если почему бы то ни было не соотвѣтствуютъ желаніямъ купившаго и выписывающаго, принимаю обратно: при личной покупкѣ въ трехдневный, а отъ выписывающаго—въ мѣсячный срокъ, и по желанію покупателя исполняю другія или возвращаю деньги обратно.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Михайловъ.

ПО СОГЛАШЕНІЮ РЕДАКЦІИ

„Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона

И РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на означенный словарь въ разсрочку, причемъ вносится 10 руб. задатка и затѣмъ уплачивается по 3 рубля въ мѣсяцъ. По полученіи задатка выдаются вышедшіе полутомы.

Словарь издается подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ѳ. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, проф. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Ѳ. Соловьева.

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ"
и редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ",
въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова
принимается подписка на

„Настольный Энциклопедическій Словарь"
изд. Т-ва Гранатъ и К°.

Настольный Энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ (10,500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 7 томовъ (до слова Славянскъ). Все изданіе будетъ закончено въ теченіе 1895 г. Съ 1-го марта 1895 г. цѣна всему изданію повышена: экземпляръ на обыкновенной бумагѣ стоитъ безъ перепл. 37 руб., въ изящныхъ коленкоровыхъ перепл. 40 руб. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ остается безъ измѣненія: 44 руб. 80 коп. безъ перепл. и 48 руб. въ переплетѣ. За пересылку прилачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немедленно получаютъ шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взносами по ДВА рубля.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ" (4 серіи по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковые будутъ выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

новое изданіе редакціи журнала Русская Мысль:

„ХЛѢБЪ".

Романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Цѣна 2 рубля;

подписчики Русской Мысли пользуются уступкой 10%.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала Русская Мысль В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24).

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1895.

~~Slav 30.11~~
P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что въ 3-й день сего ноября Любезнѣйшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Ольгой. Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной. Повелѣваемъ писать и именовать во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь Великую Княжну Ольгу Николаевну Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 3-й день ноября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто пятое, царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Счастливое событіе въ Императорской Семьѣ немедленно отозвалось въ русскомъ обществѣ рядомъ добрыхъ дѣлъ. Московская городская дума постановила открыть пять начальныхъ женскихъ училищъ и ходатайствовать о присвоеніи имъ наименованія училищъ, учрежденныхъ въ ознаменованіе событія рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Петербургская городская дума постановила открыть въ ознаменованіе рожденія Великой Княжны первый домъ трудолюбія. Добрая вѣсть обходитъ всю Русскую землю, вызывая стремленіе увѣковѣчить день 3 ноября 1895 года.

УБІЙСТВО.

(Разсказъ).

I.

На станціи *Прогонной* служили всенощную. Передъ большимъ образомъ, написаннымъ ярко, на золотомъ фонѣ, стояла толпа станціонныхъ служащихъ, ихъ женъ и дѣтей, а также дровосѣковъ и пильщиковъ, работавшихъ вблизи по линіи. Всѣ стояли въ безмолвіи, очарованные блескомъ огней и воемъ метели, которая ни съ того, ни съ сего разыгралась на дворѣ, несмотря на канунъ Благовѣщенія. Служилъ старикъ священникъ изъ Веденяпина; пѣли псаломщикъ и Матвѣй Тереховъ.

Лицо Матвѣя сіяло радостью, онъ пѣлъ и при этомъ вытягивалъ шею, какъ будто хотѣлъ взлетѣть. Пѣлъ онъ теноромъ и канонъ читалъ тоже теноромъ, сладостно, убѣдительно. Когда пѣли «Архангельскій гласъ», онъ помахивалъ рукой, какъ регентъ, и, стараясь подладиться подъ глухой стариковскій басъ дьячка, выводилъ своимъ теноромъ что-то необыкновенно сложное, и по лицу его было видно, что испытывалъ онъ большое удовольствіе.

Но вотъ всенощная окончилась, всѣ тихо разошлись, и стало опять темно и пусто, и наступила та самая тишина, какая бываетъ только на станціяхъ, одиноко стоящихъ въ полѣ или въ лѣсу, когда вѣтеръ подвываетъ и ничего не слышно больше, и когда чувствуется вся эта пустота кругомъ, вся тоска медленно текущей жизни.

Матвѣй жилъ недалеко отъ станціи, въ трактирѣ своего двоюроднаго брата. Но ему не хотѣлось домой. Онъ сидѣлъ у буфетчика за прилавкомъ и разсказывалъ въ полголоса:

— У насъ на изразцовомъ заводѣ былъ свой хоръ. И долженъ вамъ замѣтить, хотя мы и простые мастера были, но пѣли мы

по-настоящему, великолѣпно. Насъ часто приглашали въ городъ и, когда тамъ викарный владыка Іоаннъ изволилъ служить въ Троицкой церкви, то архіерейскіе пѣвчіе пѣли на правомъ клиросѣ, а мы на лѣвомъ. Только въ городѣ жаловались, что мы долго поемъ: заводскіе, говорили, тянутъ. Оно правда, мы Андреево стояніе и Похвалу начинали въ седьмомъ, а кончали послѣ одиннадцати, такъ что, бывало, придешь домой на заводъ, а уже первый часъ. Хорошо было!—вздохнулъ Матвѣй.—Очень даже хорошо, Сергѣй Никанорычъ! А здѣсь, въ родительскомъ домѣ, никакой радости. Самая ближняя церковь въ пяти верстахъ, при моемъ слабомъ здоровьи и не дойдешь туда, пѣвчихъ нѣтъ. А въ семействѣ нашемъ никакого спокойствія, день-деньской шумъ, брань, нечистота, всѣ изъ одной чашки ѣдимъ, какъ мужики, а щи съ тараканами... Не даетъ Богъ здоровья, а то бы я давно ушелъ, Сергѣй Никанорычъ.

Матвѣй Тереховъ былъ еще не старъ, лѣтъ 45, но выраженіе у него было болѣзненное, лицо въ морщинахъ и жидкая, прозрачная бородка совсѣмъ уже посѣдѣла, и это старило его на много лѣтъ. Говорилъ онъ слабымъ голосомъ, осторожно и, кашляя, брался за грудь и въ это время взглядъ его становился безпокойнымъ и тревожнымъ, какъ у очень мнительныхъ людей. Онъ никогда не говорилъ опредѣленно, что̀ у него болитъ, но любилъ длинно разсказывать, какъ однажды на заводѣ онъ поднялъ тяжелый ящикъ и надорвался и какъ отъ этого образовалась грызь, заставившая его бросить службу на изразцовомъ заводѣ и вернуться на родину. А что значитъ грызь, объяснить онъ не могъ.

— Признаться, не люблю я брата,—продолжалъ онъ, наливая себѣ чаю.—Онъ мнѣ старшій, грѣхъ осуждать, и боюсь Господа Бога, но не могу утерпѣть. Человѣкъ онъ надменный, суровый, ругательный, для своихъ родственниковъ и работниковъ мучитель, и на духу не бываетъ. Въ прошлое воскресенье я прошу его ласково: «Братецъ, поѣдемте въ Пахомово къ обѣднѣ!» А онъ: «Не поѣду,—тамъ, говоритъ, попъ картежникъ!» И сюда не пошелъ сегодня, потому, говоритъ, веденяпинскій священникъ куритъ и водку пьетъ. Не любитъ духовенства! Самъ себѣ и обѣдницу служитъ, и часы, и вечерню, а сестрица ему вмѣсто дьячка. Онъ: Господу помолимся! А она тонкимъ голосочкомъ, какъ индюшка: Господи помилуй!... Грѣхъ, да и только. Каждый день ему говорю: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!»—а онъ безъ вниманія.

Сергѣй Никанорычъ, буфетчикъ, налилъ пять стакановъ чаю и понесъ ихъ на подносѣ въ дамскую. Едва онъ вошелъ туда, какъ послышался крикъ:

— Какъ ты подаешь, поросячья морда? Ты не умѣешь подавать!

Это былъ голосъ начальника станціи. Послышалось робкое бормотанье, потомъ опять крикъ, сердитый и рѣзкій:

— Пошелъ вонъ!

Буфетчикъ вернулся сильно сконфуженный.

— Было время, когда угождалъ и графамъ, и князьямъ,—проговорилъ онъ тихо,—а теперь, видите, не умѣю чай подать... Обругалъ при священникѣ и дамахъ!

Сергѣй Никанорычъ когда-то имѣлъ большія деньги и держалъ буфетъ на первоклассной станціи, въ губернскомъ городѣ, гдѣ перекрещивались двѣ дороги. Тогда онъ носилъ фракъ и золотые часы. Но дѣла у него шли плохо, онъ потратилъ всѣ свои деньги на роскошную сервировку, обкрадывала его прислуга и, запутавшись мало-по-малу, онъ перешелъ на другую станцію, менѣе бойкую; здѣсь отъ него ушла жена и увезла съ собой все серебро, и онъ перешелъ на третью станцію, похуже, гдѣ уже не полагалось горячихъ кушаній. Потомъ на четвертую. Часто мѣняя мѣста и спускаясь все ниже и ниже, онъ, наконецъ, попалъ на *Прогонную* и здѣсь торговалъ только чаемъ, дешевою водкой и на закуску ставилъ крутыя яйца и твердую колбасу, отъ которой пахло смолой и которую самъ же онъ въ насмѣшку называлъ музыкантской. У него была лысина во все темя, голубые глаза на выкатѣ и густые, пушистые бакены, которые онъ часто расчесывалъ гребенкой, глядясь въ маленькое зеркальце. Воспоминанія о прошломъ томили его постоянно, онъ никакъ не могъ привыкнуть къ музыкантской колбасѣ, къ грубости начальника станціи и къ мужикамъ, которые торговались, а по его мнѣнію торговаться въ буфетѣ было такъ же неприлично, какъ въ аптекѣ. Ему было стыдно своей бѣдности и своего униженія и этотъ стыдъ былъ теперь главнымъ содержаніемъ его жизни.

— А весна въ этомъ году поздняя,—сказалъ Матвѣй, прислушиваясь.—Оно и лучше, я не люблю весны. Весной грязно очень, Сергѣй Никанорычъ. Въ книжкахъ пишутъ: весна, птицы поютъ, солнце заходитъ, а что тутъ пріятнаго? Птица и есть птица и больничего. Я люблю хорошее общество, чтобъ людей послушать, ъ религіи поговорить или хоромъ спѣть что-нибудь пріятное, а и тамъ соловьи да цвѣточки—Богъ съ ними!

Онъ опять началъ объ изразцовомъ заводѣ, о хорѣ, но оскорбнный Сергѣй Никанорычъ никакъ не могъ успокоиться и все поалъ плечами и бормоталъ что-то. Матвѣй простился и пошелъ ой.

Мороза не было и уже таяло на крышахъ, но шелъ крупный снѣгъ; онъ быстро кружился въ воздухѣ и бѣлыя облака его гонялись другъ за другомъ по полотну дороги. А дубовый лѣсъ, по обѣ стороны линіи, едва освѣщенный луной, которая пряталась гдѣ-то высоко за облаками, издавалъ суровый, протяжный шумъ. Когда сильная буря качаетъ деревья, то какъ они страшны! Матвѣй шелъ по шоссе вдоль линіи, пряча лицо и руки, и вѣтеръ толкалъ его въ спину. Вдругъ показалась небольшая лошаденка, облѣпленная снѣгомъ, сани скребли по голымъ камнямъ шоссе, и мужикъ съ окутанною головой, тоже весь бѣлый, хлесталъ кнутомъ. Матвѣй оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, какъ будто все это ему только примерещилось, и онъ ускорилъ шаги, вдругъ испугавшись, самъ не зная чего.

Вотъ переѣздъ и темный домикъ, гдѣ живетъ сторожъ. Шлагбаумъ поднятъ и около намело цѣлыя горы и, какъ вѣдьмы на шабашѣ, кружатся облака снѣга. Тутъ линію пересѣкаетъ старая, когда-то большая дорога, которую до сихъ поръ еще зовутъ трактомъ. Направо, не далеко отъ переѣзда, у самой дороги, стоитъ трактиръ Терехова, бывшій постоялый дворъ. Тутъ по ночамъ всегда брезжилъ огонекъ.

Когда Матвѣй пришелъ домой, во всѣхъ комнатахъ и даже въ сѣняхъ сильно пахло ладономъ. Братъ его Яковъ Иванычъ еще продолжалъ служить всенощную. Въ молельной, гдѣ это происходило, въ переднемъ углу стоялъ кіотъ со старинными дѣдовскими образами въ позолоченныхъ ризахъ, и обѣ стѣны направо и налѣво были уставлены образами, стараго и новаго письма, въ кіотахъ и просто такъ. На столѣ, покрытомъ до земли скатертью, стоялъ образъ Благовѣщенія и тутъ же кипарисовый крестъ и кадильница; горѣли восковыя свѣчи. Возлѣ стола былъ аналой. Проходя мимо молельной, Матвѣй остановился и заглянулъ въ дверь. Яковъ Иванычъ въ это время читалъ у аналоя; съ нимъ молилась сестра его Аглая, высокая, худощавая старуха въ синемъ платьѣ и бѣломъ платочкѣ. Была тутъ и дочь Якова Иваныча, Дашутка, дѣвушка лѣтъ 18, некрасивая, вся въ веснушкахъ, по обыкновенію, босая и въ томъ же платьѣ, въ какомъ подъ вечеръ поила скотину.

— Слава тебѣ, показавшему намъ свѣтъ! — провозгласилъ Яковъ Иванычъ на-распѣвъ и низко поклонился.

Аглая подперла рукой подбородокъ и запѣла тонкимъ, визгливымъ, тягучимъ голосомъ. А вверху надъ потолкомъ тоже раздавались какіе-то неясные голоса, которые будто угрожали или предвѣщали дурное. Во второмъ этажѣ послѣ пожара, бывшаго

когда-то очень давно, никто не жилъ, окна были забиты тесомъ и на полу между балокъ валялись пустыя бутылки. Теперь тамъ стучалъ и гудѣлъ вѣтеръ и казалось, что кто-то бѣгалъ, спотыкаясь о балки.

Половина нижняго этажа была занята подъ трактиръ, въ другой помѣщалась семья Терехова, такъ что когда въ трактирѣ шумѣли пьяные проѣзжіе, то было слышно въ комнатахъ все до одного слова. Матвѣй жилъ рядомъ съ кухней, въ комнатѣ съ большою печью, гдѣ прежде, когда тутъ былъ постоялый дворъ, каждый день пекли хлѣбъ. Въ этой же комнатѣ за печкой помѣщалась и Дашутка, у которой не было своей комнаты. Всегда тутъ по ночамъ кричалъ сверчокъ и суетились мыши.

Матвѣй зажегъ свѣчу и сталъ читать книгу, взятую имъ у станціоннаго жандарма. Пока онъ сидѣлъ надъ ней, моленіе кончилось и всѣ легли спать. Дашутка тоже легла. Она захрапѣла тотчасъ же, но скоро проснулась и сказала, зѣвая:

— Ты, дядя Матвѣй, зря бы свѣчку не жегъ.

— Это моя свѣчка,—отвѣтилъ Матвѣй.—Я ее за свои деньги купилъ.

Дашутка поворочалась немного и опять заснула. Матвѣй сидѣлъ еще долго,—ему не хотѣлось спать,—и, кончивъ послѣднюю страницу, досталъ изъ сундука карандашъ и написалъ на книгѣ: «Сію книгу читалъ я, Матвѣй Тереховъ, и нахожу ее изъ всѣхъ читанныхъ мною книгъ самою лудшею, въ чемъ и приношу мою признательность унтеръ-офицеру жандармскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Кузьмѣ Николаевичу Жукову, какъ владѣльцу оной безцѣнной книги». Дѣлать подобныя надписи на чужихъ книгахъ онъ считалъ долгомъ вѣжливости.

II.

Въ самый день Благовѣщенія, послѣ того, какъ проводили почтовый поѣздъ, Матвѣй сидѣлъ въ буфетѣ, пилъ чай съ лимономъ и говорилъ.

Слушали его буфетчикъ и жандармъ Жуковъ.

— Я, надо вамъ замѣтить,—разсказывалъ Матвѣй,—еще въ олѣтствѣ былъ приверженъ къ религіи. Мнѣ только двѣнадцать очковъ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители весьма утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой или на богомолье. Бывало, другіе ребяты пѣсни поютъ или раь ловятъ, а я въ это время съ маменькой. Старшіе меня одоб-

ряли, да и мнѣ самому было это пріятно, что я такого хорошаго поведенія. И какъ маменька благословила меня на заводъ, то я между дѣломъ пѣлъ тамъ теноромъ въ нашемъ хорѣ, и не было лучшаго удовольствія. Само собой, водки я не пилъ, табаку не курилъ, соблюдалъ чистоту тѣлесную, а такое направленіе жизни, извѣстно, не нравится врагу рода человѣческаго, и захотѣлъ онъ, окаянный, погубить меня и сталъ омрачать мой разумъ, все равно, какъ теперь у братца. Самое первое, далъ я обѣтъ не кушать по понедѣльникамъ скоромнаго и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую недѣлю великаго поста до субботы святые отцы положили сухояденіе, но трудящимъ и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самаго воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ масла ни отнюдь, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало, въ Петровки наши заводскіе хлебаютъ щи изъ судака, а я въ сторонночкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу. У людей сила разная, конечно, но я объ себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія, тѣмъ легче. Хочется кушать только въ первые дни поста, а потомъ привыкаешь, становится все легче и, гляди, въ концѣ недѣли совсѣмъ ничего и въ ногахъ этакое онѣмѣніе, будто ты не на землѣ, а на облакѣ. И, кромѣ того, налагалъ я на себя всякія послушанія: вставалъ по ночамъ и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну, и вериги тоже. Только вотъ по прошествіи времени исповѣдаюсь я однажды у священника и вдругъ такое мечтаніе: вѣдь, священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ меня исповѣдать и какую онъ имѣетъ власть отпускать мнѣ грѣхи, ежели онъ грѣшнѣе, чѣмъ я? Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ небось осетрину ѣлъ. Пошелъ я къ другому священнику, а этотъ, какъ на грѣхъ, толстомясый, въ шелковой рясѣ, шуршитъ будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ. Пошелъ я говѣть въ монастырь, и тамъ мое сердце не спокойно, все кажется, будто монахи не по уставу живутъ. И послѣ этого никакъ я не могу найти службу по себѣ: въ одномъ мѣстѣ служатъ очень скоро, въ другомъ, гляди, задостойникъ не тотъ пропѣли, въ третьемъ дьячокъ гугнивый... Бывало, Господи прости меня грѣшнаго, стою это въ церкви, а отъ гнѣва сердце трясется. Какая ужь тутъ молитва? И представляется мнѣ, будто народъ въ церкви не такъ крестится, не такъ слушаетъ; на кого ни погляжу, всѣ пьяницы, скоромники, табачники, блудники,

картежники, одинъ только я живу по заповѣдямъ. Лукавый бѣсъ не дремалъ, дальше-больше, пересталъ я пѣть въ хорѣ и ужь вовсе не хожу въ церковь; такъ ужь я объ себѣ понимаю, будто я человѣкъ праведный, а церковь по своему несовершенству для меня не подходитъ, то-есть, подобно падшему ангелу, возмечталъ я въ гордынѣ своей до невѣроятія. Послѣ этого сталъ я хлопотать, какъ бы свою церковь устроить. Нанялъ я у глухой мѣщанки комнатушечку далеко за городомъ, около кладбища, и устроилъ молельную, вотъ какъ у братца, но только у меня еще ставники были и настоящее кадило. Въ этой своей молельной я держался устава святой Аѳонской горы, то-есть каждый день обязательно утреня у меня начиналась въ полночь, а подъ особо чтимые двунадесятые праздники всенощная у меня служилась часовъ десять, а когда и двѣнадцать. Монахи, все-таки, по уставу, во время каѳизмъ и паремій сидятъ, а я желалъ быть угоднѣе монаховъ и все, бывало, на ногахъ. Читалъ я и пѣлъ протяжно, со слезами и со воздыханіемъ, воздѣвая руки, и прямо съ молитвы, не спавши, на работу, да и работаю все съ молитвой. Ну, пошло по городу: Матвѣй святой, Матвѣй больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Никого я, конечно, не исцѣлялъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пола отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Повадились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки цѣлуютъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ молельной, взялъ я комнату побольше, и пошло у насъ настоящее столпотвореніе, бѣсъ забралъ меня окончательно и заслонилъ свѣтъ отъ очей моихъ своими погаными копытами. Мы всѣ вродѣ какъ бы взбѣсились. Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли, и этакъ, долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая—и этакъ страшно! Я тоже трясусь весь, какъ жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, по какой такой причинѣ, и начинаютъ наши ноги прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого къ, визгъ, всѣ пляшемъ и другъ за дружкой бѣгаемъ, бѣгаемъ упаду. И, такимъ образомъ, въ дикомъ безпамятствѣ впалъ я блудъ.

Жандармъ засмѣялся, но, замѣтивъ, что никто больше не смѣется, сталъ серьезенъ и сказалъ:

— Это молоканство. Я читалъ, на Кавказѣ всѣ такъ.

— Но не убило меня громомъ,—продолжалъ Матвѣй, пере-

крестясь на образъ и пошевеливъ губами.—Должно, молилась за меня на томъ свѣтѣ покойница маменька. Когда уже меня всѣ въ городѣ святымъ почитали и даже дамы и хорошіе господа стали пріѣзжать ко мнѣ потихоньку за утѣшеніемъ, какъ-то пошелъ я къ нашему хозяину Осипу Варламычу прощаться,—тогда прощеный день былъ,—а онъ этакъ заперъ на крючочекъ дверь и остались мы вдвоемъ, съ глазу-на-глазъ. И сталъ онъ меня отчитывать. А долженъ я вамъ замѣтить, Осипъ Варламычъ безъ образованія, но дальняго ума человѣкъ, и всѣ его почитали и боялись, потому былъ строгой, богоугодной жизни и труженикъ. Городскимъ головой былъ и старостой лѣтъ, можетъ, двадцать, и много добра сдѣлалъ; Ново-Московскую улицу всю покрылъ гравиліемъ, выкрасилъ соборъ и колонны расписалъ подъ малафтитъ. Ну, заперъ дверь и—«давно, говоритъ, я до тебя добираюсь, такой-сякой... Ты, говоритъ, думаешь, что ты святой? Нѣтъ, ты не святой, а богоотступникъ, еретикъ и злодѣй!...» И пошелъ, и пошелъ... Не могу я вамъ выразить, какъ это онъ говорилъ, складненько да умненько, словно по писанному, и такъ трогательно. Говорилъ часа два. Пронялъ онъ меня своими словами, открылись мои глаза. Слушалъ я, слушалъ и—какъ зарыдаю! «Будь, говоритъ, обыкновеннымъ человѣкомъ, ѣшь, пей, одѣвайся и молись, какъ всѣ, а что сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса. Вериги, говоритъ, твои отъ бѣса, посты твои отъ бѣса, молельная твоя отъ бѣса; все, говоритъ, это гордость». На другой день, въ чистый понедѣльникъ, привелъ меня Богъ заболѣть. Я надорвался, отвезли меня въ больницу; мучился я до чрезвычайности и горько плакалъ и трепеталъ. Думалъ, что изъ больницы мнѣ прямая дорога—въ адъ, и чуть не померъ. Промучился я на одрѣ болѣзни съ полгода, а какъ выписался, то первымъ дѣломъ отговѣлся по-настоящему и сталъ опять человѣкомъ. Отпускалъ меня Осипъ Варламычъ домой и наставлялъ: «Помни же, Матвѣй, что̀ сверхъ обыкновенія, то отъ бѣса». И я теперь ѣмъ и пью, какъ всѣ, и молюсь, какъ всѣ... Ежели теперь, случается, отъ батюшки пахнетъ табакомъ или винцомъ, то я не дерзаю осуждать, потому, вѣдь, и батюшка обыкновенный человѣкъ, но какъ только говорятъ, что вотъ въ городѣ или въ деревнѣ завелся, молъ, святой, по недѣлямъ не ѣстъ и свои уставы заводитъ, то ужь понимаю, чьи тутъ дѣла. Такъ вотъ, судари мои, какая была исторія въ моей жизни. Теперь и я, какъ Осипъ Варламычъ, все наставляю братца и сестрицу и укоряю ихъ, но выходитъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Не далъ мнѣ Богъ дара.

Разсказъ Матвѣя, повидимому, не произвелъ никакого впеча-

тѣнія. Сергѣй Никанорычъ ничего не сказалъ и сталъ убирать съ прилавка закуску, а жандармъ заговорилъ о томъ, какъ богатъ братъ Матвѣя, Яковъ Иванычъ.

— У него тысячъ тридцать, по крайней мѣрѣ,— сказалъ онъ.

Жандармъ Жуковъ, рыжій, полнолицый (когда онъ ходилъ, у него дрожали щеки), здоровый, сытый, обыкновенно, когда не было старшихъ, сидѣлъ развалясь и положивъ ногу на ногу; разговаривая, онъ покачивался и небрежно посвистывалъ, и въ это время на лицѣ его было самодовольное, сытое выраженіе, какъ будто онъ только что пообѣдалъ. Деньги у него водились и онъ всегда говорилъ о нихъ съ видомъ большого знатока. Онъ занимался коммиссіонерствомъ и когда нужно было кому-нибудь продать имѣніе, лошадь или подержанный экипажъ, то обращались къ нему.

— Да, тридцать тысячъ будетъ, пожалуй,—согласился Сергѣй Никанорычъ. — У вашего дѣдушки было огромадное состояніе,— сказалъ онъ, обращаясь къ Матвѣю.—Огромадное! Все потомъ осталось вашему отцу и вашему дядѣ. Вашъ отецъ померъ въ молодыхъ лѣтахъ и послѣ него все забралъ дядя, а потомъ, значитъ, Яковъ Иванычъ. Пока вы съ маменькой на богомолье ходили и на заводѣ теноромъ пѣли, тутъ безъ васъ не зѣвали.

— На вашу долю приходится тысячъ пятнадцать, — сказалъ жандармъ, покачиваясь.—Трактиръ у васъ общій, значитъ, и капиталъ общій. Да. На вашемъ мѣстѣ я давно бы подалъ въ судъ. Я бы въ судъ подалъ само собой, а пока дѣло, одинъ на одинъ всю бы рожу ему до крови...

Якова Иваныча не любили, потому что когда кто-нибудь вѣруетъ не такъ, какъ всѣ, то это непріятно волнуетъ даже людей равнодушныхъ къ вѣрѣ. Жандармъ же не любилъ его еще и за то, что онъ тоже продавалъ лошадей и подержанные экипажи.

— Вамъ не охота судиться съ братомъ, потому что у васъ своихъ денегъ много,— сказалъ буфетчикъ Матвѣю, глядя на него съ завистью.—Хорошо тому, у кого есть средства, а вотъ я, должно быть, такъ и умру въ этомъ положеніи...

Матвѣй сталъ увѣрять, что у него вовсе нѣтъ денегъ, но Сергѣй Никанорычъ уже не слушалъ; воспоминанія о прошломъ, объ оскорбленіяхъ, которыя онъ терпѣлъ каждый день, нахлынули на него; лысая голова его вспотѣла, онъ покраснѣлъ и замигалъ глазами.

— Жизнь проклятая!—сказалъ онъ съ досадой и ударилъ колбасой о полъ.

III.

Разсказывали, что постоялый дворъ былъ построенъ еще при Александрѣ I, какою-то вдовой, которая поселилась здѣсь со своимъ сыномъ; называлась она Авдотьей Тереховой. У тѣхъ, кто, бывало, проѣзжалъ мимо на почтовыхъ, особенно въ лунныя ночи, темный дворъ съ навѣсомъ и постоянно запертыя ворота своимъ видомъ вызывали чувство скуки и безотчетной тревоги, какъ будто въ этомъ дворѣ жили колдуны или разбойники; и всякій разъ, уже проѣхавъ мимо, ямщикъ оглядывался и подгонялъ лошадей. Останавливались здѣсь не охотно, такъ какъ хозяева всегда были неласковы и брали съ проѣзжихъ очень дорого. Во дворѣ было грязно даже лѣтомъ; здѣсь въ грязи лежали громадныя жирныя свиньи и бродили безъ привязи лошади, которыми барышничали Тереховы, и случалось часто, что лошади, соскучившись, выбѣгали со двора и, задравъ хвосты, бѣшено носились по дорогѣ, пугая странницъ. Въ то время здѣсь было большое движеніе; проходили длинные обозы съ товарами, и бывали тутъ разные случаи, вродѣ того, напримѣръ, какъ лѣтъ 30 назадъ обозчики, разсердившись, затѣяли драку и убили проѣзжаго купца, и въ полуверстѣ отъ двора до сихъ поръ еще стоитъ погнувшійся крестъ; проѣзжали почтовыя тройки со звонками и тяжелые барскіе дормезы, съ ревомъ и въ облакахъ пыли проходили гурты рогатаго скота.

Когда провели желѣзную дорогу, то въ первое время на этомъ мѣстѣ былъ только полустанокъ, который назывался просто разъѣздомъ, потомъ же лѣтъ черезъ десять построили теперешнюю *Прогонную*. Движеніе по старой почтовой дорогѣ почти прекратилось и по ней уже ѣздили только мѣстные помѣщики и мужики, да весной и осенью проходили толпами рабочіе. Постоялый дворъ превратился въ трактиръ; верхній этажъ обгорѣлъ, крыша стала желтой отъ ржавчины, навѣсъ мало-по-малу обвалился, но на дворѣ въ грязи все еще валялись громадныя, жирныя свиньи, розовыя, отвратительныя. Попрежнему, иногда со двора выбѣгали лошади и бѣшено носились по дорогѣ. Въ трактирѣ торговали чаемъ, сѣномъ, овсомъ, мукой, а также водкой и пивомъ, распивочно и на выносъ; спиртные напитки продавали съ опаской, такъ какъ патента никогда не брали.

Тереховы вообще всегда отличались религіозностью, такъ что имъ даже дали прозвище—Богомоловы. Но, быть можетъ, оттого, что они жили особнякомъ, какъ медвѣди, избѣгали людей и до всего доходили своимъ умомъ, они были склонны къ мечтаніямъ и къ ко-

лебаніямъ въ вѣрѣ, и почти каждое поколѣніе вѣровало какъ-нибудь особенно. Бабка Авдотья, которая построила постоялый дворъ, была старой вѣры, ея же сынъ и оба внука (отцы Матвѣя и Якова) ходили въ православную церковь, принимали у себя духовенство и новымъ образамъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя подвигъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ, а у внуковъ была та особенность, что они понимали писаніе не просто, а все искали въ немъ скрытаго смысла, увѣряя, что въ каждомъ святомъ словѣ должна содержаться какая-нибудь тайна. Правнукъ Авдотьи, Матвѣй, съ самаго дѣтства боролся съ мечтаніями и едва не погибъ, другой правнукъ, Яковъ Иванычъ, былъ православнымъ, но послѣ смерти жены вдругъ пересталъ ходить въ церковь и молился дома. На него глядя, совратилась и сестра Аглая: сама не ходила въ церковь и Дашутку не пускала. Про Аглаю еще разсказывали, будто въ молодыхъ лѣтахъ она хаживала въ Веденяпино къ хлыстамъ и что втайнѣ она еще продолжаетъ быть хлыстовкой, а потому-де ходитъ въ бѣломъ платочкѣ.

Яковъ Иванычъ былъ старше Матвѣя на десять лѣтъ. Это былъ очень красивый старикъ, высокаго роста, съ широкою, сѣдою бородой, почти до пояса, и съ густыми бровями, придававшими лицу суровое, даже злое выраженіе. Носилъ онъ длинную поддевку изъ хорошаго сукна или черный романовскій полушубокъ и вообще старался одѣваться чисто и прилично; калоши носилъ даже въ сухую погоду. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Дома у себя онъ каждый день читалъ и пѣлъ вмѣстѣ съ Аглаей. Въ Веденяпинѣ въ заутрени вовсе не читали канона и вечерни не служили даже въ большіе праздники, онъ же у себя дома прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строки и не торопясь, а въ свободное время читалъ вслухъ житія. И въ обыденной жизни онъ строго держался устава; такъ, если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрѣшалось, по уставу, вино ...ади труда бдѣннаго», то онъ непремѣнно пилъ вино, даже если ... хотѣлось.

Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы по...чить отъ Бога какія-либо блага, а для порядка. Человѣкъ не мо...тъ жить безъ вѣры и вѣра должна выражаться правильно, изъ ...а въ годъ, изо дня въ день въ извѣстномъ порядкѣ, чтобы каж... утро и каждый вечеръ человѣкъ обращался къ Богу именно съ

тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу. Нужно жить, а значитъ и молиться такъ, какъ угодно Богу, и поэтому каждый день слѣдуетъ читать и пѣть только то, что угодно Богу, то-есть что полагается по уставу; такъ, первую главу отъ Іоанна нужно читать только въ день Пасхи, а отъ Пасхи до Вознесенія нельзя пѣть «Достойно есть» и проч. Сознаніе этого порядка и его важности доставляло Якову Иванычу во время молитвы большое удовольствіе. Когда ему по необходимости приходилось нарушать этотъ порядокъ, напримѣръ, уѣзжать въ городъ за товаромъ или въ банкъ, то его мучила совѣсть и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ.

Братъ Матвѣй, пріѣхавшій неожиданно изъ завода и поселившійся въ трактирѣ, какъ дома, съ первыхъ же дней сталъ нарушать порядокъ. Онъ не хотѣлъ молиться вмѣстѣ, ѣлъ и пилъ чай не во-время, поздно вставалъ, въ среды и пятницы пилъ молоко, будто бы по слабости здоровья; почти каждый день во время молитвы онъ входилъ въ молельную и кричалъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Отъ этихъ словъ Якова Иваныча бросало въ жаръ, а Аглая, не выдержавъ, начинала браниться. Или ночью, подкравшись, Матвѣй входилъ въ молельную и говорилъ тихо: «Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смирись съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой. Вы же деньги въ ростъ даете, водочкой торгуете. Покайтесь!» Или же онъ училъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ.

Все это казалось Якову пустяками. Въ словахъ Матвѣя онъ видѣлъ лишь обычную отговорку пустыхъ и нерадивыхъ людей, которые говорятъ о любви къ ближнему, о примиреніи съ братомъ и проч. для того только, чтобы не молиться, не постить и не читать святыхъ книгъ, и которые презрительно отзываются о наживѣ и процентахъ только потому, что не любятъ работать. Вѣдь, быть бѣднымъ, ничего не копить и ничего не беречь гораздо легче, чѣмъ быть богатымъ. Если послушаться и начать брать съ проѣзжихъ дешево и вести дѣло въ убытокъ, то ужь это будетъ не торговля, а безпорядокъ и глупость. А ученія Матвѣя о томъ, что надо жить обыкновенно, какъ всѣ, онъ не понималъ вовсе.

А все же онъ былъ взволнованъ, раздраженъ и уже не могъ молиться, какъ прежде. Едва онъ входилъ въ молельную и раскрывалъ служебную книгу, какъ уже начиналъ бояться, что вотъ-вотъ войдетъ братъ и помѣшаетъ ему; и въ самомъ дѣлѣ, Матвѣй появлялся скоро и кричалъ дрожащимъ голосомъ: «Образумьтесь, братецъ! Покайтесь, братецъ!» Сестра бранилась, и Яковъ тоже вы-

ходилъ изъ себя, ненавидѣлъ брата и кричалъ: «Пошелъ вонъ изъ моего дома!» А тотъ ему: «Этотъ домъ нашъ общій».

Начиналъ Яковъ снова читать и пѣть, но уже не могъ успокоиться и, самъ того не замѣчая, вдругъ задумывался надъ книгой; хотя слова брата считалъ онъ пустяками, но почему-то и ему въ послѣднее время тоже стало приходить на память, что богатому трудно войти въ царство небесное, что въ третьемъ году онъ купилъ очень выгодно краденую лошадь, что еще при покойницѣ женѣ однажды какой-то пьяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки.

По ночамъ онъ теперь спалъ не хорошо, чутко, и ему слышно было, какъ Матвѣй тоже не спалъ и все вздыхалъ, скучая по своемъ изразцовомъ заводѣ. И Якову ночью, пока онъ ворочался съ боку на бокъ, вспоминались и краденая лошадь, и пьяница, и евангельскія слова о верблюдѣ.

Похоже было на то, какъ будто у него опять начинались мечтанія. А какъ нарочно, каждый день, несмотря на то, что уже былъ конецъ марта, шелъ снѣгъ и лѣсъ шумѣлъ по-зимнему и не вѣрилось, что весна настанетъ когда-нибудь. Погода располагала и къ скукѣ, и къ ссорамъ, и къ ненависти, а ночью, когда вѣтеръ гудѣлъ надъ потолкомъ, казалось, что кто-то жилъ тамъ наверху, въ пустомъ этажѣ, мечтанія мало-по-малу наваливали на умъ, голова горѣла и не хотѣлось спать.

IV.

Утромъ въ страстной понедѣльникъ Матвѣй слышалъ изъ своей комнаты, какъ Дашутка сказала Аглаѣ:

— Дядя Матвѣй говорилъ надысь, поститься, говорилъ, не надо.

Матвѣй припомнилъ весь разговоръ, какой у него былъ наканунѣ съ Дашуткой, и ему вдругъ стало обидно.

— Дѣвушка, не грѣши! — сказалъ онъ стонущимъ голосомъ, какъ больной. — Безъ постовъ нельзя, самъ Господь нашъ постился сорокъ дней. А только я тебѣ объяснялъ, что худому человѣку и постъ не въ пользу.

— А ты только послушай заводскихъ, они научатъ добру,— оговорила насмѣшливо Аглая, моя полъ (въ будни она обыкнонно мыла полы и при этомъ сердилась на всѣхъ).—На заводѣ, вѣстно, какой постъ. Ты вотъ спроси его, дядю-то своего, спроси о душеньку, какъ онъ съ ней, съ гадюкой, въ постные дни мою трескалъ. Другихъ-то онъ учитъ, а самъ забылъ про гадюку. проси: кому онъ деньги оставилъ, кому?

Матвѣй тщательно, какъ неопрятную рану, скрывалъ ото всѣхъ, что въ тотъ самый періодъ своей жизни, когда во время моленій съ нимъ вмѣстѣ прыгали и бѣгали старухи и дѣвки, онъ вступилъ въ связь съ одною мѣщанкой и имѣлъ отъ нея ребенка. Уѣзжая домой, онъ отдалъ этой женщинѣ все, что скопилъ на заводѣ, а для себя на проѣздъ взялъ у хозяина, и теперь у него было всего нѣсколько рублей, которые онъ тратилъ на чай и свѣчи. «Душенька» потомъ извѣщала его, что ребенокъ умеръ, и спрашивала въ письмѣ, какъ поступить съ деньгами. Это письмо принесъ со станціи работникъ, Аглая перехватила и прочла, и потомъ каждый день попрекала Матвѣя «душенькой».

— Шутка, девятьсотъ рублей!—продолжала Аглая.—Отдалъ девятьсотъ рублей чужой гадюкѣ, заводской кобылѣ, чтобъ ты лопнулъ!—Она уже разошлась и кричала визгливо:—Молчишь? Я-бъ тебя разорвала, лядащій! Девятьсотъ рублей, какъ копѣечка! Ты бы подъ Дашутку подписалъ,—своя, не чужая,—а то послалъ бы въ Бѣлевъ Марьинымъ сиротамъ несчастнымъ. И не подавилась твоя гадюка, будь она трижды анаѳема проклята, дьяволица, чтобъ ей свѣтлаго дня не дождаться!

Аглая презирала Матвѣя за его легкомысліе въ дѣлахъ вѣры и за развратную жизнь, своего же родного брата Якова любила и боялась. Когда она бранила и унижала Матвѣя, то у нея было такое чувство, какъ будто она этимъ самымъ защищала Якова и его вѣру. Она могла кричать долго, до хрипоты, до изнеможенія, и противорѣчить ей или перекричать ее было невозможно, и она продолжала кричать даже, когда всѣ уходили со двора и оставляли ее одну.

Яковъ Иванычъ окликнулъ ее; было уже время начинать часы. Она умылась, надѣла бѣлую косыночку и пошла въ молельную къ своему любимому брату уже тихая, скромная. Когда она говорила съ Матвѣемъ или въ трактирѣ подавала мужикамъ чай, то это была тощая, остроглазая, злая старуха, въ молельной же лицо у нея было чистое, умиленное, сама она какъ-то вся молодѣла, манерно присѣдала и даже складывала сердечкомъ губы.

Яковъ Иванычъ началъ читать часы тихо и заунывно, какъ онъ читалъ всегда въ великій постъ. Почитавъ немного, онъ остановился, чтобы прислушаться къ покою, какой былъ во всемъ домѣ, и потомъ продолжалъ опять читать, испытывая удовольствіе; онъ молитвенно складывалъ руки, закатывалъ глаза, покачивалъ головой, вздыхалъ и, казалось, даже тѣломъ ощущалъ порядокъ и важность того, что онъ дѣлалъ. Но вдругъ послышались голоса. Къ Матвѣю пришли въ гости жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ

Иванычъ стѣснялся читать вслухъ и пѣть, когда въ домѣ были посторонніе, и теперь, услышавъ голоса, сталъ читать шепотомъ и медленно. Въ молельной было слышно, какъ буфетчикъ говорилъ:

— Татаринъ въ Щеповѣ сдаетъ свое дѣло за полторы тысячи. Можно дать ему теперь пятьсотъ, а на остальныя вексель. Такъ вотъ, Матвѣй Васильичъ, будьте столь благонадежны, одолжите мнѣ эти пятьсотъ рублей. Я вамъ два процента въ мѣсяцъ.

— Какія у меня деньги!—изумлялся Матвѣй.—Какія у меня деньги!

— Два процента въ мѣсяцъ, это для васъ какъ съ неба, — объяснялъ жандармъ.—А лежавши у васъ, ваши деньги только моль ѣстъ и больше никакого результата.

Потомъ гости ушли и наступило молчаніе. Но едва Яковъ Иванычъ началъ опять читать вслухъ и пѣть, какъ изъ-за двери послышался голосъ:

— Братецъ, позвольте мнѣ лошади въ Веденяпино съѣздить!

Это былъ Матвѣй. И у Якова на душѣ стало опять непокойно.

— На чемъ же вы поѣдете? — спросилъ онъ, подумавъ.— На гнѣдомъ работникъ свинью повезъ, а на жеребчикѣ я самъ поѣду въ Шутейкино, вотъ какъ кончу.

— Братецъ, почему это вы можете распоряжаться лошадями, а я нѣтъ?—спросилъ съ раздраженіемъ Матвѣй.

— Потому что я не гулять, а по дѣлу.

— Имущество у насъ общее, значитъ, и лошади общія, и вы это должны понимать, братецъ.

Наступило молчаніе. Яковъ не молился и ждалъ, когда отойдетъ отъ двери Матвѣй.

— Что же оно такое?—забормоталъ Матвѣй въ сильномъ смущеніи.—Что же оно такое? Братецъ,—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ,—я человѣкъ больной, не хочу я имѣнія, Богъ съ нимъ, владѣйте, но дайте хоть малую часть на пропитаніе въ моей болѣзни. Дайте, и я уйду.

Яковъ молчалъ. Ему очень хотѣлось, чтобы Матвѣй ушелъ, но дать денегъ онъ не могъ, такъ какъ всѣ деньги были при дѣлѣ, и всемъ роду Тереховыхъ не было еще примѣра, чтобы братья дѣлились; дѣлиться—разориться.

Яковъ молчалъ и все ждалъ, когда уйдетъ Матвѣй, и все смотрѣлъ на сестру, боясь, какъ бы она не вмѣшалась и не началась опять брань, какая была утромъ. Дождавшись, наконецъ, что Матвѣй ушелъ, онъ продолжалъ читать, но уже удовольствія не было, отъ земныхъ поклоновъ тяжелѣла голова и темнѣло въ гла-

захъ, и было скучно слышать свой тихій, заунывный голосъ. Что онъ читалъ, что Аглая пѣла и что лампадки горѣли — всего этого ему было уже мало и хотѣлось еще чего-то, но чего именно, понять онъ не могъ. Когда такой упадокъ духа бывалъ у него по ночамъ, то онъ объяснялъ его тѣмъ, что не было сна, днемъ же не зналъ, чѣмъ объяснить; это его пугало и начинало казаться ему, что на головѣ и на плечахъ у него сидятъ бѣсы.

Кончивъ кое-какъ часы, недовольный и сердитый, онъ поѣхалъ въ Шутейкино. Еще осенью землекопы рыли около *Прогонной* межевую канаву и прохарчили въ трактирѣ 18 рублей, и теперь нужно было застать въ Шутейкинѣ ихъ подрядчика и получить съ него эти деньги. Отъ тепла и метелей дорога испортилась, стала темною и ухабистою и мѣстами уже проваливалась; снѣгъ по бокамъ осѣлъ ниже дороги, такъ что приходилось ѣхать, какъ по узкой насыпи, и сворачивать при встрѣчахъ было очень трудно. Небо хмурилось еще съ утра и дулъ сырой вѣтеръ...

На встрѣчу ѣхалъ длинный обозъ: бабы везли кирпичъ. Яковъ долженъ былъ свернуть съ дороги; лошадь его вошла въ снѣгъ по брюхо, сани-одиночки накренились вправо и самъ онъ, чтобы не свалиться, согнулся влѣво и сидѣлъ такъ все время, пока мимо него медленно подвигался обозъ; онъ слышалъ сквозь вѣтеръ, какъ скрипѣли сани и дышали тощія лошади и какъ бабы говорили про него: «Богомоловъ ѣдетъ»,—а одна, поглядѣвъ съ жалостью на его лошадь, сказала быстро:

— Похоже, снѣгъ до Егорія пролежитъ. Замучились!

Яковъ сидѣлъ неудобно, согнувшись, и щурилъ глаза отъ вѣтра, а передъ нимъ все мелькали то лошади, то красный кирпичъ. И, быть можетъ, оттого, что ему было неудобно и болѣлъ бокъ, вдругъ ему стало досадно, и дѣло, по которому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему неважнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы въ Шутейкино послать завтра работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую безсонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который продавалъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, этого требуютъ правила торговли, но Яковъ почувствовалъ утомленіе оттого, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему еще надо читать вечерню. Вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо и шуршалъ въ воротникѣ и казалось, что это онъ нашептывалъ ему всѣ эти мысли, принося ихъ

съ широкаго бѣлаго поля... Глядя на это поле, знакомое ему съ дѣтства, Яковъ вспоминалъ, что точно такая же тревога и тѣ же мысли были у него въ молодые годы, когда на него находили мечтанія и колебалась вѣра.

Ему было жутко оставаться одному въ полѣ; онъ повернулъ назадъ и тихо поѣхалъ за обозомъ, а бабы смѣялись и говорили:

— Богомоловъ вернулся.

Дома, по случаю поста, ничего не варили и не ставили самовара, и день поэтому казался очень длиннымъ. Яковъ Иванычъ давно уже убралъ лошадь, отпустилъ муки на станцію и раза два принимался читать псалтырь, а до вечера все еще было далеко. Аглая вымыла уже всѣ полы и, отъ нечего дѣлать, убирала у себя въ сундукѣ, крышка котораго извнутри была вся оклеена ярлыками съ бутылокъ. Матвѣй, голодный и грустный, сидѣлъ и читалъ, или же подходилъ къ голландской печкѣ и подолгу осматривалъ изразцы, которые напоминали ему заводъ. Дашутка спала, потомъ, проснувшись, пошла поить скотину. У нея, когда она доставала воду изъ колодца, оборвалась веревка и ведро упало въ воду. Работникъ сталъ искать багоръ, чтобы вытащить ведро, а Дашутка ходила за нимъ по грязному снѣгу, босая, съ красными, какъ у гусыни, ногами и повторяла: «Тамъ глыбя!» Она хотѣла сказать, что въ колодцѣ глубже, чѣмъ можетъ достать багоръ, но работникъ не понималъ ея и, очевидно, она надоѣла ему, такъ какъ онъ вдругъ обернулся и выбранилъ ее нехорошими словами. Яковъ Иванычъ, вышедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длинною, отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактирѣ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамница?—крикнулъ онъ ей и даже испугался.— Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣніемъ, тупо, не понимая, почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленіе, но она показалась ему дикою, темною и въ первый разъ за все время, пока она была у него, онъ вспомнилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ яными мужиками, съ бранью представилась ему такою же дикой темной, какъ эта дѣвушка, и, вмѣсто того, чтобы читать ей наавленіе, онъ только махнулъ рукой. Въ это время опять пришли Матвѣю жандармъ и Сергѣй Никанорычъ. Яковъ Иванычъ вспоилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ сколько не безпокоитъ, и жизнь стала казаться ему странною, умною и безпросвѣтною, какъ у собаки; онъ безъ шапки про-

шелся по двору, потомъ вышелъ на дорогу и ходилъ, сжавъ кулаки,—въ это время пошелъ снѣгъ хлопьями,—борода у него развѣвалась по вѣтру, онъ все встряхивалъ головой, такъ какъ что-то давило ему голову и плечи, будто сидѣли на нихъ бѣсы, и ему казалось, что это ходитъ не онъ, а какой-то звѣрь, громадный, страшный звѣрь, и что если онъ закричитъ, то голосъ его пронесется ревомъ по всему полю и лѣсу и испугаетъ всѣхъ...

V.

Когда онъ вернулся въ домъ, жандарма уже не было, а буфетчикъ сидѣлъ въ комнатѣ Матвѣя и считалъ что-то на счетахъ. Онъ и раньше часто, почти каждый день, бывалъ въ трактирѣ; прежде ходилъ къ Якову Иванычу, а въ послѣднее время къ Матвѣю. Онъ все считалъ на счетахъ и при этомъ лицо его напрягалось и потѣло, или просилъ денегъ, или, разглаживая бакены, разсказывалъ о томъ, какъ когда-то на первоклассной станціи онъ приготовлялъ для офицеровъ крюшонъ и на парадныхъ обѣдахъ самъ разливалъ стерляжью уху. На этомъ свѣтѣ его ничто не интересовало, кромѣ буфетовъ, и умѣлъ онъ говорить только о кушаньяхъ, сервировкахъ, винахъ. Однажды, подавая чай молодой женщинѣ, которая кормила грудью ребенка, и желая сказать ей что-нибудь пріятное, онъ выразился такъ:

— Грудь матери, это—буфетъ для младенца.

Считая на счетахъ въ комнатѣ Матвѣя, онъ просилъ денегъ, говорилъ, что на *Прогонной* ему уже нельзя жить, и нѣсколько разъ повторилъ такимъ тономъ, какъ будто собирался заплакать:

— Куда же я пойду? Куда я теперь пойду, скажите на милость?

Потомъ Матвѣй пришелъ въ кухню и сталъ чистить вареный картофель, который онъ припряталъ, вѣроятно, со вчерашняго дня. Было тихо и Якову Иванычу показалось, что буфетчикъ ушелъ. Давно уже была пора начинать вечерню; онъ позвалъ Аглаю и, думая, что въ домѣ нѣтъ никого, запѣлъ безъ стѣсненія, громко. Онъ пѣлъ и читалъ, но мысленно произносилъ другія слова: «Господи, прости! Господи, спаси!»—и одинъ за другимъ, не переставая, клалъ земные поклоны, точно желая утомить себя, и все встряхивалъ головой, такъ что Аглая смотрѣла на него съ удивленіемъ. Онъ боялся, что войдетъ Матвѣй, и былъ увѣренъ, что онъ войдетъ, и чувствовалъ противъ него злобу, которой не могъ одолѣть ни молитвой, ни частыми поклонами. Онъ во всемъ обвинялъ теперь только одного Матвѣя; но ему казалось, что братъ

смутилъ его не словами, а тѣмъ, что, мѣшая ему молиться, нарушалъ благоговѣніе и, такимъ образомъ, дѣлалъ его молитву неугодною Богу.

Матвѣй тихо-тихо отворилъ дверь и вошелъ въ молельную.

— Грѣхъ, какой грѣхъ! — сказалъ онъ укоризненно и вздохнулъ. — Покайтесь! Опомнитесь, братецъ!

Яковъ Иванычъ, сжавъ кулаки, не глядя на него, чтобы не ударить, быстро вышелъ изъ молельной. Такъ же, какъ давеча на дорогѣ, чувствуя себя громаднымъ, страшнымъ звѣремъ, онъ прошелъ черезъ сѣни въ сѣрую, грязную, пропитанную туманомъ и дымомъ половину, гдѣ обыкновенно мужики пили чай, и тутъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, тяжело ступая, такъ что звенѣла посуда на полкахъ и шатались столы. Ему уже было ясно, что самъ онъ недоволенъ своею вѣрой и уже не можетъ молиться попрежнему. Надо было каяться, надо было опомниться, образумиться, жить и молиться какъ-то иначе; а, можетъ быть, все это только смущаетъ бѣсъ и ничего этого не нужно... Какъ быть? Что дѣлать? Кто можетъ научить? Какая безпомощность! Онъ остановился и, взявшись за голову, сталъ думать, но то, что близко находился Матвѣй, мѣшало ему покойно соображать. И онъ быстро пошелъ въ комнаты, чтобы выгнать брата изъ дому.

Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ передъ чашкой съ картофелемъ и ѣлъ. Тутъ же около печи сидѣли другъ противъ друга Аглая и Дашутка и мотали нитки. Между печью и столомъ, за которымъ сидѣлъ Матвѣй, была протянута гладильная доска; на ней стоялъ холодный утюгъ.

— Сестрица, — попросилъ Матвѣй, — позвольте мнѣ маслеца!

— Кто же въ такой день масло ѣстъ? — спросила Аглая.

— Я, сестрица, не монахъ, а мірянинъ. А по слабости здоровья мнѣ не то что масло, даже молоко можно.

— Да, у васъ на заводѣ все можно.

Аглая достала съ полки бутылку съ постнымъ масломъ и поставила ее передъ Матвѣемъ, сердито стукнувъ, съ злорадною улыбкой, очевидно, довольная, что онъ такой грѣшникъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ онъ.

Аглая и Дашутка вздрогнули, а Матвѣй, точно не слышалъ, налъ себѣ масла въ чашку и продолжалъ ѣсть.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! — крикнулъ онъ еще громче, покраснѣлъ весь и вдругъ схватилъ чашку, нялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ о-земь, такъ что

полетѣли черепки.—Не смѣй говорить!—крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова.—Не смѣй!—повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! — сказалъ онъ, продолжая жевать.— Братецъ, опомнитесь!

— Вонъ изъ моего дома сію же минуту! — крикнулъ Яковъ; ему были противны и его морщинистое лицо, и голосъ, и крошки на усахъ, и то, что онъ жуетъ.— Вонъ, тебѣ говорятъ!

— Братецъ, уймитесь! Васъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи, дьяволъ!

— Вы, ежели желаете знать,—продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться, — вы богоотступникъ и еретикъ! Бѣсы окаянные заслонили отъ васъ истинный свѣтъ, ваша молитва не угодна Богу! Покайтесь, пока не поздно! Смерть грѣшника люта! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что-жь оно такое? Что-жь оно такое?» —и, упираясь, дѣлая усилія, чтобы высвободиться изъ рукъ Якова, нечаянно ухватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ, а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавистнаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ; Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе оттого, что бутылка, ударившись о голову, крякнула, какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнилъ очень хорошо) указалъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ, и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачъ Дашутки, и когда съ шумомъ упала гладильная доска и на нее грузно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что̀ произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ!— съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились.—Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, произнося съ каждымъ поклономъ: «гамъ! гамъ!» Но ничто не было такъ страшно для Якова, какъ вареный картофель въ крови, на который онъ боялся наступить, и было еще нѣчто страшное, что угнетало

его, какъ тяжкій сонъ, и казалось самымъ опаснымъ и чего онъ никакъ не могъ понять въ первую минуту. Это былъ Сергѣй Никанорычъ, который стоялъ на порогѣ со счетами въ рукахъ, очень блѣдный, и съ ужасомъ смотрѣлъ на то, что̀ происходило въ кухнѣ. Только когда онъ повернулся и быстро пошелъ въ сѣни, а оттуда наружу, Яковъ понялъ, кто это, и пошелъ за нимъ.

Вытирая на ходу руки о снѣгъ, онъ соображалъ. Промелькнула мысль о томъ, что работникъ отпросился ночевать къ себѣ въ деревню и ушелъ уже давно; вчера рѣзали свинью, и громадныя кровяныя пятна были на снѣгу, на саняхъ и даже одна сторона колодезнаго сруба была обрызгана кровью, такъ что если бы теперь вся семья Якова была въ крови, то это не могло бы показаться подозрительнымъ. Скрывать убійство было бы мучительно, но то, что явится со станціи жандармъ, который будетъ посвистывать и насмѣшливо улыбаться, придутъ мужики и крѣпко свяжутъ руки Якову и Аглаѣ и съ торжествомъ поведутъ ихъ въ волость, а оттуда въ городъ, и дорогой всѣ будутъ указывать на нихъ и весело говорить: «Богомоловыхъ ведутъ!» — это представлялось Якову мучительнѣе всего и хотѣлось протянуть какъ-нибудь время, чтобы пережить этотъ срамъ не теперь, а когда-нибудь послѣ.

— Я вамъ могу одолжить тысячу рублей...— сказалъ онъ.— Если вы кому скажете, то отъ этого никакой пользы... а человѣка все равно не воскресишь,—и, едва поспѣвая за буфетчикомъ, каторый не оглядывался и старался идти все скорѣе, онъ продолжалъ:—И полторы тысячи могу дать...

Онъ остановился, потому что запыхался, а Сергѣй Никанорычъ пошелъ дальше все такъ же быстро, вѣроятно, боясь, чтобы его также не убили. Только миновавъ переѣздъ и пройдя половину шоссе, которое вело отъ переѣзда до станціи, онъ мелькомъ оглянулся и пошелъ тише. На станціи и но линіи уже горѣли огни, красные и зеленые; вѣтеръ утихъ, но снѣгъ все еще сыпался хлопьями, и дорога опять побѣлѣла.

VI.

Въ десятомъ часу, когда было уже совсѣмъ темно, послыша-ь шаги; кто-то быстро вошелъ во дворъ и, походивъ около до- постучался въ окно: тукъ-тукъ-тукъ... Яковъ, сидѣвшій въ яхъ и ждавшій каждую минуту, что со станціи придутъ жан-мъ и рабочіе, похолодѣлъ.

— Кто тамъ? — крикнулъ онъ громко, не своимъ голосомъ.

— Я... Не безпокойтесь, Яковъ Иванычъ.

Это былъ Сергѣй Никанорычъ.

— Вы давеча обѣщали,—проговорилъ онъ тихо, не рѣшаясь войти въ сѣни, и слышно было, какъ у него дрожало дыханіе и стучали зубы,—вы обѣщали одолжить... Такъ вотъ, я, того... Вы принесите, а я подожду тамъ... за дворомъ.

Проговорилъ это и ушелъ. Значитъ, объ убійствѣ еще не знали на станціи.

Деньги Якова Иваныча частью лежали въ городскомъ банкѣ, частью были розданы подъ вторыя закладныя, а дома у себя онъ держалъ немного, только то, что нужно было для оборота. Войдя въ кухню, онъ нащупалъ жестянку со спичками и, пока синимъ огнемъ горѣла сѣра, успѣлъ разглядѣть, что Матвѣй лежалъ попрежнему на полу около стола, но уже былъ накрытъ бѣлою простыней, и были видны только его сапоги. Кричалъ сверчокъ. Аглаи и Дашутки не было въ комнатахъ: обѣ онѣ сидѣли въ чайной за прилавкомъ и молча мотали нитки. Яковъ Иванычъ съ лампочкой прошелъ къ себѣ въ комнату и вытащилъ изъ-подъ кровати сундучокъ, въ которомъ держалъ расхожія деньги. Въ этотъ разъ набралось всего четыреста двадцать однѣми мелкими бумажками и серебра на тридцать пять рублей; отъ бумажекъ шелъ нехорошій, тяжелый духъ. Забравъ деньги въ шапку, Яковъ Иванычъ вышелъ на дворъ, потомъ за ворота... Онъ шелъ и глядѣлъ по сторонамъ, но буфетчика не было.

— Гопъ! —крикнулъ Яковъ.

У самаго переѣзда отъ шлагбаума отдѣлилась темная фигура и нерѣшительно пошла къ нему.

— Что́ вы все ходите и ходите? —проговорилъ Яковъ съ досадой, узнавъ буфетчика.—Вотъ вамъ: тутъ немного не хватило до пятисотъ... Дома нѣтъ больше.

— Хорошо... Очень вамъ благодаренъ, — бормоталъ Сергѣй Никанорычъ, хватая деньги съ жадностью и запихивая ихъ въ карманы; онъ весь дрожалъ и это было замѣтно, несмотря на потемки.—А вы, Яковъ Иванычъ, будьте покойны... Къ чему мнѣ болтать? Мое дѣло такое, я былъ да ушелъ... Какъ говорится, знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю...—и тутъ же добавилъ со вздохомъ: —Жизнь проклятая!

Минуту стояли молча, не глядя другъ на друга.

— Такъ это у васъ, изъ пустяковъ, Богъ его знаетъ какъ...— сказалъ буфетчикъ, дрожа.—Сижу я, считаю себѣ и вдругъ шумъ... Гляжу въ дверь, а вы изъ-за постнаго масла... Гдѣ онъ теперь?

— Лежитъ тамъ въ кухнѣ.

— Вы бы его свезли куда... Что ждать? Вы, Яковъ Иванычъ, свезите его въ Лимаровскій лѣсъ... Оставьте тамъ на дорогѣ, а потомъ скажете, что онъ ушелъ въ Веденяпино... Подумаютъ на прохожихъ... Право...

Яковъ проводилъ его до станціи молча, потомъ вернулся домой и запрегъ лошадь, чтобы везти Матвѣя въ Лимарово. Онъ зналъ, что этимъ никого не обманешь, но двигаться, дѣлать что-нибудь, хлопотать было не такъ мучительно, какъ сидѣть и ждать. Онъ кликнулъ Дашутку и вмѣстѣ съ ней повезъ Матвѣя. А Аглая осталась убирать въ кухнѣ.

Когда Яковъ и Дашутка возвращались назадъ, ихъ задержалъ у переѣзда опущенный шлагбаумъ. Шелъ длинный товарный поѣздъ, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая изъ поддувалъ снопы багроваго огня. На переѣздѣ въ виду станціи передній локомотивъ издалъ пронзительный свистъ.

— Свиститъ...—проговорила Дашутка.

Поѣздъ, наконецъ, прошелъ и сторожъ не спѣша поднялъ шлагбаумъ.

— Это ты, Яковъ Иванычъ?—спросилъ онъ.—Не узналъ, богатымъ быть.

А потомъ, когда пріѣхали домой, надо было спать. Аглая и Дашутка легли рядомъ, постлавши себѣ въ чайной на полу, а Яковъ расположился на прилавкѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, Богу не молились и лампадъ не зажигали. Всѣ трое не спали до самаго утра, но не промолвили ни одного слова, и казалось имъ всю ночь, что наверху въ пустомъ этажѣ кто-то ходитъ.

Черезъ два дня пріѣхали изъ города становой приставъ и слѣдователь и сдѣлали обыскъ сначала въ комнатѣ Матвѣя, потомъ во всемъ трактирѣ. Допрашивали перваго Якова, и онъ показалъ, что Матвѣй въ понедѣльникъ подъ вечеръ ушелъ въ Веденяпино говѣть и что, должно быть, дорогой его убили пильщики, работающіе теперь по линіи. А когда слѣдователь спросилъ его, почему же такъ случилось, что Матвѣя нашли на дорогѣ, а шапка его оказа-сь дома,—развѣ онъ пошелъ въ Веденяпино безъ шапки? И поче-г около него на дорогѣ на снѣгу не нашли ни одной капли крови . то время, какъ голова у него была проломлена, и лицо, и грудь ли черны отъ крови, Яковъ смутился, растерялся и отвѣтилъ:

— Не могу знать.

И произошло именно то, чего такъ боялся Яковъ: приходилъ дармъ, урядникъ курилъ въ молельной и Аглая набросилась на

него съ бранью и нагрубила становому приставу, и когда потомъ Якова и Аглаю вели со двора, у воротъ стояли мужики и говорили: «Богомолова ведутъ!»—и Аглая кричала громкимъ, визгливымъ голосомъ почти всю дорогу, то бранясь, то причитывая, какъ по покойникѣ. И въ деревняхъ, черезъ которыя они проходили, народъ тоже говорилъ: «Богомолова ведутъ!»—и казалось, что всѣ были рады.

Жандармъ на допросѣ высказалъ предположеніе, что Яковъ убилъ Матвѣя, чтобы не дѣлиться съ нимъ, и удостовѣрилъ, что у Матвѣя были свои деньги, и если ихъ не оказалось при обыскѣ, то, очевидно, ими воспользовались Яковъ и Аглая. Дашутка показала, что дядя Матвѣй и тетка Аглая каждый день бранились и чуть не дрались изъ-за денегъ, а дядя былъ богатый, такъ какъ онъ даже какой-то своей душенькѣ подарилъ девятьсотъ рублей.

Дашутка осталась въ трактирѣ одна; никто ужь не приходилъ пить чай и водку, и она то убирала въ комнатахъ, то пила медъ и ѣла баранки; но черезъ нѣсколько дней допрашивали сторожа на переѣздѣ, и онъ сказалъ, что въ понедѣльникъ поздно вечеромъ видѣлъ, какъ Яковъ ѣхалъ съ Дашуткой изъ Лимарова. Дашутку тоже арестовали, повели въ городъ и посадили въ острогъ. Вскорости, со словъ Аглаи, стало извѣстно, что во время убійства присутствовалъ Сергѣй Никанорычъ; у него сдѣлали обыскъ и нашли деньги въ необычномъ мѣстѣ, въ валенкѣ подъ печкой, и деньги все были мелкія, однѣхъ рублевыхъ бумажекъ было триста. Онъ божился, что эти деньги онъ наторговалъ и что въ трактирѣ онъ не былъ уже болѣе года, а свидѣтели показали, что онъ былъ бѣденъ и въ послѣднее время сильно нуждался въ деньгахъ, и ходилъ въ трактиръ каждый день, чтобы взять у Матвѣя въ займы, и жандармъ разсказалъ, какъ въ день убійства самъ онъ два раза ходилъ съ буфетчикомъ въ трактиръ, чтобы помочь ему сдѣлать заемъ. Вспомнили кстати, что въ понедѣльникъ вечеромъ Сергѣй Никанорычъ не выходилъ къ товаро-пассажирскому поѣзду, а уходилъ куда-то. И его тоже арестовали и отправили въ городъ.

Черезъ восемь мѣсяцевъ былъ судъ. Яковъ Иванычъ сильно постарѣлъ, похудѣлъ и говорилъ уже тихо, какъ больной. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, жалкимъ, ниже всѣхъ ростомъ, и было похоже на то, какъ будто отъ мученій совѣсти и мечтаній, которыя не покидали его и въ тюрьмѣ, душа его такъ же постарѣла и отощала, какъ тѣло. Когда зашла рѣчь о томъ, что онъ не ходилъ въ церковь, предсѣдатель спросилъ его:

— Вы раскольникъ?

— Не могу знать,—отвѣтилъ онъ.

Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра была ему теперь противна и казалась неразумной, темной. Аглая не смирилась нисколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя, обвиняя его во всѣхъ несчастіяхъ. У Сергѣя Никанорыча на мѣстѣ бакеновъ выросла борода; на судѣ онъ потѣлъ, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Онъ неловко оправдывался и, желая доказать, что въ трактирѣ онъ не былъ цѣлый годъ, вступалъ въ споръ съ каждымъ свидѣтелемъ, и публика смѣялась надъ нимъ. Дашутка, пока была въ тюрьмѣ, пополнѣла; на судѣ она не понимала вопросовъ, которые задавали ей, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего.

Всѣ четверо были признаны виновными въ убійствѣ съ корыстною цѣлью. Яковъ Иванычъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на двадцать лѣтъ, Аглая — на тринадцать съ половиной, Сергѣй Никанорычъ—на десять, Дашутка—на шесть.

VII.

На Дуэскомъ рейдѣ на Сахалинѣ поздно вечеромъ остановился иностранный пароходъ и потребовалъ угля. Просили командира подождать до утра, но онъ не пожелалъ ждать и одного часа, говоря, что если за ночь погода испортится, то онъ рискуетъ уйти безъ угля. Въ Татарскомъ проливѣ погода можетъ рѣзко измѣниться въ какіе-нибудь полчаса, и тогда сахалинскіе берега становятся опасны. А уже свѣжѣло и разводило порядочную волну.

Изъ Воеводской тюрьмы, самой неприглядной и суровой изъ всѣхъ сахалинскихъ тюремъ, ногнали въ рудникъ партію арестантовъ. Предстояло нагружать углемъ баржи, затѣмъ тащить ихъ на буксирѣ парового катера къ борту парохода, который стоялъ болѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ берега, и тамъ должна была начаться перегрузка — мучительная работа, когда баржу бьетъ о пароходъ и ...очіе едва держатся на ногахъ отъ морской болѣзни. Каторжные, ...лько что поднятые съ постелей, сонные, шли по берегу, спотыкаясь въ потемкахъ и звеня кандалами. Налѣво былъ едва видѣнъ ...сокій крутой берегъ, чрезвычайно мрачный, а направо была ...ошная, безпросвѣтная тьма, въ которой стонало море, издавая ...тяжный, однообразный звукъ: «а... а... а... а...», и только ...да надзиратель закуривалъ трубку и при этомъ мелькомъ освѣ-

щался конвойный съ ружьемъ и два-три ближайшихъ арестанта съ грубыми лицами, или когда онъ подходилъ съ фонаремъ близко къ водѣ, то можно было разглядѣть бѣлые гребни переднихъ волнъ.

Въ этой партіи находился Яковъ Иванычъ, прозванный на каторгѣ Вѣникомъ за свою длинную бороду. По имени и отчеству его давно уже никто не величалъ, а звали просто Яшкой. Былъ онъ здѣсь на плохомъ счету, такъ какъ мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобѣдимую тоску по родинѣ, онъ поддался искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорокъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено. Онъ не переставалъ чувствовать тоску по родинѣ. Началась она у него съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ его везли въ Одессу и арестантскій поѣздъ остановился ночью на *Прогонной,* и Яковъ, припавъ къ окну, старался увидѣть родной дворъ и ничего не увидѣлъ впотьмахъ.

Не съ кѣмъ было поговорить о родной сторонѣ. Сестру Аглаю отправили на каторгу черезъ Сибирь, и не было извѣстно, гдѣ *она* теперь. Дашутка была на Сахалинѣ, но ее отдали какому-то поселенцу въ сожительницы, въ дальнее селеніе; слуховъ о ней не было никакихъ и разъ только одинъ поселенецъ, попавшій въ Воеводскую тюрьму, разсказывалъ Якову, будто Дашутка имѣла уже троихъ дѣтей. Сергѣй Никанорычъ служилъ лакеемъ у чиновника тутъ же не далеко, въ Дуэ, но нельзя было разсчитывать повидаться съ нимъ когда-нибудь, такъ какъ онъ стыдился знакомства съ каторжными изъ простого званія.

Партія пришла въ рудникъ и расположилась на пристани. Говорили, что нагрузки не будетъ, такъ какъ погода все портится и пароходъ будто бы собирается уходить. Видно было три огня. Одинъ изъ нихъ двигался: это—паровой катеръ ходилъ къ пароходу и теперь, кажется, уже возвращался, чтобы сообщить, будетъ работа или нѣтъ. Дрожа отъ осенняго холода и морской сырости, кутаясь въ свой короткій, рваный полушубокъ, Яковъ Иванычъ пристально, не мигая, смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была родина. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ въ одной тюрьмѣ вмѣстѣ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ,—съ русскими, хохлами, татарами, грузинами, китайцами, чухной, цыганами, евреями, и съ тѣхъ поръ, какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось, что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его

родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только одно, почему жребій людей такъ различенъ, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти, у него трясутся, какъ у пьяницы, руки и ноги? Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что сквозь тысячи верстъ этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ родную губернію, свой уѣздъ, *Прогонную,* видитъ темноту, дикость, безсердечіе и тупое, суровое, скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все смотрѣлъ вдаль, гдѣ еле-еле свѣтились блѣдные огни парохода, и сердце щемило отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, разсказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ погибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день.

Катеръ пришелъ, и надзиратель объявилъ громко, что нагрузки не будетъ.

— Назадъ!—скомандовалъ онъ.—Смирно!

Было слышно, какъ на пароходѣ убирали якорную цѣпь. Дулъ уже сильный, пронзительный вѣтеръ и гдѣ-то вверху на крутомъ берегу скрипѣли деревья. Вѣроятно, начинался штормъ.

Антонъ Чеховъ.

Эпипсихидіонъ.

Поэма Перси Биши Шелли.

Стихи, посвященные благородной и несчастной леди Эмиліи В., нынѣ заточенно въ монастырь св. Анны, въ Пизѣ.

L'anima amante si slancia fuori del creato, e si crea nel infinito un Mondo tutto per essa, diverso assai da questo oscuro e pauroso baratro.

Любящая душа устремляется за предѣлы созданнаго и создаетъ себѣ въ безконечности міръ, всецѣло ей одной принадлежащій и совершенно отличный отъ этой темной бездны, полной ужасовъ.

Ея собственныя слова.

1821 г.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Поэма Шелли *Эпипсихидіонъ* является геніальнымъ гимномъ любви. Въ то время, какъ десятки и сотни поэтовъ, воспѣвая любовь, создаютъ эротическія стихотворенія, гдѣ человѣкъ остается человѣкомъ, гдѣ чувство любви отличается вполнѣ земнымъ характеромъ, Шелли наравнѣ съ средневѣковыми итальянцами понимаетъ любовь, какъ синонимъ благородства, связываетъ это чувство съ гуманитарною утонченностью. Въ любви онъ стремится къ сліянію съ міровою красотой, съ тою незримою, но универсальною силой (some unseen Power), которая освящаетъ все, къ чему ни прикоснется.

Поэма *Эпипсихидіонъ* была написана за полтора года до смерти Шелли, и внѣшній толчекъ къ ней данъ былъ знакомствомъ съ молодою дѣвушкой, итальянкой, графиней Эмиліей Вивіани. Живя осенью 1820 года въ Пизѣ, Шелли познакомился съ однимъ чрезвычайно типичнымъ аббатомъ-вольтеріанцемъ, профессоромъ Паккіани. Этотъ «il diavolo Pacchiani», какъ его называли въ Пизѣ, былъ духовникомъ благородной фамиліи Вивіани и однажды разсказалъ Шелли слѣдующее. Графъ Вивіани женился вторично и, не желая держать въ домѣ двухъ своихъ дочерей, которыя были немного моложе мачихи, заточилъ ихъ, каждую порознь, въ монастырь, подъ

предлогомъ завершенія ихъ воспитанія. Старшая дѣвушка, Тереза Эмилія, уже въ теченіе двухъ лѣтъ томилась въ монастырѣ св. Анны. «Бѣдняжка,— говорилъ Паккіани, — она тоскуетъ, какъ птичка въ клѣткѣ. Будучи созданa для любви, она находится въ тюрьмѣ». Шелли, энтузіастъ свободы и женственности, понятно, былъ крайне заинтересованъ несчастною дѣвушкой и, благодаря посредничеству Паккіани, познакомился съ ней. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ друзей Шелли, Медвинъ: «Она была дѣйствительно изящна и интересна. Ея пышные черные волосы были убраны самымъ неприхотливымъ образомъ, точно волосы какой-нибудь греческой музы, оставляя открытымъ высокій лобъ, прекрасный и чистый, какъ мраморъ... Въ чертахъ ея лица была рѣдкостная безукоризненность, профиль отличался почти античною красотой. Ея глаза напоминали глаза Беатриче Ченчи, если не цвѣтомъ, то сонною, лѣнивою страстностью. Дѣйствительно, ихъ цвѣтъ былъ совершенно неопредѣленнымъ, онъ мѣнялся согласно съ перемѣной настроенія, темнѣлъ и свѣтлѣлъ, смотря по тому, чѣмъ оживлялась ея душа. Щеки ея также были мраморно-блѣдными, благодаря заключенію и недостатку воздуха или, быть можетъ, благодаря *мысли*» (*The Life of P. B. Shelley,* by E. Dowden, Vol. II, 371). Шелли полюбилъ Эмилію въ тотъ самый моментъ, когда увидалъ,—полюбилъ не какъ существо, которымъ желаешь обладать, а такъ, какъ всѣ мы любили,—въ лучшіе моменты нашей жизни,— синее небо, шорохъ листьевъ, симфонію Бетховена или картину Мурильо. Одновременно съ поэтомъ два дорогія ему женскія существа, Мэри Годвинъ и Клэра Клэрмонтъ, прониклись такою же горячею любовью къ очаровательной Эмиліи. «Я думаю, что у нея большой талантъ, если не геній,—говорила Мэри,—еслибъ у нея не было внутренняго источника, какъ могла бы она пріобрѣсти это мастерство языка или эти идеи, такъ возвышающія ее надъ уровнемъ другихъ итальянцевъ?» Эмилія писала краснорѣчивыя письма, стихи, хорошо знала великихъ поэтовъ Италіи и, не будучи знакома съ Платономъ, писала о платонической любви прекрасныя страницы, свидѣтельствующія о необыкновенной деликатности чувства и благородствѣ мысли. Шелли и Мэри посылаютъ узницѣ книги, *Corinne*, *La Nouvelle Héloïse,* обмѣниваются письмами, цвѣтами. Мистрисъ Шелли получаетъ названіе «милой дорогой сестры» и «обожаемой Мэри» въ пламенныхъ письмахъ Эмиліи, написанныхъ на самомъ изысканномъ итальянскомъ языкѣ. Поэтъ получаетъ названіе «чуткаго» (sensibile Percy), дѣлается ея «дорогимъ братомъ» (caro fratello) и «обожаемымъ супругомъ» (adorato sposo), причемъ послѣдній терминъ нужно, конечно, [по]нимать въ утонченномъ трансцендентальномъ смыслѣ. Одно небольшое [пи]сьмо можетъ отчасти охарактеризовать тѣ отношенія, которыя связывали [Эми]лію съ великимъ англійскимъ поэтомъ, хотя, при переводѣ этихъ строкъ [на] другой языкъ, они, конечно, въ значительной степени утрачиваютъ не[уло]вимое вѣяніе грустной, трогательной женственности: «Дорогой другъ мой, [я] дѣйствительно несчастна! Вотъ судьба! Я глубоко страдаю и являюсь [при]чиной тысячи огорченій для другихъ. О, Боже! Не лучше ли было бы

мнѣ умереть? Я перестала бы страдать или, по крайней мѣрѣ, перестала бы доставлять страданіе другимъ. Теперь я предметъ ненависти для другихъ и для самой себя. Я доставляю огорченіе самымъ дорогимъ и самымъ благороднымъ людямъ. О, несравненный другъ мой, angelica creatura, думали ли вы когда-нибудь, что я должна буду причинить вамъ столько терзаній? Вотъ видите, съ кѣмъ вамъ пришлось столкнуться! Простите меня, другъ мой, простите меня». Вскорѣ послѣ знакомства съ Шелли Эмилія Віани получила возможность оставить монастырь, но дальнѣйшая ея судьба еще болѣе несчастна. Она вышла замужъ за одного молодого итальянца, прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ въ безпрерывныхъ раздорахъ, розошлась съ нимъ окончательно, поселилась одна въ полуразрушенномъ пустынномъ домѣ, гдѣ вѣтеръ, вѣющій съ Аппенинскихъ горъ, могъ свободно гулять по комнатамъ, и здѣсь умерла отъ скоротечной чахотки. На своемъ смертномъ ложѣ она вспоминала объ умершемъ поэтѣ и плакала о немъ горькими слезами.

«*Эпипсихидіонъ* — мистерія, — говорилъ Шелли въ одномъ изъ своихъ писемъ.—Что касается плоти и крови, вы знаете, что я не имѣю съ ними ничего общаго; вы могли бы съ такимъ же успѣхомъ обратиться въ какую-нибудь винную лавочку, чтобы получить баранью ногу, какъ ожидать отъ меня чего-нибудь человѣческаго и земного... Нѣкоторые изъ насъ, въ своемъ прежнемъ существованіи, любили Антигону, и потому не могутъ больше находить полнаго удовлетворенія ни въ одной смертной связи... Я думаю написать свой *Пиръ,* чтобы объяснить все это». Дѣйствительно, *Эпипсихидіонъ* нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ, какъ всѣ крупныя поэтическія созданія. «Эта поэма, — говоритъ Тодгёнтеръ (*Study of Shelley*, by J. Todhunter, 235), — является романомъ внѣ времени и пространства — пѣснью стихійнаго духа, заключеннаго, какъ въ тюрьмѣ, въ этой «хрупкой вселенной» и извѣстнаго среди людей подъ именемъ Шелли,— духа, котораго всякая смертная любовь должна была оставить неудовлетвореннымъ». Поэтому онъ всею душой тяготѣетъ къ иной любви, къ эѳирному сверхчувственному сліянію съ тѣми избранными натурами, на комъ лежитъ отпечатокъ божественнаго свѣта, оставленный мимолетнымъ соприкосновеніемъ съ интеллектуальною силой, одухотворяющей весь міръ, съ безсмертнымъ Геніемъ Красоты (Spirit of Beauty). «Каждый отдѣльный образъ красоты долженъ быть разсматриваемъ просто *какъ* образъ, помогающій духу стать въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ вѣчнымъ Духомъ Красоты. Иначе то, что должно было бы являться только преддверіемъ, дѣлается гробницей. Каждая индивидуальная форма есть ничто иное, какъ одна изъ ступеней божественной лѣстницы Платона» (*Todhunter,* 239). Въ этомъ смыслѣ ни одна изъ женщинъ не можетъ представлять изъ себя въ любви того полнаго совершенства, котораго Шелли напрасно жаждалъ всю жизнь. Эмилія также не была желаннымъ совершенствомъ, потому что она была земною женщиной, но въ ней, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, отражалось *неземное;* отсюда — исключительный па-

ѳосъ любви къ ней, бывшей заблужденіемъ,—заблужденіемъ блестящимъ, создавшимъ одну изъ лучшихъ жемчужинъ поэзіи.

Эпипсихидіонъ полонъ личныхъ намековъ, но изъ субъективныхъ своихъ отношеній авторъ взялъ лишь то, что въ нихъ было *художественно-типическаго*. «Одна, вся полная отравы», чей взглядъ жжетъ и манитъ «изъ-подъ куста лазурной белладоны», является символомъ чувственной любви, не согрѣтой благороднымъ жаромъ души (Pandemian Venus платоновскаго *Пира*). Холодная Діана, чья любовь свѣтитъ, но не грѣетъ, подобно лунѣ, до извѣстной степени опредѣляетъ Мэри; ея любовь—ласковая, но нерѣдко слишкомъ холодная—должна была слишкомъ болѣзненно дѣйствовать на утонченную впечатлительность Шелли. То, что говорится о лунномъ затмѣніи и бурѣ, должно, по мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ, обозначать два трагическія событія въ жизни Шелли, о которыхъ нужно или говорить очень подробно, или не говорить совсѣмъ. «Чудно-дикая Комета» обозначаетъ страсть,—губительную, если она не связана съ любовью,—творчески-прекрасную, если она сочетается съ экстазомъ души.

Во второй половинѣ *Эпипсихидіона* Шелли придаетъ своей любви страстный характеръ жажды обладанія и, такимъ образомъ, отнимаетъ у своей поэмы платоническій элементъ, окрашивающій первую ея половину.

Будучи продиктована исключительнымъ настроеніемъ исключительной артистической натуры, поэма *Эпипсихидіонъ* затрогиваетъ одновременно умъ, сердце и фантазію. Кто любитъ поэзію, въ томъ она оставитъ впечатлѣніе неизгладимое.

К. Б.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ нижеслѣдующихъ стиховъ умеръ во Флоренціи, въ то время, какъ онъ приготовлялся къ путешествію въ одну изъ самыхъ дикихъ мѣстностей; онъ пріобрѣлъ ее въ собственность, возстановилъ руины стариннаго зданія и надѣялся осуществить здѣсь схему жизни, быть можетъ, согласную съ тѣмъ лучшимъ и болѣе счастливымъ міромъ, гдѣ онъ теперь, но врядъ ли осуществимую въ этомъ. Его жизнь была необычна, не столько въ силу романическихъ превратностей, ее отличавшихъ, сколько въ силу идеальной окраски, которую ей придали его характеръ и чувства. Настоящая поэма, также какъ *Vita Nuova* Данте, въ достаточной степени понятна для извѣстнаго класса читателей и безъ ознакомленія съ ея фактиою основой; для другого извѣстнаго класса читателей она вѣчно бу- непонятна, благодаря отсутствію общаго органа для познаванія идей, оторыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Но, во всякомъ случаѣ, «да будетъ стыдно т, кто, воспѣвая что-нибудь подъ покровомъ образа или риторическихъ ашеній и будучи спрошенъ, что̀ это значитъ, не съумѣлъ бы совлечь своихъ словъ это одѣяніе настолько, чтобы обнаружился ихъ истинный ълъ» (Gran vergogna sarebbe a colui, che rimasse cosa sotto veste di fi-

gura, o di colore rettorico: e domandato non sapesse denudare le sue parole da cotal veste, in guisa che avessero verace intendimento. Dante).

Настоящая поэма, согласно замыслу автора, должна была, повидимому, являться только посвященіемъ къ другой, болѣе обширной. Стихотворный отрывокъ, помѣщенный на слѣдующей страницѣ, представляетъ изъ себя почти дословный *) переводъ знаменитой канцоны Данте:

Voi, ch'intendendo, il terzo ciel movete, etc.

Притязательное примѣненіе заключительныхъ строкъ къ собственному произведенію, которое дѣлаетъ мой несчастный другъ, можетъ вызвать улыбку: пусть это будетъ улыбка не презрѣнія, а состраданія.

Шелли.

Мой гимнъ, я полонъ опасенья,
Что мало кто тебя какъ слѣдуетъ пойметъ,—
Въ тебѣ такъ много думъ и тайнаго значенья,
Ты—въ темномъ ульѣ скрытый медъ.
Но если ты придешь случайно
Къ тому, кто холодно посмотритъ на тебя,
Утѣшься, будь собой, мистическая тайна,
Живи всецѣло для себя.
Чтò значитъ для тебя чужихъ непониманье?
Заставь ихъ увидать, что въ ихъ душѣ темно,
И вынуди у нихъ признанье,
Что ты и красота—одно!

ЭПИПСИХИДІОНЪ.

О, нѣжный Духъ! Сестра той сироты,
Чье царство только въ имени условномъ!
Въ душѣ влюбленной, въ храмѣ безгрѣховномъ,
Сплетаю я поблекшіе цвѣты.
Прими гирлянды розъ обѣтованныхъ,
Воспоминаній блѣдныхъ и туманныхъ.

---

*) При переводѣ съ итальянскаго на англійскій, а съ англійскаго на русскій, эта „дословность", конечно, многое утратила; но я умышленно переводилъ этотъ отрывокъ съ англійскаго, потому что въ данномъ случаѣ важна не близость къ тексту Данте, а посильно-близкая передача того, что хочетъ сказать Шелли. *К. Б.*

О, птичка! Бѣдный плѣнный Соловей,
Ты плачешь въ клѣткѣ! Вздохъ тоски твоей
Такъ сладокъ, такъ плѣнителенъ для слуха,
Что могъ бы и тюремщиковъ смягчить,
Когда-бъ ихъ сердце не было такъ глухо.
Пусть этихъ словъ измѣнчивая нить
Для глазъ твоихъ сплетается букетомъ,
Они, мерцая, свѣтятъ Соловью;
Хотя они горятъ померкшимъ свѣтомъ,
Въ нихъ нѣтъ шиповъ, чтобъ ранить грудь твою.

Ты, сердце, окрыленное стремленьемъ!
Надъ жизнью повседневной и тупой
Парило ты заоблачнымъ видѣньемъ.
Теперь же, оскорбленное судьбой,
Ты тратишь безполезныя усилья,
Ты бьешься въ мертвомъ царствѣ душной тьмы,
О жесткую рѣшетку ранишь крылья,
Пятнаешь нѣжной кровью сводъ тюрьмы!
Я плачу, я къ тебѣ свой взоръ склоняю,
Хочу помочь, и какъ помочь—не знаю.

О, Духъ, небеснымъ призракамъ родной,
Сверхчувственная нѣжность Серафима!
Ты скрыла въ формѣ женщины земной
Все, что въ тебѣ для глазъ невыносимо
По яркости, любви и чистотѣ
И пламенно-безсмертной красотѣ!
Ты—Славы блескъ во мракѣ безконечномъ!
Святая Благодать въ Проклятьи вѣчномъ!
Луна превыше тучъ! Къ Добру ступень!
Звѣзда надъ Бурей! Въ царствѣ Смерти—День!
Ты—Лучъ, что гаснетъ, еле обнаружась!
Ты—чудный Сонъ, ты—Красота, ты—Ужасъ!
Гармонія Природы! Жизнь Мечты!
Ты—Зеркало, въ которомъ всѣ черты,
Всѣ формы блещутъ свѣтомъ отраженнымъ,
Все дышетъ и живетъ преображеннымъ!
А! Даже эти тусклыя слова,
Которыми тебя я затемняю,
Съ тобой соприкасаяся едва,

Блестятъ нежданно,—что̀ со мной, не знаю,
Въ себѣ самомъ я чувствую зарю,
Какъ молнія, сверкаю и горю.
Молю, взгляни безсмертными глазами
На этотъ гимнъ любви, на вздохъ больной,
Росой священной, чистыми слезами
Омой его отъ всей тщеты земной,
Рыдай надъ нимъ рыданіемъ кипучимъ,
Пока не станетъ скорбь восторгомъ жгучимъ,
Тогда взгляни съ улыбкой на него,—
И онъ навѣкъ останется пѣвучимъ,
Вкусившій отъ безсмертья твоего!

Не смѣлъ я ждать подобнаго блаженства,
Не думалъ, что увижу наяву
Тотъ сонъ, которымъ съ юности живу,
Такое воплощенье совершенства.
И я не въ царствѣ смерти? Я не сплю?
Эмилія! Люблю тебя! Люблю!
Я знаю, что мишурными словами
Никто не освятитъ моей любви,
Но ты сама ее благослови.
О, если бы мы были близнецами!
О, если-бъ ты была сестрою той,
Кто также свѣтитъ нѣжной красотой,
Кому я отдалъ сердце! Еслибъ сила
Моей любви могла васъ вмѣстѣ слить,
Какъ два луча единаго свѣтила!
Но я не знаю, какъ мнѣ говорить,
Какъ выразить всю преданность, всю нѣжность
Любви къ тебѣ кипучую безбрежность.
Я твой во всемъ, что чувствую, любя.
О, что̀ я! Нѣтъ, не твой: я—часть *тебя*.

Лампада ночи! Духъ мой неумѣлый,
Стремясь къ тебѣ, какъ жадный мотылекъ,
Въ любви своей безумной крылья сжегъ;
А то запѣлъ бы я, какъ лебедь бѣлый,
Когда онъ видитъ смерть. О, такъ любя,
Я жить въ вѣкахъ заставилъ бы тебя!
Скажи, не рождена ли ты для счастья

Любить и быть любимой навсегда?
Вѣдь, ты во тьмѣ вражды огонь участья?
Вѣдь, ты одна недвижная звѣзда
Среди небесъ, исполненныхъ движенья?
Ты нѣжный вздохъ средь криковъ раздраженья?
Блаженства гармоническій языкъ?
Особый міръ, гдѣ все необычайно?
Никѣмъ еще непознанная тайна?
Запечатлѣнный сладостный родникъ?
Прибѣжище, Восторгъ, Уединенье?
Святая Лютня, чей пѣвучій звукъ
Отъ черныхъ думъ, отъ самыхъ горькихъ мукъ
Даетъ бальзамъ цѣлебнаго забвенья?
Я цѣлый міръ фантазій прохожу,
Но всюду, вмѣсто свѣтлаго сравненья,
Лишь собственную слабость нахожу.

На жизненномъ пути средь жесткихъ терній
Она ко мнѣ, Чужому, подошла,
И нѣжно къ сладкой смерти увлекла,
Смѣнился яркимъ свѣтомъ часъ вечерній,
Печаль смѣнилась мирной тишиной,
Зима, уснувъ, проснулася Весной!
Когда газель, прислушавшись пугливо,
Застынетъ вся какъ будто въ чарахъ сна,
Она не такъ воздушна и красива,
Она не такъ плѣнительно-нѣжна.
Когда луна въ безвѣтренномъ пространствѣ
Сквозь облако проходитъ неспѣша,
Она не такъ свѣтла въ своемъ убранствѣ,
Какъ въ этомъ тѣлѣ свѣтлая душа.
Ея уста съ улыбкою румяной
Какимъ-то страстнымъ ропотомъ полны,
Какъ чашечки цвѣтовъ росой медвяной,
Въ сіяньи опьяняющей весны.
И эти звуки будятъ вздохъ отвѣтный
И кажутся туманной сказкой мнѣ,
Какъ дальній трепетъ музыки планетной,
Услышанной въ безумно-сладкомъ снѣ.
Въ глазахъ безсмертныхъ пляшутъ духи свѣта,
Безмолвная сверкаетъ глубина,

И тщетно разумъ ищетъ въ нихъ отвѣта,
И тонетъ чувство, тщетно ищетъ дна.
И таетъ воздухъ, дышетъ напряженно
Единымъ вездѣсущимъ Божествомъ,
И шепчетъ, проникаяся влюбленно
Ея движеньемъ, свѣтомъ и тепломъ.
И какъ по высямъ горъ воздушно-снѣжнымъ
Скользитъ румянцемъ юная заря,
Такъ въ этомъ тѣлѣ женственномъ и нѣжномъ
Краснѣетъ кровь, о жизни говоря.
Воздушныя трепещутъ очертанья,
Стремясь уйти на лоно Красоты,
Что льетъ во все, вездѣ, свое сіянье,
Чуть видное отъ высшей чистоты.
Одежды теплымъ дышутъ ароматомъ.
Живетъ волна распущенныхъ кудрей:
Озарены немеркнущимъ закатомъ,
Онѣ горятъ въ объятіяхъ лучей.
И если прядь одна освободится,
Струей отдѣльной въ воздухѣ блеснетъ,
Влюбленный вѣтеръ вкругъ нея томится,
Къ любимицѣ блестящей нѣжно льнетъ.
Смотри! Она стоитъ, и въ формѣ смертной
Ты видишь свѣтъ, и жизнь, и божество,
Ты видишь образъ пламенно-безсмертный,
Блаженства сверхземного торжество.
То высшій Свѣточъ, кормчій третьей сферы,
Предѣлъ всего, чѣмъ живо наше «я»,
То сонъ, что выше разума и мѣры,
Владыка волнъ тяжелыхъ бытія!

О, горе мнѣ! На что дерзнулъ я? Горе!
Куда я поднялся? Куда идти?
О, какъ мнѣ быть теперь въ такомъ просторѣ?
И какъ опять на землю путь найти?
Любовь равняетъ всѣхъ. Любя упорно,
Я въ сладость этой истины проникъ:
Я знаю, что червякъ подъ глыбой дерна,
Любя, въ своей любви, какъ Богъ, великъ.

Сестра! Супруга! Ангелъ! Свѣтъ надъ бездной!
Звѣзда ладьи, чей путь во тьмѣ беззвѣздной

Былъ такъ угрюмъ! Хочу тобой дышать!
Ты слишкомъ поздно стала мной любима,
Я слишкомъ скоро началъ обожать—
Тебя, мой кормчій, призракъ серафима!
Тебя я долженъ былъ бы повстрѣчать
Впервые тамъ, въ заоблачномъ пространствѣ,
Въ поляхъ безсмертья, въ свѣтлой полумглѣ,
Божественность въ божественномъ убранствѣ.
Тебя я долженъ былъ бы на землѣ
Сопровождать отъ самаго рожденья,
Какъ тѣнь, дрожать, склоняясь и любя,
Горѣть тобой, и жить, какъ отраженье;
Не какъ теперь... О, я люблю тебя!
Я чувствую въ своей душѣ влюбленной
Родникъ запечатлѣнныхъ чистыхъ водъ,
Онѣ трепещутъ жизнью полусонной
И для тебя проснутся въ свой чередъ.
Не созданы ли мы съ тобою оба,
Чтобъ слиться здѣсь въ единое звено,
Рука съ рукой идти до двери гроба?
И развѣ намъ, скажи, не суждено
Предстать четой двухъ звуковъ гармоничныхъ,
Живущихъ внѣ вражды, хотя различныхъ,
Исполниться дыханьемъ красоты,
Въ сліяніи восторженномъ и гордомъ,
Звучать такимъ магическимъ аккордомъ,
Чтобъ, слыша насъ, всѣ духи, какъ листы
Подъ вѣтромъ безпрерывнымъ, трепетали,
Подъ блескомъ звуковъ бились и блистали?

Твой мудрый умъ живетъ въ моихъ словахъ,
Въ моей душѣ ты будишь дерзновенье,
Велишь зажечь маякъ на тѣхъ скалахъ,
Что вѣчно были мѣстомъ претkновенья
Для лучшихъ, благороднѣйшихъ умовъ.
Я не былъ никогда въ числѣ рабовъ,
Я не былъ членомъ секты многолюдной,
Гдѣ каждый долженъ выбрать для себя
Подругу или друга доли скудной
И жить вдвоемъ, любя и не любя,
Изъ долгой жизни сдѣлать умиранье,

Другихъ же,—пусть на нихъ добра печать,—
Изгнать изъ узкой сферы обожанья
И цѣлый міръ забвенію предать;
И такъ идти избитыми путями,
И каждый день предъ тусклымъ очагомъ
Томиться съ другомъ, скованнымъ цѣпями,
Иль, можетъ быть, съ ревнивѣйшимъ врагомъ.

Любовь—не прахъ, не золото, не глина,
Дѣлить ее не значитъ—отнимать.
Она, какъ умъ: кто хочетъ понимать,
Предъ тѣмъ весь міръ—знакомая картина,
И та картина свѣтитъ все яснѣй
Отъ созерцанья истинъ разнородныхъ.
Любовь свѣтлѣе всѣхъ земныхъ огней,
Она какъ блескъ мечтаній благородныхъ,
Она какъ свѣтъ фантазіи живой,
Межъ тысячью зеркалъ она блуждаетъ,
Въ землѣ глубокой, въ тверди голубой,
Сквозь бездну призмъ измѣнчиво блистаетъ,
Безбрежный міръ исполненъ ей вездѣ,
О ней во тьмѣ звѣзда поетъ звѣздѣ,
Она сверкаетъ въ радостяхъ улыбки,
И некому поставить ей предѣлъ,
И остріемъ ея блестящихъ стрѣлъ
Вездѣ убитъ зловредный червь ошибки.
Какъ узки тѣ сердца и тѣ умы,
Что, выбравъ искру свѣта въ царствѣ тьмы,
Въ ней видятъ все! Какъ узки тѣ стремленья,
Что, позабывъ огромный міръ тѣней
И выбравъ между формъ одно видѣнье,
Въ немъ строятъ гробъ для вѣчности своей!

Когда мы дѣлимъ съ кѣмъ-нибудь страданье,—
Настолько можемъ мы уменьшить зло,
Чтобъ горе навсегда совсѣмъ прошло;
Когда же дѣлимъ свѣтлыя мечтанья,
Мышленіе, восторги и любовь,—
То, что мы дѣлимъ, мы сливаемъ вновь,
И цѣлое, въ сравненьи съ каждой частью,
Ничтожнѣе и меньше,—и опять,

Любви кипучей творческою властью,
Мы можемъ эти блага раздѣлять,
И тѣмъ полнѣй служить людскому счастью,
Полнѣе зло и горе устранять.
То—истина, великая, святая,
Въ ней кроется родникъ живой воды,
Въ ней бьется лучъ негаснущей звѣзды,
Дрожитъ надежда вѣчно-молодая.
И каждый, кто вкушалъ отъ чистыхъ водъ,
Склонившись, поднимался освѣженный,
Яснѣе видѣлъ синій небосводъ,
И эту землю, садъ опустошенный.
Здѣсь мудрые, чей умъ горитъ свѣтло,
Чьи радостны священныя печали,
Смотря на этихъ чистыхъ водъ стекло,
Грядущимъ поколѣньямъ завѣщали
Воздѣлывать забытыя поля,
Служить зачатьямъ нѣжно-ароматнымъ,
Чтобъ въ лучшій часъ пустынная земля
Забрезжилась Эдемомъ благодатнымъ.

Есть Существо, есть женственная Тѣнь,
Желанная въ видѣніяхъ печальныхъ.
На утрѣ лѣтъ моихъ первоначальныхъ
Она ко мнѣ являлась каждый день,
И каждый мигъ, среди лѣсныхъ прогалинъ,
Среди завороженныхъ дикихъ горъ,
Среди воздушныхъ зàмковъ и развалинъ,
Она плѣняла дѣтскій жадный взоръ.
Мѣняясь въ очертаньяхъ несказанныхъ,
Скользя своей стопой по ткани сновъ,
Она пришла съ далекихъ береговъ,
Изъ областей загадочно-туманныхъ,
Красавицей нездѣшнихъ острововъ.
И въ лѣтній день, ликующій и жаркій,
Когда небесный сводъ огнемъ блисталъ,
Она прошла такой чудесно-яркой,
Что я, увы, ее не увидалъ.
Въ глубокой тишинѣ уединенья,
Среди благоуханія цвѣтовъ,
Подъ шумъ ручьевъ, подъ звонкое ихъ пѣнье,

Сквозь гулъ неумолкающихъ лѣсовъ,
Она со мною тихо говорила,
И все дышало только ей одной,—
Рѣка съ своей серебряной волной,
И сонмы тучъ, и дальнія свѣтила,
Влюбленный воздухъ, нѣжный вѣтерокъ,
И дождевой сверкающій потокъ,
И пѣнье лѣтнихъ птицъ, и все, что дышитъ,
Что чувствуетъ, звучитъ, живетъ и слышитъ.
Въ словахъ высокихъ вымысловъ и сновъ,
И въ пѣсняхъ, и въ пророчествахъ глубокихъ,
Въ наслѣдіи умчавшихся вѣковъ,
Отшедшихъ дней, и близкихъ, и далекихъ,
Въ любви къ другимъ, въ желаньи свѣтлымъ быть,
Въ сказаньяхъ благороднаго ученья,
Что намъ велитъ навѣкъ себя забыть
И познавать блаженный смыслъ мученья,—
Во всемъ она сквозила и жила,
Въ чемъ правда и гармонія была.

И я покинулъ сонныя пещеры
Фантазій смутныхъ, юношескихъ грёзъ,—
Порывъ стремленья въ высь меня унёсъ,
Къ звѣздѣ полярной, въ облачныя сферы;
Какъ мотылекъ, предъ пышной смертью дня,
Презрѣвъ цвѣты, бѣжавъ отъ аромата,
Безумно мчится вверхъ къ лучамъ заката,
Себя своей поспѣшностью гоня,
И видитъ смерть, и смерть ему отрадна,—
Такъ я бѣжалъ стремительно и жадно,
Въ сандаліяхъ изъ яркаго огня.
Но Та, предъ кѣмъ я все забылъ на свѣтѣ,
Не вняла ни рыданьямъ, ни мольбамъ;
На огнекрылой искристой планетѣ,
Какъ Богъ, она прошла по небесамъ,
Быстрѣй и все быстрѣй впередъ стремилась
И тщетно къ ней рвалась душа моя:
Она прошла, сверкнула и сокрылась
За тѣневой пустыней бытія.
Угрюмо предо мной разверзлась бездна,
И сброситься хотѣлъ я съ дикихъ скалъ,

Но чей-то голосъ властно мнѣ сказалъ:
«Слѣпецъ! Твое стремленье безполезно.
Куда скользишь безумною стопой?
Ты ищешь тѣни,—эта тѣнь съ тобой».
Я вскрикнулъ: «гдѣ»?—и, точно геній смѣха,
Стозвучнымъ «гдѣ» отвѣтило мнѣ Эхо.
Я вопрошалъ листы въ ночной тиши,
Я вопрошалъ безмолвіе лазури,
Я спрашивалъ у молніи, у бури,
Куда ушла душа моей души.
Завѣтныя шепталъ я заклинанья,
Волшебныя твердилъ я имена,
Но скрылась Тѣнь, ушло очарованье;
И мракъ густѣлъ, и ночь была темна;
И все же тлѣло, теплилось мерцанье,
Я видѣлъ сновидѣнье наяву,
Еще я полонъ былъ воспоминанья,
Ушедшему молился Божеству;
И, движимый дыханіемъ надежды,
Средь Хаоса пошелъ я наугадъ,
Въ предчувствіи лучей дрожали вѣжды,
Искалъ весны тревожно-смутный взглядъ,
Но всюду предо мной была завѣса
Замерзшаго безлиственнаго лѣса.
Безплодная дышала темнота.
И я спѣшилъ, я падалъ, поднимался,
Къ ошибкѣ отъ ошибки тщетно рвался:
Вселенная кругомъ была пуста.
И новыя видѣнья возникали,
И къ новымъ заблужденьямъ увлекали,
Скитался я средь жителей лѣсныхъ,
Моя душа искать не уставала:
Быть можетъ, Тѣнь сокрылась между нихъ,
Не здѣсь ли гдѣ-нибудь она скрывала
Свой обликъ неземной въ чертахъ земныхъ?

Тогда Одна, вся полная отравы,
Склонилась у завѣтнаго ключа,
И ключъ сверкалъ, заманчиво журча,
Дышали сладкимъ сномъ ночныя травы,
Манилъ и жегъ закрытый дымкой взглядъ,

Изъ-подъ куста лазурной белладоны,
И въ воздухѣ незримый таялъ ядъ,
И точно отзвукъ струнъ дрожали стоны;
Какъ искры синеватаго огня,
Желанія окутали меня,
Дурманомъ сладострастнымъ охватили,
Горѣла грудь, горѣло пламя щекъ,
И въ сердцѣ каждый юный лепестокъ
Воспринялъ гнетъ цвѣточной сладкой пыли.
И лживый вздохъ срывался съ женскихъ устъ,
И жадно росъ дышавшій страстью кустъ,—
Потомъ листы украдкой поблѣднѣли,
Надъ юной, чуть расцвѣтшею весной
Они склонились грязной сѣдиной,
Свернулись, разошлись, окоченѣли
И стиснули меня средь черной тьмы
Въ объятьяхъ преждевременной зимы.

Скользя по смертнымъ формамъ бѣглымъ взглядомъ
Вездѣ искалъ я отблеска мечты:
Въ однѣхъ дышала радость красоты,
Но съ красотой превратность дремлетъ рядомъ,
И быстро вянутъ нѣжные цвѣты;
Другія были мудры,—мудрость лжива;
И лишь Одна всегда была правдива,—
Увы, со всѣми, только не со мной.
И вотъ, уставъ бѣжать въ глуши лѣсной,
Дрожа, изнемогая, задыхаясь,
Какъ раненый, затравленный олень,
Я всталъ, росой кровавой обливаясь,
И хмурился холодный, тусклый день,
Невольнымъ состраданьемъ проникаясь.
И думалъ я, что жизни въ жизни нѣтъ,
Что все кругомъ —сплошное заблужденье,
Какъ вдругъ зарей нежданной вспыхнулъ свѣтъ,
Заискрилось опять освобожденье.
Стояла на моемъ пути Одна,
Чья свѣтлая улыбка походила
На тѣнь того сверхчувственнаго сна,
Какъ вѣчно-перемѣнная луна
На вѣчно-неизмѣнное свѣтило

Побѣднаго зиждительнаго дня,
Холодная, безстрастная Богиня,
Ковчегъ пловучій блѣднаго огня,
Чьей лаской смягчена небесъ пустыня,
Кто свѣтитъ, но не грѣетъ никогда,
Чей ликъ, смотря загадочно и странно,
Блѣднѣя и мѣняясь безпрестанно,
Одинъ и тотъ же всюду и всегда.
Какъ юный Духъ, сошедшій съ этой сферы,
Она меня мерцаньемъ обняла,
Къ магическому склепу привела,
Проникла въ глубь таинственной пещеры;
Какъ легкій дымъ, влекомый вѣтеркомъ,
Я шелъ за ней, и въ сердцѣ было ясно
Она была мистически-прекрасна,
И блѣдный свѣтъ, струясь, дрожалъ кругомъ.
Я легъ, я спалъ, она сидѣла рядомъ,
Она за мной слѣдила долгимъ взглядомъ,
И страненъ былъ мой чудный смутный сонъ:
Средь сумерекъ, мерцанья и тумана,
Ко мнѣ склонялась блѣдная Діана,
А я душою былъ Эндиміонъ.
Когда она съ улыбкою склонялась,
Улыбкой я блисталъ въ глубокомъ снѣ,—
И все темнѣло горестно во мнѣ,
Когда она мгновенно затемнялась.
Такъ море чутко спитъ во мглѣ ночной,
Смѣется или хмурится съ луной.
И я застылъ въ постели непорочной:
Увы, я не былъ мертвъ, я не былъ живъ:
На нѣжный мелодическій призывъ,—
Забывши о своей борьбѣ урочной,—
Сошлися Жизнь и Смерть, какъ двѣ сестры,
Какъ два ребенка въ радостяхъ игры,
Два дѣтища одной нѣмой печали;
Въ пещерѣ мглистой, всюду видя ночь,
Они безъ крылъ носились и кричали:
«Здѣсь спитъ чужой, не нашъ! Умчимся прочь!»
Я горько плакалъ, и хотя бы это
Все было сномъ, я плачу безъ конца.

Что было дальше? Блескъ ея лица
Блѣднѣлъ и гасъ, все меньше было свѣта,
Безжизненныя дрогнули уста,
Какъ будто вдругъ, проклятіемъ затмѣнья,
Луны померкшей стерлась красота;
Душой владѣло темное волненье,
Лазурь моихъ небесъ была пуста;
И встала Буря въ этой тьмѣ беззвѣздной,
И чей-то Духъ парилъ надъ дикой бездной;
И чьи-то дуновенья проползли,
Морозомъ жесткимъ сжали ширь пучины,
И къ берегу отъ берега легли
Недвижныя, безжизненныя льдины...
И вновь пучина дрогнула до дна,
Подъ силой новой Бури льды распались,
И снова серебрилася Луна,
Ея лучи, какъ прежде, улыбались.
Но не хочу, чтобъ кто-нибудь проникъ
Въ сокрытый смыслъ моихъ рѣчей туманныхъ,
Иначе въ нихъ откроется родникъ
Безсмѣнныхъ слезъ, рыданій несказанныхъ.

И, наконецъ, за горемъ и стыдомъ,
Среди шиповъ, снѣговъ и запустѣнья,
Какъ вздохъ Весны, желанное Видѣнье
Повѣяло сквозь темный лѣсъ кругомъ.
Оно пришло, и сонныя растенья,
Услышавъ звукъ медлительныхъ шаговъ,
Украсились мерцаньемъ лепестковъ;
Подъ нѣжными воздушными стопами
Цвѣты, сплетаясь, выткали коверъ;
Чтобъ радовать такой любовный взоръ,
Деревья сочеталися вѣтвями,
И всѣ листы сплелись въ одинъ узоръ,
Заботливо склоняясь легкой сѣнью
Надъ формой, возродившей міръ чудесъ,
Надъ женственной зиждительною тѣнью;
И вѣтеръ смолкъ, и слушалъ старый лѣсъ
Пѣвучій вздохъ мелодіи лучистой,
Сіяньемъ разливавшейся вокругъ,
И въ звукахъ лѣса былъ единый звукъ,

И слезы счастья въ зелени росистой,
Внимая, какъ листы кругомъ поютъ,
Лучамъ давали искристый пріютъ;
Повѣяло душистымъ ароматомъ
Отъ свѣжихъ пышно-вьющихся волосъ,—
И таялъ между снѣжныхъ горъ Морозъ,
Съ Тепломъ обнявшись, точно съ кроткимъ братомъ.
Она пришла въ мой склепъ, какъ символъ Дня,
Какъ воплощенье Солнца золотого,
Своимъ тепломъ наполнила меня;
Какъ дымъ встаетъ отъ дѣйствія огня,
Мой Духъ воскресъ, любовь дышала снова,
Я всталъ, я жилъ, я чувствовалъ зарю,
Я зналъ, какимъ я пламенемъ горю,
Я ждалъ давно желаннаго привѣта,—
И вотъ святая тѣнь ко мнѣ пришла,
Я видѣлъ блескъ сверхчувственнаго свѣта,
Передо мной Эмилія была.

О, сестры-близнецы, союзъ любовный,
Двѣ Сферы свѣта! Въ морѣ бытія
Вы правите землей безпрекословной,
Вы правите моимъ влюбленнымъ «я».
Даете жизнь листамъ, плодамъ душистымъ,
Лелѣете нѣмыя сѣмена,
Могуществомъ магически-лучистымъ
Весь темный міръ пронзаете до дна.
И влагу претворяете въ туманы,
Даруете законы облакамъ,
И волнъ морскихъ сѣдые караваны
Къ назначеннымъ влечете берегамъ.
Изъ радуги сплетаете постели,
Смягчая дымныхъ тучекъ полумракъ,
Для шумныхъ бурь въ ихъ прежней колыбели
Возводите роскошный саркофагъ.
И какъ весь міръ земной равно украшенъ
Луной и солнцемъ, братскою четой,
Когда они горятъ съ небесныхъ башенъ
Различной, но единой красотой,
Такъ вы, мои лучистыя царицы,
Пусть правите по очереди мной,

Во всѣ мгновенья ночи — до денницы,
Во всѣ мгновенья дня — до мглы ночной.
И ты, Любовь, не презри блескъ заемный,
Когда начнешь царить надъ пышнымъ днемъ,
И ты, Луна, блистая ночью темной,
Не спорь съ далекимъ пламеннымъ огнемъ.
Свѣтите мнѣ отъ ласковаго Мая
До Осени печальной и сухой,
И пусть, въ могилѣ зимней засыпая,
Я встану снова съ лучшею мечтой.
И ты, о, чудно-дикая Комета,
Мой хрупкій духъ привлекшая къ себѣ,
Ты, вся — вражда, ты, вся — восторгъ привѣта,
Крушенье потерпѣвшая въ борьбѣ,
Зажгись опять, приди въ предѣлы наши.
Свѣти любви предутренней звѣздой,
Въ лазурномъ царствѣ пей изъ полной чаши,
Вкушай напитокъ солнца золотой.
Когда твоей послѣднею улыбкой
Царица Ночи будетъ смущена,
Покровомъ легкихъ тучъ въ лазури зыбкой
Свой нѣжный серпъ окутаетъ она,
Въ вуали изъ сквозного перламутра
Передъ тобой пойдетъ по небесамъ;
Передъ тобой и Сумерки, и Утро
Струить не перестанутъ ѳиміамъ.
Ты будешь духомъ Смерти и Рожденья,
Тебя Надежда выберетъ царемъ,
Передъ тобой померкнетъ Опасенье,
Весь міръ твоимъ предстанетъ алтаремъ.

Владычица моя, не будь сурова
Къ цвѣтамъ поблекшимъ помысловъ моихъ,
Взгляни съ улыбкой солнечной на нихъ,—
Цвѣткомъ инымъ они возникнутъ снова,
Какъ пышный цвѣтъ Эдема.

День пришелъ,
И ты со мной бѣжишь отъ черныхъ золъ,
Къ странѣ иной, лучистой и свободной.
Для тусклыхъ чувствъ, чѣмъ связанъ я съ землей,

Останься навсегда моей сестрой,
Весталкой цѣломудренно-холодной;
Но для души, горящей сквозь меня,—
Глубокой, напряженной и нетлѣнной,—
Для свѣточа небеснаго огня
Подругой будь, невѣстой нареченной.
Твой часъ насталъ: твоей судьбы Звѣзда
Зайдетъ надъ опустѣвшею тюрьмою;
Хоть стража здѣсь не дремлетъ никогда,
Хоть дверь крѣпка, и плотною стѣною
Тюремный дворъ, какъ панцыремъ, одѣтъ,—
Для истинной любви преграды нѣтъ.
Какъ молнія, она прорвется всюду,
Прорѣжетъ мглу, скрывающую твердь,
Она во всемъ, она сильна, какъ смерть,
Чей бѣгъ — стремленье мысли, чье движенье
Вездѣ влачитъ губительную тѣнь,
Средь городовъ и мирныхъ деревень,
Среди морей, среди полей сраженья;
Любовь сильнѣй, чѣмъ смерть: она всему
Даетъ блаженство новаго рожденья,
Разрушивъ склепъ, оттуда гонитъ тьму,
И пріобщаетъ къ свѣту своему
Всѣхъ мертвыхъ, кто раздавленъ былъ скорбями,
Кто въ хаосѣ стоналъ, гремя цѣпями.

Эмилія, сестра моей души,
Насъ ждетъ корабль, онъ дышетъ парусами,
И шепчетъ шорохъ волнъ: «Спѣши! Спѣши!»
Подвижными живыми полосами
Блуждаетъ пѣна, ждетъ морской просторъ,
И легкій вѣтеръ вѣетъ съ дальнихъ горъ.
Есть путь въ просторѣ водъ среди тумана,
Никто не бороздилъ его до насъ,
Не слышно тамъ о козняхъ Океана,
Тамъ дремлютъ острова,— и каждый часъ,
И каждый мигъ чуть слышно плещутъ волны,
Волна бѣжитъ любовно за волной,
Отъ кротости онѣ почти безмолвны;
Скажи, ты хочешь плыть туда со мной?
Довѣримся испытаннымъ матросамъ,

Пусть искрится и пѣнится потокъ,—
Корабль нашъ будетъ мчаться альбатросомъ,
Туда, гдѣ спитъ пурпуровый Востокъ,—
И между крылъ его сидѣть мы будемъ,
И День пройдетъ, и Ночь придетъ за Днемъ,
Мы будемъ плыть, мы все кругомъ забудемъ,
И Бурю мы въ союзницы возьмемъ.
Подъ небомъ іоническимъ, въ просторѣ
Прозрачныхъ водъ, есть островъ голубой,
Жемчужина, взлелѣянная въ морѣ,
Готовая принять меня съ тобой.
Съ землей въ союзѣ тамъ живетъ безъ крова
Пастушескій безхитростный народъ,
Хранящій здѣсь отъ вѣка золотого
Негаснущихъ восторговъ сочный плодъ.
Излюбленный пріютъ песковъ огнистыхъ,
Ласкаемыхъ эгейскою волной,
Сѣдыхъ пещеръ, загадочныхъ и мглистыхъ,
Исполненныхъ священной тишиной.
Мелодіи порою возникаютъ
То здѣсь, то тамъ, то тише, то звучнѣй,
И чѣмъ-то смутнымъ въ воздухѣ мелькаютъ,
Какой-то смѣной красокъ и тѣней.
Встаютъ и таютъ свѣтлые туманы,
Вдоль берега живетъ семья вѣтровъ;
Въ лѣсахъ изъ-за вѣтвей глядятъ сильваны
И прячутся опять среди стволовъ.
А сколько тамъ озеръ, лѣсныхъ затоновъ,
Ручьевъ, чей звонкій рокотъ нѣжитъ слухъ,
Тропинокъ мшистыхъ вдоль зеленыхъ склоновъ,
Гдѣ только разъ въ году идетъ пастухъ.
Въ глуши какъ будто что-то вродѣ сада,
Сплетаетъ цѣпкій плющъ листы свои;
И въ ладъ съ могучимъ стономъ водопада
Полдневные грохочутъ соловьи.
Вездѣ ростутъ душистые лимоны,
Ихъ сладкимъ цвѣтомъ воздухъ отягченъ,
Къ жонкилямъ наклонились анемоны,
И нѣжной мукой сонный духъ смущенъ.
Какъ отзвуки давно-забытой сказки,
Сливаются всѣ вмѣстѣ въ унисонъ

Движенья, ароматы, звуки, краски,
Въ душѣ души встаетъ старинный сонъ,
Что снился ей когда-то до рожденья.
То островъ между Небомъ и Землей,
Средь Воздуха и Моря,—отраженье
Нездѣшнихъ сновъ. Прозрачной полумглой
Взлелѣянъ, убаюканъ, спитъ онъ, чудный,
Какъ Люциферъ небесно-изумрудный,
Предвѣстникъ утра, ласковый Эдемъ.
Его покой не возмущенъ никѣмъ,
Ничѣмъ и никогда. Угрюмый Холодъ,
Война, Чума, Землетрясенье, Голодъ
Не зажигали здѣсь костровъ своихъ;
Какъ коршуны слѣпые, въ часъ фатальный,
Несутъ они толпою погребальной
Свой бичъ въ предѣлъ иной, для странъ другихъ;
Крылатыхъ бурь безжизненные хоры
Другимъ краямъ въ суровый день зимы
Поютъ свои громовые псалмы;
Когда-жъ случайно видятъ эти горы,
Весь этотъ миръ лѣсовъ, полей, луговъ,
Они смущенно смотрятъ съ облаковъ
И плачутъ,—и алмазною росою
Сверкаютъ золотистыя поля,
Луга смѣются, дышетъ вся земля
Безсмертной, обновленной красотою.
И съ моря поднимаются, съ небесъ
Медлительно спускаются туманы,
То волны зыбко-вьющихся завѣсъ,
Измѣнчиво-живые караваны;
За ними чьи-то очи и уста
Смѣются, незнакомыя съ печалью,
За каждой тучкой скрыта красота,
И каждый разъ, когда за синей далью
То Солнце вспыхнетъ, то Луна блеснетъ,
То вѣтеръ упоительный дохнетъ,
Вуаль спадаетъ въ небѣ за вуалью,
И все лазурнѣй блещутъ небеса,
И все яснѣй становятся лѣса,
Отчетливѣй цвѣты и травы луга,
И, наконецъ, какъ юная супруга,

Смущенная своею наготой
И полная восторженности жгучей,—
Весь островъ блещетъ цѣльной красотой.
Но здѣсь еще свѣтильникъ есть могучій,—
Хотя и сокровенный, онъ царитъ,—
Онъ въ самомъ сердцѣ острова горитъ,—
Безсмертная Душа, лучистый атомъ,
Отъ Вѣчности отпавшій, онъ во всемъ,
Въ листахъ, въ цвѣтахъ съ ихъ юнымъ ароматомъ,
Въ сѣдыхъ утесахъ, въ небѣ голубомъ,—
Во всемъ его улыбка ощутима,
Хотя для смертныхъ глазъ она незрима.
Но главнымъ украшеньемъ той страны
Является таинственное зданье,
Что спитъ среди священной тишины,
Высоко поднимая очертанья.
Кто выстроилъ его, когда, зачѣмъ,—
Никто изъ мѣстныхъ жителей не знаетъ,
А голосъ дней давно минувшихъ нѣмъ.
Предъ этимъ зданьемъ гордый духъ склоняетъ
Свою главу; но то не крѣпость, нѣтъ,—
Какой-нибудь Владыка Океана,—
Въ той свѣтлой мглѣ еще невинныхъ лѣтъ,
Когда земля не вѣдала обмана,
Здѣсь выстроилъ на зависть островамъ
Пріютъ своей сестрѣ, своей супругѣ,
Восторговъ чистыхъ радостной подругѣ,
И передалъ позднѣйшимъ временамъ
Святилище непопраннаго чувства;
И мы едва въ томъ зданьи узнаемъ
Людскую мысль, созданіе искусства:
Есть что-то Титаническое въ немъ;
Взлелѣяно родимою Землею,
Оно какъ будто выросло изъ горъ,
И такъ стоитъ и дремлетъ съ давнихъ поръ,
Исполнившись безмолвіемъ и мглою,—
Созданіе изъ камня и мечты.
Всѣ надписи фантазіи забытой
Поблекли, стерлись. Вмѣсто нихъ листы
Развѣсились гирляндой перевитой,—
То плющъ и виноградные кусты.

Межъ ними чужеядныя растенья
Мерцаютъ изумрудною росой,
Слезу роняютъ съ листьевъ за слезой,
Чтобъ дать заснувшимъ сводамъ освѣщенье;
Когда-жь они завянутъ, въ часъ ночной
Роняетъ небо искристыя пятна
Въ отверстья этой ткани кружевной,
Въ нихъ смотрятъ звѣзды съ блѣдною Луной,
Потомъ Заря, чья свѣжесть ароматна,
Разсыплетъ брызги новаго огня,
И свѣтятъ здѣсь живыя краски Дня,
Мозаикой сквозною покрывая
Паросскіе полы. И такъ всегда,
Зажжется-ль вновь вечерняя звѣзда,
Заря ли снова глянетъ золотая,
Всегда благословенный мирный часъ
Гармоніей плѣнительной украшенъ.
И чудится въ безмолвіи террасъ,
И кажется съ высокихъ стройныхъ башенъ,
Что все кругомъ чуть дышетъ въ полуснѣ,
Отдавшись благодатной тишинѣ,
Что Море спитъ съ Землей въ объятьи нѣжномъ,
И снятся имъ луга, цвѣты, лѣса,
Сѣдыя скалы, тучи, небеса,
Они смѣются этимъ снамъ безбрежнымъ,
И мы, когда улыбки ихъ прочтемъ,
Тѣ сны своей реальностью зовемъ.

Тотъ островъ мой. Тѣ смутные чертоги
Тебя своей царицей назовутъ;
Есть между ними избранный пріютъ,
Гдѣ утромъ солнце дремлетъ на порогѣ
И вѣтры, улыбаяся, плывутъ,
Какъ волны надъ лазурными волнами.
Туда послалъ я много чудныхъ книгъ,
Тамъ лютня будетъ звучно плакать съ нами,
Я ввелъ туда зиждительный родникъ,
Чьи воды лучшимъ въ мірѣ сладко пѣли
И вызвать заклинаньями умѣли
Минувшее изъ тьмы его гробницъ,
Грядущее изъ хрупкой колыбели,

Гдѣ еле брезжутъ тѣни дѣтскихъ лицъ,
А радостямъ и мыслямъ настоящимъ
Рыдали гимномъ звонко-золотымъ,
Такимъ могучимъ, звучнымъ и блестящимъ,
Что Вѣчность наклонилась жадно къ нимъ.
И будемъ мы, страница за страницей,
Читать святую книгу бытія;
Жить вмѣстѣ, всюду только ты и я,
Не нуженъ намъ наемникъ блѣднолицый,
Что Роскошью зовется у людей:
Напрасной ухищренностью своей
Онъ только портитъ свѣтлое блаженство—
Быть съ Матерью-Природой заодно,
Сливаться съ ней въ могучее звено,
Вкушать невинность, кротость, совершенство.
Намъ дикій голубь станетъ ворковать
О томъ, какъ любитъ онъ свою подругу,
Какъ сладко знать любовь и тосковать,—
И мы съ улыбкой склонимся другъ къ другу.
Когда погаснетъ вечеръ золотой,
Вкругъ башенъ, молча, совы будутъ виться,
Звѣзда зажжется въ небѣ за звѣздой,
И дѣтски будутъ всѣ онѣ дивиться
На этотъ миръ, любовь и тишину;
Волна пробудитъ сонную волну,
И безъ конца мгновенья будутъ длиться;
Надъ гладью водъ луна свой дискъ зажжетъ,
Покинувъ тьму заморскаго чертога;
Лѣсная лань погрѣться къ намъ придетъ
И будетъ спать у нашего порога;
И ночь задержитъ медленный полетъ.
Вотъ нашъ очагъ. Здѣсь будемъ жить съ тобою.
Когда же годы къ вѣчности уйдутъ,
И всѣ мечты, гонимыя судьбою,
Поблекшими листами опадутъ,
Пусть будемъ мы зарею незакатной,
Душой страны, лучисто-ароматной,
Сознательной, единой навсегда.
Но эти дни отъ насъ еще далеко.
Пока намъ свѣтитъ юности звѣзда,
Мы будемъ жить и чувствовать глубоко,

Бродить вдвоемъ по зелени луговъ,
Подъ небомъ перламутрово-лазурнымъ,
Любить, мечтать, внимать вѣтрамъ безбурнымъ.
Слѣдить полетъ воздушныхъ облаковъ,
А то смотрѣть на море съ береговъ—
И видѣть, какъ встаютъ и таютъ струи,
Бѣгутъ ласкать прибрежные пески,
Какъ быстрые морскіе поцѣлуи
Запѣнились отъ страсти и тоски.
И все, въ чемъ есть блаженство и безпечность,
Зажжетъ для насъ привѣтные огни,
И мы благословимъ и мигъ, и вѣчность,
Всегда—вдвоемъ, всегда, вездѣ—одни,
Другъ въ другѣ, словно тучки, нѣжно тая,
Другъ другомъ такъ любовно обладая,
Что жизнь съ любовью будетъ свѣтъ одинъ.
Потомъ, уставъ бродить среди долинъ,
Уйдемъ къ какой-нибудь пещерѣ мрачной,
Гдѣ лунный свѣтъ, забывъ, что ночь прошла,
Какъ будто спитъ,—и насъ покроетъ мгла,
И къ намъ смотрѣть не станетъ день прозрачный.
И нашъ восторгъ на время отдохнетъ,
И свѣжій сонъ, роса любви усталой,
Крѣпительной прохладою дохнетъ,
И вновь проснется страсть—зарею алой.
Мы будемъ говорить; потомъ когда
Теченье мысли будетъ слишкомъ нѣжно,—
Уста вздохнутъ и смолкнутъ безмятежно,
И нашей страсти юная звѣзда
Зажжется въ долгихъ взглядахъ: сердце станетъ
Шептать слова, которыхъ не забыть,—
Другое сердце, дрогнувъ, нѣжно взглянетъ
И скажетъ: «я хочу тебя любить!»—
И тишина звучать не перестанетъ.
Прижмется къ груди грудь; въ блаженный мигъ
Смѣшаются дыханія стыдливо,
Уста къ устамъ прильнутъ краснорѣчиво,
И въ каждомъ тотъ завѣтнѣйшій родникъ,
Что въ самой сокровенной кельѣ бьется,
Для радости ликующей проснется,—
И эти волны высшей красоты

Сольются въ яркомъ свѣтѣ чистоты,
Объятыя одной безгрѣшной страстью,
Заискрятся, какъ горные ключи,
Когда они бѣгутъ на встрѣчу счастью,
Привѣтствуя весенніе лучи.
И будемъ мы однимъ созданьемъ свѣта,
Одной душой влюбленной въ двухъ тѣлахъ,
Одною страстью въ двухъ родныхъ сердцахъ.
Зачѣмъ же въ двухъ? Ты будешь какъ комета,
Я буду какъ летучій метеоръ,
И мы сплетемъ лучи въ одинъ узоръ,
Смѣшаемся, другъ другомъ озаримся,
Въ сліяньи огневомъ преобразимся,
Себя самихъ сіяніемъ затмимъ,
Другъ въ другѣ поселимъ восторги рая,
Всегда горя и вѣчно не сгорая,
Давая жизнь свѣтильникамъ своимъ
Взаимной страстью, яркимъ совершенствомъ,
Той сущностью, что свѣтитъ только намъ,
И дышетъ нескончаемымъ блаженствомъ,
И рвется къ безграничнымъ небесамъ:
Огонь одной надежды въ двухъ желаньяхъ,
Одно желанье въ царствѣ двухъ умовъ,
Одинъ восторгъ весенній двухъ громовъ,
Одинъ Эдемъ въ двоякихъ очертаньяхъ,
Однихъ небесъ немеркнущая твердь,
Одна любовь, одна нѣмая смерть,
Одно уничтоженье въ мукѣ жгучей,
Одинъ восторгъ безсмертья.
Горе мнѣ!
Своей душой, крылатой и кипучей,
Хочу взлетѣть къ надзвѣздной вышинѣ,
Гдѣ вѣчно, ночь за ночью, дни за днями,
Любовь горитъ, какъ свѣточъ Божества,
Но мой полетъ свинцовыми цѣпями
Влекутъ къ землѣ безсильныя слова.
Стремясь душой къ заоблачному раю,
Я падаю, дрожу, изнемогаю!

О, слабые стихи, идите къ ней,
Къ владычицѣ моихъ печальныхъ дней,

И, павъ къ стопамъ блистательной царицы,
Промолвите: «Твой рабъ смиренный ждетъ,—
Вели,—и онъ, какъ тѣнь, къ тебѣ придетъ!»
И въ сумрачномъ забвеніи гробницы
Найдите вашихъ братьевъ и сестеръ
И, слившись съ ними въ дружный, звучный хоръ,
Запойте громко: «Свѣтъ любви чудесенъ,
Прекрасна даже скорбь любовныхъ мукъ;
Но міръ земной—для высшей нѣги—тѣсенъ;
Лишь кто свершилъ земныхъ стремленій кругъ,
Въ иныхъ мірахъ извѣдаетъ отраду,
Любви блаженной высшую награду».
И станете вы жить, когда меня
Не будетъ здѣсь. И, спѣвши гимнъ согласный
Подъ свѣточемъ плѣнительнаго дня,
Найдите вы въ толпѣ людей безстрастной
Марину, Ванну, Прима и другихъ,
Скажите имъ, чтобъ ласковѣй любили,
Чтобъ въ пылкости любви друзьями были.
Потомъ, бѣжавъ отъ всѣхъ для васъ чужихъ,
Отдайтесь чистой нѣгѣ думъ влюбленныхъ
И весело ко мнѣ вернитесь вновь,—
Я буду ждать въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ царствуетъ безсмертная Любовь.

К. Бальмонтъ.

ЮБИЛЕЙ *).

(Не совсѣмъ обыкновенная исторія).

V.

Два отдѣльные кабинета большого петербургскаго ресторана, одинъ противъ другого, раздѣленные между собой корридоромъ, освѣщены à giorno. Въ одномъ, небольшомъ, бродятъ, сидятъ, стоятъ кучками и въ одиночку мужчины во фракахъ и нарядно одѣтыя дамы. Въ другомъ, довольно обширномъ и совершенно пустомъ, виднѣется длинный столъ, въ формѣ глаголя, покрытый бѣлоснѣжною скатертью, на которой эффектно блестятъ, при свѣтѣ разставленныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ бронзовыхъ большихъ канделябръ, приборы, въ компаніи съ группами стакановъ, бокаловъ и рюмокъ. Тутъ суетятся лакеи, разставляя въ углу, на отдѣльномъ столѣ, рядомъ съ піанино, закуску. За ними наблюдаетъ, дѣлая по временамъ замѣчанія, наряженный въ просторный, далеко уже не первой свѣжести фракъ, Поплясухинъ.

— Винегретцу, винегретцу бы слѣдовало...

— Подадимъ-съ.

— А будетъ форшмакъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, и чортъ съ нимъ!... А вотъ рѣдечка?... Есть! Отлично!... Ну, вотъ, теперь все отлично! — потирая со вздохомъ удовлетворенія руки, говоритъ Поплясухинъ Думкеллеру, который подходитъ къ нему съ папиросой во рту и принимается разсматривать критическимъ окомъ закуску.—Видѣли, какое меню?

— Видѣлъ... Обѣдъ ничего, вино только дрянь... дешевое крымское... да и мало ужь слишкомъ! — возражаетъ Думкеллеръ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

озирая обѣденный столъ, у котораго мелькаютъ лакеи, разставляя полубутылки съ краснымъ и бѣлымъ виномъ.

— Угорѣли вы, батенька!... Закуска и водка, обѣдъ въ четыре блюда, съ виномъ—и все за эти ничтожныя деньги! Попробовали бы *вы* такъ устроить! Хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ бы *вы* такъ устроили!—восклицаетъ Поплясухинъ, уязвленный въ самое сердце.—Вина ему мало! Скажите! Шампанскаго еще не хотите ли?

— Мнѣ не нужно шампанскаго... Мнѣ—пиво,—говоритъ спокойно Думкеллеръ.

— Ну, еще бы, извѣстно... вамъ только бы пиво,—ворчитъ Поплясухинъ, отвертываясь. Онъ умолкаетъ и лишь тяжело отдувается, такъ какъ ему рѣдко приходится такъ волноваться. Совсѣмъ успокоившись, онъ опять оборачивается къ своему собесѣднику и продолжаетъ медленнымъ голосомъ:—Да, знаете ли, что я скажу вамъ, Августъ Васильичъ?... Вѣдь, кажется, придется намъ всѣмъ по рублю приплатить... Больно ужь дешево мы разсчитали... Да... придется еще раскошелиться...

— Чортъ дирай!—взвизгиваетъ тонкимъ фальцетомъ Думкеллеръ и моментально багровѣетъ, какъ клопъ.— Это еще что за новости? За себя заплатилъ, за жену заплатилъ, за подарокъ полтинникъ пришлось приплатить, да еще рубль подавай? Нѣ-ѣтъ! Danke schön! Не хочу!... Чортъ дирай!

Думкеллеръ швыряетъ въ уголъ окурокъ, затаптываетъ его свирѣпо подошвой и быстро уходитъ отъ Поплясухина. Въ дверяхъ онъ натыкается на Грохотунскаго, бросаетъ на него взглядъ раздраженія, даетъ молча дорогу и исчезаетъ въ кабинетѣ насупротивъ.

— Что съ нимъ такое?—спрашиваетъ Поплясухина Грохотунскій, кивая вслѣдъ удалившемуся, достаетъ изъ коробочки папиросу и закуриваетъ ее отъ канделябры.— Поругались, что ли, вы съ нимъ?

Съ этимъ вопросомъ Грохотунскій становится насупротивъ зеркала въ широкой позолоченной рамѣ и глядится въ него. Видъ Грохотунскаго совершенно парадный. Длинныя кудри его приглажены и красиво ниспадаютъ на плечи, на фракѣ пока ни пушинки, со...а и бѣлый батистовый галстукъ—совершенно безукоризненной ...жести. Самыя движенія его исполнены большого достоинства и ...жественно-медленны. Онъ часто задумывается, вперяя сосредо...енный взоръ въ неопредѣленную даль, какъ человѣкъ, весь ...никнутый одною, особливою, не могущею быть ни съ кѣмъ раз...нной, заботой.

— Ничего не ругались,—отвѣчаетъ ему Поплясухинъ.— Не

понравилось, изволите видѣть, когда я сказалъ, что придется за обѣдъ приплатить...

— Эхъ, и напрасно! Чего торопился? Вѣдь, говорилъ я тебѣ, что это нужно потомъ, подъ шумокъ, когда подопьютъ?... Дернуло тоже тебя!

— Ну, чортъ съ нимъ, наплевать!

— Конечно, на него наплевать... Досадно вотъ только, что изъ бюджета мы выскочили... Не даромъ я говорилъ, что трехъ рублей недостаточно.

— И я говорилъ, что трехъ рублей недостаточно,—соглашается съ нимъ Поплясухинъ.—Ну, а ты скажи: развѣ плохо устроено? Чего ты хочешь еще? —начинаетъ онъ опять волноваться, окидывая рукою закуску, обѣденный столъ и всю обстановку.—Великолѣпно все, братецъ!

— Это положимъ... Съ подаркомъ вотъ тоже влетѣли немножко...—продолжаетъ Грохотунскій задумчиво.—Чортъ знаетъ, какъ дорого онъ обошелся!

— А кто виноватъ? Дернуло Бубенцова сунуться къ Кнопу! Не могъ подешевле найти магазина! Чего лучше у Кумберга? Нѣтъ, какъ можно, шикъ насъ заѣлъ!

— Это правда, что шикъ насъ заѣлъ... Хотя, положимъ, у Кумберга ничуть не дешевле.

— Дешевле!

— Говорю, не дешевле!

— А я говорю, что дешевле!

— Гм... гм...—съ предостерегающимъ видомъ покашливаетъ вдругъ Грохотунскій, бросая взглядъ въ сторону и тѣмъ обращая вниманіе своего собесѣдника на незнакомаго господина, который стоитъ въ двухъ шагахъ и невинно дымитъ папиросой. Грохотунскій озабоченно спрашиваетъ:

— Бубенцова все еще нѣтъ?

— Не видать.

— Скоро ужъ шесть.

— Да, почти шесть.

Оба таинственно, какъ заговорщики, расходятся въ разны стороны.

Показываются два преподавателя: французъ, m-r Clichet, и математикъ Цыцарскій, оба достаютъ папиросы, закуриваютъ одинъ у другого и торжественными шагами прохаживаются.

Появляются еще два какихъ-то субъекта: одинъ—блѣдный, ху

дой и даже нѣсколько мрачный, другой—жизнерадостнаго и цвѣтущаго вида. У каждаго въ зубахъ папироса.

— Однако, тамъ жарко становится,—замѣчаетъ жизнерадостнаго вида субъектъ, закуриваетъ отъ канделябры и прислоняется спиною къ піанино.

— Жарко,—лаконически соглашается мрачный, тоже закуриваетъ отъ канделябры, послѣ чего садится на подоконникъ и меланхолически болтаетъ ногою.

«Тамъ», т.-е. въ другомъ кабинетѣ, дѣйствительно, становится жарко, а, главное, нельзя тамъ курить. Не освѣдомленные о таковомъ запрещеніи, они вынули было по папиросѣ, какъ тотчасъ же рядомъ послышался обращенный къ нимъ испуганный шепотъ:

— Господа, господа, ради Бога... Здѣсь дамы, нельзя!

Этимъ испуганнымъ шепотомъ говоритъ маленькій, черненькій, остриженный «бобрикомъ» молодой человѣкъ, озабоченнаго и хлопотливаго вида, одинъ изъ безчисленнаго сорта людей, безъ которыхъ немыслимо никакое собраніе, будь то юбилей, концертъ или публичная лекція, гдѣ они отбираютъ билеты, указываютъ публикѣ, гдѣ нужно садиться, бдительно слѣдятъ за порядкомъ и всегда подъ рукою, если необходимо куда-нибудь тотчасъ помчаться или что-нибудь моментально уладить или устранить, съ великою охотой и рвеніемъ, вполнѣ безкорыстно, ради одного только сознанія, что безъ нихъ — какъ безъ рукъ... Видъ у него совершенно такой же, какъ у всѣхъ господъ этого типа,— бойкій, развязный, даже задорный,— каковымъ обладаетъ боевой пѣтушокъ. Зовутъ его Орлянкинымъ. Тихона Антоныча онъ никогда не видалъ и въ глаза, не зналъ даже, что таковой существуетъ на свѣтѣ. Привлекъ Орлянкина къ этому дѣлу хорошій пріятель его, Бубенцовъ, и этого было довольно, чтобы тотъ всецѣло проникся тотчасъ же своими обязанностями.

Онъ былъ уже давно весь въ поту. Онъ мелькалъ среди публики, на мгновеніе, какъ метеоръ, виднѣлся въ большомъ кабинетѣ, торопливымъ, отрывистымъ шепотомъ держалъ на лету совѣщаніе съ кѣмъ-нибудь изъ лакеевъ, съ лихорадочною быстротой выхвазалъ изъ кармана и снова пряталъ часы, появлялся въ корри-ѣ, возникалъ внезапно на лѣстницѣ и, заслышавъ вопросъ не-комаго голоса, обращенный къ швейцару: «гдѣ тутъ кабинетъ лясухина?»—стремглавъ мчался на встрѣчу и сообщалъ:

— Пожалуйте, здѣсь, вотъ сюда!

Затѣмъ предлагался вопросъ:

— Ваша фамилія?

Удостовѣрившись, что фамилія, которую назвали ему, имѣется въ спискѣ участвующихъ, Орлянкинъ спрашивалъ снова:

— Не изволили еще подписаться подъ адресомъ?

Если отвѣтъ былъ отрицательный, стремительный юноша хищно подхватывалъ подъ руку новоприбывшаго гостя и, разсыпая во всѣ стороны: «пропустите, господа, пропустите, pardon, покорнѣйше прошу, пропустите», влекъ его въ уголъ, гдѣ, на маленькомъ столикѣ, въ темно-малиновой плюшевой папкѣ покоился адресъ, подавалъ съ поклономъ перо и, убѣдившись, что жертва его исполнила все, что отъ нея было потребовано, отпускалъ ее на свободу, а самъ устремлялся къ исполненію дальнѣйшихъ обязанностей...

На томъ же маленькомъ столикѣ, съ адресомъ, виднѣется массивная, свѣтлой бронзы, чернильница, украшенная фигурой голаго мальчика, протянувшаго одну руку впередъ, а другою обхватившаго возвышающійся надъ нимъ рогъ изобилія, въ который можно съ удобствомъ вставлять карандаши, ручки для перьевъ и пр. Это— подарокъ, который имѣетъ быть поднесенъ юбиляру, и голый мальчикъ, въ данномъ случаѣ, заключаетъ въ себѣ аллегорическій смыслъ. Здѣсь постоянно тѣснится группа разсматривающихъ. Другая группа видна у камина, гдѣ поставленъ диванчикъ и имѣется нѣсколько креселъ. Тамъ расположились представительницы прекраснаго пола, очевидно, вступившія между собою въ союзъ— отнюдь не уступать никому своихъ мѣстъ. Такъ какъ другой мебели налицо не оказывается, то все остальное общество мается стоя. Тотъ, кто нашелъ себѣ мѣсто у стѣнки и могъ къ ней прислониться, долженъ еще почесться счастливымъ. Многіе лишены даже и такого удобства и принуждены слоняться съ мѣста на мѣсто, напоминая собой лѣтнихъ мухъ, попавшихся въ спеціально для нихъ предназначенную банку съ отравой, или стоять просто столбомъ, питая въ себѣ чувство зависти по отношенію къ одной, никому незнакомой здѣсь парѣ: молодому человѣку и таковой же женскаго пола особѣ, которые съ удобствомъ расположились на подоконникѣ. Они тамъ вполнѣ довольны и счастливы, имъ даже до чрезвычайности весело, судя по тому, что оттуда безпрестанно раздается хохотъ женской особы. Молодой человѣкъ обладаетъ блѣднымъ и истощеннымъ лицомъ, усѣяннымъ прыщиками и завитками на лбу. Сосѣдка его,—рослая брюнетка, не первой уже молодости, съ роскошно развитымъ бюстомъ, въ палевомъ съ широкимъ вырѣзомъ платьѣ, съ пунцовымъ бантомъ на лѣвомъ плечѣ,— очень пикантна: полныя, нѣсколько выдавшіяся губы въ цвѣтѣ и свѣжести могутъ соперничать съ бантомъ, причемъ надъ верх-

нею ясно виднѣются темные усики; волосы низко острижены и завиты мелкимъ барашкомъ. Ея кавалеръ, съ самымъ серьезнымъ, даже деревяннымъ, лицомъ, что-то говоритъ ей въ полголоса, а она катается со смѣху и, махая рукою, восклицаетъ ему тоже въ полголоса:

— Да перестаньте!... Ха, ха, ха!... Не смѣшите!... Ха, ха, ха!... Вы меня уморите!... Ха, ха, ха!...

Пищу для юмора ея кавалера, между прочимъ, даютъ окружающіе, судя по тому, что онъ часто бросаетъ косвенно сатирическій взглядъ въ разные пункты и, остановивъ его на какой-либо фигурѣ, наклоняется къ сосѣдкѣ и шепчетъ, а она, вскинувъ на носъ золотое пенснэ, которое очень идетъ къ ней, тоже шепотомъ спрашиваетъ:

— Который? Который?

— Вонъ тотъ, что у стѣнки...

— Высокій? Съ длинными волосами? Блондинъ?...

— Да нѣтъ... Голова у него, напротивъ, совсѣмъ безъ волосъ... Какъ пузырь... Вонъ тотъ, коротенькій, толстый...— киваетъ онъ на молчаливо стоящаго у стѣнки Думкеллера.

— Вижу, вижу... Ха, ха, ха!... Ну, ну, ну?...

— Не правда ли, онъ очень похожъ на молодого утопленника?

— Ха, ха, ха!

— Котораго еще до сихъ поръ не совсѣмъ откачали?... Не правда ли, а?

— Ха, ха, ха!... Не смѣшите!...

— А вонъ, смотрите еще,— не унимается неистощимый въ остроуміи юноша,— видите вонъ еще тамъ компанію?

— Дама и двое мужчинъ?

— Эти самые. Дама... (обратите вниманіе на ея прелестный костюмъ!)... Вонъ какое страшное у нея выраженіе!

— Ха, ха, ха! Вы, Богъ знаетъ, что мелете!

— Нѣтъ, честное слово!... А этотъ рыжій усачъ... онъ все время глазѣетъ на васъ! Смотрите, какой онъ здоровый жчина...

— Вотъ вамъ за это! — восклицаетъ сосѣдка и хлопаетъ его рукѣ.—Вы уже совсѣмъ заврались!

— Но, ей-Богу же, такъ!... А этотъ другой... Ну, я голову овъ на отсѣченіе отдать, что онъ служитъ въ «бюро похоронхъ процессій»... Смотрите, у него и фракъ, какъ у факельщи... А видъ-то, видъ!... Ну, прямо, какъ есть, погребальный!

Онъ, кажется, думаетъ, что здѣсь будутъ служить паннихиду... Нѣтъ, ради Бога, умоляю васъ, обратите вниманіе!

На этотъ разъ ядовитыя стрѣлы безпощаднаго юноши направлены противъ супруговъ Опорковыхъ; «рыжій усачъ», это—Антонъ. Всѣ трое сгруппировались въ углу, близъ дверей, и ощущаютъ себя далеко не въ праздничномъ настроеніи духа, что особенно замѣтно по выраженію лица Надежды Тихоновны, которой очень неудобно въ парадномъ, непривычномъ для нея, туалетѣ, принимая во вниманіе особенно корсетъ и перчатки. Она въ новомъ, т.-е., выражаясь точнѣе, передѣланномъ совсѣмъ заново для этого случая платьѣ, цвѣта запекшейся крови, съ модными, въ видѣ пузырей, рукавами. Грудь Опорковой украшена брошкой, извлеченной, опять таки ради этого случая, изъ глубочайшихъ нѣдръ коммода. Она изображаетъ муху, сидящую на овальной плоскости изъ какого-то страннаго камня, красноватаго цвѣта съ золотистыми искорками. Видъ у Надежды Тихоновны совершенно измученный. Ноги у нея затекли и она чувствуетъ большую потребность устроиться какъ-нибудь поудобнѣе, къ чему не представляется ни малѣйшей возможности. Но главное, что терзаетъ ее, это—внезапно, какъ молнія, поразившее ее воспоминаніе о ключахъ отъ коммода, шкафовъ и другихъ помѣщеній, которые впопыхахъ оставлены дома, причемъ Опоркова не въ состояніи даже припомнить, гдѣ именно эти ключи (ихъ цѣлая связка!) должны находиться... Обстоятельство тѣмъ болѣе мучительное, что отношенія ея со Степанидой дошли до послѣдней степени своей обостренности. Еслибъ она дорогой хватилась ключей, то, само собою разумѣется, не преминула бы въ ту же минуту вернуться назадъ, разыскать и взять съ собою, но въ томъ-то и дѣло, что именно, словно на грѣхъ, она вспомнила объ этихъ проклятыхъ ключахъ только ужъ здѣсь, когда ничего невозможно подѣлать... Послать за ними домой Ивана Демьяныча?... Этотъ тюлень прокопается Богъ вѣсть сколько времени, да еще, очень возможно, безъ всякого толку! Попросить съѣздить Антона?... Но милому братцу совсѣмъ хоть трава не рости и если бы даже они всѣ сгорѣли, онъ не повелъ бы и ухомъ. Чего лучше: когда она давеча, нѣсколько минутъ вотъ назадъ, сообщила ему, что забыла ключи, и выразила свое безпокойство, онъ надъ ней же потѣшился, сказавъ съ хохотомъ, что онъ совершенно увѣренъ, что теперь ихъ Степанида, со своимъ хахалемъ, роются у нихъ во всѣхъ ящикахъ. Надежда Тихоновна тотчасъ же съ нимъ поругалась. Хоть бы на грошъ было въ немъ родственныхъ чувствъ!... Пень!... Вишь, стоитъ себѣ,

какъ ни въ чемъ не бывало, да пялитъ свои дурацкіе буркалы на стриженую эту особу, что разсѣлась на подоконникѣ и хохочетъ все время со своимъ дохлымъ мальчишкой... Господи, просто хоть ѣхать самой!

— Припомни, можетъ быть, ты видѣлъ, что я ихъ на коммодѣ оставила? — шепчетъ она тревожно сожителю.

Опорковъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ уныло:

— Нѣтъ, не видалъ на коммодѣ ключей...

— Можетъ быть, на столѣ? (Иванъ Демьянычъ повторяетъ прежній свой жестъ и отвѣчаетъ опять отрицательно). Хорошо, если я ихъ въ старомъ платьѣ оставила...— соображаетъ Опоркова, и эта мысль не надолго проливаетъ въ ея скорбную душу бальзамъ утѣшенія, но затѣмъ, вспомнивъ вдругъ, что она держала ключи, будучи уже совершенно одѣтой для выѣзда, такъ что они никоимъ образомъ не могли попасть въ карманъ стараго платья, повергается снова въ отчаяніе. Какъ бы то ни было, приходится покориться судьбѣ, потому что съѣздить отсюда домой и успѣть вò-время вернуться обратно является дѣломъ совершенно немыслимымъ.

Все это не можетъ, конечно, успокоительно дѣйствовать на Ивана Демьяныча, духъ котораго достаточно уже угнетенъ, благодаря присутствію у него на плечахъ его стараго фрака, не надѣвавшагося владѣтелемъ его Богъ вѣсть сколько уже времени. Фракъ оказывается теперь страшно узокъ, рѣжетъ подъ мышками и угрожаетъ тамъ лопнуть, такъ какъ Иванъ Демьянычъ своимъ чуткимъ ухомъ уловилъ уже разъ едва слышно раздавшійся оттуда предостерегающій трескъ... Поэтому онъ старается дѣлать какъ можно меньше движеній руками и совсѣмъ имѣетъ видъ замерзающаго.

Изъ всѣхъ ихъ троихъ удовлетворительно пока себя ощущаетъ Антонъ. Онъ облеченъ въ свой обычный черный сюртукъ и только ради торжественности надѣлъ бѣлый галстукъ. Онъ безпрестанно обращаетъ глаза къ подоконнику, впиваясь въ брюнетку въ палевомъ платьѣ, которая ему очень нравится, такъ какъ вполнѣ въ его вкусѣ.

Его занимаютъ также стоящіе шеренгой у стѣнки преподавате- Большинство изъ нихъ уже налицо. Бросается сразу въ глаза ·стольская борода длиннаго чеха Абсцесса, который выше всѣхъ ·чихъ на цѣлую голову. Затѣмъ ясно сіяетъ лысою своею головой ıкеллеръ... Все остальное сливается въ однообразную массу чер- хъ фраковъ и бѣлыхъ крахмальныхъ грудей. Многихъ пока еще гъ. Не видно Драницына, не прибылъ еще Торопыгинъ. Андрей ·дальонычъ пріѣдетъ, вѣроятно, позднѣе; также и о. Братолюбовъ.

Мужчины, изъ тѣхъ, что лишены возможности даже прислониться къ стѣнѣ, испытываютъ муки томленія. Единственно, что представляется небольшимъ облегченіемъ — пойти покурить въ большой кабинетъ, и, конечно, всѣ предпочли бы остаться въ немъ, еслибъ это было возможно, но дѣло въ томъ, что пребываніе тамъ допускается лишь на краткое время, въ видахъ снисхожденія къ человѣческой слабости, да и то, можно сказать, контрабандой, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тамъ начинаетъ скопляться болѣе или менѣе значительная группа курильщиковъ, въ дверяхъ, тутъ какъ тутъ, стоитъ ужь Орлянкинъ и взываетъ умоляющимъ голосомъ:

— Господа, господа!... Такъ же нельзя!...

И, въ видѣ радикальнѣйшей мѣры, приказываетъ находящемуся тутъ же лакею:

— Отворить скорѣе форточку, форточку!

Курильщики, какъ испуганное стадо овецъ, разсыпаются въ разныя стороны отъ врывающагося съ улицы холоднаго облака и на нѣкоторое время большой кабинетъ совершенно пустѣетъ. Но вскорѣ форточки оказываются снова затворенными, вдоль стѣнъ рѣютъ новыя тѣни курильщиковъ, а въ дверяхъ опять выростаетъ Орлянкинъ.

— Господа, такъ же никакъ нельзя... невозможно!

Въ нѣкоторыхъ онъ уже успѣлъ возбудить къ себѣ ненависть.

— Что это за шишка? Не знаешь?—спрашиваетъ уже упомянутый выше жизнерадостнаго вида субъектъ у мрачнаго своего компаньона, закуривая у него папиросу. Они вошли сюда повторительно, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Орлянкинъ только что успѣлъ разогнать всѣхъ, ранѣе здѣсь находившихся, и жизнерадостнаго вида субъектъ захлопнулъ тотчасъ же форточку.—Вотъ зуда-то, чортъ его побери! Кто онъ такой?

— Чортъ его знаетъ!—отвѣчаетъ мрачный товарищъ.

— Былъ, что ли, онъ въ нашей гимназіи? Ты не помнишь?

— Не помню такого.

— Я тоже не помню. Какъ онъ попалъ сюда?

— Кажется, онъ знакомъ съ Бубенцовымъ... Также, какъ и тотъ, прыщеватый, что съ этою барынькой съ бантомъ.

— А, съ этою, палевою!... А, вѣдь, славная бабеночка, а? Аппетитная, а?

— Ничего... бабенка невредная.

Оба въ молчаніи курятъ.

Между тѣмъ, общество увеличилось новыми лицами. Пріѣхалъ

Драницынъ. Появился и Феноменовъ. Валерьянъ Алексѣичъ одѣтъ въ короткій сюртукъ, отслуживающій ему вѣрой и правдой уже второе трехлѣтіе.

— Боже, какой длинный!—слышится по его поводу шепотъ въ группѣ дамъ, которыя продолжаютъ неуклонно хранить заняты ими на диванѣ и креслахъ позиціи, развлекаясь критическою оцѣн кой всѣхъ незнакомыхъ имъ лицъ. Впрочемъ, единственный въ этомъ случаѣ голосъ принадлежитъ лишь m-me Цыцарской, молодой, недурненькой дамочкѣ, бойкой наружности, благодаря особенно косому пробору и прыгающимъ темненькимъ глазкамъ. Она возсѣдаетъ посрединѣ дивана. Съ правой стороны ея помѣщается жена Грохотунскаго, худощавая, болѣзненнаго вида особа. Она говоритъ очень мало, изрѣдка лишь улыбается какою-то тусклою, принужденною улыбкой. Сосѣдка Цыцарской по лѣвую руку — супруга Думкеллера, розовая, рыхлая нѣмочка, изъ тѣхъ, что называются пышками. Круглые глаза ея видомъ и выраженіемъ напоминаютъ совершенно овечьи. Губки ея сложены бантикомъ и во все время пока не издали ни единаго звука. Она упорствуетъ въ своемъ ненарушимомъ безмолвіи и въ тѣхъ случаяхъ, когда Цыцарская непосредственно къ ней обращается, даже ударяетъ ее по плечу концомъ вѣера. Губки фрау Думкеллеръ, все-таки, сохраняютъ видъ бантика, и только въ невинныхъ глазкахъ ея, цвѣта вареныхъ фіалокъ, появляется выраженіе внезапно изумленной малютки. Молчаливость сосѣдки, впрочемъ, отнюдь не мѣшаетъ Цыцарской все время быть оживленной. Она беззаботно щебечетъ, вертится въ разныя стороны, шуршитъ своимъ вѣеромъ, безпрестанно его распуская и складывая, хлопаетъ имъ по плечу или рукѣ правой или лѣвой сосѣдки и, когда уже не о чемъ совсѣмъ говорить, восклицаетъ капризно-жалобнымъ голосомъ: «Боже, какъ жарко!»

— О, Боже, и онъ тоже здѣсь!—вдругъ испускаетъ она шепотъ ужаса, устремляя глаза по направленію къ двери.

М-me Грохотунская и фрау Думкеллеръ въ свою очередь тоже обращаютъ туда свои взоры.

— Кто? Про кого вы говорите?—спрашиваетъ съ безотчетною ревогой m-me Грохотунская.

— Да про это чудовище... Какъ его?... Я все забываю фамилію... да, Антидорскій... Вонъ онъ идетъ сюда!—прибавляетъ Цыцарская съ трепетомъ, похожимъ на тотъ, который она испытала бы при видѣ ползущаго на нее скорпіона.

Изъ тѣсной толпы, застрявшей въ дверяхъ, отдѣляется высокая фигура господина, по внѣшности своей не заключающаго въ

себѣ ничего, что могло бы возбудить чей-либо ужасъ. Напротивъ, онъ довольно красивъ, вполнѣ даже приличенъ, въ безукоризненномъ фракѣ, съ остроконечно-подстриженною à la буланже бородой и длинными, закрученными въ стрѣлки, усами. Въ лицѣ его тоже незамѣтно чего-либо такого, что въ состояніи было бы когонибудь заставить его опасаться. Несмотря на закрученные въ стрѣлки усы, выраженіе лица его скромное, даже застѣнчивое... Это Антидорскій, учитель гимнастики. Въ силу ли сознанія скромнаго своего значенія среди прочаго учебнаго персонала гимназіи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, онъ держится особнякомъ отъ своихъ товарищей-преподавателей, и въ томъ, какъ онъ теперь съ ними здоровается и отвѣшиваетъ издали общій поклонъ дамской группѣ, можно замѣтить даже оттѣнокъ почтительности. Исполнивъ это въ молчаніи, онъ тотчасъ стушевывается. Тѣмъ не менѣе, присутствіе его всѣми отмѣчено: нѣкоторые обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ, а кто-то кому-то замѣтилъ въ полголоса:

— Гм... и Антидорскій явился.

— Гм... да, къ сожалѣнію.

— Чего добраго, будетъ спектакль.

— Очень возможно.

М-me Цыцарская продолжаетъ больше всѣхъ волноваться.

— Боже, какъ я боюсь, какъ я боюсь, если бы вы знали! — шепчетъ она, стискивая руку m-me Грохотунской и вертясь, какъ на угольяхъ. Поймавъ взглядъ издали сквозь толпу на нее смотрящаго мужа, она начинаетъ ему энергически жестикулировать.

— Стась, Стась! Поди сюда, Стась!

Математикъ Цыцарскій протискивается и, подойдя къ женѣ, спрашиваетъ:

— Ну, что такое?

— Антидорскій тутъ! Видѣлъ?

— Конечно-жь... Даже поздоровался съ нимъ.

— Не садись рядомъ съ нимъ! Слышишь?

Цыцарскій съ презрительною усмѣшкой пожимаетъ плечами и отходитъ.

— Умоляю! — громко бросаетъ жена ему вслѣдъ.

Въ ту же минуту въ толпѣ происходитъ движеніе. Пріѣхалъ директоръ, Андрей Ардальонычъ Хуторовскій. Съ нимъ и инспекторъ, толстый и коротенькій человѣкъ, страдающій постоянною одышкой, Лука Николаичъ Поддубный, болѣе извѣстный между учениками подъ именемъ просто Луки или Кукиша. Директоръ Хуторовскій, невысокій, умѣренной полноты господинъ, съ большими

пушистыми, посѣдѣвшими уже бакенбардами, мягкій въ пріемахъ, не безъ оттѣнка достоинства, производитъ впечатлѣніе вполнѣ джентльмена. Поддубный, онъ же и Кукишъ, напротивъ, имѣетъ въ себѣ что-то вульгарное. Съ маленькими, выпученными глазками, похожими на оловянныя пуговицы, на багрово-красномъ лицѣ и съ подстриженными въ видѣ щетокъ усами, онъ сильно смахиваетъ на переодѣтаго въ статское платье фельдфебеля.

Появленіе ихъ производитъ сенсацію. Пока одна часть общества здоровается съ Андреемъ Ардальонычемъ, другая озабочена вопросомъ, гдѣ его посадить. Дамы готовы наперерывъ уступить свое мѣсто.

— Mesdames, ради Бога... вы меня конфузите... Господа, не безпокойтесь... убѣдительно прошу васъ, не безпокойтесь изъ-за меня, господа!—умоляетъ Андрей Ардальонычъ и, чтобы поскорѣе покончить съ этимъ вопросомъ, занимаетъ мѣсто у стѣнки.

Но Абсцессъ отнюдь не намѣренъ на томъ успокоиться. Извиваясь, какъ угорь, онъ скользитъ сквозь толпу въ корридоръ, уловляетъ Орлянкина, и результатомъ краткаго ихъ совѣщанія является стулъ, который торжественно тащитъ одинъ изъ лакеевъ. Андрей Ардальонычъ, несмотря на его сопротивленія, все-таки, усаженъ на мѣсто. Поддубный остается тамъ, гдѣ стоялъ, на ногахъ, напоминая всею своею фигурой прочно утвержденную тумбу.

Въ комнатѣ стало до невыносимости душно, поэтому многіе прохаживаются по корридору, чтобы отдышаться. Иные эмигрировали въ большой кабинетъ. Жизнерадостный и мрачный субъекты, которые все время, какъ два Аякса, между собой неразлучны, порѣшили совершенно въ немъ основаться. Орлянкинъ на нихъ махнулъ ужь рукою. Среди новоприбывшихъ они отыскали двухъ соучениковъ той же гимназіи позднѣйшаго выпуска. Оба въ формѣ студентовъ: одинъ—университетскій, другой—медикъ. Перваго зовутъ Мокряковымъ, фамилія второго—Тычинкинъ. Аяксы тоже назвали себя: жизнерадостный оказался Скачковымъ, а мрачный товарищъ его—Мухоморовымъ. Всѣ они, съ папиросами, расположились у окна, близъ закуски, и бесѣдуютъ по поводу общихъ знаомыхъ. Началось, конечно, съ воспоминаній о юбилярѣ. Сказано емъ было немного, но отзывы были одного характера.

— Сычъ предобродушный былъ старикашка, — воскликнулъ иверситетскій студентъ,—только что телята его не лизали!

— Безвредный старикъ,—сказалъ въ свою очередь медикъ,—только, все-таки, на кой чортъ ему юбилей?

— Ну, что-жь, отчего его не потѣшить? — замѣтилъ Скачковъ.—Главное, вѣроятно, все выйдетъ очень забавно!

— Я, сказать откровенно, только изъ-за того и поѣхалъ,— признался Тычинкинъ.

— Всѣхъ потѣшнѣе будетъ, конечно, самъ тишайшій нашъ Сычъ,—сказалъ Мокряковъ.

— Помню, какъ я, еще первоклассникомъ, на его урокъ табакерку съ музыкой разъ притащилъ,— задумчиво сообщилъ Мухоморовъ,—то-то ему было тревоги!

— Что-жь, онъ васъ не поймалъ?—спросилъ Мокряковъ.

— Не поймалъ, — вздохнулъ Мухоморовъ и умолкъ, погрузившись въ воспоминанія минувшаго.

Затѣмъ разговоръ перешелъ къ настоящимъ событіямъ.

— А Кукишъ-то, Кукишъ!—воскликнулъ опять Мокряковъ.— Какова подлая бестія! Сдѣлалъ, вѣдь, видъ, будто меня не узналъ! Замѣтилъ?—обратился онъ съ вопросомъ къ Тычинкину.

— Еще бы ты передъ выпускными экзаменами такъ здòрово съ нимъ поругался!

— Запомнилъ, вѣдь, шельма!

— Запомнилъ, каналья!

— А Абсцессъ-то, а, господа? Какимъ бариномъ сталъ! Вотъ вы на него и смотрите!

— Отъѣлся на русскихъ хлѣбахъ!

— А ты не забылъ, Мухоморовъ, какъ онъ только что къ намъ изъ своей Праги пріѣхалъ?... Худенькій, жалкенькій, въ чемъ только душа.

— Помнимъ всѣ... Ну его къ чорту!

— А знаете, что, господа!—обратился ко всѣмъ Мокряковъ,— вѣдь, Грохотунскій, надо полагать, сегодня зда-ар-ровую муху убьетъ!

— Ого-го!

— Ха-ха-ха!

— Надо будетъ заставить его тотъ анекдотъ разсказать... Помнишь, Тычинкинъ?

— Какой анекдотъ?—заинтересовался Скачковъ.

— Ахъ, вы не знаете! Въ «Назаретѣ» онъ намъ съ нимъ разсказывалъ... Прелестно у него это выходитъ.

— Въ чемъ дѣло?

— А видите, въ чемъ... Ѣдетъ по улицѣ разъ одна барыня...

Но анекдоту не суждено имѣть продолженія. Въ дверяхъ появ-

ляется внезапно Орлянкинъ и объявляетъ строгимъ и торжественнымъ голосомъ:

— Господа! Сейчасъ долженъ быть юбиляръ! Покорнѣйше прошу васъ пожаловать!

— Идемте, братцы! За столомъ, чуръ, вмѣстѣ садиться!

— Само собой! Обязательно!

Теперь въ небольшомъ кабинетѣ тѣсно, какъ въ боченкѣ сельдей. Освобождено лишь небольшое пространство между дверью и столикомъ съ виднѣющимися на немъ, при огнѣ пары свѣчей, плюшевою папкой и долженствующею быть поднесенною юбиляру чернильницей. Это пространство очищено для юбиляра. Тутъ сгруппировались всѣ имѣющіяся въ наличности дамы; между ними, въ качествѣ самаго почетнаго гостя, директоръ гимназіи, Андрей Ардальонычъ, а впереди всѣхъ Грохотунскій, слегка опершійся правою рукой о столикъ. Они обращены лицомъ къ двери (которая пока плотно притворена и придерживается за ручку снаружи, изъ коридора, лакеемъ, между тѣмъ какъ другой лакей стоитъ на стражѣ у двери въ большой кабинетъ, гдѣ теперь отворены форточки, для освѣженія отъ табачнаго дыма, и выметаютъ окурки), и у нихъ у всѣхъ такой видъ, будто они собрались причащаться... Остальное все общество стѣснилось въ плотную массу, и положеніе заднихъ оказывается однимъ изъ самыхъ плачевныхъ, какъ, напримѣръ, Антона и инспектора, которые притиснуты къ стѣнкѣ широкою спиной Думкеллера и принуждены созерцать его блестящую маковку и апостольскій профиль Абсцесса, возвышающійся надъ цѣлою толпой. Позиція Ивана Демьяныча оказалась удобною, онъ очутился въ передней группѣ, гдѣ дамы, такъ какъ жена успѣла подхватить его подъ руку, причемъ Опорковъ въ ту же минуту получилъ подозрѣніе, что фракъ его, наконецъ-таки, лопнулъ подъ мышкой. Мысль объ этомъ все время теперь его мучитъ.

Всѣ стоятъ въ ожиданіи. Разговоры умолкли. Тишина гробовая. Слышно только, какъ тяжело дышетъ инспекторъ.

Но вотъ дверь широко распахивается невидимою рукой лакея и въ ней появляется Тихонъ Антонычъ...

Грохотунскій вскидываетъ вверхъ обѣ руки, потомъ опускаетъ ь съ трескомъ, ладонями вмѣстѣ, и въ ту же минуту стѣны комгы потрясаются отъ грома рукоплесканій...

Юбиляръ, весь красный, взволнованный, низко-пренизко расıнивается. Въ то же время, онъ растерянно тычется въ небольмъ пространствѣ между Грохотунскимъ и дверью, гдѣ завязла асковья Никифоровна, которая не можетъ двинуться дальше, по-

тому что ей придется тогда повалить мужа на столикъ или врѣзаться самой на-проломъ между двухъ ближайшихъ къ двери сосѣдей. Грохотунскій, тѣмъ временемъ успѣвшій вооружиться плюшевою папкой, пятится немного назадъ, на дамскую группу, которая, въ свою очередь, тоже осаживаетъ, вслѣдствіе чего промежутокъ становится нѣсколько шире и юбиляръ теперь можетъ стоять совершенно свободно. Прасковья Никифоровна дѣлаетъ было попытку пролѣзть совсѣмъ въ комнату, но тотчасъ же находитъ удобнѣйшимъ не трогаться дальше. Какъ бы то ни было, дѣло, все-таки, скоро улаживается, причемъ происшедшее у дверей замѣшательство остается совершенно неизвѣстнымъ для заднихъ изъ зрителей, которые поэтому все время не прерывали апплодисментовъ.

Наконецъ, Грохотунскій подаетъ знакъ къ молчанію. Передній рядъ стоитъ совершенно спокойно. Только сзади раздается нѣсколько всплесковъ въ видѣ послѣднихъ отзвуковъ затихающей бури... Орлянкинъ строго оглядывается и энергически дѣлаетъ: «ш-ш!» Воцаряется снова гробовое безмолвіе.

Грохотунскій раскрываетъ находящуюся въ рукахъ его папку, въ которой вложенъ написанный на атласистомъ листѣ толстой, «министерской» бумаги поздравительный адресъ, и торжественно и громко читаетъ:

«Многоуважаемый и дорогой юбиляръ
Тихонъ Антоновичъ!

«Въ вашемъ лицѣ мы чествуемъ одного изъ немногихъ, которому можетъ выпасть на долю завидный жребій—дожить до тридцатипятилѣтія своей общественной дѣятельности. Тридцать пять лѣтъ вы ровно и неуклонно шли по пути, изъ всѣхъ тяжелыхъ путей, которыми полна наша печальная земная юдоль,— сугубо тяжелому, неблагодарному, изобильно усыпанному волчцами и терніями, каковымъ представляется скорбный путь педагога...»

Грохотунскій дѣлаетъ короткую паузу. На глазахъ юбиляра, все время потупленныхъ въ землю, блещетъ слеза... Тяжелое дыханіе инспектора, притиснутаго совсѣмъ уже вплотную къ стѣнѣ, переходитъ теперь въ какой-то полузадушенный хрипъ, почти даже свистъ, и можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, служить превосходнѣйшею иллюстраціей къ краснорѣчивымъ словамъ только что прочитанной фразы.

Грохотунскій, между тѣмъ, продолжаетъ:

«...Тѣмъ болѣе высока должна быть предъ лицомъ всѣхъ ваша заслуга, что, несмотря на этотъ долгій, искусительный путь, на которомъ многіе падали, изнемогшіе и облитые кровью, вы

смогли до конца донести неугасимымъ тотъ яркій свѣтильникъ душевной ясности и сердечнаго огня, которымъ неувядаемо свѣтится ваша симпатичная личность. Труды администратора, поэта, художника отмѣчаются на страницахъ исторіи, ихъ вѣнчаютъ лаврами, имъ воздвигаются памятники, но и тотъ, и другой, и третій вступили на жизненный путь и принесли пользу согражданамъ, вѣдомые свѣточемъ, который озарялъ этотъ путь, мерцая въ скромной рукѣ педагога. Можетъ быть, перо, которое теперь, въ эти минуты,—въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго...»

— Ш-ш! — дѣлаетъ неожиданно, съ сердцемъ, Орлянкинъ, устремляя взоры на дверь. Нѣкоторые изъ публики тоже къ ней оборачиваются и шипятъ въ свою очередь: «ш-ш!» Грохотунскій пріостанавливается и воззривается тоже на дверь, гдѣ раздается вдругъ шумъ, а поверхъ лиловаго банта на головѣ Прасковьи Никифоровны и изъ-за плеча, заграждающаго входъ сюда изъ корридора лакея, показываются разрумяненныя морозомъ лица Бубенцова и привезенныхъ имъ съ собою какихъ-то двухъ барышень. Но они тотчасъ же затѣмъ исчезаютъ и все снова приходитъ въ порядокъ. Грохотунскій опять продолжаетъ:

«...И, можетъ быть, перо, которое теперь, въ эти минуты,—въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго,—начертаваетъ страницы великой поэмы, романа или иного труда, во славу нашего дорогого отечества, принадлежитъ той рукѣ, которая нѣкогда, робкимъ, ребяческимъ почеркомъ, выводила съ прописи первыя буквы, подъ указующимъ наблюденіемъ вашимъ, дорогой юбиляръ Тихонъ Антоновичъ!...»

Грохотунскій захлопываетъ торжественно папку и вручаетъ ее юбиляру, вслѣдъ затѣмъ, непосредственно, оборачивается къ предназначенной для поднесенія ему же чернильницѣ и, взмахнувъ къ ней рукою, патетическимъ голосомъ прибавляетъ, уже отъ себя:

— И пусть этотъ самый младенецъ, простирающій къ вамъ свои невинныя ручки съ чернильницы, которую мы просимъ васъ, дорогой Тихонъ Антонычъ, принять какъ слабый залогъ нашей общей горячей любви, воскликнетъ вмѣстѣ съ нами со всѣми: «Да здравствуетъ на многіе, многіе годы нашъ милый, безцѣнный Ти...ъ Антонычъ!...»

Громъ рукоплесканій. Юбиляръ закрываетъ лицо плюшевою ...кой и плачетъ. Прасковья Никифоровна стремительно исчезаетъ ...дверь въ корридоръ и, прижавшись тамъ въ уголокъ, тоже изли...ется въ обильныхъ слезахъ. Одинъ изъ лакеевъ, стоя поодаль, ...отритъ съ участіемъ на Прасковью Никифоровну; другой побѣ...ъ за стаканомъ воды для нея.

Между тѣмъ, вокругъ юбиляра начинаетъ происходить нѣчто головокружительное. Въ комнатѣ поднимается шумъ, словно въ ульѣ, а передъ Тихономъ Антонычемъ мелькаютъ, какъ въ калейдоскопѣ, головы, плечи, мужскіе носы, женскіе волосы, на мгновеніе его обдаетъ ароматъ духовъ «свѣжаго сѣна» отъ платья Цыцарской, запахъ табачнаго дыма отъ усовъ ея мужа, появляется и исчезаетъ борода Святополка Игнатьича, свѣтящаяся подобно билліардному шару макушка Думкеллера, бакенбарды Андрея Ардальоныча, русый капуль неизвѣстнаго юноши, золотое пенснэ другого неизвѣстнаго юноши, рыжіе усы сына Антона, брошка съ изображеніемъ мухи дочери Нади... И все это переплетается, толкается, тискается и жметъ ему руки... Онъ ощущаетъ объятія, принимаетъ на уста поцѣлуи.

Теперь онъ уже совсѣмъ не принадлежитъ самъ себѣ. Ему что-то говорятъ, задаютъ ему какой-то вопросъ, онъ чувствуетъ, что кто-то вдвоемъ подхватилъ его подъ руки, затѣмъ его куда-то ведутъ, и вотъ онъ въ большой комнатѣ съ накрытымъ столомъ, и все вокругъ залито яркимъ свѣтомъ отъ большихъ канделябръ и электрической люстры.

У стола съ закуской уже образовалась толпа. Всѣ оживлены, веселы, рады, очутившись, послѣ давки и духоты тѣсной комнаты, наконецъ, на свободѣ. Всѣ хотятъ двигаться, всѣ хотятъ ѣсть.

Здѣсь Тихона Антоныча встрѣчаютъ опять поздравленія—отъ новыхъ, опоздавшихъ къ началу гостей. Его привѣтствуетъ о. Константинъ Братолюбовъ, въ великолѣпной, темно-вишневаго цвѣта, шелковой рясѣ и во всѣхъ своихъ крестахъ и регаліяхъ. Онъ извиняется, что принужденъ былъ запоздать, такъ какъ его неожиданно позвали на требу. Съ нимъ другой священникъ, преподаватель священной исторіи въ младшихъ классахъ, о. Павелъ Ѳивейскій. Это совсѣмъ еще молодой человѣкъ, красивый, съ кудрявыми, подстриженными поверхъ плечъ волосами, которые придаютъ ему видъ артиста, въ щегольской фіолетовой рясѣ. Онъ носитъ широкіе отложные воротнички à l'enfant и манжеты съ запонками въ видѣ золотыхъ якорей. Онъ тоже извиняется, что запоздалъ, но причины не объясняетъ, только жметъ юбилярову руку и желаетъ ему всяческихъ благъ. Затѣмъ поздравляетъ его Бубенцовъ, обольстительный въ своей фрачной парѣ, съ повисшими у него на обоихъ локтяхъ двумя миніатюрными барышнями, въ голубомъ и розовомъ платьяхъ, съ которыми онъ, очевидно, состоитъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Одну онъ рекомендуетъ какъ Вѣру Сергѣевну, другую—какъ Любовь Сергѣевну, и обвиняетъ ихъ въ томъ, что онъ запоздалъ,

такъ какъ онѣ десять часовъ одѣвались и, конечно, были бы еще и теперь не готовы, еслибъ онъ, потерявъ, наконецъ, съ ними терпѣніе, не ворвался насильно въ ихъ спальню и не затянулъ на обѣихъ собственноручно корсеты. При этомъ барышни заливаются очаровательнымъ смѣхомъ, и голубая дергаетъ его за ту руку, на которую она опирается, такъ, что Бубенцовъ чуть не падаетъ (или, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ видъ, что хочетъ упасть), и восклицаетъ:

— Не смѣйте! Безсовѣстный!

Въ ту же минуту и розовая его дергаетъ такъ, что онъ опять чуть не падаетъ, но на другую уже сторону, и кричитъ въ свою очередь:

— Не врите! Нахалъ!

Затѣмъ вся тройка хохочетъ, и Тихонъ Антонычъ тоже хохочетъ, хотя онъ не понялъ ни слова изъ того, что̀ ему говорили, какъ не понялъ объясненій о. Братолюбова, какъ не можетъ взять теперь въ толкъ, о чемъ говоритъ ему, стоя передъ самымъ его носомъ, Андрей Ардальонычъ, послѣ того, какъ веселая тройка, съ Бубенцовымъ въ корню, покинувъ, наконецъ, юбиляра, подлетѣла къ закускѣ.

— Андрей Ардальонычъ желаетъ познакомиться съ вашею супругой, Тихонъ Антонычъ,—объясняетъ ему Поплясухинъ, очутившійся тутъ же.

— Да, пожалуйста, представьте меня, Тихонъ Антонычъ,— подтверждаетъ Андрей Ардальонычъ.

Очень кстати Прасковья Никифоровна оказывается отъ нихъ въ двухъ шагахъ, и Тихонъ Антонычъ въ ту же минуту исполняетъ лестное желаніе директора. Прасковья Никифоровна, со слѣдами еще не совсѣмъ высохшихъ слезъ на лицѣ, весьма авантажна въ своемъ шелковомъ платьѣ цвѣта бордо и бѣлой кружевной наколкѣ съ лиловыми лентами. Андрей Ардальнычъ говоритъ ей нѣсколько любезностей. Онъ поздравляетъ ее съ торжественнымъ днемъ ея мужа, выражаетъ свое сожалѣніе, что онъ покидаетъ гимназію. Тихонъ Антонычъ хочетъ вмѣшаться въ бесѣду, но рядомъ съ нимъ слышится:

— Здравствуйте, Тихонъ Антонычъ! Поздравляемъ васъ, Тихонъ Антонычъ!

Онъ оборачивается. Передъ нимъ стоятъ четыре молодыхъ человѣка.

— Скачковъ... Мокряковъ... Мухоморовъ... Тычинкинъ... Помните насъ, Тихонъ Антонычъ?

О, конечно, онъ помнитъ ихъ! Всѣхъ бывшихъ учениковъ своихъ онъ помнитъ отлично! Правда, они были тогда еще мальчиками, и съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Тѣмъ болѣе, онъ такъ радъ, что теперь, въ этотъ счастливѣйшій день его жизни... никогда, никогда не забудетъ онъ этого!

Тихонъ Антонычъ жметъ пылко ихъ руки, и улыбка, которая все время не сходитъ съ лица его, принимаетъ вдругъ выраженіе, похожее отчасти на истерическое. Эта улыбка ни на минуту не покидаетъ его. Она, такъ сказать, закостенѣла въ чертахъ его, она неподвижна, какъ маска, ее нельзя назвать даже восторженной: это—улыбка блаженная, почти что безумная, когда человѣкъ внѣ себя, въ забытьи, словно въ угарѣ; кажется, что вотъ-вотъ, немного еще—и она разрѣшится нервнымъ припадкомъ...

— Я такъ радъ, такъ радъ, господа...—начинаетъ онъ снова, бросаясь опять пожимать руки ихъ всѣхъ четверыхъ, но въ это время отъ стола раздается:

— Юбиляръ! Почтеннѣйшій нашъ юбиляръ!

— Юбиляръ! Съ вами выпить!

Цѣлая шеренга мужчинъ стоитъ у стола, повернувъ къ юбиляру головы и держа на вѣсу налитыя рюмки. Грохотунскій подскакиваетъ и, подхвативъ его подъ руку, увлекаетъ къ столу.

— Да, да, непремѣнно выпить съ вами, Тихонъ Антонычъ!—восклицаютъ и четверо молодыхъ людей, съ которыми онъ разговаривалъ, и, подхвативъ его съ другой стороны, тоже увлекаютъ къ столу. Нѣсколько бутылокъ одновременно поднимаются въ воздухъ...

— Простой?

— Горькой?

— Рябиновой?

Въ головѣ Тихона Антоныча проблескиваетъ на минуту соображеніе о томъ, что ему слѣдуетъ сказать, что онъ не пьетъ никакой, но рюмки готовы, и онъ, все съ тою же застывшею блаженною улыбкой, отвѣчаетъ съ быстрою готовностью:

— Да, да... горькой... рябиновой...

— За ваше здоровье, Тихонъ Антонычъ!

— Со мной, со мной, Тихонъ Антонычъ!

— Со мной тоже, папаша!—протягивается откуда-то сбоку рюмка Антона.

Онъ беретъ наудачу первую изъ налитыхъ разноцвѣтными водками рюмокъ, тычетъ ею въ ближайшія, которыя тянутся къ нему съ разныхъ сторонъ, и залпомъ ее выпиваетъ.

— Со мною не чокнулись, Тихонъ Антонычъ!—восклицаетъ Скачковъ.

— Со мною тоже не чокнулись!—раздается еще чей-то голосъ.

Неизвѣстно, какъ это выходитъ, но только въ рукѣ Тихона Антоныча оказывается новая полная рюмка съ какою-то водкой... Онъ опять чокается и опять выпиваетъ.

— Господа! За здоровье супруги Тихона Антоныча!—предлагаетъ вдругъ кто-то.

— Да, да, за здоровье супруги!—подхватываютъ вокругъ голоса.

Теперь уже совершенно невозможно не выпить—и Тихонъ Антонычъ опрокидываетъ въ себя третью рюмку... Она для него совсѣмъ уже лишняя, и Тихонъ Антонычъ выпиваетъ ее съ значительнымъ даже усиліемъ, почти съ отвращеніемъ. Въ то же самое время, онъ чувствуетъ, какъ будто что-то изъ самаго нутра его толкаетъ вдругъ ему въ голову, въ самый центръ черепа, и словно взбалтываетъ весь его мозгъ... Ощущеніе отнюдь не непріятное, даже напротивъ: въ головѣ водворяется какая-то необычайная ясность, мысли струятся въ стройномъ порядкѣ, а духъ приходитъ въ то состояніе покоя, которое даетъ намъ сознаніе глубокаго чувства достоинства, такъ какъ Тихонъ Антонычъ теперь понимаетъ, что ему принадлежитъ по праву здѣсь первая роль, что ему даже странно чего-то робѣть и теряться, потому что, говоря по всей справедливости, главный хозяинъ этого праздника —*онъ*...

— Благодарю, господа,—говоритъ онъ съ поклономъ,—теперь ужь увольте.

И Тихонъ Антонычъ съ достоинствомъ удаляется прочь отъ закусокъ.

Та напряженно-блаженная улыбка, которая сіяла все время на лицѣ юбиляра, исчезла, замѣнившись выраженіемъ глубоко-спокойнаго, сосредоточеннаго въ самомъ себѣ счастья. Ему хорошо, совсѣмъ хорошо,—такого состоянія онъ еще никогда не испытывалъ въ жизни, и лучше, чище, выше того, что теперь чувствуетъ онъ, не можетъ ничего быть на свѣтѣ!...

Да и всѣ, очевидно, чувствуютъ себя превосходно. У стола съ закусками царствуетъ большое оживленіе. Любо-дорого смотрѣть, какъ Поплясухинъ, возвышаясь своею монументальною фигурой надъ толпой бутылокъ, смакуетъ и пробуетъ то то, то другое изъ разстилающихся передъ нимъ широкимъ полемъ закусокъ и, блистая глазами, взываетъ:

— Господа, рекомендую икру!... Тёшки попробуйте! Райская!! Селедка — божественная!!!

Бубенцовъ, занявшій удобную позицію у края стола, угощаетъ своихъ разноцвѣтныхъ дѣвицъ. О. Павелъ Ѳивейскій дѣятельно съ нимъ въ этомъ сотрудничаетъ. Оба они въ большихъ хлопотахъ. Все вниманіе Бубенцова сосредоточено на розовой барышнѣ.

— Господа, передайте мнѣ сыръ! Сыръ мнѣ пожалуйста! — кричитъ Бубенцовъ.

— Сардинку прикажете? — въ свою очередь освѣдомляется о. Павелъ Ѳивейскій и бросается разыскивать требуемое.—*Мосьё, пардоне!*—говоритъ онъ, распростираясь надъ рядами тарелочекъ, между тѣмъ какъ магистерскій крестъ молодого законоучителя, безпрестанно выскакивающій изъ-за ворота рясы, издаетъ мелодическій звонъ о стѣнки бутылокъ, а тотъ или другой конецъ рукава готовъ окунуться въ какой-нибудь соусъ. Благополучно выловивъ изъ жестянки сардинку и доставъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, онъ устремляется къ голубой своей дамѣ съ этою добычей, которую и подноситъ на вилкѣ, говоря притомъ галантно: — *Сильвупле! Жевупри!*

Успѣвшіе уже между собой познакомиться Антонъ съ Антидорскимъ твердою стопой укрѣпились у того пункта стола, гдѣ бутылки, и безпрестанно наливаютъ другъ другу. Антонъ закусываетъ каждую рюмку грибкомъ. Антидорскій ничѣмъ не закусываетъ. Онъ держитъ все время въ двухъ пальцахъ маленькую корочку хлѣба, которую нюхаетъ послѣ выпитой рюмки, и тѣмъ ограничивается... Бесѣда ихъ немногословна до крайности.

— Теперь мы какой? Полынной, пожалуй?—спрашиваетъ Антонъ, протягивая руку къ бутылкѣ и пытливо смотря въ глаза собесѣднику.

— Мнѣ—блондинки,—густымъ баритономъ говоритъ Антидорскій.

Антонъ наливаетъ компаньону очищенной, а полынной себѣ, оба чокаются и подносятъ рюмки къ устамъ.

— За ваше...

— За ваше...

Антонъ кряхтитъ и глотаетъ грибокъ. Антидорскій выпучиваетъ страшно глаза и нюхаетъ корочку... Пауза.

— Теперь, я думаю, горькой?—вопросительно произноситъ Антонъ.

— Чортъ съ ней! Мнѣ — блондинки! —возражаетъ ему Антидорскій.

— За ваше...

— За ваше...

Пауза.

— Я опять горькой! —восклицаетъ Антонъ.

— А мнѣ все же блондинки! —стоитъ на своемъ Антидорскій.

— За ваше...

— За ваше...

Антонъ уже красенъ. Антидорскій, напротивъ, дѣлается все болѣе и болѣе блѣденъ. Одинъ его усъ размокъ и повисъ, но другой продолжаетъ еще сохранять стрѣловидную форму.

— Не ѣшь, ради Бога, омара,—шепчетъ Иванъ Демьянычъ женѣ, которая наложила себѣ на тарелку порядочную порцію этого яства.

— Ахъ, отвяжись отъ меня, Христа ради!

Тихонъ Антонычъ на нѣсколько минутъ остается наединѣ самъ съ собою. Онъ удалился въ другой конецъ комнаты, гдѣ совсѣмъ пусто, такъ какъ все общество толпится теперь у закуски, и, стоя противъ окна, смотритъ пристально въ уличный мракъ, тамъ и сямъ прорѣзанный яркими полосами, которыя бросаютъ на снѣгъ освѣщенныя газомъ окна магазиновъ и стеклянныя двери подъѣздовъ, а въ нихъ вырисовываются и опять пропадаютъ тѣни зазябшихъ прохожихъ, испускающихъ паръ лошадей и ныряющихъ извощичьихъ санокъ со скрючившимися на нихъ сѣдоками. Въ сторонѣ, полѣвѣе, гдѣ пересѣкаются Большая Морская съ Невскимъ проспектомъ, сіяютъ, какъ луны, синеватымъ электрическимъ свѣтомъ, съ вершинъ своихъ чугунныхъ столбовъ, фонари, и тамъ струится черный потокъ пѣшеходовъ, звонитъ оглушительно конка, понуро трусятъ извощичьи клячи и, съ сверканьемъ и топотомъ, несутся кареты. А на все это кипѣніе столичной головокружительной жизни смотритъ сверху, въ безмолвно-величавомъ покоѣ, вечернее небо, сіяя миріадами своихъ кроткихъ огней, зажженныхъ на немъ съ первыхъ дней созданія міра... Сколько ихъ, Боже мой!... Вотъ какая-то большая звѣзда горитъ прямо надъ высокою трубой противоположнаго дома. Она самая крупная, самая яркая, и Тихону Антонычу кажется, что трепетно-мерцающій лучъ ея, льющійся сквозь безпредѣльную даль, проникъ въ его душу и теплится тамъ такою же кроткою звѣздой, и ширитъ всю грудь его, и вызываетъ на глаза его слезы... Что̀ хочетъ сказать ему эта звѣзда, что̀ хотятъ сказать міру всѣ эти звѣзды? «Все пройдетъ, все погибнетъ (хотятъ

сказать эти звѣзды), исчезнетъ и самая память о всемъ, изъ-за чего человѣкъ проливаетъ кровь ближняго, терзается мýками совѣсти, кичится и злобствуетъ; но высокая мысль и чистое чувство остаются живы во вѣки, потому что они обитаютъ въ нашей небесной лазури и о нихъ мы вѣщаемъ душѣ всякаго грядущаго въ міръ человѣка...» «Вотъ, когда хорошо,—шепчетъ Тихонъ Антонычъ,—вотъ когда было бы сладко навѣки уснуть!...»

— Юбиляръ!

— Гдѣ же онъ?

— Тихонъ Антонычъ!

— А, вотъ онъ! Вотъ гдѣ виновникъ!

Рядомъ съ нимъ вдругъ оказываются, неожиданно какъ-то очутившіеся, Грохотунскій и Андрей Ардальонычъ. Пространство передъ закусками уже опустѣло. Шумъ, говоръ, двиганье стульями. Все общество разсаживается за длинный обѣденный столъ.

— Пожалуйте, Тихонъ Антонычъ,—говоритъ Грохотунскій и беретъ «виновника» подъ правую руку; Андрей Ардальонычъ дѣлаетъ то же съ другой стороны, и оба они ведутъ юбиляра къ столу.

«Виновникъ», наконецъ, приведенъ и усаженъ.

. . . .

Супъ пренсесъ.
Пирожки паризьенъ.
Форель грандъ-отель.
Соусъ борделесъ.
Рябчики и куропатки.
Пуншъ глясе.
Чай или кофе.

Это написано на небольшомъ, глазированной толстой бумаги, «меню», лежащемъ отдѣльно передъ каждымъ изъ принимающихъ участіе въ обѣдѣ.

Супъ пренсесъ и пирожки паризьенъ уже съѣдены. Лакеи разносятъ «форель грандъ-отель».

Юбиляръ помѣщается, какъ подобаетъ его положенію, въ верхнемъ концѣ и доступенъ для лицезрѣнія большинству участниковъ пиршества.

Онъ очень представителенъ въ своей парадной одеждѣ, и его серебристо-бѣлые волосы, отросшіе, за это послѣднее время, въ длинныя кудри, являютъ эффектный контрастъ съ оживленными взорами и румянцемъ на щекахъ, придающими Тихону Антонычу видъ, можно сказать, почти юношескій. На бѣлоснѣжной груди его

лучшей крахмальной рубашки чрезвычайно красиво выдѣляется алая ленточка ордена Анны, ниспадая изъ-подъ бѣлаго галстука, повязаннаго въ видѣ пышнаго банта и вызвавшаго даже испарину въ Прасковьѣ Никифоровнѣ, бившейся надъ нимъ, по крайней мѣрѣ, четверть часа, чтобы придать ему эту форму, и онѣмѣніе въ членахъ самого юбиляра, принужденнаго, совсѣмъ ужь готовымъ, во фракѣ, во все это время стоять неподвижно съ головой, поднятой кверху.

По лѣвую руку юбиляра помѣщается супруга его, Прасковья Никифоровна, по правую—директоръ гимназіи, Андрей Ардальонычъ. Далѣе слѣдуютъ: инспекторъ Поддубный (онъ же и Кукишъ), о. Константинъ Братолюбовъ, Грохотунскій, Абсцессъ — съ одной стороны; Цыцарскій, Клишè и Думкеллеръ—съ другой. Еще далѣе, разсыпаны въ перемѣсь, кто съ кѣмъ случился или кому съ кѣмъ было желательно. Драницынъ и Поплясухинъ раздѣлены четою Опорковыхъ. Бубенцовъ съ розовою барышней и о. Павелъ Ѳивейскій—съ голубою, составляютъ свое отдѣльное общество. Скачковъ, Мокряковъ, Тычинкинъ и Мухоморовъ, какъ было ранѣе уговорено между ними, сѣли всѣ рядомъ. Орлянкинъ занимаетъ центральное мѣсто. Ему, въ началѣ обѣда, лакей поднесъ на тарелкѣ какія-то двѣ телеграммы. Онъ и теперь во все время имѣетъ озабоченный видъ. Сидѣть съ нимъ рядомъ пришлось курчавой брюнеткѣ въ палевомъ платьѣ, съ неизмѣннымъ ея кавалеромъ—насмѣшливымъ юношей съ прыщеватымъ лицомъ. Цыцарская неразлучна съ женою Думкеллера. На самомъ концѣ, вдали отъ всѣхъ взоровъ, помѣстились Антонъ съ Антидорскимъ.

Начало обѣда имѣло совершенно оффиціальный характеръ. Первую здравицу поднялъ директоръ гимназіи, Андрей Ардальонычъ. Въ краткой, но выразительной рѣчи («прочувствованной»), обращенной къ «виновнику настоящаго чествованія», ораторъ привѣтствовалъ его какъ дорогого товарища и сослуживца, съ которымъ привелось ему дѣлить труды воспитанія юношества въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ. Память о немъ останется навсегда незабвенна въ его собственномъ сердцѣ и таковой же пребудетъ,—онъ горячо въ омъ увѣренъ,—и въ стѣнахъ ввѣренной его руководству гимнач. «Пью здоровье юбиляра!»—заключилъ Андрей Ардальонычъ.

Подъ громъ апплодисментовъ присутствовавшихъ (въ сущности, чь директора оказалась доступной только ближайшимъ сосѣдямъ, къ какъ она была произнесена очень тихо; всѣ разслышали лишь слѣднюю фразу) Тихонъ Антонычъ всталъ и чокнулся съ Андреѣъ Ардальонычемъ, который облобызалъ его въ обѣ щеки. Вся

мужская часть общества тоже встала и подошла къ юбиляру, чтобы чокнуться съ нимъ своими стаканами. Дамы остались сидѣть на мѣстахъ, равно какъ и Антонъ съ Антидорскимъ.

— Ну ихъ всѣхъ къ Богу!—заявилъ, махнувъ рукой, Антидорскій и пояснилъ, конфиденціально наклонившись къ своему собесѣднику:—Не хочу попадаться на глаза Ардальонычу... Пьянъ! Чувствую самъ, что пьянъ, какъ сапогъ... А вы? Не хотите развѣ поздравить папашу?

— Нѣтъ,— потрясъ головой Антонъ,— я тоже потому, какъ и вы, что тамъ директоръ вашъ этотъ... Терпѣть не могу вообще всѣхъ этихъ господъ!...

Тѣмъ не менѣе, они чокнулись между собою своими стаканами и пожали руки другъ другу.

Затѣмъ сказалъ краткое слово о. Константинъ Братолюбовъ. Онъ поздравилъ «достопочтеннаго своего сослуживца» съ радостнымъ увѣнчаніемъ его многолѣтнихъ трудовъ на поприщѣ педагогической дѣятельности. Онъ усматриваетъ въ томъ особенную милость Господа Бога, благословившаго его столь рѣдкимъ и счастливымъ жребіемъ и подкрѣпившаго его душевныя и тѣлесныя силы.

— Въ васъ, достопочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій нашъ юбиляръ,—сказалъ о. Братолюбовъ,—я вижу пловца, который, послѣ долгаго скитанія по бурному житейскому морю, нынѣ, какъ поетъ наша православная церковь, *къ тихому пристанищу притекъ*... А намъ, всѣмъ, здѣсь присутствующимъ (о. Константинъ окинулъ глазами все застольное общество) остается лишь изъ всей глубины нашихъ сердецъ пожелать, чтобы отдыхъ вашъ въ этомъ пристанищѣ былъ пріятенъ и сладокъ!

Эта рѣчь была принята тоже очень сочувственно. Опять раздалось двиганье стульями и опять юбиляръ долженъ былъ встать и чокнуться со всѣми стаканами, потянувшимися къ нему съ разныхъ сторонъ.

— Господа!—разносится по залѣ вдругъ голосъ.—Прошу не надолго вниманія!

Это происходитъ въ то время, когда всѣ, кто вставали, только что успѣли усѣсться опять по мѣстамъ, а лакеи принялись обносить «форель грандъ-отель».

Это взываетъ Орлянкинъ. Онъ стоитъ во весь ростъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ центральному пункту стола. Онъ дѣлаетъ энергическій жестъ обносящимъ лакеямъ, и тѣ, съ протянутыми своими руками, держащими блюда съ форелью, окаменѣваютъ всѣ, вразъ, подобно статуямъ.

— Господа!—взываетъ вторично Орлянкинъ среди наступившей вокругъ него гробовой тишины.—Прошу позволенія прочесть телеграммы, полученныя на имя чествуемаго нами здѣсь юбиляра!

Въ эту минуту, кравшійся потихоньку, какъ котъ, вдоль стѣны, лакей подходитъ на цыпочкахъ сзади къ Орлянкину и что-то шепчетъ ему. Тотъ быстро къ нему оборачивается и съ досадой, въ полголоса, спрашиваетъ:

— Что такое?

Лакей протягиваетъ что-то ему на тарелкѣ.

— Еще телеграмма!—объявляетъ Орлянкинъ.—Но я прошу позволенія прочесть сперва раньше полученныя.

И звучнымъ, отчетливымъ голосомъ, раздающимся во всѣхъ углахъ залы, Орлянкинъ читаетъ:

«*Шлю привѣтъ юбиляру. Желаю ему всяческихъ благъ, душевныхъ и тѣлесныхъ. Отъ души сожалѣю, что лишенъ возможности лично принести свои поздравленія.*

Торопыгинъ».

Апплодисменты.

Поздравляю дорогого учителя съ радостнымъ днемъ тридцатипятилѣтняго его юбилея. Многая лѣта!

Бывшій ученикъ вашъ Стромиловъ».

Новые апплодисменты. Орлянкинъ вскрываетъ третью, только что поданную ему телеграмму и такимъ же звучнымъ, отчетливымъ голосомъ читаетъ и эту:

«*Торжествуемъ. Сожалѣемъ. Пьемъ.*

Волшебновъ.
Смолёный.
Яшка».

Орлянкинъ вдругъ запинается, будто наткнувшись на какое-то непонятное для него выраженіе въ текстѣ, и медленно, нерѣшительнымъ тономъ, заканчиваетъ:

«*Дано въ Назаретѣ въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто четвертое*».

Орлянкинъ садится на мѣсто. Апплодисментовъ не слышно. ...здается лишь какихъ-то два-три нерѣшительныхъ всплеска. ...льшинство въ недоумѣніи. Грохотунскій проявляетъ признаки ...понятнаго замѣшательства. Слышатся кое-гдѣ замѣчанія:

— Какая странная телеграмма!

— Что это значитъ?

— Какъ? Какъ? Въ «лазаретѣ»? Телеграмма въ лазаретѣ написана?—спрашиваетъ у фрау Думкеллеръ Цыцарская.

Та невинно пожимаетъ плечами. Помѣщающійся насупротивъ обѣихъ дамъ Феноменовъ, изъ-подъ косматыхъ бровей, устремляетъ суровый взглядъ на Цыцарскую и густымъ басомъ своимъ произноситъ:

— Въ «Назаретѣ», въ «Назаретѣ», сударыня, а не въ «лазаретѣ». «Назаретъ»—это кабакъ такой существуетъ, сударыня...

Цыцарская вскидываетъ на него взоръ раненой серны и задаетъ робкій вопросъ:

— Что-жь это значитъ?... Какъ это странно!... И такія все имена...

— Хм!—дѣлаетъ Феноменовъ съ мрачною улыбкой, но не произноситъ больше ни слова.

— Это называется: штука капитана Кука! Н-да-а!—говоритъ Антидорскій Антону и наливаетъ себѣ рюмку водки, которую онъ, подъ шумокъ, во время чтенія телеграммъ, распорядился подать себѣ со стола, гдѣ закуски, шепнувъ объ этомъ лакею. Водки осталось еще полбутылки, и онъ поставилъ ее близъ себя, загородивъ отъ нескромныхъ взоровъ сосѣдей двумя бутылками съ краснымъ виномъ. Выпивъ, онъ трясетъ головой и самъ съ собой бормочетъ: «Ф-фу... чортъ... пьянъ, пьянъ, какъ сапогъ... Не-хо-ро-шо!...» (Первая стадія его опьяненія выражалась всегда въ казненьи себя по поводу этого своего состоянія, и, въ то же время, въ стремленіи его заглушить новымъ пріемомъ хмѣльнаго напитка).

— Волшебновъ? Кто такой этотъ Волшебновъ?—спрашиваетъ Скачковъ Мухоморова (вся ихъ компанія заинтересована таинственною телеграммой до крайности.) Мухоморовъ пожимаетъ плечами.

— Чортъ его знаетъ!

— Волшебновъ... Смолёный...—соображаетъ вслухъ Мокряковъ, и затѣмъ восклицаетъ:—Та, та, та! «Назаретъ»!... Знаешь, Тычинкинъ, кто это? Ха-ха-ха! Ахъ, чортъ побери! Знаете это кто, господа?

— Кто? Кто?—спрашиваетъ живо Скачковъ.

— Маркёръ отъ «Доминика»!

— Полноте, не можетъ быть, что̀ вы!

— Завѣряю васъ честью!

— Который же именно, Волшебновъ или Смолёный?

— Чортъ ихъ знаетъ, который!... Или тотъ, или другой, или Яшка... Только кто-нибудь изъ нихъ несомнѣнно... Видали вы когда-нибудь въ «Назаретѣ» длиннаго человѣка съ черною повязкой на правомъ глазу?

— Случалось... Да, да!

— Ну, вотъ, онъ одинъ изъ этой компаніи. Они всегда бываютъ втроемъ, и котораго-то изъ нихъ зовутъ Волшебновымъ, а другого Смолёнымъ, а тотъ, что съ черною повязкой, служитъ у «Доминика» маркёромъ.

— А другіе?

— Вѣроятно, жулябія! Грохотунскій, должно быть, и ихъ завербовалъ тоже случайно по пьяному дѣлу, какъ меня и Тычинкина.

Молодые люди заливаются хохотомъ.

— Ха, ха, ха! То-то онъ сидѣлъ какъ ошпаренный.

— Цсс!... Слушайте, слушайте! Онъ хочетъ говорить, кажется, рѣчь...

Дѣйствительно, Грохотунскій съ шумомъ отодвигаетъ свой стулъ и поднимается съ мѣста. Лакеи, начавшіе было уже разносить третье блюдо, замираютъ мгновенно съ протянутыми въ воздухѣ «рябчиками и куропатками». Грохотунскій стоитъ, потупивъ глаза въ свой приборъ, и ожидаетъ съ терпѣніемъ, когда прекратятся всѣ разговоры. Орлянкинъ съ силой стучитъ ножомъ по стакану. Двое-трое дѣлаютъ: «тсс». Наконецъ, все стихаетъ.

Грохотунскій поднимаетъ медленно голову и вперяетъ глаза въ юбиляра. Тотъ, въ свою очередь, ихъ потупляетъ въ тарелку.

— Тихонъ Антоновичъ,—не особенно громко, но звучно, раздѣльно и медленно произноситъ, наконецъ, Грохотунскій и дѣлаетъ паузу.

Всѣ чувствуютъ, что въ воздухѣ вѣетъ чѣмъ-то глубоко-патетическимъ. Безмолвіе мертвое. Взоры всѣхъ жадно устремлены на оратора. Взоръ оратора неподвижно вперёнъ въ юбиляра. Взоръ юбиляра, въ глубокомъ смущеніи, потупленъ въ тарелку. Лицо Тихона Антоныча становится совершенно багровымъ, и онъ дышетъ съ трудомъ. Изъ чьей-то дамской груди вылетаетъ подавленный вздохъ... Изъ груди порядочно уже осовѣвшаго Кукиша начинаетъ раздаваться хрипѣніе.

— Тихонъ Антоновичъ,—повторяетъ опять Грохотунскій,—старый товарищъ!... Чувствую себя безмѣрно-счастливымъ и, въ то же время, горжусь, что на мою долю выпала завидная честь привѣтствовать сегодня тебя, въ этотъ радостный вечеръ тридцатипятилѣтняго твоего юбилея... Да, я горжусь, повторяю еще разъ, горжусь тѣмъ, что и мнѣ довелось принять также участіе въ сегодняшнемъ твоемъ свѣтломъ праздникѣ. Вокругъ тебя раздавались привѣтствія, тебѣ несли поздравленія, предъ тобою читались присланныя тебѣ телеграммы... Глубокоуважаемый директоръ нашъ

произнесъ тебѣ рѣчь, почтенный законоучитель тоже сказалъ свое слово. Оба они говорили объ одномъ и томъ же предметѣ, обращаясь къ одной сторонѣ твоей личности, какъ честно, безкорыстно, преданно послужившаго дѣлу своему педагога. Я тоже хочу говорить о тебѣ, но я намѣренъ подчеркнуть исключительно то, о чемъ не было еще упомянуто ни однимъ изъ предъидущихъ ораторовъ... Рѣчь моя проста, безъискуственна, но искренна, горяча, отъ души, отъ чистаго сердца... (Голосъ оратора замѣтно дрожитъ). Въ моихъ словахъ нѣтъ лукавства, да оно и не нужно теперь, въ этомъ собраніи... Вотъ я смотрю на всѣхъ, здѣсь присутствующихъ... (Глаза Грохотунскаго обѣжали весь столъ, начиная съ ближе-сидящаго и поникшаго передъ бутылкою пива Думкеллера, скользнули по курчавымъ волосамъ смѣшливой брюнетки въ палевомъ платьѣ, запнулись на мигъ на фигурѣ уставившагося на него съ выраженіемъ, словно собирающагося его проглотить, Феноменова, охватили Скачкова съ компаніей, проникли за батарею бутылокъ, скрывавшихъ Антона и Антидорскаго, остановились немного на пестрой группѣ дамъ и дѣвицъ, перелетѣли черезъ нѣсколькихъ сидящихъ рядомъ съ ними мужчинъ,—продѣлавъ все это, конечно, въ несравненно-кратчайшее время, чѣмъ то, которое было нужно читателю, чтобы пробѣжать эти строки, заключенныя въ скобки, и вернулись на прежнее мѣсто, вперившись опять въ юбиляра, взоръ котораго былъ опущенъ все время въ тарелку). Нѣтъ! Торжественною помпой парадныхъ собраній не блещетъ твой праздникъ! (Ораторъ трясетъ головою.) Не видно ни звѣздъ, ни лентъ, не сверкаетъ ни на комъ бриллiантовъ... Ничего подобнаго я не замѣтилъ. Я увидѣлъ только добрыхъ, хорошихъ людей, собравшихся привѣтствовать почтеннаго старца... Я увидалъ между ними зрѣлыхъ мужей, исполненную цвѣтущихъ силъ молодежь, прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ... Не стану говорить о себѣ и всѣхъ нашихъ, здѣсь сидящихъ товарищахъ. Излишне упоминать о томъ единодушіи, съ которымъ всѣ мы, сразу, какъ одинъ человѣкъ, мгновенно откликнулись, лишь только зародилось между нами намѣреніе отпраздновать твой юбилей... Я хочу только знать (ораторъ начинаетъ слегка задыхаться отъ переполняющихъ грудь его чувствъ; въ голосѣ слышатся высокія ноты), я хочу только знать, что привело сюда всѣхъ, что побудило собраться вокругъ тебя тѣсною и дружною семьей? Отвѣтъ я читаю во всѣхъ глазахъ, которые устремлены на тебя, и въ своемъ собственномъ сердцѣ: чувство почтенія къ достойному отцу и супругу, который, въ наше печальное время потрясенія всѣхъ гражданскихъ и семейныхъ основъ, стоитъ какъ обломокъ добрыхъ, ста-

рыхъ, патріархальныхъ временъ... И вотъ, теперь, на закатѣ уже дней, съ головою, убѣленною сѣдинами, ты достигъ рѣдкаго счастія видѣть себя окруженнымъ всѣми членами своей домашней семьи (ораторъ привѣтствуетъ легкимъ поклономъ Прасковью Никифоровну, дѣлаетъ то же по адресу супруговъ Опорковыхъ и отыскиваетъ глазами между бутылокъ Антона), которые собрались сюда, чтобы быть участниками твоего торжества!... Господа! Предлагаю тостъ и пью за здоровье добраго, превосходнаго человѣка и семьянина, Тихона Антоновича Непромокаева! Ура!...

Послѣднее слово Грохотунскій выкрикиваетъ уже самымъ высокимъ фальцетомъ и, со стаканомъ въ рукѣ, бросается обнимать юбиляра, какъ бы подавая этимъ сигналъ къ начинающемуся тотчасъ же большому шуму и суматохѣ.

Никого положительно не остается на мѣстѣ и въ теченіе нѣкотораго времени все застольное общество представляетъ собою движущуюся и оживленную путаницу «солидныхъ мужей», «прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ» и «исполненной цвѣтущихъ силъ молодежи», словно кружимыхъ нѣкоимъ нежданно ворвавшимся вихремъ. Въ то время, какъ одни тѣснятся вокругъ юбиляра и Прасковьи Никифоровны, другіе осадили Опорковыхъ, а третьи ловятъ оратора, мечущагося между всѣми этими группами... Восклицанія, чоканье, стукъ передвигаемыхъ стульевъ... Даже спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ многіе успѣли снова усѣсться на мѣсто, мелькаетъ еще сѣдая голова и увлаженное слезой умиленія лицо юбиляра, разставшагося съ бородою Абсцесса, чтобы приникнуть къ крахмальной груди Бубенцова, и всклоченная грива оратора, съ вылѣзшимъ на воротникъ его фрака галстучнымъ бантомъ, оторвавшаго уста свои отъ устъ Мухоморова и припавшаго ими къ бѣлой перчаткѣ дѣвицы въ розовомъ платьѣ. Весь воздухъ, можно сказать, напоенъ электричествомъ, всѣ уста улыбаются, всѣ взоры сіяютъ... Такова волшебная сила истинно-ораторской рѣчи! Грохотунскій, начинающій уже въ значительной степени походить, какъ всегда, на вырвавшагося изъ горячей свалки бойца, слегка отряхается и требуетъ бутылку шипучки Губонина. Андрей Ардальонычъ призываетъ подать редереру. Абсцессъ, Клишѐ и Цыцарскій спрашиваютъ себѣ по бутылкѣ краснаго вина фирмы удѣльнаго вѣдомства.

Наконецъ, всѣ сидятъ опять на мѣстахъ, приводя взволнованныя чувства въ порядокъ. Грохотунскій обтираетъ свое орошенное обильнымъ пôтомъ лицо. Недавно владѣвшее всѣми возбужденіе замѣняется постепенно спокойствіемъ. Словно всѣ отдыхаютъ. Лакеи

принимаются разносить снова жаркое, и гулъ разговоровъ заглушается стукомъ ножей.

Изъ всего застольнаго общества не успокоился еще пока одинъ юбиляръ. Онъ вздыхаетъ и чѣмъ-то волнуется. Отъ поднесеннаго ему блюда онъ нетерпѣливо отмахнулся рукой. Онъ безпрестанно вытаскиваетъ изъ кармана платокъ, торопливо обтираетъ имъ лобъ, обратно прячетъ и снова вытаскиваетъ. Ему даже какъ будто не сидится спокойно на мѣстѣ. Движенія его лихорадочны, взоры тревожно блуждаютъ.

Его состояніе не можетъ быть не замѣчено нѣкоторыми изъ ближайшихъ сосѣдей. Сперва на него обратила вниманіе Прасковья Никифоровна, которою тоже, по этому случаю, овладѣваетъ тревога, потомъ Андрей Ардальонычъ, освѣдомляющійся въ ту же минуту, чѣмъ онъ безпокоится. Тихонъ Антонычъ отвѣчаетъ ему что-то на ухо, шепотомъ. Андрей Ардальонычъ киваетъ головой и сообщаетъ, тоже тихо, Поддубному, который выслушиваетъ и передаетъ о. Братолюбову, а тотъ, въ свою очередь, усердно расправляющемуся въ это время съ жаркимъ Грохотунскому. Грохотунскій тотчасъ же бросаетъ на тарелку крыло куропатки, встряхиваетъ гривой, подобно боевому коню при звукѣ трубы, обтирараетъ губы салфеткой и въ полголоса восклицаетъ: «ага!» Потомъ онъ обводитъ глазами весь столъ, подымаетъ вверхъ руку и дѣлаетъ: «ш-ш!»

Но сразу не такъ-то легко водворить тишину. Не говоря уже про стукъ ножей и вилокъ, все постепенно усиливающійся, нужно прекратить разговоры на другой половинѣ стола, принимающіе все болѣе оживленный характеръ... Особенно шумно ведетъ себя молодежь, которая тоже спросила вина... Орлянкинъ, все время пожиравшій глазами перешептывавшихся между собою сосѣдей, наконецъ, понимаетъ, въ чемъ дѣло (особенно еще потому, что юбиляръ начинаетъ подниматься со стула), и, обращаясь къ шумящимъ, энергически дѣлаетъ: «цсс!»

— Ш-ш...—повторяетъ опять Грохотунскій.

— Цсс...—дѣлаетъ снова Орлянкинъ.

Молодежь умолкаетъ. Только дальній конецъ, гдѣ сидятъ Антонъ съ Антидорскимъ, все не можетъ еще успокоиться.

Тихонъ Антонычъ стоитъ теперь на ногахъ. Лицо его все въ поту. Уста беззвучно шевелятся. Наконецъ, изъ нихъ излетаетъ:

— «Милостивые государыни и государи...»

— Ш-ш-ш...

— Цсс...

— Господа, юбиляръ говоритъ...

Все, что ближе, принимается внимательно слушать. Только на дальнемъ концѣ еще продолжается шумъ. Онъ не только не стихаетъ, но даже усиливается, принимая характеръ какой-то возни.

— «Душа моя преисполнена...»—лепечетъ Тихонъ Антонычъ.

— Пошелъ къ чорту!—раздается вдругъ на дальнемъ концѣ, гдѣ возня разрѣшается звукомъ, какой издаетъ треснувшій стулъ, и грохотомъ опрокинутой кѣмъ-то бутылки, а затѣмъ слѣдуетъ возгласъ:

— Милостивые государи!

Голосъ принадлежитъ Антидорскому, дюжая фигура котораго вздымается изъ-за стола, отбиваясь, въ то же время, локтемъ отъ пытающагося удержать его на мѣстѣ Антона. Онъ успѣлъ уже прикончить всю водку. Лицо его мертвенно-блѣдно и на немъ выступаютъ красныя пятна; капуль растрепался и оба уса повисли.

— О Боже!—въ ужасѣ шепчетъ Цыцарская.

Многіе поражены неожиданностью. Юбиляръ, въ смущеніи, опускается снова на мѣсто.

— Милостивые государи... и го-су-да-рыни!—зычнымъ голосомъ повторяетъ опять Антидорскій, и такъ какъ нѣкоторые изъ ближайшихъ сосѣдей на него шипятъ и цыкаютъ, а другіе махаютъ рукою, чтобъ его успокоить, то онъ, въ великомъ негодованіи, спрашиваетъ:—Почему я не могу? Я тоже хочу... Стр-анное дѣло!... Милостивые государи! Мнѣ вотъ тутъ запрещаютъ... На как-комъ основаніи, а? У-ди-вля-юсь! (Отвяж-жись, говорю!—скрежещетъ онъ a parte Антону). Я не ораторъ... Я самъ понимаю чудесно, что не могу, какъ другіе. Вотъ тутъ нашъ директоръ, его пре-во-схо-дительство Андрей Ардальонычъ. Я его уважаю!... Батюшка, о. Константинъ... И его уважаю! А Тихона Антоныча... нашего любезнѣйшаго...высоко...прево... наипречудеснѣйшаго нашего юбиляра Антоныча—люблю!... Что я такое?

«Писа-ніе и чтеніе —
Не на-аше назначеніе»...

— къ вящему эффекту, пропѣлъ Антидорскій, хотя нѣсколько сипло, но довольно удовлетворительно, въ смыслѣ мотива, начало извѣстной аріи Зуппе изъ *Цыганскаго барона*. — Мое дѣло—вô!... Гимнастика! Мускулы!—тутъ ораторъ протягиваетъ впередъ обѣ руки, сжимаетъ ихъ въ кулаки и медленно помаваетъ нѣсколько разъ ими въ воздухѣ, демонстрируя всему застоль-

ному обществу, какъ вздуваются и опять опадаютъ на этихъ рукахъ ихъ сильныя мышцы. — Еслибъ только потребовалось... еслибъ кто-нибудь вздумалъ обидѣть Антоныча... Хо-хо! будьте благонадежны! въ лоскъ! въ дрызгъ!... А, впрочемъ, чортъ меня совсѣмъ побери! — неожиданно заключаетъ свою рѣчь Антидорскій и опускается грузно на мѣсто при общемъ шумѣ, смѣхѣ и аплодисментахъ присутствующихъ, шепотомъ повторяя Антону: — Пьянъ, пьянъ, какъ сапогъ!...

— Ха-ха-ха, браво, браво, Антидорскій! Отлично!

— Кратко, но сильно!

— Въ его рѣчи былъ смыслъ, — замѣчаетъ Андрей Ардальонычъ о. Братолюбову, перегибаясь къ нему за спиною Поддубнаго.

Молодежь совершенно въ восторгѣ отъ этой импровизированной рѣчи и вся, in corpore, идетъ къ Антидорскому, чтобы чокнуться съ нимъ своими стаканами.

Этотъ эпизодъ оказался веселою струей, влившеюся въ торжественное настроеніе общества, но тотчасъ же всѣ вспоминаютъ, что онъ послужилъ перерывомъ для юбиляра, и поэтому слышатся возгласы:

— За вами рѣчь, Тихонъ Антонычъ!

— Рѣчь! Рѣчь!

— Общество требуетъ, Тихонъ Антонычъ, — говоритъ ему Андрей Ардальонычъ.

И вотъ, среди воцарившейся опять тишины, Тихонъ Антонычъ вторично поднимается съ мѣста. Снова онъ борется съ обуревающимъ его чувствомъ волненія и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ только шевелитъ беззвучно губами, но, наконецъ, овладѣваетъ собою и повторяетъ произнесенную имъ уже давеча первую фразу:

— «...Душа моя преисполнена... Гм... Въ священномъ писаніи сказано: «отъ избытка сердца глаголютъ уста». Гм... гм... А, между тѣмъ, я чувствую нынѣ...» — Тихонъ Антонычъ бросаетъ отчаянный взглядъ на сосѣдей, блуждаетъ растерянно имъ по стоящимъ передъ каждымъ изъ нихъ стаканамъ съ виномъ и, вперившись пристально въ тотъ, который принадлежитъ Андрею Ардальонычу и налитъ до самыхъ краевъ редереромъ, тяжко, прерывисто дышетъ. Уловившій этотъ взглядъ Андрей Ардальонычъ предупредительно пододвигаетъ къ нему свой стаканъ, и Тихонъ Антонычъ тотчасъ же схватываетъ его дрожащею рукой, подноситъ къ устамъ и однимъ глоткомъ выпиваетъ изъ него половину. — «За что̀ я почтёнъ, превозвышенъ?...» — Тихонъ Антонычъ поднимаетъ глаза и встрѣ-

чаетъ ими лицо уставившагося на него прямо, въ упоръ Святополка Игнатьича. Въ ту же минуту мозгъ его поражается страшною мыслью, что *дальше онъ не помнитъ ни слова*!!... Хоть убей, хоть зарѣжь,—ни единаго слова! Съ отчаяніемъ хватается онъ за боковой карманъ фрака—«рѣчи» тамъ нѣтъ!.. Совершенно некстати, чортъ знаетъ зачѣмъ, ему представляется, какъ, въ этомъ самомъ анаѳемскомъ фракѣ, стоитъ онъ, полчаса битыхъ времени, передъ Прасковьей Никифоровной, какъ та, сердясь и волнуясь, старается повязать ему галстукъ, а онъ все стоитъ, не шевелится, и чортъ знаетъ, о какой чепухѣ только думаетъ. Старый колпакъ! Безмозглый оселъ! Убить его мало!... Онъ тщится припомнить, чтò у него было написано въ «рѣчи», возстановляетъ въ воображеніи своемъ эти ровныя, красивыя строчки. Вотъ мелькаютъ кое-гдѣ: «дорогіе товарищи»... «свѣточи знанія»... «скрижали исторіи»... а затѣмъ—ничего, хоть шаромъ покати!... Мучительнымъ напряженіемъ памяти онъ хочетъ поймать начало какой-нибудь фразы, связанной съ однимъ изъ этихъ памятныхъ словъ, но «товарищи», «скрижали» и «свѣточи» бѣгутъ вразсыпную, оставляя за собою пустыню.

— «...Въ кругу лицъ дорогихъ сердцу моему сослуживцевъ»,— хватается, ободрясь немного, Тихонъ Антонычъ за начало вдругъ возникшей въ его памяти фразы—и снова дѣлаетъ паузу... дальше опять все забыто! «Зарѣзанъ, зарѣзанъ!»—скрежещетъ въ душѣ Тихонъ Антонычъ, и, совершенно уже уничтоженный, полный однимъ горькимъ сознаніемъ, что все, чтò досталось ему жестокою цѣной многихъ долгихъ, безсонныхъ ночей, въ одинъ мигъ, навсегда и безвозвратно погибло, и готовый тутъ же, публично, при всѣхъ разрыдаться, отчаяннымъ голосомъ, похожимъ на истерическій вопль, восклицаетъ:

— «...Я чувствую, что вновь молодѣю душой!...»

Убитый и опозоренный, онъ мѣшкомъ упадаетъ на стулъ и слышитъ, какъ вдругъ, вмѣсто смѣха или, по крайней мѣрѣ, гробового молчанія, вся зала разражается рукоплесканіями... Это не два-три какихъ-нибудь слабыхъ шлепка, въ видѣ жалости, насмѣшки или снисхожденія къ бѣдному, растерявшемуся въ конецъ старику,—нѣтъ, это полный, единодушный, восторженный взрывъ, отъ котораго потрясаются стѣны и звенитъ долго въ ушахъ... Рукоплесканія гремятъ нѣсколько времени, то стихая, то снова усиливаясь, то вздымаясь, то упадая, какъ волны... Апплодируютъ всѣ... Кое-кто восклицаетъ... «За чтò, за что вы всѣ ко мнѣ такъ добры, господа?»—готовится крикнуть потрясенный до самой глу-

бины своего существа Тихонъ Антонычъ, но оказывается вдругъ въ объятіяхъ Андрея Ардальоныча, ощущаетъ у себя на щекахъ бороду Святополка Игнатьича, а Грохотунскій горячо жметъ ему руку и шепчетъ: «Такъ кратко, сильно, прочувствованно еще никто не говорилъ никогда!... Превосходно!»

Наконецъ, мало-по-малу, все опять успокоивается, и нѣкоторое время стукъ ножей и вилокъ доминируетъ надъ всѣми прочими звуками.

Отказавшійся отъ третьяго блюда, Тихонъ Антонычъ, вмѣсто того, выпиваетъ до дна все остававшееся въ стаканѣ шампанское.

Какое-то тихое, неизъяснимо - блаженное чувство покоя теперь овладѣло имъ. Пловецъ, долго носившійся на обломкѣ разбитаго судна по волнамъ разъяреннаго моря, ощущавшій все время себя на волосокъ отъ погибели и, въ концѣ-концовъ, взятый на палубу примѣтившаго его корабля, больной, только что выдержавшій мучительную операціонную пытку, навсегда устранившую долго его удручавшій недугъ, преступникъ, котораго приговорили къ повѣшенію и уже накинули петлю, а потомъ объявили прощеніе,—всѣ они должны ощущать нѣчто подобное... Это не бурный восторгъ, когда человѣкъ можетъ скакать и кидаться на шею первому встрѣчному, хохотать и кричать, объявляя всѣмъ, какъ онъ счастливъ,—нѣтъ, это безмолвно - спокойное ощущеніе радости жизни, которымъ слѣдуетъ наслаждаться лишь въ одиночку, которое даже не требуетъ, чтобъ его раздѣлили, потому что оно всѣмъ понятно, имъ звучитъ все вокругъ, оно разлито по всему этому чудному Божьему міру, въ которомъ было бы все всегда совершенно, если бы самъ человѣкъ не отравлялъ самъ себѣ своего бытія. Все добро и все благо!

Неизвѣстно, какими судьбами, стаканъ передъ нимъ оказывается снова налитымъ до краевъ редереромъ. Андрей Ардальонычъ съ нимъ чокается—и Тихонъ Антонычъ поэтому пьетъ. Затѣмъ съ нимъ чокаются своими стаканами Клишѐ, Абсцессъ и Цыцарскій—и съ ними пьетъ тоже Тихонъ Антонычъ.

Еще въ первый разъ въ своей жизни такъ много пьетъ Тихонъ Антонычъ. Всѣ они милые, хорошіе, добрые, всѣ они его любятъ, всѣ они счастливы однимъ только тѣмъ, что онъ счастливъ, и какъ же онъ можетъ за это имъ всѣмъ отказать?

Мих. Альбовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IV.

— Значитъ, вы желаете, чтобъ я выѣхалъ немедленно?—спросилъ Людовикъ Кравенъ.—Сегодня пятница,—ну, хоть, напримѣръ, въ понедѣльникъ?

Уартонъ утвердительно кивнулъ. Они сидѣли въ крохотной пріемной у Марчеллы. Хозяйка вмѣстѣ со своею гостьей Эдиѳью Кравенъ удалились въ кухню, чтобы не мѣшать дѣловому разговору. Результатомъ переговоровъ было то, что Людовикъ Кравенъ согласился быть корреспондентомъ изъ Средней Англіи для *Голоса Труда*, со спеціальнымъ порученіемъ сообщать отчетъ о подготовлявшейся тамъ крупной стачкѣ. По своей обычной манерѣ обѣщать больше, чѣмъ имѣлось въ виду, Уартонъ предложилъ Кравену двухгодичный срокъ и 200 фунтовъ ежегодно. Внѣшнею стороной предложенія Кравенъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ.

— Итакъ, сколько я понимаю,—сказалъ онъ,—газета будетъ стоять за стачку и до конца защищать интересы рабочихъ?

При этомъ онъ устремилъ проницательный взглядъ своихъ зеленоватыхъ глазъ на Уартона. Кравенъ былъ высокій, узкоплечій молодой человѣкъ съ красивыми и благородными чертами продолговатаго лица и безпокойнымъ, нервнымъ взглядомъ близорукихъ глазъ. Его манеры и обращеніе оставляли впечатлѣніе безупречной вѣжливости, но грозившей каждую минуту перейти въ сарказмъ. Уартонъ всегда чувствовалъ себя съ нимъ неловко—и теперь, и въ былое время, на собраніяхъ вентуристовъ.

— Конечно, непремѣнно,—возразилъ онъ рѣшительно,—я вни-

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

мательно просмотрѣлъ отчеты о неудовольствіяхъ между рабочими и фабрикантами, и дѣло представляется мнѣ какъ нельзя болѣе яснымъ. Съ этихъ бѣднягъ черезъ-чуръ долго драли шкуру; пора, наконецъ, обществу обратить на нихъ вниманіе. Двое изъ этихъ фабрикантовъ засѣдаютъ въ парламентѣ. Денни принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ самому отвратительному типу капиталистовъ.

Онъ говорилъ язвительнымъ тономъ и началъ застегиваться, какъ человѣкъ, которому некогда терять время.

— Да, Денни!—сказалъ Кравенъ задумчиво.—Онъ, правда, жестокій, но, по крайней мѣрѣ, прямой человѣкъ. Есть гораздо хуже его.

При этихъ словахъ Уартонъ съ неудовольствіемъ вспомнилъ о привычкѣ вентуристовъ никогда не довѣрять на слово, даже въ пустякахъ: ему казалось, что въ данномъ случаѣ Кравенъ могъ бы положиться на его мнѣніе.

— Еще одно слово,—вдругъ сказалъ Кравенъ, когда Уартонъ искалъ свою палку.—Ходятъ слухи, что прибѣгнутъ къ третейскому суду.

— О, я знаю,—воскликнулъ Уартонъ нетерпѣливо,—это одни разговоры! Уже не разъ попадались несчастные рабочіе на эту удочку. Выберутъ какого-нибудь важнаго господина по сосѣдству,—не изъ купечества, конечно, но не далеко отъ него,—и, понятно, приговоръ будетъ не въ пользу рабочихъ.

— Значитъ, газета не будетъ поддерживать рѣшенія третейскимъ судомъ?—спросилъ Кравенъ и вынулъ записную книжку.

— Нѣтъ. Обстоятельства дѣла ясны до очевидности. Требованія рабочихъ крайне умѣренны, и они должны добиться своего, чтобъ имѣть возможность существовать. Необходимо вступиться за нихъ. Я намѣренъ всѣми силами ратовать въ ихъ пользу. Третейскій судъ! Нѣтъ никакого смысла въ этомъ. Надо дать людямъ жить.

Кравенъ безучастно смотрѣлъ на него.

— Кажется, вы мнѣ сказали адресъ Торпа?—спросилъ онъ.

Торпъ былъ секретаремъ, составлявшимъ отчеты о волненіяхъ рабочихъ и ихъ требованіяхъ. Опять Уартонъ подавилъ въ себѣ досадливое чувство: когда ему, Уартону, заблагоразсудилось откровенно высказаться, Кравенъ не имѣлъ права отнестись къ этому невнимательно.

Между тѣмъ, Кравенъ, писавшій обыкновенно горячо и съ одушевленіемъ, въ разговорѣ сухимъ и холоднымъ тономъ касался тѣхъ язвъ рабочаго класса, отъ которыхъ у него самого болѣло

сердце. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ дешевому способу выставить себя на-показъ громкими сочувственными фразами.

Уартонъ повторилъ адресъ и сталъ давать Кравену общія указанія относительно его корреспонденцій.

— Можно войти?—послышался голосъ Марчеллы.

— О, разумѣется!—отвѣтилъ Уартонъ совсѣмъ другимъ тономъ.—Съ дѣлами мы покончили, и я исчезаю.

Онъ схватился за шляпу.

— Ну, нѣтъ! Сейчасъ подадутъ чай; безъ этого я васъ не отпущу,—сказала Марчелла.

Уартонъ нерѣшительно взглянулъ на нее. Онъ уже провелъ съ ней наединѣ цѣлые полчаса до прихода Кравена, а теперь пора было ѣхать въ палату. Но при видѣ ея прежняя рѣшимость его покинула. Какъ поразительно красива была она даже въ этомъ одѣяніи сестры милосердія! На ней было гладкое платье изъ суроваго полотна, съ бѣлымъ воротничкомъ и манжетами, но Уартону казалось, что никогда такъ чудно не выдѣлялась ея темная итальянская головка и тонкій, гибкій станъ. Уартонъ поколебался, и, въ концѣ-концовъ, остался.

— Вы поладили?—шепнула Марчелла Кравену, проходя мимо него, чтобы достать печенье къ чаю.

Тотъ утвердительно кивнулъ головой и улыбнулся, и Марчелла возвратилась къ столу радостная и счастливая, съ сіяющими глазами.

Слѣдующая четверть часа прошла очень оживленно. Уартонъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ играть роль патрона или благодѣтеля по отношенію къ вентуристу, и держалъ себя просто въ этомъ маленькомъ кружкѣ. Кравенъ говорилъ мало, но его поза и выраженіе лица показывали, что онъ былъ доволенъ; за то Марчелла бойко разговаривала и смѣялась, какъ будто ея мечты о преобразованіи міра начали осуществляться. А, можетъ быть, ея настроеніе вызвано было отчасти присутствіемъ человѣка, который дѣйствовалъ на нее магнетически.

— И такъ, до слѣдующей пятницы,—сказалъ, наконецъ, Уартонъ, вставая.—Вамъ придется забраться пораньше, потому что будетъ давка. Миссъ Кравенъ тоже отправится? Прекрасно! Я скажу сторожу, чтобъ онъ васъ провелъ на мѣста. До свиданія.

Едва только онъ вышелъ, какъ вошелъ старшій Кравенъ, Антоній.

— Есть что-нибудь новое?—сказалъ онъ, когда Марчелла указала ему стулъ.

— Да, мы уже порѣшили!—сказалъ Людовикъ: его голосъ и манеры стали замѣтно развязнѣе съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ Уартонъ.—Въ понедѣльникъ я отправляюсь корреспондентомъ въ Дэмсли и буду писать отчеты о тамошней стачкѣ. Одинъ мѣсяцъ испытанія, а затѣмъ жалованье—двѣсти фунтовъ въ годъ. Я увѣренъ, что это устроится!

Онъ безпокойно вертѣлся на стулѣ и старался не смотрѣть на брата, чтобы скрыть противъ воли сіявшую на лицѣ радость.

— Но, вѣдь, на будущей недѣлѣ ты женишься?—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Антоній.

— Нѣтъ, не такъ скоро,—вмѣшалась Эдиѳь Кравенъ.—Анна еще не можетъ бросить бѣлошвейной мастерской. Она рѣшила посвятить по мѣсяцу на каждое мастерство, а, между тѣмъ, прошло только десять дней, какъ она перешла отъ портнихи къ бѣлошвейкѣ.

Марчелла смотрѣла недоумѣвающимъ взглядомъ, желая получить объясненіе. Она не видала невѣсты Людовика, но слышала, что она очень энергичная дѣвушка и гораздо компетентнѣе его по рабочему вопросу.

Людовикъ объяснилъ, что Анна взяла на себя порученіе отъ одной газеты изслѣдовать тяжелыя стороны женскаго труда. На прошлой недѣлѣ она работала, какъ простая портниха, заработала 14 шиллинговъ и такъ разстроила свое здоровье этими героическими усиліями, что онъ настоялъ, чтобъ она отдохнула два дня, прежде чѣмъ перейти къ шитью сорочекъ. Заказовъ много, а работать такъ трудно въ теперешнюю жару.

— Они изъ-за сорочекъ и познакомились,—задумчиво заговорила Эдиѳь.—Людовикъ жилъ во второмъ этажѣ, а она въ третьемъ, лѣстница у нихъ была общая. Однажды она услыхала, какъ Людовикъ просилъ служанку пришить пуговицы къ его сорочкамъ. Она отвѣтила что-то неопредѣленное. Какъ только онъ ушелъ, Анна сошла внизъ, спросила у служанки его сорочки, взяла въ свою комнату и всѣ ихъ перечинила. Когда Людовикъ вернулся домой, онъ нашелъ на своемъ столѣ цѣлую кипу аккуратно сложенныхъ сорочекъ. Разумѣется, онъ умилился. На другое утро башмаки Анны, выставленные за дверь, были вычищены такъ, какъ никогда, и внутри была вложена записка. Развѣ это не трогательно? Съ этихъ поръ постоянно она штопала, а онъ чистилъ. Понятно, мы съ Антоніемъ догадались, къ чему это приведетъ.

Марчелла разсмѣялась.

— Вы должны меня съ ней познакомить,—сказала она Людовику.

— Конечно, если только мнѣ удастся залучить ее,—сказалъ Людовикъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—Если она не шьетъ, то пишетъ или хлопочетъ объ организаціи союзовъ. Она работаетъ за шестерыхъ. Когда мы поженимся, она будетъ зарабатывать не меньше меня. О, мы съ ней не пропадемъ!

Антоній угрюмо смотрѣлъ на сіяющее лицо брата, обыкновенно спокойное или насмѣшливое.

— Двѣсти фунтовъ въ годъ,—проговорилъ онъ медленно,—какъ разъ столько, я думаю, сколько господинъ Уартонъ тратитъ на свой туалетъ. Мнѣ говорили, что онъ очень щепетиленъ въ этомъ пунктѣ. И за такую сумму, которую онъ употребляетъ на одежду, онъ покупаетъ тебя, Людовикъ, цѣликомъ, и душу твою, и тѣло, и ты ему еще за это благодаренъ!

— Вотъ пустяки!—безпечно отвѣчалъ Людовикъ.—Онъ не купилъ никого другого, а именно меня, и за это я ему благодаренъ.

— Нѣтъ, клянусь честью, этого не будетъ!—горячо воскликнулъ Антоній.—Чтобы ты служилъ этому шарлатану! Я не могу переварить этого. Вѣдь, ты знаешь мое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ!

Марчелла протестовала негодующимъ жестомъ; Людовикъ также.

— Какъ бы тамъ ни было,—упрямо продолжалъ Антоній,—я буду твердить тебѣ объ этомъ постоянно, до тѣхъ поръ, пока мнѣ не заткнутъ глотку тоже какою-нибудь Анной.

— Я не понимаю, почему же *я* должна выслушивать отъ васъ подобныя вещи!—сказала Марчелла, быстро повернувшись къ нему.—Вы, кажется, знаете, что я считаю себя обязанной мистеру Уартону. Прошу васъ не забывать этого!

Антоній молча посмотрѣлъ на нее. Подозрѣніе относительно Марчеллы быстро пронеслось у него въ головѣ. Онъ неуклюже поклонился ей.

— Я буду нѣмъ, какъ рыба,—сказалъ онъ.—По крайней мѣрѣ, я таковъ теперь, какимъ былъ всегда.

— Что вы хотите этимъ сказать?—воскликнула Марчелла, разгорячившись.—Какъ можно позорить человѣка, который въ такое короткое время и на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ достигъ выдающагося положенія? Это не только несправедливо, это недобросовѣстно! И потомъ, откуда вы его знаете?

— Вы забываете,—сказалъ Антоній сдержанно,—что мистеръ Уартонъ уже три года состоитъ членомъ общества вентуристовъ, и съ этого времени началась его карьера. Я слѣдилъ за нимъ съ са-

маго начала, и хотя лично я знаю его немного, но мои друзья и Людовикъ знаютъ его хорошо. И большинство изъ нихъ, какъ ему самому извѣстно, далеко не лестнаго о немъ мнѣнія.

— Ну, ну, Антоній,—сказалъ Людовикъ,—нельзя требовать, чтобы подобнаго рода дѣятель былъ вполнѣ безкорыстнымъ человѣкомъ! Однако, ни ты, ни я—мы не можемъ отрицать, что онъ оказалъ важныя услуги нашему дѣлу. Развѣ мнѣ необходимо вступать съ нимъ въ дружбу? Совсѣмъ нѣтъ! Онъ предлагаетъ мнѣ работу и вознагражденіе за нее. Дѣло мнѣ по душѣ, и я разсчитываю воспользоваться имъ и его газетой, во-первыхъ, чтобъ имѣть заработокъ, во-вторыхъ, чтобы дѣлать полезное дѣло.

— *Ты* воспользуешься Уартономъ!—сказалъ разгорячившійся калѣка съ такимъ сарказмомъ, что блѣдныя щеки Людовика вспыхнули, а Марчелла раздражилась еще болѣе. Во всѣхъ нападкахъ на Уартона со стороны Антонія она видѣла личное предубѣжденіе и злобу. Довольно естественно, что человѣкъ въ положеніи Антонія Кравена—бѣднякъ, неудачникъ, озлобленный—ненавидитъ популярнаго и вліятельнаго человѣка.

— Оставимъ мистера Уартона въ покоѣ,—сказала Марчелла рѣшительно. Антоній покорился и замолчалъ.

При возобновленіи дружбы съ Кравенами Марчелла замѣтила, что Антоній все болѣе становился мизантропомъ. Между тѣмъ какъ Людовикъ бросилъ искусство и предался политикѣ и журналистикѣ, чтобъ отдать всѣ силы соціальной борьбѣ, Антоній остался художникомъ и занимался преимущественно декоративною живописью, но, притомъ, онъ продолжалъ оставаться самымъ ярымъ вентуристомъ и антикапиталистомъ. Тогда какъ Людовикъ питалъ надежды на свѣтлую будущность, Антоній смотрѣлъ мрачно и съ отчаяніемъ впередъ. Онъ еще болѣе страстно, чѣмъ прежде, ненавидѣлъ богатство, но его вѣра въ рабочихъ и въ свою партію значительно поколебалась. Онъ продолжалъ стоять на томъ, что богатыхъ людей не должно быть; но, по его мнѣнію, и послѣ того міръ будетъ представлять изъ себя еще очень печальное зрѣлище.

Посидѣвши нѣсколько минутъ молча, онъ вдругъ прервалъ общій разговоръ:

— Въ чемъ будетъ состоять твоя работа, Людовикъ?

— Я уже говорилъ тебѣ. Я долженъ изслѣдовать причины неудовольствій рабочихъ, поддержать стачку, которая должна открыться на слѣдующей недѣлѣ, и сообщать о ней отчеты въ *Голосъ Труда*.

— Изъ этого ничего не выйдетъ,—сказалъ Антоній,—фабриканты слишкомъ сильны. Вчера я говорилъ съ Денни.

Этотъ Денни былъ сынъ извѣстнаго фабриканта, увлекшійся соціальнымъ движеніемъ, отказавшійся отъ денежной помощи отца и вступившій въ ряды такъ называемаго «интеллигентнаго пролетаріата»; онъ пропагандировалъ идеи коллективизма. Въ послѣднее время онъ вступилъ въ общество вéнтуристовъ, и Антоній почувствовалъ къ нему большое пристрастіе; Людовикъ, между тѣмъ, почти не зналъ его.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ брату. — Я думаю, что *Голосъ Труда* можетъ что-нибудь сдѣлать. Вліяніе прессы все ростетъ и ростетъ за послѣднее время,—и онъ началъ приводить сообщенные ему Уартономъ факты о томъ, какъ усилилось вліяніе и распространенность *Голоса Труда* съ тѣхъ поръ, какъ Уартонъ сталъ во главѣ изданія.

— Вздоръ, совершенный вздоръ! — сухо перебилъ его Антоній.—По моему мнѣнію, газета быстро падаетъ, и онъ прекрасно знаетъ это.

При этихъ словахъ Марчелла и Людовикъ расхохотались. Упорство Антонія начало ихъ смѣшить. Слѣдующія десять минутъ Антоній игралъ роль неукротимаго спорщика, котораго приходилось выслушивать, но которому безполезно было возражать. Онъ покорился своей участи, говорилъ мало, только поводилъ своими сверкающими, дышащими злобой глáзами.

Тѣмъ не менѣе, при прощаньи Марчелла дружески пожала ему руку. Одинокій и больной, онъ всегда казался ей жалкимъ, и она терпѣливо сносила его грубости.

— А какъ ваши дѣла?—спросилъ онъ ее.

— Превосходно! Мнѣ предоставляютъ большую самостоятельность, чтò, конечно, очень лестно. Нашъ участковый врачъ называетъ меня «милая барышня», а санитарный инспекторъ проситъ меня обращаться къ нему всегда, какъ только мнѣ что-нибудь понадобится. Видите, мнѣ не на что пожаловаться.

— А бѣдныхъ вы попрежнему любите?

Ироническій тонъ этого вопроса кольнулъ Марчеллу.

— Я нахожу среди нихъ гораздо больше счастья, чѣмъ ожидала,— отвѣтила она.

Онъ засмѣялся.

— Это совершенно по-женски! Видъ нѣсколькихъ несчастныхъ крестьянъ сдѣлалъ васъ демократкой. Теперь знакомство съ нѣсколькими зажиточными лондонскими ремесленниками преблагопо-

лучно возвратитъ васъ опять въ лоно вашего сословія. Ваши родные очень мудро поступили, позволивши вамъ заняться этимъ дѣломъ.

— Почему же вы думаете, что я работаю только въ зажиточныхъ семьяхъ?—насмѣшливо заговорила она.—Вѣдь, я не сказала «богатства» или «комфорта», но именно «счастья». Что же касается моихъ демократическихъ убѣжденій, то вы плохой судья въ этомъ.

— Зачѣмъ вы до сихъ поръ остаетесь вентуристкой?—вдругъ спросилъ онъ.

— Я имѣю на это всѣ основанія. Я принадлежу къ обществу, которое работаетъ въ пользу «лучшаго будущаго». По мѣрѣ своихъ силъ и я преслѣдую ту же цѣль.

— Тѣмъ не менѣе, судя по вашимъ словамъ, вы далеко расходитесь съ нами.

Она колебалась нѣсколько времени, но потомъ заговорила рѣшительно:

— Да, я начинаю все меньше и меньше вѣрить въ благодѣтельность только однѣхъ политическихъ реформъ. Въ моей практикѣ мнѣ приходилось наталкиваться на очень рѣзкіе случаи: въ одномъ и томъ же домѣ живутъ двѣ семьи; въ одной—рай, въ другой—адъ. Почему? Обѣ принадлежатъ достаточнымъ ремесленникамъ и живутъ при одинаковыхъ условіяхъ. Въ одной глава семьи—честный труженикъ, въ другой—пустой и праздный человѣкъ. Я знаю, вы скажете, что это не доказательство, но я только хочу сказать, что на ряду съ экономическими есть и моральныя условія счастья.

Оба брата съ нескрываемымъ презрѣніемъ выслушали эти слова, затѣмъ простились и вышли.

Оставшись одна, Марчелла бросилась въ кресло и стала припоминать свой разговоръ съ Уартономъ.

Какъ онъ измѣнился, и, въ то же время, какъ многое въ немъ знакомо ей! Она видѣла въ немъ ту же энергію и смѣлость, то же властное требованіе довѣрчивости и откровенности, съ другой стороны — новое отвѣтственное положеніе, сила, вліяніе,—все это сильно дѣйствовало на пылкое воображеніе Марчеллы.

Ей было пріятно съ нимъ опять встрѣтиться; она съ удовольствіемъ думала о томъ, что на слѣдующей недѣлѣ услышитъ его рѣчь въ парламентѣ. Прошлое давно сгладилось; они будутъ друзьями. Она будетъ слѣдить съ живымъ интересомъ за его общественною дѣятельностью и на этомъ будетъ отдыхать отъ тяжелыхъ

ежедневныхъ впечатлѣній болѣзней и страданія. Недовѣріе къ нему Голлена и завистливая ненависть Антонія Кравена ничего ей не говорятъ: натура Уартона слишкомъ далека отъ нихъ и непонятна имъ. Да, наконецъ, она и не считаетъ его героемъ. Но именно въ этой сложности и загадочности его личности и заключается его притягательная сила.

Марчелла вдругъ спохватилась, что уже поздно,—ей необходимо навѣстить своихъ больныхъ. Она стала собираться.

Вдругъ невольно со всею живостью вспомнился ей портретъ Рэборна, который она видѣла у Голлена,—его грустный взглядъ, посѣдѣвшіе волосы...

Какъ можетъ она говорить о соціальныхъ реформахъ и о нравственномъ совершенствованіи человѣка,—она, которая до сихъ поръ только сдѣлала одно—доставила страданія хорошему человѣку? Моментально вся ея гордость и довольство собой исчезли. Самыя разнообразныя чувства, мысли, воспоминанія заволновались въ ней. При этомъ она сознавала ясно одно, что ей необходимо, прежде всего, перевоспитать себя нравственно, образовать свое сердце и характеръ, а этого достигнуть можно только съ помощью самопожертвованія и любви. Кромѣ того, ей страстно захотѣлось добиться прощенія Рэборна и возвратить себѣ его дружбу.

V.

Въ отдаленномъ углу парламентской библіотеки сидѣлъ Уартонъ. Рядомъ на стулѣ и у него на колѣняхъ разложена была масса отдѣльныхъ листковъ бумаги. Была пятница, и засѣданіе въ палатѣ уже началось. Онъ въ послѣдній разъ быстро пробѣгалъ свою рѣчь, дѣлая въ разныхъ мѣстахъ отмѣтки карандашомъ.

Одинъ старикъ-депутатъ подошелъ къ нему.

— Волнуетесь?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не особенно.

— Тамъ страшная толпа сегодня.

Онъ отошелъ, а Уартонъ, отложивши свою рѣчь, предался размышленіямъ о Марчеллѣ. Ему очень хотѣлось возобновить съ ней старыя отношенія; къ чему это можетъ привести впослѣдствіи—пусть рѣшаетъ судьба. На ея теперешнія занятія и скромную, уединенную жизнь онъ смотрѣлъ, какъ на забаву. Ея настоящая сфера—блистать и играть роль въ обществѣ, и, рано или поздно, она попадетъ на эту дорогу. Нужно предоставить другимъ ухаживать за больными и жить суровою рабочею жизнью. Ея судьба назначена ея исключительною красотой.

Появленіе Беннета разогнало его мысли. На добромъ лицѣ Беннета замѣтно было безпокойство и раздраженіе.

— Вилькинсъ стоитъ на своемъ,—заговорилъ онъ.—Толкуетъ о совѣсти и еще массу всякаго вздора. Я думаю, едва ли ему удастся серьезно повредить.

— Никому, кромѣ самого себя,—отвѣтилъ Уартонъ сухо.—Э, да не стôитъ о немъ говорить!

Судьба предложенія о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, которое собирался внести Уартонъ, должна была имѣть рѣшающее значеніе и для рабочаго движенія, и для положенія рабочей партіи въ парламентѣ.

— Я разсчитываю, что моя очередь будетъ до семи часовъ,— сказалъ Беннетъ, уходя,—а потомъ мнѣ нужно было бы уйти на одинъ часъ и вернуться къ голосованію, которое, я думаю, начнется не раньше половины одиннадцатаго.

Оставшись одинъ, Уартонъ стоялъ нѣкоторое время въ раздумьи. Ему совершенно было неизвѣстно, какъ отнесется Беннетъ въ своей рѣчи къ нѣкоторымъ пунктамъ его предложенія. Что же касается свободнаго часа, Уартонъ догадывался, что Беннетъ не хотѣлъ пропустить проповѣди знаменитаго методиста, о которой всюду были расклеены афиши.

— Да, каждому свое... Однако, который часъ?—Взглянувши на часы, Уартонъ быстро вышелъ изъ библіотеки и бросился бѣжать вдоль корридоровъ и по лѣстницѣ. Передъ дверями дамской скамьи важный привратникъ отворилъ передъ нимъ двери, поклонившись съ большимъ почтеніемъ.

— Обѣ барышни здѣсь, ваше благородіе,—на первой лавочкѣ. Пока не очень полно, но еще подойдетъ народъ.

Уартонъ отдернулъ занавѣску и увидалъ темную головку, наклоненную впередъ, видимо, поглощенную тѣмъ, что было передъ ея глазами.

Услышавши его голосъ, она быстро обернулась.

— Ахъ, идите скорѣе, объясните намъ все и назовите лицъ. Почему нѣтъ спикера? Гдѣ сидятъ министры? Кто это теперь говоритъ?

— А я былъ увѣренъ, что вы все это знаете,—сказалъ онъ, усаживаясь на пустой стулъ возлѣ Марчеллы. — Неужели нужно что-нибудь объяснять внучкѣ спикера?

— Что же дѣлать, если я не знаю фамилій? Гдѣ Гладстонъ! Да, я вижу.. Эдиеь, посмотри, вотъ онъ идетъ! Пожалуйста, не важничай, что ты уже здѣсь была разъ,—ты, вѣдь, не могла мнѣ никого назвать.

Голосъ ея звенѣлъ радостно, какъ у ребенка.

— Это потому, что я близорука,—отвѣчала Эдиѳь,—но Гладстона-то, конечно, я узнаю безъ тебя.

— Ну, хорошо, хорошо, моя милая, успокойся! А гдѣ вы сидите, мистеръ Уартонъ?... А, вижу,—тамъ сидитъ Беннетъ и этотъ мрачный субъектъ, котораго я встрѣтила у Голлена, Вилькинсъ: что вы о немъ думаете?

— Предложите мнѣ этотъ вопросъ потомъ,—сказалъ Уартонъ.—Онъ будетъ сегодня изъ силъ выбиваться, чтобы поднять на смѣхъ и себя, и насъ. Посмотримъ...

— Кто это говоритъ теперь?—спросила Марчелла и наклонилась впередъ.

Уартонъ молчалъ. Тотчасъ она опять откинулась назадъ.

— Я не узнала,—пробормотала она,—такая масса лицъ.

Съ края министерской скамьи поднялся высокій мужчина и давалъ нѣкоторыя объясненія отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Марчелла узнала Альда Рэборна.

Она сидѣла молча и внимательно прислушивалась къ его голосу.

— Онъ хорошо говоритъ,—сказалъ Уартонъ, считая самымъ тактичнымъ говорить напрямикъ,—ни одного лишняго слова, не къ чему придраться. Видите вы того старика съ сѣдою бородой? Это—несноснѣйшій болтунъ. Если онъ вздумаетъ говорить сегодня, депутатамъ будетъ время пообѣдать. Я тогда приду за вами, отведу васъ въ столовую и позвольте мнѣ поручить васъ одному моему другу, который здѣсь съ своею женой, мистрисъ Лэнъ. Я оставилъ за собою столъ, но, къ сожалѣнію, не могу отлучиться изъ залы надолго, такъ какъ сегодня мой докладъ.

Уартонъ ушелъ. Онъ не могъ не замѣтить, что настроеніе Марчеллы было уже не то. Ему было досадно, что призракъ Рэборна будетъ носиться между ними въ этотъ знаменательный для него вечеръ.

Марчелла наклонилась впередъ и смотрѣла, какъ быстро наполнялась зала. Она видѣла фигуру Альда Рэборна на его мѣстѣ. Хотя она знала, что онъ не можетъ разглядѣть ее, но, тѣмъ не менѣе, ей часто казалось, что онъ ее узналъ, и она инстинктивно отклонялась назадъ.

«Въ тотъ моментъ я поклялся посвятить тебѣ все, что есть во мнѣ лучшаго».

Эти слова противъ воли стояли въ ея памяти и мучительно отдавались въ сердцѣ. Неужели этотъ самый человѣкъ, такой без-

страстный, холодный, сказалъ ей когда-то эти слова въ страстномъ экстазѣ любви?

А теперь все кончено. Они навсегда разошлись чужими другъ другу. Эта мысль обдавала ее холодомъ.

Но она тотчасъ взяла себя въ руки. Прошедшаго не вернешь. Выйти за него замужъ послѣ всего, что произошло, было бы непростительно съ ея стороны. Теперь онъ женится: она скорѣе вѣрила Ливену, чѣмъ Голлену. Ее даже не смущало то, что онъ женится на вертлявой, пустой кокеткѣ,—такіе браки очень часты. Его жена не будетъ задаваться никакими вопросами и планами; она будетъ ласкать, веселить и развлекать его.

Марчеллѣ бросилось въ глаза то, что она до сихъ поръ никогда не смотрѣла на Рэборна со стороны, какъ на самостоятельное индивидуальное существо. «Онъ былъ аксессуаромъ въ моей драмѣ,— сказала она съ горькимъ упрекомъ себѣ. — Хорошо, что онъ отъ меня отдѣлался».

Между тѣмъ, зала продолжала наполняться. Приближался срокъ давно ожидаемой рѣчи. Члены верхней палаты пробирались среди другихъ; журналисты раскладывали передъ собой бумагу; депутаты густою толпой входили въ дверь.

— Вотъ онъ!—невольно воскликнула Марчелла, завидѣвши стройную фигуру Уартона среди толпы.

Черезъ пять минутъ онъ уже говорилъ передъ многочисленнымъ и внимательнымъ собраніемъ; его чистый, нѣсколько рѣзкій голосъ, съ необыкновенною гибкостью передававшій самые разнообразные и тонкіе оттѣнки, въ первый моментъ заставилъ Марчеллу содрогнуться, ожививши старыя воспоминанія.

Затѣмъ она принялась слушать съ такимъ напряженіемъ и, вмѣстѣ, безпокойствомъ, какъ будто она лично была заинтересована въ успѣхѣ рѣчи. Наблюдая аудиторію, она боялась за исходъ: неужели можно расшевелить этихъ холодныхъ, безучастныхъ манекеновъ, которые ничего общаго не имѣютъ съ обыкновенно подвижною, легко возбудимою толпой? Притомъ же, добрая половина тамъ, внизу, повидимому, сладко спала, остальные смотрѣли разсѣянно.

Между тѣмъ, голосъ Уартона продолжалъ звучать; систематически, шагъ за шагомъ развивалъ онъ свои положенія, обставляя ихъ практическими подробностями и излагая блестящимъ и сильнымъ языкомъ. Мало-по-малу зала засѣданій стала представлять совершенно другое зрѣлище: лица настораживались, оживлялись, было очевидно, что ораторъ покорялъ свою публику. Особенно подкупала всѣ партіи умѣренность его предложенія.

— Превосходная рѣчь, не правда ли? Нѣтъ никакого сравненія съ прошлогодними, — сказалъ, улыбаясь, одинъ членъ прежняго кабинета своему сосѣду, когда Уартонъ среди всеобщаго шума и движенія садился на мѣсто. Впечатлѣніе было сильное и успѣхъ выдающійся.

Затѣмъ поднялся старикъ Денни и очень умно, дѣльно и колко возражалъ на докладъ Уартона.

Но Марчелла откинулась назадъ и ничего не слушала. «Можно ли послѣ этого слушать что-нибудь другое?» Рѣчь Уартона заставила звучать всѣ струны ея души: и художественный вкусъ, и драматическій интересъ, и гуманныя чувства состраданія и заботливости о бѣдныхъ.

Эдиѳь Кравенъ съ насмѣшливымъ изумленіемъ смотрѣла на Марчеллу. Она и ея братья были типичными вентуристами и съ презрѣніемъ относились ко всякому публичному проявленію чувствъ. По ея мнѣнію, Марчелла оставалась такою же наивной и простенькой, какою была прежде.

— Наконецъ-то!—воскликнула Марчелла съ облегченіемъ.— Кончилъ! Кто же это теперь? О, это Вилькинсъ!

Въ ея тонѣ выразилось отвращеніе.

Съ первыхъ же словъ, произнесенныхъ Вилькинсомъ, стало ясно, что можно ожидать чего-нибудь очень любопытнаго, и выходившая изъ залы публика стала возвращаться на свои мѣста. И дѣйствительно, короткая, но бурная рѣчь представляла сценическій эффектъ. Онъ повторилъ всѣ тѣ доводы противъ Уартона и его билля, которые Марчелла уже слышала у Голлена, и говорилъ своеобразнымъ, грубымъ, отрывистымъ языкомъ. Сквозь принципіальныя нападки виднѣлась личная ненависть и озлобленіе противъ Уартона. Вначалѣ всѣ прислушивались съ недоумѣніемъ, но потомъ, когда онъ безъ церемоніи сталъ употреблять грубыя и площадныя выраженія, начали смѣяться, и подъ конецъ, когда онъ обрушился съ инсинуаціями на либераловъ, въ залѣ стоялъ гулъ отъ повальнаго хохота и ироническихъ восклицаній; Вилькинсъ сердито пожалъ плечами и сѣлъ.

Потомъ говорилъ Беннетъ. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ палатѣ, поэтому его голосъ въ пользу Уартона и его билля имѣлъ несомнѣнно большой вѣсъ. Беннетъ былъ совсѣмъ некрасноречивъ. Онъ былъ простой, полуобразованный человѣкъ, но глубоко-религіозный и искренній; эта-то простота и безъискусственность и придавали неотразимую убѣдительность его словамъ. Его рѣчь была не только поддержкой билля Уартона, но круп-

нымъ шагомъ впередъ въ парламентской исторіи рабочаго законодательства.

Наконецъ, поднялся и заговорилъ извѣстный парламентскій пустомеля. Вся палата, какъ одинъ человѣкъ, устремилась къ выходамъ. Беннетъ, уставшій и отъ напряженія, и отъ жары, вытиралъ лицо краснымъ платкомъ, когда кто-то тихонько коснулся его плеча. Оглянувшись, онъ увидалъ Уартона, совершенно блѣднаго, съ дрожащими губами.

— Я не могу благодарить васъ,—сказалъ тотъ,—это было бы смѣшно.

Беннетъ ласково кивнулъ ему, и затѣмъ они пошли вслѣдъ за толпой, избѣгая другъ друга по свойственной англичанамъ стыдливости въ выраженіи сильныхъ чувствъ.

Уартонъ окончательно овладѣлъ собой, только обмѣнявшись безчисленными разговорами и рукопожатіями въ корридорахъ; въ концѣ-концовъ, онъ поддался радостному настроенію и взбѣжалъ по лѣстницѣ, какъ школьникъ. Его опьянялъ, съ одной стороны, успѣхъ, съ другой—ожидавшее его наверху милое личико съ чудными глазками. Только бы отдѣлаться отъ несносной Кравенъ и хоть минуту побыть съ Марчеллой наединѣ.

— Ну, что?—весело сказалъ онъ, подходя къ Марчеллѣ.

Ея глаза радостно и возбужденно блестѣли.

— Не будемъ говорить здѣсь, — сказала она. — Нельзя ли выйти? Я изнемогаю отъ жары.

— Конечно. Выйдемъ на террасу. Сегодня чудный вечеръ, и тамъ мы найдемъ нашу компанію. А вамъ, миссъ Кравенъ, было интересно?

Эдиѳь принужденно улыбнулась.

— Да, спорили недурно,—отвѣтила она.

«Чортъ бы побралъ эту накрахмаленную вентуристку!» — сказалъ про себя Уартонъ.

VI.

— Ахъ, какъ восхитительно!—воскликнула Марчелла, когда они вышли на террасу. Былъ тихій теплый вечеръ; небо переливалось тысячью разноцвѣтныхъ тоновъ.—Какъ тамъ было душно, и какъ вамъ не стыдно сажать насъ въ какія-то клѣтки!

На ней было изящное платье изъ бѣлой бумажной ткани, а на пышныхъ волосахъ—маленькая черная кружевная шляпка съ черными лентами, небрежно завязанными у подбородка. Этотъ костюмъ эффектно оттѣнялъ ея наружность.

Терраса была полна народомъ и стоялъ невообразимый гулъ. Проходя съ своими дамами въ толпѣ, Уартонъ замѣтилъ, что Марчелла производитъ впечатлѣніе. Всѣ, кто имъ встрѣчался, оглядывались на нее.

А, между тѣмъ, Марчелла любовалась на лучи заката, на таинственную красоту глубоко-темной рѣки, на изящную линію моста, и не замѣчала того эффекта, который она производила среди окружающихъ. Время отъ времени она вдругъ испуганно вглядывалась, когда кто-нибудь напоминалъ ей Альда Рэборна.

— А, вотъ и Лэны!—сказалъ Уартонъ, подходя къ маленькой дамѣ въ черномъ, стоявшей среди кучки мужчинъ.

Уартонъ представилъ ихъ другъ другу. Затѣмъ Эдиѳь встрѣтила одного изъ своихъ друзей и ушла съ нимъ.

— Позвольте мнѣ показать вамъ террасу,—сказалъ Уартонъ Марчеллѣ. — Раньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ, обѣдъ не начнется.

Они прошли въ отдаленный уголъ террасы, гдѣ ходили взадъ и впередъ одинокія пары и небольшія группы людей.

— Увижу ли я сегодня мистера Беннета?—спросила Марчелла, когда они остановились у барьера.—Мнѣ бы очень хотѣлось.

— Я звалъ его пообѣдать съ нами, но онъ отказался. Значитъ, вамъ понравилась его рѣчь?

— Какъ вы сдержанно выражаетесь!—сказала она, смѣясь.— А вамъ?

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, задумчиво смотря на рѣку.

— Какъ вы думаете, чѣмъ я могу отплатить ему за такую услугу?

— О, всѣмъ, что въ вашихъ силахъ!—горячо сказала она.— Я никогда не слыхала ничего болѣе благороднаго и цѣльнаго.

— Значитъ, его рѣчь увлекла васъ?

— Нѣтъ,— отвѣтила она не сразу, но рѣшительнымъ тономъ.—Ни онъ, ни вы не увлекли меня. Я не вѣрю въ вашъ билль и думаю, что вамъ никогда не удастся провести его и многое другое: для этого необходимо, чтобы міръ нравственно переродился, а когда это случится, ваши мѣры будутъ лишними.

— А вы думаете, я самъ вѣрю въ свой билль?— сказалъ онъ, улыбаясь.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы говорите такія рѣчи,— сказала она съ негодованіемъ,—морочите своихъ друзей и вводите въ заблужденіе палату?

Онъ любовался ея горячностью: искрами въ глазахъ, краской, выступившей на щекахъ.

— Потому, что мы должны удесятерять свои силы. Если мы не добьемся восьми-часового рабочаго дня, за то въ борьбѣ за эту иллюзію, при напряженіи всѣхъ силъ, мы добьемся попутно многого другого, что намъ необходимо. Ободрять друзей и стращать враговъ—вотъ какъ приходится дѣйствовать въ политикѣ; индивидуальная мораль къ ней неприложима. Теперь не смотрите на меня такъ подозрительно!

Въ отвѣтъ она залилась веселымъ смѣхомъ и привела его этимъ въ смущеніе.

— Почему вы смѣетесь?—заговорилъ онъ быстро.—Или вы считаете меня неискреннимъ и непорядочнымъ? Но вы не имѣете права смѣяться. Въ прошломъ году вы нѣсколько разъ обѣщали меня вознаградить. Теперь расплачивайтесь, я требую.

Лицо ея передернула легкая судорога, но черезъ мгновеніе она гордо отвѣтила:

— Я обѣщала вамъ быть благодарной, и я дѣйствительно благодарна вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ обѣщали дружбу. Гдѣ же она?

Марчелла не отвѣчала. Она смотрѣла на противуположный темный берегъ рѣки, на мелькающіе безчисленные огни. Потомъ она повернула къ нему свое взволнованное и раздраженное лицо.

Онъ постарался заговорить раньше ея.

— Зачѣмъ вы зарываете себя въ этой жизни сидѣлки?—сказалъ онъ сухо.—Эта жизнь не по васъ, она не должна удовлетворять васъ.

— Вы всегда такъ критикуете своихъ друзей?—сказала она раздраженнымъ голосомъ, причемъ щеки ея пылали.—Какое право вы имѣете дѣлать мнѣ подобныя замѣчанія?

— Потому,что я васъ знаю, знаю, какому дѣлу вы должны служить. Вы должны дѣйствовать среди своего сословія, среди равныхъ вамъ, среди людей, которые руководятъ политическою и общественною жизнью Англіи. Это нелѣпо, вы разыгрываете комедію.

Она иронически поклонилась ему.

— Благодарю васъ. Я первый разъ въ жизни дѣлаю настоящее полезное дѣло.

Въ это время подошелъ мистеръ Лэнъ, и они всѣ вмѣстѣ направились къ обѣденному столу.

За обѣдомъ Марчелла попала въ чуждый ей министерскій и аристократическій кругъ. По одну сторону ея сидѣлъ одинъ изъ

министровъ, по другую—секретарь министра. Разговоръ поддерживался очень искусно и оживленно.

Неподалеку отъ нея сидѣлъ Уартонъ, и Марчелла не могла надивиться той метаморфозѣ, которая произошла съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ она его знала въ Меллорѣ. Откуда у него эти манеры большого барина, эта непринужденная свѣтская болтовня, пересыпанная массой именъ изъ высшей англійской аристократіи? Ей было непонятно, какъ можно было дружить съ тѣми и другими, размѣнивать себя на мелочи и, въ то же время, сохранять искренность и цѣльность, безъ которыхъ нельзя господствовать надъ толпой.

По окончаніи обѣда Уартонъ поторопился въ залу засѣданій, поручивши Марчеллу мистеру Лэну; тотъ повелъ ее опять на террасу и завязалъ съ ней банальный разговоръ.

— Марчелла! — послышался вдругъ женскій голосъ. Возлѣ стояла лэди Винтербурнъ, какъ всегда въ черномъ; ея бѣлые волосы серебрились на лунномъ свѣтѣ.

Какая-то темная фигура виднѣлась позади лэди Винтербурнъ. Да, это онъ. Марчелла быстро отошла отъ лэди Винтербурнъ, колебалась нѣсколько мгновеній, потомъ протянула ему руку. Свѣтъ падалъ сзади, такъ что она не могла разсмотрѣть его лица. Сказалъ ли онъ что-нибудь, когда она пожала ему руку, она не знаетъ, такъ какъ была черезъ-чуръ взволнована. Она немедленно опять подошла къ лэди Винтербурнъ, которая была взволнована не меньше ея.

— Пожалуйста, отойдемъ въ сторону; мнѣ необходимо поговорить съ вами! — сказала Марчелла, тяжело дыша, и увлекла за собой лэди Винтербурнъ. Та растерянно послѣдовала за ней, и онѣ стали ходить вдоль террасы.

— Ахъ, дорогая моя! — говорила лэди Винтербурнъ. — Могла ли я думать, что встрѣчу васъ здѣсь? Какъ все это вышло неожиданно тогда, какъ ужасно! Я ничего не подозрѣвала. Ну, остановимся на минутку. Разскажите мнѣ о себѣ.

Онѣ остановились у барьера. Марчелла обрадовалась ей, какъ родной; она схватила ея руку и въ темнотѣ быстро поцѣловала, такъ что никто не замѣтилъ.

— Какъ я рада, что опять вижу васъ, — горячо говорила она, — безконечно рада!

Лэди Винтербурнъ была удивлена и тронута.

— Почему вы не написали мнѣ ни строчки за все это время, вы, недобрая дѣвочка? Я почти ничего о васъ не знала, ваша

мать, казалось, тоже ничего не знаетъ. Когда же вы придете ко мнѣ, или, хотите, я приду къ вамъ? А теперь мнѣ нужно идти,—моя дочь Эрминтруда Вельвинъ должна везти на балъ одну барышню.

— Я напишу вамъ,—сказала Марчелла.

Въ это время маленькая, тоненькая барышня подбѣжала къ нимъ и жалобно проговорила:

— Милочка, лэди Винтербурнъ, вы знаете, какъ много надо времени, чтобъ одѣться и причесаться! Кончится тѣмъ, что я разсержусь на горничную и буду смотрѣть злюкой. Эрминтруда раскается, что со мной связалась. Пойдемте скорѣе.

— Бетти, не кричите!—сказала леди Эрминтруда, смѣясь.—Мама, это миссъ Бойсъ,—*твоя* миссъ Бойсъ?

Онѣ пожали другъ другу руки и сказали нѣсколько словъ. Но Марчелла устремила все свое вниманіе на маленькую фигурку «Бетти», теребившую лэди Винтербурнъ за руку; она всматривалась въ ея красивые, нѣжные глаза, въ роскошные свѣтлые волосы, длинный, острый подбородокъ и капризное маленькое личико.

— Какія вы всѣ недобрыя!—сказала, наконецъ, Бетти трагическимъ голосомъ.—Право, я отправлюсь домой одна и попрошу полисмэна проводить меня. Мистеръ Рэборнъ!

Тотъ не спѣша отошелъ отъ группы лицъ, съ которыми разговаривалъ; Бетти подбѣжала къ нему.

— Мистеръ Рэборнъ! Эрминтруда и лэди Винтербурнъ останутся здѣсь ночевать, если вы не примете мѣръ.

Въ это время Марчелла замѣтила Эдиѳь, которую давно разыскивала, и, простившись съ лэди Винтербурнъ, она быстро побѣжала къ выходу. По дорогѣ она увидала Альда, стоявшаго одиноко въ сторонѣ.

Непреодолимое желаніе подойти къ нему побѣдило всѣ препятствія.

— Скажите, пожалуйста,—сказала она торопливо, прерывистымъ голосомъ, подойдя къ нему,—какъ здоровье лорда Максвеля? Мнѣ очень грустно, что онъ такъ серьезно боленъ, и я ничего о немъ не слышу.

Она не рѣшалась взглянуть на него.

— Благодарю васъ. Мы очень опасались за него одно время; но теперь доктора увѣряютъ, что ему лучше. Завтра мы веземъ его за границу.

— Марчелла, скоро ли?—закричала ей Эдиѳь.—Ты опять потеряешь меня! Посмотри, вотъ идетъ мистеръ Уартонъ. Намъ пора идти — всѣ разъѣзжаются.

Альдъ Рэборнъ приподнялъ шляпу. Марчеллу охватило мучительное чувство униженія, жгучей обиды. Какой странный, холодный тонъ, какія непривѣтливыя слова! Она подошла къ нему съ искреннимъ порывомъ раскаянія, движимая страстнымъ желаніемъ возстановить прежнюю дружбу, какъ-нибудь дать ему понять, что она глубоко сожалѣетъ о прошломъ. Онъ не могъ не понять этого. Почему, когда жизнь привела васъ къ сознанію того, что вы нанесли глубокое огорченіе, можетъ быть, испортили жизнь другому человѣку,—почему нельзя отбросить всѣ условности и принести искреннее покаяніе, чтобъ этимъ возстановить миръ и успокоить совѣсть?

Но она была отвергнута, отстранена,—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ей,—и кѣмъ же?—однимъ изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ людей! Она шла по террасѣ въ подавленномъ настроеніи, кусая губы, чтобы сдержать слезы. Новое броженіе въ ея душевной жизни, потребность любви, которая и заставила ее сдѣлать первый шагъ по отношенію къ человѣку, который нѣкогда ее любилъ, а теперь, повидимому, презиралъ, послѣ неудачи еще болѣе бурно и настойчиво заявляла себя. Въ то время она приняла его любовь такъ легко, какъ самое обычное дѣло, и отказалась отъ него такъ же легко и безъ сожалѣній. Но почему теперь ей такъ горько утратить его любовь и уваженіе? Нѣсколько холодныхъ словъ, сказанныхъ имъ, гордая манера себя держать,—одно это произвело на нее невыносимо-болѣзненное впечатлѣніе; она почувствовала себя такой несчастной, одинокой, никому не нужной.

Но, какъ бы то ни было, она должна быть счастлива, должна быть любима! Къ этому выводу привелъ ее послѣдній годъ тяжелой, напряженной работы и одинокой жизни.

VII.

— Другъ мой, будь благоразуменъ,—говорилъ Альдъ.—Ты приводишь въ отчаяніе и свою сестру, и меня. Къ чему ты остаешься здѣсь въ городѣ въ такую жару и набралъ такую массу дѣла? Миссъ Голленъ говорила мнѣ, что ты совершенно изводишь себя этими публичными лекціями, что ты не спишь по ночамъ и что въ послѣднее время она больше, чѣмъ когда-нибудь, безпокоится о тебѣ. Почему не хочешь ты на время прервать дѣла, отдохнуть и возобновить ихъ опять зимой?

Голленъ слегка улыбнулся.

— Потому что я не увѣренъ, что переживу зиму,—спокойно сказалъ онъ.

Рэборнъ вздрогнулъ: прежде обыкновенно Голленъ, когда рѣчь заходила объ его здоровьѣ, отдѣлывался шутками.

— Я не понимаю, зачѣмъ же ты ведешь себя такъ, какъ будто ты *желаешь*, чтобъ это пророчество сбылось?— проговорилъ Рэборнъ съ досадой и страданіемъ въ голосѣ.

Голленъ не сразу отвѣчалъ, и Рэборнъ, стоя противъ него, уныло смотрѣлъ на его лицо и фигуру.

— Не смотри такъ мрачно, милый мой,— сказалъ, наконецъ, Голленъ, положивши свою худую руку на плечо друга.— Я скоро все брошу и уѣду на озера. Да меня и заставятъ бросить: рабочіе захотятъ проводить іюльскіе вечера какъ-нибудь иначе, а не въ слушаніи лекцій о серьезныхъ матеріяхъ. Остается еще нѣсколько обязательствъ; согласенъ, что я въ послѣднее время работаю больше, чѣмъ когда-нибудь: чувствую, что скоро придется поневолѣ сложить руки.

Они вступили въ разговоръ о современномъ политическомъ положеніи, о стремленіяхъ и настроеніи рабочаго класса и т. п. Рэборнъ ясно почувствовалъ, какъ измѣнился центръ тяжести въ воззрѣніяхъ его друга. Въ юности Голленъ былъ полонъ положительныхъ идеаловъ и непоколебимыхъ надеждъ. Въ послѣднее время онъ сталъ переходить къ отрицанію, къ недовѣрію въ ходячія теоріи и стремленія, и ясная, вдохновенная рѣчь его молодыхъ лѣтъ теперь превратилась въ запальчивый споръ и горькую критику.

Отъ Рэборна и другихъ товарищей онъ отличался всегда рѣзкою демократическою тенденціей, вѣрой въ народъ. По его мнѣнію, высшее творческое начало въ исторіи проявляется во всемъ человѣчествѣ, какъ цѣломъ; между тѣмъ какъ Рэборнъ считалъ прогрессивными силами только лучшихъ людей, умственно или нравственно возвышающихся надъ толпой, а всю остальную массу— пассивною, мертвою величиной. Эти разногласія нисколько не мѣшали ихъ дружбѣ.

Но все большее отчужденіе между Голленомъ и рабочими было гораздо серьезнѣе и печальнѣе для него. Онъ шелъ противъ общаго теченія признаніемъ собственности. Онъ считалъ собственность необходимою для «самоопредѣленія» личности, и злоупотребленіе собственностью не казалось ему достаточнымъ основаніемъ для уничтоженія ея: надѣлить имуществомъ и всѣмъ необходимымъ для жизни тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ, было его горячимъ желаніемъ. И въ настоящую минуту онъ полагалъ возможнымъ распространять не коллективныя формы собственности,— хотя вѣрилъ въ преобладаніе этихъ формъ въ будущемъ,—но именно личную и частную соб-

ственность. При этомъ цѣлью болѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства онъ считалъ не столько матеріальное, сколько нравственное благо—поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня населенія.

Какъ этого достигнуть? Голленъ отвѣчалъ, какъ и многіе другіе: для Англіи, главнымъ образомъ, посредствомъ перераспредѣленія земли, но, конечно, не насильственнымъ путемъ, а систематическимъ облегченіемъ свободнаго передвиженія земли, уничтоженіемъ стѣсненій, которыя уже давно сняты со всѣхъ другихъ видовъ собственности допущеніемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ правительственнаго вмѣшательства и контроля, но преимущественно частными усиліями отдѣльныхъ лицъ, преданныхъ общему благу. Къ широкимъ схематическимъ обобщеніямъ онъ относился съ естественнымъ презрѣніемъ ученаго и моралиста. Напримѣръ, представленіе, что національзація шестидесяти милліоновъ ежегодной ренты можетъ водворить въ Англіи царство Божіе, по его мнѣнію, было не только праздною мечтой, но и игнорированіемъ всей англійской исторіи. Такъ дешево нельзя устроить благосостояніе цѣлаго народа!

Это новое теченіе общественной мысли, идущее противъ коллективизма и соціализма, становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ и въ Англіи, и въ другихъ европейскихъ странахъ. Голленъ хотѣлъ построить новое государство на облагороженной и обновленной нравственной природѣ человѣка и не признавалъ никакого другого болѣе достойнаго основанія. Но чтобы облагородить и перевоспитать себя нравственно, необходима самодѣятельность, а для самодѣятельности нужна свобода. Между тѣмъ, соціализмъ, какъ онъ понималъ его, пренебрегаетъ и даже отвергаетъ свободу, сводя все благо человѣка къ извѣстнымъ матеріальнымъ условіямъ; онъ стремится водворить такой порядокъ вещей, при которомъ человѣкъ былъ бы лишенъ всѣхъ радостей и печалей, связанныхъ съ настоящимъ частнымъ владѣніемъ, а, между тѣмъ, человѣкъ не можетъ жить безъ этихъ стимуловъ.

Такъ, въ общемъ, всѣ эти положенія составляли не столько экономическую, сколько этическую доктрину, и Голленъ отстаивалъ е съ такою страстною горячностью и нетерпимостью, что Альдъ ъ ужасомъ замѣчалъ, какъ это увлеченіе быстро сжигаетъ послѣдіе остатки его жизненныхъ силъ.

— Ну, наконецъ, довольно!—сказалъ Голленъ послѣ бурнаго пора.—Вернемся къ Италіи. Ты мнѣ черезъ-чуръ мало разсказалъ своемъ путешествіи.

— Я уже сказалъ тебѣ, что мы пріѣхали, все время тамъ про-

были и вернулись подъ непрерывнымъ проливнымъ дождемъ. Выпалъ только одинъ ясный день, въ который мы втроемъ—я, тетка Агнета и Бетти Макдональдъ—ѣздили въ Миланъ.

— Миссъ Бетти потѣшала васъ?

— Да, она придумала тамъ новыя причуды,—отвѣтилъ Альдъ, смѣясь.—Почти весь день въ Миланѣ мы бѣгали за ней. Она вдругъ убѣжала отъ насъ на улицѣ, мы поѣхали за ней и, къ ужасу тетки Агнеты, застали ее догоняющей молодого итальянскаго офицера въ синемъ плащѣ. Она остановила его и спросила, гдѣ онъ заказывалъ себѣ плащъ,—она непремѣнно желаетъ имѣть такой же. Онъ вѣжливо предложилъ ей проводить ее до угла, къ его военному портному. Пришлось отправиться къ портному, такъ какъ она настаивала. Вы можете вообразить себѣ отчаяніе тетки Агнеты! Бетти купила себѣ кусокъ матеріи и буквально прыгала на улицѣ отъ восторга.

— Эта барышня вся состоитъ изъ фокусовъ, — сказалъ Голленъ, улыбаясь.—Когда ты разсказываешь о ней, я представляю себѣ маленькую обезьянку, только что соскочившую съ шарманки.

— А, между тѣмъ, у этой обезьянки очень доброе сердце, и она всегда готова приласкать всѣхъ больныхъ и несчастныхъ. Особенно везетъ ей на старыхъ дѣвъ. Она необыкновенно ловко, можно сказать, геніально умѣетъ ихъ приручить къ себѣ. Посмотрѣлъ бы ты, какъ вечеромъ въ общей залѣ гостиницы она соберетъ ихъ всѣхъ въ кружокъ, а мужчины остаются одни, въ сторонѣ, и, конечно, раздасадованы этимъ. Вездѣ, гдѣ бы Бетти ни встрѣтила больного и просто всѣми покинутаго человѣка — гувернантку, дѣвочку или какого-нибудь тупоумнаго юношу, она непремѣнно ихъ приласкаетъ. Это прекрасная черта, не знаю только, природная или выработанная.

Онъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, слегка улыбаясь. Но вдругъ выраженіе лица его измѣнилось: нервность и безпокойство отразились на немъ.

— Я еще не сказалъ тебѣ, Голленъ, — проговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—что я видѣлъ ее, и совершенно неожиданно. Леди Винтербурнъ и я — мы наткнулись на нее на терассѣ парламентскаго буфета. Она была въ компаніи съ тѣмъ господиномъ. Потомъ она подошла ко мнѣ, какъ бы желая загладить прошлое, — въ голосѣ его прорывалось скрытое волненіе,—но я увидалъ, что тотъ подходитъ къ ней. Мнѣ совѣстно вспомнить о моемъ обращеніи съ нею, но я не могъ съ собой сладить.

Хотя Рэборнъ въ разговорѣ съ Голленомъ никогда не упоминалъ

даже имени Марчеллы Бойсъ, тѣмъ не менѣе, для Голлена не было никакого сомнѣнія, во-первыхъ, въ томъ, что чувство его еще не угасло и что, во-вторыхъ, опытъ прошлаго года оставилъ въ немъ горькое чувство незаслуженной обиды, безпричинной жестокости.

— Не показалось ли тебѣ, что она выходитъ замужъ за Уартона?

— Нѣтъ, нѣтъ! — возразилъ Альдъ. — Но она, очевидно, съ нимъ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ и находится подъ его вліяніемъ больше чѣмъ когда-нибудь. Двѣ недѣли тому назадъ онъ имѣлъ большой успѣхъ въ палатѣ. Повидимому, онъ скоро станетъ во главѣ своей партіи.

— Я этого не думаю. На немъ не сойдутся. Ему какъ разъ недостаетъ качествъ, необходимыхъ для вождя партіи: сдержанности, полнаго отрѣшенія отъ всякихъ посторонних интересовъ и соображеній и исключительной, суровой преданности своему дѣлу.

— Я не зналъ, что ему этого не хватаетъ. Впрочемъ, несомнѣнно, онъ не держитъ себя въ сторонѣ отъ чуждыхъ сферъ и отношеній: я всюду слышу его имя.

— Какъ? Даже среди знати?

Альдъ утвердительно кивнулъ головой.

— Это поворотъ въ его политикѣ, — сказалъ Голленъ. — Не можетъ быть, чтобъ онъ это дѣлалъ не намѣренно.

— О, конечно, намѣренно!—сухо возразилъ Альдъ.—Но, помоему, онъ преувеличиваетъ значеніе и вліяніе тѣхъ людей, которыми хочетъ воспользоваться.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Голленъ опять возвратился къ Марчеллѣ.

— Миссъ Бойсъ была у насъ раза два или три въ твое отсутствіе.

— Какъ ты думаешь,—сказалъ Альдъ послѣ нѣкотораго колебанія,—удовлетворяетъ ее теперешняя жизнь сестры милосердія?

— Развѣ она можетъ чѣмъ-нибудь удовлетвориться? Она работаетъ съ изумительною, неподражаемою энергіей. Когда я ее вижу, я отъ души любуюсь ею и, въ то же время, мнѣ ее такъ жаль, что я почти готовъ плакать.

— Я не знаю, на что ты намекаешь, — сказалъ Альдъ и въ волненіи всталъ и положилъ руку на плечо Голлена. — Лучше не будемъ говорить о ней. Еслибъ ея образъ не былъ связанъ въ моемъ умѣ съ именемъ Уартона, я бы могъ стряхнуть съ себя все прошлое, но этотъ...— онъ не договорилъ.— Одинъ человѣкъ, котораго и ты знаешь, — началъ онъ опять съ замѣтнымъ волне-

ніемъ,—сказалъ мнѣ какъ-то: пусть это грубо и не гуманно, но я не могъ бы относиться къ женщинѣ, которая меня бросила, иначе, какъ съ озлобленіемъ. Эти слова поразили меня, но иногда я понимаю ихъ. Минутами мое раздраженіе противъ нея доходитъ до самыхъ невѣроятныхъ, просто комическихъ размѣровъ.

Онъ нервно выпрямился.

— Брось объ этомъ думать,—сказалъ ему Голленъ,—продолжай спокойно дѣлать свое дѣло.

При прощаніи Альдъ предложилъ Голлену пойти съ нимъ на слѣдующее утро осмотрѣть нѣкоторыя мастерскія, такъ какъ правительство рѣшило учредить за ними болѣе тщательный надзоръ, и Альду хотѣлось лично удостовѣриться въ томъ, какъ тамъ поставлено дѣло. Но Голленъ отказался.

На другой день въ жаркое іюльское утро Альдъ Рэборнъ отправился осматривать мастерскія въ намѣченныхъ имъ улицахъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ правительственнаго инспектора, и тотъ посовѣтовалъ ему пойти, прежде всего, въ такъ называемую «темную улицу», которая пользуется самою дурною репутаціей и въ которой многіе дома предназначены къ сломкѣ; въ ней много мелкихъ мастерскихъ, съ ужасными, безчеловѣчными порядками, и всякаго рода притоновъ. Дѣйствительно, когда они вошли въ эту узкую, мрачную улицу, ихъ охватилъ тяжелый воздухъ, зараженный нездоровыми, гнилостными испареніями; многіе дома покосились и держались на подпоркахъ; стекла были выбиты; на мостовую выбрасывались всевозможные остатки, и среди этой грязи и вони бѣгали и играли ребятишки, имѣвшіе самый жалкій видъ.

Во время пути инспекторъ посвящалъ Рэборна въ печальную хронику обывателей этой улицы, разсказывалъ грязныя и скандальныя исторіи, всякаго рода преступленія и трагическія происшествія.

Вдругъ они оба остановились: сквозь открытыя окна изъ одного дома послышался шумъ. Моментально изъ всѣхъ щелей сталъ выползать народъ, и за минуту передъ тѣмъ мертвая улица быстро наполнилась сбѣжавшеюся со всѣхъ сторонъ шумною толпой зѣвакъ.

Страшный, пронзительный крикъ прорѣзалъ воздухъ.

— Женскій голосъ! — сказалъ Альдъ, блѣднѣя.—Какъ будто убійство! Сходите, пожалуйста, за полисменомъ!

Самъ онъ тотчасъ бросился въ толпу, энергично проталкиваясь мимо пьяныхъ мужчинъ и визжащихъ женщинъ. Подойдя къ двери, въ которую уже стучались трое мужчинъ, онъ изо всѣхъ силъ началъ колотить въ нее. Извнутри доносились потрясающіе крики,

стоны, суматоха,—всѣ признаки ужасной смертельной борьбы. Затѣмъ грохнуло что-то тяжелое, и голосъ, непохожій на предъидущіе, жалобно, изнемогающимъ звукомъ прокричалъ: «Помогите, помогите!»

Въ этотъ самый моментъ дверь распахнулась, и трое мужчинъ стремительно выскочили изъ нея: одинъ, обезумѣвшій отъ пьянства и забрызганный кровью, имѣлъ дикій, звѣрскій видъ, двое другихъ держали его за руки.

— Онъ покончилъ съ ней и съ сестрой! — сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ, съ сестрой?—воскликнула одна изъ женщинъ позади Альда.—Онъ говоритъ про сидѣлку. Полчаса тому назадъ я видѣла изъ окна, какъ она входила сюда. Ахъ, ты, злодѣй!—и внѣ себя женщина бросилась на убійцу, но была задержана подошедшими полицейскими.

— Какъ туда пройти? — спросилъ Альдъ у стоявшихъ около женщинъ.

— Третья дверь направо,—сказала одна изъ нихъ.—Если бы вы знали, сэръ, какъ мы всѣ умоляли и упрашивали эту молодую дѣвушку не ходить сюда!

Войдя въ указанную комнату, Альдъ увидалъ лежавшую на полу женщину, повидимому, убитую на смерть. Около на колѣняхъ стояла Марчелла, вся истерзанная, тяжело дышащая, съ растрепанными волосами. Двѣ или три женщины, прибѣжавшія изъ любопытства, стояли тутъ въ нѣмомъ ужасѣ. Лѣвая рука у Марчеллы безсильно свѣсилась, но, нагнувшись къ истекавшей кровью женщинѣ, правою рукой она пыталась остановить кровь, лившую изъ головы. Ея сумка, раскрытая, стояла возлѣ, и одна изъ женщинъ подавала ей, что она требовала. Это зрѣлище красками ужаса запечатлѣлось въ душѣ Рэборна.

При такомъ чрезвычайномъ напряженіи нервовъ, ничто не могло поразить Марчеллу, и она не обнаружила ни малѣйшаго удивленія, когда увидала Рэборна.

— Я думаю,—заговорила она прерывающимся голосомъ, когда онъ подошелъ къ ней, — что онъ убилъ ее. Но есть нѣкоторая надежда. Полиція здѣсь? А есть носилки?

Одинъ изъ полицейскихъ, по платью узнавши въ ней сестру милосердія, почтительно обратился къ ней:

— Вы были свидѣтельницей происшедшаго?

— Да, я пыталась разнять ихъ, — сказала она, все такъ же съ трудомъ выговаривая слова, — но ничего не могла сдѣлать:

онъ невѣроятно сильный человѣкъ. Я была внизу, ухаживала за больнымъ ребенкомъ,—продолжала она, между тѣмъ какъ полицейскій чиновникъ заносилъ ея слова въ записную книжку.—Вдругъ на лѣстницѣ послышались крики. Онъ выпихнулъ ее изъ комнаты и, какъ мнѣ показалось, хотѣлъ сбросить съ лѣстницы. Въ это время я подбѣжала. Тогда онъ схватилъ вотъ этотъ стулъ, — сказала она, указавши на обломокъ стула.— Онъ былъ въ какомъ-то бѣшеномъ изступленіи отъ пьянства, и я ничего не могла предотвратить.

— Скажите, что у васъ съ рукой?—спросилъ Альдъ.

— Она не сломана, но вывихнута, я не могу владѣть ею. Теперь можно нести въ больницу, — сказала нѣсколько спустя Марчелла, наложивши съ помощью Альда повязку на голову умирающей женщины.

Затѣмъ она встала, шатаясь, и спросила полицейскаго, не можетъ ли онъ перевязать ей руку. Тотъ съ гордостью заявилъ, что онъ имѣетъ фельдшерское свидѣтельство, и довольно искусно забинтовалъ ей руку. Боли, отъ которыхъ она невольно все время морщилась, нѣсколько облегчились, и она опять наклонилась къ лежавшей женщинѣ, стала всматриваться въ ея безжизненное лицо, и слезы неудержимо полились по ея щекамъ, въ приливѣ глубокой тоски и жалости. Подобный взглядъ ея, полный безконечной грусти и страданія, Альдъ уже видѣлъ однажды въ хижинѣ Горда, въ день его ареста.

Когда всѣ вышли изъ комнаты, Альдъ мягко обратился къ Марчеллѣ:

— Ваша помощь больше не нужна здѣсь. Не позволите ли отвезти васъ домой,—это вамъ необходимо.

Теперь впервые она нѣсколько пришла въ себя, вспомнила, кто онъ, гдѣ они находятся и какъ въ послѣдній разъ встрѣтились. И внезапный приливъ радости освѣтилъ ея страдальческое, измученное лицо. Съ чисто-дѣтскимъ восторгомъ представляла она себѣ, что теперь, послѣ всего, что произошло на его глазахъ, онъ не можетъ относиться къ ней недружелюбно, не можетъ не чувствовать къ ней жалости и долженъ забыть все старое.

Онъ провелъ ее сквозь все еще стоявшую толпу и усадилъ на извощика. Они ѣхали нѣкоторое время молча: она пыталась побѣдить сильную боль въ рукѣ, вызванную неловкимъ движеніемъ; онъ молчалъ, чтобы дать ей успокоиться, но, въ то же время, негодованіе и злоба кипѣли въ немъ. Вотъ въ чемъ состоятъ ея новыя занятія, къ которымъ она относится съ такимъ энтузіазмомъ! Въ 23 года,

въ цвѣтѣ молодости и красоты! Ужасная, непростительная растрата силъ и здоровья! Онъ не въ силахъ примириться съ этимъ!

Пусть она выходитъ замужъ за Уартона или за кого угодно, если иначе нельзя отвлечь ее отъ этой безобразной жизни, отъ такихъ возмутительныхъ сценъ. Возможно ли допустить, чтобъ ея нѣжная, деликатная душа купалась въ этомъ морѣ крови и слезъ? Онъ испытывалъ теперь тѣ же чувства, какъ въ тотъ моментъ, когда мистрисъ Бойсъ разсказала ему о ея свиданіи съ Гордомъ въ тюрьмѣ и объ ужасной ночи въ хижинѣ Горда.

Лихорадочно работавшая мысль подсказала ей, о чемъ онъ думаетъ, и она вдругъ улыбнулась.

— Я знаю,—сказала она, взглянувши на него,—вы думаете, что занятія сестры милосердія только и состоятъ въ подобныхъ вещахъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ онъ, тоже пытаясь улыбнуться.

— До сихъ поръ я никогда не натыкалась на драку. Я даже не видала никогда никакихъ грубыхъ сценъ, и, право, я начинала жаждать сильныхъ ощущеній.

На него пахнуло старою, знакомою эксцентричностью, и невольно его суровый взглядъ смягчился.

— Теперь вы добились своего,—сказалъ онъ, повернувшись къ ней.—Рука сильно безпокоитъ васъ?

— Да, но, все-таки, можно терпѣть. Досаднѣе всего то, что мнѣ придется на нѣкоторое время прервать занятія. Мистеръ Рэборнъ...

— Что вамъ угодно?

Сердце забилось у него.

— Мы съ вами будемъ часто видаться, не правда ли, у лэди Винтербурнъ или въ деревнѣ? Неужели мы не будемъ друзьями? Вы не можете себѣ представить, какъ часто,—она на минуту отвернулась, чтобы собраться съ силами,—какъ часто я съ сожалѣніемъ вспоминаю о прошломъ годѣ. Я теперь вижу, что поступила очень дурно, гораздо хуже, чѣмъ мнѣ казалось тогда.—Послѣднія слова она произнесла почти шепотомъ.—Но, вѣдь, это все прошло... неужели мы не можемъ быть опять друзьями и понимать другъ друга, можетъ быть, лучше, чѣмъ прежде?

Она закрыла глаза, попеременно испытывая то робость, то смѣлость.

Что касается его, онъ замкнулся въ какомъ-то холодномъ, нѣмомъ оцѣпенѣніи. Въ его памяти вырисовывалась ненавистная

фигура Уартона, какъ онъ видѣлъ его на террасѣ подходившимъ къ Марчеллѣ.

— Мы только и можемъ быть друзьями,—принудилъ онъ себя сказать и больше не нашелъ ничего прибавить.

Хотя она знала его сдержанность, но быть отвергнутой въ этотъ моментъ показалось ей ужаснымъ.

Она было протянула ему руку, но потомъ быстро, съ ужасомъ отдернула ее.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

И вдругъ, въ припадкѣ рыданій, она забилась, какъ въ лихорадкѣ. Откинувшись на спинку экипажа, она старалась овладѣть собой и безсвязно бормотала что-то о женщинѣ, которую ей не удалось спасти. Альдъ пытался успокоить и уговорить ее, сердце у него разрывалось. Но она ничего не слушала.

Наконецъ, они подъѣхали къ громадному дому, въ которомъ она жила.

— Вотъ сюда,— сказала она, напрягая послѣднія силы,—я попрошу васъ проводить меня дворомъ и по лѣстницѣ, а тамъ уже я буду въ безопасности.

И, опираясь на его руку, Марчелла прошла по двору, поднялась по лѣстницѣ, и на площадкѣ около своей квартиры она отняла руку и съ улыбкой сказала:

— Теперь я дома. Прощайте!

Разставшись съ Марчеллой, Альдъ отправился къ лэди Винтербурнъ и умолялъ ее перевезти къ себѣ больную Марчеллу и позаботиться о ней, при этомъ онъ всячески старался замаскировать свое волненіе.

Ночь, послѣдовавшая за всѣми этими впечатлѣніями, была одна изъ самыхъ горькихъ и тревожныхъ въ жизни Альда.

VIII.

Марчелла сидѣла у открытаго окна въ гостиной лэди Винтербурнъ въ голубомъ покойномъ креслѣ. Послѣ узкаго, загроможденнаго высокими стѣнами вида изъ своей квартиры Марчелла съ наслажденіемъ смотрѣла на широкое, открытое пространство, занятое зеленѣющимъ паркомъ; ей было пріятно сидѣть спокойно, одной, перелистывать книжку и отдаваться мечтамъ. Уже прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ лэди Винтербурнъ перевезла ее къ себѣ и занялась леченіемъ ея руки подъ наблюденіемъ спеціалиста; въ первое время комфортъ, которымъ окружила ее лэди Винтер-

бурнъ, доставлялъ ей большое удовольствіе, но послѣдніе дни ее опять потянуло въ ея скромную квартирку, въ узкія и мрачныя улицы, населенныя бѣднымъ людомъ, къ той дѣятельности, въ которой она видѣла смыслъ и интересъ своего существованія. И теперь ей доставляло радость два раза въ недѣлю навѣщать въ больницѣ ту женщину, которую она спасла, подвергая опасности собственную жизнь.

Воспоминанія, связанныя съ послѣднимъ трагическимъ эпизодомъ, доставляли ей мучительныя ощущенія: надежда, что эти испытанія помогутъ ей снова завязать дружбу съ Рэборномъ, не оправдалась. За эти двѣ недѣли онъ раза два или три былъ здѣсь, его обращеніе съ ней было верхомъ деликатности и предупредительности; но все время въ его тонѣ она чувствовала что-то холодное и чуждое, разговоръ не клеился, и ее подавляло горькое сознаніе того, что она поступила безтактно, унизительно, протянувши ему первая руку примиренія.

Но почему же имъ не быть друзьями? Конечно, онъ женится на Бетти Макдональдъ, но имъ придется встрѣчаться и въ деревнѣ, и въ Лондонѣ; къ чему же затруднять положеніе? Не лучше ли забыть все старое и стать въ новыя, простыя отношенія? Между тѣмъ, она все больше узнавала его съ новыхъ сторонъ. Въ той средѣ, гдѣ она теперь жила, онъ былъ своимъ, близкимъ человѣкомъ; она видѣла, какъ много сердечности и теплоты обнаруживалъ этотъ суровый на видъ человѣкъ, она видѣла, какъ высоко цѣнили и уважали его въ этомъ кругу. Всѣ эти новыя впечатлѣнія значительно измѣнили ея общее представленіе о немъ.

Свиданія съ Уартономъ не прекращались во время пребыванія Марчеллы у лэди Винтербурнъ. Геройскій подвигъ Марчеллы со всѣми драматическими и романическими обстоятельствами возбудилъ всеобщее любопытство. Газеты разукрасили этотъ случай эффектными деталями, толки о немъ ходили во всѣхъ кругахъ, и многіе жаждали увидать героиню. Между прочимъ, мистрисъ Лэнъ, несмотря на мимолетное знакомство съ Марчеллой, часто приходила навѣщать ее и звала къ себѣ и ради нея собирала кружокъ любопытныхъ. Но Марчеллу нисколько не интересовало быть предметомъ любопытства,—у мистрисъ Лэнъ ее больше всего привлекала возможность видѣться съ Уартономъ. Уартонъ, попрежнему, возбуждалъ, раззадоривалъ, сердилъ,—однимъ словомъ, живо интересовалъ ее. Но, въ то же время, тѣ подозрѣнія, которыя зародились въ ней во время обѣда въ парламентской столовой, продолжали все болѣе и болѣе крѣпнуть. Она часто видала его въ кругу краси-

выхъ и блестящихъ свѣтскихъ дамъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ на очень короткой ногѣ, говорилъ ихъ языкомъ и, повидимому, жилъ ихъ жизнью. Она не могла смотрѣть на эти отношенія иначе, какъ на измѣну съ его стороны прежнимъ убѣжденіямъ. Кромѣ того, его обращеніе съ ней лично вызывало недоумѣніе: то онъ разсыпалъ передъ ней лестныя похвалы и выказывалъ ей несомнѣнную симпатію, то бывалъ чрезвычайно холоденъ, и одинъ или два раза она замѣтила даже съ его стороны намѣренную небрежность по отношенію къ себѣ и именно въ присутствіи какой-нибудь важной дамы. «О, онъ боится, какъ бы его не заподозрили, что онъ женится на мнѣ!»—съ негодованіемъ думала она.

Всѣ эти впечатлѣнія послѣдняго времени, конечно, не могли создать хорошаго настроенія, и она сидѣла теперь у окна грустная; тяжелый опытъ болѣе близкаго соприкосновенія съ жизнью и людьми угнеталъ ее.

Кисейная занавѣска у окна вдругъ заколыхалась: кто-то отворилъ дверь въ комнату. Марчелла оглянулась и увидала слегка смущенную Бетти Макдональдъ въ легкомъ бѣломъ платьѣ; ея острое личико съ золотистыми волосами казалось еще миніатюрнѣе подъ широкими полями большой шляпы, и вся маленькая, подвижная фигурка напоминала альфа.

— Входите, входите!—ободрила ее Марчелла.—Лэди Винтербурнъ скоро вернется.

Бетти сѣла и съ любовью и восхищеніемъ смотрѣла на Марчеллу. Ея геройскій поступокъ возбуждалъ фантазію дѣвушки, отзывчивой на все высокое и благородное, и обыкновенно веселая болтушка сидѣла теперь безмолвно, въ нѣмомъ изумленіи передъ Марчеллой, которая была только двумя годами старше ея, а, между тѣмъ, успѣла уже испытать такъ много; завидуя ей, она готова была въ этотъ моментъ презирать себя.

— Вы любите оставаться одни?—вдругъ спросила она Марчеллу.

— Мнѣ уже надоѣло мое собственное общество, и я очень рада, что вы пришли.

— Неужели?—радостно воскликнула Бетти и быстро перегнулась къ Марчеллѣ.—Можно мнѣ поцѣловать васъ?—сказала она горячо.

Марчелла улыбнулась и притянула ее къ себѣ.

— Очень хорошо!—сказала Бетти.—Теперь я переступила вторую ступень, первая была тамъ—на террасѣ. Ахъ, вотъ и онѣ,—она подбѣжала къ окну,—лэди Винтербурнъ и Эрминтруда!

Какъ смѣшно смотрѣть на лэди Винтербурнъ, дѣлающую визиты! Она входитъ въ карету, словно на эшафотъ, и имѣетъ самый жалкій, несчастный видъ, а Эрминтруда, между тѣмъ, увѣряетъ, что она съ удовольствіемъ съ нею ѣздитъ.

Какъ только тѣ вошли, дверь снова отворилась, и лакей доложилъ:

— Леди Селина Фаррель!

Лэди Винтербурнъ поморщилась, но тотчасъ же вышла ей на встрѣчу, протягивая руку.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она.

Со стороны можно было подумать, что вошла незнакомая дама, между тѣмъ, лэди Селина была кузиной лэди Винтербурнъ; но лэди Винтербурнъ не любила ее и не старалась скрывать этого. Лэди Селина была не молодая уже и не красивая особа, державшая у себя политическій салонъ консервативной партіи; въ послѣднее время въ ея салонѣ часто сталъ появляться Уартонъ.

Лэди Селина съ обычною своею важною осанкой опустилась на стулъ, спросила Бетти, какъ она веселится въ этомъ сезонѣ, съ лукавымъ намѣреніемъ освѣдомилась у лэди Эрминтруды, какъ безъ нея поживаютъ въ деревнѣ ея мужъ и ребенокъ; вопросъ былъ предложенъ въ шутливомъ тонѣ, но кольнулъ молодую даму, бросившую семью для городскихъ развлеченій.

Разговоръ завязался о политикѣ. Отецъ лэди Селины, лордъ Альрсфордъ, на этотъ разъ былъ обойденъ, и, вѣроятно, отголоски его озлобленія слышались въ нападкахъ лэди Селины на новое министерство.

— Мой отецъ очень стоялъ за то, чтобъ облегчить положеніе рабочихъ, но онъ думалъ, что можно было избѣжать всѣхъ этихъ волненій и бурь. Рабочую партію можно было легко удовлетворить, а теперь эти несчастные, голодные должны ждать окончанія борьбы.

— О!—могла только воскликнуть лэди Винтербурнъ.

«Альрсфордъ! — думала она, — этотъ грубый, безсердечный тиранъ — другъ народа! А сама лэди Селина, воюющая постоянно съ горничными, осмѣливается выставлять на показъ свои гуманныя чувства!»

— Какъ вамъ понравилась рѣчь Уартона? — обратилась лэди Селина къ Марчеллѣ.

— Она была очень интересна!—холодно отвѣтила Марчелла, чувствуя, какъ при этомъ имени всѣ взгляды устремились на нее, и жестоко досадуя на то, что щеки ея вспыхнули.

— Не правда ли?—горячо подтвердила лэди Селина.—Конечно, все это невыполнимо, но нельзя не сочувствовать молодому энтузіасту. И мой отецъ говорить то же. Онъ находитъ, что намъ необходимо привлечь его на свою сторону, иначе всѣмъ грозитъ крушеніе. На ихъ сторонѣ сила, а на нашей—образованіе и воспитаніе. Если бы намъ удалось убѣдить этихъ людей въ справедливости нашихъ требованій и взамѣнъ предложить имъ поддержку въ проведеніи нѣкоторыхъ ихъ мѣропріятій, развѣ это не было бы хорошо? Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы говорить этого вамъ,—обратилась лэди Селина къ Марчеллѣ,—я знаю, вы такъ неодобрительно относились къ намъ, консерваторамъ; но мистеръ Уартонъ говорилъ мнѣ, что вы нѣсколько перемѣнили свое мнѣніе.

— Я не понимаю, о какихъ требованіяхъ вы говорите,—заговорила Марчелла, раздражаясь.

— Я говорю, конечно,—затруднялась лэди Селина,—о требованіяхъ людей образованныхъ, тѣхъ, которые создали своими силами страну.

— Я думаю, что вы разумѣли богатыхъ людей,—твердо проговорила Марчелла.

— Марчелла!—воскликнула лэди Винтербурнъ. — Мнѣ казалось, что вы нѣсколько смягчили свои прежніе взгляды, что вы не такъ сурово относитесь къ намъ и нашей тиранніи, что вы не видите больше такой пропасти между богатыми и бѣдными, не считаете ихъ положеніе такимъ отчаяннымъ и не думаете, что они должны ненавидѣть насъ!—и, забывши о присутствіи лэди Селины и вспоминая только о разговорахъ въ Меллорѣ, лэди Винтербурнъ съ интересомъ ждала отвѣта Марчеллы.

— Знаете ли, — сказала Марчелла, смотря на нее страннымъ взглядомъ,—гораздо лучше относишься къ богатымъ, когда живешь между бѣдными. Когда я тамъ, среди тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, я съ удовольствіемъ вспоминаю о томъ, что есть на свѣтѣ богатые люди.

— Я васъ не понимаю, милая! — сказала лэди Винтербурнъ, смотря на Марчеллу недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Неужели это не понятно? Вы постоянно вращаетесь среди людей, живущихъ въ одной комнатѣ, не имѣющихъ ничего изящнаго или красиваго, даже лишней комнаты, чтобъ отдохнуть и побыть наединѣ. Когда я ухожу оттуда, я съ жадностью смотрю на красивые туалеты, дома, сады! Мнѣ пріятно думать, что гдѣ-то сохраняется красота, изящество, досугъ, что эти прекрасныя вещи не исчезли совсѣмъ съ лица земли.

— Какъ странно, — сказала Бетти задумчиво, — что васъ прежде всего поразило безобразіе бѣдности, а не страданія и лишенія!

— Конечно, я начала съ того, что необходимо правильнѣе распредѣлить богатство, необходимо дать всѣмъ долю участія въ благахъ міра, но потомъ мной овладѣло сомнѣніе, я стала думать, что такимъ механическимъ путемъ вопроса рѣшить нельзя, необходимо прежде обновить нравственную природу человѣка.

— Не находите ли вы,—заговорила лэди Селина шутливымъ тономъ,—что очень полезно было бы отправить всѣхъ нашихъ радикаловъ,—по крайней мѣрѣ, состоятельныхъ между ними,—пожить среди бѣдныхъ? Тамъ, повидимому, можно научиться очень полезнымъ вещамъ!

Марчелла встряхнулась, какъ будто кто грубо прикоснулся къ ней.

— Чему же, вы думаете, можно научиться тамъ?

— Я думаю,—возразила лэди Селина, смущаясь тономъ вопроса,—что тамъ можно научиться быть довольнымъ жизнью и перестать рваться въ облака.

— Вы *думаете*,—заговорила Марчелла медленно, подчеркивая слова, — что жизнь между бѣдными можетъ сдѣлать кого-нибудь *довольнымъ?*

Она произнесла эту фразу съ особеннымъ драматизмомъ выраженія и, вмѣстѣ, искренностью, между тѣмъ какъ у всякой другой женщины это звучало бы аффектаціей.

Лэди Селина почувствовала себя оскорбленной.

— Насколько я поняла васъ,—сказала она холодно,—вы сами признались, что жизнь среди бѣдныхъ заставила васъ благоразумнѣе относиться къ богатымъ.

Нѣкоторое движеніе въ дверяхъ заставило всѣхъ обернуть головы: лэди Эрминтруда и Альдъ Рэборнъ стояли и прислушивались къ разговору.

— А, мистеръ Рэборнъ!—сказала лэди Селина,—зачѣмъ вы укрываетесь отъ нашего горячаго спора? Не правда ли, все это очень утѣшительно для насъ, жителей Вестъ-Энда?

И она бросила язвительный взглядъ на Марчеллу.

— Онъ вошелъ во время спора,—сказала лэди Эрминтруда,—и я сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ не прерывалъ.

Лэди Селина начала прощаться.

— Вы меня очень ободрили, миссъ Бойсъ,—сказала она, обращаясь къ Марчеллѣ.—Конечно, мы всѣ очень жалѣемъ бѣдныхъ,

но, все-таки, необыкновенно пріятно слышать, что, въ концѣ-концовъ, имѣть собственность не есть преступленіе!

Когда она вышла, Альдъ неровнымъ и медленнымъ шагомъ подошелъ къ Марчеллѣ, стоявшей у окна, и спросилъ о больной рукѣ. Онъ очень жалѣетъ, сказалъ онъ, что ея рука до сихъ поръ въ повязкѣ.

— Благодарю васъ,—сказала Марчелла холодно,—на слѣдующей недѣлѣ я примусь за работу.

Она отошла отъ окна и взяла свою книгу.

— Я пойду къ себѣ написать нѣкоторыя письма, — сказала она лэди Винтербурнъ.

Когда, вслѣдъ за Марчеллой, Бетти и лэди Эрминтруда вышли изъ комнаты, лэди Винтербурнъ подозвала къ себѣ Альда.

— Послушай, Альдъ,—заговорила она взволнованно,— вѣдь, это ужасно оставлять ее такъ одну въ борьбѣ съ жизнью, со своими мыслями, впечатлѣніями!

— Да,—сказалъ онъ.—Я не понимаю, почему она не ѣдетъ домой. Мистрисъ Бойсъ просто раздражаетъ меня.

— Мистрисъ Бойсъ тутъ не причемъ,—сказала лэди Винтербурнъ грустно.—Я не знаю, почему мнѣ такъ жаль Марчеллу, почему мнѣ такъ хочется, чтобъ она бросила эту жизнь: вѣдь, она прекрасно дѣлаетъ свое дѣло. Но я не могу отдѣлаться отъ подозрѣнія, что она несчастна.

Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ съ притворною улыбкой:

— Но, вѣдь, мы съ вами не можемъ помочь этому?

Между тѣмъ, Марчелла безпокойно ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Ей хотѣлось поскорѣе уѣхать отсюда. *Онъ* слышалъ ея разговоръ. Слова Селины до сихъ поръ звучали въ ея ушахъ. Гордость ея возмущалась. Что онъ могъ подумать? Конечно, то, что съ ея стороны это—извиненіе, раскаяніе, ловко замаскированный маневръ вернуть его расположеніе! Теперь, когда лордъ Максвель при смерти и Альдъ скоро получитъ титулъ лорда, глупенькая дѣвочка раскаялась въ своей оплошности и хочетъ дать ему понять это. Ахъ, какъ гнусно!

Нервы были напряжены у Марчеллы до послѣдней степени, и она залилась слезами отчаянія и оскорбленной гордости.

IX.

Денежныя дѣла Уартона запутывались все больше и больше. Прежде всего, долги его возросли до очень крупной суммы и наступали сроки неотложныхъ платежей.

Что касается *Голоса Труда,* то поддерживать это изданіе съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе. Расходы росли непомѣрно и совсѣмъ не покрывались доходами. Уартонъ былъ въ большомъ затрудненіи всякій разъ, когда приходилось производить мелкія текущія расплаты, и когда онъ появлялся въ редакціи газеты, бодрое расположеніе духа его покидало.

А, между тѣмъ, ликвидировать дѣла было еще труднѣе. Распространились слухи о запутанности дѣлъ и помѣшали Уартону найти выгоднаго покупщика на изданіе. Тѣмъ досаднѣе было все это, что *Голосъ Труда* пріобрѣталъ все большее политическое значеніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ горячо поддерживать требованія рабочихъ при стачкѣ въ Дэмсли.

Стачка эта вступила теперь во второй фазисъ. Въ первомъ рабочіе твердо стояли на повышеніи заработной платы и отказывались отъ всякихъ уступокъ. Теперь же, измученные продолжительною борьбой, они прибѣгли къ выбору особой коммисіи для разбора дѣла. Коммиссія, въ которой участвовали и делегаты отъ рабочихъ, рѣшила дѣло въ пользу капиталистовъ. Рѣшеніе это возбудило бурный протестъ въ средѣ рабочихъ, начали собирать митинги, Кравенъ въ *Голосѣ Труда* ободрялъ рабочихъ къ сопротивленію, всѣ переговоры были прерваны, забастовка продолжалась, и *Голосъ Труда* объявилъ объ организаціи фонда для поддержанія стачки.

Тогда капиталисты, основываясь на томъ, что заграничная конкурренція убиваетъ металлическое производство въ Англіи и разоряетъ мелкихъ предпринимателей, стали утверждать, что спасеніе только въ синдикатѣ, который долженъ былъ охватить всю эту отрасль промышленности, сократить издержки, повысить заработную плату и регулировать ввозъ и вывозъ. Но пока этотъ синдикатъ объединитъ производство, пройдетъ много времени, и на это переходное время рабочіе должны пойти на уступки и принять рѣшеніе коммиссіи.

Голосъ Труда продолжалъ возбуждать рабочихъ противъ соглашенія и поддерживалъ ихъ на тѣ суммы, которыя были собраны пожертвованіями въ пользу стачки.

Конечно, денежныя затрудненія легче всего было устранить выгодною женитьбой. Но мысли Уартона всецѣло были заняты Марчеллой, и въ послѣднее время намѣреніе жениться на ней получило нѣкоторое серьезное подкрѣпленіе: онъ узналъ, что мистеръ Бойсъ благоразумнымъ веденіемъ хозяйства не только очистилъ имѣніе отъ долговъ, но значительно прибавилъ доходность его. Такимъ образомъ, женитьба на Марчеллѣ, какъ единственной наслѣдницѣ,

представляла въ перспективѣ даже не пустой матеріальный разсчетъ.

Онъ жаждалъ почаще видаться съ Марчеллой, но домъ лэди Винтербурнъ былъ ему недоступенъ, а къ мистриссъ Лэнъ Марчелла совсѣмъ не показывалась. Наконецъ, онъ услыхалъ отъ мистрисъ Лэнъ, что Марчелла 25 іюня пріѣдетъ съ лэди Винтербурнъ на раутъ къ лэди Мастертонъ, съ которой и онъ былъ знакомъ.

Вечеромъ 25 іюня, несмотря на то, что наступилъ мертвый сезонъ, когда Лондонъ пустѣетъ, роскошная квартира лэди Мастертонъ была полна гостей. Марчелла встрѣтила знакомыхъ, болтала непринужденно. Между прочимъ, она съ интересомъ наблюдала, какъ маленькая Бетти безцеремонно командовала Франкомъ Ливеномъ, какъ тотъ растерянно, но покорно подчинялся ея капризамъ.

— Мистеръ Рэборнъ!—вдругъ воскликнула Бетти.—Пожалуйста, назовите мнѣ нѣкоторыхъ лицъ. Мистеръ Ливенъ ни на что не годится. Представьте, я его спрашиваю, кто эта дама въ діадемѣ— онъ не знаетъ! Повидимому, все свое остроуміе и сообразительность онъ оставилъ въ Оксфордѣ. А я въ отчаніи—посмотрите, она ушла, и я не узнаю теперь, кто она.

— Сію минуту,— отвѣтилъ Альдъ, улыбаясь.—Она ушла въ чайную, и мы ее немедленно догонимъ.

Онъ поздоровался съ Марчеллой.

— Ему гораздо лучше, — отвѣтилъ онъ на вопросъ лэди Винтербурнъ о здоровьѣ лорда Максвеля.—На слѣдующей недѣлѣ онъ, наконецъ, вернется домой.

«Почему же я стою безмолвно, не могу произнести ни слова?— спрашивала себя Марчелла.—Почему я не рѣшаюсь вмѣшаться въ разговоръ, высказать сочувствіе? Къ счастью, послѣ-завтра я примусь за работу и не буду больше видѣть его и испытывать этого томительнаго состоянія».

Онъ освѣдомился объ ея здоровьѣ, какъ всегда. Потомъ, отошедши нѣсколько шаговъ съ Бетти, онъ вдругъ неожиданно опять вернулся къ ней.

— Мнѣ пріятно сообщить вамъ о Голленѣ, что онъ въ Ксевикѣ и чувствуетъ себя значительно лучше.

Когда онъ опять отошелъ съ Бетти, Марчелла смотрѣла имъ вслѣдъ.

Среди шумной, веселящейся толпы на нее вдругъ нашло жуткое чувство одиночества. Она все еще слѣдила глазами за удалявшеюся парой: высокимъ мужчиной съ сѣдѣющими волосами, ласково и внимательно прислушивающимся къ своей дамѣ, но съ посто-

янным отпечатком грусти на благородном лицѣ, и маленькою кудрявою головкой, довѣрчиво къ нему обращенной.

Подъ наплывомъ горькихъ воспоминаній и мучительнаго сознанія внутренней пустоты, Марчелла машинально шла за лэди Винтербурнъ и опустилась на диванъ, радуясь, что лэди Винтербурнъ занялась разговоромъ съ кѣмъ-то.

Откуда это чувство безъисходной тоски и сожалѣнія о безвозвратномъ прошломъ, откуда это разочарованіе въ жизни и въ самой себѣ? Она ясно сознавала одно, что прежде, когда она владѣла сердцемъ Альда, никогда его взглядъ и прикосновеніе не приводили ее въ трепетъ, а теперь, когда она не имѣла никакого права на его ласку, вниманіе, когда онъ, можетъ быть, уже отдалъ свое сердце другой женщинѣ, когда уже было поздно, безумно поздно, ее захватила дикая, отчаянная страсть! И душевныя муки, которыя она испытывала теперь, были такъ остры, такъ нестерпимы, что она вдругъ вскочила, думая, что у нея путается разсудокъ; къ счастью, въ эту минуту проходилъ мимо мистеръ Лэнъ, и она напрягла всѣ силы, чтобъ улыбнуться ему и подозвать его къ себѣ.

— Какъ вы блѣдны, милая миссъ Бойсъ! — сказалъ онъ.— Неужели это все несносная рука? Теперь уже больше не пускайтесь въ героизмъ, пожалуйста!

Между тѣмъ, въ чайной комнатѣ Бетти граціозно пила какой-то прохладительный напитокъ.

— Нѣтъ, — сказала она стоявшему около нея Альду, — она совсѣмъ некрасива, а изъ-за нея я изорвала себѣ платье. Сегодня здѣсь только одна красавица!

Они сѣли на диванъ.

— Вы разумѣете миссъ Бойсъ?—спросилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія! — сказала Бетти, блеснувши своими хорошенькими глазками.—Я не знаю, что есть въ ея лицѣ, что прямо магнетизируетъ меня. Кажется, будто она успѣла пережить вдвое больше, чѣмъ другія въ ея возрастъ. Но, можетъ быть, вамъ непріятно, когда говорятъ о ней?

Онъ помолчалъ нѣсколько времени, затѣмъ измѣнившимся голосомъ проговорилъ:

— Нѣтъ, но я также не буду увѣрять, что мнѣ легко говорить о ней.

— Было бы очень странно, если бы вы вздумали меня увѣрять въ томъ, чего нѣтъ, — горячо заговорила она,— послѣ всего того, что я вамъ разсказала про себя. Я разболтала всѣмъ всѣ свои секреты и, можно сказать, выворотила передъ вами наизнанку мое серд-

це, и вы относились ко мнѣ, какъ старшій братъ. Но вы ужасно гордый и скрытный, мистеръ Альдъ. Это не хорошо съ вашей стороны.

Альдъ засмѣялся.

— Милая миссъ Бетти! Развѣ вы не замѣчаете, что я гораздо охотнѣе слушаю, чѣмъ говорю? Я не говорю о себѣ,—онъ затруднялся,—по крайней мѣрѣ, о вещахъ мнѣ близкихъ, прежде всего, потому, что мнѣ это тяжело, а, во-вторыхъ, потому, что при этомъ пришлось бы касаться другихъ лицъ.

— А, вотъ вы какъ! Что же вы теперь подумаете обо мнѣ? Никогда больше ничего не буду вамъ разсказывать!

И она сердито топнула ногой и отвернулась.

Альдъ старался успокоить ее. Въ эту минуту въ комнату вошла лэди Винтербурнъ съ Марчеллой.

— Еще одно слово! — заговорила Бетти полушепотомъ, перегнувшись къ Альду. — Вся ваша исторія, вѣдь, это одно недоразумѣніе, не правда ли? Теперь я ее знаю и увѣрена въ этомъ. Скажите, вѣдь, вы не можете дурно о ней думать?

Альдъ слушалъ ее разсѣянно, смотря на снующую мимо толпу, но вдругъ въ одно мгновеніе все лицо его измѣнилось: онъ плотно сжалъ губы, глаза его злобно сверкнули.

— Можетъ быть, скоро миссъ Бойсъ перестанетъ быть для насъ загадкой,—быстро проговорилъ онъ.—Уйдемте изъ этого неуютнаго угла.

Бетти посмотрѣла по направленію его взгляда и увидала молодого человѣка, съ большимъ чувствомъ и интимностью разговаривавшаго съ Марчеллой.

— Кто это?—спросила Бетти.

— Это Уартонъ, депутатъ,—сказалъ Альдъ, вставая.

— Здѣсь есть по сосѣдству прелестная маленькая комнатка,—говорилъ, между тѣмъ, Уартонъ Марчеллѣ,—не пройдемъ ли мы туда изъ этой духоты?

Настойчивый тонъ его голоса, какъ бывало прежде, заставилъ ее безпрекословно за нимъ слѣдовать. Проходя мимо Альда, она почти задѣла его платьемъ.

Они сѣли въ уединенной пустой комнатѣ у окна, закрытые отъ постороннихъ глазъ растеніями.

Она чувствовала, что наступаетъ рѣшительный моментъ, и сидѣла блѣдная, какъ полотно.

Онъ горячо обхватилъ ея руку своими руками, нагнулся къ ней и принесъ ей страстное признаніе. Съ перваго момента зна-

комства,— увѣрялъ онъ,— онъ почувствовалъ къ ней непреодолимое влеченіе; за шесть недѣль пребыванія въ ихъ домѣ, несмотря на борьбу съ своимъ чувствомъ, онъ не могъ подавить его и, вопреки всей сдержанности, оно прорвалось наружу однажды, въ извѣстный ей безумный моментъ, о которомъ онъ горько сожалѣетъ, такъ какъ доставилъ ей страданія. «Хотя,— прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ, сжимая ея руку,— я въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ жилъ только воспоминаніемъ объ этомъ моментѣ». Но онъ не хотѣлъ смущать ея покой и отошелъ въ сторону, стараясь забыться въ парламентской дѣятельности.

Но при первомъ взглядѣ на нее въ ея маленькой уютной квартиркѣ прежнее чувство ожило въ немъ съ двойною силой. Потомъ много разъ его отношеніе къ ней должно было приводить ее въ замѣшательство; но, вѣдь, онъ принадлежитъ не себѣ, онъ рабъ того дѣла, которому отдалъ свою жизнь и честь; это дѣло часто подавляло его своею сложностью, запутанностью и непрочностью, и ему казалось, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не имѣетъ права жениться. Но теперь, при видѣ ея, всѣ его сомнѣнія и опасенія разсѣялись. Онъ на колѣняхъ умоляетъ ее раздѣлить съ нимъ его трудовую и боевую жизнь, присоединить свои силы для совмѣстнаго служенія великой цѣли. Съ *ней* можно вмѣстѣ работать, *она*, какъ никто другой, можетъ своимъ сочувствіемъ и участіемъ вдохновлять къ работѣ.

Онъ вдругъ оборвалъ, слова не сходили у него съ языка; только глаза, блестящіе и проницательные, съ мольбой были устремлены на нее, его руки искали ея руки.

Она сидѣла неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, не въ состояніи владѣть ни разсудкомъ, ни волею. Обаяніе его личности, какъ всегда, отуманило ее. Близость и сила его чувства зажгли всѣ ея инстинкты. Она чувствовала, что только отдавшись этому чувству, она можетъ забыть всѣ муки и отчаяніе.

Но черезъ мгновеніе совѣсть встрепенулась въ ней, недовѣріе къ нему и къ себѣ проснулось съ прежнею силой.

— Но, вѣдь, мы, въ сущности, такъ мало знаемъ другъ друга. Вы меня почти не знаете, а относительно васъ я чувствую...

— Сомнѣнія?—спросилъ онъ, улыбаясь.—Я считаю это вполнѣ естественнымъ. У меня нѣтъ сомнѣній относительно васъ, но вы... Въ концѣ-концовъ, вѣдь, мы не дѣти, каждый изъ насъ пожилъ. Но скажите, не кажется ли вамъ, что судьба насъ сводитъ?

Ихъ глаза встрѣтились. Она опустила свои подъ его проницательнымъ, пламеннымъ взглядомъ. Но когда ему показалось, что она

почти готова уступить, онъ вдругъ почувствовалъ легкое разочарованіе, почти презрѣніе. Еслибъ она отвернулась отъ него съ достоинствомъ, его страсть возгорѣлась бы съ большею силой, и ея очарованіе возросло бы.

— Вашъ отвѣтъ?—спросилъ онъ, пожимая ея руку.

Она встрепенулась.

— Я не могу,—сказала она, пытаясь встать, но онъ энергично задержалъ ее.—Я не могу вамъ отвѣтить сегодня, мистеръ Уартонъ. Мнѣ еще нужно подумать. Очень возможно, что завтра же мнѣ все представится въ другомъ свѣтѣ. Надо подождать.

— До завтра?—спросилъ онъ спокойно.

— Нѣтъ, — заговорила она рѣшительно, — послѣ завтра я опять принимаюсь за дѣла, а нуженъ срокъ, чтобы все обдумать. Черезъ двѣ недѣли, не раньше. Я напишу вамъ.

— О, это невозможно!—сказалъ онъ, нахмурившись.

И, держа за руки, онъ притянулъ ее къ себѣ и страстнымъ взглядомъ озиралъ ея лицо, обнаженныя руки, шею. Она съ ужасомъ отскочила отъ него, почувствовавши внезапный приливъ отвращенія и страха, но, все-таки, онъ уже успѣлъ поцѣловать ея руку у плеча.

— Какъ вы смѣли?—воскликнула она, задыхаясь отъ негодованія.

Онъ встрѣтилъ ея гнѣвный взглядъ съ видомъ виноватаго смиренія.

— Марчелла!—прошепталъ онъ. Но уже было поздно, моментъ очарованія прошелъ, ея обычная трезвость вернулась къ ней.

— Не завтра,—повторила она, стараясь говорить твердо, но едва сдерживая слезы,—до тѣхъ поръ, пока мнѣ все выяснится, чтобъ я могла...—она не договорила.—А теперь я вернусь къ лэди Винтербурнъ.

А. М.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

(Очеркъ).

I.

Мы вошли въ большое кирпичное зданіе, напоминавшее собой казармы, фабрику или заводъ. Узкія почернѣвшія окна почти не пропускали свѣта. Было грязно, скользко, сыро, и по каменному изъ плитняка полу хлюпала вода. Въ полумракѣ, уходя вверхъ, тянулись, встрѣчаясь другъ съ другомъ, какія-то трубы, канаты, балки, производя впечатлѣніе сосредоточенной, скрытой силы. Я все боялся провалиться въ шахту, которая представлялась мнѣ почему-то просто дырой въ полу, и съ напряженіемъ и съ усиліемъ пробирался въ полутемнотѣ, потому что со свѣту почти ничего не могъ разобрать.

Возлѣ ходили какіе-то люди, черные, насквозь пропитанные углемъ, свободно и легко оріентируясь, какъ давно освоившіеся съ обстановкой и мѣсторасположеніемъ.

— Эй, да гдѣ же старшій штейгеръ?—крикнулъ нашъ провожатый.

Что-то огромное и громоздкое, съ гуломъ и желѣзнымъ грохотомъ, заглушая голосъ нашего проводника, тяжко ударилось обо что-то металлическое, и все кругомъ дрогнуло и зазвенѣло. Это было гдѣ-то совсѣмъ близко, но я не могъ разсмотрѣть, что̀ это было. Мнѣ въ первый моментъ показалось, что это лопнулъ у какой-то гигантской машины рабочій валъ, коромысло или еще какая-нибудь важная часть.

Рабочій возлѣ меня, такой же черный, какъ и остальные, котораго я замѣтилъ только въ этотъ моментъ, схватился за выходившій откуда-то металлическій стержень и, быстро наклонившись, качнулъ его два раза. И это движеніе среди чуждой обстановки показалось мнѣ полнымъ значенія и особеннаго смысла. Раздался

рѣзкій со звономъ ударъ, какъ будто о мѣдную доску. И опять то, что за минуту оглушило меня, съ такимъ же трескомъ и гуломъ пошло куда-то въ глубь, издавая характерный звукъ бѣжавшихъ по валу цѣпей.

— Гдѣ это мы?— крикнулъ я, стараясь покрыть гулъ работавшей машины.

— Шахта.

Я осторожно пододвинулся. Огромный мощный срубъ подымался изъ глубины вплоть до крыши. Въ немъ ходила на цѣпяхъ клѣтка. Четырехъугольное темное отверстіе, какъ могила, мрачно и угрожающе чернѣло изъ-подъ него. Мнѣ показалось, что оттуда тянуло холодомъ и сыростью. Я отодвинулся, невольно испытывая ту необъяснимую силу, которая тянетъ въ бездну.

— Пожалуйте въ контору,—проговорилъ нашъ вожатый.

Онъ провелъ насъ въ большую грязную комнату, занятую столами, съ разбросанными по нимъ планами, чертежами, картами, образцами угля въ кускахъ съ металлическимъ изломомъ. По срединѣ возвышалась обтертая и вылощенная руками конторка, и на ней огромная книга съ замусленными, завернутыми краями.

«Разсчетная книга рабочихъ рудника такого-то общества». Я перелисталъ нѣсколько страницъ. Двѣнадцать, пятнадцать, восемнадцать рублей въ мѣсяцъ была обычная средняя плата; двадцать пять—максимальная. Страницы пестрѣли многочисленными штрафами и вычетами, понижавшими иной разъ получку на цѣлую семью до десяти рублей.

Къ намъ подошелъ молодой человѣкъ въ формѣ горняка.

— Студентъ горнаго института N.

Мы познакомились. Онъ вѣжливо и предупредительно переложилъ книгу на другой столъ.

— Ну, что же, господа, есть у васъ во что одѣться? Вѣдь, такъ нельзя спускаться въ рудникъ.

Я захватилъ съ собой подходящій костюмъ и длинные охотничьи сапоги; но мой пріятель красовался въ чесунчевомъ пиджакѣ, крахмальной сорочкѣ и штиблетахъ.

— Эдакъ нельзя. Придется вамъ дать рабочій костюмъ.

Принесли неимовѣрнѣйшей грязи куртку, шаровары и колоссальные сапоги, должно быть, изъ мамонтовой кожи: они не сгибались въ ступнѣ.

Мы переодѣлись. Намъ подали по стеариновой свѣчкѣ. Это напомнило, что больше мы не увидимъ дневного свѣта, и легкая не то тревога, не то ожиданіе чего-то шевельнулась въ душѣ.

Къ намъ подошелъ старшій штейгеръ, гигантъ съ добродушно-угрюмыми чертами сѣраго, точно чугуннаго лица, на которомъ, рѣзко выдѣляясь, ворочались бѣлки глазъ. Онъ былъ черенъ, какъ эфіопъ, проникающею угольною пылью.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ, обнажая, какъ кипень, бѣлые зубы, которые такъ же рѣзко, и даже непріятно-рѣзко, выдѣлялись на его изсѣра-черномъ лицѣ.

Мы опять прошли къ шахтѣ. Клѣтка съ трескомъ и визгомъ только что подошла снизу. Изъ нея вышли два рабочихъ и быстро и ловко выкатили изъ верхняго отдѣленія вагончикъ, до-верху нагруженный углемъ.

— Ну, садитесь.

Мы секунду помялись, уступая другъ другу дорогу. Не то что ощущеніе страха, а какое-то тайное стремленіе не отдаваться первому неизвѣстной, посторонней и невѣрной силѣ безпокойно шевельнулось въ душѣ.

«Каждый день тысячи народу спускаются»,—мелькнуло у меня, и я влѣзъ въ клѣтку, сѣлъ на корточки, согнулся и съежился весь въ комокъ,—такъ она была мала и узка, напоминая собою тѣ клѣтки, въ которыхъ по ярмаркамъ развозятъ звѣрей содержатели кочующихъ звѣринцевъ. Ноги разъѣзжались въ скользкой черной грязи. Ощущеніе не то холода, не то сырости охватило все тѣло. Ко мнѣ влѣзъ мой товарищъ, а остальные размѣстились въ верхнемъ отдѣленіи. Зажгли свѣчи. Откуда-то сверху на шею капала холодная вода, непріятно пробираясь за воротникъ, и попадала въ пламя свѣчи, которая отъ этого шипѣла и трещала.

Возлѣ столпились рабочіе и служащіе.

— Господа, держитесь дальше отъ стѣнокъ,—крикнулъ кто-то, наклоняясь къ намъ. — Клѣтка съ боковъ не забрана, вплотную идетъ по срубу: захватитъ руку—вырветъ; прислонитесь спиной—изъ спины клокъ вынесетъ.

Перспектива была не изъ пріятныхъ, и я, и мой пріятель изо всѣхъ силъ стали подбирать руки, ноги и спину, стараясь все это помѣстить посерединѣ, подальше отъ проклятыхъ стѣнокъ.

— Наверху скобки есть, за нихъ держитесь.

Мы пошарили и уцѣпились за скобки.

— Ну, готово!

Я видѣлъ, какъ рабочій, быстро наклонившись, опять два раза качнулъ длинный стержень. Снова гдѣ-то со звономъ ударило въ мѣдную доску, машинистъ въ другомъ отдѣленіи пустилъ машину, насъ встряхнуло и противъ всякаго ожиданія стало подымать

вверхъ. Но клѣтка сейчасъ же остановилась, на секунду повисла, вызывая тягостное сознаніе уходившей подъ нами темной глубины, и вдругъ ринулась внизъ безъ толчковъ и сотрясеній; люди, балки, окна, трубы, длинный стержень, красный отблескъ отсвѣчивавшихъ на мокромъ полу лампочекъ,—все мгновенно, точно подхваченное страшною силой, понеслось вверхъ и моментально скрылось въ густо наступившей темнотѣ.

Въ ушахъ появилось страшное ощущеніе, точно воздухъ изнутри съ силой распиралъ барабанныя перепонки. Мнѣ почудилось, что я оглохъ, но я отчетливо различалъ всѣ звуки. Первое время я чувствовалъ по легкимъ толчкамъ и по тому, какъ изъ-подъ ногъ словно уходили доски, что мы быстро двигаемся внизъ, но вдругъ ощущеніе движенія пропало, и въ слѣдующее мгновеніе мнѣ уже почудилось, что мы несемся вверхъ.

— Что это?

— Это такъ кажется.

Но ощущеніе движенія вверхъ все продолжалось. Я осторожно повернулся и поглядѣлъ на стѣны сруба; онѣ со страшною быстротой бѣжали вверхъ, сливаясь желтою полосой и сверкая на пламени свѣчи тонкими ручейками бѣжавшей по ней воды, и истинное впечатлѣніе движенія сейчасъ же вернулось. Я все съ напряженіемъ старался удержать свои руки, ноги и спину, чтобъ онѣ не притронулись какъ-нибудь къ этимъ грозно-убѣгавшимъ стѣнкамъ. Мой товарищъ, вѣроятно, испытывалъ то же, и мы жались другъ къ другу.

Вдругъ насъ толкнуло, наша клѣтка ударилась обо что-то и остановилась. Красноватые дымные огни среди густой тьмы мрачно горѣли, точно факелы въ глухую полночь. Темные силуэты людей вырисовывались смутно и неопредѣленно. Клѣтка опустилась въ глубь на шестьдесятъ саженей.

II.

Мы торопливо вышли, съ облегченіемъ ощущая подъ ногами твердую почву. Тяжелый мракъ висѣлъ кругомъ. Нельзя было разсмотрѣть окружающей обстановки: всѣ предметы тонули въ непроницаемой мглѣ. Сводовъ рудника не было видно. Красные огни лампъ, дымя и колеблясь, съ трудомъ боролись съ густымъ мракомъ, не будучи въ состояніи отодвинуть его и лишь освѣщая небольшой кружокъ. Люди сразу выростали изъ темноты и такъ же сразу пропадали, лишь только дѣлали нѣсколько шаговъ въ сторону.

Издали послышался характерный гулъ бѣжавшаго по рельсамъ вагончика. Онъ все приближался; стали слышны мѣрные удары копытъ трусившей рысцой лошади, но въ кромѣшной тьмѣ никого не было видно. И только когда по звуку казалось, что вагончикъ накатывается совсѣмъ уже на насъ, передъ самымъ лицомъ выставилась лошадиная морда, потомъ спина, крупъ и бѣжавшій за ней желѣзный ящикъ на колесахъ. Съ него соскочилъ рабочій и сталъ торопливо въ темнотѣ отстегивать постромки. Стоявшіе возлѣ нѣсколько человѣкъ подхватили вагончикъ и дружно вкатили въ клѣтку.

То тамъ, то здѣсь стали обозначаться, въ темнотѣ, красноватыя точки. Онѣ понемногу увеличивались, разростаясь вблизи въ неровное, колебавшееся пламя лампочекъ, отъ котораго чернымъ клубомъ бѣжалъ удушливый дымъ. Это рабочіе шли къ подъему.

Штейгеръ наскоро составлялъ поѣздъ изъ пустыхъ вагончиковъ, который долженъ былъ пойти за углемъ. Люди торопливо устанавливали по рельсамъ вагончики, представлявшіе собой длинные желѣзные ящики на колесахъ, и впрягали лошадь.

Я подошелъ къ стѣнамъ и, поднявъ высоко свѣчу, сталъ ихъ разсматривать. Онѣ были черны, и вода сочилась изъ нихъ, какъ изъ губки. Я дотронулся рукой — на пальцахъ остался черный слѣдъ сажи. Мнѣ вообразилось, что это и есть каменный уголь.

— Это каменный уголь?—обратился я къ штейгеру.

— Нѣтъ, это пустая порода, обыкновенный камень. Здѣсь на нѣсколько верстъ кругомъ нѣтъ угля, выработанъ. А это сажа оттого, что лампочки коптятъ, такъ копоть и садится. До выработки версты три будетъ съ лишнимъ. Да вотъ садитесь, сейчасъ и тронемся.

Мы съ пріятелемъ забрались въ одинъ изъ вагончиковъ. Въ немъ было, какъ и вездѣ кругомъ, сыро, грязно, скользко. Липкая черная грязь покрывала дно и стѣнки, липла къ одеждѣ и ѣдко проникала кожу рукъ и лица. Вдоль всего поѣзда поверхъ вагончиковъ лежала цѣпь, которой они скрѣплялись. Мой товарищъ было взгромоздился на нее—не хотѣлось сидѣть въ грязи и въ водѣ.

— Нѣтъ, вы слѣзьте оттуда, — проговорилъ, подходя, штейгеръ,—и пригибаться надо, а то есть мѣста, гдѣ сводъ къ самому вагончику спущается, такъ ушибить можетъ, а то вовсе голову на сторону сшибетъ.

Пріятель торопливо слѣзъ и усѣлся на дно.

— Трога-ай!

Слышно было, какъ застучала по мокрому камню, скользя и упираясь, лошадь. Цѣпь натянулась, съ визгомъ пошла поверхъ ва-

гона сначала въ одну сторону и больно ударила меня въ бокъ, потомъ въ другую и угостила товарища; мы ухватились за нее руками; при всемъ напряженіи не было силъ удержать ее, и при каждомъ поворотѣ она, скользя и повизгивая, угощала по очереди то одного, то другого; мой пріятель кряхтѣлъ и ворочался, приспособляясь къ положенію, а я напрягался, чтобы смягчить ударъ. Вагончики, торопливо покачиваясь и толкаясь, послушно и гулко бѣжали другъ за другомъ.

Поѣздъ состоялъ всего изъ трехъ вагончиковъ, но намъ не было видно впереди ни лошади, ни другихъ вагоновъ, ни рабочаго,—непроницаемый мракъ тѣсно обступалъ со всѣхъ сторонъ и, казалось, бѣжалъ вмѣстѣ съ нами.

Это было странное путешествіе. Мы сидѣли съ товарищемъ вдвоемъ, совершенно отдѣленные отъ остальныхъ мракомъ, точно въ отдѣльномъ купэ. Ни стѣнъ, ни свода не было видно. Слышался только однообразный гулъ колесъ, мѣрный стукъ копытъ, да цѣпь на поворотахъ любезно давала о себѣ знать. Приготовляясь спуститься въ шахту, я рисовалъ себѣ что-то необычайное, фантастическое, поражающее, но собственно до сихъ поръ ничто не произвело такого впечатлѣнія. Грязь, сырость, вода, рельсы, желѣзные ящики на колесахъ, лошади, лампы, рабочіе,—все это пока было обыкновенно и просто.

Что дѣйствительно клало свой особенный отпечатокъ здѣсь на все, рѣзко отличало окружающую обстановку отъ той, что была на поверхности, это тяжелый, непроницаемый мракъ; онъ неотступно тѣснилъ со всѣхъ сторонъ, давилъ своею неподвижностью, таинственнымъ и какъ будто угрожающимъ безмолвіемъ, постоянно заставляя ожидать, что вотъ немного дальше за этимъ выступомъ, за этимъ поворотомъ, какъ только освѣтитъ поярче лампа, и откроется что-то особенное, и тогда-то и увидишь то фантастическое, поражающее и даже ужасное, что смутно ждалось *тамъ*, наверху. Но вагончики все такъ же, спѣша и покачиваясь и набѣгая другъ на друга, монотонно катились, и все такъ же неловко было сидѣть, и впереди мѣрно отдавались глухіе удары лошадиныхъ копытъ, и все такъ же всѣ впечатлѣнія окружающаго слагались въ одно ощущеніе сырости, грязи и темноты.

Сколько времени мы ѣхали и какое разстояніе проѣхали, нельзя было сказать. Ощущеніе времени, пространства и направленія пропало. Казалось, мы съ гуломъ, шумомъ, трескомъ толклись въ этомъ неподвижномъ мракѣ на одномъ мѣстѣ. У меня совершенно отнялась способность оріентироваться.

Порою только, когда изъ темноты выставлялся конецъ лопнувшей балки или развѣянное тягой пламя лампочки вспыхивало ярче, и тяжелые массивные своды показывались надъ самою головой, медленно отходя назадъ, становилось очевиднымъ, что мы ѣдемъ впередъ.

— Поостерегись!—послышался впереди голосъ, глухой, сдавленный этими нависшими громадами.

Мы съежились. Пламя свѣчи у меня вытянулось, на секунду раздвинувъ озаренный кружокъ, и мы увидѣли мелькавшія надъ нашими головами ребра и выступы спустившагося къ самымъ вагончикамъ свода. Подними голову только на полдюйма, и черепа какъ не бывало. Мы это ежесекундно помнили и старались сколько возможно глубже сѣсть въ вагончикъ и напряженно подгибали голову.

Съ нашимъ поѣздомъ стало дѣлаться что-то особенное. Насъ страшно качало, бросало въ стороны, вагончики, гремя желѣзомъ, сталкивались, цѣпь сразу ослабѣвала, и они почти останавливались, потомъ мгновенно натягивалась, и вагоны летѣли другъ за другомъ сломя голову. Мы, очевидно, попали въ какія-то особенныя условія, но я при всемъ напряженіи ничего не могъ разобрать въ темнотѣ, и только послѣ узналъ, что въ этотъ узкомъ и длинномъ проходѣ дорога пошла подъ большимъ уклономъ, да и путь былъ здѣсь дурно и неправильно уложенъ.

Особенно страшно было на поворотахъ. Среди гула и грома вдругъ выступаетъ изъ темноты изрытая, неровная, темная масса, слабо играя влагой на колеблющемся отблескѣ почти потухающей свѣчи. Впереди по звуку слышно, какъ вагончики бросились куда-то влѣво, а нашъ, звеня ослабленною цѣпью, несется прямо на неподвижную, тяжко придавленную сводомъ, громаду еще мгновеніе... но тутъ цѣпь натягивается, какъ струна, съ визгомъ и скрежетомъ срываетъ насъ въ сторону, на другой путь, вагончикъ бокомъ чертитъ о камни, и мы ныряемъ въ какую-то темную, сырую дыру. Лопни цѣпь или сойди вагонъ съ рельсовъ, мы бы разбились въ дребезги. Я одною рукой держался за край стѣнки, но послѣ перваго же такого казуса отнялъ руку: можетъ раздробить кисть.

Впереди все время слышны мѣрные удары копытъ,—лошадь бѣжитъ небольшою рысцой, но отъ толчковъ, стука, желѣзнаго грохота и раскачиваній намъ теперь кажется, что мы несемся въ этой громѣшной темнотѣ со скоростью курьерскаго поѣзда.

— Ѣхать ничего себѣ,—говоритъ мой товарищъ,—только скоро ли мы доѣдемъ?

— Должно быть... ахъ, чортъ!... Говорить опасно, того и гляди на толчкѣ откусишь языкъ.

Отъ напряженія и усилій оборониться отъ проклятой цѣпи начинаетъ сказываться утомленіе. Да и вниманіе постоянно раздваивается: караулишь цѣпь, которая упрямо ходитъ по всему вагону, а съ другой стороны постоянно помнишь, что, чуть поднимешь голову, ее моментально размозжитъ о выступы свода, а это утомляетъ.

Я давно уже чувствовалъ непріятное, зудящее ощущеніе въ правой ногѣ, на которой сидѣлъ, точно за кожу насыпали горячаго песку. Очевидно, я отсидѣлъ ногу. Но привстать и размяться не было никакой возможности.

III.

Я уже приготовился долго сидѣть въ такомъ положеніи, какъ наши вагончики, громыхая желѣзомъ и наталкиваясь одинъ на другого, остановились.

Впереди замелькалъ красноватый огонь лампочки.

— Что такое?

Хотя мы и были увѣрены въ безопасности, но нѣкоторая напряженность и ожиданіе случайности постоянно таились въ глубинѣ души,— вдругъ обвалъ или вода прорвется, или сводъ осядетъ.

— Разъѣздъ,—спокойно говоритъ Штейгеръ, приближаясь своею огромною фигурой и держа на длинной проволокѣ лампочку, которая дымитъ надъ самою землей,— поѣздъ съ углемъ пойдетъ на встрѣчу.

Мы выходили, съ наслажденіемъ расправляя окоченѣлые члены.

— Далеко онъ еще?

— Не слыхать.

— А ѣхать намъ много?

— Да полпути сдѣлали. Теперича немного проѣдемъ, а тамъ пѣшкомъ по діагональному ходу придется идти.

Стали дожидаться. Кругомъ все та же сумрачная, молчаливая мгла. Возлѣ, слабо выдѣляясь изъ темноты, неподвижно стоитъ лошадь, понуро опустивъ голову и не шевеля ни однимъ мускуломъ.

Керосинъ въ лампочкѣ, раздуваемый тягой, сильно горитъ; красное пламя съ легкимъ гудѣніемъ тянется съ фитиля длинными языками, и, свиваясь чернымъ клубомъ, проворно бѣжитъ густой дымъ, сейчасъ же расплываясь въ окружающей темнотѣ. Неровный отблескъ дрожитъ и колеблется небольшимъ кружкомъ. Онъ то осла-

бѣваетъ, то судорожнымъ усиліемъ отодвигаетъ на секунду мракъ, и тогда такъ же сурово-загадочно выступаетъ темный, влажный сводъ, и вмѣстѣ грозно выступаетъ неодолимая, замыкающая насъ, мертвая сила, а въ слѣдующее мгновеніе кругомъ опять безраздѣльно царитъ мракъ, тая неизвѣстность, и тщетно бьется, трепетно вздрагивая, красноватый невѣрный отсвѣтъ.

Необычная обстановка, постоянно удручающее сознаніе нависнувшихъ надъ головою массъ, отрѣзанность отъ остального міра, утомленіе и неясное ожиданіе чего-то угнетающе дѣйствуютъ на сознаніе, и въ голову ничего не идетъ, и не находишь, и не знаешь, о чемъ говорить.

Мы стоимъ около вагончиковъ въ молчаливомъ ожиданіи. Я невольно прислушиваюсь, пристально глядя въ темноту. Могильная, зловѣщая тишина поражаетъ ухо. И эта неподвижная тишина и мракъ вмѣстѣ съ печальнымъ силуэтомъ поникшей головою лошади сливаются въ одно тажелое, щемящее впечатлѣніе чего-то безотраднаго, мертваго, какъ будто близкаго къ отчаянію. Время тянется уныло-медленно; не знаешь, проходятъ ли минуты, или часы.

Я чувствую, какъ сырость проникаетъ до костей. Отсырѣвшая фланель моей блузы тяжелѣетъ и виснетъ по тѣлу. Атмосфера совершенно насыщена паромъ. Да и немудрено: вода сочится со стѣнъ, со свода, капаетъ и бѣжитъ тонкими ручейками, какъ изъ разсохшейся бочки, и ее день и ночь откачиваютъ. Влажность такъ велика, что потъ не испаряется, и оттого такъ тяжело работать и дышать.

Я теперь только замѣчаю, что мракъ при огнѣ не кажется совершенно чернымъ, а отливаетъ сизо-синеватымъ оттѣнкомъ. Это дымъ. Онъ виситъ во всѣхъ проходахъ тяжелою, ѣдкою, удушливою пеленой, лѣзетъ въ носъ, ротъ, дыхательное горло, садится на слизистыя оболочки, проникаетъ въ легкія. Когда, уже поднявшись наверхъ, я сталъ откашливаться, на полу обозначалась черными пятнами насквозь пропитанная гарью мокрота, какъ это иногда бываетъ, когда сильно коптитъ лампа въ запертой комнатѣ, и долго сидишь въ такой атмосферѣ. И это несмотря на то, что въ шахтѣ поставлены очень сильные вентиляторы; ихъ тяга постоянно чувствуется въ воздухѣ, особенно въ узкихъ проходахъ. Надо замѣтить, что шахта, въ которую мы спускаемся, одна изъ самыхъ благоустроенныхъ. Тяжело дышать и работать въ такомъ воздухѣ.

— Что-то не слыхать,—говоритъ Штейгеръ.

Мнѣ не видно выраженія его лица, но мнѣ кажется, онъ хочетъ сказать, что что-то неладно, и его слова пріобрѣтаютъ вдругъ тре-

вожное значеніе. «Можетъ быть, несчастье... обвалъ... человѣкъ убитъ и теперь лежитъ тамъ».

Густая тьма все такъ же напряженно-молчаливо стоитъ вокругъ, таинственно скрывая все, что совершается впереди. Ожиданіе становится томительнымъ. Я дѣлаю нѣсколько шаговъ. Рельсы слабо посвѣчиваютъ подъ ногами. Мысль, что насъ засыпетъ или прорвется вода, становится все болѣе и болѣе вѣроятной.

— А что, тутъ съ рабочими часто несчастія случаются?

— Да почитай недѣли не пройдетъ, кого - нибудь либо придавитъ, либо убьетъ, али водой захлестнетъ.

— Какъ давно послѣднее было?

— Да недюже давно. Съ недѣли полторы, либо двѣ, чтобы не соврать, одному черепъ расшибло.

— Какъ же это?

— Да вагончики гналъ груженые. Извѣстно, человѣкъ истомится, все одно, все одно и то же кругомъ, темь, лошадь впереди трюхъ-трюхъ, трюхъ-хрюхъ, ѣхать долго, лежитъ онъ на пузѣ на углю, цѣпь это подъ нимъ тоже безпокоитъ, и все надо помнить, голову, какъ ни могà, больше нагинать,—ну, не поостерегся, тьма, не видать, и вдарился на всемъ ходу, свалился съ вагончика, а другой угломъ ему въ голову, черепъ и разбился. Лошадь ушла, а онъ лежитъ. Какъ разъ идутъ рабочіе, смотрятъ, человѣкъ будто молчитъ, подходятъ, а это онъ. Взяли, отнесли къ шахтѣ въ клѣтку и наверхъ.

— Что же, умеръ?

— Какъ же, голова разсѣлась, мозги вытекли.—Штейгеръ крючкомъ, который виситъ у него на поясѣ, начинаетъ вытаскивать фитиль въ своей лампѣ и расковыриваетъ его. Пламя трещитъ и разгорается сильнѣе. На землю падаетъ керосинъ огненными горящими струйками.

Я хожу возлѣ вагончиковъ. Человѣкъ съ разбитымъ черепомъ все мерещится въ темнотѣ. Можетъ быть, мы напрасно и дожидаемся?

— Никакъ идетъ,—говоритъ штейгеръ въ ту минуту, когда я уже меньше всего этого ожидаю, подымаясь и выростая своею мощною фигурой.

У меня точно камень сваливается. Я напряженно вслушиваюсь—ни одинъ звукъ не нарушаетъ могильной тишины; но теперь эта неподвижность уже не пугаетъ,—я знаю, впереди живое существо.

Только немного погодя изъ мрака доходятъ слабые звуки бѣгу-

щихъ вагончиковъ. Ближе и ближе. Наша лошадь настораживаетъ уши. Я отхожу къ сторонкѣ. Вмѣстѣ съ чувствомъ облегченія кругомъ становится какъ будто просторнѣе и виднѣе. То, что давило за минуту угрозой и таинственностью невидимой силы, куда-то отступаетъ. Вагончики, погромыхивая, бѣгутъ уже совсѣмъ близко, и изъ-за ихъ монотоннаго гула явственно слышатся мѣрные удары подковъ, но никого не видно.

Я подымаю свѣчу. Изъ темноты совсѣмъ возлѣ показывается лошадь. Меня обдаетъ теплотой живого тѣла. Лошадь трусйтъ неуклюже и тяжело, мѣрно и въ тактъ ударамъ копытъ потряхивая головой и шеей.

«Мнѣ все равно... даже и въ этомъ непроглядномъ мракѣ надо безъ устали работать»,—какъ будто говорятъ ея печальные, давно не видавшіе дневного свѣта глаза, заложенное назадъ ухо и вся кроткая, безотвѣтная фигура гнѣдой масти. Слѣдомъ одинъ за другимъ выкатываются изъ темноты вагончики и сейчасъ же вслѣдъ за лошадью опять погружаются во мракъ. На одномъ изъ нихъ, доверху наполненномъ углемъ, на животѣ лежитъ рабочій. Онъ черенъ и съ любопытствомъ поводитъ на насъ бѣлками, повидимому, безконечно далекій отъ волновавшихъ меня опасеній. Въ послѣдній моментъ я видѣлъ только, какъ онъ, лежа на животѣ, пристально провожалъ насъ, и надъ вагончиками виднѣлась его приподнятая голова, а въ слѣдующее мгновеніе все потонуло въ черной мглѣ.

Мы остаемся опять одни.

Штейгеръ возится что-то у лошади. Гулъ уходящихъ вдаль вагончиковъ слабѣетъ все больше и больше и, по мѣрѣ того, какъ замираютъ послѣдніе звуки, мракъ угрюмо и враждебно опять надвигается со всѣхъ сторонъ, и въ сердце проникаетъ прежнее ощущеніе холода, одиночества, отрѣзанности и постоянно давящей неотвратимой мертвой силы. Узкій, колеблющійся кружокъ, гдѣ мы находимся, снова, вздрагивая, съ усиліемъ борется противъ надвигающейся на него синеватой мглы.

Мы садимся, проѣзжаемъ саженей сорокъ-пятьдесятъ и опять выходимъ. Тутъ ходъ упирается въ стѣну и дорога развѣтвляется направо и налѣво.

IV.

Нашъ поѣздъ съ рабочимъ, погромыхивая и постепенно замолкая во мракѣ, уходитъ направо. Я приготовляюсь идти по лѣвому проходу.

— Нѣтъ, намъ не туда,—говоритъ штейгеръ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ сторону и, приподнявъ, посвѣчиваетъ своею лампочкой.

Въ стѣнѣ обнаруживается, неподвижно чернѣя, узкая въ полчеловѣческаго роста дыра. Тяжелая синяя мгла, увлекаемая тягой, медленно стекаетъ въ нее, и дымное пламя лампочки, послушно изогнувшись, торопливо бѣжитъ туда густыми, черными клубами дыма.

— Вы нагинайтесь, пожалуйста, нагинайтесь, какъ ни могà, больше нагинайтесь,—говоритъ штейгеръ, стараясь придать возможно больше убѣдительности интонаціи и голосу,—это теперича по діагональному ходу намъ идти, а тамъ и работы скоро.

И, согнувшись почти вдвое всею своею громадною фигурой, онъ шагнулъ въ эту мрачную дыру и быстро пошелъ, слабо посвѣчивая изъ-за себя лампочкой.

Я тоже согнулся и послѣдовалъ за нимъ, низко опустивъ свѣчу. Внизу блеснула вода. Ноги съ усиліемъ и судорожнымъ напряженіемъ ступали по изрытому неровному дну, ежесекундно обрываясь и скользя по острымъ камнямъ и ребрамъ выбитой каменной породы и съ шумомъ разбрызгивая холодную воду, которая непріятно обдавала все лицо. Колѣни мои приходились почти въ уровень подбородка и я шелъ, наклонившись впередъ всѣмъ тѣломъ, спотыкаясь и поминутно теряя равновѣсіе, и тяжело дышалъ отъ напряженныхъ усилій не убиться и непривычнаго согнутаго положенія. Ноги принимали до того неестественное положеніе, что ступня совершенно выворачивалась, и я шелъ не на подошвѣ, а на боку сапога и каждую минуту ждалъ, что выверну себѣ сочлененіе или растяну связки.

Всѣ опасности, обвалы, наводненія, впечатлѣнія пройденнаго пути и ожиданіе чего-то новаго,—все было вытѣснено изъ сознанія мучительнымъ физическимъ напряженіемъ.

Я совершенно позабылъ о своемъ товарищѣ, который шелъ позади и, вѣроятно, точно также бился въ этой проклятой дырѣ, и лишь поспѣвалъ за штейгеромъ, который проворно уходилъ все дальше и дальше.

Наше путешествіе въ вагончикѣ съ цѣпью казалось теперь верхомъ комфорта. «Боже мой, видно, отсюда ужь и не выбраться!»—съ отчаяніемъ мелькало у меня, и я продолжалъ механически переставлять ноги, скользя и поминутно хватаясь за влажныя, скользкія стѣны, отъ которыхъ пробѣгали по всему тѣлу холодъ и судорожная дрожь. Низко опущенная голова все больше тяжелѣла, наливаясь кровью, и поясницу невыносимо ломило.

Неодолимое желаніе хоть на секунду разогнуться, расправить смятыя, сдавленныя легкія неотступно преслѣдовало, но не хотѣлось просить остановиться, и я напрягалъ всѣ силы, чтобы не отстать отъ штейгера, который, какъ ни въ чемъ не бывало, торопливо шелъ, и его огромная спина низко проходила подъ самымъ сводомъ, а изъ-за темной фигуры слабо отсвѣчивалъ отблескъ лампочки.

— А-а!... Чортъ!...

Я присѣлъ. Кто-то съ силой чѣмъ-то тупымъ и тяжелымъ ударилъ меня по головѣ. Отъ неожиданности я судорожно закрылъ глаза и милліоны синихъ искръ посыпались въ темнотѣ, моментально потухая, и, въ то же мгновеніе, заныла невыносимая сверлящая боль, выжимая слезы, точно у меня ворочались въ мозгу. Шапка вдругъ сдѣлалась тѣсной и стала неловко сидѣть на головѣ.

— Ахъ ты, Господи, нагинаться надо! — участливо и съ безпокойствомъ проговорилъ штейгеръ, присаживаясь возлѣ на корточки. — Больно зашиблись?

— Что больно? — осторожно подходя и низко сгибая спину, спросилъ пріятель.

Мнѣ было и смѣшно, и совѣстно, и безсильная злоба душила, такъ бы и избилъ кого-нибудь, но виноватаго не было.

— Длинный этотъ проходъ? — спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ и чувствуя, какъ все больше вздувается шишка.

— Триста саженей. Теперь скоро.

— Ну, пойдемте, — проговорилъ я такъ, какъ будто они были виноваты въ чемъ-то.

Мы опять согнулись и пошли гуськомъ. Сильная боль заглушила на время острое ощущеніе усталости, и я продолжалъ съ равнодушіемъ отчаянія болтаться въ водѣ, спотыкаясь и рискуя ежеминутно убиться, ударившись о выступъ стѣны.

Гдѣ мы были, много ли осталось, сколько прошли, какіе повороты дѣлали, былъ ли теперь день или ночь, — я ничего не зналъ. Все тѣ же каменныя мертвыя громады, совсѣмъ нависшія и узко сдвинувшіяся, — до того узко, что все время я бился колѣнями съ одной и другой стороны. Ничто не мѣнялось вокругъ, и даже мракъ, казалось, съ трудомъ пробирался за нами, потому что слабый, мерцающій огонь свѣчи справа и слѣва у самаго лица освѣщалъ влажный нависшій камень.

Какъ ни увѣренъ я былъ, что вѣроятность быть здѣсь задавленнымъ, убиться или залиться водой слишкомъ ничтожна, все же въ глубинѣ души, какъ натянутая струна, независимо отъ воли,

постоянно таилось ощущеніе какой-то напряженности, которая постоянно заставляла меня смотрѣть за штейгеромъ. Случись съ нимъ что-нибудь, потухни лампа, уйди онъ отъ насъ случайно въ какой-нибудь проходъ, и отчаяніе сразу охватило бы насъ.

Но онъ такъ же спокойно и быстро пробирался своею огромною тушей между надвинувшихся каменныхъ пластовъ, и я съ увѣренностью и надеждой глядѣлъ на его широкую и согнутую спину.

Мой товарищъ тоже нѣсколько разъ охалъ, присѣдалъ и начиналъ ругаться; я спрашивалъ, больно ли онъ ушибся, и чувствовалъ нѣкоторое удовлетвореніе за ноющую тупую боль въ головѣ, и потомъ, изукрашенные шишками, мы опять шли дальше. Наученный горькимъ опытомъ, я пригибался даже больше, чѣмъ слѣдовало: колѣни то и дѣло стукались о подбородокъ.

Сколько времени мы шли, я не знаю. Боль въ поясницѣ, напряженіе, усталость достигли того предѣла, когда становится ужъ все равно и думаешь: «Ну, еще, еще,—ну, пусть такъ, пусть еще!...»

Однако, всему бываетъ конецъ. Шедшій впереди штейгеръ внезапно исчезъ во мракѣ. Я испугался и, напрягая послѣднія силы, торопливо выбрался изъ прохода.

За поворотомъ блеснула лампочка штейгера. Онъ стоялъ во весь ростъ и дожидался насъ. Я выпрямился и всею грудью вдохнулъ кислый, пропитанный гарью воздухъ.

Подошелъ и товарищъ. Мы постояли съ минуту. Мракъ опять надвинулся со всѣхъ сторонъ; свода не было видно. Подъ ногами ощущались рельсы. Я сталъ различать тупые, далекіе удары, глухо и подавленно доносившіеся откуда-то изъ глубины этого мрака, и представленіе чего-то особеннаго и важнаго невольно пріурочивалось къ тому мѣсту, откуда они выходили.

— Посторонитесь, пожалуйста,—проговорилъ штейгеръ, поднимая лампу.

Мы прижались къ мокрой, скользкой, холодной стѣнѣ; мимо, на минуту освѣщенный лампочкой, прокатился вагончикъ, доверху нагруженный углемъ. Рабочій, скользя и упираясь ногами и хрипло дыша, съ низко опущенною головой, катилъ его, толкая сзади. Это въ ручную перевозили уголь до того пункта, откуда онъ уже шелъ лошадиною тягой.

Мы пошли дальше. Удары во что-то вязкое, странный глухой шорохъ и смутный шумъ доносились во мракѣ все явственнѣе. Штейгеръ торопился, какъ будто чувствуя вину, что мы такъ долго и неудобно шли. Мы торопливо спотыкались за нимъ, лишь ста-

раясь не отстать и испытывая напряженное и нѣсколько даже тревожное ожиданіе.

Галлерея опять дошла до глухой стѣны и влѣво снова открылся узкій и низкій ходъ. Штейгеръ, согнувшись и низко опустивъ лампу, пролѣзъ туда. Мы послѣдовали за нимъ.

V.

Сквозь густую мглу впереди въ десяткѣ саженей мелькнули красноватые огни лампъ. Удары и характерный осыпающійся шорохъ теперь явственно неслись оттуда.

Сводъ понижался все больше и больше; штейгеръ опустился, наконецъ, на колѣни и полѣзъ на четверенькахъ; мы сдѣлали то же и черезъ минуту очутились среди странной, невиданной дотолѣ обстановки. Узкій проходъ раздался, уходя въ обѣ стороны въ темноту, а сверху, на разстояніи всего полутора аршинъ, ровно и гладко тянулась пустая порода. Короткія стойки, плавно упираясь рядами въ верхній и нижній пласты, странно бѣлѣли древесиной среди этой непривычной обстановки, поддерживая огромную давившую ихъ тяжесть въ милліоны пудовъ. Здѣсь даже согнувшись нельзя было ходить и только можно было передвигаться ползкомъ. Это было мѣсто выработки угля. Со всѣхъ сторонъ, дымя среди тяжелой, густой мглы, слабо и какъ будто съ усиліемъ горѣли лампы, и сквозь дымъ тамъ и сямъ смутно виднѣлись скорчившіяся фигуры молча работавшихъ или пробиравшихся на четверенькахъ между стойками рабочихъ. Воздухъ, пропитанный гарью, дымомъ и испареніями человѣческихъ тѣлъ, былъ сладковато-приторенъ и сильно нагрѣтъ. Шумъ врубающихся топоровъ, осыпающійся шорохъ угля, учащенное, прерывистое дыханіе работающихъ людей наполняли это глухое подземелье.

Я проползъ дальше между стоявшими по пути подпорками. Металлическій изломъ антрацита при слабомъ, меркнущемъ пламени лампъ бросился въ глаза. Мощный пластъ его, въ полтора аршина толщины, залегалъ здѣсь, зажатый сверху и снизу между каменными породами, и его оттуда надо было добывать. И я невольно съ какимъ-то смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и почти страха глядѣлъ на эту поблескивавшую на лампахъ мертвую поверхность уплотненной массы, требовавшей отъ людей такихъ усилій, напряженія и риска. Ощущеніе висѣвшей надъ головой тяжести давило. Достаточно было малѣйшаго сдвига почвы, сотрясенія, просачиванія воды или встрѣчи мягкаго грунта, чтобы вся эта

страшная масса, раздробивъ въ щепы подпорки, опустилась до самаго пола.

Вязкій глухой ударъ раздался возлѣ меня и въ то же мгновеніе черная туча осколковъ угля обдала мнѣ лицо, больно просѣкая кожу. Я отшатнулся въ сторону. Шагахъ въ трехъ отъ меня рабочій врубался въ каменноугольную массу, отдѣляя ее отъ пола. Онъ лежалъ на лѣвомъ боку и частью на спинѣ и, держась обѣими руками за длинную рукоять особеннаго удлиненнаго топора, съ усиліемъ взмахивалъ имъ надъ самымъ поломъ, болѣзненно содрогаясь всѣмъ тѣломъ отъ крайне неловкаго положенія и усилій попадать въ одно и то же мѣсто; голова тянулась за ударами и ноги судорожно подергивались, шурша по мокрому полу мелкимъ углемъ. И каждый разъ, какъ кайло глубоко и съ силой врубалось снизу въ узкую расщелину, отдѣляя угольный пластъ отъ каменнаго пола, брызги осколковъ съ шумомъ вырывались оттуда, съ ногъ до головы обдавая забойщика. И онъ въ тактъ каждому взмаху напряженно и торопливо отворачивалъ голову, крѣпко зажмуривая глаза. Я слышалъ его подавленное дыханіе и тоже зажмуривалъ глаза и пряталъ лицо за столбикъ каждый разъ, какъ топоръ съ размаху уходилъ совсѣмъ съ рукоятью въ расщелину.

А кругомъ неслись такіе же глухіе удары кайлъ, смутно копошились неясныя фигуры рабочихъ, съ усиліемъ горѣли лампы и, покрывая все это, такъ же неподвижно-безжизненно стояла сладковатая, густо-синѣвшая мгла. Мнѣ становилось трудно дышать. Въ вискахъ стучало, передъ глазами все слегка шло кругомъ, а во рту усиливалось приторное, вызывавшее тошноту ощущеніе. Теперь уже хотѣлось выбраться отсюда поскорѣе, но ни штейгера, ни пріятеля не было,—они проползли куда-то дальше. Мнѣ не видно было концовъ лавки *); она тянулась въ обѣ стороны саженей на тридцать. То мѣсто, гдѣ я могъ пробираться только на четверенькахъ, когда-то было заполнено углемъ; рабочіе его выбрали и поставили коротенькіе столбики, поддерживавшіе верхній пластъ пустой породы, оставшійся на вѣсу.

Рабочій, врубавшійся возлѣ меня, вывелъ снизу длинную щель. Онъ сѣлъ, подогнувъ голову, и отеръ грязною рукой потъ. Я не могъ разглядѣть выраженія его лица, но мнѣ видно было, какъ облипала его тѣло насквозь смоченная пòтомъ и сочившеюся по полу водой рубаха. Онъ пододвинулъ къ себѣ лежавшіе возлѣ кучкой коротко нарѣзанные столбики и, вырубивъ по углубленію въ

*) Лавка — мѣсто выработки угля.

угольномъ пластѣ и въ полу, сталъ косо устанавливать подпорки, чтобы подрубленная снизу стѣнка угольнаго пласта не вывалилась до времени и не раздавила его. Черезъ минуту онъ опять уже лежалъ на боку и, дрыгая ногами и корчась, сталъ зарубать щель дальше.

На другомъ концѣ рабочіе на четверенькахъ таскали что-то къ выходу, но сквозь синѣвшую мглу я не могъ разглядѣть, какъ слѣдуетъ, что̀ именно они дѣлали. Съ мѣста же не хотѣлось сдвинуться: мгла, сырость, грязь, пробиравшаяся за платье холодная вода и эта густая нагрѣтая атмосфера, отъ которой стучало въ вискахъ и затруднялось дыханіе, нагоняли странное оцѣпенѣніе и апатичное ожиданіе, когда я, наконецъ, отсюда выберусь.

— Митька! — послышалось возлѣ меня, и звукъ человѣческаго голоса сейчасъ же глухо замеръ.—Иди, што-ль!

— Сичасъ! — донеслось безъ отклика откуда-то изъ густой мглы.

Зарубщикъ забралъ оставшіяся жердочки и кайло, отползъ отъ пласта и сѣлъ возлѣ меня, согнувшись всѣмъ своимъ длиннымъ туловищемъ. Онъ былъ худъ, съ узкою запавшею грудью и испитымъ лицомъ. Слой угольной грязи придавалъ его чертамъ неподвижность, и только глаза блестѣли лихорадочно и возбужденно. Мокрая, черная отъ угля рубаха и порты облипали его, еще болѣе выказывая худобу тѣла.

— Трудно же у васъ тутъ работать, — проговорилъ я, желая вызвать его на разговоръ.

Онъ ничего не отвѣчалъ и сидѣлъ, сумрачно глядя передъ собой.

— Митька!—позвалъ онъ опять, не обращая на меня никакого вниманія.—Что-жь не починаешь?—и вдругъ прибавилъ раздраженно и злобно скверное ругательство.

Изъ мглы, цѣпляясь спиной за нависнувшій потолокъ, приползъ въ такой же черной и мокрой рубахѣ парень, сѣлъ возлѣ, скрючившись, и сталъ, ухая, вгонять тяжелымъ молотомъ желѣзные клинья между нависнувшимъ сверху потолкомъ и пластомъ угля, чтобъ отдѣлить послѣдній отъ породы.

— Да такъ, господинъ, работа наша...—проговорилъ вдругъ рабочій, обернувшись и глядя на меня съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—кабы ежели шахтеры не ругались нехорошимъ словомъ, такъ святыми бы всѣ подѣлались, вотъ какъ иные прочіе схимники спасаются, молютъ Бога. Вотъ наша какая работа.

Въ его словахъ слышалось раздраженіе, точно я былъ въ чемъ-то виноватъ.

— Да вотъ поглядите, вотъ онъ теперича гонитъ клинья, вотъ не разсчитаетъ, рухнетъ пластъ, отъ него лишь мокро останется, да и насъ съ вами не помилуетъ.

Забойщикъ продолжалъ бить молотомъ. Глухо, точно предвѣщая что-то недоброе, отдавались удары, и толстые концы клиньевъ, уходя въ глубь, становились съ нашей стороны все короче, образуя сверху все болѣе и болѣе замѣтную расщелину. Томительное ожиданіе овладѣло мной. Я никакъ не могъ освободиться отъ гнетущаго впечатлѣнія, которое производила эта расходившаяся вверху темная щель.

Парень пересталъ бить; принялъ одну подпорку, другую... Что-то тяжело хрустнуло.

— А что, бываютъ...

Я не успѣлъ договорить: страшный трескъ и грохотъ потрясъ подземелье. Что-то тяжело и неуклюже перевернулось. Всѣ лампы разомъ дрогнули, на секунду ярко вытянувъ пламя. Все заколебалось и, казалось, каждое мгновеніе готово было рухнуть среди мглы. Я судорожно попятился къ проходу, поскользнулся и упалъ. Мимо съ шумомъ пролетѣли, переворачиваясь въ воздухѣ, двѣ выбитыя страшною силой подпорки. Что-то еще разъ ухнуло, каменный полъ подъ ногами дрогнулъ, и все успокоилось. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ возился рабочій, зіяла темная, уходившая въ глубь пустота, и передъ ней неподвижною грудой лежалъ вывалившійся при паденіи пластъ угля въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсу.

Отбойщикъ, изгибаясь и неловко махая подъ низкимъ потолкомъ, раскалывалъ его на меньшіе куски.

— Иной разъ такъ-то вываливаютъ пластъ, — проговорилъ, выправляя фитиль въ своей лампѣ, все время спокойно остававшійся на мѣстѣ зарубщикъ, — верхній пластъ лопнетъ, осядетъ, подпорки въ щепки, лавку-то всю со всѣмъ народомъ и накроетъ. А испужались, баринъ?—добавилъ онъ уже добродушно и улыбнулся.

И странно было видѣть улыбку на этомъ суровомъ и неподвижномъ отъ грязи лицѣ.

— Мы народъ привычный, а и то иной разъ жуть беретъ.

Онъ забралъ подставки, кайло и лампу, проползъ дальше, легъ на бокъ и опять, болѣзненно корчась, сталъ зарубать щель.

А кругомъ было все то же: доносившіеся отовсюду глухіе удары, смутно копошившіяся фигуры, густая сладковатая атмосфера и синѣвшая повсюду мгла. Всѣ работали, храня угрюмое молчаніе,— ни пѣсенъ, ни говора. Эта мрачная вѣчная ночь вытравила у лю-

дей веселость, оживленіе, шутку, смѣхъ, пѣсни. Каждый, напрягаясь, рубитъ, раскалываетъ, загоняетъ клинья и таскаетъ куски угля, подавляя въ себѣ отвращеніе къ мертвому труду и тоску, и удручающую апатію, навѣваемую окружающею обстановкой. Одно только постоянное желаніе, не заглушаемое даже многолѣтнею привычкой, таится въ душѣ, сжимая сердце вѣчно сосущею тоской: додѣлать работу и выбраться наверхъ. Впрочемъ, и выбравшись наверхъ, рабочій не видитъ дневного свѣта: спускаются въ шахту до разсвѣта, а выходятъ, когда на землѣ уже ночь.

VI.

Къ отбойщику подползъ, таща за собой салазки, новый рабочій, и они вмѣстѣ молча стали нагружать огромные куски разбитаго пласта.

Тягальщикъ, надѣвъ лямку, поправилъ ее на груди, потомъ сталъ на четвереньки и, подогнувъ голову, изо всѣхъ силъ натянулъ веревку. Но трудно было сдвинуть придавленныя тяжелою грудой салазки. Руки и ноги скользили по мокрому полу. Онъ цѣплялся за всѣ неровности, пробуя ногой и ища точки опоры, дергая то въ ту, то въ другую сторону, какъ лошадь, которая не можетъ взять сразу нагруженный возъ. Раза два я видѣлъ, какъ разъѣхались у него руки и ноги въ полужидкой грязи, сочившейся по полу, и онъ ударился грудью о плитнякъ.

На него тяжело было смотрѣть,—это была агонія труда. Онъ бился, скользилъ и падалъ, какъ привязанный на цѣпи, и пядь за пядью бралъ разстояніе, и мертвая груда угля понемногу и незамѣтно приближалась къ выходу, гдѣ были проложены рельсы, и уголь перегружали въ вагончики.

Онъ добрался до подпорокъ возлѣ меня и, опрокинувшись на бокъ, сталъ въ нихъ упираться руками и ногами, точно съ отчаяніемъ отбивался отъ кого-то, и я слышалъ его прерывистое, шумное дыханіе и то особенное болѣзненное кряхтѣніе, похожее на стонъ, которое вырываютъ изъ груди чрезмѣрныя физическія усилія. Ременная лямка, прижимая взмокшую рубаху, обозначалась по тѣлу узкимъ и длиннымъ рубцомъ.

При невѣрномъ колеблющемся свѣтѣ лампы меня поразило выраженіе или, лучше, отсутствіе всякаго человѣческаго выраженія на его лицѣ. Что-то звѣриное, животное сквозило въ этихъ искаженныхъ чертахъ, по которымъ ходила судорога нечеловѣческаго напряженія.

И я не въ состояніи былъ оторваться отъ него и, стиснувъ зубы, слѣдилъ за его движеніями.

Онъ добрался до меня, ослабилъ лямку и сѣлъ, отирая потъ, который, смѣшиваясь съ грязью, катился по лицу.

— Самое чижолое до столбовъ выволочить; главное, взяться не за что, ажъ ногти посрываешь,—проговорилъ онъ, замѣтивъ, вѣроятно, на себѣ мой пристальный взглядъ. — Дозвольте папиросочку.

Я торопливо досталъ и подалъ ему. Онъ взялъ и, наклонившись къ лампѣ, сталъ закуривать, причемъ вспыхнувшая папироса освѣтила уже обыкновенное человѣческое лицо.

— Съ перепою, оно дѣйствительно трудно, даже вполнѣ довольно утомительно, потому какъ вчера воскресенье было и праздникъ.

— Давно вы тутъ работаете?

— Да вотъ ужь другой годъ маюсь, жисти своей тутъ рѣшаюсь. На лѣто, конечно, уходимъ.

— И нынѣшнее лѣто уйдете?

— А то какже? Да, вѣдь, это милый человѣкъ, какъ иные прочіе господа лѣтомъ на теплыя воды, али въ заграницу ѣздятъ, такъ нашъ братъ на работы. Какъ вылѣзешь это отсюда, о Господи!— кругомъ весна, солнышко-то матушка такъ и грѣетъ, такъ и печетъ, ажъ глазамъ больно. Станешь на косовицу, али хлѣбъ подойдетъ, въ артели пойдешь косить, работа веселая, взопрѣешь— рѣчушка, али ставокъ, выкупаешься, тутъ тебѣ прохлада, тутъ тебѣ благодать, и-и Боже мой! ляжешь это на спину,—онъ немного откинулся спиной на нагруженныя углемъ салазки,—и глядишь въ небо, и все глядишь въ небо,—и онъ слегка приподнялъ голову и поглядѣлъ въ черный потолокъ,—ажъ тебя слезой прошибетъ, а то иной разъ такъ и заснешь, и тверёзый даже, не то чтобы выпимши. Главное—свѣту Божьяго не видать тутъ.

— За то отсюда заработокъ домой приносите.

— Нѣтъ, баринъ хорошій, никто ничего отсюда никогда не приноситъ.

— Какъ же, развѣ тутъ плохо платятъ?

— Нѣтъ, даже очень хорошо платятъ супротивъ другой работы, особливо, когда рабочіе уходить станутъ, только все тутъ оставляемъ, все до послѣдней нитки: какъ пришелъ голый, такъ и уходишь голый. На заработки-то пойдешь на Кубань, али къ Кавказу, ужь плохой да плохой годъ, а, глядишь, полусотку, али и всю сотню принесешь домой, а тутъ може и больше заработаешь, а ни-

чего никогда не приносишь, все тутъ оставляемъ. Это, господинъ хорошій, сказка есть. Стоятъ два столба, и сказано на этихъ столбахъ: ежели направо—волкъ тебя съѣстъ, ежели налѣво—звѣрь задавитъ, вотъ и выбирай, и все одно не минуешь: либо волкъ съѣстъ, либо звѣрь задавитъ, такъ и здѣсь: какъ пришелъ въ порткахъ, такъ и уйдешь въ однихъ порткахъ, какъ ты тутъ ни вертись. Ужь какъ разъ попался сюда—шабашъ, аминь человѣку!

— Такъ зачѣмъ же пить?

— Эхъ, господинъ хорошій, непривычны вы,—ну, конечно, вамъ это въ диковину. Вотъ вы спрашиваете, зачѣмъ пить, а вы спросите, зачѣмъ мы Бога-Господа забыли, объ душѣ своей не думаемъ? Вотъ насъ тутъ въ рудникѣ тыщи двѣ работаетъ, спросите, который изъ насъ у обѣдни былъ, али говѣлъ? Церкви Божіи на што стоятъ? Кабаки-то мы знаемъ, на што. Какъ вылѣзешь, такъ прямо, сколько силы въ ногахъ, въ кабакъ, хучь праздникъ, хучь тебѣ Свѣтло-Христово Воскресенье, харю не обмоешь, натрескаешься и въ грязь. А почему? Може и самому зазорно, може и объ душѣ хочешь вспомнить, въ церковь сходилъ бы, помирать-то всѣ будемъ.

Онъ помолчалъ и понизилъ голосъ:

— Только намъ, баринъ, заклятіе положено.

— Какъ заклятіе? Отъ кого?

— Отъ Бога, извѣстно отъ кого.

— За что же проклятіе?

— Вотъ вы ученый человѣкъ, а спрашиваете,—онъ опять помолчалъ и потомъ проговорилъ съ разстановкой:—За то, что Бога обворовываемъ.

Я пристально посмотрѣлъ ему въ лицо.

— Бога обворовываемъ, говорю. Богъ что сказалъ? Плодитесь и размножайтесь, вотъ вамъ, говоритъ, всякіе злаки и произрастанія, а чего не нужно, въ землю схоронилъ, и схоронилъ не то что нà, пришелъ, да взялъ, а схоронилъ, почитай, саженей на сто, а мы вотъ влѣзли, да вытаскиваемъ. Ну, конечно, Господь осерчалъ, да это хоть кому доведись. И сдѣлалъ положеніе: какъ спустился человѣкъ—шабашъ, не уйтить ему, тутъ и сгинетъ. Гляди, иной рваться будетъ, за сколько сотъ верстъ на работы уходитъ, сколько времени пройдетъ, объ немъ ни слуху, ни духу, смотришь—анъ ужь онъ опять тутъ, и все съ себя до нитки пропьетъ и станетъ заливать глотку, прямо сказать, душу продаетъ. Мы, вѣдь, свѣта Божьяго не видимъ: тутъ темь, вылѣзешь, напьешься, отуманѣешь и ужь ничего не видишь и не помнишь, покеда опять не

спустишься, такъ и проводимъ свою жизнь; чисто звѣрьми подѣлались. Господь и смерть свою у насъ отымаетъ: годъ, два пройдетъ, а тамъ, глядишь, либо голову разбило, либо водой залило, али засыпетъ, а то и цѣлый выйдешь коли, такъ ноги, руки сведетъ. Иной и десять, и двадвать лѣтъ проработаетъ, и кубыть ничего, анъ, глядишь, въ руки, въ ноги вступитъ, его и свернуло, и кормятъ его изъ черепушечки, самъ ужь и ложки держать не можетъ. Отъ Божьяго гнѣва не уйтить. Такъ-то-ся. Я вамъ, баринъ, разскажу случай какой вышелъ. Надысь такъ-то трое пошли въ галлерею, идутъ, одинъ потушилъ лампу...

— Ефимка, какого же ты дьявола тамъ разговоры разговариваешь? Дѣло изъ-за тебя стоитъ!—и градъ самыхъ отборныхъ ругательствъ посыпался на него.

— Что же я собака, что ли, что и передохнуть нельзя?—огрызнулся Ефимъ.

Онъ торопливо докурилъ папиросу, надѣлъ лямку, сталъ на четвереньки и, упираясь руками и ногами, потащилъ дальше; и опять съ его лица сбѣжало человѣческое выраженіе, и осталось лицо животнаго, изуродованное судорогами физическихъ усилій.

VII.

Я оглядѣлся кругомъ: штейгера съ товарищемъ не было видно; они, вѣроятно, были въ дальнемъ концѣ лавки. Рабочіе, зарубавшіе пластъ, разбиравшіе уголь и вытаскивавшіе его къ выходу, красные дымные огни лампъ среди сизаго тумана и эта гладкая, мертвая поверхность надъ головой,—все это пріобрѣло какое-то особенное значеніе, роковое и неизбѣжное. Страхъ, смутный и неопредѣленный, и ожиданіе несчастія совершенно мимо воли охватывали душу. Я полѣзъ отыскивать своихъ. Неодолимое желаніе выбраться, уйти отсюда неотступно овладѣло мною.

Сидя на корточкахъ, штейгеръ объяснялъ пріятелю подробности работъ, а тотъ слушалъ съ растерянным и разочарованнымъ видомъ: вмѣсто ожидаемаго мрачнаго величія, все было просто и ужасно. Я окликнулъ ихъ, и мы одинъ за другимъ поползли къ выходу.

Рабочіе въ угрюмомъ молчаніи продолжали свое дѣло, то тамъ, то сямъ ползкомъ показываясь изъ синѣвшей мглы и не обращая на насъ никакого вниманія,—каждому было самому до себя.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова очутились въ пустынной галлереѣ и, согнувшись, пошли пѣшкомъ. Свѣча у меня потухла и

мнѣ не хотѣлось дѣлать усиліе зажигать ее, и я слѣдилъ за свѣтлымъ кружкомъ лампы штейгера, скользя и спотыкаясь по мокрому плитняку. Доносившіеся глухіе удары и шорохъ осыпающагося угля давно смолкли позади насъ и мы шли среди могильной тишины, унося въ сознаніи впечатлѣніе оставленныхъ позади людей, угрюмое молчаніе и выраженіе тоски и напряженія на лицахъ.

Мы слѣдовали за штейгеромъ изъ одной галлереи въ другую и, вѣроятно, прошли уже около версты.

При дрогнувшемъ свѣтѣ лампы впереди смутно обрисовалось во мракѣ что-то странное и неопредѣленное, остававшееся безъ движенія. Былъ ли это выступъ пласта, или человѣкъ, — нельзя было разглядѣть.

По мѣрѣ того, какъ свѣтлый кружокъ лампы штейгера подвигался впередъ, въ темнотѣ выдѣлялись сколоченныя перекладинами полусгнившія доски, загораживая проходъ. Что-то живое и миніатюрное зашевелилось тамъ. Это оказался мальчикъ лѣтъ десяти. Онъ подбѣжалъ къ загораживавшимъ проходъ воротамъ и торопливо отворилъ ихъ. Вѣтеръ со свистомъ и колебля пламя вырвался съ той стороны, охватилъ насъ холодомъ и сыростью и понесся по галлереѣ.

— Иваська, это ты?

Мы остановились. Онъ стоялъ передъ нами, глядя на насъ своими наивными дѣтскими глазками. По этому проходу рѣдко гоняли вагоны и наше появленіе было для него цѣлымъ событіемъ. Онъ былъ приставленъ отворять и затворять ворота, регулировавшія токъ воздуха. Ему не давали лампы, чтобы не тратить даромъ керосина, и онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ возлѣ воротъ среди молчанія и мрака и прислушивался къ шороху и паденію капель, невидимо пробиравшихся въ темнотѣ по стѣнамъ и монотонно и однообразно падавшихъ со свода, наводя уныніе и тоску. Дѣтская голова, руки и ноги просили работы, движенія, и онъ мялъ крошки угля и отковыривалъ кусочки отгнившей доски.

— Скучно тебѣ одному?

— Нѣтъ, оно не скучно, а только чижало на сердцѣ.

Онъ перевелъ на насъ свои дѣтскіе глаза и тоскливо улыбнулся.

Мы постояли съ минуту, какъ будто намъ еще нужно было сказать что-то, и не находили, что, а потомъ пошли дальше. Слышно было, какъ затворились сзади ворота, и вокругъ снова водворилась мертвая тишина и непроницаемый мракъ неотступно слѣдовалъ сзади, съ боковъ, спереди. Мы шли теперь къ выходу и мнѣ хо-

тѣлось скорѣе воротиться *туда*, наверхъ, къ себѣ, къ своимъ занятіямъ, своей обстановкѣ, къ своимъ близкимъ. Я думалъ о томъ, день теперь *тамъ* или ночь, и представлялъ себѣ улицы, прохожихъ, дома, деревья, вокзалъ.

Мнѣ странно было, что я выберусь, наконецъ, изъ этого мрака, изъ этой обстановки, какъ будто я нѣсколько дней ѣхалъ на перекладныхъ среди грязи, слякоти и непогоды, не отдыхая, не раздѣваясь, и свыкся со всѣми неудобствами дороги, и странно было, что скоро доѣду, и не нужно будетъ трястись и сидѣть въ сыромъ платьѣ, не перемѣняя неудобнаго положенія.

Мы сворачивали куда-то вправо, потомъ влѣво, потомъ опять вправо, потомъ вышли въ какой-то широкій проходъ, гдѣ рельсы были проложены въ два пути, потомъ опять пошли по діагональному ходу, тѣсному и низкому, стукались головами, спотыкались и болтались въ водѣ, и я не зналъ, откуда и куда мы идемъ и въ какой сторонѣ оставленныя нами работы, и машинально тащился за согнутою широкою фигурой молча пробиравшагося впереди штейгера,—все равно, въ концѣ-концовъ, мы должны же были придти къ выходу. Мы не попали на поѣздъ и намъ теперь все время нужно было идти пѣшкомъ.

«Нѣтъ, не скучно, а только чижало на сердцѣ»,—все звучало среди темноты, и я старался не думать объ этомъ и отогнать выраженіе тоски и печали дѣтскихъ глазъ и представлялъ себѣ, какъ я заберусь въ клѣтку и она быстро пойдетъ мимо влажныхъ стѣнокъ сруба.

Долго, очень долго мы шли такимъ образомъ; вѣроятно, сдѣлали нѣсколько верстъ. Я не зналъ, возвращались ли мы прежнею дорогой, или штейгеръ велъ теперь насъ иными галлереями.

— А не желаете ли взглянуть на помѣщеніе для рабочихъ лошадей рудника?—проговорилъ онъ, пріостанавливаясь и посвѣчивая передъ собою лампой.

Первое, что я почувствовалъ, это—радостное облегченіе, такъ какъ зналъ, что конюшни были недалеко отъ выхода. Мы остановились. Единственное наше желаніе было—возможно скорѣе выбраться отсюда, но мы почему-то проговорили:

— Ну, что-жь, пойдемте.

Штейгеръ подошелъ и отворилъ въ стѣнѣ небольшую дверь. Горячая атмосфера распареннаго навоза и многихъ десятковъ лошадиныхъ тѣлъ пахнула въ лицо и охватила специфическимъ запахомъ и тепломъ. Мы вошли. Около семидесяти лошадей стояло по станкамъ, слабо выдѣляясь крупами въ полутьмѣ. Онѣ были

сыты, съ лоснящеюся шерстью. Ихъ здѣсь отлично кормятъ и не переутомляютъ работой, но многія слѣпы. Лошади очень быстро теряютъ зрѣніе въ темнотѣ. Я прислушался: онѣ мѣрно и звучно жевали сѣно, и мнѣ припомнилось поле, потухающая заря, распряженный возъ при дорогѣ и этотъ спокойный и мѣрный звукъ пережевыванія, который всегда вызываетъ особенное состояніе спокойствія и отдыха. Бѣдныя животныя! Они уже никогда не увидятъ солнца, зелени, степного приволья и сложатъ свои кости въ этихъ мрачныхъ галлереяхъ.

Мы вышли и прошли на площадку къ подъему. Подошла клѣтка; всѣ усѣлись; откинулась желѣзная скоба и площадка съ людьми и со всѣмъ, что̀ на ней было, мгновенно пропала внизу, а мы минуты съ двѣ оставались среди абсолютнаго мрака и, казалось, безъ всякаго движенія. Съ прежнимъ гуломъ и желѣзнымъ грохотомъ клѣтка ударилась о перекладины, но это уже не поразило такъ ухо, какъ въ первый разъ. Какъ только со стукомъ опустилась прихватившая клѣтку скоба, я выпрыгнулъ на полъ.

Въ окнахъ виднѣлся слабый свѣтъ угасающаго дня, а вмѣстѣ съ нимъ надежда и призракъ возможнаго гдѣ-то счастья и радости проникли въ душу. Никогда дневной свѣтъ не производилъ такого впечатлѣнія, какъ теперь.

Мы торопливо переодѣлись и вышли. Въ воздухѣ стояла тишина лѣтняго вечера. Слабая полоса зари догорала на далекихъ небесахъ. Кое-гдѣ замерцали звѣзды. Этотъ тихій лѣтній вечеръ, дома, деревья, заборы, плетни, окна, вечерняя даль, затянутая легкою дымкой,—все это поразило меня особенною новизной, чѣмъ-то такимъ, чего я до сегодняшняго дня какъ будто не замѣчалъ. Мрачное, угрюмое зданіе осталось позади и почернѣвшая дымовая труба сумрачно высилась надъ нимъ, одиноко выдѣляясь на вечернемъ небѣ.

А. Серафимовичъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича.

VI.

Виницій едва успѣлъ приказать нѣсколькимъ невольникамъ слѣдовать за собою, вскочилъ на коня и, среди глубокой ночи, помчался по пустымъ улицамъ Антія по направленію къ Лауренту. Подъ вліяніемъ страшной вѣсти онъ впалъ въ безуміе и по временамъ не отдавалъ себѣ отчета, чтò съ нимъ творится. Онъ испытывалъ только одно чувство, что на томъ же самомъ конѣ, за его плечами, сидитъ горе, кричитъ ему въ уши: «Римъ горитъ!»—бьетъ хлыстомъ его самого и его коня и гонитъ ихъ въ этотъ огонь. Въ одной бѣлой туникѣ, приклонивши свою открытую голову къ конской головѣ, онъ мчался на-угадъ, не смотря впередъ и не обращая вниманія на преграды, о которыя могъ бы разбиться. Среди тишины, среди ночи, спокойной и звѣздной, всадникъ и конь, залитые лучами мѣсяца, производили впечатлѣніе какихъ-то сонныхъ видѣній. Идумейскій жеребецъ, прижавъ уши и вытянувъ шею, летѣлъ, какъ стрѣла, минуя неподвижные кипарисы и прячущіяся за ними бѣлыя виллы. Топотъ копытъ о каменныя плиты пробуждалъ собакъ, которыя провожали лаемъ странное явленіе, а потомъ, встревоженныя его неожиданностью, начинали выть, поднимая голову къ небу. Лошади невольниковъ Виниція были гораздо хуже и вскорѣ остались позади. Виницій какъ буря промчался черезъ спящій Лаурентъ и повернулъ къ Ардеѣ, въ которой, также какъ въ Ариціи, въ Бовиллахъ и Устринѣ, держалъ подставныхъ лошадей, чтобъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

имѣть возможность какъ можно скорѣе проѣхать пространство, отдѣляющее его отъ Рима. Помня объ этомъ, онъ напрягалъ всѣ силы своего коня. За Ардеей ему показалось, что небо на сѣверо-восточной сторонѣ горизонта покрывается розовымъ отблескомъ. То могла быть и заря,—часъ былъ поздній, а день въ іюлѣ начинается рано. Но Виницій не могъ удержать крика отчаянія и бѣшенства,—ему показалось, что это зарево пожара. Припомнились ему слова Леканія: «весь городъ—одно море огня», и съ минуту онъ чувствовалъ, что ему грозитъ окончательное помѣшательство, потому что совершенно потерялъ надежду не только спасти Лигію, но даже достичь Рима, прежде чѣмъ весь городъ не обратится въ одну кучу пепла. Мысли его стали быстрѣе хода коня и летѣли впередъ, какъ стая черныхъ птицъ,—отчаянныя и уродливыя. Правда, онъ не зналъ, какая часть города начала горѣть, но предполагалъ, что Затибрскій кварталъ, тѣсный, скученный, съ его складами дерева, лавками и деревянными сараями, въ которыхъ продавали невольниковъ, первый можетъ сдѣлаться жертвою пламени. Въ Римѣ пожары случались довольно часто, и точно также часто дѣло доходило до грабежей и насилій, въ особенности въ кварталахъ, населенныхъ людьми бѣдными и на половину варварскими. Что же могло происходить въ Затибрской части города, въ этомъ гнѣздѣ голытьбы, собравшейся со всѣхъ сторонъ свѣта? Въ головѣ Виниція промелькнулъ образъ Урса съ его нечеловѣческою силой, но что могъ бы сдѣлать не только человѣкъ, но даже титанъ, противъ разрушающей силы огня? Опасеніе возмущенія невольниковъ также было угрозой, которая уже издавна душила Римъ. Говорили, что сотни тысячъ рабовъ мечтаютъ о временахъ Спартака[1]) и ждутъ только удобной минуты, чтобы взяться за оружіе противъ притѣснителей и города. Минута подошла. Быть можетъ, что тамъ, въ городѣ, на ряду съ пожаромъ кипитъ рѣзня и война. Можетъ быть, преторіанцы бросились на городъ и рѣжутъ жителей по приказанію цезаря. И вдругъ отъ ужаса волосы встали дыбомъ на головѣ Виниція. Онъ припомнилъ всѣ разговоры о пожарѣ городовъ,—разговоры, которые съ такимъ удивительнымъ упорствомъ велись при дворѣ цезаря, припомнилъ его жалобы, что онъ долженъ описывать горящій городъ, тогда какъ не видалъ настоящаго пожара, его презрительный отвѣтъ Тигеллину, который брался поджечь Антій или нарочно выстроенный деревянный городъ, наконецъ, его жалобы на Римъ и зловонные закоулки Субуры. Да, это цезарь приказалъ

---

[1]) Спартакъ—гладіаторъ, поднявшій въ 73 г. до Р. Х. возстаніе рабовъ.

поджечь городъ. Онъ одинъ могъ отважиться на это такъ же, какъ одинъ Тигеллинъ могъ взяться за исполненіе подобнаго приказа. А если Римъ горитъ по приказанію цезаря, то кто можетъ ручаться, что и населеніе не будетъ вырѣзано также по его приказанію? Чудовище было способно и на такое дѣяніе. И такъ, пожаръ, возмущеніе невольниковъ и рѣзня! Какой страшный хаосъ, какое владычество разрушительныхъ стихій, и среди всего этого Лигія! Стоны Виниція примѣшались къ стонамъ и храпѣнью коня, который напрягалъ остатки силъ на дорогѣ, все время идущей въ гору вплоть до Ариціи. Кто вырветъ ее изъ горящаго города, кто можетъ спасти ее? Виницій совсѣмъ легъ на лошадь, впился пальцами въ волосы и отъ боли готовъ былъ кусать конскую шею. Въ это время какой-то всадникъ, мчавшійся, какъ вихрь, но только съ противуположной стороны, проѣзжая мимо Виниція, крикнулъ: «Римъ гибнетъ!»—и поскакалъ дальше. До слуха Виниція долетѣло еще только одно слово: «Боги!»—остальное заглушилъ топотъ копытъ. Это слово отрезвило его. Боги!... Виницій поднялъ голову, и, простирая руки къ небу, усѣянному звѣздами, началъ молиться. «Не васъ призываю я, которыхъ храмы горятъ теперь, а Тебя!... Ты самъ страдалъ... Ты одинъ милосердъ, Ты одинъ понимаешь человѣческое горе! Ты пришелъ въ міръ, чтобы научить людей состраданію, окажи же его теперь. Если Ты таковъ, какъ говорятъ Петръ и Павелъ, то спаси Лигію. Возьми ее на руки и вынеси изъ пламени. Ты можешь сдѣлать это. Отдай ее мнѣ, а я отдамъ Тебѣ свою кровь. А если Ты не захочешь сдѣлать этого для меня, то сдѣлай для нея. Она любитъ Тебя и вѣритъ въ Тебя. Ты обѣщаешь послѣ смерти жизнь и счастье, но посмертное счастье не минуетъ, а Лигія еще не хочетъ умирать. Дай ей жить. Возьми ее на руки и вынеси изъ Рима. Ты можешь сдѣлать это, а если бы не хотѣлъ...»

Онъ остановился. Дальнѣйшая молитва могла обратиться въ угрозу, а Виницій боялся обидѣть Божество въ ту минуту, когда больше всего нуждался въ Его милости и состраданіи. Онъ испугался при одной мысли объ этомъ, и чтобы не допустить въ голову ни малѣйшей тѣни угрозы, снова началъ погонять коня, тѣмъ болѣе, что бѣлыя стѣны Ариціи, которая лежала на половинѣ пути, уже показались при свѣтѣ луны. Вотъ и храмъ Меркурія, въ рощѣ около города. Вѣроятно, и здѣсь знали о несчастіи, потому что около храма было необычное движеніе. Виницій, проѣзжая, видѣлъ на ступеняхъ и между колоннами толпы людей, которые стремились найти охрану подъ покровительствомъ бога. Дорога уже не была такъ пуста, какъ за Ардеею. Правда, народъ стекался въ рощу по

боковымъ тропинкамъ, но и на главной дорогѣ стояли кучки, которыя поспѣшно разступались передъ скачущимъ всадникомъ. Изъ города доходилъ говоръ многихъ голосовъ. Виницій ворвался въ него, опрокинулъ и помялъ нѣсколько человѣкъ. Вокругъ него раздавались крики: «Римъ горитъ! городъ объятъ огнемъ! Боги, спасите Римъ!»

Конь споткнулся, но, остановленный желѣзною рукой, осѣлъ на заднія ноги передъ постоялымъ дворомъ, въ которомъ Виницій держалъ другую подставную лошадь. Невольники, какъ бы ожидая прибытія господина, стояли передъ дверью и бросились въ перегонку, чтобы привести новую лошадь, а Виницій, завидѣвъ отрядъ изъ десяти конныхъ преторіанцевъ, которые, очевидно, ѣхали въ Антій, подскочилъ къ нимъ и началъ разспрашивать:

— Какая часть города горитъ?

— Кто ты?—спросилъ начальникъ отряда.

— Виницій, военный трибунъ и августіанинъ. Отвѣчай, если тебѣ дорога твоя голова!

— Господинъ, пожаръ вспыхнулъ въ лавкахъ близъ Большого цирка. Когда насъ выслали, середина города была въ огнѣ.

— А затибрскіе кварталы?

— До сихъ поръ огонь еще не дошелъ туда, но съ неудержимою силой охватываетъ все новыя части. Люди гибнутъ отъ жара и дыма, никакое спасеніе невозможно.

Въ эту минуту Виницію подали свѣжаго коня. Молодой трибунъ вскочилъ на него и поскакалъ дальше.

Теперь онъ ѣхалъ къ Альбану, минуя Альбалонгу и ея великолѣпное озеро. Дорога отъ Ариціи шла въ гору, которая совершенно закрывала горизонтъ и лежащій по другую сторону Альбанъ. Виницій, однако, зналъ, что, поднявшись наверхъ, онъ увидитъ не только Бовиллы и Устринъ, въ которомъ его ожидали новыя лошади, но и Римъ,—за Альбаномъ по обѣимъ сторонамъ дороги Аппія тянулась ровная, низменная Кампанья, по которой къ городу бѣжали только аркады водопроводовъ и ничто другое не заслоняло вида.

«Сверху я увижу огонь»,—повторялъ себѣ Виницій и снова начиналъ погонять коня.

Но, прежде чѣмъ онъ достигъ вершины горы, дыханіе жгучаго вѣтра обожгло его лицо и запахъ дыма ударилъ ему въ носъ. Въ это время и верхушка горы начала золотиться.

«Зарево!»—подумалъ Виницій.

Ночь блѣднѣла уже давно, на всѣхъ ближайшихъ пригоркахъ

играли такіе же золотые и розовые отблески, которые могли одинаково происходить и отъ пожара, и отъ зари. Наконецъ, Виницій добрался до возвышенности и страшный видъ поразилъ его глаза.

Вся равнина была покрыта дымомъ, образующимъ одну гигантскую, низко лежащую тучу, въ которой исчезали города, акведуки, виллы, деревья, а въ концѣ этой сѣрой, огромной площади горѣлъ седмихолмный городъ.

Но пожаръ не имѣлъ формы огненнаго столба, какъ это бываетъ, когда горитъ сколько-нибудь большое строеніе. Скорѣе, это была длинная лента, напоминающая предразсвѣтную зарю.

Надъ этою лентой клубился густой валъ дыма, мѣстами совершенно черный, мѣстами отливающій розовымъ и кровавымъ цвѣтомъ, вздутый, густой и клубящійся, какъ змѣя, которая то сжимается, то вытягивается. Этотъ чудовищный валъ по временамъ такъ закрывалъ огненную ленту, что она становилась узкою, какъ тесемка, но по временамъ и она озаряла его снизу, обращая его нижніе слои въ огненныя волны. И все это тянулось съ конца до конца горизонта, охватывая его такъ, какъ иногда охватываетъ линія лѣса. Сабинскихъ горъ совсѣмъ не было видно.

Виницію при первомъ взглядѣ показалось, что горитъ не только городъ, но и весь міръ, и что никакое живое существо не можетъ спастись отъ этого океана огня и дыма.

Со стороны пожара дулъ все болѣе сильный вѣтеръ и доносилъ запахъ гари и туманъ, который началъ окутывать даже дальнѣйшіе предметы. Наступилъ день и солнце освѣтило горы, окружающія Альбанское озеро, но свѣтло-золотые лучи утра, просвѣчивая сквозь туманъ, казались какими-то красноватыми и болѣзненными. Виницій, спускаясь къ Альбану, въѣзжалъ въ область дыма все болѣе густую и менѣе проницаемую. Самъ городокъ былъ также совершенно окутанъ дымомъ. Встревоженные жители выбѣгали на улицу. Страшно было подумать, что̀ дѣлается въ Римѣ, когда и здѣсь было трудно дышать.

Отчаяніе снова овладѣло Виниціемъ и ужасъ вновь началъ поднимать дыбомъ волосы на его головѣ. Онъ пробовалъ успокоить себя, насколько могъ. «Невозможно,— думалъ онъ,— чтобы весь городъ началъ горѣть сразу. Вѣтеръ дуетъ съ сѣвера и относитъ дымъ только въ эту сторону. На другой сторонѣ его нѣтъ. Затибрская часть, отдѣленная рѣкой, можетъ быть, совсѣмъ уцѣлѣла, и, во всякомъ случаѣ, Урсу и Лигіи будетъ достаточно пробраться чрезъ Яникульскія ворота, чтобъ избѣжать опасности. Невозможно и то, чтобы погибло все населеніе и чтобы городъ, который вла-

дѣетъ міромъ, былъ бы стертъ, вмѣстѣ со своими жителями, съ лица земли. Даже въ осажденныхъ городахъ, когда огонь и рѣзня угрожаютъ въ одинаковой степени, нѣкоторое количество людей всегда остается въ живыхъ, почему же Лигіи непремѣнно нужно погибнуть? Вѣдь, охраняетъ же ее Богъ, который самъ побѣдилъ смерть?» И онъ снова началъ молиться и, по своему обыкновенію, приносилъ Христу обѣты и обѣщался принести многія жертвы. Проѣхавъ Альбанъ, все населеніе котораго сидѣло на крышахъ и деревьяхъ для того, чтобы смотрѣть на Римъ, онъ немного успокоился и сталъ разсудительнѣе смотрѣть на вещи. Вѣдь, Лигію охраняютъ не только Урсъ и Линнъ, но и апостолъ Петръ. Виницій вспомнилъ объ апостолѣ и новая надежда вступила въ его сердце. Петръ всегда представлялся ему существомъ непонятнымъ, чуть ли не сверхъестественнымъ. Съ той минуты, когда онъ услышалъ Петра въ первый разъ въ Остраніи, у него осталось странное впечатлѣніе (онъ объ этомъ писалъ Лигіи изъ Антія), что всякое слово этого старца—правда или должно сдѣлаться правдою. Болѣе близкое знакомство, которое онъ свелъ съ апостоломъ во время болѣзни, еще болѣе усилило это впечатлѣніе, которое потомъ перешло въ непоколебимую вѣру.

И такъ, коль скоро Петръ благословилъ его любовь и обѣщалъ ему Лигію, то Лигія не могла погибнуть въ пламени. Городъ можетъ сгорѣть, но ни одна искра не падетъ на ея одежду. Подъ вліяніемъ безсонной ночи, бѣшеной скачки и волненія Виницій чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ странная экзальтація, при которой ему кажется все возможнымъ: Петръ осѣнитъ огонь крестнымъ знаменемъ, раздѣлитъ его однимъ словомъ и они пройдутъ невредимо посреди огненной аллеи. Кромѣ того, Петръ зналъ будущее, а въ такомъ случаѣ какъ бы ему не предостеречь и не вывести изъ города христіанъ, а въ томъ числѣ и Лигію, которую онъ любилъ, какъ родную дочь?

И все большая надежда начала вступать въ сердце Виниція. Онъ подумалъ, что если они бѣгутъ, то онъ можетъ найти ихъ въ Бовиллахъ или встрѣтить по дорогѣ. Можетъ быть, вотъ еще минута, и дорогое лицо покажется изъ-за дыма, что все гуще и гуще начинаетъ разстилаться надъ Кампаньей.

Виницію это показалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что по дорогѣ ему попадалось все больше людей, которые, оставивъ городъ, ѣхали въ Альбанскія горы, чтобы, спасясь отъ огня, выбраться, наконецъ, и изъ области дыма. Не доѣзжая до Устрина, онъ долженъ былъ замедлить ходъ коня, потому что вся дорога

была загромождена. Рядомъ съ пѣшими, несущими на плечахъ свои пожитки, виднѣлись нагруженныя лошади, мулы, телѣги, наконецъ, и носилки съ болѣе зажиточными гражданами. Устринъ былъ такъ набитъ спасающимися изъ Рима, что черезъ толпу трудно было протискаться. Рынокъ, пространство подъ колоннами храмовъ, улицы,—все было полно народа. Кое-гдѣ уже начали разбивать палатки, подъ которыми искали пристанища цѣлыя семейства. Другіе расположились подъ открытымъ небомъ, крича, призывая боговъ или проклиная судьбу.

Среди всеобщаго ужаса трудно было разспросить о чемъ-нибудь. Люди, къ которымъ обращался Виницій, или совсѣмъ не отвѣчали ему, или, поднимая на него глаза, полуобезумѣвшіе отъ страха, говорили, что городъ погибаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь міръ. Со стороны Рима каждую минуту наплывали новыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые еще болѣе усиливали всеобщее замѣшательство. Одни отчаянно кричали, потерявъ своихъ ближнихъ, другіе дрались за мѣста. Кучки полудикихъ пастуховъ изъ Кампаньи тоже появились въ городѣ, въ надеждѣ на добычу среди всеобщей суматохи. Тамъ и здѣсь шайки невольниковъ разныхъ національностей и гладіаторовъ начали грабить дома и виллы и драться съ солдатами, которые выступили на защиту жителей. Возлѣ постоялаго двора Виницій увидалъ сенатора Юнія, окруженнаго батавскими невольниками, обратился къ нему и тотъ первый сообщилъ ему свѣдѣнія о пожарѣ. Пожаръ дѣйствительно начался у Большого цирка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прилегаетъ къ Палатину и холму Целія, но съ непонятною быстротой распространился такъ, что охватилъ всю середину города. Со временъ Бренна [1]) городъ еще не переживалъ такого страшнаго несчастія. «Циркъ сгорѣлъ весь, также какъ и окружающіе его лавки и дома,—говорилъ Юній,—Авентинъ и Целій въ огнѣ. Огонь окружилъ Палатинъ и перешелъ на Карины».

На Каринахъ у сенатора была великолѣпная «инсула», полная произведеній искусства, которое онъ страстно любилъ. Старикъ зачерпнулъ горсть пыли, посыпалъ ею голову и отчаянно застоналъ.

Виницій схватилъ его за плечи.

— И мой домъ на Каринахъ,—сказалъ онъ,—но когда вс[е] гибнетъ, то пусть и онъ погибаетъ.

Онъ вспомнилъ, что Лигія могла послѣдовать его совѣту и пере[-]селиться въ домъ Авла, и спросилъ:

---

[1]) Бреннъ—предводитель Галловъ, взявшій Римъ въ 390 г. до Р. Х.

— A vicus Patricius?

— Горитъ! — отвѣтилъ Юній.

— А Затибрская часть?

Юній съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Что тамъ Затибрская часть! — отвѣтилъ онъ и сжалъ ладонями свои наболѣвшіе виски.

— Мнѣ Затибрская часть нужна больше, чѣмъ весь Римъ! — порывисто крикнулъ Виницій.

— Туда ты проберешься развѣ только черезъ via Portuensis, потому что у Авентина тебя задушитъ жаръ. Затибрская часть? Не знаю. Огонь не долженъ былъ бы дойти туда, но не дошелъ ли уже теперь, — однимъ богамъ извѣстно.

Юній съ минуту колебался, потомъ понизилъ голосъ и сказалъ:

— Я знаю, ты не измѣнишь мнѣ, и поэтому я скажу тебѣ, что это не обыкновенный пожаръ. Циркъ не дозволили спасать. Я самъ слышалъ. Когда окружающіе его дома начали горѣть, тысячи голосовъ кричали: «Смерть спасающимъ!» Какіе-то люди бѣгаютъ по городу и бросаютъ въ дома горящіе факелы. Съ другой стороны, народъ волнуется и кричитъ, что городъ горитъ по чьему-то приказанію. Больше я ничего не скажу. Горе городу, горе всѣмъ намъ и мнѣ! Что тамъ творится, того языкъ человѣческій не выразитъ. Люди гибнутъ въ огнѣ или убиваютъ другъ друга въ свалкѣ. Конецъ Риму!

И онъ началъ повторять: «Горе! Горе городу и намъ!» — но Виницій вскочилъ уже на коня и двинулся впередъ по дорогѣ Аппія, но ѣхать впередъ было трудно, — на встрѣчу ему текла изъ города рѣка людей и колесницъ. Римъ теперь лежалъ передъ Виниціемъ, какъ на ладони, весь объятый чудовищнымъ пожаромъ. Отъ моря огня струился страшный жаръ и голоса людей не могли заглушить свиста и шипѣнія пламени.

VII.

По мѣрѣ того, какъ Виницій приближался къ городскимъ стѣнамъ, оказывалось, что легче было доѣхать до Рима, чѣмъ пробраться въ его середину. По дорогѣ Аппія нельзя было ѣхать, — столько было на ней народу. Дома, поля, кладбища, сады и храмы, лежащіе по обѣимъ сторонамъ, обратились въ лагери. Въ храмѣ Марса, находящемся у самой Porta Appia, народъ выбилъ двери, чтобы найти пристанище на ночь. На кладбищахъ захватывали бо̀льшіе мавзолеи и вели за нихъ борьбу, которая доходила до крово-

пролитія. Устринъ со своимъ безпорядкомъ лишь въ самой слабой степени предсказывалъ то, что̀ дѣлается подъ стѣнами самого города. Исчезло всякое уваженіе къ праву, къ сану, къ родственной связи, къ различію положенія, невольники били палками гражданъ, гладіаторы, упившіеся виномъ, награбленнымъ въ Эмпоріи, соединившись въ большія шайки, съ дикими криками бѣгали по придорожнымъ полянамъ, расталкивали, мяли и грабили народъ. Множество варваровъ, выставленныхъ на продажу въ городѣ, бѣжало изъ своихъ деревянныхъ сараевъ. Пожаръ и гибель города являлись для нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, концомъ неволи и минутой отмщенія, и когда осѣдлое населеніе, которое теряло свое послѣднее достояніе, съ отчаяніемъ простирало руки къ богамъ, варвары съ радостнымъ воемъ расталкивали народъ, срывали съ его плечъ одежду и похищали болѣе молодыхъ женщинъ. Къ нимъ присоединились невольники, давно уже служащіе въ Римѣ, бѣдняки, на тѣлѣ у которыхъ не было ничего, кромѣ шерстяной опояски вокругъ бедеръ, страшныя фигуры изъ глухихъ закоулковъ, которыя днемъ не показывались на улицахъ и о существованіи которыхъ въ Римѣ трудно было догадаться. Эти сборища, состоящія изъ азіатцевъ, африканцевъ, грековъ, ѳракійцевъ, германцевъ и британцевъ, болтающія на всѣхъ языкахъ, дикія и разнузданныя, доходили до безумія, думая, что подошла минута, когда они могутъ вознаградить себя за долгіе годы страданія и нужды. Среди этой расколыхавшейся толпы, въ блескѣ дня и пожара, мелькали шлемы преторіанцевъ, подъ защитой которыхъ прятались болѣе мирные граждане и которые въ иныхъ мѣстахъ должны были сами дѣлать нападеніе на озвѣрѣвшій сбродъ. Виниций видѣлъ на своемъ вѣку осажденные города, но никогда его глаза не смотрѣли на зрѣлище, въ которомъ отчаяніе, слезы, боль, стоны, дикая радость, безуміе, бѣшенство и разнузданность смѣшивались бы вмѣстѣ въ такой неизмѣримый хаосъ. А надъ этою волнующеюся, обезумѣвшею толпой гудѣлъ пожаръ, и величайшій въ мірѣ городъ горѣлъ на своихъ холмахъ, охватывая смятенный народъ своимъ огненнымъ дыханіемъ и окутывая его клубами дыма, сквозь которые не видно было лазури неба. Молодой трибунъ съ величайшимъ усиліемъ, каждую минуту рискуя жизнью, наконецъ, добрался до воротъ Аппія, но увидалъ, что черезъ кварталъ Porta Capena пройти въ городъ ему помѣшаетъ не только толпа, но и страшный жаръ, отъ котораго, даже за воротами, дрожалъ весь воздухъ. Мостъ при Porta Trigenia, противъ храма Bonae Deae, еще не существовалъ, и для того, чтобы перебраться черезъ

Тибръ, нужно было дойти до pons Sublicius[1]), а путь пролегалъ мимо Авентина, то-есть черезъ кварталъ, залитый сплошнымъ моремъ пламени. Это было рѣшительно невозможно. Виницій понялъ, что долженъ возвратиться назадъ, свернуть съ дороги Аппія, переѣхать рѣку ниже города и пройти на via Portuensis, которая вела прямо въ Затибрскую часть. Но и это было не легко,—на дорогѣ Аппія сутолока еще болѣе усилилась. Приходилось очищать себѣ дорогу чуть ли не мечомъ, а оружія у Виниція не было,—онъ выѣхалъ изъ Антія такъ, какъ его застала вѣсть о пожарѣ. Но при источникѣ Меркурія онъ увидалъ знакомаго центуріона преторіанцевъ, который, во главѣ нѣсколькихъ десятковъ людей, охранялъ доступъ въ предѣлы святилища, и приказалъ ему ѣхать за собой. Тотъ узналъ трибуна и августіанина и не посмѣлъ противиться его приказанію.

Виницій самъ взялся управлять отрядомъ и, забывъ на это время ученіе Павла о любви къ ближнему, давилъ толпу съ поспѣшностью, гибельною для тѣхъ, кто не успѣлъ въ это время посторониться. Его преслѣдовали проклятія и градъ камней, но онъ не обращалъ на это вниманія,—ему нужно было какъ можно скорѣе выбраться на свободное мѣсто. Но подвигаться впередъ можно было только съ величайшимъ усиліемъ. Люди, которые уже расположились на стоянку, не хотѣли уступать солдатамъ дороги и вслухъ проклинали цезаря и преторіанцевъ. Въ иныхъ мѣстахъ толпа принимала грозное обличье. До слуха Виниція доходили голоса, обвиняющіе Нерона въ поджогѣ города. Совершенно открыто грозили смертью и ему, и Поппеѣ. Крики: «saunio», «histrio» [2]), «матереубійца», раздавались со всѣхъ сторонъ. Одни предлагали тащить его въ Тибръ, другіе кричали, что Римъ достаточно выказалъ терпѣнія. Было видно, что эти угрозы легко могутъ перейти въ открытый бунтъ, который можетъ вспыхнуть каждую минуту, если найдется предводитель. Пока бѣшенство и отчаяніе толпы обращалось противъ преторіанцевъ, которые не могли выбраться изъ тѣсноты еще и потому, что дорогу имъ преграждали кучи вещей, наскоро-спасенныхъ изъ пожара: сундуки и ящики съ живностью, посуда, дѣтскія колыбели, кровати, колесницы и носилки. Тамъ и здѣсь дѣло доходило до столкновенія, но преторіанцы быстро расправлялись съ безоружною толпой. Виницій съ трудомъ пересѣкъ дороги Латинскую, Нумидійскую, Лувинійскую, Остійскую, минуя виллы, сады, кладбища и храмы, и, наконецъ, добрался до селенія,

---

1) Свайный мостъ.

2) Шутъ, актеръ.

называемаго Vicus Alexandri, за которымъ и переправился черезъ Тибръ. Здѣсь было свободнѣе, воздухъ не такъ былъ насыщенъ дымомъ. Отъ бѣгущихъ,—недостатка въ нихъ и здѣсь не было,—онъ убѣдился, что только немногіе переулки Затибрской части объяты пожаромъ, но, конечно, ничто не устоитъ предъ могуществомъ огня, тѣмъ болѣе, что появились люди, которые поджигаютъ умышленно, не дозволяютъ отстаивать загорѣвшіеся дома и объявляютъ, что они дѣлаютъ это по чьему-то приказанію. У молодого трибуна теперь не было уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что цезарь, дѣйствительно, приказалъ поджечь Римъ, и месть, о которой взывала толпа, показалась ему резонной и справедливой. Что бо́льшее могъ бы сдѣлать Митридатъ или кто-нибудь изъ самыхъ яростныхъ враговъ Рима? Чаша переполнилась, безуміе стало черезъ-чуръ чудовищнымъ, а при немъ человѣческая жизнь—совершенно невозможною. И Виницій вѣрилъ, что минута Нерона пробила, что развалины, въ которыя обращается городъ, должны раздавить чудовищнаго шута вмѣстѣ со всѣми его преступленіями. Если бы нашелся мужъ достаточно смѣлый, чтобы стать во главѣ пришедшаго въ отчаяніе народа, то это могло бы случиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Смѣлыя и мстительныя мысли начали зарождаться въ головѣ Виниція. А еслибъ это сдѣлалъ онъ? Родъ Виниціевъ, который до послѣднихъ временъ насчитывалъ цѣлые ряды консуловъ, былъ извѣстенъ во всемъ Римѣ. Толпѣ нужно было какое-нибудь имя. Однажды, по поводу обреченія на смерть четырехсотъ невольниковъ Педанія Секунда, дѣло чуть не дошло до бунта и междуусобной войны,—такъ что же бы сдѣлалось теперь, предъ лицомъ страшнаго несчастія, превышающаго все, что видѣлъ Римъ за послѣдніе восемь вѣковъ? Кто призоветъ къ оружію квиритовъ,—думалъ Виницій,—тотъ низвергнетъ Нерона и самъ облачится въ пурпуръ. Почему бы ему не сдѣлать этого? Онъ былъ болѣе крѣпокъ, храбръ и молодъ, чѣмъ другіе августіане... Правда, въ распоряженіи Нерона было тридцать легіоновъ, стоящихъ на границахъ государства, но развѣ и эти легіоны и ихъ предводители не возмутятся при вѣсти о сожженіи Рима и его храмовъ? А въ такомъ случаѣ онъ, Виницій, могъ бы сдѣлаться императоромъ. Вѣдь, среди августіанъ шептали, что какой-то предсказатель предвѣщалъ пурпуръ Отону? Чѣмъ же онъ хуже Отона? Можетъ быть, и Христосъ помогъ бы ему Своимъ божественнымъ всемогуществомъ, можетъ быть, это Его внушеніе? «О, еслибъ это было такъ!»—взывалъ въ душѣ Виницій. Тогда онъ отомстилъ бы Нерону за опасность, которой подвергалась Лигія, и за свои тревоги, водворилъ бы справедливость и правду, распростра-

нилъ бы ученіе Христа отъ Евфрата до туманныхъ береговъ Британіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ облекъ бы пурпуромъ Лигію и сдѣлалъ бы ее владычицей всей земли.

Но эти мысли, промелькнувшія въ его головѣ, какъ снопъ искръ отъ горящаго дома, и угасли, какъ искры. Прежде всего, нужно было спасать Лигію. Бѣда теперь стояла прямо передъ Винниціемъ, и страхъ снова охватилъ его, а при видѣ моря огня и дыма, при вѣроятности столкнуться со страшною дѣйствительностью, вѣра въ то, что апостолъ Петръ спасетъ Лигію, совсѣмъ замерла въ его груди. Отчаяніе опять объяло его и, выбравшись на via Portuensis, ведущую прямо въ Затибрскую часть Рима, онъ впалъ въ какое-то безчувствіе и опомнился лишь у воротъ, когда ему повторили то, что̀ онъ уже раньше слышалъ отъ бѣгущихъ, что большая часть затибрскихъ кварталовъ не была еще объята пожаромъ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь уже перекинуло черезъ рѣку. Но и Затибрская часть была вся окутана дымомъ и наполнена народомъ, черезъ который пробраться было не легко,—у кого было больше времени, тотъ старался взять съ собою болѣе вещей. Самая главная дорога, Портовая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была совершенно завалена ими, а около Навмахіи Августа возвышались цѣлыя груды всякой рухляди. Болѣе тѣсные переулки, въ которыхъ дымъ скоплялся гуще, были совершенно непроходимы. Жители бѣжали изъ нихъ тысячами, и Виницій по дорогѣ видѣлъ ужасающія картины. Не разъ два теченія, направляющіяся съ противуположныхъ сторонъ, столкнувшись въ узкомъ проходѣ, напирали другъ на друга и вступали въ смертельную борьбу. Люди дрались и топтали другъ друга. Семейства разсыпались въ разныя стороны, матери отчаянно призывали дѣтей. У Виниція волосы встали дыбомъ при одной мысли о томъ, что̀ должно происходить въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ огню. Среди крика и шума трудно было разспрашивать о чемъ-нибудь. По временамъ изъ-за рѣки наплывали волны дыма, такія черныя и тяжелыя, что̀ онѣ катились по самой землѣ, окутывая дома, людей и всѣ предметы такъ, какъ ихъ окутываетъ ночь. Но вѣтеръ, поднятый пожаромъ, развѣвалъ ихъ, и тогда Виницій могъ подвигаться дальше, къ переулку, въ которомъ находился домъ Линна. Духота іюльскаго дня, увеличенная жаромъ, бьющимъ отъ горящихъ частей города, сдѣлалась невыносимою. Дымъ ѣлъ глаза, груди не хватало воздуха. Даже и тѣ жители, которые надѣялись, что огонь не перейдетъ черезъ рѣку, и остались въ своихъ домахъ, начали покидать ихъ, и давка увеличивалась съ каждою минутой. Преторіанцы, сопровождавшіе Виниція, остались позади. Кто-то

ранилъ молотомъ его коня и тотъ началъ мотать окровавленною головой, становиться на дыбы и совершенно отказывался слушаться всадника. Народъ узналъ его по богатой туникѣ августіанина и тотчасъ вокругъ раздались крики: «Смерть Нерону и его поджигателямъ!» Наступила минута грозной опасности,—сотни рукъ уже простерлись къ Виницію, но испуганный конь рванулся, вынесъ его изъ толпы, а тутъ подоспѣла новая волна чернаго дыма и окутала мракомъ всю улицу. Виницій увидалъ, что верхомъ ему не проѣхать, соскочилъ на земь и побѣжалъ пѣшкомъ, проскальзывая около стѣнъ или выжидая минуты, чтобы встрѣчная толпа миновала его. Въ глубинѣ души онъ говорилъ себѣ, что это тщетныя усилія. Лигіи могло уже не быть въ городѣ, она могла спастись бѣгствомъ, да и вообще легче отыскать иголку на берегу моря, чѣмъ кого-нибудь въ этой сумятицѣ и хаосѣ. Но Виницій хотѣлъ хоть цѣною жизни добраться до дома Линна. По временамъ онъ останавливался и протиралъ глаза. Оторвавъ кусокъ туники, онъ закрылъ имъ носъ и ротъ и бѣжалъ дальше. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ рѣкѣ, духота страшно увеличивалась. Виницій, зная, что пожаръ начался у Большого цирка, сначала думалъ, что жаромъ вѣетъ отъ его развалинъ, отъ Forum Boarium и Velabrum,—они стоятъ недалеко и также должны быть охвачены пламенемъ, но кто-то,—послѣдній, кого Виницій встрѣтилъ, старикъ на костыляхъ,—крикнулъ ему: «Не приближайся къ мосту Цестія, весь островъ въ огнѣ!» Дѣйствительно, дальше нельзя было заблуждаться. На заворотѣ къ Vicus Judeorum, на которомъ стоялъ домъ Линна, молодой трибунъ увидалъ, какъ пламя пробивается сквозь тучу дыма; горѣлъ не только островъ, но и вся Затибрская часть, по крайней мѣрѣ, другой конецъ переулка, въ которомъ жила Лигія.

Виницій вспомнилъ, что домъ Линна окруженъ садомъ, за которымъ, со стороны Тибра, находилось небольшое незастроенно, поле. Эта мысль оживила его надежды. Огонь могъ остановиться дойдя до пустого мѣста. И трибунъ бѣжалъ дальше, хотя каждое дуновеніе вѣтра доносило до него не только дымъ, но и тысячи искръ, отъ которыхъ могъ начаться пожаръ въ другомъ концѣ переулка и отрѣзать ему выходъ.

Наконецъ, сквозь мглистую занавѣсь онъ увидалъ кипарисы сада Линна. Дома, стоящіе за незастроеннымъ полемъ, уже горѣли, какъ костры, но небольшая «инсула» Линна оставалась неприкосновенной. Виницій съ признательностью посмотрѣлъ на небо и

прибавилъ шагу, хотя самый воздухъ жегъ, какъ огонь. Дверь была притворена, но Виницій толкнулъ ее и очутился въ саду.

Здѣсь не было ни души, весь домъ казался совершенно пустымъ.

«Можетъ быть, они впали въ безчувствіе отъ дыма и жара»,— подумалъ Виницій, и началъ кричать:

— Лигія! Лигія!

Ему отвѣчало молчаніе. Въ тишинѣ былъ слышенъ только трескъ далекаго огня.

— Лигія!

Въ это время до его ушей долетѣлъ тотъ грозный голосъ, который одинъ разъ онъ уже слышалъ въ этомъ садикѣ. Вѣроятно, на сосѣднемъ островкѣ загорѣлся виварій, стоящій недалеко отъ храма Эскулапа. Въ этомъ виваріи заключены были разные звѣри, въ томъ числѣ и львы, и они-то и начали рычать отъ страха. У Виниція пробѣжала дрожь отъ головы до ногъ. Вотъ уже въ другой разъ, когда все его существо сосредоточивалось на мысли о Лигіи, раздавались эти странные голоса, какъ предвѣстіе несчастія, какъ странное предсказаніе зловѣщаго будущаго.

Но то было короткое, минутное впечатлѣніе, потому что грохотъ, еще болѣе страшный, чѣмъ рычаніе звѣрей,—шумъ пожара,— повелѣвалъ Виницію думать о другомъ. Правда, Лигія не отвѣчала на зовъ, но, можетъ быть, она здѣсь, лежитъ въ обморокѣ или задохлась отъ дыма. Виницій вбѣжалъ въ домъ. Въ маленькомъ атріи было пусто и темно отъ дыма. Но, ощупывая руками двери, ведущія въ кубикулы, Виницій замѣтилъ мигающій огонекъ свѣтильника и, приблизившись къ нему, увидѣлъ ларарiумъ, въ которомъ, вмѣсто лара, стоялъ крестъ. Подъ нимъ-то и теплилась лампада. Въ головѣ молодого новообращеннаго съ быстротою молніи промелькнула мысль, что крестъ посылаетъ ему огонекъ, при помощи котораго онъ можетъ отыскать Лигію. Онъ схватилъ лампаду и началъ осматривать первый кубикулъ.

Здѣсь не было никого, но Виницій былъ увѣренъ, что напалъ на кубикулъ Лигіи, потому что на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну, висѣла ея одежда, а на ложѣ лежало «capitium»,—узкая одежда, которую женщины носили прямо на тѣлѣ. Виницій схватилъ его, прижалъ къ губамъ, перекинулъ черезъ плечо и пустился на дальнѣйшіе розыски. Домъ былъ маленькій и молодой патрицій вскорѣ осмотрѣлъ не только всѣ комнаты, но и погреба, но нигдѣ не нашелъ ничего. Было совершенно ясно, что Лигія, Линнъ и Урсъ, вмѣстѣ съ другими жителями квартала, должны были искать спасенія въ бѣгствѣ.

«Ихъ нужно искать въ толпѣ, за городскими воротами»,—подумалъ Виницій. Его не очень удивляло, что онъ не нашелъ ихъ на via Portuensis, — они могли выйти съ противуположной стороны, отъ Ватиканскаго холма. Во всякомъ случаѣ, они спаслись, по крайней мѣрѣ, отъ огня.—Правда, Виницій зналъ, съ какою страшною опасностью было соединено бѣгство, но мысль о нечеловѣческой силѣ Урса вселяла въ него надежду.—Теперь мнѣ нужно бѣжать отсюда и черезъ сады Домиція дойти до садовъ Агриппы. Тамъ я и найду ихъ. Дыма тамъ немного, вѣтеръ дуетъ съ Сабинскихъ горъ».

Подошло время, когда онъ долженъ былъ думать о собственномъ спасеніи, потому что огненная волна подплывала все ближе и клубы дыма наполнили почти весь переулокъ. Лампада погасла отъ сквозного вѣтра. Виницій, очутившись на улицѣ, теперь во всю мочь бѣжалъ къ via Portuensis, въ ту самую сторону, откуда пришелъ, а пожаръ, казалось, преслѣдовалъ его своимъ огненнымъ дыханіемъ, то окружая его новыми тучами дыма, то обсыпая искрами, которыя падали ему на волосы, на шею и на одежду. Туника его начала тлѣть въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но онъ не обращалъ на это вниманія и бѣжалъ дальше, опасаясь, что дымъ можетъ задушить его. Дѣйствительно, во рту онъ чувствовалъ вкусъ гари, горло и грудь его горѣли, какъ въ огнѣ. Кровь ударяла ему въ голову такъ, что по временамъ онъ видѣлъ всѣ предметы окрашенными въ красный цвѣтъ, даже и дымъ казался ему краснымъ. Тогда онъ говорилъ себѣ: «Лучше мнѣ упасть на землю и умереть»... Бѣжать ему становилось труднѣе съ каждою минутой. Голова, шея и плечи его обливались пòтомъ, и этотъ потъ обжигалъ его, какъ кипятокъ. Еслибъ не имя Лигіи, которое онъ повторялъ про себя, еслибъ не ея «capitium», которымъ онъ закрывалъ ротъ, то онъ упалъ бы. Прошло нѣсколько минутъ и онъ не могъ уже узнавать улицы, по которой бѣжалъ. Сознаніе мало-по-малу покидало его, онъ помнилъ только, что долженъ бѣжать, потому что въ открытомъ полѣ его ожидаетъ Лигія, которую ему обѣщалъ апостолъ Петръ. И вдругъ имъ овладѣла какая-то странная, на половину горячешная, подобная предсмертному видѣнію, увѣренность, что онъ долженъ увидать Лигію, жениться на ней и потомъ сейчасъ же умереть.

Теперь онъ бѣжалъ, какъ пьяный, шатаясь изъ стороны въ сторону. А въ это время произошла какая-то перемѣна въ огнѣ, охватывающемъ гигантскій городъ. Все, что до сихъ поръ еще только тлѣло, вспыхнуло однимъ моремъ пламени, хотя вѣтеръ

перестал разносить дымъ, а тотъ, который скопился въ тѣсныхъ переулкахъ, развѣялъ бѣшеный порывъ раскаленнаго воздуха. Этотъ порывъ гналъ теперь милліоны искръ, такъ что Виницій бѣжалъ какъ бы среди огненной тучи. За то онъ лучше могъ видѣть впереди, и почти въ ту минуту, когда готовъ былъ упасть, увидѣлъ передъ собою конецъ переулка. Это снова придало ему силы. Обойдя уголъ, онъ очутился на улицѣ, которая вела къ via Portuensis и къ Кодетанскому полю. Искры перестали преслѣдовать его. Онъ сообразилъ, что если сможетъ добѣжать до via Portuensis, то останется живъ, хотя бы ему пришлось даже лишиться чувствъ.

Въ концѣ улицы онъ снова увидѣлъ что-то вродѣ тучи, которая заслоняла выходъ. «Если это дымъ,—подумалъ онъ,—то я уже не перейду сквозь него». Онъ бѣжалъ, напрягая остатки силъ. По дорогѣ онъ сбросилъ тунику, какъ рубашку Несса,—она загорѣлась отъ сыпавшихся на нее искръ,—и оставался обнаженнымъ, только «capitium» Лигіи закрывалъ его голову и ротъ. Подойдя ближе, онъ увидалъ, что то, что̀ онъ считалъ дымомъ, было пылью, изъ которой доносились человѣческіе голоса.

«Толпа грабитъ домъ»,—подумалъ онъ, но, все-таки, бѣжалъ по направленію къ этимъ голосамъ. Все-таки, тамъ были люди, которые могли оказать ему помощь. Въ этой надеждѣ, еще по дорогѣ, онъ во всю свою мочь началъ кричать. Но то было послѣднее усиліе. Въ глазахъ Виниція всѣ предметы окрасились еще въ болѣе кровавый цвѣтъ, дыханіе его захватило, силы покинули его и онъ упалъ.

Его, все-таки, услышали, вѣрнѣе, замѣтили, и двое людей бросились къ нему на помощь съ сосудами, полными воды. Виницій,—онъ былъ не въ обморокѣ, а упалъ только отъ изнуренія,—схватилъ обѣими руками сосудъ и выпилъ его до половины.

— Благодарю,—сказалъ онъ, вставая на ноги,—дальше я пойду одинъ.

Другой человѣкъ облилъ ему голову водой и, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ, не только поставилъ Виниція на ноги, но поднялъ съ земли и понесъ къ кучкѣ людей, которые окружили его и тщательно осмотрѣли, не получилъ ли онъ какой-нибудь раны. Заботливость эта удивила Виниція.

— Кто вы такіе?—спросилъ онъ.

— Мы разрушали дома, чтобы пожаръ не могъ дойти до Портовой дороги,—отвѣтилъ одинъ.

— Вы пришли мнѣ на помощь, когда я уже упалъ. Благодарю васъ.

— Намъ нельзя отказывать въ помощи,—послышалось нѣсколько голосовъ.

Тогда Виницій, который съ самаго утра видѣлъ только озвѣрѣвшую толпу на разбоѣ и грабежѣ, внимательнѣе присмотрѣлся къ окружающимъ его лицамъ и проговорилъ:

— Да вознаградитъ васъ... Христосъ.

— Слава имени Его! —отвѣтилъ цѣлый хоръ голосовъ.

— А Линнъ?...—спросилъ Виницій.

Дальше спрашивать онъ не могъ и даже не слышалъ отвѣта,—волненія и изнуреніе довели его до потери сознанія. Очнулся онъ лишь на Кодетанскомъ полѣ, въ саду, окруженный мужчинами и женщинами, и первыя слова, какія онъ могъ проговорить, были:

— Гдѣ Линнъ?

Съ минуту никакого отвѣта не было, потомъ какой-то знакомый Виницію голосъ вдругъ проговорилъ:

— За Номентанскими воротами; вышелъ въ Остраній... два дня тому назадъ... Миръ тебѣ, царь персидскій!

Виницій поднялся и сѣлъ; онъ неожиданно увидалъ надъ собою Хилона.

А грекъ продолжалъ:

— Твой домъ, господинъ, навѣрное, сгорѣлъ, потому что Карины въ огнѣ, но ты всегда будешь богатъ, какъ Мидасъ. О, какое несчастье! Христіане, сынъ Сераписа, давно предсказывали, что огонь пожретъ этотъ городъ... А Линнъ вмѣстѣ съ дочерью Юпитера на Остраніи... О, какое несчастье снизошло на этотъ городъ!

Виницію снова сдѣлалось дурно.

— Ты видѣлъ ихъ? —спросилъ онъ.

— Видѣлъ, господинъ!... Благодареніе Христу и всѣмъ богамъ, что я доброю вѣстью могъ отплатить тебѣ за твои благодѣянія. Но я тебѣ, Озирисъ, и еще отплачу,—клянусь тебѣ горящимъ Римомъ.

На землю спускалась ночь, но въ саду было свѣтло, какъ днемъ, потому что пожаръ еще усиливался. Казалось, горятъ уже не отдѣльныя части, а весь городъ, во всю свою длину и ширину. Покуда хваталъ глазъ, небо было багровое и начиналась красная ночь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I.

Зарево залило небо такъ широко, что предѣловъ его не могъ уловить взглядъ человѣка. Изъ-за горъ показалась огромная, полная луна и, сразу принявъ цвѣтъ раскаленной мѣди, казалось, съ удивленіемъ смотрѣла на гибель всемогущаго города. Въ багровыхъ безднахъ неба свѣтились также багровыя звѣзды и, въ противуположность обыкновеннымъ ночамъ, теперь на землѣ было свѣтлѣе, чѣмъ на небѣ. Римъ, словно огромный костеръ, освѣщалъ всю Кампанью. При кровавомъ отблескѣ пожара были видны отдаленные холмы, города, виллы, храмы, памятники и акведуки, бѣгущіе къ городу отъ всѣхъ отдаленныхъ горъ, а на акведукахъ цѣлые рои людей, которые или скрылись тамъ ради безопасности, или смотрѣли на пожаръ.

А тѣмъ временемъ грозная стихія охватывала все новыя части города. Невозможно было сомнѣваться, что чьи-то злодѣйскія руки поджигаютъ городъ, потому что огонь то и дѣло вспыхивалъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ главнаго очага. Съ холмовъ, на которыхъ былъ выстроенъ Римъ, пламя, на подобіе морскихъ волнъ, сплывало въ долины, густо усѣянныя пяти и шестиэтажными домами, переполненныя сараями, лавками, деревянными передвижными амфитеатрами, устроенными для различныхъ зрѣлищъ, складами дерева, масла, хлѣба, орѣховъ, шишекъ пиніи,—ихъ зернами питался убогій людъ,—и одежды, которую по временамъ цезарь раздавалъ голытьбѣ, гнѣздящейся въ тѣсныхъ закоулкахъ. Тамъ пожаръ, находя избытокъ горючихъ матеріаловъ, смѣнялся рядомъ взрывовъ и съ неслыханною быстротой охватывалъ цѣлыя улицы. Люди, размѣстившіеся за городомъ или стоящіе на водопроводахъ, по цвѣту пламени отгадывали, что̀ горитъ. Бѣшеный порывъ вѣтра по временамъ выносилъ изъ огненной бездны тысячи и милліоны горящихъ миндальныхъ и орѣховыхъ скорлупъ, которыя вдругъ взлетали кверху, какъ неисчислимыя стаи сверкающихъ мотыльковъ, и съ трескомъ лопались въ воздухѣ или, гонимыя вѣтромъ, падали на новые кварталы, на водопроводы и на поля, окружающія городъ. Всякая мысль о спасеніи казалась безумною, а замѣшательство возростало все сильнѣе, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, городское населеніе бѣжало за городскія стѣны, а съ другой—пожаръ привлекалъ изъ окрестностей массу народа, какъ обитателей маленькихъ городковъ, такъ и хлѣбопашцевъ и полудикихъ пастуховъ Кампаньи, которымъ улыбалась надежда на грабежъ.

Крикъ: «Римъ горитъ!» — не сходилъ съ устъ толпы, а въ то время гибель города представлялась равносильной концу его владычества и уничтоженію всѣхъ узловъ, которые до сихъ поръ связывали народъ въ одно цѣлое. А такъ какъ толпа, по большей части состоящая изъ невольниковъ и чужестранцевъ, ни во что не ставила владычество Рима и знала, что переворотъ только могъ освободить ее отъ узъ, то обличье ея начинало принимать грозный видъ. Сотни тысячъ невольниковъ, забывая, что Римъ, кромѣ храмовъ и стѣнъ, обладаетъ еще нѣсколькими десятками легіоновъ, казалось, ждали только вождя и сигнала. Начали вспоминать имя Спартака, но Спартака не было, за то граждане начали соединяться вмѣстѣ и вооружаться, кто чѣмъ могъ. Начали ходить самые неправдоподобные слухи и вѣсти. Одни утверждали, что Вулканъ, по повелѣнію Зевса, уничтожаетъ городъ огнемъ, являющимся изъ нѣдръ земныхъ, другіе говорили, что это месть Весты за весталку Рубрію [1]). Люди, проникнутые такимъ убѣжденіемъ, не хотѣли спасать ничего, осаждали храмы и просили боговъ о милосердіи. Но чаще всего повторяли, что это цезарь приказалъ поджечь Римъ для того, чтобъ освободиться озъ зловонія, доносящагося изъ Субуры, и чтобы соорудить новый городъ подъ названіемъ Нероніи. При этой мысли всѣми овладѣвало бѣшенство и если бы, какъ думалъ Виницій, нашелся предводитель, который хотѣлъ бы воспользоваться этимъ взрывомъ негодованія, минута Нерона пробила бы нѣсколькими годами раньше.

Говорили, что цезарь сошелъ съ ума, что онъ приказалъ преторіанцамъ и гладіаторамъ ударить на народъ и устроить всеобщую рѣзню. Иные клялись богами, что звѣри изо всѣхъ виваріевъ выпущены по приказанію мѣднобородаго. Кто-то видѣлъ на улицахъ львовъ съ пылающими гривами, взбѣсившихся слоновъ и туровъ, которые подминали подъ себя людей цѣлыми десятками. Въ этомъ была даже частица правды,—въ нѣсколькихъ мѣстахъ слоны, при видѣ приближающагося пожара, разнесли виваріи, выбрались на свободу и, въ дикомъ смятеніи, мчались въ сторону, противуположную огню, какъ буря, уничтожая все по своему пути. Общественное мнѣніе насчитывало десятками тысячъ людей, погибшихъ въ огнѣ. И дѣйствительно, народу погибло много. Были такіе, что, потерявъ достояніе или дорогое существо, въ отчаяніи сами бросались въ огонь. Другихъ задушилъ дымъ. Въ серединѣ города, между Капитоліемъ, съ одной стороны, Квириналомъ, Виминаломъ

[1]) Светоній въ біографіи Нерона говоритъ о ней (гл. 28): „Nero Vestali virgini Rubriae vim intulit“.

и Эсквилиномъ—съ другой, а также между Палатиномъ и Целіемъ, гдѣ улицы были тѣснѣе застроены, пожаръ сразу начинался во многихъ мѣстахъ, такъ что цѣлыя сотни народа, устремляясь въ одну сторону, неожиданно наталкивались на огненную стѣну и гибли страшною смертью посреди огненнаго потопа.

Въ страхѣ, замѣшательствѣ и безуміи никто не зналъ, куда бѣжать. Улицы были усѣяны домашнимъ скарбомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенно завалены. Тѣ, которые нашли убѣжище на рынкахъ и площадяхъ, тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ амфитеатръ Флавія, возлѣ храма Земли, возлѣ портика Ливіи, и выше — около храмовъ Юноны и Ливіи, а также между Clivus Virbius и старыми Эсквилинскими воротами, были окружены моремъ огня и погибли отъ жара. Въ мѣстахъ, куда пламя не дошло, впослѣдствіи находили сотни обугленныхъ тѣлъ, хотя несчастные вырывали каменные плиты и для защиты отъ жара до половины зарывались въ землю. Почти ни одна изъ семей, живущихъ среди города, не осталась въ цѣлости, поэтому у всѣхъ воротъ и на всѣхъ дорогахъ слышался отчаянный вой женщинъ, выкликающихъ дорогія имена погибшихъ въ огнѣ или раздавленныхъ толпой.

И вотъ, когда одни вымаливали у боговъ милосердія, другіе посылали тѣмъ же самымъ богамъ страшныя проклятія. Видѣли дряхлыхъ стариковъ, которые, обратившись въ сторону храма Юпитера Избавителя, протягивали руки и кричали: «Если ты избавитель, то избавь свой алтарь и городъ!» Негодованіе, главнымъ образомъ, обращалось противъ старыхъ римскихъ боговъ, которые, по понятіямъ народа, должны были болѣе тщательно, чѣмъ другія божества, оберегать городъ. Они оказались безсильными, и ихъ оскорбляли. За то, когда на via Asinaria показалась процессія египетскихъ жрецовъ, сопровождающихъ статую Изиды, которую спасли изъ храма, находящагося недалеко отъ Porta Caelimontana, толпа бросилась къ этой процессіи, впряглась въ колесницу и потащила ее къ воротамъ Аппія. Тамъ народъ подхватилъ статую и помѣстилъ ее въ храмъ Марса, причемъ избилъ его жрецовъ, которые осмѣлились оказывать сопротивленіе. Въ другихъ мѣстахъ призывали Сераписа, Ваала или Іегову, почитатели котораго выползли изъ переулковъ Субуры и затибрскихъ кварталовъ и оглашали визгомъ и крикомъ поля, прилегающія къ городскимъ стѣнамъ. Въ крикахъ ихъ, однако, слышались и тоны торжества, и поэтому, когда одни изъ горожанъ присоединялись къ хору и прославляли «Владыку міра», другіе, возмущаясь этимъ радостнымъ крикомъ, пытались силой заставить ихъ замолкнуть. Кое-гдѣ старцы, мужчины въ силѣ лѣтъ,

женщины и дѣти пѣли пѣсни, странныя и торжественныя, содержаніе которыхъ понять никто не могъ, но въ которыхъ поминутно повторялись слова: «Се грядетъ судія въ день гнѣва и казни». Такъ подвижная и вѣчно бодрствующая толпа народа на подобіе взволнованнаго моря окружала горящій городъ.

Но не помогало ничто,—ни отчаяніе, ни богохульства, ни гимны. Гибель казалась неизбѣжной, окончательной и неумолимой, какъ Предопредѣленіе. Возлѣ амфитеатра Помпея загорѣлись склады конопли и веревокъ,—онѣ во множествѣ требовались для цирковъ, аренъ и всевозможныхъ машинъ, потребныхъ для игрищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, загорѣлись сосѣдніе сараи со смолой, которою пропитывались веревки. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ часть города, за которой лежало Марсово поле, свѣтилась такимъ ярко-желтымъ пламенемъ, что полуобезумѣвшимъ отъ страха жителямъ казалось, что во всеобщей гибели измѣнился порядокъ дня и ночи и что они видятъ сіяніе солнца. Но потомъ сплошной кровавый блескъ взялъ верхъ надъ всѣми другими оттѣнками. Изъ моря огня къ раскаленному небу били гигантскіе фонтаны и столбы пламени, развертываясь вверху огненными кистями, а вѣтеръ подхватывалъ ихъ, обращалъ въ золотистыя, искристыя нити и несъ надъ Кампаньей къ Альбанскимъ горамъ. Ночь становилась все яснѣе; даже воздухъ казался пропитанъ не только солнцемъ, но и пламенемъ. Несчастный городъ обратился въ адъ. Пожаръ охватывалъ все большія пространства, бралъ штурмомъ холмы, разливался по равнинамъ, затоплялъ долины, свирѣпствовалъ, гремѣлъ...

II.

Ткачъ Макринъ, въ чей домъ принесли Виниція, обмылъ его, снабдилъ одеждой и накормилъ. Молодой трибунъ совсѣмъ пришелъ въ себя и заявилъ, что въ эту же ночь начнетъ разыскивать Линна. Макринъ,—онъ былъ христіаниномъ,—подтвердилъ слова Хилона, что Линнъ, вмѣстѣ со старшимъ пресвитеромъ Климентомъ, отправился въ Остраній, гдѣ Петръ долженъ былъ крестить множество новообращенныхъ. Было извѣстно, что два дня тому назадъ присмотръ за своимъ домомъ онъ поручилъ нѣкоему Гаю. Виницію это могло служить доказательствомъ, что ни Лигія, ни Урсъ не остались дома, и что они также должны были отправиться въ Остраній.

Мысль эта принесла ему значительное облегченіе. Линнъ—человѣкъ старый, ему трудно каждый день ходить изъ-за Тибра до

Остранія и возвращаться оттуда домой. Весьма понятно, что на нѣсколько дней онъ переселился за городскую стѣну къ какому-нибудь своему единовѣрцу, а вмѣстѣ съ нимъ и Лигія и Урсъ. Такимъ образомъ они избѣжали пожара, который не перевалилъ на протувоположный склонъ Эквилина. Виницій во всемъ этомъ видѣлъ велѣніе Христа, чувствовалъ надъ собой Его покровительство, и съ сердцемъ, болѣе чѣмъ когда-либо переполненнымъ любовью, поклялся въ душѣ всею своею жизнью заплатить за всѣ очевидныя знаменія Его милосердія.

Тѣмъ болѣе онъ торопился въ Остраній. Онъ отыщетъ Лигію, отыщетъ Линна и Петра и увезетъ ихъ куда-нибудь далеко, въ одно изъ своихъ помѣстій, хотя бы даже въ Сицилію. Римъ горитъ и черезъ нѣсколько дней отъ него останется куча развалинъ,—зачѣмъ ему оставаться здѣсь, среди общаго несчастія и разъяреннаго народа? Тамъ ихъ окружатъ полчища дисциплинированныхъ невольниковъ, окружитъ тишина деревни и они, благословленные Петромъ, будутъ жить подъ крыломъ Христа. О, еслибъ только отыскать ихъ!

А это было не легко. Виницій помнилъ, съ какимъ трудомъ онъ пробрался съ via Appia въ затибрскіе кварталы и какъ долженъ былъ колесить, чтобы дойти до Портовой дороги, и рѣшилъ теперь обойти городъ съ противуположной стороны. По Тріумфальной дорогѣ, подвигаясь вдоль рѣки, можно было дойти до моста Эмилія, а оттуда, минуя Пинцій, вдоль Марсова поля, мимо садовъ Помпея, Лукулла и Саллюстія, выйти на via Nomentana. То была кратчайшая дорога, но и Макринъ, и Хилонъ не совѣтовали пускаться по ней. Правда, огонь не охватилъ этой части города, но всѣ рынки и улицы могли быть совершенно запружены людьми и ихъ вещами. Хилонъ совѣтовалъ направиться черезъ Ager Vaticanus до Porta Flaminia, тамъ перейти рѣку и слѣдовать дальше, вдоль наружной стороны стѣнъ, къ Porta Salaria. Виницій, послѣ минутнаго колебанія, принялъ этотъ совѣтъ.

Макринъ долженъ былъ оставаться на стражѣ дома, но, тѣмъ не менѣе, нашелъ время раздобыть двухъ муловъ, которые могли пригодиться для дальнѣйшаго путешествія Лигіи. Онъ хотѣлъ даже прибавить невольника, но Виницій отказался. Онъ думалъ, что, какъ и въ предшествующій разъ, первый встрѣчный отрядъ преторіанцевъ, который попадется ему на дорогѣ, предоставитъ себя въ его распоряженіе.

Спустя немного времени онъ вмѣстѣ съ Хилономъ пустился черезъ Pagus Janiculensis къ Тріумфальной дорогѣ. И здѣсь на откры-

тыхъ мѣстахъ были разбиты лагери, но Виницій пробрался черезъ нихъ съ меньшимъ трудомъ, потому что большая часть жителей бѣжала къ морю по Портовой дорогѣ. За Сентиманскими воротами дорога пролегала между рѣкой и великолѣпными садами Домиціи, могучіе кипарисы которыхъ свѣтились отъ блеска пожара, какъ отъ вечерней зари. Дорога становилась все больше свободной, и только отъ времени до времени Виницію приходилось бороться съ толпою крестьянъ, стекающихся въ городъ. Виницій, насколько могъ, погонялъ мула, а Хилонъ слѣдовалъ за нимъ и все время велъ бесѣду самъ съ собою:

— Вотъ теперь пожаръ остался за нами и теперь жжетъ намъ плечи. Никогда еще на этой дорогѣ не было такъ свѣтло ночью. О, Зевсъ! если ты не сошлешь ливня на этотъ пожаръ, то, значитъ, не любишь Рима. Человѣческая сила не загаситъ этого огня. И это тотъ городъ, которому служила Греція и весь міръ! А теперь всякій грекъ можетъ жарить бобы на его пеплѣ! Кто бы могъ подумать?... И не будетъ уже ни Рима, ни римскихъ владыкъ... А кто захочетъ ходить по пожарищу, когда оно остынетъ, и свистать, тотъ будетъ свистать безнаказанно. О, боги! свистать надъ всемогущимъ городомъ! Кто бы изъ грековъ, даже изъ варваровъ, могъ подумать это?... А свистать можно потому, что груда пепла, — останется ли она послѣ привала пастуховъ, или послѣ сгорѣвшаго города,—ничто иное, какъ груда пепла, которую раньше или позже развѣетъ вѣтеръ.

Отъ времени до времени онъ обертывался въ сторону пожара и смотрѣлъ на море огня съ злобнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостнымъ лицомъ, потомъ продолжалъ:

— Гибнетъ! гибнетъ!... и не будетъ его уже больше на свѣтѣ! Куда теперь міръ будетъ посылать свой хлѣбъ, свое масло и свои деньги? Кто будетъ выжимать изъ него золото и слезы? Мраморъ не горитъ, но разсыпается въ огнѣ. Капитолій обратится въ развалины и Палатинъ обратится въ развалины. О, Зевсъ! Римъ былъ аки пастырь, а другіе народы аки овцы. Когда пастырь былъ голоденъ, онъ рѣзалъ одну изъ овецъ, мясо съѣдалъ, а тебѣ, отецъ боговъ, жертвовалъ шкуру. Кто, о Тучегонитель, будетъ теперь рѣзать овецъ и въ чьи руки ты отдашь пастырскій бичъ? О, Зевсъ, Римъ горитъ такъ хорошо, какъ будто ты самъ зажегъ его своимъ перуномъ!

— Спѣши!—торопилъ Виницій,—что ты тамъ дѣлаешь?

— Оплакиваю Римъ, господинъ,—отвѣтилъ Хилонъ.—Такой юпитеровскій городъ!...

И они молча поѣхали впередъ, прислушиваясь къ свисту огня и шуму птичьихъ крыльевъ. Голуби, которые во множествѣ водились на виллахъ и въ городкахъ Кампаньи, и всякія полевыя птицы, очевидно, принимали пламя пожара за солнечный свѣтъ и летѣли на огонь.

Виниций первый прервалъ молчаніе.

— Гдѣ ты былъ, когда вспыхнулъ пожаръ?

— Я шелъ къ моему другу Эврицію, господинъ,—онъ держитъ лавку у Большого цирка,—и размышлялъ надъ ученіемъ Христа, когда начали кричать: «пожаръ!» Люди скопились возлѣ цирка отчасти для того, чтобы спастись, отчасти изъ любопытства, но когда огонь охватилъ весь циркъ и, кромѣ того, началъ показываться въ другихъ мѣстахъ, нужно было думать о собственномъ спасеніи.

— Ты видѣлъ людей, которые бросаютъ факелы въ дома?

— Чего я не видалъ, внукъ Энея! Я видѣлъ, какъ люди прочищаютъ себѣ во тьмѣ дорогу мечами, видѣлъ битвы и растоптанныя на мостовой внутренности человѣческія. Ахъ, господинъ, еслибъ ты смотрѣлъ на это, то подумалъ бы, что это варвары взяли городъ и начинаютъ рѣзню! Люди вокругъ меня кричали, что подошелъ конецъ свѣта. Одни совсѣмъ потеряли голову и, пренебрегая бѣгствомъ, безсознательно ждали, пока ихъ охватитъ пламя. Другіе впали въ безуміе, третьи выли отъ отчаянія, но я видѣлъ и такихъ, которые выли отъ радости, ибо, о, господинъ, много есть на свѣтѣ злыхъ людей, которые не умѣютъ цѣнить благодѣяній вашего мягкаго правленія и тѣхъ справедливыхъ законовъ, въ силу которыхъ вы отбираете у всѣхъ то, что у нихъ есть, и присвоиваете себѣ. Люди не умѣютъ примиряться съ волею боговъ!

Виниций черезъ-чуръ былъ занятъ своими мыслями, чтобы замѣтить иронію, звучащую въ словахъ Хилона. Дрожь ужаса охватывала его при одномъ предположеніи, что Лигія могла очутиться среди этого замѣшательства, на этихъ страшныхъ улицахъ, гдѣ подъ ногами валялись человѣческія внутренности. И хотя онъ уже десять разъ допрашивалъ Хилона о томъ, что̀ тотъ видѣлъ, молодой трибунъ снова обратился къ нему:

— Ты собственными глазами видѣлъ ихъ въ Остраніи?

— Видѣлъ, сынъ Венеры, видѣлъ дѣвушку, добраго лигійца, святого Линна и апостола Петра.

— Передъ пожаромъ?

— Передъ пожаромъ, Митра [1]).

---

1) Mithrat—персидскій богъ.

Въ душѣ Виниція возродилось сомнѣніе, не лжетъ ли Хилонъ, и, задержавъ мула, онъ грозно посмотрѣлъ на стараго грека и спросилъ:

— Что ты тамъ дѣлалъ?

Хилонъ смѣшался. Правда, ему, какъ и большинству, казалось, что вмѣстѣ съ гибелью Рима приходитъ и конецъ римскому владычеству, но на этотъ разъ онъ съ Виниціемъ былъ наединѣ и вспомнилъ, что патрицій подъ страшною угрозой запретилъ ему подсматривать за христіанами, въ особенности за Линномъ и Лигіей.

— Господинъ, — сказалъ онъ, — отчего ты не вѣришь, что я люблю ихъ? Да, я былъ въ Остраніи, потому что я полухристіанинъ. Пирронъ [2]) научилъ меня цѣнить добродѣтель дороже философіи и я все больше и больше льну къ людямъ добродѣтельнымъ. Притомъ, о, господинъ, я бѣденъ и когда ты, Юпитеръ, былъ въ Антіи, я часто умиралъ съ голоду надъ своими книгами и часто сидѣлъ у стѣны Остранія, потому что христіане, хотя они и сами бѣдны, раздаютъ милостыню больше, чѣмъ всѣ римляне, взятые вмѣстѣ.

Виницію этотъ поводъ показался достаточно убѣдительнымъ и онъ спросилъ менѣе грозно:

— Ты не знаешь, гдѣ на это время поселился Линнъ?

— Одинъ разъ ты жестоко покаралъ меня за любопытство, — отвѣтилъ грекъ.

Виницій замолчалъ и поѣхалъ впередъ.

— Господинъ, — черезъ минуту сказалъ грекъ, — если бы не я, ты не нашелъ бы дѣвушку, но если мы найдемъ ее и теперь, ты не забудешь о бѣдномъ мудрецѣ?

— Ты получишь домъ съ виноградникомъ подъ Амеріолой, — отвѣтилъ Виницій.

— Благодарю тебя, Геркулесъ! Съ виноградникомъ?... Благодарю тебя! Конечно, съ виноградникомъ!

Теперь они проѣзжали мимо Ватиканскаго холма, который былъ озаренъ заревомъ пожара, но за Навмахіей свернули вправо, чтобы, переѣзавъ Ватиканское поле, приблизиться къ рѣкѣ, пере-

---

[2]) Pyrrho—греческій философъ IV—III вѣка до Р. Хр., основатель скептической школы, отрицавшей возможность всякаго знанія. Скептики учили, что никогда не должно утверждать что-нибудь положительно, говорить: „это такъ", а можно говорить только: „это кажется мнѣ такъ". Не имѣя надежды знать что-нибудь о свойствахъ вещей, человѣкъ будетъ равнодушенъ ко всему на свѣтѣ, а будетъ только стремиться достигнуть правильнаго душевнаго настроенія или добродѣтели и такимъ путемъ вмѣстѣ съ спокойствіемъ духа найдетъ и блаженство.

ѣхать ее и добраться до Porta Flaminia. Вдругъ Хилонъ задержалъ мула и сказалъ:

— Господинъ, мнѣ въ голову пришла хорошая мысль.

— Говори,— отвѣтилъ Виницій.

— Между Яникульскимъ и Ватиканскимъ холмомъ, за садами Агриппы, находятся подземелья, изъ которыхъ брали камень и песокъ для постройки цирка Нерона. Послушай меня, господинъ! Въ послѣднее время евреи,— ты знаешь, какъ ихъ много за Тибромъ,—начали свирѣпо преслѣдовать христіанъ. Помнишь, еще во времена божественнаго Клавдія тамъ были такіе безпорядки, что цезарь принужденъ былъ изгнать ихъ изъ Рима. Теперь, когда они возвратились и когда, благодаря покровительству Августы, чувствуютъ себя въ безопасности, они еще свирѣпѣе притѣсняютъ христіанъ. Я это знаю, я видѣлъ это! Еще никакого эдикта противъ христіанъ не издано, а евреи обвиняютъ ихъ передъ префектомъ города, что они убиваютъ дѣтей, поклоняются ослу и проповѣдуютъ ученіе, не одобренное сенатомъ, а сами бьютъ ихъ и такъ ожесточенно нападаютъ на ихъ молитвенные дома, что христіане должны скрываться отъ нихъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ?—спросилъ Виницій.

— А то, господинъ, что синагоги открыто существуютъ за Тибромъ, а христіане, желая избѣжать преслѣдованія, должны молиться втихомолку и собираются въ заброшенныхъ сараяхъ за городомъ или въ аренаріяхъ[3]). Тѣ, которые живутъ за Тибромъ, избрали себѣ тѣ аренаріи, которые образовались благодаря постройкѣ цирка и разныхъ домовъ вдоль Тибра. Теперь, когда городъ погибаетъ, почитатели Христа несомнѣнно молятся тамъ. Мы ихъ найдемъ во множествѣ въ подземельяхъ, поэтому я и совѣтую тебѣ, господинъ, зайти туда по дорогѣ.

— Вѣдь, ты же говорилъ, что Линнъ отправился въ Остраній!—нетерпѣливо крикнулъ Виницій.

— А ты мнѣ обѣщалъ домъ съ виноградникомъ подъ Амеріолой,—отвѣтилъ Хилонъ,—и я хочу искать дѣвушку повсюду, гдѣ надѣюсь найти ее. Какъ начался пожаръ, они могли возвратиться въ затибрскіе кварталы. Они могли обойти городъ такъ, какъ мы обходимъ его въ настоящую минуту. У Линна есть домъ, можетъ быть, ему хотѣлось быть поближе къ дому, чтобъ видѣть, не охватилъ ли пожаръ и этой части. Если они возвратились, то, господинъ, клянусь тебѣ Персефоной, что мы найдемъ ихъ на молитвѣ

---

[3]) Arenaria—яма, отразовавшаяся на мѣстѣ, гдѣ рыли песокъ.

въ подземельѣ, а въ самомъ неблагопріятномъ случаѣ получимъ о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія.

— Ты правъ, веди меня,—сказалъ трибунъ.

Хилонъ, не раздумывая, свернулъ налѣво, къ холму. На минуту бокъ этого холма закрылъ отъ нихъ горящій городъ, такъ, что хотя ближайшія возвышенности были освѣщены, Виницій и его спутникъ оставались въ тѣни. Миновавъ циркъ, они свернули влѣво и въѣхали въ ущелье, въ которомъ все было темно, но и въ этомъ мракѣ Виницій увидалъ сотни мигающихъ фонарей.

— Вотъ они!—сказалъ Хилонъ.—Сегодня ихъ будетъ больше, чѣмъ когда-либо, потому что молитвенные дома сгорѣли или полны дыму, какъ вся Затибрская часть.

— Да, я слышу пѣніе,—отвѣтилъ Виницій.

Дѣйствительно, изъ зіяющаго отверстія въ горѣ доходили звуки человѣческихъ голосовъ, а фонари пропадали въ немъ одинъ за другимъ. Изъ боковыхъ ущелій появлялись все новыя и новыя фигуры, такъ что вскорѣ Виницій и Хилонъ очутились среди цѣлой толпы людей.

Хилонъ слѣзъ съ мула, подозвалъ движеніемъ руки подростка, который проходилъ мимо, и сказалъ ему:

— Я служитель Христа и епископъ. Подержи нашихъ муловъ и получишь за это мое благословеніе и отпущеніе грѣховъ.

И, не ожидая отвѣта, онъ всунулъ ему въ руку поводья, а самъ съ Виниціемъ присоединился къ толпѣ.

Они вошли въ подземелье и при слабомъ свѣтѣ фонарей подвигались вдоль темнаго корридора, пока не достигли обширной пещеры, изъ которой видимо недавно выбирали камень, потому что всѣ стѣны ея были выложены свѣжими обломками.

Въ пещерѣ было виднѣе, чѣмъ въ корридорѣ,—въ ней, кромѣ лампадъ и фонарей, горѣли факелы. При блескѣ ихъ Виницій увидалъ цѣлую толпу колѣнопреклоненныхъ людей, съ руками, воздѣтыми къ небу. Ни Лигіи, ни апостола Петра, ни Линна онъ не могъ найти нигдѣ, за то его окружали лица торжественныя и взволнованныя. На иныхъ ясно рисовались ожиданіе, тревога, надежда. Огонь отражался въ бѣлкахъ глазъ молящихся, потъ струями катился по ихъ блѣдному, какъ мѣлъ, лбу; одни пѣли гимны другіе лихорадочно повторяли имя Іисуса, третьи били себя въ грудь. Было видно, что они съ минуты на минуту ожидаютъ чего-то необычайнаго.

Вдругъ пѣніе смолкло и надъ собравшимися, въ нишѣ, образовавшейся послѣ вынутаго огромнаго камня, показался извѣстный

Виницію Криспъ, съ лицомъ полубезсознательнымъ, блѣднымъ, фанатическимъ и суровымъ. Всѣ обратились къ нему, какъ бы въ ожиданіи словъ подкрѣпленія и надежды, а онъ, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ собравшихся, заговорилъ поспѣшнымъ голосомъ, почти приближающимся къ крику:

— Кайтесь въ грѣхахъ вашихъ, ибо минута приблизилась. Се на городъ преступленія и разврата, на новый Вавилонъ Господь низослалъ губительный огонь. Пробилъ часъ суда, гнѣва и горя. Господь предвѣщалъ Свое пришествіе и вскорѣ вы узрите Его. Но днесь Онъ не придетъ уже, аки агнецъ, проливающій кровь за грѣхи ваши, а какъ грозный судія, который по справедливости своей ввергаетъ въ бездну грѣшныхъ и невѣрныхъ. Горе міру и горе грѣшнымъ, ибо уже не будетъ для нихъ милосердія! Я вижу Тебя, Христосъ! Звѣзды дождемъ падаютъ на землю, солнце затмѣвается, открываются нѣдра земли и мертвые возстаютъ, а Ты грядешь среди звуковъ трубныхъ и полчищъ ангеловъ, среди громовъ и молній! Я вижу и слышу Тебя, о Христосъ!

Онъ смолкъ и, поднявъ голову кверху, казалось, всматривался во что-то далекое и страшное. Въ это время въ подземельѣ раздался глухой грохотъ,—разъ, два, десять разъ. То цѣлая линія домовъ съ трескомъ начинала разваливаться. Но большинство христіанъ этотъ шумъ приняло за видимый знакъ, что страшная минута настаетъ, потому что вѣра во второе пришествіе Христа и такъ была распространена между ними, а теперь ее еще болѣе укрѣпилъ пожаръ города. И тревога охватила всѣхъ собравшихся. Многіе голоса начали повторять: «День суда!... Приближается!» Одни закрывали руками лицо въ убѣжденіи, что вотъ-вотъ земля дрогнетъ въ своихъ основахъ и изъ ея нѣдръ выйдутъ адскія чудовища, чтобы броситься на грѣшныхъ, другіе взывали: «Христосъ, сжалься! Искупитель, будь милосердъ!...» Тѣ громко исповѣдовали свои грѣхи, эти заключали другъ друга въ объятія, чтобы въ страшную минуту возлѣ ихъ сердца билось близкое сердце.

Но были и такіе, лица которыхъ,—точно они уже были взяты на небо,—озаренныя неземною улыбкой, не выказывали никакой тревоги. Кое-гдѣ слышались истерическіе крики,—то люди въ религіозномъ экстазѣ начали произносить непонятныя слова на непонятныхъ языкахъ. Кто-то изъ темнаго угла пещеры воскликнулъ: «Проснись, спящій!»—но надо всѣмъ царилъ крикъ Криспа: «Бдите, бдите!»

По временамъ все стихало, какъ будто всѣ, задерживая дыханіе въ груди, ожидали того, что должно свершиться. Тогда слышенъ

былъ отдаленный грохотъ разваливающихся домовъ, а потомъ снова раздавались стоны, молитвы и возгласы: «Искупитель, будь милосердъ!» По временамъ Криспъ снова начиналъ кричать: «Отрекитесь отъ земныхъ сокровищъ, ибо скоро не станетъ земли подъ вашими ногами! Отрекитесь отъ земной любви, ибо Господь обречетъ на гибель тѣхъ, кто любилъ женъ и дѣтей болѣе Его! Горе тому, кто полюбилъ твореніе больше Творца! Горе сильнымъ! Горе чревоугодникамъ! Горе блудодѣямъ! Горе мужу, женѣ и младенцу!»

Вдругъ ужасающій трескъ потрясъ всю каменоломню. Всѣ пали на землю, крестообразно простирая руки, чтобы этимъ знакомъ охранить себя отъ злыхъ духовъ. Наступила тишина, въ которой слышалось только ускоренное дыханіе, полный ужаса шепотъ: «Іисусъ! Іисусъ! Іисусъ!»—и плачъ дѣтей. И вдругъ надъ распростертою на землѣ толпой раздался какой-то спокойный голосъ:

— Миръ съ вами!

То былъ голосъ апостола Петра, который только что вошелъ въ пещеру. При звукѣ его словъ страхъ исчезъ въ одно мгновеніе, какъ исчезаетъ страхъ стада при появленіи пастуха. Люди поднялись съ земли, тѣ, которые были поближе къ апостолу, начали прижиматься къ его колѣнямъ, какъ будто искали прибѣжища подъ его крыльями, а онъ распростеръ надъ ними руки и заговорилъ:

— Отчего вы тревожитесь въ сердцахъ вашихъ? Кто можетъ отгадать, что можетъ встрѣтить его, прежде чѣмъ наступитъ страшная минута? Господь покаралъ огнемъ Вавилонъ, но надъ вами, которыхъ омыло крещеніе и грѣхи которыхъ искупила кровь Агнца, почіетъ Его милосердіе и вы умрете съ Его именемъ на устахъ. Миръ съ вами!

Послѣ грозныхъ и немилосердыхъ рѣчей Криспа слова Петра какъ бальзамъ упали на сердце присутствующихъ. Вмѣсто боязни Бога, душою овладѣвала любовь къ Богу. Христосъ являлся такимъ, какимъ всѣ любили Его по разсказамъ апостольскимъ, не безжалостнымъ судьею, а кроткимъ и долготерпѣливымъ Агнцемъ, милосердіе Котораго во сто разъ превышало людскую злобу. Всѣ молящіеся почувствовали облегченіе, и надежда, вмѣстѣ съ признательностью къ апостолу, наполнила всѣ сердца. Съ разныхъ сторонъ слышались голоса: «Мы овцы твои, паси насъ, не оставляй насъ въ день гнѣва!» Люди падали къ его колѣнямъ. Виницій также приблизился къ апостолу, схватилъ край его плаща и, наклонивъ голову, сказалъ:

— Господинъ, спаси меня! Я искалъ ее въ дымѣ пожара и въ

толпѣ и нигдѣ не могъ найти, но я вѣрю, что ты можешь возвратить ее мнѣ.

Петръ положилъ ему руку на голову.

— Вѣрь,—сказалъ,—и иди за мной.

III.

А городъ все горѣлъ. Большой циркъ обратился въ развалины, въ кварталахъ, которые начали горѣть первыми, обрушивались цѣлые переулки и улицы. Послѣ паденія каждаго дома столбы пламени на минуту, казалось, достигали до самаго неба. Вѣтеръ измѣнился и теперь съ неимовѣрною силой дулъ со стороны моря, нанося на Целій, на Эсквилинъ и на Виминалъ волны огня, головней и угольевъ. Наконецъ, власти подумали и о спасеніи города. По приказанію Тигеллина, который третьяго дня примчался изъ Антія, начали разрушать дома на Эсквилинѣ, чтобъ огонь, дойдя до пустого мѣста, угасъ самъ собою. Но то было слабое средство, предпринятое только для отстаиванія остатковъ города, потому что о спасеніи того, что̀ горѣло, нечего было и думать. Кромѣ того, нужно было принять мѣры и противъ дальнѣйшихъ несчастій. Вмѣстѣ съ Римомъ погибали и неизмѣримыя богатства, погибало все имущество его обитателей, такъ что около городскихъ стѣнъ теперь кочевали сотни тысячъ совершенно разоренныхъ нищихъ.

Уже на другой день голодъ началъ давать себя знать толпѣ, потому что неизмѣримые запасы живности, нагроможденные въ городѣ, горѣли вмѣстѣ съ нимъ, а во всеобщей сумятицѣ и бездѣйствіи власти никто не подумалъ о доставкѣ новыхъ. Только по прибытіи Тигеллина были посланы въ Остію соотвѣтственныя распоряженія, а тѣмъ временемъ народъ начиналъ принимать все болѣе грозный видъ.

Домъ возлѣ Aqua Appia, въ которомъ временно поселился Тигеллинъ, окружали сотни женщинъ и кричали съ утра до поздней ночи: «Хлѣба и пристанища!» Тщетно преторіанцы, вызванные изъ большого лагеря, находящагося между via Salaria и Номентаной, пытались возстановить какой-нибудь порядокъ. И тамъ, и здѣсь имъ оказывали вооруженное сопротивленіе, а то безоружная толпа, указывая на горящій городъ, кричала: «Убивайте насъ при свѣтѣ этого огня!» Народъ проклиналъ цезаря, августіанъ, преторіанскихъ солдатъ, и возбужденіе росло съ каждою минутой, такъ что Тигеллинъ, ночью, смотря на тысячи костровъ, разложенные

вокругъ города, говорилъ себѣ, что это—костры непріятельскаго лагеря. По его распоряженію, кромѣ муки, привезли какъ можно болѣе печенаго хлѣба, который взяли не только изъ Остіи, но изо всѣхъ окрестныхъ городовъ и деревень, и когда первые транспорты пришли ночью изъ Эмпорія, народъ напалъ на нихъ и уничтожилъ во мгновеніе ока, причемъ образовался еще большій безпорядокъ. При свѣтѣ зарева люди дрались за каждый печеный хлѣбецъ и сотнями втаптывали ихъ въ землю. Мука изъ разорванныхъ мѣшковъ, точно снѣгомъ, покрыла все пространство отъ хлѣбныхъ амбаровъ до арки Друза и Германика, и волненіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока солдаты не окружили всѣ строенія и не начали оттѣснять толпу силой.

Никогда со времени нашествія галловъ подъ начальствомъ Бренна Римъ не видалъ такой бѣды. Граждане съ отчаяніемъ сравнивали оба эти пожара. Но тогда, по крайней мѣрѣ, сохранился хоть Капитолій, а теперь и онъ былъ окруженъ страшнымъ огненнымъ вѣнцомъ. Правда, мраморъ не горѣлъ, но ночью, когда вѣтеръ на время раздвигалъ пламя, было видно, какъ ряды колоннъ Юпитера раскалились и свѣтятся розовымъ цвѣтомъ, какъ горящіе уголья. Наконецъ, во время нашествія Бренна Римъ обладалъ населеніемъ дисциплинированнымъ, сплоченнымъ, привязаннымъ къ городу и его алтарямъ, а теперь вдоль стѣнъ горящаго города кочевала разноязычная толпа, по большей части состоящая изъ невольниковъ и отпущенниковъ, буйная, безпорядочная, готовая подъ натискомъ нужды обратиться противъ власти и города.

Но самый размѣръ пожара, наполняющій сердца ужасомъ, до нѣкоторой степени обезоруживалъ толпу. Вслѣдъ за огнемъ могли придти голодъ и болѣзни, потому что, къ довершенію несчастія, наступили страшные іюльскіе жары. Воздухомъ, раскаленнымъ отъ огня и солнца, невозможно было дышать. Ночь не только не приносила облегченія, но становилась настоящимъ адомъ. Днемъ открывался поразительный и зловѣщій видъ. Посреди — гигантскій городъ, обратившійся въ ревущій вулканъ, вокругъ, вплоть до Альбанскихъ горъ—одинъ неизмѣримый лагерь, состоящій изъ палатокъ, шалашей, телѣгъ, тачекъ, носилокъ, лавокъ, очаговъ, окутанный дымомъ и пылью, освѣщенный ржавыми лучами солнца, полный говора, крика, угрозъ, ненависти и страха,—ужасающая свалка мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Среди квиритовъ—греки, кудластые, свѣтлоглазые люди Сѣвера, африканцы и азіаты, среди гражданъ—невольники, отпущенники, гладіаторы, купцы, ремес-

ленники, крестьяне и солдаты, — море людей, омывающееее огненный островъ.

Это море волновали разныя вѣсти, какъ вѣтеръ вздымаетъ настоящія волны. Вѣсти были благопріятныя и неблагопріятныя. Говорили о неизмѣримыхъ запасахъ хлѣба и одежды, которые должны были придти изъ Эмпорія и которые будутъ раздаваться даромъ, говорили, что по приказанію цезаря провинціи въ Азіи и въ Африкѣ будутъ ограблены, а всѣ сокровища, добытыя такимъ образомъ, распредѣлятся между жителями Рима такъ, чтобы каждый могъ выстроить себѣ домъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пускались вслухъ и такія новости, что вода въ водопроводахъ отравлена, что Неронъ хочетъ уничтожить городъ и стереть съ лица земли его жителей всѣхъ до одного, чтобы переселиться въ Грецію или въ Египетъ и оттуда царствовать надъ всѣмъ міромъ. Каждая вѣсть распространялась съ быстротою молніи и каждая находила вѣру среди толпы, возбуждая негодованіе, гнѣвъ, надежду, страхъ или бѣшенство. Какая-то горячка охватила всѣхъ. Увѣренность христіанъ, что міръ скоро долженъ погибнуть отъ огня, распространялась и среди язычниковъ съ каждымъ днемъ все шире и шире. Народъ впадалъ въ оцѣпенѣніе или въ бѣшенство. Въ облакахъ, освѣщенныхъ заревомъ, видѣли боговъ, взирающихъ на гибель земли, и къ нимъ протягивались сотни рукъ съ мольбой или съ проклятіемъ.

Тѣмъ временемъ солдаты, при номощи нѣсколькихъ гражданъ, разрушали дома на Эсквилинѣ, на Целіи, а также въ Затибрской части, благодаря чему она уцѣлѣла въ значительной степени. Но въ самомъ городѣ горѣли баснословныя сокровища, собранныя цѣлымъ рядомъ побѣдъ, чудныя произведенія искусства, великолѣпные храмы и неоцѣнимые памятники римскаго прошлаго и римской славы. Было видно, что отъ всего города останется только нѣсколько удаленныхъ отъ центра кварталовъ и что сотни тысячъ людей остаются безъ пристанища. Ходилъ также слухъ, что солдаты разрушаютъ дома не для того, чтобъ удержать огонь, а для того, чтобъ отъ города не уцѣлѣло ни одного зданія. Тигеллинъ слалъ въ Антій гонца за гонцомъ, умоляя цезаря пріѣхать и своимъ присутствіемъ успокоить пришедшій въ отчаяніе народъ. Неронъ двинулся только тогда, когда пламя охватило «domus transitoria», и спѣшилъ, чтобы не упустить минуты, когда пожаръ усилится до величайшей степени.

IV.

Тѣмъ временемъ огонь дошелъ до via Nomentana, а отъ нея, съ перемѣной вѣтра, перешелъ къ via Lata, окружилъ Капитолій, разлился по Forum Boarium и, пожирая все, что пощадилъ при первомъ натискѣ, снова приблизился къ Палатину. Тигеллинъ, собравъ всѣхъ преторіанцевъ, слалъ гонцовъ къ приближающемуся цезарю съ извѣстіемъ, что онъ ничего не упуститъ изъ великолѣпнаго зрѣлища, потому что пожаръ еще усилился. Но Неронъ хотѣлъ прибыть ночью, чтобы получить болѣе сильное впечатлѣніе отъ гибнущаго города. Съ этою цѣлью онъ остановился въ окрестностяхъ Aqua Albana, призвалъ къ себѣ въ палатку трагика Алитура для совѣщанія, какую ему принять фигуру, какое выраженіе придать лицу, какъ смотрѣть и къ какимъ движеніямъ прибѣгать. Возникъ ожесточенный споръ, поднять ли цезарю обѣ руки къ головѣ при словахъ: «О, святой градъ, который казался мнѣ болѣе стойкимъ, чѣмъ Ида»[1]), —или, держа въ одной рукѣ формингу, опустить ее вдоль тѣла и поднять кверху только другую. Въ настоящую минуту этотъ вопросъ казался Нерону болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ другіе. Пустившись въ дорогу только въ сумерки, онъ потребовалъ отъ Петронія совѣта, не включить ли ему въ стихѣ, посвященномъ проклятію, нѣсколько великолѣпныхъ богохульствъ, и что эти богохульства, если на нихъ смотрѣть съ точки зрѣнія искусства, не должны ли сами собою вырваться изъ устъ человѣка, теряющаго отечество?

Около полуночи цезарь приблизился къ стѣнамъ города вмѣстѣ со своею неисчислимою свитой, состоящею изъ цѣлыхъ полчищъ царедворцевъ, сенаторовъ, воиновъ, отпущенниковъ, женщинъ и дѣтей. Шестнадцать тысячъ преторіанцевъ, разставленныхъ по дорогѣ въ боевомъ порядкѣ, охраняли спокойствіе и безопасность цезаря, вмѣстѣ съ тѣмъ удерживая на соотвѣтственномъ разстояніи взволнованный народъ. Люди, дѣйствительно, кричали и свистали при видѣ шествія цезаря, но никто не осмѣлился напасть на него. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между прочимъ, раздавались и рукоплесканія, потому что чернь, не обладавшая ничѣмъ и ничего не потерявшая при пожарѣ, разсчитывала на щедрую раздачу хлѣба, масла, одежды и денегъ. Наконецъ, и крикъ, и свистки, и рукоплесканія были заглушены звуками трубъ и роговъ, на которыхъ приказалъ играть Тигеллинъ. Неронъ, миновавъ Остійскія ворота,

---

[1]) Ida—горный хребетъ на сѣверо-западѣ Малой Азіи близъ Трои.

на минуту остановился и сказалъ: «Бездомный владыка бездомнаго города, гдѣ я преклоню на ночь свою несчастную голову?» — потомъ, перейдя Clivus Delphini, поднялся по нарочно приготовленной лѣстницѣ на водопроводъ Аппія, а за нимъ потянулись августіаны и хоръ пѣвцовъ съ цитрами, лютнями и другими музыкальными инструментами.

Всѣ затаили въ груди духъ, ожидая, не скажетъ ли цезарь какихъ-нибудь великихъ словъ, которыя ему нужно было бы придумать для собственной безопасности, но Неронъ стоялъ торжественный, нѣмой, въ пурпурномъ плащѣ и вѣнкѣ изъ золотыхъ лавровыхъ листьевъ, и всматривался въ бушующее море пламени. Когда Терпносъ подалъ ему золотую лютню, онъ поднялъ голову къ небу, залитому заревомъ, и какъ будто ожидалъ вдохновенія.

Народъ указывалъ на него руками, вдали шипѣли огненныя змѣи и пылали вѣковые, святѣйшіе памятники: храмъ Юпитера, который воздвигъ Эвандръ[2]), храмъ Юпитера Охранителя (Stator) и храмъ Луны, построенный еще Сервіемъ Тулліемъ, и домъ Нумы Помпилія, и храмъ Весты съ пенатами римскаго народа. Среди огненныхъ клубовъ по временамъ показывался Капитолій, а онъ, цезарь, стоялъ съ лютней въ рукѣ, съ лицомъ трагическаго актера и съ мыслью не о гибнущей отчизнѣ, а о своей фигурѣ и патетическихъ словахъ, какими онъ можетъ выразить всѣ размѣры несчастія, возбудить наибольшее удивленіе и стяжать наиболѣе горячія рукоплесканія.

Онъ ненавидѣлъ этотъ городъ, ненавидѣлъ его жителей, онъ любилъ только свои пѣсни и стихи и теперь въ сердцѣ радовался, что, наконецъ, увидалъ трагедію, подобную той, которую онъ воспѣвалъ. Виршеплетъ чувствовалъ себя счастливымъ, декламаторъ — вдохновленнымъ, искатель сильныхъ ощущеній упивался страшнымъ зрѣлищемъ и съ восторгомъ думалъ, что даже гибель Трои была ничѣмъ въ сравненіи съ гибелью этого гигантскаго города. Чего онъ могъ пожелать бо̀льшаго? Римъ, всемогущій Римъ горитъ, а онъ стоитъ на аркѣ водопровода, съ золотою лютней въ рукѣ, видимый всѣми и возбуждающій всеобщее изумленіе, великолѣпный и поэтическій. А гдѣ-то тамъ, внизу, во мракѣ, ропщетъ и волнуется народъ. Пусть ропщетъ. Вѣка протекутъ, тысячи лѣтъ пройдутъ, а люди будутъ помнить и прославлять поэта, который въ такую ночь воспѣвалъ паденіе и пожаръ Трои. Что̀ въ сравненіи

---

[2]) Evander—миѳическое лицо. По преданію, онъ за 60 лѣтъ до разрушенія Трои вывелъ колонію изъ Паллантея (въ Аркадіи) въ Лаціумъ и на Палатинской горѣ, гдѣ впослѣдствіи стоялъ Римъ, основалъ городъ, названный имъ также Pallanteum.

съ нимъ Гомеръ, даже самъ Аполлонъ со своею прославленною формингой?

Цезарь поднялъ руку, ударилъ по струнамъ и заговорилъ словами Пріама:

— О, гнѣздо отцовъ моихъ! о, дорогая колыбель!

Голосъ его на открытомъ воздухѣ, при шумѣ пожара и отдаленномъ говорѣ многотысячной толпы, казался удивительно жалкимъ, дрожащимъ и слабымъ, аккомпаниментъ звучалъ, какъ жужжаніе мухи, но сенаторы, сановники и августіаны, стоящіе на водопроводѣ, склонили голову и внимали въ молчаливомъ восторгѣ. Неронъ пѣлъ долго и настраивался все болѣе на печальный ладъ. Когда онъ останавливался, чтобы перевести духъ, хоръ пѣвцовъ повторялъ послѣднія его слова, а потомъ Неронъ снова, движеніемъ, заимствованнымъ отъ Алитура, сбрасывалъ съ плеча трагическую сирму [3]), ударялъ по струнамъ и продолжалъ пѣть. Наконецъ, онъ кончилъ сочиненную заранѣе пѣснь и началъ импровизировать, ища живописныхъ сравненій въ зрѣлищѣ, открывающемся передъ нимъ. И лицо его начинало мѣняться. Его не тронула гибель родного города. Онъ упился и растрогался паѳосомъ своихъ словъ до такой степени, что глаза его наполнились слезами, наконецъ, лютня съ громомъ упала къ его ногамъ и цезарь, закутавшись въ сирму, застылъ въ одномъ положеніи, какъ статуи Ніобидовъ, которыя украшали дворъ Палатина.

Послѣ короткаго молчанія поднялась буря рукоплесканій, но толпа издали отвѣчала ей воемъ. Теперь среди народа никто уже не сомнѣвался, что цезарь приказалъ поджечь городъ, чтобъ устроить себѣ зрѣлище и пѣть пѣсни при свѣтѣ пожара. Неронъ, услышавъ этотъ крикъ сотни тысячъ голосовъ, обратился къ августіанамъ съ грустною, полною покорности судьбѣ улыбкой человѣка, которому оказываютъ несправедливость, и сказалъ:

— Вотъ какъ, квириты, умѣютъ цѣнить меня и поэзію!

— Негодяи!—отвѣтилъ Ватиній,—прикажи, господинъ, ударить на нихъ преторіанцамъ.

Неронъ обратился къ Тигеллину:

— Можно разсчитывать на вѣрность солдатъ?

— Да, божественный!—сказалъ префектъ.

Но Петроній пожалъ плечами.

— На ихъ вѣрность, а не на ихъ численность,—сказалъ

---

[3]) Syrma—длинная, волочащаяся по землѣ одежда, которую носили преимущественно трагическіе актеры.

онъ.—Оставайся пока здѣсь,—здѣсь безопаснѣй,—а этотъ народъ нужно успокоить.

Того же мнѣнія былъ и Сенека, и консулъ Лициній. Между тѣмъ, возбужденіе всюду все росло. Народъ вооружался каменьями, шестами отъ палатокъ, досками и разными кусками желѣза. Предъ лицо цезаря предстали предводители нѣсколькихъ когортъ и заявили, что преторіанцы, подъ напоромъ толпы, съ величайшимъ усиліемъ удерживаютъ строй и, не имѣя приказа ударить на людей, не знаютъ, что̀ имъ дѣлать.

— Боги!—сказалъ Неронъ,—что за ночь! Съ одной стороны пожаръ, съ другой—взволнованное море народа.

И онъ началъ подыскивать выраженія, которыя болѣе пластично могли бы обрисовать опасность данной минуты, но, видя вокругъ себя блѣдныя лица и безпокойные взгляды, также испугался.

— Дайте мнѣ темный плащъ съ копюшономъ!—крикнулъ онъ.—Развѣ дѣйствительно дѣло можетъ дойти до битвы?

— Господинъ,—невѣрнымъ голосомъ отвѣтилъ Тигеллинъ,—я сдѣлалъ все, что могъ, но опасность предстоитъ грозная. Обратись съ рѣчью къ народу, обѣщай ему сдѣлать что-нибудь.

— Чтобы цезарь говорилъ съ толпой? Пусть это сдѣлаетъ кто-нибудь другой отъ моего имени. Кто возьмется за это?

— Я,—спокойно отвѣтилъ Петроній.

— Иди, другъ! Ты самый вѣрный въ минуту нужды... Иди и не щади обѣщаній.

Петроній повернулъ къ императорской свитѣ свое лицо, на которомъ рисовались небрежность и насмѣшка.

— Сенаторы, находящіеся здѣсь,—сказалъ онъ,—и, кромѣ того, Пизонъ, Нерва и Сенеціонъ пойдутъ со мною.

Онъ медленно сошелъ съ водопровода; тѣ, которыхъ онъ перечислилъ, шли за нимъ не безъ колебанія, но съ надеждой, которую имъ внушало его спокойствіе. Петроній, остановившись у подножія аркады, приказалъ подать себѣ своего бѣлаго коня и, во главѣ сопровождающихъ его, поѣхалъ сквозь ряды преторіанцевъ къ черной, воющей толпѣ,—безоружный, потому что въ рукахъ у него была лишь тоненькая палка изъ слоновой кости, на которую онъ обыкновенно опирался.

Миновавъ преторіанцевъ, онъ направилъ коня на толпу. Вокругъ, при свѣтѣ пожара, видны были только поднятыя руки, вооруженныя всякимъ оружіемъ, горящіе глаза и покрытыя по̀томъ лица. Разъяренная волна окружила Петронія и его свиту, а дальше виднѣлось только море головъ,—подвижное, кипящее, страшное.

Крики усилились еще больше и обратились въ нечеловѣческій ревъ; палки, вилы и даже мечи колебались надъ головой Петронія, хищныя руки протягивались къ поводьямъ его коня и къ нему самому, но онъ углублялся все дальше, холодный, равнодушный, презрительный. Отъ времени до времени онъ ударялъ по головѣ какого-нибудь черезъ-чуръ назойливаго человѣка, какъ будто прочищалъ себѣ дорогу въ обыкновенной толпѣ, и эта увѣренность, это спокойствіе приводили въ изумленіе разгоряченную толпу. Петронія, наконецъ, узнали и изъ разныхъ мѣстъ послышались возгласы:

— Петроній! Arbiter elegantiarum! Петроній!

— Петроній!—загремѣло со всѣхъ сторонъ.

И, по мѣрѣ того, какъ повторялось это имя, лица вокругъ свиты Петронія становились менѣе грозными, крики менѣе бѣшеными, потому что изящный патрицій, хотя никогда не заискивалъ передъ народомъ, былъ его любимцемъ. Онъ считался человѣкомъ добрымъ и мягкимъ, а популярность его въ особенности возросла послѣ дѣла Педанія Секунда, когда Петроній ходатайствовалъ за смягченіе суроваго приговора, осуждавшаго на смерть всѣхъ невольниковъ префекта. Въ особенности толпы невольниковъ полюбили его съ тѣхъ поръ тою неудержимою любовью, какою угнетенные и несчастные люди привыкли любить всѣхъ, кто оказывалъ имъ хоть каплю сочувствія. Кромѣ того, въ настоящую минуту присоединилось и любопытство, что̀ скажетъ посолъ цезаря, потому что никто не сомнѣвался, что цезарь нарочно послалъ Петронія.

А тотъ снялъ съ себя бѣлую тогу, отороченную красною каймой, поднялъ ее кверху и началъ махать надъ головой, въ знакъ того, что хочетъ говорить:

— Тише! тише!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Немного погодя всѣ утихли. Тогда Петроній выпрямился на конѣ и заговорилъ спокойнымъ, яснымъ голосомъ:

— Граждане! Пусть тѣ, которые услышатъ меня, повторятъ мои слова стоящимъ дальше, и пусть всѣ держатъ себя, какъ люди, а не какъ звѣри на аренахъ.

— Слушаемъ, слушаемъ!

— Такъ вотъ и слушайте. Городъ будетъ отстроенъ вновь. Сады Лукулла, Мецената, Цезаря и Агриппины будутъ открыты для васъ. Съ утра начнется раздача хлѣба, вина и масла, такъ что каждый можетъ набить себѣ животъ по горло. Потомъ цезарь устроитъ вамъ игры, которыхъ до сихъ поръ міръ не видалъ, а за играми васъ ждутъ пиршества и подарки. Вы послѣ пожара будете болѣе богаты, чѣмъ до пожара.

Петронію отвѣчалъ ропотъ, который отъ середины расходился по сторонамъ такъ, какъ расходятся круги по водѣ, когда кто-нибудь бросить въ нее камень,—стоящіе ближе повторяли стоящимъ дальше то, что̀ они слышали. Потомъ и тамъ, и здѣсь раздались крики, гнѣвные или поощрительные, и вскорѣ слились въ одно общее:

— Panem et circenses! [4])

Петроній закутался въ тогу и оставался неподвиженъ, похожій на надгробный памятникъ. Крикъ усиливался, заглушалъ трескъ пожара, раздавался со всѣхъ сторонъ, доносился изъ самыхъ отдаленныхъ глубинъ толпы, но посолъ цезаря, очевидно, хотѣлъ сказать еще что-то, потому что оставался на мѣстѣ.

Наконецъ, онъ махнулъ рукой, чтобъ возстановить молчаніе, и крикнулъ:

— Я обѣщаю вамъ «panem et circenses», а теперь закричите въ честь цезаря, который васъ кормитъ и одѣваетъ, а потомъ, милая голытьба, расходись спать,—скоро уже разсвѣтать начнетъ.

Онъ повернулъ коня и, слегка ударяя по головѣ и лицу тѣхъ, которые стояли у него на дорогѣ, медленно поѣхалъ къ рядамъ преторіанцевъ.

Немного погодя онъ былъ уже у водопровода, а наверху засталъ чуть не смятеніе. Тамъ не поняли крика «panem et circenses»,—приписали это новому взрыву бѣшенства, и не разсчитывали даже, чтобъ Петроній могъ спастись, и когда Неронъ увидалъ его, то подбѣжалъ къ лѣстницѣ и началъ разспрашивать съ взволнованнымъ лицомъ:

— Ну, какъ? Что тамъ? Возмущеніе?

Петроній набралъ воздуха, вдругъ глубоко вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Клянусь Поллуксомъ! Какая вонь отъ нихъ! Пусть кто-нибудь дастъ мнѣ эпилимму [5]), иначе я упаду въ обморокъ.

Потомъ онъ обратился къ цезарю:

— Я обѣщалъ имъ хлѣба, масла, игрища, обѣщалъ, что имъ откроютъ сады. Они снова боготворятъ тебя и запекшимися губами воздаютъ тебѣ честь. Боги! какой запахъ отъ этого плебса!

— Преторіанцы были готовы,—воскликнулъ Тигеллинъ,—и еслибъ ты не успокоилъ народъ, крикуны умолкли бы на вѣки. Жаль, цезарь, что ты не позволилъ мнѣ употребить силу.

---

[4]) „Хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ!"

[5]) Epilimma (вернѣе epalimma)—родъ очень дешевой мази, по толкованію древняго римскаго грамматика Феста.

Петроній посмотрѣлъ на Тигеллина, пожалъ плечами и сказалъ:

— Время еще не утрачено. Ты можешь воспользоваться завтрашнимъ днемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ цезарь.—Я прикажу имъ открыть сады и раздавать хлѣбъ. Благодарю тебя, Петроній! Игрища я устрою, а ту пѣснь, которую вы слышали сегодня, я спою публично.

Онъ остылъ немного, положилъ руку на плечо Петронія и послѣ минутнаго молчанія спросилъ:

— Скажи чистосердечно, каковъ я тебѣ казался во время пѣнія?

— Ты былъ достоинъ этого зрѣлища, какъ и оно достойно тебя,—отвѣтилъ Петроній.

Онъ снова обратился къ пожару и сказалъ:

— Но полюбуемся еще и простимся со старымъ Римомъ.

V.

Слова апостола влили надежду въ душу христіанъ. Хотя конецъ міра имъ всегда казался близкимъ, но они начали думать, что страшный судъ наступитъ не сейчасъ и что они передъ этимъ, можетъ быть, увидятъ конецъ царствованія Нерона, которое считали за владычество сатаны, увидятъ, какъ Богъ покараетъ его злодѣянія. Успокоенные христіане начали расходиться изъ подземелья по своимъ временнымъ жилищамъ и даже возвращаться въ Затибрскую часть. Прошелъ слухъ, что огонь, подброшенный сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, съ перемѣною вѣтра, снова повернулъ къ рѣкѣ, пожралъ, что было можно, и пересталъ распространяться.

Апостолъ, въ сопровожденіи Виниція и идущаго за ними Хилона, также оставилъ подземелье. Молодой трибунъ не смѣлъ прерывать его молитвы, шелъ молча и только умоляюще посмаривалъ на Петра. Но вокругъ апостола тѣснились люди,—матери протягивали къ нему своихъ дѣтей, тѣ цѣловали его руки и края его одежды, эти становились на колѣни и просили благословить ихъ,—не было времени ни предложить вопросъ, ни получить на него отвѣтъ. То же самое было и въ ущельи, и лишь только на открытомъ мѣстѣ, откуда былъ видѣнъ горящій городъ, апостолъ, троекратно перекрестивъ его, обратился къ Виницію и сказалъ:

— Не тревожься. Хижина фоссора[1]) недалеко отсюда, а въ ней

---

1) Fossor—землекопъ.

ты найдешь Лигію съ Линпомъ и ея вѣрнымъ слугою. Христосъ, Который предназначилъ ее тебѣ, сохранилъ ее.

Виницій пошатнулся и оперся рукою о скалу. Дорога изъ Антія, приключенія у городскихъ стѣнъ, поиски Лигіи среди раскаленнаго дыма, безсонница и страшное безпокойство почти совсѣмъ исчерпали его силы, а остатки ихъ погасли при извѣстіи, что дорогое существо близко и что онъ скоро увидитъ его. Виниціемъ овладѣла такая слабость, что онъ опустился къ ногамъ апостола, обнялъ его колѣни, и такъ и остался, не имѣя возможности сказать что-нибудь.

Апостолъ, защищаясь отъ проявленій благодарности Виниція, сказалъ:

— Не мнѣ, не мнѣ,—Христу.

— Что за всеобъемлющее божество! — послышался сзади голосъ Хилона.—Но я не знаю, что дѣлать съ мулами,—они стоятъ недалеко.

— Встань и иди за мной,—и апостолъ Петръ взялъ за руку молодого человѣка.

Виницій всталъ. При блескѣ зарева было видно, какъ слезы текли по его поблѣднѣвшему отъ волненія лицу. Губы его шевелились, какъ будто онъ молился.

— Пойдемъ,— сказалъ онъ.

Но Хилонъ снова повторилъ:

— Господинъ, что мнѣ дѣлать съ мулами? Они ждутъ насъ. Можетъ быть, достойный пророкъ предпочелъ бы ѣхать, чѣмъ идти.

Виницій самъ не зналъ, что̀ сказать, но, узнавъ отъ Петра, что хижина землекопа близко, отвѣтилъ:

— Отведи муловъ къ Макрину.

— Прости, господинъ, что я напомню тебѣ о домѣ въ Амеріолѣ. При такомъ ужасномъ пожарѣ легко забыть о ничтожной вещи.

— Ты получишь его.

— О, внукъ Нумы Помпилія, ты всегда заслуживалъ довѣрія, но теперь, когда твое обѣщаніе слышалъ и великодушный апостолъ, я не напоминаю тебѣ даже и того, что ты обѣщалъ мнѣ и виноградникъ. Pax vobiscum. Я найду тебя, господинъ. Pax vobiscum.

Виницій и апостолъ Петръ отвѣтили: «и тебѣ также»,—и повернули направо, къ холмамъ. По дорогѣ Виницій сказалъ:

— Господинъ, омой меня водою крещенія, чтобъ я могъ назваться истиннымъ поклонникомъ Христа, ибо я люблю Его всѣми силами своей души. Омой меня скорѣе,—я готовъ уже въ сердцѣ своемъ. И что ты мнѣ повелишь, я все сдѣлаю, только скажи мнѣ, что̀ дѣлать.

— Люби людей, какъ братьевъ своихъ,—отвѣтилъ апостолъ,— ибо Ему ты можешь служить только любовью.

— Да! Я это уже понимаю и чувствую! Когда я былъ ребенкомъ, то вѣрилъ въ римскихъ боговъ, но не любилъ ихъ, а Единаго люблю такъ, что съ радостью отдалъ бы за Него жизнь.

Онъ посмотрѣлъ на небо и продолжалъ съ восторгомъ:

— Ибо Онъ единъ! Ибо Онъ добръ и милосердъ! Пусть погибнетъ не только этотъ городъ, но и весь міръ,—Его одного я буду восхвалять, Ему одному поклоняться!

— А Онъ будетъ осѣнять тебя и твой домъ,—прибавилъ апостолъ.

Они свернули въ другое ущелье, на концѣ котораго мерцалъ слабый огонекъ. Петръ указалъ на него рукою и проговорилъ:

— Вотъ хижина землекопа, который далъ намъ убѣжище, когда мы возвращались съ больнымъ Линномъ изъ Остранія и не могли пробраться домой.

Они подошли ближе. Хижина представлялась скорѣе пещерою, высѣченною въ трещинѣ горы. Дверь была закрыта, но черезъ отверстіе, которое замѣняло окно, видно было небольшое пространство, освѣщенное огнемъ очага. Какая-то гигантская фигура поднялась при появленіи Петра и Виниція и спросила:

— Кто вы?

— Слуги Христа,— отвѣтилъ Петръ.— Миръ съ тобою, Урсъ!

Урсъ наклонился къ ногамъ апостола, затѣмъ, узнавъ Виниція, схватилъ его руки въ свои лапы и поднесъ къ губамъ.

— И ты, господинъ?—сказалъ онъ.—Да будетъ благословенно имя Агнца!... Какъ обрадуется Каллина!

Онъ отворилъ дверь и Виницій вошелъ. Больной Линнъ, съ худымъ и желтымъ лицомъ, лежалъ на вязанкѣ соломы. Возлѣ него сидѣла Лигія и держала въ рукахъ пучокъ небольшихъ рыбокъ, нанизанныхъ на веревку и, очевидно, предназначавшихся къ ужину.

Она снимала рыбу съ веревки и, думая, что это вошелъ Урсъ, не поднимала глазъ. Виницій приблизился къ ней, назвалъ ее по имени и протянулъ къ ней руки. Лигія быстро поднялась съ мѣста; молнія изумленія и радости промелькнула по ея лицу, и, безъ словъ, какъ ребенокъ, который послѣ долгихъ дней тревоги и терзаній снова находитъ отца или мать, она бросилась въ объятія Виниція. Онъ обнялъ ее и прижималъ къ своему сердцу съ такимъ восторгомъ, какъ будто ее спасло чудо. Радости его не было границъ, также какъ его любви и счастью.

Потомъ онъ сталъ разсказывать, какъ онъ скакалъ изъ Антія, какъ искалъ ее у городскихъ стѣнъ и среди клубовъ дыма, сколько настрадался, сколько тревоги испыталъ, прежде чѣмъ апостолъ указалъ ему ея убѣжище.

— Но теперь,—говорилъ онъ,—когда я нашелъ тебя, я не оставлю тебя здѣсь среди огня и буйной толпы. Люди рѣжутъ другъ друга, невольники волнуются и всѣхъ грабятъ,—одинъ Богъ знаетъ, какія еще бѣды могутъ свалиться на Римъ. Но я спасу тебя и всѣхъ васъ. О, дорогая моя!... Хотите ѣхать со мной въ Антій? Тамъ мы сядемъ на корабль и поплывемъ въ Сицилію. Мои земли—ваши земли, мой домъ—вашъ домъ. Слушай меня! Въ Сициліи мы разыщемъ Авла, я возвращу тебя Помпоніи и потомъ возьму тебя изъ ея рукъ. Вѣдь, ты, о carissima, не боишься меня больше? Крещеніе еще не омыло меня, но спроси Петра, не говорилъ ли я ему часъ тому назадъ, когда мы шли къ тебѣ, что я хочу быть законнымъ поклонникомъ Христа, спроси, не умолялъ ли я его окрестить меня хотя бы въ этой хижинѣ фоссора? Повѣрь мнѣ, и вы всѣ повѣрьте мнѣ.

Лигія съ прояснившимся лицомъ слушала Виниція. Всѣ они, сначала по поводу преслѣдованія со стороны евреевъ, а теперь по поводу пожара и вызваннаго имъ волненія, дѣйствительно жили въ тревогѣ и неувѣренности. Удаленіе въ спокойную Сицилію положило бы конецъ всѣмъ безпокойствамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, открыло бы новую эпоху счастья въ ихъ жизни. Притомъ, если бы Виницій хотѣлъ взять только одну Лигію, христіане, конечно, устояли бы противъ искушенія, пожалѣли бы покинуть апостола Петра и Линна, но, вѣдь, Виницій говорилъ имъ: «Поѣдемъ со мной! Мои земли—ваши земли, мой домъ—вашъ домъ».

И, наклонившись къ рукѣ молодого трибуна, чтобы поцѣловать ее въ знакъ покорности, она сказала:

— Гдѣ ты, Кай, тамъ и я, Кайя.

И, смущенная тѣмъ, что она произнесла слова, которыя, по римскому обычаю, произносились только при брачномъ обрядѣ, Лигія покраснѣла и стояла, освѣщенная огнемъ очага, съ опущенною головой, не увѣренная, какъ будутъ приняты ея слова.

Но въ глазахъ Виниція виднѣлось только безграничное поклоненіе. Потомъ онъ обратился къ Петру и заговорилъ снова:

— Римъ горитъ по повелѣнію цезаря. Еще въ Антіи онъ высказывалъ сожалѣніе, что никогда не видалъ большого пожара. Но если онъ рѣшился на такое злодѣйство, подумайте, что можетъ быть дальше? Кто знаетъ, не стянетъ ли онъ свои войска и не при-

кажетъ ли имъ перебить всѣхъ жителей Рима? Кто знаетъ, какія послѣдуютъ проскрипціи , кто знаетъ, послѣ пожара не вспыхнетъ ли междуусобная война со всѣми ея усажами, рѣзней и голодомъ? Скройтесь же и скроемъ Лигію. Тамъ вы въ спокойствіи переждете бурю, а когда она пройдетъ, опять возвратитесь сѣять свое сѣмя.

Извнѣ, со стороны Ager Vaticanus, какъ бы въ подтвержденіе опасеній Виниція, послышались какіе-то отдаленные крики, полные бѣшенства и ужаса. Въ эту минуту явился землекопъ, владѣлецъ хижины, и, поспѣшно замкнувъ двери, крикнулъ:

— Люди убиваютъ другъ друга возлѣ цирка Нерона! Невольники и гладіаторы напали на гражданъ!

— Слышите?—спросилъ Виницій.

— Мѣра переполняется,— сказалъ апостолъ, —и казнь будетъ, какъ море необозримое.

Потомъ онъ обратился къ Виницію и, указывая на Лигію, добавилъ:

— Возьми ту, кого Богъ предназначилъ тебѣ, и охраняй ее. Больной Линнъ и Урсъ пусть отправятся съ вами.

Но Виницій, который полюбилъ апостола всею силой своей неукротимой души, воскликнулъ:

— Клянусь тебѣ, учитель, что ты останешься здѣсь на гибель!

— Да благословитъ тебя Богъ за твои намѣренія, — отвѣтилъ апостолъ,—но развѣ ты не слыхалъ, что Христосъ трижды повторилъ мнѣ надъ озеромъ: «паси овцы Моя!»

Виницій умолкъ.

— И если ты, которому никто не довѣрялъ попеченія надо мной, говоришь, что не оставишь меня здѣсь на гибель, то какъ же ты хочешь, чтобъ я бѣжалъ отъ моего стада въ день казни? Когда была буря на озерѣ и когда мы тревожились въ сердцахъ нашихъ, Онъ не оставилъ насъ,—какъ же мнѣ, слугѣ, не слѣдовать примѣру Господа моего?

Тогда Линнъ приподнялъ свое похудѣвшее лицо и спросилъ:

— А какъ же я, намѣстникъ Господа, не послѣдую твоему примѣру?

Виницій провелъ рукой по головѣ, какъ бы борясь съ собой или своими мыслями, потомъ сказалъ голосомъ, въ которомъ звучала энергія римскаго солдата:

— Слушайте меня, Петръ, Линнъ и ты, Лигія! Я говорилъ, что̀ подсказывалъ мнѣ мой человѣческій разумъ, но у васъ разумъ другой, онъ не о собственной безопасности думаетъ, а о повелѣні-

яхъ Избавителя. Да! Я этого не понялъ и ошибся, потому что съ моихъ глазъ еще не снята повязка и прежній человѣкъ отзывается во мнѣ. Но я люблю Христа и хочу быть Его слугою, и хотя здѣсь дѣло идетъ о чемъ-то большемъ, чѣмъ моя собственная голова, я падаю къ вашимъ ногамъ и клянусь, что и я выполню заповѣдь любви и не покину своихъ братьевъ въ минуту бѣды.

Онъ сталъ на колѣни и вдругъ имъ овладѣло вдохновеніе, его руки и глаза поднялись кверху и онъ началъ взывать:

— Неужели я постигъ Тебя, Христосъ? Неужели я достоинъ Тебя?

Руки его дрожали, на глаза набѣжали слезы. Апостолъ Петръ взялъ глиняную амфору съ водой, приблизился къ Виницію и торжественно сказалъ:

— Крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь!

Тогда религіозный восторгъ охватилъ всѣхъ присутствующихъ. Имъ показалось, что комната наполняется какимъ-то неземнымъ свѣтомъ, что они слышатъ какую-то неземную музыку, что сводъ пещеры разверзается надъ ихъ головами и съ неба на нихъ слетаютъ сонмы ангеловъ, а тамъ, наверху, крестъ и изъязвленныя гвоздями, благословляющія руки.

А извнѣ все доносились крики борющихся людей и трескъ пламени.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЛОЧИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Старый дуракъ.

Разсказъ Мишеля Тивара.

I.

Au Casque nocturne. Bonneterie. Gros. Détail.

Магазинъ подъ этою вывѣской велъ самую бойкую торговлю на Большой улицѣ. Купившему его Баптистену Фукару было уже подъ сорокъ лѣтъ. Его фигура благополучнаго обывателя, кругленькій животикъ на коротенькихъ ножкахъ, добродушно-невинное лицо и круглые наивные глаза, казалось, говорили прохожимъ: «Смотрите, весь я тутъ, безъ малѣйшей хитрости».

— Теперь надо васъ женить, Баптистенъ,—говорили ему пріятели, какъ только былъ подписанъ документъ на покупку магазина.

И всѣ наперерывъ начали предлагать ему невѣстъ.

Сватали ему дочь Сакке, богатаго торговца рыбой, и Зели Корнешь, дочь хозяина гостинницы *Hôtel du Cheval-Blanc*, а также мадамъ Жакино, вдову, собственницу чулочно-вязальной мастерской подъ фирмой *Пятка безъ шва*, не имѣвшей соперницъ. Славное дѣльце, чудесная партія вдова Жакино! Соединить двѣ торговли вмѣстѣ, сочетать законнымъ бракомъ обувь съ *пятками безъ шва*, съ вязанымъ головнымъ уборомъ фирмы *Casque nocturne* и наповалъ убить всякую конкурренцію—штука вышла бы на славу!

Не тутъ-то было: Баптистенъ Фукаръ свое держалъ на умѣ, онъ былъ достаточно богатъ для того, чтобы дозволить себѣ роскошь брака по любви.

И онъ отправился просить руки Софи Кривель, дочери стараго отставного капитана, кое-какъ перебивавшагося на свой маленькій пансіонъ въ предмѣстьи провинціальнаго городка.

Въ мѣстномъ торговомъ мірѣ бракъ этотъ вызвалъ общее не-

одобреніе. Вдова Жакино пожимала плечами, Зели Корнешь строила презрительныя гримасы, а дочь Сакке, съ откровенностью рыбной торговки, прямо заявила, что Фукаръ—безмозглая устрица. И всѣ пріятели шляпника единогласно рѣшили, что онъ—старый дуракъ.

Да, старый дуракъ!

Въ его годы, съ его фигурой неотесаннаго мужика жениться на молоденькой дѣвушкѣ, такой щеголеватой, хорошенькой и кокетливой, какъ дочка капитана Кривель, не значитъ ли это самому напрашиваться на бѣды?

Несомнѣнно, старый дуракъ!

II.

А старый дуракъ былъ въ неописуемомъ восхищеніи, старый дуракъ обожалъ свою молодую жену.

И добрякъ Фукаръ глазъ не сводилъ съ нея, неустанно любовался ею, когда молодая хозяйка удостоивала послѣ завтрака сойти въ магазинъ и сѣсть за конторку, нарядная и красивая, съ цвѣткомъ, воткнутымъ въ пышные бѣлокурые волосы, золотымъ вѣнцомъ лежавшіе на ея головкѣ, и съ прелестными обнаженными руками, охваченными у плечъ кружевными рукавчиками.

Одно облачко, единственное, затуманивало его неземное блаженство. Чтобы счастливымъ быть вполнѣ, недоставало Фукару... о, недоставало очень возможнаго! Онъ желалъ только имѣть дѣтишку, бѣленькаго и розовенькаго дѣтишку, который пухлыми ручонками трепалъ бы его сѣдѣющую бороду и звалъ бы его: «папа».

Наконецъ, и это высшее счастье было ему ниспослано, мадамъ Фукаръ родила дѣвочку, и радость Фукара дошла до границъ безумія.

Но злые языки,—извѣстно, какъ они падки на сплетни въ провинціальныхъ городахъ,—злые языки не замедлили установить ехидное сближеніе между рожденіемъ маленькой Жермены и водвореніемъ десять мѣсяцевъ назадъ въ семьѣ Фукара кузена Артура.

Красивый, очень красивый молодой человѣкъ, этотъ кузенъ Артуръ! Напомаженный, завитой, франтовски одѣтый, онъ былъ чуть ли не первымъ красавцемъ въ городѣ. Въ Парижѣ онъ былъ прикащикомъ въ магазинѣ, и, при разговорѣ, улыбался скучающею усмѣшкой, которую усвоиваютъ себѣ почти всѣ красивые молодые люди его сорта изъ желанія дать понять, что, мѣряя ежедневно матеріи за прилавкомъ, они познали въ совершенствѣ всю широту высшей парижской жизни. Его донъ-жуанскія ухватки очень быстро

плѣнили сердце красавицы Софи, и самъ добрякъ Фукаръ оказался очарованнымъ хвастливыми аллюрами прикащика моднаго магазина.

— И выдѣлывали же вы, должно быть, штучки у себя въ Парижѣ!—говорилъ Фукаръ, подмигивая глазомъ кузену.

Коротко сказать, парижскій гость такъ обворожилъ мужа и жену, что, пріѣхавши къ своей прекрасной кузинѣ всего на недѣлю «подышать чистымъ воздухомъ», онъ такъ и не уѣхалъ отъ нея.

— Почему бы вамъ не остаться здѣсь?—сказала ему Софи.— Мосьё Фукаръ можетъ дать вамъ дѣло у себя въ магазинѣ. Не правда ли, Баптистенъ?

Еще бы не найтись дѣлу, только не очень-то усердствовалъ кузенъ за конторкой, а больше «съ прохладочкой», какъ говорится. Вставалъ онъ поздно, завтракалъ всласть и проводилъ вечера въ Коммерческой кофейной, гдѣ старикъ капитанъ Кривель расположилъ свою штабъ-квартиру.

И собирались они тамъ, пять или шесть «настоящихъ молодцовъ», по выраженію Кривеля, не отказывавшихся отъ доброй партіи рамса, ни отъ повторенія выпивки въ круговую, заканчивавшейся маленькимъ баккара.

Когда Фукаръ вздумалъ было сдѣлать робкое замѣчаніе по поводу такого образа жизни, далеко не подходившаго къ традиціямъ шляпной торговли, Артуръ живо заставилъ его прикусить языкъ.

— Вы все еще старой школы держитесь, добрѣйшій мой Фукаръ. Ничего вы не понимаете въ дѣлахъ. По нынѣшнимъ временамъ они только въ кофейной и дѣлаются какъ слѣдуетъ.

И на самомъ дѣлѣ, съ пріѣзда Артура дѣла шли много лучше,— таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе хозяина Коммерческой кофейной.

Надо, впрочемъ, оговориться, что Артуръ не каждый вечеръ отправлялся въ кофейную. Онъ отнюдь не былъ трактирнымъ завсегдатаемъ,—о, далеко нѣтъ! Иногда онъ тотчасъ же послѣ обѣда уходилъ въ свою комнату. И въ такіе вечера, по странному совпаденію, мадамъ Фукаръ, пользовавшаяся вообще отличнѣйшимъ здоровьемъ, чуть не падала отъ мигреня и укладывалась въ постель. Такъ мучительна эта ужасная мигрень! Тогда Баптистенъ пользовался своимъ одиночествомъ и приводилъ въ порядокъ счета.

Его ослѣпленіе служило всему городу неисчерпаемымъ сюжетомъ потѣхи, надъ нимъ хохотали чуть не до слезъ.

Но совершенно даромъ и зря тратилось все остроуміе мѣстныхъ обывателей, соперничавшихъ въ издѣвательствахъ надъ Фукаромъ, такъ какъ вся ихъ болтовня производила на него отнюдь не боль-

шее впечатлѣніе, чѣмъ производитъ на быка щелчокъ въ носъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у Фукара родилась дочь, онъ уже ничего не слушалъ. Весь онъ отдался своей дѣвочкѣ. Высшимъ для него наслажденіемъ было играть съ нею. Чтобы доставить ей удовольствіе, онъ ходилъ на четвереренькахъ, кричалъ пѣтухомъ, ревѣлъ осломъ, вылъ волкомъ... сажалъ ее верхомъ на колѣно и заставлялъ подпрыгивать, распѣвая дѣтскія пѣсенки.

И мадемуазель Жермена, по справедливости, могла похвалиться тѣмъ, какъ ее любятъ.

III.

Иногда Артуръ и мадамъ Фукаръ затѣвали прогулку за городомъ, завтракъ на открытомъ воздухѣ.

— Пойдете съ нами, Фукаръ?—небрежно спрашивалъ Артуръ хозяина дома.

Отвѣтъ Фукара неизмѣнно былъ одинъ и тотъ же:

— Дѣвочку мы возьмемъ съ собой?

— Конечно, нѣтъ,—отзывалась мадамъ Фукаръ,—она насъ только стѣс... простудится.

— Такъ идите безъ меня, — покорно говорилъ Фукаръ, — я останусь съ Жерменой, чтобъ ей не было скучно.

Безъ дальнѣйшихъ объясненій кузенъ и кузина уходили изъ дому. Когда же они возвращались вечеромъ, очень утомленные, съ подозрительно блестящими глазами, то съ самаго низа лѣстницы слышали веселый смѣхъ ребенка и его возгласы: «Еще, еще!» И Баптистенъ снова принимался распѣвать дѣтскую пѣсенку.

Мадамъ Фукаръ пожимала плечами, и ея презрительная гримаса очень ясно говорила: «Старый дуракъ!»

IV.

Такъ шло дѣло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ Фукаръ ни одного раза не измѣнилъ своему несокрушимому спокойствію. Жермена росла, торговля процвѣтала, и владѣлецъ магазина потиралъ руки, говоря: «Счастливый я человѣкъ!»

Несчастье вторглось въ домъ нежданно. Началось съ того, что Артуръ сошелъ съ ума. Отъ своего отца, слывшаго всегда за большого чудака, онъ унаслѣдовалъ предрасположеніе къ мозговой болѣзни, а его способъ «обдѣлывать дѣла», то-есть неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ Коммерческой кофейной, ока-

зался плохимъ средствомъ противъ развитія наслѣдственнаго недуга. Милаго кузена пришлось помѣстить въ пріютъ для умалишенныхъ. Тамъ онъ и умеръ.

Въ слѣдующемъ году наступила очередь мадамъ Фукаръ. Уѣзжая съ бала подпрефекта, гдѣ ея великолѣпныя плечи произвели замѣтное впечатлѣніе, она простудилась. На другой день у нея оказалось воспаленіе легкихъ, черезъ недѣлю Фукаръ былъ вдовцомъ.

Эти двѣ смерти такъ поразили суевѣрное воображеніе торговца, что онъ сталъ опасаться такой же участи своей дочери, и порѣшилъ ей одной посвятить всѣ свои заботы, продавши магазинъ подъ фирмою *Casque nocturne*. Онъ былъ достаточно богатъ и заранѣе предвкушалъ всѣ радости жизни вдвоемъ съ своею Жерменой въ тихомъ, уютномъ гнѣздышкѣ, среди цвѣтовъ и птицъ.

Настоящій рай!

Но судьба, точно обозлившись, продолжала преслѣдовать несчастнаго Фукара. Магазинъ былъ проданъ очень выгодно. Баптистенъ заканчивалъ счета по ликвидаціи дѣла и, въ то же время, хлопоталъ объ устройствѣ своего «рая», когда Жермена внезапно заболѣла. Болѣзнь проявлялась въ такихъ странныхъ припадкахъ, въ такихъ необычныхъ симптомахъ, что мѣстный врачъ, простой провинціальный лѣкарь, совсѣмъ запутался въ томъ небольшомъ запасѣ знаній, какія уцѣлѣли въ его головѣ, и, растерявшись окончательно, предложилъ отцу обратиться къ знаменитому парижскому доктору.

— Только обойдется вамъ это дорогонько!—добавилъ онъ въ видѣ заключенія.

Есть тутъ о чемъ толковать, когда дѣло идетъ лишь о деньгахъ.

Въ тотъ же день Фукаръ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ и слѣдующимъ вечеромъ вернулся обратно, привезъ съ собою знаменитаго доктора Ш.

Ученый сѣлъ у изголовья больной дѣвочки и долго всматривался въ нее, не говоря ни слова.

— Отъ какой болѣзни умерла ея мать?—спросилъ онъ рѣзко.

Мѣстный врачъ, стоявшій въ почтительной позѣ передъ свѣтиломъ науки, отвѣтилъ:

— Отъ пневмоніи, дорогой учитель.

— Такъ... не замѣчалось ничего особеннаго со стороны мозга?

— Никогда.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ.

Тогда, обратившись къ Фукару, ученый проговорилъ:

— А вы, государь мой, ничему не подвержены въ этомъ отношеніи?

Фукаръ, совершенно ошеломленный торжественностью допроса, едва бормоталъ... Не подверженъ? Въ какомъ отношеніи? Онъ ничего не понималъ.

— Ничего подобнаго нѣтъ и со стороны г. Фукара,—отвѣтилъ за него лѣкарь.

Несмотря на такое увѣреніе, знаменитый докторъ продолжалъ сомнѣваться.

— Подойдите ближе,—обратился онъ къ Фукару.—Дайте вашъ пульсъ... Смотрите на меня.

Фукаръ смотрѣлъ и, съ своей стороны, видѣлъ острый, пронизывающій взглядъ ученаго, проникавшій, точно зондъ, казалось, до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ души.

— И вы утверждаете,—медленно говорилъ докторъ,—что ни вы, ни ваша жена никогда не страдали... скажемъ прямо... не страдали сумасшествіемъ?

— Да съ чего вы...

— Взвѣсьте очень серьезно ваши слова,—продолжалъ ученый, не спуская серьезнаго взгляда съ Фукара.—Болѣзнь вашей дочери можетъ быть обусловлена двумя причинами: случайною и временною, или же органическою и наслѣдственною. Въ обоихъ случаяхъ за выздоровленіе я ручаюсь.

Изъ груди Баптистена вырвался вздохъ облегченія.

— Только я долженъ предупредить васъ, что въ томъ и другомъ случаѣ леченіе должно быть совершенно различное... Скажу болѣе: лѣкарство, предписываемое въ первомъ случаѣ,—средство страшно энергичное,—смертельно, когда мы имѣемъ дѣло съ явленіями второй категоріи, и наоборотъ... И такъ, поймите, что если вы изъ-за предразсудка, совершенно нелѣпаго, не хотите сказать мнѣ всей правды про себя или про вашу жену...

— О, докторъ!

— Я предупреждаю, ребенокъ вашъ умретъ завтра къ вечеру,—закончилъ докторъ холодно.

— Но клянусь же вамъ...—убѣждалъ его Фукаръ, дрожа отъ страха.

— На томъ и покончимъ!... Прикажите изготовить лѣкарство по этому рецепту,—обратился ученый къ мѣстному врачу.—Завтра утромъ я дамъ его больной самъ.

V.

Фукаръ сіялъ отъ радости.

Спасена! Не умретъ его дѣвочка! Докторъ ручается за выздоровленіе! Чудный онъ человѣкъ, великій онъ ученый!

Баптистенъ готовъ былъ пѣть отъ восторга. Глядя на дѣвочку, лежавшую на бѣленькой кроваткѣ и тихо спавшую подъ вліяніемъ хлорала, Фукаръ чувствовалъ, какъ слезы, крупныя слезы радости проступаютъ на его рѣсницахъ, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что едва слышно онъ напѣвалъ ея любимый припѣвъ къ дѣтской пѣсенкѣ, которою онъ забавлялъ Жермену, когда она была совсѣмъ крошечною.

Бросивши послѣдній нѣжный взглядъ на бѣленькую кроватку, Фукаръ вышелъ на пальчикахъ изъ комнаты. Въ ожиданіи обѣда, вполнѣ теперь успокоенный, онъ располагалъ приняться опять за свою ликвидаціонную работу. Ему оставалось подобрать и привести въ порядокъ бумаги, находившіяся въ комнатѣ жены.

Веселый и довольный, онъ заперся въ ней.

Въ шесть часовъ,—время обѣда,—прикащики, собравшіеся за столомъ, тщетно поджидали хозяина.

Онъ не вышелъ къ обѣду.

И когда на слѣдующее утро, очень рано, явился докторъ, хозяина нигдѣ не могли разыскать.

Наконецъ, старая служанка рѣшилась постучать въ дверь хозяйкиной комнаты. Не получая отвѣта, служанка вошла. Въ полумракѣ отъ спущенныхъ драпировокъ она увидала Фукара сидящимъ у камина, въ которомъ догорали какія-то бумаги.

— Мосьё, докторъ пришелъ,—сказала она.

Служанка открыла окна, и яркій денной свѣтъ залилъ всю комнату. Тогда старуха попятилась назадъ, приведенная въ ужасъ видомъ своего хозяина. Добродушное круглое лицо торговца шляпами, наканунѣ еще такое свѣжее и румяное, было все въ желтыхъ пятнахъ, щеки осунулись и обвисли, изборожденныя темными морщинами.

— Господи Іисусе! Вы больны?

Онъ поднялъ голову, взглянулъ на служанку безжизненными глазами, съ трудомъ поднялся съ мѣста и, держась за стѣны, поплелся въ комнату Жермены.

Весь отдавшійся своему дѣлу, докторъ не оглянулся даже, когда отворилась дверь. Онъ осторожно отсчитывалъ каплю за каплей лѣкарство, вливая опредѣленную дозу въ фарфоровую чашку.

Фукаръ вошелъ молча и сталъ въ сторонѣ, стиснувши губы, зловѣще нахмуривши лобъ, всматриваясь въ спящую Жермену.

Въ эту минуту докторъ съ чашкою въ рукѣ подходилъ къ ея кроваткѣ.

Жермена, разбуженная сидѣлкой, приподнимавшей ей голову, испуганно оглянулась кругомъ и вдругъ увидала Фукара.

— Папа!... о, папа!... какъ болитъ!—простонала она, протягивая къ нему исхудалыя руки и какъ бы призывая его на помощь.

Въ комнатѣ послышалось рыданіе. Деревяннымъ, автоматическимъ движеніемъ Фукаръ подошелъ прямо къ доктору, вырвалъ у него изъ рукъ чашку и швырнулъ ее на полъ, гдѣ она разлетѣлась въ дребезги.

— Что вы дѣлаете?—вскричалъ пораженный этимъ ученый.

Фукаръ сдавленнымъ, хрипящимъ голосомъ, точно разрывавшимъ ему горло, съ трудомъ выговорилъ:

— Отецъ... сумасшедшій!...

— Вы?

Бѣдняга опустилъ осрамленную голову, не отвѣчая. Двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ. Докторъ понялъ.

— А!—произнесъ онъ просто.

— Теперь вы спасете ее, не правда ли?—съ мольбою въ голосѣ сказалъ Фукаръ.

Нѣсколько дней спустя Жермена уже поправлялась. Баптистенъ, сидя у ея кроватки, нѣжно сжималъ руку дѣвочки.

— Все же ты моя дочка... моя маленькая, милая дочурка!— говорилъ онъ съ прежнею, вернувшеюся къ нему, доброю улыбкой.

И про себя онъ добавилъ:

«Моя дочь... все-таки, моя, что̀ бы тамъ ни было!»

VI.

Пріятно было бы закончить тѣмъ, что Фукаръ дождался награды за свое героическое самоотреченіе и что за нѣжную преданность ему отплатили такою же любовью.

Увы!...

Черствая сердцемъ, легкомысленная, эгоистичная въ мать, безалаберная въ отца, Жермена, подростая, оправдывала мнѣніе тѣхъ, кто вѣритъ въ таинственные законы атавизма. Ей минуло восемнадцать лѣтъ, ея чудная красота радовала взоры ея предполагаемаго отца, когда въ ихъ городѣ остановился на дневку драгунскій полкъ.

Въ домѣ Фукара, по росписанію, была назначена квартира вахмистру, здоровенному молодцу съ воинственнымъ лицомъ, украшеннымъ великолѣпными усами.

На слѣдующій день, когда ушелъ полкъ, отецъ тщетно разыскивалъ свою дочь. Жермена исчезла... и ни слова сожалѣнія, ни строчки на прощаніе.

Съ тѣхъ поръ о ней ни слуха, ни духа.

Фукаръ живъ еще, но что это за жизнь! Колѣни его дрожатъ, спина сгорбилась, бродитъ онъ по улицамъ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Главное развлеченіе его состоитъ въ томъ, что онъ цѣлыми часами стоитъ передъ витринами игрушечнаго магазина и смотритъ на выставленныхъ куколъ. Въ солнечные дни онъ проводитъ все время съ полудня до обѣда на скамейкѣ городскаго сада въ тѣни, подбрасываетъ свою шляпу на колѣнкѣ, какъ тѣшатъ маленькаго ребенка, и напѣваетъ дѣтскія пѣсенки.

Уличные мальчишки хохочутъ надъ нимъ.

На этотъ разъ уже нельзя про него сказать: «Старый дуракъ!» Онъ просто—безумный старикъ!

Выстрѣлъ корсиканца.

Разсказъ Жана Экара.

Въ характерѣ корсиканцевъ есть своего рода величіе, но проявляться оно можетъ лишь на очень крошечной сценѣ, до странности не соотвѣтствующей ни широтѣ жестовъ, ни манерѣ людей держать себя.

Корсиканцамъ не выдается лишь достойнаго ихъ случая, чтобы казаться порою изумительно величественными. Они, впрочемъ, обходятся и безъ такихъ случаевъ, поступаютъ сообразно съ врожденными имъ способностями, и, не имѣя возможности быть поголовно завоевателями, они поголовно — бандиты и похваляются этимъ.

Наполеонъ былъ просто корсиканскимъ бандитомъ, которому удалось перепороть жандармовъ. И во всякомъ корсиканскомъ разбойникѣ имѣется матеріалъ, изъ котораго дѣлаются герои. Корсиканцы ежедневно проявляютъ истинное величіе души въ ничтожнѣйшихъ пустякахъ. Для того, чтобы стать господствующимъ народомъ, имъ не хватаетъ матеріальныхъ средствъ для дѣйствія на широкомъ просторѣ. Такъ, легендарому пирату недоставало лишь флота для того, чтобы сдѣлаться Александромъ Македонскимъ.

«Э-э!—сказалъ онъ сыну Филиппа, приходившему въ негодо-

ваніе отъ того, что онъ занимается воровскимъ дѣломъ,—различіе между нами лишь въ томъ заключается, что я начальствую надъ небольшою лодкой, а ты—надъ огромнымъ флотомъ. Лодка дѣлаетъ воромъ, флотъ дѣлаетъ завоевателемъ!»

Въ справедливости такихъ мыслей я убѣдился въ тотъ день, когда пришлось мнѣ быть въ Корсикѣ очевидцемъ страннаго событія, которое я намѣреваюсь разсказать.

...Во Франціи я былъ знакомъ съ нѣсколькими корсиканцами, изъ нихъ двое стали моими друзьями, и лучшихъ друзей нельзя имѣть. Корсиканецъ,—натура простая и первобытная,—во всемъ доходитъ до крайности, и, прежде всего, въ великодушіи и въ преданности.

Преданность корсиканца совершенно слѣпая. Холодный разсудокъ осуждаетъ его за это. Но корсиканецъ знать этого не хочетъ. Дѣло его друга или дѣло его гостя становится его собственнымъ дѣломъ. Онъ о немъ уже не разсуждаетъ, не задумывается надъ нимъ даже, а прямо отдается ему. Не приводите разумныхъ доводовъ тому, кто отдается по любви, и помните, что корсиканецъ ненавидитъ то, чего онъ не любитъ.

...Не будемъ, однако, останавливаться долѣе на этихъ общихъ чертахъ. Вотъ моя исторія.

Пріѣхавши на о. Корсику въ декабрѣ 187..., я сдѣлался гостемъ моего друга Ж. Т..., преподавателя одного изъ нашихъ лицеевъ на континентѣ, или же, вѣрнѣе, я сдѣлался гостемъ его семьи, которой онъ рекомендовалъ меня письмомъ и въ которой приняли меня какъ родного сына. Самъ Ж. Т... принужденъ былъ остаться «во Франціи».

— Здѣсь вы у себя дома,—сказалъ мнѣ его отецъ, какъ только я прибылъ.

Слова эти не были пустою любезностью. Я былъ, на самомъ дѣлѣ, дома. Въ первый разъ въ жизни я увидалъ настоящее античное гостепріимство. У моего хозяина была многочисленная семья, были тутъ: бабушка, отецъ и мать, замужняя дочь и зять съ своимъ первенцемъ, и три сына, изъ которыхъ младшему, Жанъ-Полю, шелъ шестнадцатый годъ. Я почувствовалъ себя подъ кровомъ патріарха.

Съ самаго пріѣзда моего я въ особенности замѣтилъ могущество власти отца. Достаточно было одного слова, жеста или взгляда главы семьи, и всѣ повиновались, молча и быстро. Даже собака, огромный грифонъ, встрѣтившій меня крайне злобно, умѣлъ повиноваться малѣйшему знаку. Когда я подъѣхалъ, онъ кинулся ко

мнѣ со страшнымъ лаемъ. Старый хозяинъ дома поднялъ палецъ, и грифонъ тотчасъ отправился прочь и улегся, обратившись ко мнѣ спиной, безъ малѣйшей злобы и даже безъ признака любопытства.

Любитель охоты и въ особенности собакъ, я залюбовался этимъ грифономъ, чернымъ безъ отмѣтины и замѣчательно крупнымъ. Грифоновъ я цѣню, впрочемъ, выше всѣхъ другихъ собакъ. Неустрашимые на водѣ, они умѣютъ даже нырять. Въ равнинѣ ли, въ горахъ ли, нѣтъ той кручи, нѣтъ той заросли, которыя остановили бы грифона. Мозгъ у него превосходно развитъ, нѣкоторая склонность къ независимости отлично уживается съ необычайною вѣрностью, смѣлость его внѣ всякихъ сравненій.

Само собою разумѣется, что я не замедлилъ похвалить моимъ хозяевамъ грифоновъ вообще и ихъ собаку въ особенности. Мнѣ тотчасъ же ясно стало, что для перваго знакомства я удачно выбралъ сюжетъ разговора: вся семья, отъ стараго до малаго, осталась очень довольна моими словами.

— Эта собака,—сказалъ мнѣ отецъ,—все равно, что человѣкъ,—это членъ нашей семьи. Дикари увѣряютъ, будто обезьяна—человѣкъ и не говоритъ лишь изъ-за того, чтобъ ее не заставили работать. А эта собака говоритъ и работаетъ съ людьми, а съ дѣтьми играетъ. Можетъ быть, она лучше насъ всѣхъ. Надо вамъ сказать, что воспиталъ ее я, и пришлось не разъ крѣпко поучить ее. Но кого же и изъ дѣтей не случается поучить? Безъ этого и знаніе не дается. Теперь мой песъ все знаетъ, что̀ ему полагается знать, и обязанности свои исполняетъ неуклонно. *Per dio*! завтра сами убѣдитесь. Вы, вѣдь, пріѣхали сюда поохотиться. Такъ прогуляйтесь завтра съ моимъ младшимъ сыномъ, съ Жанъ-Полемъ. Слышишь, Жанъ-Поль?

Жанъ-Поль, занятый чисткой ружья, поднялъ голову и сказалъ:

— Пойдемъ, отецъ. Утокъ увидимъ.

— Слышишь, Неро (Черный)?—продолжалъ отецъ, обращаясь къ собакѣ.

Грифонъ поднялся, посмотрѣлъ на отца, потомъ на сына, понюхалъ прикладъ ружья, помахалъ хвостомъ, проворчалъ *что-то* и опять растянулся передъ каминомъ, въ которомъ зарумянивалась на огнѣ четверть баранины.

Сѣли обѣдать. Неро не переставалъ смотрѣть на горящія дрова и лишь, когда его звали, подходилъ къ столу, бралъ кусокъ, который давали ему, и возвращался на свое мѣсто.

За дессертомъ мнѣ разсказали чудесную выходку Неро, поистинѣ достойную біографію великой собаки.

Неро былъ еще очень молодъ и жилъ въ дружбѣ съ кошкой. У кошки народились котята. Кому-то было приказано уничтожить ихъ, и котятъ утопили въ морѣ. Сдѣлано это было въ присутствіи Неро. Котята погибли съ камнями на шеѣ, ихъ мать неутѣшно тосковала. Неро былъ такъ тронутъ ея горемъ, что въ теченіе двухъ дней, видя, какъ она отказывается отъ пищи, самъ почти ничего не ѣлъ.

Вскорѣ потомъ Неро, сопровождая кого-то изъ хозяевъ, проходилъ по деревнѣ, находящейся въ одномъ льё отъ дома, и увидалъ, что мальчишки мучаютъ крошечнаго котенка. Не задумываясь, онъ бросился въ толпу мучителей, схватилъ котенка ртомъ за кожу у шеи и сдѣлалъ съ своею ношей льё обратно къ дому, чтобы принести опечаленной матери бѣднаго котеночка, который, по его разсужденію, могъ быть однимъ изъ ея дѣтенышей. Кошка приняла найденнаго малютку, стала его кормить, повеселѣла и поздоровѣла. За столь прекрасное дѣяніе Неро былъ воспѣтъ въ стихахъ импровизаторшею изъ ихъ семьи.

— Не правда ли, что онъ поступилъ совсѣмъ какъ человѣкъ?—спросилъ меня хозяинъ въ заключеніе своего разсказа.

Я высказалъ мнѣніе, что многіе люди не поступили бы такъ, и отправился спать, мечтая о предположенной на завтра охотѣ.

Жанъ-Поль разбудилъ меня передъ разсвѣтомъ. Мы пустились въ путь и Неро съ нами. Холодно было, очень холодно. Сѣверный вѣтеръ билъ намъ въ лицо, пронизывалъ насквозь. Мы ускорили шагъ.

Черезъ четверть часа мы были въ равнинѣ, на берегу болота. Тамъ рѣзкій вѣтеръ давалъ себя чувствовать еще сильнѣе. Вода и трава вздрагивали, и можно было подумать, что и онѣ зябнутъ. Я плотно застегнулъ свое пальто изъ толстаго сукна. Жанъ-Поль въ кожаныхъ гетрахъ, въ бархатной курткѣ, въ шапочкѣ горца, сдвинутой на ухо, все время шелъ впереди, какъ проводникъ. Мы не обмѣнялись и двумя словами.

Юноша остановился.

— Вотъ мы и на мѣстѣ,—сказалъ онъ.— Сегодня я хочу показать вамъ только, какъ работаетъ Неро, какъ не боится онъ ни воды, ни холода и ничего на свѣтѣ. Дѣла ему будетъ не много, но все равно, вы посмотрите. Садитесь сюда, подъ это деревцо,—мѣстечко хорошее. А я знаю тамъ другое и туда пойду. Сидите смирно. Мы, навѣрное, увидимъ утокъ. Если онѣ съ прилета начнутъ

кружиться, не стрѣляйте въ лётъ, онѣ опустятся на болото. Если же потянутъ напрямикъ, тогда бейте.

Я сѣлъ и притаился за деревомъ. Жанъ-Поль исчезъ. Вѣтеръ гудѣлъ въ тросникѣ. Прямо передо мной день занимался бѣлою полосой на небѣ, гдѣ еще ярко мерцали звѣзды. Полный разсвѣтъ наступалъ медленно. Мы были окружены горами, по склонамъ которыхъ виднѣлись оголенные отъ листвы каштаны, но мастиковыя уеревья и можжевельникъ тамъ и сямъ оживляли своею зеленью днылый декабрскій пейзажъ.

Вдругъ послышался громкій шелестъ крыльевъ. Стая утокъ! Я приложился, выстрѣлилъ и промахнулся. Летѣли онѣ далеко. Я взглянулъ въ ту сторону, гдѣ былъ Жанъ-Поль. Тамъ ничто не шелохнулось. Только на одинаковомъ разстояніи отъ меня и отъ него за кустомъ дикаго терна сидѣлъ Неро и смотрѣлъ на воду. Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, и я видѣлъ, какъ упалъ въ болото и забился на водѣ великолѣпный селезень шагахъ въ пятидесяти отъ берега.

— Неро, въ воду!—крикнулъ Жанъ-Поль.

Неро прыгнулъ въ болото. Оно было уже на половину замерзшее, по немъ плавали острыя, какъ иглы, льдинки. Съ перваго же прыжка онѣ охватили Неро, и онъ тотчасъ же вернулся на берегъ, сталъ отряхиваться, жалобно взвизгивая.

Удивленный Жанъ-Поль вышелъ изъ своей засады и сказалъ:

— Въ воду, Неро!

Собака смотрѣла на своего хозяина, печально помахивала хвостомъ и, видимо, отказывалась исполнить приказаніе.

Ясно было, что Неро чувствовалъ себя нехорошо и находилъ воду опасно-холодною.

— Въ первый разъ онъ *не слушается*,— важно проговорилъ Жанъ-Поль,—да еще при чужомъ человѣкѣ... Этого я не потерплю. Въ воду!—повторилъ онъ.

Собака подошла къ самому краю берега, подняла лапу, осторожно дотронулась ею до воды и попятилась назадъ, потомъ легла у ногъ хозяина, подняла на него молящій взглядъ.

Юный корсиканецъ поблѣднѣлъ.

— Смотри, песъ!—проговорилъ онъ.

Солнце вышло изъ-за горъ и освѣтило болото, на которомъ искрились и сверкали цвѣтами радуги тысячи маленькихъ льдинокъ. Неро и я слѣдили глазами за Жаномъ-Полемъ, бывшимъ уже въ водѣ. Онъ шелъ по замерзающему болоту такъ же спокойно, какъ

по землѣ. Когда онъ взялъ въ руку все еще бившуюся утку, вода доходила ему подъ мышки. Я опомниться не могъ отъ удивленія.

— Видишь,—сказалъ собакѣ Жанъ-Поль, вернувшійся на берегъ весь мокрый,—*я никогда не требую отъ тебя ничего такого, чего я самъ не могъ бы сдѣлать*!

Чудныя слова, достойныя короля, предводителя арміи!

— А теперь,—добавилъ онъ,—ты будешь наказанъ. Пошелъ впередъ!

Пристыженный и печальный Неро тихо пошелъ впередъ, опустивши хвостъ.

— Прошу извинить меня, дорогой гость,—обратился ко мнѣ Жанъ-Поль,— охота наша пропала по винѣ Неро. Вернемтесь домой... Но Неро не избѣгнетъ заслуженной кары.

И вслѣдъ за тѣмъ, прежде чѣмъ я могъ понять его мысль, поразительно необычную, онъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ наповалъ несчастнаго Неро... Этотъ корсиканецъ, почти ребенокъ, убивающій за ослушаніе свою любимую собаку, не равенъ ли онъ,—если хотите,—Манлію, приговаривающему къ смертной казни родного сына? Безсмысленно это, безчеловѣчно,—да... но для этого надо имѣть такое же желѣзное сердце, какое было у героевъ древняго Рима.

— Когда ты будешь въ Корсикѣ, — говорилъ мнѣ мой другъ профессоръ Ж. Т...,—никогда не возмущайся ничѣмъ. Ты ѣдешь туда гостемъ на двадцать дней и только. И не думай разыгрывать тамъ роль проповѣдника французскихъ идей. Если тамъ не будутъ опасаться твоего осужденія, ты увидишь, что корсиканцы станутъ при тебѣ поступать вполнѣ по-корсикански, и получишь возможность составить о нихъ правильное мнѣніе.

Я и не осудилъ Жанъ-Поля, я промолчалъ. Къ тому же, и Неро былъ уже покончепъ, и никакія слова не могли его воскресить. Но съ величайшимъ любопытствомъ я ждалъ, какой пріемъ готовится намъ дома.

Когда мы вернулись, всѣ были въ отлучкѣ, на работѣ.

Въ полдень собралась вся семья и усѣлась за столъ. На мой взглядъ, Жанъ-Поль былъ взволнованъ, но, въ сущности, держалъ себя совершенно спокойно.

На отсутствіе собаки никто не обратилъ вниманія, какъ вдругъ раздался голосъ грудного ребенка, крикнувшаго:

— Не-о!

Жанъ Поль вздрогнулъ.

— Что за диковина,—сказалъ отецъ,—нѣтъ тутъ Неро.

— И никогда уже не будетъ!—отозвался Жанъ-Поль глухимъ голосомъ.

Я понялъ, какія онъ дѣлаетъ усилія, чтобы не заплакать.

— Что такое?—продолжалъ отецъ.—Пропалъ онъ у васъ? Что случилось? Говори скорѣе!

Всѣ, затаивши дыханіе, ждали отвѣта.

— Я его убилъ!—проговорилъ Жанъ-Поль.

Отецъ протянулъ руку назадъ и схватилъ суковатую дубину, настоящую палицу, стоявшую въ углу, готовый, казалось, избить ею сына безъ дальнѣйшихъ объясненій. Къ счастью, онъ надумался спросить:

— За что убилъ?

— Онъ отказался повиноваться, и это при чужомъ!—сказалъ Жанъ-Поль.

— Когда такъ, то хорошо сдѣлалъ!—рѣшилъ отецъ и отставилъ прочь свою палку.

Я видѣлъ слезы на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Но каждый тотчасъ же подавилъ свое горе и послѣдовалъ примѣру главы семьи, принявшагося вновь за ѣду.

... Никакого комментарія добавлять къ этому я не стану. Если бы исторія эта была выдуманная, то никакого значенія она не имѣла бы, такъ какъ въ ней нѣтъ правдоподобія, необходимаго даже въ сказкахъ. Но я передалъ истинное событіе.

Неро похоронили подъ тѣмъ самымъ тамариндовымъ деревомъ, подъ которымъ онъ былъ застрѣленъ, и хотя убійство это всѣ находятъ правильнымъ, тѣмъ не менѣе, его смерть всѣ оплакиваютъ.

М. Р.

Кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства.

Кустарно-промышленный банкъ—пока единственное учрежденіе въ Россіи, и учрежденіе оригинальное, и естественно, если оно привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ образованныхъ людей, которыхъ интересуютъ экономическія нужды Россіи. Будучи въ Пермской губерніи, я имѣлъ возможность лично ознакомиться съ его хотя и кратковременною, но плодотворною дѣятельностью, и считаю небезъинтереснымъ подѣлиться результатами моего ознакомленія съ этимъ оригинальнымъ учрежденіемъ.

Что же такое кустарно-промышленный банкъ Пермской губ.? Сначала въ нѣсколькихъ словахъ я укажу на его задачи и цѣли и выясню важность его и его право на наше вниманіе.

Кустарно-промышленный банкъ Пермской губерніи имѣетъ своею цѣлью *выдачу ссудъ кустарямъ, работающимъ личнымъ трудомъ безъ участія наемныхъ рабочихъ, и затѣмъ вообще поднятіе кустарной промышленности края.*

Но банкъ скоро понялъ недостаточность однѣхъ ссудъ,—онъ убѣдился, что однѣми ссудами нельзя оказать чувствительной помощи кустарямъ и поднять кустарную промышленность края. Онъ увидалъ, что главными тормазами къ развитію нашей кустарной промышленности являются *дороговизна сырья и неорганизованность сбыта кустарныхъ издѣлій,* и теперь банкъ направляетъ свою дѣятельность въ эту сторону: онъ заботится объ организаціи земскихъ кустарно-торговыхъ складовъ и ихъ отдѣленій при обществахъ потребителей, организуетъ сырьевыя товарищества, производительныя артели. Банкъ чутко прислушивается къ жизни, онъ зорко слѣдитъ за требованіями послѣдней и хочетъ помогать кустарю на самомъ дѣлѣ, а не на бумагѣ только. И такъ, только за $1^1/_2$ года своего существованія банкъ уже успѣлъ въ сильной степени расширить свои задачи и поставить очень широко вопросъ о поднятіи кустарной промышленности края, и надо сказать, что въ этомъ направленіи, несмотря на короткій періодъ существованія банка, уже кое-что имъ сдѣлано, что является лучшимъ залогомъ того, что задачи и цѣли банка не останутся одними пла-

тоническими пожеланіями. Затѣмъ въ самой организаціи банка есть много оригинальнаго и поучительнаго, именно—агентура банка.

И такъ, пермскій банкъ представляетъ серьезный интересъ по своей организаціи, по широтѣ поставленныхъ имъ себѣ задачъ и, наконецъ, по сравнительной успѣшности ихъ выполненія. И въ ряду попытокъ, имѣющихъ своею цѣлью поднятіе кустарной промышленности, онъ безспорно заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Вотъ почему я и предлагаю вашему вниманію результаты моего ознакомленія съ пермскимъ банкомъ,—ознакомленія, быть можетъ, и неполнаго, но думаю, что интересъ предмета послужитъ мнѣ въ этомъ достаточнымъ извиненіемъ. Свое изложеніе о банкѣ я расположу такъ: сначала дамъ коротенькую исторію банка и тѣ мотивы, которые вызвали его къ жизни, затѣмъ изложу организацію банка, его первоначальныя цѣли и задачи, агентуру, остановлюсь на артеляхъ, которыя вызваны къ жизни банкомъ, и покажу, какимъ образомъ банкъ содѣйствуетъ развитію артельнаго начала среди кустарей. Далѣе опишу, подъ вліяніемъ какихъ соображеній банкъ пришелъ къ сознанію о необходимости расширить свои задачи, включивъ въ нихъ организацію кустарно-торговыхъ складовъ и ихъ отдѣленій при лавкахъ обществъ потребителей, и, наконецъ, представлю цифровой отчетъ о развитіи дѣятельности банка за истекшіе $1^1/_2$ года. Укажу еще нѣкоторыя задачи банка попечительнаго характера, которыя стоятъ уже въ тѣсной связи съ размѣрами прибылей банка, и затѣмъ, бросивъ бѣглый взглядъ на весь этотъ матеріалъ, дамъ общее заключеніе о дѣятельности банка.

Уставъ кустарно-промышленнаго банка былъ утвержденъ 17 августа 1893 г., а съ 7 января 1894 г. банкъ уже былъ открытъ.

Исторія банка такова. Пермское губернское земское собраніе образовало въ 1881 г. въ память 25-ти лѣтняго юбилея царствованія Александра II капиталъ въ 60,000 руб. съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него устроить и содержать какое-либо общеполезное для населенія губерніи учрежденіе въ память Александра II. Этотъ капиталъ, наростая процентами, достигъ къ 1 января 1888 г. 85,000 руб., а ко времени открытія банка—114,202 рубля. До 1888 г. много поступало проектовъ въ губернское земское собраніе, какое дать назначеніе этому капиталу, но ни одинъ изъ нихъ не привлекъ къ себѣ большинства гласныхъ, и только проектъ учрежденія кустарно-промышленнаго банка, внесенный въ очередную сессію 1888 г., былъ принятъ единогласно губернскимъ собраніемъ. Но утвержденіе устава надолго затянулось, и онъ былъ утвержденъ, какъ я уже сказалъ, лишь 17 августа 1893 г.

Въ основной капиталъ банка поступило при его открытіи 114,202 р., но банкъ можетъ увеличить свои средства путемъ займовъ и принятія вкладовъ съ однимъ лишь ограниченіемъ, чтобы общій итогъ обязательствъ банка не превышалъ основного и запаснаго капиталовъ его болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. Вклады принимаются на сроки отъ 1 года до 5 лѣтъ.

Теперь коротко резюмирую тѣ мотивы, которые руководили губернскимъ

земскимъ собраніемъ при учрежденіи кустарно-промышленнаго банка, какъ они изложены въ *Объяснительной запискѣ пермской губернской управы*, представленной губернскому земскому собранію *).

Кустари, помимо покупки орудій труда, затрачиваютъ много средствъ на закупку сырыхъ матеріаловъ для производства; такъ, напримѣръ, кустари здѣсь пріобрѣтаютъ изъ частныхъ и казенныхъ дачъ за деньги не только лѣсной матеріалъ для столярнаго, бондарнаго, телѣжнаго и другихъ промысловъ, но даже и для топлива, такъ какъ въ лѣсныхъ крестьянскихъ надѣлахъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, древесный запасъ вполнѣ уже истощенъ. Точно также кустарь покупаетъ сѣмя льняное и конопляное для масла, картофель для патоки, шерсть, кожевенно-скорняжное сырье и проч., такъ какъ собственное хозяйство его даетъ лишь ничтожную долю нужныхъ ему матеріаловъ. Такимъ образомъ, кустарь перерабатываетъ теперь покупной сырой матеріалъ, и мѣстныя статистическія изслѣдованія устанавливаютъ тотъ фактъ, что этотъ сырой матеріалъ играетъ огромную роль въ продажной цѣнѣ кустарныхъ издѣлій, такъ какъ кустарь, продавая своихъ издѣлій на одинъ рубль, долженъ предварительно купить сырыхъ матеріаловъ въ простѣйшихъ производствахъ—бондарномъ и рогожномъ—на 23—26 коп., въ гранильномъ и мраморныхъ издѣлій—на 20 коп., для приготовленія печатей и бусокъ—35 коп., въ гончарномъ (пошлина на глину и топливо)—33 коп., въ токарномъ—42 коп., въ гвоздарномъ — отъ 57 до 80 коп., въ маслобойномъ и смолодегтярномъ—70 коп., въ свѣчномъ—73 коп., въ кожевенномъ—77 коп., въ сапожномъ—79 коп., въ паточномъ—88 коп., въ скорняжномъ—90 коп. и въ желѣзо-клепальномъ производствѣ и въ производствѣ лопатъ, подносовъ, тазовъ и проч.—отъ 87 до 92 к. Отсюда видно, въ какихъ значительныхъ оборотныхъ денежныхъ средствахъ нуждается кустарь для веденія своего промысла.

Но до сихъ поръ кредита для кустаря вовсе не было. Волостныя вспомогательныя кассы утратили всякое значеніе, благодаря ихъ нераціональной постановкѣ, ссудо-сберегательныя товарищества, не располагая крупнымъ капиталомъ и будучи призваны удовлетворять самыя разнообразныя кредитныя нужды населенія, конечно, могли удѣлять лишь крохи на нужды кустарной промышленности; такъ, извѣстно, что верхне-таволжскіе скорняки, Быньковской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, занимаясь скорняжнымъ производствомъ круглый годъ, т.-е. такимъ производствомъ, гдѣ стоимость сырья занимаетъ 90% въ продажной цѣнѣ издѣлій, пользуются ссудами изъ мѣстной вспомогательной кассы по жребію наравнѣ съ другими отъ 10 до 40 руб. въ годъ на человѣка.

Кустари здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, главнымъ образомъ, получаютъ сырье отъ скупщиковъ въ кредитъ, уплачивая при этомъ отъ 50 до 75%; съ другой стороны, вынужденные немедленно продавать свои издѣлія, они опять теряютъ около 50%, такъ какъ въ магазинахъ въ цѣнѣ на граниль-

*) См. приложеніе къ *Сборнику Пермскаго Земства* 1888 г., № 20.

ныя издѣлія доля прибыли скупщика равняется въ среднемъ 55%, и только остальные 45% приходятся на сырой матеріалъ и трудъ кустаря. Такимъ образомъ, скупщикъ, повышая болѣе чѣмъ вдвое цѣну на кустарныя издѣлія при продажѣ, беретъ себѣ львиную долю, и лишь крохи выпадаютъ на долю кустаря.

И такъ, кредитъ для кустарей былъ вовсе не организованъ въ Пермской губерніи, какъ и повсюду въ Россіи, и кустарь, благодаря этому, находился во власти скупщиковъ.

Вотъ такое-то положеніе кустаря и вызвало единодушное рѣшеніе пермскаго губернскаго земскаго собранія въ пользу учрежденія кустарно-промышленнаго банка, основною цѣлью котораго является *организація кредита для кустарей*. Помощь кустарямъ со стороны банка будетъ выражаться въ выдачѣ ссудъ. Кому же будутъ выдаваться эти послѣднія?

Этотъ вопросъ разрѣшается тою цѣлью, которую ставитъ себѣ банкъ, а эта цѣль — *вырвать кустаря изъ зависимости скупщиковъ и ростовщиковъ и сдѣлать его самостоятельнымъ;* слѣдовательно, банкъ по своей идеѣ уже не можетъ содѣйствовать развитію эксплуатаціи наемнаго труда и отсюда не можетъ выдавать ссудъ лицамъ, работающимъ наемнымъ трудомъ. Это—основная идея и основной принципъ дѣятельности банка. Но, съ одной стороны, банково-техническая сторона дѣла, а съ другой — бытовыя условія вносятъ нѣкоторыя ограниченія въ этотъ кругъ возможныхъ кліентовъ банка, такъ какъ съ банково-технической стороны, конечно, требуется, чтобы ссуды были обезпечены, а, слѣдовательно, лица, испрашивающія ссуду, должны обладать нѣкоторымъ имуществомъ или представить состоятельныхъ поручителей, и затѣмъ въ виду трудности контроля за надлежащимъ употребленіемъ ссуды нѣкоторые промыслы, какъ, напримѣръ, отхожіе, прямо исключаются изъ сферы дѣятельности кустарно-промышленнаго банка. Съ другой стороны, бытовыя и техническія условія дѣлаютъ необходимымъ участіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ наемныхъ рабочихъ, и въ виду этого банку приходится нѣсколько поступиться, такъ сказать, цѣлостностью своей идеи. И такъ, при опредѣленіи состава кліентовъ банка положена одна основная идея — развитіе контингента самостоятельныхъ кустарей, но разныя условія заставили банкъ, съ одной стороны, еще болѣе съузить этотъ кругъ, а съ другой стороны — расширить его, и, такимъ образомъ, кругъ лицъ, имѣющихъ право на ссуду изъ банка, является какъ бы результатомъ компромисса между идеей, которую принципіально ставитъ себѣ банкъ, и требованіями практической жизни, солидности банковаго дѣла и условій производства. Слѣдовательно, кругъ кліентовъ банка опредѣляется логическимъ развитіемъ одной идеи при данныхъ конкретныхъ условіяхъ дѣйствительной жизни.

Посмотримъ же теперь, какую форму принимаетъ эта идея при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать банку, т.-е. какъ опредѣляется кругъ лицъ, которымъ банкъ можетъ выдавать ссуду.

Банкъ, по уставу, выдаетъ ссуды, во-первыхъ, отдѣльнымъ кустарямъ,

во-вторыхъ, кустарнымъ артелямъ и, въ-третьихъ, кустарно-торговымъ складамъ, учреждаемымъ уѣздными земствами для облегченія сбыта готовыхъ кустарныхъ издѣлій.

И такъ, банкъ открываетъ свой кредитъ отдѣльнымъ кустарямъ; притомъ, эти лица должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, они непремѣнно должны сами или члены ихъ семьи участвовать въ работѣ; если же они не участвуютъ въ производствѣ личнымъ трудомъ, они не имѣютъ и права на ссуду изъ банка; во-вторыхъ, кустарь долженъ имѣть постоянное мѣсто жительства, гдѣ бы онъ и занимался своимъ промысломъ; если же онъ ходитъ на заработки и вообще работаетъ не въ одномъ мѣстѣ, то онъ, какъ занимающійся отхожимъ промысломъ, также получить ссуды изъ банка не можетъ. Устраненіе отъ участія въ выгодахъ кустарнаго банка лицъ, занимающихся отхожимъ промысломъ, въ *Объяснительной запискѣ*, между прочимъ, мотивируется трудностью контроля за употребленіемъ ссудъ. «Кустарь съ его счастьемъ и несчастьемъ, съ его трудовымъ успѣхомъ или бѣдой всегда на глазахъ у банка; всегда послѣдній, оказывая кредитъ кустарямъ, будетъ въ состояніи развивать свою дѣятельность съ открытыми глазами; кредитъ же отхожему промыслу — безусловно личный; успѣхъ и упадокъ такого промысла находился бы внѣ всякаго наблюденія со стороны банка, не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ, въ какія бы онъ былъ поставленъ, если бы вынужденъ былъ, въ случаѣ неплатежа ссуды, разыскивать своего кліента, странствующаго повсюду» *). Кромѣ того, чтобы имѣть право на полученіе ссуды изъ банка, кустарь долженъ удовлетворять еще слѣдующимъ условіямъ: онъ долженъ быть жителемъ Пермской губерніи, безразлично, проживаетъ ли онъ въ уѣздѣ, или городѣ, и затѣмъ обладать недвижимымъ имуществомъ, которое бы гарантировало банку возвратъ взятой ссуды. Вотъ этотъ-то послѣдній пунктъ вынуждаетъ кустарный банкъ отказывать въ ссудѣ тѣмъ кустарямъ, которые не могутъ доставить банку необходимыхъ гарантій по возврату ссудъ, слѣдовательно, наименѣе обезпеченнымъ, т.-е. именно тѣмъ, которые наиболѣе нуждаются въ нихъ. Вотъ это свое слабое мѣсто банкъ и сознаетъ вполнѣ и ищетъ исхода въ учрежденіи земскихъ торгово-промышленныхъ складовъ, надѣясь такимъ путемъ сдѣлать кредитъ доступнымъ и вовсе неимущимъ; но объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

И такъ, какъ я уже говорилъ, только тогда кустарь получаетъ право на ссуду изъ банка, когда онъ лично участвуетъ въ работѣ и если, притомъ, онъ ведетъ производство безъ помощи наемнаго труда; но если подручные и рабочіе состоятъ у кустаря или въ обученіи (ученики), или прямо они необходимы ему по роду промысла, напримѣръ, дувальщикъ у кузнеца, и безъ нихъ онъ не могъ бы вести своего производства, то въ такомъ случаѣ онъ, все-таки, можетъ получить ссуду изъ банка. Кромѣ того, и въ нѣкоторыхъ другихъ особо уважительныхъ случаяхъ, когда кустарь работаетъ и при участіи

*) См. *Объяснительную записку*, стр. 7.

постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, съ разрѣшенія совѣта банка послѣдній, все-таки, можетъ выдать ссуду, если только наемные рабочіе сами не могутъ въ томъ же производствѣ вести дѣло самостоятельно, своимъ трудомъ, или потому, что сами не обладаютъ достаточными знаніями производства и недвижимымъ имуществомъ, а также не имѣютъ осѣдлости и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, какъ это видно изъ протоколовъ совѣта банка. Такъ, ссуды разрѣшаются совѣтомъ банка кустарямъ, работающимъ при помощи постоянныхъ наемныхъ рабочихъ, въ одномъ случаѣ потому, что кустарь, испрашивающій ссуду, не простой кустарь-рутинеръ, производящій обычныя въ крестьянскомъ обиходѣ земледѣльческія орудія, а занимается изготовленіемъ болѣе совершенныхъ машинъ, какъ-то: молотилокъ, вѣялокъ, сортировокъ и т. д.,—слѣдовательно, въ цѣляхъ распространенія усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій,—и затѣмъ потому, что его рабочіе положительно отказываются отъ мысли быть самостоятельными кустарями, въ виду неустойчивости сбыта, въ другомъ случаѣ потому, что «техника кожевеннаго производства требуетъ 3 работниковъ, а въ семьѣ просителя есть лишь два работника, сами же рабочіе не могутъ сдѣлаться самостоятельными по недостатку средствъ, и по некредитоспособности ихъ имъ не можетъ быть выдана ссуда». Иногда выдаются ссуды потому, что наемные рабочіе являются лицами сравнительно экономически обезпеченными, и потому едва ли есть мѣсто предполагать эксплуатацію ихъ со стороны хозяевъ, между тѣмъ, неустойчивость сбыта и рискованность промысла препятствуютъ образованію артели. «Многіе рабочіе и мастера,—говоритъ одинъ агентъ банка,—предпочитаютъ заработокъ по найму самостоятельному дѣлу», если только эта самостоятельность покупается цѣною большого риска, между тѣмъ какъ заработокъ по найму обезпеченъ.

Такимъ образомъ, кустарю, работающему съ помощью наемныхъ рабочихъ, притомъ, участвующему и самому личнымъ трудомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ выдается ссуда, когда эти рабочіе не кредитоспособны, слѣдовательно, не могутъ получить ссуды изъ банка и сдѣлаться самостоятельными или не знаютъ производства, или, не рѣшаясь вести дѣло на свой рискъ, предпочитаютъ хотя и меньшій, но за то болѣе прочный заработокъ,—однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности по какимъ-либо другимъ условіямъ, не зависящимъ отъ банка, перевести рабочаго въ разрядъ самостоятельныхъ кустарей.

Главною же цѣлью банка, все-таки, остается сдѣлать кустаря независимымъ отъ скупщика, поставить его на собственныя свои ноги, и если только другія причины дѣлаютъ это въ данномъ случаѣ вполнѣ невозможнымъ, то только тогда банкъ отказывается отъ своей задачи. Если же постоянные наемные рабочіе хозяина-кустаря не ведутъ своего производства исключительно потому, что не обладаютъ достаточными для этого денежными средствами, то банкъ рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ гг. агентамъ разъяснять такимъ хозяевамъ-кустарямъ, испрашивающимъ ссуду, что имъ ссуда можетъ быть выдана, если только они допустятъ въ свое пред-

пріятіе достойныхъ наемныхъ мастеровъ на правахъ артельщиковъ и товарищей съ участіемъ въ прибыляхъ предпріятія *). Такимъ образомъ, всѣ лица, не участвующія лично въ производствѣ или работающія при помощи наемныхъ рабочихъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, исключаются изъ категоріи возможныхъ кліентовъ банка.

Затѣмъ, конечно, ссуды выдаются банкомъ артелямъ; здѣсь, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ эксплуатаціи, и ссуды выдаются артелямъ, дѣйствующимъ на основаніи или утвержденнаго для нихъ устава, или частнаго договора, причемъ сами члены артели должны удовлетворять всѣмъ вышеизложеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ отдѣльнымъ кустарямъ. При этомъ безразлично, для чего бы артель ни образовалась, для закупки ли сообща сырыхъ матеріаловъ, или для пріобрѣтенія машины, для устройства ли склада издѣлій и продажи ихъ, или для устройства общей мастерской и т. д.

Артелямъ ссуды выдаются на условіяхъ круговой поруки всѣхъ членовъ артели другъ за друга, а отдѣльнымъ кустарямъ за поручительствомъ двухъ состоятельныхъ и благонадежныхъ домохозяевъ.

Такъ какъ банкъ имѣетъ своею цѣлью созданіе прочнаго и самостоятельнаго контингента кустарей, работающихъ лично, а не наемнымъ трудомъ, то и естественно было ограничить размѣръ ссуды, и дѣйствительно, по уставу, размѣръ ссудъ, выдаваемыхъ банкомъ отдѣльнымъ кустарямъ и артелямъ, не можетъ превышать средней стоимости сырыхъ матеріаловъ, потребныхъ въ теченіе года для производства. Но если при этомъ артель имѣетъ наемныхъ рабочихъ, то высшій размѣръ ссуды опредѣляется тѣмъ количествомъ матеріала, какое артель своими силами безъ этихъ наемныхъ рабочихъ можетъ переработать, и еслибъ артель пожелала получить ссуду по разсчету на всѣ рабочія силы, которыми она располагаетъ, то она должна своихъ рабочихъ принять въ число равноправныхъ членовъ. Такимъ образомъ, условія выдачи ссудъ изъ банка въ рукахъ послѣдняго служатъ какъ бы *мѣрою протективной политики по отношенію къ образованію артелей, къ переводу наемныхъ рабочихъ въ разрядъ равноправныхъ членовъ артели.*

Ссуды выдаются на срокъ отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Погашаться онѣ могутъ въ одинъ или нѣсколько сроковъ, но если ссуда берется болѣе, чѣмъ на годъ, то ежегодно должна погашаться извѣстная часть ссуды.

Банкъ, по уставу, имѣетъ право наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды и за ходомъ дѣлъ въ кустарныхъ предпріятіяхъ, получившихъ ссуду, и если при этомъ будетъ обнаружено разстройство дѣлъ предпріятія, угрожающее интересамъ банка, то послѣдній можетъ требовать возврата ссуды, и не дожидаясь срока.

Проценты по ссудамъ установлены пока въ размѣрѣ 8, а для кустарно-торговыхъ складовъ въ размѣрѣ 6%. Надо замѣтить, что средній %, взи-

---

*) Инструкція для гг. агентовъ, § 9 а.

маемый въ ссудо-сберегательныхъ кассахъ, равняется 8,2% *). Впрочемъ, фактически иногда % по ссудамъ и увеличивается по той причинѣ, что поручители за свое поручительство выговариваютъ себѣ нѣкоторое вознагражденіе въ формѣ угощенія, но, съ другой стороны, мы имѣемъ и факты обратнаго порядка, гдѣ поручительство является формой скрытаго товарищества (Липовская волость, Екатеринбургскаго уѣзда, — кирпичники), т.-е. формально у банка беретъ ссуду одинъ кустарь съ двумя поручителями, но фактически здѣсь образовалось товарищество. Это встрѣчается, правда, рѣдко и дѣлается, главнымъ образомъ, во избѣжаніе формальностей, связанныхъ съ образованіемъ товарищества, особенно когда размѣръ испрашиваемой ссуды не великъ.

По уставу, по долгамъ банка не могутъ быть проданы самые необходимые предметы изъ домашняго обихода кустаря, а именно: необходимая домашняя утварь, носильное ежедневное платье, жизненные припасы и дрова на 1 мѣсяцъ, необходимыя для производства промысла орудія, а въ селеніяхъ еще земля усадебная и находящаяся въ общинномъ владѣніи, жилая изба съ самыми необходимыми постройками, одна лошадь, одна корова, одна телѣга и однѣ сани съ упряжкою и 25 пуд. сѣмянъ.

По соглашенію съ мѣстною администраціей, ссуды, выдаваемыя банкомъ, не могутъ быть удерживаемы на покрытіе недоимокъ и налоговъ, числящихся за получающимъ ссуду лицомъ, и такимъ путемъ для кустаря обезпечена возможность пользованія ссудой въ тѣхъ цѣляхъ, съ какими она испрошена.

Вотъ пока самое существенное относительно, такъ сказать, экономической стороны кустарно-промышленнаго банка (организацію правленія я изложу далѣе). Теперь перейду къ самому существенному институту банка, который, главнымъ образомъ, обезпечиваетъ для послѣдняго успѣхъ его дѣятельности, который составляетъ славу и гордость банка, который заключаетъ въ себѣ волшебное средство, дающее возможность проникать банку во всѣ захолустные, во всѣ самые отдаленные уголки Пермскаго края и вездѣ находить нуждающихся въ его помощи, близко стать къ нимъ, вѣрно и точно опредѣлить ихъ экономическое положеніе и, если нужно, придти къ нимъ на помощь своими средствами. Однимъ словомъ, это учрежденіе, къ которому я теперь перехожу, позволяетъ банку широко разливать его благодѣянія по всей обширной территоріи губерніи. Что же это за учрежденіе? Это учрежденіе есть агентура банка. Она сгладила пространство между банкомъ и самыми отдаленными уголками губерніи, она сдѣлала банкъ какъ бы вездѣсущимъ, всезнающимъ, всевидящимъ, вездѣ проникающимъ.

Въ чемъ же секретъ этой агентуры? Почему она оказываетъ такое волшебное дѣйствіе на банкъ, этотъ, повидимому, мертвый механизмъ? Секретъ ея въ томъ, что она болѣе сотни очаговъ нравственной и интеллектуаль-

---

*) См. *Объяснительную записку*, стр. 13.

ной энергіи слила въ одно русло—банкъ и затѣмъ могучими струями разлила эту энергію по всему Пермскому краю. Банкъ пробудилъ часто дремлющія интеллектуальныя и нравственныя силы въ провинціи, вызвалъ ихъ къ жизни и показалъ намъ, что̀ можетъ дѣлать эта, повидимому, мертвая, но на самомъ дѣлѣ волшебная сила.

Но обращусь къ описанію организаціи агентуры, ея задачъ и цѣлей.

Чтобъ облегчить сношенія кустарю съ банкомъ, лучше организовать контроль за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды, шире распространить въ населеніи свѣдѣнія о цѣляхъ и задачахъ банка, ускорить для кустаря полученіе ссудъ,—на первыхъ же порахъ своей дѣятельности банкъ озаботился организаціей агентуры въ широкихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлью правленіемъ банка были собраны свѣдѣнія о лицахъ изъ интеллигенціи, живущей въ провинціи, которыя могли бы принять на себя посредничество въ сношеніяхъ банка съ кустарями, а также и выполненіе другихъ задачъ, которыя банкъ найдетъ нужнымъ возложить на агентовъ. И въ этомъ отношеніи банкъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ: «готовность провинціальной интеллигенціи служить безвозмездно цѣлямъ и задачамъ кустарнаго банка превзошла ожиданія правленія»*) и уже къ 1 января 1895 г. банкъ располагалъ 109 агентами, и, кромѣ того, почти каждый день поступали все новыя увѣдомленія отъ разныхъ лицъ о согласіи принять на себя этотъ трудъ. «Нѣкоторые изъ гг. земскихъ начальниковъ и народныхъ учителей,—говорится далѣе въ отчетѣ,—изъ сочувствія къ дѣлу даже сами поспѣшили выразить готовность быть посредниками между банкомъ и кустарями, потребности которыхъ въ кредитѣ были хорошо имъ извѣстны, какъ лицамъ, близко стоящимъ къ сельскому населенію». И теперь въ числѣ агентовъ банка есть земскіе начальники, и податные инспектора, и инженеры, и управители заводовъ, врачи, агрономическіе смотрителя, народные учителя (44 челов.) и т. д.; нѣкоторые изъ нихъ состоятъ губернскими и уѣздными гласными. На уѣздъ агентовъ приходится въ среднемъ отъ 4 до 17 человѣкъ.

Правленіе банка такъ оцѣниваетъ въ своемъ отчетѣ значеніе агентовъ банка для успѣшной дѣятельности послѣдняго: «Безъ преувеличенія можно сказать, что если кустарно-промышленному банку удалось въ столь краткій сравнительно срокъ развить въ достаточныхъ размѣрахъ свои операціи и сдѣлать кредитъ для кустарей доступнымъ и сравнительно недорогимъ, то этимъ мы обязаны, прежде всего, дѣятельности гг. агентовъ банка и тому сердечному отношенію, которое они проявляютъ къ дѣлу, преслѣдуя при этомъ единственную цѣль—служеніе интересамъ мѣстнаго населенія». Трудъ агентовъ банка является совершенно безвозмезднымъ, нѣкоторые даже не требуютъ возмѣщенія себѣ тѣхъ расходовъ, которые они производятъ по дѣламъ банка, между тѣмъ, трудъ ихъ является крайне сложнымъ и кропотливымъ **).

---

*) *Отчетъ*, стр. 5, приложеніе I, стр. 5.

**) Конечно, въ будущемъ съ развитіемъ операцій, быть можетъ, банку придется прибѣгнуть къ платной агентурѣ, и это весьма вѣроятно, но это пока еще дѣло будущаго.

Во-первыхъ, на нихъ лежитъ обязанность по распространенію истинныхъ свѣдѣній о кустарно-промышленномъ банкѣ и объ условіяхъ полученія ссудъ изъ него; для облегченія этой обязанности банкомъ издано въ 4,000 экземплярахъ для безплатной раздачи населенію особое *Наставленіе о томъ, какъ получить ссуду изъ кустарно-промышленнаго банка.* Пермь, 1894 г. (19 стр. въ приложеніи—формы заявленій). Это наставленіе разослано банкомъ многимъ кустарямъ, уѣзднымъ земскимъ управамъ, гласнымъ губернскаго земства, земскимъ начальникамъ, во всѣ волостныя правленія, народнымъ учителямъ, въ большомъ количествѣ агентамъ банка, и эти послѣдніе раздаютъ ихъ уже кустарямъ.

Затѣмъ агенты содѣйствуютъ кустарямъ въ полученіи ссудъ изъ банка. Они сами могутъ принимать заявленія отъ кустарей о желаніи послѣднихъ получить ссуду изъ банка. Съ этою цѣлью агенты снабжены печатными бланками заявленій, и кустарь лишь проставляетъ здѣсь свое имя и размѣръ ссуды. Чтобы кустари знали, къ кому имъ обращаться, во всѣ общественныя и присутственныя мѣста разсылается списокъ агентовъ.

Такимъ образомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы кустарь узналъ о дѣятельности банка, объ условіяхъ полученія ссуды, чтобъ онъ зналъ, къ кому онъ можетъ обратиться.

Агенты же собираютъ и доставляютъ банку вѣрныя свѣдѣнія о лицахъ и артеляхъ, испрашивающихъ ссуду, удовлетворяютъ ли они всѣмъ условіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ своимъ кліентамъ, кредитоспособны ли и въ какомъ размѣрѣ нуждаются они въ ссудѣ.

Каждому изъ агентовъ отведенъ извѣстный районъ въ уѣздѣ, и правленіе банка, получивъ заявленіе о ссудѣ, сносится съ агентомъ и только на основаніи свѣдѣній, добытыхъ имъ, правленіе банка разрѣшаетъ или отказываетъ въ ссудѣ. Если же заявленіе подано самому агенту, то послѣдній тотчасъ производитъ обслѣдованіе о положеніи просителя и его поручителей по особому опросному бланку путемъ опроса какъ его самого, такъ и начальствующихъ и частныхъ лицъ, а когда нужно, то агентъ обращается и въ волостное правленіе за удостовѣреніемъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, и это обслѣдованіе вмѣстѣ со своимъ собственнымъ заключеніемъ, слѣдуетъ ли выдать ссуду, или нѣтъ, и въ какомъ размѣрѣ, а также съ заявленіемъ просителя о выдачѣ доставляется въ банкъ, который, въ случаѣ разрѣшенія ссуды, пересылаетъ кустарю или опять черезъ агента или же черезъ волостное правленіе для подписи долговое обязательство, и затѣмъ уже просителю ссуда высылается или почтой, или черезъ уѣздную земскую управу.

Такимъ путемъ чуть ли не во всѣхъ операціяхъ банка по выдачѣ ссуды принимаетъ участіе агентъ банка, и этимъ выдача ссуды для кустаря крайне облегчается. Кустарю стóитъ только подать заявленіе, и если онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, предъявляемымъ банкомъ къ своему кліенту, то ему остается только ждать спокойно, и онъ черезъ нѣкоторое время, въ среднемъ три недѣли, послѣ подачи заявленія можетъ получить

ссуду, даже не выѣзжая изъ своего мѣста жительства. Конечно, это отсутствіе проволочекъ, возможность для кустаря получить ссуду такъ скоро послѣ подачи заявленія, безъ всякихъ расходовъ со стороны просителя и даже не выѣзжая въ Пермь, обязаны всецѣло существованію банковой агентуры; притомъ, и банкъ, благодаря существованію этой агентуры, увѣренъ въ кредитоспособности своихъ кліентовъ.

И такъ, агенты являются очагами и ушами банка, охранителями его интересовъ: они даютъ возможность банку увѣренно развивать свои операціи, идти туда, гдѣ дѣйствительно нуждаются въ его помощи, и они же даютъ ему знать, такъ ли пользуются его помощью, какъ должно. «Не будь агентуры, кустарно-промышленному банку,—говорится въ *Отчетѣ* послѣдняго,—призванному развивать свои операціи почти исключительно въ самой глухой провинціи, пришлось бы или терпѣть постоянные убытки отъ своихъ операцій, или возлагать расходы по обслѣдованію на просителей, или же, наконецъ, откладывать производство мѣстныхъ изслѣдованій въ томъ или иномъ районѣ до удобнаго случая и значительнаго накопленія ходатайствъ о ссудахъ. При такихъ условіяхъ кредитъ, оказываемый кустарной промышленности, пересталъ бы быть доступнымъ для послѣдней, а волокита и промедленіе, съ которыми сопряжено было бы полученіе ссудъ, могли бы и вовсе лишить кустарно-промышленный банкъ кліентовъ, особенно мелкихъ, а, слѣдовательно, и того живого и плодотворнаго дѣла, которое намѣчено кустарно-промышленному банку самымъ его уставомъ».

Еслибъ обслѣдованіе положенія просителей лежало на обязанности правленія банка, какъ это ранѣе предполагалось, то, конечно, развитіе банковыхъ операцій до сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ было бы невозможно, такъ какъ расходы, необходимые на поѣздки, не окупались бы взимаемыми по ссудамъ процентами. «При среднемъ размѣрѣ ссудъ около 100 руб., поѣздка для производства изслѣдованія даже изъ уѣзднаго центра на разстояніи около 50—60 верстъ едва окупалась бы взимаемымъ годичнымъ съ этой суммы %, не говоря уже о томъ, что, какъ увидимъ далѣе, въ одномъ случаѣ изъ трехъ произведенное изслѣдованіе обнаруживаетъ обстоятельства, препятствующія выдачѣ ссудъ просителямъ, почему затраченныя на поѣздки по такимъ изслѣдованіямъ суммы ложатся непроизводительнымъ расходомъ на прибыли, получаемыя отъ операцій въ другихъ случаяхъ, т.-е. еще болѣе уменьшаютъ и безъ того незначительный чистый доходъ» *).

Такимъ образомъ, при существованіи только этой сѣти агентовъ, возможно стало для банка такъ широко развить свои операціи, какъ это имѣло мѣсто здѣсь: только агенты создали для банка кліентелу среди мелкихъ и потому наиболѣе нуждающихся въ кредитѣ кустарей, только эта агентура страхуетъ банкъ отъ убыточныхъ операцій, которыя при другихъ условіяхъ

*) *Отчетъ кустарно-промышленнаго банка съ января по декабрь 1894 г.* Пермь, 1895 г., стр. 6.

были бы неизбѣжны. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, кредитъ банка—не залоговой кредитъ, а личный, а потому выясненіе нравственныхъ качествъ кліента и положенія въ данное время той или другой отрасли промышленности имѣетъ огромнѣйшее значеніе для безубыточнаго веденія банкомъ своихъ операцій. Однимъ словомъ, какъ самъ банкъ признавалъ, «надлежащая организація мѣстныхъ агентуръ кустарно - промышленнаго банка, не предусматривавшаяся его уставомъ, имѣетъ рѣшающее значеніе для успѣха дѣла» *).

Затѣмъ опредѣлить конкретно требуемый размѣръ ссуды, согласно съ уставомъ банка, для каждаго отдѣльнаго кустаря, конечно, для самого банка не подъ силу; этотъ размѣръ можетъ быть опредѣленъ лишь на мѣстѣ, лишь лицомъ, близко знакомымъ съ данною отраслью промышленности, и, притомъ, лицомъ, близко стоящимъ къ кустарю. Далѣе, только лицо, близко живущее къ кустарю, имѣющее, такъ сказать, послѣдняго всегда на своихъ глазахъ, можетъ наблюдать за цѣлесообразнымъ употребленіемъ ссуды, а также за сохранностью имущества кустаря и его поручителей,—имущества, служащаго обезпеченіемъ банка по возврату ссуды. И только лицо, близко стоящее къ кустарю, во-время можетъ предупредить банкъ объ этомъ нарушеніи условій, принятыхъ на себя кустаремъ, и побудить банкъ къ досрочному взысканію ссуды во избѣжаніе послѣдующихъ убытковъ.

Затѣмъ, по той же инструкціи, разосланной банкомъ для своихъ агентовъ, на нихъ возлагается обязанность доставлять по мѣрѣ возможности правленію банка свѣдѣнія о нуждахъ кустарей въ завѣдуемомъ агентомъ районѣ, предположенія о наивыгоднѣйшихъ способахъ заготовки сырья, сбыта готовыхъ издѣлій, а также и другія свѣдѣнія, какія могутъ потребоваться банку, какъ учрежденію не только кредитному, но и непосредственно заинтересованному въ развитіи кустарной промышленности края.

Вообще, надо сказать, что на агентовъ возложена банкомъ очень сложная роль: они даютъ свѣдѣнія, какъ получить ссуду, они смотрятъ, чтобъ изъ выданныхъ въ ссуду суммъ не удерживалось на уплату налоговъ, недоимокъ или за долги, и о каждомъ замѣченномъ случаѣ должны немедленно доводить до свѣдѣнія банка; они должны разъяснять просителямъ, чтобы эти послѣдніе назначали сроки платежей не случайно, а сообразовались бы съ такимъ временемъ года, когда издѣлія и продукты ихъ производства поступаютъ въ продажу и когда, слѣдовательно, кустарь имѣетъ наличныя деньги на рукахъ; агенты же по мѣрѣ возможности содѣйствуютъ соединенію кустарей въ товарищества (по договору) въ видахъ закупки сообща сырыхъ матеріаловъ или сбыта издѣлій, а также содѣйствуютъ образованію производительныхъ артелей по частному договору или уставу (*Инструкція,* § 13); съ этою цѣлью агенты банка снабжаются въ достаточномъ количествѣ проектами договоровъ и уставовъ товариществъ и артелей на

*) См. *Операціи кустарно-промышленнаго банка за время съ 1 января по 1 октября 1894 г.*, стр. 9.

случай, если бы мѣстные кустари пожелали соединиться въ такія товарищества и артели.

Въ видахъ, съ одной стороны, признательности за безкорыстное служеніе агентовъ дѣлу кустарнаго банка, а съ другой, чтобы дать имъ возможность слѣдить за операціями банка, по постановленію губернскаго земскаго собранія рѣшено съ 1 января 1895 г. всѣмъ агентамъ безплатно высылать *Сборникъ Пермскаго Земства*, гдѣ печаются постоянно всѣ свѣдѣнія о дѣятельности банка.

Насколько тщательно относятся къ своей дѣятельности агенты, видно изъ такого факта, что нѣкоторые изъ нихъ обращаются въ банкъ съ просьбой указать недостатки ихъ дѣятельности, научить ихъ, какъ имъ плодотворнѣе исполнять свою роль.

Однимъ словомъ, агентура, это—сердце банка, и такой банкъ можетъ успѣшно дѣйствовать только тамъ, гдѣ въ провинціи есть достаточное количество интеллигентныхъ лицъ, сочувственно относящихся къ этому дѣлу; нѣтъ этого условія—не стоитъ заводить и банкъ: онъ можетъ только дискредитировать идею. Если нѣтъ надежды провинціальную интеллигенцію вызвать изъ ея дремоты на арену общественной дѣятельности, то не стоитъ основывать и банкъ: у него не будетъ той эластичности, той всеобъемлемости, той дальнозоркости, легкости, того чутья,—однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя создаютъ силу и значеніе пермскаго банка, онъ будетъ простою, грубою, тяжеловѣсною машиной, которая будетъ кое-какъ скрипѣть, но не болѣе.

Какъ я уже говорилъ, банкъ ставитъ одной изъ своихъ задачъ организацію артелей среди кустарей, этой же задачѣ призваны содѣйствовать и агенты банка. Часто банкъ лицамъ, обращающимся къ нему за ссудой, но работающимъ при помощи наемныхъ рабочихъ, предлагаетъ съорганизоваться въ артель. Иногда также путемъ созданія тѣхъ или другихъ условій ему удается устроить артель; такъ, банкъ выхлопоталъ отпускъ 1,600 деревъ изъ казенной Монетной дачи, и, только благодаря этому, теперь организуется невьянская артель сундучниковъ изъ 17 человѣкъ. Дѣятельность кустарно-промышленнаго банка, направленная на образованіе артелей, увѣнчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. Банку удалось за это время, т.-е. за 1 годъ, образовать 13 артелей, изъ которыхъ 5 сырьевыхъ *) и 8 производительныхъ. Всѣ артели основаны на частныхъ договорахъ, и «требуйся уставъ,—какъ говорили мнѣ въ банкѣ,—намъ не удалось бы, вѣроятно, основать ни одной артели, такъ какъ проволочки, связанныя съ утвержденіемъ уставовъ, расхолодили бы желаніе артельщиковъ до утвержденія устава».

Правда, артельное начало въ Пермской губ. засѣло крѣпко еще изстари, и, конечно, это не осталось безъ вліянія на успѣхъ дѣла. Такъ, при

*) Теперь организуется еще 14-я, только что упомянутая артель въ Невьянскѣ—сырьевая артель сундучниковъ изъ 17 человѣкъ. Банкъ выхлопоталъ имъ отпускъ 1,600 деревъ изъ Монетной дачи. Артель покупаетъ лѣсъ сообща, но по раздѣлѣ его каждый предполагаетъ работать отдѣльно.

юго-камскомъ заводѣ насчитывается 16 артельныхъ гвоздаренъ, въ которыхъ работаетъ до 120 человѣкъ. Эти артельныя гвоздарни организованы слѣдующимъ образомъ: владѣлецъ кузницы, работая самъ въ ней, принимаетъ въ нее еще человѣкъ 5, 6 и 7 кустарей, смотря по помѣщенію; каждый кустарь здѣсь куетъ гвозди изъ собственнаго желѣза, уголь раздѣляютъ поденно, содержаніе мальчика-дульщика разлагается на всѣхъ, за помѣщеніе на право ковать въ кузницѣ каждый кустарь платитъ хозяину 40 к. въ мѣсяцъ, а выдѣланные гвозди каждый кустарь продаетъ отдѣльно за свой счетъ. Здѣсь же существуютъ еще артельныя мельницы (Ирбитскій уѣздъ, Чубаровская волость). Артель распредѣляетъ между членами время, когда кто долженъ молоть; обыкновенно на каждаго даются сутки. Члены артели привозятъ на мельницу свой или взятый у посторонняго лица хлѣбъ, и деньги за помолъ каждый получаетъ въ свою пользу. При ремонтѣ мельницы члены артели или нанимаютъ какого-либо мастера, для чего на расходы собирается сумма путемъ раскладки съ каждаго члена, или, если работу артельщики могутъ исполнить сами, то распредѣляютъ таковую между собою поровну. Въ пяти селеніяхъ Чубаровской волости считается артельщиковъ-мукомоловъ до 140 человѣкъ. Такія же артели мы встрѣчаемъ въ смолодегтярномъ производствѣ въ уѣздахъ Красноуфимскомъ, Ирбитскомъ и Шадринскомъ *). И такъ, банку приходилось работать уже на подготовленной почвѣ. Почва для него была вспахана, ему нужно было только сѣять, и, конечно, скоро поднялись ростки.

Самою крупною артелью, основанною при помощи банка, безспорно является мраморская артель. Къ ней теперь я и обращусь.

Мраморская артель существовала еще и до возникновенія кустарно-промышленнаго банка, но тогда это была не артель кустарей-мраморщиковъ, а артель скупщиковъ-подрядчиковъ. Всего кустарей-мраморщиковъ, живущихъ при мраморскомъ заводѣ, до 130 человѣкъ, но артель состояла только изъ 20 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 15 были подрядчиками на мраморныя издѣлія. Артель, забравши въ свои руки всѣ источники сбыта, низвела всѣхъ кустарей до положенія наемныхъ рабочихъ, работающихъ за наемную плату, и новыхъ членовъ эта артель скупщиковъ вовсе не принимала въ свою среду. Съ учрежденіемъ этой артели экономическое положеніе кустарей-мраморщиковъ не только не улучшилось, а даже ухудшилось, такъ какъ прежде подрядчики часто, конкуррируя между собою, набивали цѣну за работу, а теперь въ артели они легко пришли къ соглашенію между собою, и въ результатѣ выгоды подрядчиковъ значительно поднялись, а заработокъ кустарей понизился **).

Съ открытіемъ банка и при посредствѣ ссуды отъ него теперь здѣсь открылась настоящая артель кустарей. Артель основана не на уставѣ, а на частномъ договорѣ; по договору, въ ней было 35 человѣкъ, а теперь

---

*) См. *Объяснительную записку,* стр. 9.

**) Ibid., стр. 11.

еще прибыло 3 человѣка. Работаетъ теперь въ артели изъ состава семей артельщиковъ 43 мужчины и 5 женщинъ, кромѣ того 2 ученика и 3 временно-наемныхъ рабочихъ. 10 человѣкъ такъ называемыхъ селенитчиковъ дѣлаютъ мелкія вещи: шкатулки, пепельницы, прессъ-папье, а остальные—крупныя мраморныя издѣлія: памятники, умывальники, плиты для половъ и т. д.

Дѣлами артели завѣдуетъ правленіе, избираемое на общемъ собраніи всей артели. На обязанности его лежитъ пріемъ заказовъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, забота о заготовкѣ сырыхъ матеріаловъ, наемъ рабочихъ; впрочемъ, здѣсь требуется согласіе такъ называемаго наблюдательнаго комитета (о немъ ниже).

Въ артели существуетъ особая, такъ называемая оцѣночная коммиссія, которая оцѣниваетъ стоимость выполненія каждой работы до назначенія ея тому или иному члену. Распредѣленіе работы между членами производится тою же коммиссіей.

Наблюдательный комитетъ, куда входитъ весь кустарный комитетъ города Екатеринбурга и еще другія лица по его выбору, слѣдитъ за дѣйствіями правленія, ревизіонной коммиссіи и оцѣночной коммиссіи, чтобъ онѣ всегда въ своихъ дѣйствіяхъ имѣли въ виду пользу товарищества.

Изъ чистой прибыли 50% отчисляется въ запасный капиталъ, по 2% удерживается изъ заработной платы каждаго члена на образованіе особаго вспомогательнаго капитала для выдачи пособій нуждающимся членамъ, заболѣвшимъ или умершимъ на похороны и т. д.

Наемные рабочіе допускаются лишь для добычи мрамора, пилки плитъ (этотъ послѣдній трудъ выполняется женщинами), шлифовки и полировки, гдѣ не требуется ни искусства, ни умѣнья, и всегда выполняется этотъ трудъ лишь женщинами или дѣтьми.

Артель многимъ обязана г-жѣ Черепановой, бывшей учительницѣ здѣшнихъ художественныхъ классовъ. Она вела бухгалтерію артели, и по уходѣ Черепановой артель нѣкоторое время была въ очень критическомъ положеніи, не умѣя вести своего счетоводства.

Заказовъ у кустарей пока вполнѣ достаточно *), они даже, по отзывамъ, успѣли отбить нѣкоторые заказы у подрядчиковъ; такъ, они взяли крупные заказы—приготовленіе половъ для Верхне-Салдинской и Синячихинской церквей. Мелкія издѣлія также идутъ бойко и, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, и идутъ настолько бойко, что нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ заказчиковъ приходится отказывать.

Заработокъ у кустарей-артельщиковъ поднялся на 20—25%, сравнительно съ заработкомъ, существовавшимъ до образованія артели, но заработокъ поднялся не только у артельщиковъ,—артель косвенно повліяла въ смыслѣ поднятія заработка и на положеніе мастеровъ, работающихъ на скупщиковъ.

---

*) Въ первый годъ существованія товарищества артель получила заказовъ на 9,145 руб., половину которыхъ она уже успѣла выполнить.

Теперь жгучимъ вопросомъ для артели является пріобрѣтеніе и поставка паровой или водяной пильной машины въ 30—40 силъ для распилки мрамора. Но здѣсь кустари наталкиваются на весьма важное затрудненіе: по горнымъ законамъ, всякое огненное дѣйствіе, произведенное на древесномъ углѣ, для мелкихъ мастерскихъ запрещено; это сдѣлано ради сбереженія древеснаго топлива для крупныхъ уральскихъ заводовъ, а потому и артели придется, вѣроятно, прибѣгнуть къ водяному двигателю, но тогда надо будетъ поставить пилу въ 2—3 верстахъ отъ завода, что, конечно, опять будетъ имѣть свои невыгодныя стороны: придется много затрачивать средствъ на перевозку мрамора къ пильной машинѣ и обратно *).

Артель состоитъ изъ двухъ различныхъ группъ: 1) мраморщиковъ и 2) селенитчиковъ. Члены мраморскаго товарищества имѣютъ теперь 3 связующія начала: общій пріемъ заказовъ, общій сбытъ издѣлій или сдачу ихъ и общее пріобрѣтеніе матеріаловъ. Но всѣ эти три условія въ истекшемъ году исполнялись членами товарищества въ различной степени. Такъ, мраморщики пробовали добывать мраморъ сообща, но пока эта добыча не дала еще благопріятныхъ результатовъ, они затратили, кажется, около 600 рублей, но мраморной глыбы поднять пока не могутъ, а селенитчики пріобрѣтаютъ для себя матеріалъ на сторонѣ. Вотъ эта-то крупная затрата на добычу мрамора и поселяетъ тѣнь раздора между этими двумя группами въ артели; но за послѣднее время и мраморщики стали покупать мраморъ на сторонѣ. Истиннымъ же камнемъ раздора между двумя этими группами, мраморщиками и селенитчиками, служитъ слѣдующее обстоятельство. Селенитчики часто и много работаютъ на сторонѣ; селенитчики никогда не имѣли столько работы, сколько они имѣютъ теперь, и никогда не получали они такой платы, какую получаютъ теперь, и упомянутые три новыхъ члена были селенитчики. Но, по уставу, съ работающихъ на сторону товарищество взимаетъ 10% въ общую кассу; селенитчикамъ, конечно, жаль разстаться съ этими 10%,—вотъ эти-то 10% и составляютъ яблоко раздора между этими двумя группами. Но, все-таки, по отзыву товарища директора банка г. Владимірскаго, ѣздившаго на мѣсто для обслѣдованія артели и со словъ котораго я передалъ послѣдніе факты, товарищество вполнѣ устойчиво, и члены его, хотя и не въ одинаковой степени, однако, всѣ принимаютъ участіе въ дѣлахъ товарищества. Заработокъ и по отзыву г. Владимірскаго безусловно выше, чѣмъ ранѣе.

Однимъ изъ тормазовъ къ широкому развитію мраморно-гранильнаго дѣла въ мраморскомъ заводѣ служитъ слишкомъ высокій тарифъ на перевозку издѣлій по уральской желѣзной дорогѣ.

По приблизительному разсчету, ежегодно вывозится издѣлій изъ мраморскаго завода до 50—60 тыс. пудовъ. Издѣлія эти состоятъ изъ надгробныхъ памятниковъ, плитъ, досокъ для умывальниковъ, столовъ и т. д. Многія изъ этихъ издѣлій доходятъ до Казани, Тобольска и Томска и могли

---

*) На постройку пильни артель испрашиваетъ у банка ссуду въ 2,200 руб.

бы найти себѣ еще болѣе широкій сбытъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь, если бы провозъ ихъ по желѣзной дорогѣ до Перми и Тюмени былъ возможенъ.

Средняя стоимость одного пуда издѣлій изъ мрамора на заводѣ такова: для изящно обдѣланныхъ памятниковъ отъ 75 до 95 коп.; для плитъ малаго размѣра 12 вер.—25—28 к., плитъ 16 вер.—40—45 к. По желѣзной дорогѣ эти же издѣлія отъ Перми до Екатеринбурга перевозятся въ укупоркѣ по I классу съ платой 43,26 коп. съ пуда, а по II классу безъ укупорки 36,26 коп., между тѣмъ, цѣна на гужевую перевозку отъ Перми до Екатеринбурга стòитъ 13—17 к. съ пуда, а отъ мраморскаго завода до Перми 20 коп., причемъ отправители при гужевомъ способѣ перевозки имѣютъ еще ту выгоду, что отправляемый предметъ берется съ мѣста заготовки и доставляется на мѣсто назначенія безъ перегрузки.

И такъ, тарифъ желѣзной дороги ненормально высокъ: онъ вдвое или даже втрое выше тарифа для гужевой перевозки и иногда превосходитъ даже стоимость самихъ отправляемыхъ издѣлій, и, какъ результатъ такого ненормальнаго положенія вещей, является то, что скупщики издѣлій, а равно и мраморская артель до сихъ поръ при перевозкѣ своихъ издѣлій пользуются гужевымъ способомъ, а по желѣзной дорогѣ провозится лишь самое незначительное количество издѣлій, и то лишь въ экстренныхъ случаяхъ, когда или получатель принимаетъ провозъ этихъ издѣлій на свой счетъ, или же отправляемыя вещи черезъ-чуръ громоздки, напримѣръ, по 80—100 пуд. штука, и отправка ихъ гужомъ является крайне затруднительной.

Такой высокій желѣзно-дорожный тарифъ часто вынуждаетъ артель отказываться отъ выгодныхъ для нея заказовъ; такъ, въ прошломъ году артели былъ предложенъ заказъ на мраморныя ванны для сибирской губернской земской больницы, но артель вынуждена была отказаться отъ него, такъ какъ весь заработокъ пришлось бы отдать желѣзной дорогѣ за провозъ.

Понятно, что пониженіе желѣзно-дорожнаго тарифа на провозъ издѣлій расширило бы районъ сбыта мраморныхъ издѣлій, а это, конечно, увеличило бы въ сильной степени размѣръ производства у мраморщиковъ-кустарей. Кустарно-промышленный банкъ, озабочиваясь судьбою мраморщиковъ, возбудилъ вопросъ передъ управленіемъ уральской желѣзной дороги о пониженіи тарифа, но пока еще на это ходатайство никакого отвѣта не получено.

Здѣсь мы видимъ примѣръ того, какую попечительную роль принимаетъ на себя банкъ по отношенію къ кустарямъ. Вспомнимъ еще, какъ онъ хлопоталъ объ отпускѣ лѣса изъ Монетной дачи. И такъ, банкъ далеко не простое кредитное учрежденіе,—онъ широко охватываетъ нужды кустаря, глубоко заглядываетъ въ нихъ, всесторонне осматриваетъ положеніе кустаря, и, гдѣ только можно, въ какой бы то ни было формѣ, банкъ приходитъ на помощь кустарю.

И такъ, содѣйствію банка обязана своимъ существованіемъ мраморская

артель, вліяніе которой, несомнѣнно, очень благодѣтельно сказалось на экономическомъ положеніи кустарей, повысивъ ихъ заработокъ на 20—25%, увеличивъ заказы и т. д.

Познакомлю еще съ нѣкоторыми другими артелями, основанными при помощи кустарно-промышленнаго банка. Къ сожалѣнію, для другихъ артелей я могу сообщить лишь объ ихъ организаціи, объ ихъ внутреннихъ распорядкахъ, но какое вліяніе онѣ оказали на положеніе товарищей, какъ функціонируетъ артель, я за отсутствіемъ данныхъ не могу сказать.

Камбарское товарищество Осинскаго уѣзда основано 10 мая 1894 г. изъ 4 товарищей для приготовленія экипажей. Работаютъ въ артели 8 человѣкъ изъ состава семей товарищей и еще 2 ученика и 2 наемныхъ рабочихъ (двое кузнецовъ, подеревщики и одинъ колесникъ). Товарищи за свою работу получаютъ заработную плату въ слѣдующемъ размѣрѣ: подеревщикъ по 70 коп. за 1 ходъ, колесникъ 1 руб. 20 коп., а кузнецъ 5 руб. Изъ остатка же 10% отчисляются въ запасный капиталъ, а остальная прибыль дѣлится между товарищами пропорціонально заработной платѣ, полученной каждымъ. Банкъ далъ товариществу ссуду въ 800 руб. на три года.

Чулочная артель состоитъ изъ 5 человѣкъ въ г. Екатеринбургѣ. Для образованія артели одинъ изъ членовъ внесъ 50 р., другой—10, третій—20, четвертый далъ машину въ 500 руб., пятый — машину въ 45 руб. и 10 руб. деньгами.

Изъ общаго заработка 4% отчисляются въ запасный капиталъ и 6% на капиталъ каждаго, находящійся въ товариществѣ, а остальное дѣлится пропорціонально выработаннымъ каждымъ членомъ издѣліямъ.

Наемные рабочіе допускаются лишь съ участіемъ въ прибыляхъ и убыткахъ; допускается и пріемъ новыхъ членовъ въ товарищество.

Товарищество сообща закупаетъ сырые матеріалы, имѣетъ общую мастерскую и сообща продаетъ готовыя издѣлія. Разсчетъ за работы между членами производится помѣсячно *).

Теперь въ товариществѣ будутъ работать двѣ несовершеннолѣтнихъ дѣвушки въ качествѣ работницъ на опредѣленномъ жалованьи, но съ участіемъ въ прибыляхъ.

Предполагается чулки, вырабатывемые товариществомъ, сбывать черезъ общества потребителей.

Банкъ далъ товариществу ссуду въ 400 руб.

Зарѣчная артель изъ 5 человѣкъ для изготовленія колесъ, Харловской волости, Ирбитскаго уѣзда.

Изъ вырученной отъ продажи колесъ суммы по договору 10% отчисляются въ запасный капиталъ, а остальная сумма дѣлится по числу сданныхъ каждымъ членомъ колесъ, причемъ кузнецу-члену артели уплачивается по 50 коп. за скатъ окованныхъ колесъ.

---

*) Одинъ изъ членовъ артели — бухгалтеръ сибирскаго торговаго дома (онъ получаетъ 1,800—2,000 руб.), одна изъ женщинъ-членовъ — довѣренное лицо одного торговаго дома (получаетъ 900 руб.).

Артели банкъ далъ ссуду въ 300 руб.

Артель Лазуковыхъ, Пермскаго уѣзда, д. Разсохиной (состоитъ изъ 3 членовъ, а работаетъ въ товариществѣ 5 человѣкъ), приготовляетъ вѣялки, сортировки и другія сельско-хозяйственныя издѣлія.

1) Артель производитъ сообща закупку матеріаловъ; 2) изготовляетъ продукты въ общей мастерской, для чего одинъ изъ членовъ далъ въ общее пользованіе свою мастерскую, и 3) наконецъ, сообща продаетъ готовыя издѣлія.

Плата за работу каждому члену поденная и опредѣляется общимъ соглашеніемъ, но она не должна быть выше существующихъ цѣнъ въ данной мѣстности.

За точнымъ исполненіемъ договора наблюдаютъ сельскій староста и особо избранныя добросовѣстныя лица.

Банкъ далъ артели ссуду въ 180 руб. на 3 года.

Не буду останавливаться на другихъ артеляхъ, такъ какъ изъ предъидущаго ясенъ характеръ артелей, основываемыхъ при участіи банка.

Есть артели и чисто-сырьевыя, члены которыхъ соединяются между собою лишь для полученія ссуды и совмѣстной закупки сырья.

Какъ бы то ни было, пусть будутъ слабы эти зародыши, но, во всякомъ случаѣ, артельное начало при содѣйствіи банка начинаетъ прокладывать себѣ путь въ жизни.

Товарищества и артели находятъ для себя поддержку въ банкѣ и матеріальную, въ видѣ ссуды, и нравственную: получаютъ отъ него и его агентовъ указанія, какъ основать артель, и во всякое время могутъ пользоваться его совѣтами и указаніями.

Банкъ выговорилъ себѣ право учреждать артели по частному договору, и это позволяетъ ковать желѣзо, пока оно горячо. Если бы требовалось непремѣнно утвержденіе устава, соединенное съ цѣлыми годами проволочекъ, то, конечно, по собственнымъ словамъ банка, ему не удалось бы учредить ни одной артели и ни одного товарищества.

Ив. Озеровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ итоговъ земскаго школьнаго дѣла *).

Было бы крупною ошибкой широко обобщать значеніе деревенскаго недосуга и приписывать исключительно ему одному тотъ еще низкій уровень умственнаго развитія, на какомъ стоитъ въ настояще время населеніе деревни. Недосугъ создаетъ атмосферу, которая тормазитъ, но не исключаетъ возможность развитія въ деревнѣ духовныхъ интересовъ, и, притомъ же, деревня слагается изъ разнородныхъ семей, различныхъ по своему хозяйственному составу; во многихъ изъ нихъ забота о хлѣбѣ насущномъ не поглощаетъ всей энергіи ея членовъ, и избытокъ этой энергіи посвящается умственнымъ потребностямъ. По крайней мѣрѣ, большинство экзаменовавшихся хранитъ заложенную въ нихъ школою потребность къ чтенію и громко заявляетъ о своей симпатіи къ книжкѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ссылка на недосугъ является выраженіемъ условнымъ, зависящимъ отъ той степени желанія читать, какая порождена школой. «Читаю мало» —въ устахъ испытуемаго значитъ иногда, что онъ желалъ бы читать больше того, чѣмъ это позволяетъ время. Потребность въ чтеніи, какъ это видно изъ подавляющаго большинства отвѣтовъ испытуемыхъ, существуетъ въ деревнѣ несомнѣнно, хотя удовлетворяется она, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, до крайности плохо.

26 экзаменовавшихся прямо жалуются въ своихъ работахъ на недостатокъ книгъ, объясняя этимъ, почему имъ рѣдко приходится читать. Большинство, конечно, и не можетъ сознательно отнестись къ этой своей нуждѣ, потому что отсутствіе въ деревнѣ книги не благопріятствуетъ развитію ясно-сознанной и выраженной потребности въ чтеніи.

Книжный матеріалъ, которымъ пользуется грамотное населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда, черпается имъ изъ различныхъ источниковъ. Чаще всего книги берутся изъ училищныхъ библіотекъ; на этотъ источникъ указали 332 экзаменовавшихся; многіе (244) покупали книги; нѣкоторые (155) брали читать у своихъ же односельчанъ и, наконецъ, 16 человѣкъ получали книги у священника.

---

*) *Русская Мысль*, кн. X.

Такимъ образомъ, школьныя библіотеки, несмотря на крайнее ихъ убожество, все-таки, служатъ главнымъ источникомъ, откуда получаетъ населеніе книги, и потому вопросъ, насколько библіотеки эти удовлетворяютъ потребностямъ деревни въ чтеніи, представляетъ большой интересъ.

Бывшій ученикъ Ясеневской школы пишетъ въ своемъ отвѣтѣ: «и приходили мы въ школу просить книги, и Любовь Митревна не даваитъ». Если бы у насъ подъ руками былъ только этотъ одинъ отвѣтъ съ его невольно-вылившеюся жалобой, мы могли бы заподозрить эту самую Любовь Митревну въ намѣренномъ нежеланіи давать книги, но, къ счастью, у насъ есть и другіе отвѣты по той же Ясеневской школѣ, и мы можемъ съ увѣренностью сказать, что Любовь Митревна—не лютый звѣрь, что она не скрываетъ книгъ отъ просителей, но что она просто лишена возможности удовлетворять поступающіе къ ней запросы тѣмъ скуднымъ запасомъ книгъ, какой имѣется въ ея распоряженіи. «Изъ школы всѣ (книги) побрали»,—жалуется другой испытуемый той же школы, объясняя этимъ обстоятельствомъ, почему онъ мало читалъ. Ясеневское училище отнюдь не является исключеніемъ среди остальныхъ земскихъ училищъ уѣзда по убогому составу школьныхъ библіотекъ, и потому не удивительно, что подобныя жалобы раздаются не въ ней одной. То же слышимъ мы и отъ бывшихъ учениковъ Роговатовскаго училища, которые пишутъ: «а книгъ намъ изъ школы не выдавали, а купить не за что»; та же жалоба повторяется и въ Солдатскомъ училищѣ: «читалъ мало, потому что, когда приходишь въ школу, всякій приходитъ брать».

Интересенъ самый тонъ этихъ жалобъ. Претендуя на школу, которая такъ небрежно относится къ его умственнымъ запросамъ, крестьянинъ, очевидно, чувствуетъ за собой право быть недовольнымъ ею. И въ самомъ дѣлѣ, помимо тѣхъ расходовъ, которые несетъ по народному образованію нижнедѣвицкое земство и которые идутъ, разумѣется, изъ крестьянскаго же кармана, крестьянскія общества, кромѣ того, принимаютъ непосредственно близкое участіе въ содержаніи сельскихъ училищъ. На обществѣ, какъ мы знаемъ уже, лежитъ обязанность построить школу, обезпечить ея содержаніе и ремонтъ, нанимать сторожа и отапливать школу; одиннадцать обществъ сверхъ того даютъ помѣщеніе учителямъ, а два выдаютъ имъ квартирныя деньги. Все это, при данномъ экономическомъ положеніи населенія уѣзда,—затраты весьма солидныя и, дѣйствительно, дающія полное право крестьянину смотрѣть на школу, какъ на учрежденіе, которое должно служить его духовнымъ интересамъ. Понятно поэтому, что крестьянинъ, вынесшій изъ школы орудіе знанія—механическую грамотность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нѣкоторые умственные запросы, не можетъ не претендовать на то, чтобы школа и послѣ его выхода изъ нея отвѣчала на эти возбужденные ею же запросы, по крайней мѣрѣ, выдачею книгъ. Мы видѣли, однако, что современная школа не удовлетворяетъ пока этому законному требованію крестьянъ. Разставаясь съ своими питомцами, которымъ при выпускѣ бываетъ обыкновенно не болѣе 12—13 лѣтъ, школа прекращаетъ затѣмъ

всякую связь съ ними, и бывшіе ученики съ головою погружаются въ заботы своего домашняго обихода. Никто и ничто не идетъ на встрѣчу пробужденнымъ въ школѣ потребностямъ; напротивъ, вся обстановка деревни стремится убить, уничтожить умственную энергію крестьянина, и интересъ къ чтенію ослабѣваетъ все больше и больше. Молодежь любитъ читать, любятъ послушать чтеніе въ свободную минуту и старики, а книгъ нѣтъ. Завести общественную библіотеку? Легко сказать, но для этого нужны, во-первыхъ, деньги, которыхъ, какъ извѣстно, въ деревнѣ не много; во-вторыхъ, инициатива, которою русскій человѣкъ вообще, а русскій мужикъ въ особенности, не отличается; въ-третьихъ, наконецъ, еслибъ и деньги, и инициатива нашлись, то, во всякомъ случаѣ, надо имѣть не мужицкую смѣлость и не мужицкую настойчивость, чтобы преодолѣть всѣ тѣ затрудненія, съ которыми сопряжено у насъ открытіе народной библіотеки. Покупать книжки каждому отдѣльно — не по плечу мужику. Среди болѣе состоятельныхъ городскихъ интеллигентныхъ обывателей, и тамъ только наличность библіотекъ дѣлаетъ книгу доступною для любителей; чего же можно требовать отъ крестьянина, въ бюджетѣ котораго даже такая насущная потребность, какъ мясо, опредѣляется до слезъ, до смѣха скромною цифрой въ шестьдесятъ копѣекъ? И нисколько не преувеличиваетъ бывшій ученикъ Россошинской школы, записывая въ своемъ отвѣтѣ: «а книги происходили отъ поту лица моего». А такъ какъ мы знаемъ, что и хлѣбъ происходитъ отъ поту лица мужицкаго, то не удивительно, что на долю книгъ остается его очень и очень немного, и частныя библіотеки крестьянъ блещутъ своимъ поразительнымъ убожествомъ. «У меня есть только одинъ псалтырь; я все больше его читаю»,—пишетъ одинъ изъ такихъ деревенскихъ собственниковъ, повидимому, уже примирившійся съ немноготомностью своей библіотеки. Есть, конечно, частныя библіотеки и нѣсколько полнѣе только что названной, но, все-таки, мы лучше сдѣлаемъ, если умолчимъ о нихъ. Вообще книга—вещь рѣдкая въ деревнѣ, настолько рѣдкая, что испытуемые не затруднялись указаніемъ тѣхъ источниковъ, откуда они получили ее. Въ отвѣтахъ то и дѣло попадаются самыя точныя сообщенія о томъ, что вотъ такую-то книгу принесъ отецъ съ линіи, такую-то бралъ у одной вдовы, у тестя, у дѣда Измаила и т. д. Наконецъ, о рѣдкости книгъ въ деревнѣ говоритъ еще и то обстоятельство, что въ отвѣтахъ по каждой школѣ безпрестанно упоминаются однѣ и тѣ же книги; очевидно, стало быть, что попавшая въ школьную библіотеку или въ деревню книга не лежитъ напрасно, а обходитъ обширный кругъ читателей.

Что касается обстановки, при которой происходитъ чтеніе въ деревнѣ, то какъ личные разспросы учителей, такъ и нѣкоторыя данныя изъ отвѣтовъ экзаменовавшихся убѣждаютъ насъ, что читаютъ крестьяне преимущественно группами, составленными изъ членовъ семьи, причемъ часто приходятъ послушать чтеніе и сосѣди. Вотъ что говорятъ по этому поводу сами испытуемые:

По Знаменскому училищу: «свободное время читалъ, а всѣ слушали»;

по Синелиняговскому училищу: «У меня есть дѣдъ, отецъ и братья, — пишетъ ученикъ выпуска 1886 г.,—они любятъ слушать и заставляютъ меня читать; и я читаю, а они слушаютъ»; и, наконецъ, по Туровскому училищу: «Пятнадцати лѣтъ я пересталъ пасти скотъ,—пишетъ ученикъ выпуска того же 1886 г.,—и сталъ помогать въ полезныхъ работахъ братьямъ своимъ, чѣмъ и занимаюсь до сихъ поръ; кромѣ ремесла никакого не имѣю. Находясь всегда почти дома и имѣя иногда много свободнаго времени, особенно въ зимнее время, часто я занимаюсь чтеніемъ книгъ святого писанія, какъ-то: Святого Евангелія, Житія святыхъ, Священной Исторіи и другія; эти книги часто слушателей приводятъ въ умиленіе и невольно они размышляютъ о богоугодномъ, а иной разъ скажутъ: мы-то ничего этого не знаемъ, живемъ, какъ скотъ!»

Групповое чтеніе нельзя назвать явленіемъ, свойственнымъ исключительно Нижнедѣвицкому уѣзду, и, напримѣръ, завѣдующій Сагуновскою библіотекой (въ Острогожскомъ уѣздѣ) пишетъ въ своемъ отчетѣ с.-петербургскому комитету грамотности: «На основаніи собранныхъ свѣдѣній мы можемъ констатировать, что только 12% дали «чтеніе въ одиночку», въ остальныхъ случаяхъ чтеніе происходитъ въ семьѣ, гдѣ иной разъ бываютъ слушателями и посторонніе. Для мужика книга даетъ «общее удовольствіе», вліяніе ея групповое, а не индивидуальное. Читаютъ въ семьѣ, гдѣ есть нѣсколько грамотныхъ, по очереди; кто читаетъ, тотъ и комментируетъ прочитанное. Бываютъ случаи, когда кто-нибудь изъ числа слушателей даетъ объясненіе прочитанному,—словомъ, даетъ объясненіе тотъ, кто считаетъ себя компетентнымъ сдѣлать разъясненіе и толкованіе для слушающей публики».

Въ этомъ тяготѣніи къ общему, групповому чтенію деревня обнаруживаетъ свои усилія смягчить вредное для ея умственнаго развитія вліяніе такихъ факторовъ, какъ низкій процентъ грамотности, дѣлающій чтеніе совершенно недоступнымъ для большинства населенія, и рѣдкость въ деревнѣ книги, на которую часто является одновременно нѣсколько требованій. Къ тому же, кромѣ кабака, въ деревнѣ нѣтъ никакихъ учрежденій, которыя давали бы возможность крестьянамъ провести пріятно время отдыха сообща съ тѣми, съ которыми условія жизни сталкиваютъ лишь для тяжелаго физическаго труда и для рѣшенія узко-практическихъ вопросовъ домашняго обихода, а, между тѣмъ, потребность въ такихъ учрежденіяхъ деревня должна чувствовать тѣмъ болѣе настоятельно, что тѣсныя рамки общины вырабатываютъ въ крестьянинѣ привычку къ общественности. «На міру и смерть красна»,—говоритъ русскій крестьянинъ, и, конечно, этотъ міръ, скрашивающій даже тяжесть смерти, тѣмъ болѣе долженъ скрашивать и тяжесть работы и увеличивать удовольствіе отдыха, который, для каждаго въ отдѣльности, въ силу однородныхъ условій земледѣльческаго труда, все равно совпадаетъ съ отдыхомъ всего «міра».

Какъ бы тамъ ни было, но тѣ усилія, какія употребляетъ деревня для того, чтобы, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, распространить

вліяніе книги на возможно большій контингентъ лицъ, должны и въ нашихъ глазахъ поднять значеніе книги, какъ цивилизующаго фактора. Благодаря распространенности групповаго чтенія, книга захватываетъ въ кругъ своего вліянія и ту значительную часть сельскаго населенія, которая лишена возможности пользоваться благами школьнаго преподаванія; она доступна и грамотному, и неграмотному, и потому мы считаемъ необходимымъ подробно разсмотрѣть тотъ книжный матеріалъ, которымъ, по даннымъ провѣрочныхъ экзаменовъ, пользуется сельское населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда.

Прежде всего, предлагаемъ списокъ книгъ, которыя названы испытуемыми въ ихъ письменныхъ отвѣтахъ, распредѣливъ всѣ названія на четыре группы: 1) книги духовно-нравственнаго содержанія; 2) романы, повѣсти, разсказы и сказки; 3) книги историческаго содержанія, историческіе романы, повѣсти и разсказы и, наконецъ, 4) книги по сельскому хозяйству и вообще сочиненія практическаго характера.

По первой группѣ названы слѣдующія книги:

Библія, Евангеліе, Св. Исторія Ветхаго Завѣта, Св. Исторія Новаго Завѣта, Молитвенники, Часословъ, Псалтырь, Святцы, Проповѣди, Троицкіе листки, Училище благочестія, Путь ко спасенію, Акаѳистъ Іисусу Христу и Божіей Матери, Указаніе пути въ царство небесное, Кіево - Печерская лавра, Къ храму Божію, О двадцати мытарствахъ, Наставленія (съ Аѳона), Книга святителя Нифонта, О страшномъ судѣ, О Св. Землѣ, Адъ и рай, Іовъ, Іосифъ Прекрасный, Успеніе Пресвятой Богородицы, Гоненіе на христіанъ, Объ антихристѣ, Поученія протоіерея Родіона Путятина, Соловецкій монастырь, Пора опомниться, О пьянствѣ и буйномъ веселіи.

Житія святыхъ: Митрофана, Тихона, Филарета Милостиваго, Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ Софіи, Георгія Побѣдоносца, Маріи Египетской, Великомученицы Варвары, Алексѣя Божія человѣка, Св. Харлампія, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Кирилла и Меѳодія, Св. Николая чудотворца Мирликійскаго, Блаженнаго Іоанна, Симеона Столпника, Преподобнаго Василія, Св. Сергія, Мученицы Ирины, Постниковъ и говѣльщиковъ, Екатерины, Пантелеймона, Св. Владиміра, Пресвятой Богородицы, Онуфрія Юродиваго, Св. Евстафія Плакиды, Пелагеи, Евфросіи цѣломудренной, Кіевскій разсказъ объ угодникахъ лавры.

Итого 58 названій.

По второй группѣ (романы, повѣсти, разсказы и сказки):

Злая невѣстка, Христосъ въ гостяхъ у мужика, Кривая доля, Степка Отпѣтый, Сочиненія Крашевскаго, Черные дни Францеля, Счастье Ивана Непомнящаго, Дѣтское сердце, Махмудкины дѣди, Пустоплясы, Робинзонъ Крузо, Три сестры, Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, Майская ночь или утопленница, сочиненія Лермонтова, сочиненія Пушкина, пѣсни Кольцова, Кавказскій плѣнникъ, Пѣсенникъ, Семенъ сирота и его жена, Параша Сибирячка, Громобой, Басни Крылова, Вокругъ свѣта, О дикихъ людяхъ, Бабушка Марѳа, Анекдоты Балакирева, Потерянный рай, Какъ солдатъ спасъ Петра Великаго, Бова королевичъ, Еруславъ Лазаревичъ, Илья Муромецъ и Соло-

вей разбойникъ, Лиса-повитуха, Милордъ англійскій, Царь Салтанъ, Сказка о львицѣ, Иванъ-царевичъ, Сказка о дуракѣ и лисицѣ, Сказка о томъ, какъ львица воспитала царскаго сына, Портупей-прапорщикъ, О спящей царевнѣ, Русскія народныя сказки, Конекъ-горбунокъ, Иванъ Добромыслъ и о прекрасной супругѣ Свѣтланѣ.

Итого 44 названія.

По третьей группѣ (книги историческаго содержанія):

Отечественная исторія, Куликовская битва, Христофоръ Колумбъ, Ломоносовъ—первый русскій ученый, Ермакъ Тимоѳеевичъ, Императрица Екатерина II, Какъ изобрѣли книгопечатаніе, Пугачевъ, Суворовъ, Про военные подвиги гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ (?), Какъ французъ въ Москву ходилъ въ 1812 году, Взятіе Плевны, Александръ Невскій, Освобожденіе Россіи отъ поляковъ, О Китаѣ, Индія, Кутузовъ, О древнихъ царяхъ и храбрыхъ полководцахъ, Тарасъ Бульба, Капитанская дочка, Юрій Милославскій, Никитинъ, Битва русскихъ съ кабардинцами, Борисъ Годуновъ, Князь Серебрянный, Жизнь о. Іоанна (Кронштадскаго).

Итого 26 названій.

По четвертой группѣ (сочиненія практическаго характера):

О скотѣ, Садоводство, Объ огородѣ, О домашнемъ хозяйствѣ, какъ обрабатывать землю и какъ водить скотину, какъ за ней нужно ходить, ихъ любить, а не бранить (?), О грозѣ, Календарь, Переселеніе въ Сибирь, Энциклопедическій словарь, О всякихъ болѣзняхъ и простудѣ, и какую надо одежду носить и чѣмъ лечить чирьи (?).

Итого 9 названій *).

Если мы назовемъ еще сборники для чтенія Водовозова, Паульсона, Родное Слово, Нашъ другъ, Наше родное и газету *Сельскій Вѣстникъ*, то этимъ мы окончательно исчерпаемъ весь матеріалъ, перечисленный бывшими учениками сельскихъ училищъ Нижнедѣвицкаго уѣзда.

Въ виду того, что книги, названныя въ этомъ перечнѣ, часто повторяются въ отвѣтахъ испытуемыхъ по нѣсколько разъ, мы дополнимъ его слѣдующими цифрами: о чтеніи книгъ духовно-нравственнаго содержанія мы находимъ въ отвѣтахъ экзаменовавшихся 635 указаній, о чтеніи романовъ, повѣстей и разсказовъ—280, о чтеніи книгъ историческаго содержанія—58 и о чтеніи книгъ практическаго характера—21. Такимъ образомъ, среди книжнаго матеріала, который расходится въ деревнѣ, наибольшею распространенностью пользуются книги духовно-нравственнаго содержанія, которыхъ читается почти въ два раза больше, чѣмъ книгъ всѣхъ остальныхъ разрядовъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Нечего распространяться о томъ, какъ трудно попасть въ деревню хорошей книгѣ: доступъ ея стѣсненъ и цѣною, и, еще болѣе, внѣшними

*) Къ этой группѣ слѣдовало бы отнести также и учебники: географіи, физики, космографіи и т. д., но такъ какъ они названы только однимъ испытуемымъ, о которомъ ниже мы говоримъ отдѣльно, то мы и не сочли нужнымъ перечислять ихъ здѣсь.

условіями. Въ приведенный выше списокъ книгъ попали, конечно, лишь тѣ, которыя запечатлѣлись въ памяти читателей и такъ или иначе признаны были ими достойными упоминанія. Если и среди этихъ книгъ можно указать множество такихъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить здоровою умственною пищей для читателя, то въ деревнѣ, кромѣ нихъ, обращаются и другіе продукты никольскаго досужества, и вся эта масса никуда негоднаго книжнаго хлама образуетъ такую компактную кучу мусора, среди которой совершенно теряются отдѣльныя жемчужины. А, между тѣмъ, этотъ мусоръ преподносится народу въ качествѣ «свѣтской литературы», онъ долженъ служить для деревенскаго читателя критеріемъ для оцѣнки свѣтской книги вообще, и, разумѣется, эта послѣдняя не могла завоевать себѣ въ массѣ населенія не только симпатіи, но даже и простого уваженія. Напротивъ, въ отвѣтахъ испытуемыхъ проглядываетъ пренебреженіе къ свѣтской литературѣ. По всѣмъ безъ исключенія училищамъ Нижнедѣвицкаго уѣзда испытуемые классифицируютъ книги на «божественныя», съ одной стороны, и на расхожія, потѣшныя, сказочныя, басничьи, басенныя, маленькія, швецкія — съ другой. И эти «басничьи» книжки читаютъ иногда въ тѣхъ только случаяхъ, когда уже «дѣлать нечего», когда «скучно станетъ». Словомъ, «потѣшная» книга, которою дѣйствительно можно только тѣшить мужика, не претендуя вызвать къ ней сколько-нибудь серьезное отношеніе, оцѣнена въ деревнѣ какъ разъ по ея достоинству, и, напримѣръ, въ той же Сагуновской библіотекѣ, объемъ которой намъ уже приходилось цитировать, требованія на народную беллетристику постепенно понижаются, изъ чего видно, что народъ,—по справедливому замѣчанію отчета,—«проявляетъ нѣкоторую оппозицію къ современной народной беллетристикѣ».

И вотъ, прочитавъ нѣсколько «маленькихъ книжонокъ»—«пустячковъ всякихъ», которые, однако, изготовляются спеціально на его потребу, крестьянинъ не охотно даетъ свои гроши на пріобрѣтеніе свѣтской книги, считая ее пригодной, пожалуй, еще для дѣтскаго возраста, но отнюдь не для взрослаго серьезнаго человѣка.

Что касается книгъ популярно-научнаго или практическаго характера, то распространенность ихъ въ деревнѣ еще такъ незначительна, что самое существованіе такихъ книгъ, въ большинствѣ случаевъ, неизвѣстно для крестьянъ. Даже при наличности правильно организованной библіотеки, какъ Сагуновская, крестьяне не подозрѣвали о возможности достать тамъ книжку, которая разъяснила бы многое въ ихъ крестьянскомъ обиходѣ и окружающемъ ихъ мірѣ. Книжки подобнаго рода завѣдующій библіотекой долженъ былъ самъ рекомендовать и даже навязывать читателю, такъ какъ послѣдній не дѣлалъ никакихъ попытокъ «поспрошать» ихъ. Впрочемъ, не только незнакомство съ подобными книгами, но иногда, напротивъ, знакомство съ ними вызываетъ подозрительное къ нимъ отношеніе со стороны крестьянъ: среди подобныхъ «приспособленныхъ для народа» изданій, также какъ и среди народной беллетристики, не мало всякой не-

годной ветоши, которая можетъ навсегда отбить охоту отъ серьезнаго чтенія. О томъ, много ли даетъ крестьянину Нижнедѣвицкаго уѣзда книга практическаго характера, можно судить уже по тѣмъ цифровымъ даннымъ, которыя представлены были выше (испытуемыми было упомянуто только 9 названій, два изъ которыхъ, къ тому же, очень подозрительнаго свойства; о чтеніи этихъ книгъ сообщили только 21 человѣкъ). Для болѣе наглядной оцѣнки этихъ данныхъ любопытно сопоставить ихъ съ отвѣтомъ крестьянина Петербургской губерніи, которая, по количеству существующаго въ ея деревняхъ книжнаго матеріала, находится, конечно, въ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ глухой и бѣдный Нижнедѣвицкій уѣздъ. «Что хорошаго прочелъ я въ книгахъ,—пишетъ этотъ крестьянинъ, окончившій школу въ 1884 г.,—объ этомъ трудно отвѣтить, такъ какъ хорошихъ книгъ получить негдѣ, а въ сказкахъ хорошаго не много найдешь; правда, попадались иногда и хорошія книги, можно сказать даже очень полезныя для крестьянъ, напримѣръ, о садоводствѣ, о хлѣбопашествѣ, но такихъ попадалось немного, да и то краткія, такъ что ничего по-настоящему не описано» *).

Нѣкоторые разряды читателей не подходятъ, однако, подъ эту общую характеристику. Малая распространенность книги мѣшаетъ критическому къ ней отношенію, и часто поэтому книга вообще, независимо отъ ея содержанія, представляется деревенскому читателю чѣмъ-то хорошимъ уже потому, что она даетъ ему возможность выходить по временамъ изъ узкой сферы его хозяйственныхъ интересовъ въ иной міръ. Поэтому-то мы и наталкиваемся въ экзаменаціонныхъ работахъ на отвѣты вродѣ такихъ: «читалъ всякія, всѣ хорошія», или: «нравятся мнѣ божественныя и разсказы положительно всѣ». Такіе отвѣты очень нерѣдки, и, наоборотъ, чрезвычайно рѣдки отвѣты, въ которыхъ заявляется о наличности какихъ-нибудь опредѣленныхъ требованій, показывающихъ знакомство съ книгами и умѣнье разбираться въ нихъ. Можно, однако, сказать, что хорошая книга, т.-е. книга, одобренная интеллигентнымъ читателемъ, попадая въ деревню, не остается безъ вниманія: ее читаютъ, понимаютъ и любятъ, и читатели такихъ книгъ уже не отнесутъ ихъ въ разрядъ басенныхъ, сказочныхъ или потѣшныхъ. Къ сожалѣнію, однако, такія книги мало проникаютъ въ деревню, и сочиненія нашихъ любимыхъ авторовъ - беллетристовъ рѣдко встрѣчаются въ отвѣтахъ экзаменовавшихся. Популярно-научная литература, несмотря на поразительную рѣдкость книгъ этого рода въ деревнѣ, также имѣетъ своихъ почитателей. Достаточно попасть въ деревню хорошо составленной книгѣ, и она уже заинтересовываетъ деревенскаго читателя. Энциклопедическій словарь, попавшій въ с. Городище, встрѣтилъ благодарную почву въ любознательности мѣстныхъ грамотѣевъ; онъ побывалъ въ разныхъ рукахъ и получилъ самые блестящіе отзывы. «Лучшая книга—Энциклопедическій словарь»,—пишетъ одинъ экзаменующійся, и этотъ отзывъ вполнѣ

*) *Русск. Нач. Учит.* 1893 г., № 11, стр. 14.

подтверждають и другіе читатели словаря. Затѣмъ, въ другихъ селахъ мы встрѣчаемъ людей, которыхъ особенно интересують: «разсказы о человѣческой жизни», «путешествія на подобіе Робинзона», «Индія», «о томъ, какъ жили люди за 100 лѣтъ», «о небѣ и землѣ», «разныя сказанія для мужицкихъ примѣровъ», «хлѣбопашечныя, лѣсоводныя книги», вообще «серьезное чтеніе» и т. д. Словомъ, разбуженная мужицкая любознательность хватаетъ широко и глубоко, желая знать многое, «что и какъ». «Больше всего,—пишетъ бывшій ученикъ Роговатовской школы,—люблю читать про разныхъ народовъ и какъ они живутъ, и про разныя государства и чѣмъ они занимаются, и больше всего на свѣтѣ люблю какія-нибудь любопытныя книги». А вотъ еще два характерныхъ отвѣта на ту же тему; приводимъ ихъ цѣликомъ:

«Любимымъ занятіемъ моимъ во время лѣта было садоводство,—пишетъ бывшій ученикъ выпуска 1883 г.—Любилъ читать такія книги, въ которыхъ говорилось о какой-нибудь работѣ. Благодаря такимъ книгамъ, я самоучкой вышелъ переплетчикомъ; когда же я началъ переплетать, то въ книгахъ для чтенія недостатка не имѣлъ, читалъ и духовныя. Книги свои; бралъ у священника и въ школѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ открылся въ нашемъ селѣ хоръ, я состою въ этомъ хорѣ пѣвчимъ. Въ прошломъ году я выписалъ фотографическій аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ и занялся сей работой, но, за неимѣніемъ средствъ, въ данное время я не работаю, хотя и очень желаю продолжать эту работу».

«Семья наша не велика и вся почти рабочая,—пишетъ другой испытуемый выпуска 1884 г.—По выходѣ изъ школы я занимался тѣмъ, чѣмъ занимаются другіе, а особенно мои товарищи: бился на кулачки, опустошалъ огороды, и все то, что способны дѣлать неразумныя дѣти; послѣ сего меня приставили исполнять всѣ крестьянскія работы; отъ сего шалости мои прекратились. Я началъ сильно скучать, и что же?—чуть было не огрубѣлъ и не сталъ мужикомъ, способнымъ на всякія погрѣшности. На долю мою выпадало много свободнаго времени, я началъ заниматься чтеніемъ, и читалъ больше всего сказки, которыхъ было достаточно. Оперившись, я теряю свое первобытное и неопредѣленное состояніе; я началъ читать книги болѣе полезныя, какъ, напримѣръ, Исторію государства Россійскаго, Пушкина, пѣсни Кольцова. Люблю я больше всего книги ученыя, особенно гдѣ много всего хорошаго, люблю и божественныя. Пишу не часто, и если пишу, то большею частью стихи, хотя и не совсѣмъ основательные».

Выдѣливъ, какъ отрадное исключеніе изъ общаго правила, небольшую группу лицъ, которыя полюбили свѣтскую книжку, вчитались въ нее, такъ что могутъ уже предъявлять къ ней свои опредѣленныя требованія, мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ разрядѣ читателей, которые хотя и включены нами въ группу любителей свѣтскаго чтенія, но отличаются отъ послѣднихъ нѣкоторыми весьма характерными особенностями. Мы говоримъ о любителяхъ спеціально военныхъ разсказовъ.

Изъ 93 человѣкъ, охарактеризованныхъ нами выше, какъ любителей свѣтскаго чтенія вообще, 24 человѣка (или 25,8%) предпочитаютъ чтеніе книгъ военнаго характера. Книги этого рода читаются въ деревнѣ вообще съ большою охотой; «военныя книги какъ-то читать интереснѣй»,—пишетъ одинъ изъ испытуемыхъ, и требованія, предъявляемыя къ нимъ, очень опредѣленны. Изъ чтенія этого характера особенно привлекаютъ деревенскаго читателя разсказы «про военные подвиги гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ», «про военные походы», «про военныя дѣйствія и разсказы про войсковыхъ высшихъ и нижнихъ чиновъ», «о разныхъ войнахъ и походахъ великихъ полководцевъ» и т. д.

Не трудно понять, въ чемъ заключается привлекательность такого чтенія для деревни. Если народная беллетристика, фабрикуемая большею частью людьми, не знакомыми ни съ условіями народной жизни, ни съ народною психикой, не соотвѣтствуетъ требованіямъ художественной и тѣмъ болѣе житейской правды и считается поэтому въ глазахъ деревенскаго читателя потѣшнымъ пустячкомъ; если книги практическаго характера еще слишкомъ мало знакомы ему, то военные разсказы, заимствуя свои сюжеты изъ дѣйствительной жизни, вліяютъ на крестьянина двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, читатель относится къ подобнымъ разсказамъ съ безусловнымъ довѣріемъ, потому что они дѣйствительно имѣютъ въ основѣ своей сущую историческую правду, хотя и разукрашенную, часто даже изуродованную вымысломъ автора. Съ другой стороны, они сильно дѣйствуютъ на чувство читателя, возбуждая глубоко затаенное въ немъ честолюбіе и рисуя ему въ яркихъ краскахъ единственную, быть можетъ, возможность выйти изъ той прозы жизни, которая со всѣхъ сторонъ окружаетъ и давитъ его, на широкій просторъ славной дѣятельности во имя интересовъ, захватывающихъ церковь, націю, государство. Такая книжка для деревенскаго читателя—находка, и не удивительно поэтому, что военные разсказы, возбуждающіе его фантазію и высоко поднимающіе его надъ обычною суетой крестьянскаго дня, часто сопоставляются имъ даже съ книгами духовнаго содержанія. «Больше всего люблю божественныя и военныя (книги)», «божественныя и о храбрыхъ герояхъ на войнѣ»—отвѣты, которые встрѣчаются въ письменныхъ работахъ испытуемыхъ не одинъ разъ.

Но, все-таки, для большинства читателей «лучше нѣтъ священной исторіи, проповѣди, житія преподобныхъ, въ которыя намъ каждый разъ надо всматриваться». Этимъ мнѣніемъ бывшаго ученика Роговатовской школы опредѣляется значеніе для деревни «божественныхъ» книгъ.

Божественная книга имѣетъ передъ остальными то несомнѣнное преимущество, что ей не приходится создавать новыя потребности или вызывать къ жизни существующія потенціальныя: она находитъ въ деревнѣ почву, давно уже подготовленную, и удовлетворяетъ потребностямъ, давно уже назрѣвшимъ. Божественная книга заставляетъ работать мужицкую мысль, но работать въ привычномъ уже для нея направленіи, такъ какъ

христіанская религія съ дѣтства становится краеугольнымъ камнемъ мужицкаго міросозерцанія.

Если, какъ мы видѣли, чтеніе въ деревнѣ находится въ условіяхъ, которыя оставляютъ желать еще многаго, то тѣмъ болѣе это приходится сказать о письменныхъ занятіяхъ. Только 90 человѣкъ отвѣтили, что пишутъ они часто; 289 человѣкъ пишутъ рѣдко. Даже изъ этого ограниченнаго числа отвѣтовъ, относящихся къ письменнымъ занятіямъ, можно видѣть, что данный вопросъ далеко не такъ затрогивалъ экзаменовавшихся, какъ вопросъ о чтеніи. И дѣйствительно, деревенскій житель рѣдко пользуется своимъ умѣньемъ писать, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые поставлены въ исключительное положеніе писаря, торговца, учителя и т. д.; эти послѣдніе настолько широко пользуются своими знаніями, что нѣкоторымъ изъ нихъ приходится «по лавочному дѣлу» или по службѣ писать, по ихъ признанію, даже чаще, чѣмъ читать. Обыкновенный же деревенскій обыватель, пахарь, беретъ перо въ руки «кое-когда», «по нуждѣ», для того, чтобы написать «въ чужія страны письмо» отъ себя или по просьбѣ своихъ неграмотныхъ односельчанъ, подписаться, когда случится надобность, подъ общественнымъ приговоромъ или расписаться въ волостномъ правленіи, написать поминаніе, прошеніе; кое-кто, въ видѣ исключенія, заводитъ у себя домашнюю бухгалтерію, записывая «сколько сѣна убрали», и, наконецъ, молодежь недавнихъ выпусковъ, проникнутая еще не остывшимъ усердіемъ, занимается списываньемъ съ книгъ. На вопросъ, почему рѣдко пишутъ, отвѣты получились тѣ же, что и на соотвѣтствующій вопросъ о чтеніи. Восемь человѣкъ сослались на недосугъ («а когда бы пописаться,—некогда») и шесть человѣкъ на отсутствіе письменныхъ принадлежностей: «затѣмъ (я мало пишу), что перышка не за что купить и чернильца», «не по чему было»,—отвѣчаютъ крестьяне въ такихъ случаяхъ. 46 человѣкъ заявили, что они никогда не пишутъ, хотя едва ли возможно признать эти отвѣты точными. Косвенною уликой противъ этихъ через-чуръ ужь скромныхъ людей можетъ служить слишкомъ низкій процентъ грамотности въ уѣздѣ, въ силу чего населенію зачастую приходится прибѣгать къ услугамъ деревенскихъ грамотѣевъ. Но, кромѣ этой косвенной улики, существуютъ и прямыя: во-первыхъ, нѣкоторые изъ этихъ скромниковъ получили за письмо лучшія отмѣтки, чего не могло бы случиться при полномъ отсутствіи практики въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и, во-вторыхъ, учителя, подвергавшіе этихъ «никогда» не писавшихъ крестьянъ устному опросу, убѣждались, что письменные отвѣты въ этихъ случаяхъ часто не соотвѣтствуютъ истинѣ. Скромники вспоминали, что «кое когда» и имъ приходилось пользоваться своими знаніями, иногда по собственной нуждѣ, иногда по просьбѣ односельчанъ. Во всякомъ случаѣ письмо въ деревнѣ находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ чтеніе: большинство учившихся стали писать хуже, а не лучше прежняго, и средній баллъ за письмо (3,2) значительно меньше такого же за чтеніе (3,5). Физическій трудъ, вѣроятно, также играетъ въ этомъ не малую роль; «рука

попортилась—дрожитъ отъ работы»,—пишетъ, напримѣръ, бывш
Ясеневскаго училища. По отдѣльнымъ училищамъ средніе баллы
разнятся между собою болѣе, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ предм
чинаясь очень низко, съ 2,4 (по Ново-Ольшанскому училищу), ср
по письму остается 2 съ десятыми долями для цѣлыхъ семи у
съ десятыми для одиннадцати, и въ одномъ, наконецъ (Кочетовскомъ), училищѣ онъ возвышается до 4,2, чего не достигаетъ средній баллъ для всего училища ни по одному изъ другихъ предметовъ.

Въ письменныхъ работахъ есть только три-четыре указанія на занятія по выходѣ изъ училища ариѳметикой, да и то эти указанія ограничиваются случаями помощи учащимся, такъ что предполагать, что ариѳметика служитъ въ деревнѣ объектомъ внѣшкольнаго образованія, нѣтъ никакихъ основаній. Но такъ какъ, и помимо теоретическаго изученія, сама жизнь ежедневно даетъ поводы для разнообразныхъ математическихъ операцій, то не удивительно, что знанія по ариѳметикѣ оказались лучше знаній по всѣмъ остальнымъ предметамъ: въ среднемъ они оцѣнены 3,6 баллами, а въ частности только одно училище (Ново-Ольшанское) имѣетъ въ среднемъ по ариѳметикѣ 2,9 балла; затѣмъ 13 училищъ имѣютъ отъ 3,3 до 3,8, а въ трехъ училищахъ: Истобенскомъ, Шаталовскомъ и Кочетовскомъ средній баллъ достигаетъ 4. Испытаніе состояло въ письменномъ рѣшеніи одной или двухъ задачъ, весьма несложныхъ и близкихъ, по своему содержанію, къ типу тѣхъ математическихъ операцій, съ какими постоянно приходится имѣть дѣло въ крестьянскомъ быту. Вотъ, наприм., задача, которая предложена была на испытаніи въ большинствѣ школъ: «Хозяинъ имѣлъ овса 535 мѣръ, изъ которыхъ 215 мѣръ продалъ, 200 оставилъ для лошадей, а остальныя посѣялъ и получилъ урожай самъ-семь. Сколько четвертей онъ собралъ?»

Сравненіе результатовъ испытанія по письму и ариѳметикѣ для выпусковъ 1880, 1885 и 1890 годовъ можно сдѣлать по слѣдующей таблицѣ:

Годы выпуска.	Письмо.	Ариѳметика. Рѣшеніе (письменное) задачи.	Ариѳметика. Устный отвѣтъ.
1880 г.	3,5	3,7	4
1885 »	2,9	3,3	3,1
1890 »	3,3	3,6	3,6
Общій средній баллъ за 18 лѣтъ по всѣмъ училищамъ	3,2	3,6	

Въ земскихъ училищахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда только 9,7% всѣхъ учащихся получаютъ ежегодно свидѣтельства о грамотности. Причины такого ничтожнаго процента оканчивающихъ земскія училища лежатъ внѣ школы, хотя до извѣстной степени постановка школьнаго дѣла можетъ ослабить зло. По крайней мѣрѣ, въ тѣхъ училищахъ, которыя, благодаря удачному подбору преподавателей и болѣе или менѣе удовлетворительному составу училищныхъ библіотекъ, съумѣютъ заинтересовать крестьянъ, вну-

лить имъ большее довѣріе и уваженіе къ себѣ, процентъ оканчивающихъ замѣтно увеличивается. Въ настоящее время школа, во всякомъ случаѣ, не такъ много обѣщаетъ крестьянину въ будущемъ, чтобы онъ могъ пренебречь экономическими соображеніями нынѣшняго дня и поступать въ ущербъ своимъ прямымъ, насущнымъ интересамъ. А этотъ насущный интересъ часто требуетъ непосредственнаго участія въ хозяйствѣ и дѣтскихъ силъ, для которыхъ въ сельскомъ быту всегда найдется достаточный кругъ дѣятельности. Понянчить ребенка, пока мать въ полѣ, посторожить скотину, бахчи и т. д.,—для всего этого нуженъ человѣкъ, хотя бы и маленькій, и вотъ эти маленькіе работники цѣлыми массами ежегодно вырываются изъ школъ и уже навсегда, безповоротно, посвящаются хозяйственнымъ интересамъ семьи. Чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ чувствительнѣе для нея потеря каждой лишней даровой рабочей силы, и тѣмъ скорѣе, слѣдовательно, отрываетъ она ребенка отъ школы. Процентъ грамотности въ такихъ семьяхъ долженъ быть, конечно, ниже, чѣмъ процентъ грамотныхъ въ семьяхъ, болѣе сильныхъ по своему хозяйственному составу, и дѣйствительно, въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ *) среди хозяйствъ съ нанимающимися въ батраки грамотныхъ насчитывается 3,6%; среди хозяйствъ, которыя не выдѣляютъ изъ себя батраковъ, но и не нанимаютъ ихъ, грамотныхъ 4% и, наконецъ, среди хозяйствъ, нанимающихъ батраковъ, грамотныхъ 4,3%.

Количество дѣтей разнаго возраста, которыя выходятъ изъ училищъ до окончанія полнаго курса, значительно превосходитъ число получившихъ свидѣтельства о грамотности, и потому особенный интересъ пріобрѣтаютъ результаты испытанія, такъ сказать, мимоходомъ произведеннаго въ двухъ школахъ: въ Туровской и Роговатовской, на двухъ противуположныхъ концахъ уѣзда. Тамъ произведена была провѣрка знаній тѣхъ крестьянъ, которые вышли изъ школы, не окончивъ въ ней курса, и, притомъ, вышли не изъ старшей, а изъ средней группы учащихся, пробывъ въ школѣ только около двухъ зимъ. Правда, испытаніе это имѣло совершенно случайный характеръ: проэкзаменовано было всего 20 человѣкъ, которые живутъ не далеко отъ училищъ, но, тѣмъ не менѣе, результаты его весьма поучительны.

Многіе изъ испытуемыхъ давно уже оставили школу; между ними есть и тридцатилѣтніе. Изъ 12 роговатовскихъ крестьянъ трое читали по 8 строкъ въ минуту, трое по 12 строкъ, остальные въ этихъ предѣлахъ и выше, до 15 строкъ. Въ Туровскомъ училищѣ чтеніе отмѣчалось баллами: по русскому чтенію одинъ получилъ 2, два—по 3, два—по 4 и три—по 5; по славянскому чтенію два испытуемыхъ получили по 2, одинъ—3, два—по 4 и три—по 5. Письмо роговатовскихъ крестьянъ, въ общемъ удовлетворительное, оцѣнено 3 баллами, хотя многіе по каллиграфіи очень слабы; въ Туровскомъ училищѣ письмо несравненно лучше. Было бы слишкомъ рискованно на основаніи этихъ немногихъ данныхъ дѣлать какія-нибудь широкія обобщенія, но и такой опытъ показываетъ, что школа не остается

*) По даннымъ 1887 г.

безъ вліянія и на многихъ изъ тѣхъ бывшихъ учениковъ своихъ, которые вышли изъ старшаго и даже младшаго отдѣленія до окончанія курса.

Такимъ образомъ, земская школа незамѣтно и постепенно дѣлаетъ свое дѣло и, несмотря на многіе свои недостатки, цѣнится и поддерживается крестьянами. Съ каждымъ годомъ ростетъ число жаждущихъ просвѣщенія. Школы Нижнедѣвицкаго уѣзда, какъ мы знаемъ, переполнены учащимися, но какъ только размѣры которой-нибудь изъ нихъ увеличатся, новый наплывъ учащихся немедленно же создаетъ въ ней такую же тѣсноту, какая существовала тамъ раньше, до ея перестройки. Когда въ 1891 г. ольшанскимъ обществомъ отстроено было новое обширное помѣщеніе для училища, число учащихся повысилось до 100, т.-е. увеличилось вдвое, такъ какъ до этого училище посѣщали не болѣе 50—60 учащихся. Въ Солдатскомъ училищѣ, гдѣ училось обыкновенно человѣкъ 50—60, въ 1893—94 учебномъ году явилось 100 желающихъ посѣщать школу; учитель, желая избѣжать массового отказа въ пріемѣ, долженъ былъ уступить одну комнату изъ своей квартиры для помѣщенія учащихся. Содержаніе помѣщеній вообще всѣхъ земскихъ училищъ Нижнедѣвицкаго уѣзда лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ, и хотя можно указать случаи крайне небрежнаго отношенія обществъ къ своимъ обязанностямъ, случаи, когда земство вынуждено было даже закрывать на время училища, но въ общемъ населеніе добросовѣстно относится къ своимъ обязанностямъ, такъ что въ тяжелый для населенія 1891 — 1892 годъ нижнедѣвицкій училищный совѣтъ сообщалъ уѣздному земству слѣдующее: «Вообще же, несмотря на неблагопріятныя экономическія условія отчетнаго года, сельскія училища содержались довольно исправно, что ясно указываетъ на то, что школа успѣла уже завоевать себѣ прочныя симпатіи въ народѣ». Относясь въ общемъ съ полнымъ доброжелательствомъ къ земской школѣ, крестьяне въ последнее время стараются даже принять посильное участіе въ устраненіи того недостатка школъ, который они справедливо считаютъ основнымъ и который особенно чувствителенъ для нихъ. Мы говоримъ о крайнемъ убожествѣ школьныхъ библіотекъ. Нѣкоторыя общества, какъ, наприм., роговатовское, туровское и семидесятское, не дожидаясь въ этомъ отношеніи какой-нибудь помощи извнѣ, сами рѣшились пойти на встрѣчу этой новой деревенской потребности и на устройство библіотекъ для внѣкласснаго чтенія ассигновали изъ общественныхъ суммъ: первые два по 50 р., послѣднее—10 рублей. Кромѣ того, среди деревенской аристократіи собраны еще небольшія суммы для этой же цѣли.

Но, конечно, если среди интеллигенціи школа часто встрѣчаетъ враждебное къ себѣ отношеніе, то и въ темной средѣ крестьянскаго населенія встрѣчаются люди, которые отрицательно относятся и къ грамотности, и къ ея разсаднику—школѣ. О существованіи въ деревнѣ такихъ обскурантовъ свидѣтельствуютъ и экзаменовавшіеся, которые, впрочемъ, въ такихъ случаяхъ считаютъ необходимымъ тотчасъ же встать на защиту школы. Вотъ одинъ изъ такихъ отвѣтовъ, отъ котораго другіе почти не отличаются:

«Про школу,—пишетъ испытуемый,—у насъ разно говорятъ: одни у насъ говорятъ, что ученіе полезно, а другіе говорятъ, что прежде и неграмотные, а жили также, но это они говорятъ напрасно». Аргументація, какъ видите, не совсѣмъ убѣдительная, но русскій человѣкъ вообще многословіемъ не отличается; онъ говоритъ мало, потому что потребность убѣдить слушателя въ справедливости своего мнѣнія ему почти не знакома. Да и зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ тратить энергію для этой цѣли, если ни мое, ни чужое мнѣніе, въ большинствѣ случаевъ, практическихъ результатовъ не даетъ? Однако, вопросъ о томъ, дѣйствительно ли напрасно говорятъ въ деревнѣ, «что прежде и неграмотные, а жили также», настолько интересенъ, что оставить его безъ разъясненій никакъ нельзя.

Почти всѣ изъ числа явившихся на экзамены бывшихъ учениковъ сельскихъ училищъ продолжаютъ оставаться въ той же соціальной обстановкѣ, въ какой находились ихъ родители: молодежь, недавно окончившая школу, занимается преимущественно пастьбой скота и затѣмъ постепенно переходитъ въ разрядъ настоящихъ земледѣльцевъ. Кое-кто на ряду съ земледѣліемъ занимается и кустарными промыслами, но такихъ не много, такъ какъ кустарная промышленность въ уѣздѣ почти отсутствуетъ. Во всякомъ случаѣ, среди экзаменовавшихся, по собственнымъ ихъ показаніямъ, есть художники (иконописцы), кузнецы, слесаря, сапожники, каменщики, прядильщики, плотники, столяры, печники, штукатуры, портные, шорники и проч. Нѣсколько (20) человѣкъ пристроились къ торговому дѣлу и нѣсколько занимаютъ должности: помощника волостного писаря, сельскаго писаря, учителя школы грамотности и проч. Что касается тѣхъ 45,3% изъ числа окончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ, которые на экзаменъ не явились, то опредѣленныхъ данныхъ объ ихъ судьбѣ у насъ подъ руками нѣтъ, но для рѣшенія этого вопроса мы можемъ воспользоваться слѣдующими соображеніями. Земледѣліе, при существующихъ его формахъ, не можетъ поглощать всѣхъ рукъ даже въ многоземельномъ сравнительно Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ. По статистическимъ даннымъ 1887 г. *), изъ 155,887 жителей уѣзда находилось въ отсутствіи въ предѣлахъ уѣзда и внѣ его 4,469 человѣкъ, да кромѣ того въ безвѣстномъ отсутствіи находилось 66 семей или приблизительно 730 человѣкъ. Родной кровъ пересталъ оказывать имъ гостепріимство, и они покинули его для того, чтобы тамъ, на чужой сторонѣ, отвоевать отъ жизни для себя и семьи какой-нибудь плюсъ къ тому «скудному пропитанію», какой даетъ имъ ихъ собственный домъ. Разумѣется, грамотный крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе, чѣмъ неграмотный, можетъ с[...]таться приспособленнымъ для борьбы за существованіе внѣ своего пол[...] и особенно въ городѣ, который поглощаетъ не малую долю этихъ отсу[...]ствующихъ, и можно насчитать много профессій, зарегистрованныхъ [...]

*) *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ.*, т. 6, в. 1-й. В[...]ронежъ, 1889 г.

Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ подъ общимъ названіемъ отхожихъ промысловъ и требующихъ знанія грамоты sine qua non. Такъ, напримѣръ, среди крестьянъ, занятыхъ отхожими промыслами, записаны *): 1 живописецъ, 1 землемѣръ, 1 кассиръ, 1 конторщикъ, 1 машинистъ, 7 оспопрививателей, 9 писарей, 5 полицейскихъ, 3 пѣвчихъ, 2 желѣзно-дорожныхъ мастера, 48 прикащиковъ, 1 буфетчикъ, 2 переплетчика и т. д. Нельзя игнорировать и цѣлаго ряда другихъ профессій, которыми заняты крестьяне Нижнедѣвицкаго уѣзда, но которыя не требуютъ *обязательнаго* знанія грамоты, хотя, въ большинствѣ случаевъ, и предполагаютъ наличность его; таковы профессіи: лакеевъ, пожарныхъ, дворецкихъ, поваровъ, швейцаровъ, арендаторовъ средней руки, гуртовщиковъ, кабатчиковъ, подрядчиковъ, городскихъ, фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и проч. Переходъ изъ сферы спеціально-земледѣльческаго труда въ какую-нибудь изъ названныхъ здѣсь профессій требуетъ способности приспособляться къ новому дѣлу, умѣнья оріентироваться въ немъ, что, въ свою очередь, предполагаетъ извѣстную привычку мыслить,—привычку, которая вырабатывается надъ книгой. Поэтому въ то время, какъ массы сельскаго населенія, неудовлетворенныя земледѣльческимъ трудомъ въ своей родной деревнѣ, ищутъ приложенія того же труда гдѣ-нибудь въ Сибири, на Кавказѣ или въ Средней Азіи, гдѣ онѣ часто совершенно утрачиваютъ послѣдніе признаки той слабой культуры, какая отличала ихъ въ Россіи, грамотный крестьянинъ старается выйти изъ бѣды инымъ путемъ. Стѣсненный въ деревнѣ общею экономическою неурядицей и жалкимъ положеніемъ своего собственнаго хозяйства, онъ ищетъ спасенія не за предѣлами цивилизаціи, а, наоборотъ, въ центральныхъ пунктахъ ея—городахъ, которые даже въ разныхъ отрасляхъ фабрично-заводской дѣятельности, повидимому, совершенно не нуждающихся въ образовательномъ цензѣ рабочихъ, отдаютъ ему явное предпочтеніе передъ неграмотнымъ. Въ Московской губерніи, напримѣръ, среди одннхъ только фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ по даннымъ 1888 г. **) насчитывалось болѣе 40% грамотныхъ, и процентъ этотъ значительно поднимается, если не принимать въ разсчетъ такъ называемыхъ чернорабочихъ, трудъ которыхъ почти не требуетъ ни ловкости, ни навыка. Современныя экономическія отношенія Россіи далеко не такъ просты, чтобы въ организаціи переселенческаго движенія можно было видѣть рѣшеніе давно уже назрѣвшаго крестьянскаго вопроса; но даже если бы это было и такъ, если бы переселеніе дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, для данной минуты, разрѣшило вопросъ, оно, во всякомъ случаѣ, остается явленіемъ регрессивнымъ, потому что стремится понизить и безъ того крайне низкій коэффиціентъ плотности народонаселенія страны. Наоборотъ,

*) *Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по крестьянскому землевладѣнію въ Землянскомъ, Задонскомъ, Коротоякскомъ и Нижнедѣвицкомъ уѣздахъ.* Изд. воронежскаго губернскаго земства. Воронежъ, 1889 г.

**) *Свѣдѣнія по вопросамъ техническо-промышленнаго образованія въ Россіи.* Спб., 1888 г.

каково бы ни было направленіе экономической жизни Россіи въ ближайшемъ будущемъ, грамотность, во всякомъ случаѣ, будетъ факторомъ прогрессивнымъ, потому что она даетъ возможность крестьянину приспособляться къ новымъ отношеніямъ, примѣняясь къ нимъ не только въ предѣлахъ своего собственнаго хозяйства, но и за предѣлами его, въ городѣ, который всегда будетъ гостепріимнѣе къ грамотному, чѣмъ къ неграмотному.

Однако, изъ того, что школа, такъ сказать, прокладываетъ мостки между деревней и городомъ, еще не слѣдуетъ, что она, какъ это нерѣдко можно услышать отъ враговъ народнаго образованія, воспитываетъ въ своихъ ученикахъ презрѣніе къ деревнѣ и къ земледѣльческому труду. Грамотный крестьянинъ,—говорятъ эти господа,—потерянъ для деревни: онъ чувствуетъ себя дома несчастнымъ и всѣми силами рвется въ городъ, который прельщаетъ его соблазнами легкаго труда и легкомысленной жизни. Такое утвержденіе лишено всякихъ основаній. Крестьянинъ идетъ въ городъ по необходимости, и хотя жалобы на «деревенское утѣсненіе» довольно часто встрѣчаются въ отвѣтахъ испытуемыхъ, мы не нашли ни одного указанія, которое говорило бы о вліяніи школы въ смыслѣ тяготѣнія къ городу. Изъ тысячи слишкомъ испытуемыхъ только одинъ заявилъ, что его тяготитъ деревня и манитъ городъ, но и этотъ одинъ, какъ ясно видно изъ его отвѣта, вынесъ свои потребности и вкусы не изъ школы, а изъ военной службы, которую, къ тому же, онъ отбывалъ при довольно исключительныхъ условіяхъ. Приводимъ этотъ отвѣтъ цѣликомъ:

«Изъ школы вышелъ въ 1880 году, имѣю свидѣтельство и похвальный листъ. По выходѣ изъ школы жилъ дома и занимался хлѣбопашествомъ до тѣхъ поръ, пока взяли меня въ военную службу. Служилъ я въ крѣпостной артиллеріи въ гор. Батумѣ и былъ командированъ во время службы въ С.-Петербургъ для ознакомленія съ электро-освѣтительными аппаратами, гдѣ и учился слава Богу, за что получилъ аттестатъ съ отличною отмѣткой. А еще въ службѣ занимался по дѣлу телеграфному, что и по сейчасъ не забылъ. Какъ вышелъ со службы, 1 октября было 2 года. Книги я читалъ, когда мальчикомъ былъ, больше сказки, а когда поступилъ на службу, то увлекся книгами учебными, т.-е. географія, физика, космографія, зоологія, минералогія и вообще подобныя имъ книги, которыя я имѣю на рукахъ, т.-е. физика, космографія, зоологія, минералогія, естественная исторія, *Потерянный Рай,* сборникъ проповѣдей. А какъ вышелъ со службы, то и до сихъ поръ скучаю, что вышелъ со службы. Работать не охота черную работу, а вотъ мысли у меня тѣ, чтс уйти куда-нибудь на мѣсто въ городъ, чтобы не работать чернорабту Всѣ книги, какія у меня есть, покупалъ въ С.-Петербургѣ. По выход изъ школы читалъ рѣдко, въ нѣсколько мѣсяцевъ разъ, а писать до служ бы почти никогда не писалъ. А сейчасъ пишу письма и читаю книги въ недѣлю почти разъ, т.-е. иногда болѣе, иногда менѣе».

Въ этомъ отвѣтѣ вылилась жалоба специіалиста, который не находитъ в

деревнѣ точки для приложенія своихъ знаній; здѣсь никому не нужны эти электро-освѣтительные и телеграфные аппараты, обстоятельное знакомство съ которыми, конечно, не легко досталось рядовому солдату, до 21 года ни о какихъ аппаратахъ, кромѣ плуга и косы, не имѣвшему представленія. И чѣмъ тяжелѣе достались ему пріобрѣтенныя знанія, тѣмъ должно быть сильнѣе желаніе воспользоваться ими.

Какъ бы тамъ ни было, но въ данномъ случаѣ тяготѣніе къ городу возникло и развилось не на почвѣ земской школы. Земская школа не усиливаетъ тяготу деревенской жизни, а, напротивъ, смягчаетъ ее. Не говоря уже о томъ, что она открываетъ крестьянину возможность цѣлесообразно пользоваться досугами и удовлетворять возникающимъ потребностямъ мысли, но и въ области матеріальныхъ интересовъ вліяніе школы, даже при настоящемъ далеко неудовлетворительномъ ея положеніи, должно быть признано безспорнымъ. Открывая доступъ въ крестьянскую среду понятіямъ, мало-по-малу подрывающимъ исконные предразсудки и суевѣрія, земская школа освобождаетъ мысль крестьянина отъ угнетающихъ ее путъ и даетъ ей возможность проникать въ тѣ области жизни и дѣятельности, которыя раньше опредѣлялись одною лишь рутиной.

Вліяніе школы и книги сказывается на всѣхъ сторонахъ жизни крестьянъ. Бывшій школьникъ даже по внѣшнимъ признакамъ отличается отъ своихъ неграмотныхъ односельчанъ: онъ опрятнѣе, вѣжливѣе въ обращеніи съ другими и требовательнѣе по отношенію къ себѣ *). Грамотный крестьянинъ, по свидѣльству земскихъ врачей, съ большимъ довѣріемъ обращается къ медицинѣ и скептически относится къ знахарямъ. Онъ человѣчнѣе въ семьѣ и сознательнѣе къ мірскимъ интересамъ на сходѣ. Тысячи мелкихъ фактовъ его житейскаго обихода поддерживаютъ въ немъ огонекъ критической мысли, который зажгли въ немъ школа и книги,—и «бумага» теряетъ для него то роковое устрашающее значеніе, какое имѣла она въ глазахъ крестьянъ раньше. Возможность грубаго обмана съ помощью «бумаги» если не устранена совершенно, то въ значительной мѣрѣ ослаблена, такъ какъ онъ лично можетъ провѣрить ея содержаніе, какъ провѣряетъ онъ содержаніе своей податной книжки, общественнаго приговора, документа, заключающаго условія какой-нибудь денежной сдѣлки, и проч. Ростъ личнаго и общественнаго самосознанія подъ вліяніемъ образованія, проникающаго въ деревню черезъ посредство школы,—явленіе, которое въ настоящее время никто не отрицаетъ и которое мы можемъ отмѣтить даже

*) Учитель Сагуновской начальной школы въ историко-статистическомъ очеркѣ ея (*Сагуновская начальная школа.* Воронежъ, 1894 г.) сообщаетъ слѣдующій любопытный фактъ: „Предсѣдатель волостного суда заявилъ мнѣ,—пишетъ онъ,—что въ теченіе трехъ лѣтъ его предсѣдательства никто изъ свидѣтельственниковъ не судился въ волостномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ". Мы не беремъ на себя смѣлости обобщать этотъ фактъ, но для характеристики вліянія земской школы онъ, даже принятый съ большими оговорками, можетъ имѣть значеніе.

въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, несмотря на то, что образовательное вліяніе школы захватываетъ здѣсь еще слишкомъ ничтожную часть населенія.

Два года тому назадъ, когда кабатчики, имѣя въ виду уменьшеніе своихъ доходовъ по случаю переживавшагося тогда крестьянами тяжелаго голоднаго періода, вошли въ соглашеніе, съ цѣлью заставить сельскія общества понизить аренду за кабаки, населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда встрѣтило эту стачку дружнымъ и остроумнымъ отпоромъ. Хотя въ борьбѣ кабатчиковъ съ населеніемъ приняли участіе и мѣстные водочные заводчики, ставъ на сторону первыхъ, мужикъ, все-таки, побѣдилъ, и нѣкоторые изъ кабатчиковъ вынуждены были поступить на службу къ мужику въ качествѣ простыхъ прикащиковъ въ общественныхъ кабакахъ, открытыхъ сельскими обществами на протяженіи всего уѣзда. Мужикъ затѣялъ эту борьбу, радѣя только о мірской копѣйкѣ, но тогда, когда побѣда осталась за нимъ, онъ съумѣлъ организовать новое предпріятіе на началахъ, которыя были совершенно чужды частнымъ предпринимательскимъ кабакамъ. Устранивъ изъ кабаковъ кулака-зазывателя, спаивавшаго и обиравшаго міръ, мужикъ устроилъ и кредитъ, столь соблазнительный для любителей выпить, и вообще поставилъ все дѣло такъ, что, по нашему крайнему разумѣнію, цѣль, которая намѣчена была министерствомъ финансовъ при введеніи казенной продажи вина, достигается здѣсь и проще, и лучше. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для того, чтобы точно выяснить, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ сыграли грамотные, но, во всякомъ случаѣ, они были не на заднемъ планѣ, и тридцать лѣтъ тому назадъ подобная борьба съ подобными результатами была бы, конечно, немыслима. Въ дальнѣйшей исторіи общественныхъ кабаковъ роль грамотныхъ выясняется опредѣленнѣе: тѣ пожертвованія крестьянъ на школьныя библіотеки, о которыхъ мы говорили раньше, сдѣланы сельскими обществами изъ кабацкихъ суммъ, т.-е. изъ доходовъ, которые приносятъ міру общественные кабаки; характеръ пожертвованій прямо указываетъ, по настоянію какихъ крестьянъ они могли быть сдѣланы.

Таковы итоги школьной дѣятельности нижнедѣвицкаго уѣзднаго земства.

Дѣло народнаго образованія требуетъ широкаго простора для общественной и частной иниціативы, а, между тѣмъ, земство на каждомъ шагу должно было считаться съ цѣлымъ рядомъ препятствій. Взявшись вести школьное дѣло въ той незаконченной формѣ, въ какой оно ведется теперь, земство могло бы, безъ особенныхъ матеріальныхъ затратъ, улучшить и завершить его, но это было не въ его власти: оно могло тратить деньги на школы—и ничего больше. Увеличить программу преподаванія для училищъ, находящихся въ болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ селахъ, нельзя; устроить школы грамоты въ маленькихъ поселкахъ нельзя; организовать краткосрочные учительскіе съѣзды нельзя; завести школьныя библіотеки, которыя могли бы служить дополненіемъ къ учебному

курсу, нельзя, потому что для школьныхъ библіотекъ существуетъ особый каталогъ, изъ котораго трудно сдѣлать сколько-нибудь разумный подборъ книгъ для учащихся; устроить особые классы или публичныя чтенія для взрослыхъ, окончившихъ школу крестьянъ нельзя и т. д., и т. д. Словомъ, какой бы стороны школьнаго дѣла ни коснулось земство, все оказывается уже заранѣе предусмотрѣннымъ и заключеннымъ въ рамки, выходъ изъ которыхъ невозможенъ. О примѣненіи къ экономическимъ и бытовымъ условіямъ жизни мѣстнаго населенія не могло быть и рѣчи, такъ какъ земство должно было буква въ букву руководствоваться неподвижными нормами, созданными для всего громаднаго пространства Россіи. А, между тѣмъ, насколько необходимо бываетъ въ дѣлѣ народнаго образованія приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ жизни, показываетъ хотя бы слѣдующій случай. Населеніе Нижнедѣвицкаго уѣзда очень неохотно отдаетъ въ школы дѣвочекъ и число послѣднихъ во всѣхъ школахъ уѣзда рѣдко доходитъ до 150. Общественное мнѣніе находитъ, что учиться грамотѣ слѣдуетъ только «черничкамъ», т.-е. дѣвушкамъ, которыя обрекли себя на вѣчное дѣвство; въ основѣ такого враждебнаго для женскаго образованія мнѣнія лежитъ причина чисто-матеріальнаго характера: дѣло въ томъ, что только очень немногія семьи шьютъ дѣвочкамъ на зиму теплое платье, въ большинствѣ случаевъ, считая это излишнею роскошью. Примѣняясь къ этому обстоятельству, священникъ о. Василій Дроздовъ на собранныя пожертвованія открылъ въ апрѣлѣ 1893 г. въ селѣ Россоши *лѣтнюю* женскую школу, въ которую немедленно же поступило 50 дѣвочекъ, тогда какъ Россошенское земское училище посѣщаетъ обыкновенно не болѣе двухъ дѣвочекъ. Разумѣется, земство поддержало предпріятіе о. Дроздова, который, по своему положенію священника, имѣетъ возможность проявлять иниціативу тамъ, гдѣ земской самодѣятельности положенъ полный запретъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такую же поддержку встрѣтила бы со стороны земства и разумная иниціатива другихъ священниковъ, но ея не оказывается.

Задачи земской школы опредѣляются слѣдующими двумя пунктами положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ: она должна, во-первыхъ, утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и, во-вторыхъ, распространять первоначальныя полезныя свѣдѣнія.

Говоря о распредѣленіи книжнаго матеріала въ деревнѣ, мы имѣли уже случай убѣдиться, что первая задача достигается земскою школой безусловно. Крестьяне, получая начальныя понятія о религіи и нравстенности въ школѣ, затѣмъ внѣ ея сами продолжаютъ свое религіозно-нравственное воспитаніе, пользуясь обильнымъ запасомъ и нестѣсненнымъ доступомъ существующихъ для этой цѣли книгъ. Нелѣпость заявленій о. Владыкина (въ саратовскомъ земскомъ собраніи) и разныхъ самозванныхъ представителей русскаго народа, утверждающихъ, что «много крестьянскихъ дѣтей выросло пропащими для вѣры и церкви людьми подъ вліяніемъ этихъ (земскихъ)

школъ и того просвѣщенія, которымъ снабжаютъ тамъ» *), — очевидна, и останавливаться на нихъ мы не будемъ. Земскую школу надо упрекать не за то, что она якобы игнорируетъ религіозно-нравственное воспитаніе народа, а, напротивъ, за то, что, отдавшись исключительно этой именно задачѣ, она упустила изъ виду вторую, которая указана ей тѣмъ же положеніемъ о народныхъ училищахъ. Полезныя свѣдѣнія, въ которыхъ такъ сильно нуждается деревня, пока еще слишкомъ мало проникаютъ въ крестьянскую среду; запуганная школа съузила свою дѣятельность до крайнихъ предѣловъ и, предлагая народу только грамотность,—простое орудіе знанія,—рѣшительно отстранила отъ себя трудъ указывать, какъ пользоваться этимъ орудіемъ. Школа бросаетъ своихъ юныхъ воспитанниковъ буквально на произволъ судьбы, предоставляя ихъ собственнымъ неокрѣпшимъ усиліямъ самую трудную часть той работы, которую она должна была бы взять на себя.

Такое положеніе школы ненормально,—ненормально потому, что средства, которыя затратило земство на народное образованіе, при иной обстановкѣ дали бы результаты неизмѣримо болѣе существенные и опредѣленные, чѣмъ тѣ, которые перечислены въ настоящемъ очеркѣ. Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія, быть можетъ, давно уже былъ бы осуществленъ въ жизни и, во всякомъ случаѣ, вопросъ о самостоятельности земства въ дѣлѣ народнаго образованія и вопросъ о введеніи обязательнаго обученія слишкомъ близко примыкаютъ другъ къ другу, чтобы можно было, рѣшая послѣдній, забывать о первомъ.

Вл. Кр.

---

*) *Мысли русскаго народа о томъ, какое ему нужно ученіе и просвѣщеніе.* М., 1893 г.

Война у разныхъ народовъ *).

Читатели будутъ, вѣроятно, удивлены, не встрѣтивъ на заглавномъ листкѣ этой книги слова «эволюція», — такъ начинаетъ Летурно свое вступленіе. — Но ихъ удивленіе смолкнетъ, если они дадутъ себѣ трудъ пробѣжать этотъ томъ. То, что составляетъ сущность, основу войны, не эволюціонируетъ. Война—это возвратъ къ эпохѣ дикости, наслѣдіе нашего кроваваго прошлаго. Мѣняются только формы и средства войны, но не ея содержаніе. Насъ ужасаетъ теперь каннибализмъ древнихъ мексиканцевъ, но мы не жалѣемъ ни труда, ни денегъ для изобрѣтенія самыхъ убійственныхъ орудій. Зло не въ томъ, какъ справедливо замѣтилъ Монтэнь, что человѣка съѣдаютъ послѣ смерти, а въ томъ, что его убиваютъ. И эти кровавые вкусы вовсе не прирождены человѣку: это—скверная привычка, пріобрѣтенная вѣками въ силу самыхъ условій общественнаго развитія. У колыбели человѣчества, когда земли было много, а людей мало и они не стѣсняли другъ друга, война была не нужна человѣку, какъ эскимосамъ полярныхъ странъ. Первыя войны носили характеръ простого юридическаго возмездія и только впослѣдствіи обратились въ кровавую драму, отъ которой становится жутко.

Ихъ исторію даетъ намъ эта книга.

Нѣтъ почти мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ бы не было войны. Одни прославляли ее, другіе проклинали. Но всегда и вездѣ она была безпощаднымъ бичомъ для человѣчества: она безжалостно истребляла лучшій цвѣтъ молодежи, покрывала міръ развалинами, ломала цивилизаціи и создавала новыя.

Ея погромы отвратительны,—каковы же ея созданія? Заслуживаютъ ли они одобренія? Нужно ли было покупать ихъ цѣною крови? Эти вопросы встрѣтятся еще не разъ на страницахъ этой книги,—говоритъ авторъ.

---

*) *Ch. Letourneau*: „La guerre dans les diverses races humaines". Вопросъ войны въ послѣднее время занимаетъ нашу печать. Довольно хитросплетенную защиту ея представляетъ статья В. С. Соловьева: *Смыслъ войны* (*Литературныя приложенія „Нивы"*, № 7). Историко-сравнительное изслѣдованіе всего лучше разъясняетъ вопросъ, почему мы и даемъ мѣсто изложенію новой книги Летурно. *Ред.*

Въ первобытныхъ обществахъ, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ минутныхъ побужденій и не обсуждаетъ своихъ дѣйствій, война не вызываетъ осужденій. Побѣжденный безропотно принимаетъ ударъ; побѣдитель, пользуясь выгодой своего положенія, бьетъ. Первый не протестуетъ; второй не испытываетъ угрызеній совѣсти и съ дикою яростью добиваетъ свою жертву.

Но у цивилизованныхъ народовъ, гдѣ существуетъ потребность обсуждать свои дѣйствія и подвергать ихъ нравственной оцѣнкѣ, есть много противниковъ и защитниковъ войны. И не мѣшаетъ сказать, что число защитниковъ гораздо больше,—имя имъ легіонъ. Сюда можно отнести почти всѣхъ правителей, министровъ и государственныхъ людей и темную народную массу, которая, несмотря на то, что Молохъ пожираетъ ея дѣтей, безмолвно склоняетъ свои колѣни передъ этою страшною силой и создаетъ культъ ея героямъ. Поэты воспѣваютъ великихъ убійцъ и въ честь ихъ курятъ ѳиміамъ передъ алтарями. И, странная вещь, даже покоренные народы испытываютъ какое-то суевѣрное благоговѣніе къ своимъ палачамъ. Что же говорятъ приверженцы войны? Вотъ одинъ изъ нихъ, де-Местръ: «Война божественнаго происхожденія,— говоритъ онъ, — это міровой законъ; ее окружаетъ таинственный ореолъ славы и она имѣетъ для насъ какое-то невыразимое обаяніе. Война божественнаго происхожденія уже въ силу того, что она щадитъ великихъ полководцевъ, даже самыхъ отважныхъ, — рѣдкіе изъ нихъ бываютъ ранены, да и то тогда, когда наступилъ предѣлъ ихъ славѣ, когда ихъ миссія кончена»... Сколько наивности въ этомъ диѳирамбѣ! — замѣчаетъ Летурно.—Не нужно взывать къ таинственнымъ силамъ, чтобы понять, что великіе полководцы могутъ стать великими только при томъ условіи, если ихъ не убьютъ въ первомъ же сраженіи. И откуда слѣдуетъ,—спрашиваетъ онъ, — что война міровой законъ? Не потому ли; что это—всемірное явленіе? Но, вѣдь, и каннибализмъ былъ когда-то всемірнымъ явленіемъ. Общества, какъ и организмы, находятся въ постоянномъ процессѣ развитія. Нравы и потребности, распространенные на всемъ земномъ шарѣ въ періодъ ихъ дѣтства, перестаютъ быть общимъ явленіемъ, когда общества достигаютъ эпохи умственной и нравственной зрѣлости.

Впрочемъ, де-Местру извинительны его софизмы,— онъ былъ горячимъ защитникомъ стараго времени. Но какъ же Прудонъ, страстный приверженецъ новаго порядка, одинъ изъ видныхъ революціонныхъ дѣятелей, можетъ проповѣдывать тѣ же взгляды, что и де-Местръ? А онъ говоритъ почти то же: въ его глазахъ война имѣетъ также божественное происхожденіе: это—высшее откровеніе, воплощеніе справедливости, дисциплина человѣческаго рода. Прудонъ идетъ даже дальше. Это былъ одинъ изъ тѣхъ метафизическихъ умовъ, которые не останавливаются передъ абсурдами.

Всѣ, даже сторонники войны, различаютъ справедливую и несправедливую войну. Но Прудонъ не признаетъ такого различія: «Война не можетъ быть несправедлива,— говоритъ онъ,— ни по природѣ, ни по идеѣ, ни по мотивамъ, ни по цѣли, ни по своей строго-юридической формѣ,—на-

оборотъ, она благотворна, нравственна, свята. Это придаетъ ей божественный характеръ и ставитъ на высоту религіи». Если вѣрить нашему философу, война присуща только человѣческому роду и это сообщаетъ ему необыкновенное величіе. «Филантропы,— восклицаетъ онъ,—вы хотите уничтожить войну! Смотрите, какъ бы это не повело къ упадку человѣчества». Но выслушаемъ и другую сторону. Авторъ *Dictionnaire philosophique* держится совсѣмъ другого взгляда: «Всѣ животныя, — утверждаетъ онъ, — ведутъ постоянную войну; одинъ видъ стремится поглотить другой. Но Богъ далъ человѣку разумъ не для того, чтобъ онъ спускался на степень животныхъ... А, между тѣмъ, война, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ націй, составляетъ удѣлъ человѣчества; нѣтъ ни одной исторіи, гдѣ бы вооруженныя арміи не выступали другъ противъ друга... Есть болтуны, которымъ платятъ и заставляютъ ихъ прославлять эти кровавые дни. А они направляютъ свои стрѣлы противъ великаго чувства любви, которое является единственною отрадой человѣчества и единственнымъ средствомъ для его спасенія».

Достаточно этихъ цитатъ,—говоритъ авторъ,—для того, чтобъ обрисовать два противуположныхъ теченія, существующихъ въ нашемъ обществѣ. Остальные партизаны и противники войны повторяютъ то же—въ той или другой формѣ, съ большимъ или меньшимъ талантомъ. Но всѣ они касаются только цивилизованныхъ странъ, да и то не всѣхъ. Намъ остается разсмотрѣть войну съ научной точки зрѣнія, отыскать ея начала, обрисовать характеръ, указать причины и слѣдствія, начиная съ низшихъ расъ и кончая высшими, — словомъ, намъ нужно изслѣдовать соціальную роль войны при помощи сравнительнаго метода. Но не слѣдуетъ забывать, что человѣкъ хотя и высшее, но, все-таки, животное и, прежде чѣмъ перейти къ изученію человѣческихъ расъ, не мѣшаетъ обратиться къ біологіи, — можетъ быть, она прольетъ нѣкоторый свѣтъ на интересующій насъ вопросъ.

Основною причиной борьбы за существованіе является потребность питанія. Біологія открыла намъ «тайну жизни»: жизненный процессъ состоитъ въ постоянномъ обмѣнѣ веществъ, разрушеніи и возстановленіи тканей. Низшія органическія существа получаютъ изъ внѣшней среды продукты, необходимые для поддержанія ихъ жизни. Но высшіе типы животныхъ и человѣка не находятъ здѣсь непосредственно тѣхъ элементовъ, которые нужны для ихъ существованія; ихъ сложная организація требуетъ сложныхъ веществъ, которыя извѣстны подъ названіемъ «протеиновыхъ». Эти же органическія вещества встрѣчаются только въ животномъ мірѣ. Въ силу этого чисто-біологическаго условія, въ царствѣ высшихъ животныхъ или, вѣрнѣе, мясоядныхъ, господствуетъ вѣчная вражда, которая обращаетъ земную поверхность въ обширное поле битвы.

Но не нужно смѣшивать охоты, борьбы различныхъ видовъ, съ войной — борьбой индивидуумовъ одного и того же вида. Война въ настоящемъ смыслѣ слова рѣдко встрѣчается въ мірѣ животныхъ; но за то чѣмъ

виды родственнѣе, тѣмъ ожесточеннѣе идетъ у нихъ борьба за существованіе; это вытекаетъ изъ самыхъ условій жизни, изъ общихъ потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія. Такъ, наприм., въ Америкѣ одна порода ласточекъ разрослась на счетъ другой, потому что послѣдняя не была въ состояніи выдержать съ нею конкурренціи. Въ Австраліи наша европейская пчела вытѣснила мѣстную, благодаря тому, что она обладаетъ жаломъ (Дарвинъ).

Экономическая борьба между родственными видами животныхъ сильно напоминаетъ борьбу различныхъ типовъ человѣческаго рода. И чѣмъ родственнѣе эти типы, тѣмъ она ужаснѣе: гражданскія войны гораздо тяжелѣе войнъ съ другими націями.

Разумѣется, между человѣкомъ и животнымъ, въ особенности человѣкомъ развитымъ, громадная бездна; но если мы сравнимъ высшіе типы животныхъ съ низшими видами человѣческихъ расъ, бездна не будетъ такъ велика. Поэтому не слѣдуетъ пренебрегать драгоцѣнными данными, которыя предлагаетъ намъ зоологія. Здѣсь мы можемъ найти первый проблескъ соціальной жизни и начало войны въ формѣ борьбы за существованіе. На жизненномъ пиру есть много конкуррентовъ, жаждущихъ поживиться на чужой счетъ. Инстинктъ самосохраненія заставляетъ ихъ видѣть другъ въ другѣ своего естественнаго врага и вынуждаетъ ихъ на борьбу. Въ силу этой роковой необходимости, у нихъ развились природныя орудія борьбы: когти, клыки, рога, жала и т. д. Дарвинъ приписываетъ ихъ всецѣло вліянію естественнаго подбора, но съ нимъ нельзя согласиться, — замѣчаетъ Летурно.—Весьма возможно, что многія изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ естественному подбору, но далеко не всѣ. Въ силу этой же непрестанной борьбы за существованіе, развился у животныхъ инстинктъ собственности. Такъ, наприм., левъ имѣетъ свои владѣнія, куда закрытъ доступъ другимъ животнымъ. Въ Константинополѣ на каждой улицѣ есть свои собаки, которыя оберегаютъ ее, какъ свою собственность, отъ непрошенныхъ сосѣдей.

Еще одной причиной борьбы между животными является соперничество въ дѣлѣ любви. Самцы извѣстнаго вида *lacertilia*, *anolis cristatellus*, съѣдаютъ другъ у друга хвосты во время ухаживанія (Дарвинъ). Многіе самцы куриной породы вступаютъ въ отчаянное состязаніе другъ съ другомъ изъ-за самокъ, а тѣ терпѣливо ждутъ исхода борьбы для того, чтобъ соединиться съ побѣдителемъ (Дарвинъ).

Натуралисты не даютъ намъ описаній коллективныхъ сраженій индивидуумовъ одного и того же вида или двухъ родственныхъ видовъ, так что намъ придется обратиться за этимъ къ другимъ источникамъ,—говоритъ авторъ. Мезере описываетъ кровавое сраженіе воронъ и сорокъ на канунѣ битвы при Сентъ-Обенѣ. «На этомъ же самомъ мѣстѣ,— говоритъ онъ,—видѣли, за нѣсколько дней (странное предзнаменованіе!) цѣлую стаю воронъ и сорокъ, которая боролась такъ отчаянно, пуская въ ходъ клювы и когти, что все поле на двѣ мили кругомъ была покрыто ихъ трупами».

Но такія генеральныя сраженія встрѣчаются довольно рѣдко въ мірѣ животныхъ. Борьба самцовъ напоминаетъ скорѣе поединокъ между двумя соперниками и только подчасъ принимаетъ болѣе грандіозный характеръ. Когда двѣнадцать львовъ преслѣдуютъ одну самку, они отчаянно борятся другъ съ другомъ, и эта борьба длится до тѣхъ поръ, пока львица не нашла себѣ избранника (Бремъ).

Американскіе бизоны ведутъ борьбу какъ изъ-за самокъ, такъ и изъ-за добычи. Въ послѣднемъ случаѣ она обращается въ настоящую войну различныхъ группъ того же вида. Групповыя войны предполагаютъ соціальныхъ животныхъ, у которыхъ сильно развито чувство солидарности.

Послѣднія прекрасно умѣютъ различать своихъ и чужихъ,—даже волки отважно защищаютъ членовъ своей группы. Чувство солидарности объединяетъ соціальныхъ животныхъ какъ для защиты, такъ и для нападенія. Въ этомъ отношеніи они сильно напоминаютъ человѣческія группы. Обезьяны походятъ на человѣка въ его манерѣ сражаться. Горилла испускаетъ пронзительный крикъ, бросаясь въ битву. Соціальныя обезьяны употребляютъ даже оружіе въ борьбѣ. Бремъ разсказываетъ, какъ однажды караванъ принца Кобургъ-Готскаго былъ окруженъ стаей павіановъ. Часть изъ нихъ взобралась на деревья и бросала оттуда каменьями. Животнымъ не чужды также и междуусобныя войны. Въ табунахъ лошадей и стаяхъ обезьянъ происходятъ нерѣдко кровавыя схватки между молодымъ и старымъ поколѣніемъ самцовъ. Послѣдніе энергически отстаиваютъ свою привилегію старшихъ и предъявляютъ исключительныя права на самокъ. Молодое поколѣніе, не желая подчиниться этому режиму, оставляетъ старую группу и образуетъ новыя.

Но въ царствѣ позвоночныхъ групповыя войны встрѣчаются не такъ часто, какъ въ мірѣ безпозвоночныхъ. У муравьевъ и пчелъ мы видимъ настоящую войну по всѣмъ правиламъ искусства. Муравьи организуютъ свои военныя экспедиціи замѣчательно ловко. Если вѣрить Губеру, у нихъ существуетъ даже нѣчто вродѣ военныхъ упражненій. Муравьи предпринимаютъ свои войны съ цѣлью грабежа. Низшіе виды набрасываются на сосѣднія колоніи, какъ дикіе хищники, грабятъ ихъ немилосердно и съѣдаютъ побѣжденныхъ. Но эти кровожадные инстинкты чужды высшимъ видомъ муравьевъ. Правда, они не прочь поживиться жизненными припасами сосѣдей, но за то оставляютъ имъ жизнь. Вся цѣль экспедиціи состоитъ въ покражѣ муравьиныхъ яицъ. Амазонки (f. fusca) выстраиваются во время битвы въ правильныя колонны и начинаютъ аттаку. У нихъ есть свои шпіоны и развѣдчики, но нѣтъ предводителя. Эту роль выполняютъ нѣсколько муравьевъ, которые отъ времени до времени обѣгаютъ ряды своего войска, стремясь сохранить, вѣроятно, единство всѣхъ членовъ арміи. Цѣль экспедиціи всегда точно опредѣлена: нужно взять въ плѣнъ муравьиныя яйца, изъ которыхъ впослѣдствіи образуется классъ рабовъ, но не трогать взрослыхъ членовъ колоніи. Враги отчаянно сопротивляются, строятъ баррикады и проливаютъ свою кровь за молодое поколѣніе. Муравьи-

ные походы сильно напоминают хищническіе набѣги дикихъ народовъ. Но муравьи предусмотрительнѣе дикарей: они обращаютъ въ рабство только молодое поколѣніе, воспитываютъ его соотвѣтствующимъ образомъ и создаютъ себѣ такимъ путемъ самыхъ преданныхъ рабовъ.

У муравьевъ, какъ и у людей, существуетъ спеціальный классъ воиновъ, который презрительно относится ко всякаго рода труду. Въ государствѣ амазонокъ это презрѣніе повело даже къ измѣненію организаціи воиновъ. Они не могутъ ѣсть безъ помощи рабовъ. Ихъ челюсти, приспособленныя для борьбы, не въ состояніи брать пищу. Еслибъ не рабы, этотъ аристократическій классъ давно умеръ бы съ голоду.

У муравьевъ существуютъ также и междуусобныя войны. Губеръ былъ свидѣтелемъ страшной схватки между двумя колоніями муравьевъ одного и того же вида. На полѣ битвѣ происходили кровавыя сцены. Враги, сцѣпившись, кололи другъ друга своими ядовитыми жалами, опрокидывали на земь, топтали и уводили къ себѣ плѣнниковъ, гдѣ ждала ихъ трагическая участь.

Сограждане усердно помогали борцамъ, различая даже въ пылу сраженія своихъ и чужихъ. Военная тактика муравьевъ ведется всегда открыто,— опи рѣдко употребляютъ хитрость и мужественно сражаются за интересы своего отечества. Къ нимъ вполнѣ примѣнимы слова Горація: «Dulce et decorum est pro patria mori».

На этомъ заканчиваетъ Летурно свой обзоръ войны въ царствѣ животныхъ. Изъ этихъ фактовъ мы видимъ, что война, т.-е. коллективная борьба различныхъ группъ одного и того же вида, вовсе не чужда животному міру. Ея мотивы не имѣютъ ничего таинственнаго,—у нихъ чисто-біологическое происхожденіе и, притомъ, грубое. Эти же мотивы руководятъ дикими и варварскими народами. Въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ они существуютъ всюду, даже и у цивилизованныхъ расъ, и передъ ними меркнетъ ореолъ военной славы. Намъ остается прослѣдить на фактахъ,—говоритъ авторъ,—обычныя причины и слѣдствія войны. Попутно,— замѣчаетъ онъ,—намъ встрѣтится масса интересныхъ вопросовъ. Напримѣръ, есть ли война необходимое условіе борьбы за существованіе? Вознаграждаются ли ея потери высшими благами, какъ утверждаютъ ея сторонники? Всегда ли она вѣрна закону естественнаго подбора, давая перевѣсъ лучшимъ? Гарантируетъ ли націю ея умственное и нравственное превосходство отъ вторженія грубой силы? Нужна ли была гибель однихъ государствъ во имя созданія другихъ?

Говорятъ, что война вноситъ духовное обновленіе въ общество, развиваетъ мужество и самопожертвованіе. Но такъ ли это бываетъ? Не возбуждаетъ ли она, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ худшихъ инстинктовъ человѣка? Неужели для уроковъ мужества и самопожертвованія нѣтъ другой школы, кромѣ поля битвы? На всѣ эти вопросы факты дадутъ краснорѣчивый отвѣтъ.

Война у черныхъ расъ. Жители Меланезіи, населяющіе Австралію,

Тасманію и океанскіе острова, несмотря на частныя различія, имѣютъ много общаго въ нравахъ и обычаяхъ. Изъ этихъ черныхъ расъ самою низшей по развитію являются тасманійцы. Англійскіе колонисты много работали надъ ея истребленіемъ, но не постарались изучить ихъ соціальнаго быта. Тасманійцы сильно напоминаютъ своихъ сосѣдей—австралійцевъ. Они живутъ такъ же, какъ и тѣ, небольшими кланами, избирая вождя на время войны. Между членами существуетъ родство и тѣсная солидарность. За убійство кого-нибудь изъ ихъ членовъ подымается весь кланъ, какъ одинъ человѣкъ. У тасманійцевъ войны бывали довольно часто и имѣли различныя причины. Вторженіе на чужія земли не разъ служило поводомъ для вооруженныхъ столкновеній. Но были еще и другіе casus belli. Главныя изъ нихъ: кража женщинъ и убійство того или другаго члена клана. Австралійскіе кланы экзогамны—и кража является у нихъ необходимымъ условіемъ брачнаго обряда. Разумѣется, это вызывало не разъ горячіе протесты съ другой стороны и вело къ кровавой развязкѣ. Другою, не менѣе важною, причиной войны было убійство или даже простая смерть кого-нибудь изъ членовъ. Дикарь не можетъ понять нормальной смерти,—онъ приписываетъ ее чарамъ враждебнаго лагеря и мститъ за нее. Коллективную месть за погибшаго члена кланы считаютъ своимъ священнымъ долгомъ. Каждая смерть ведетъ къ войнѣ, и мстятъ не виновнику, а всему клану, убивая кого-нибудь изъ его членовъ.

Часто въ средѣ самихъ клановъ возникаютъ столкновенія; тутъ играютъ роль ревность, самолюбіе, отказъ подѣлиться добычей и т. д. Но эти столкновенія не могутъ быть названы «войной», такъ какъ они улаживаются очень быстро и не влекутъ за собой серьезныхъ послѣдствій. Война существуетъ только между отдѣльными кланами или племенами. Но австралійскіе дикари совсѣмъ не такъ легко бросаются на поле битвы, какъ это можно думать. Прежде чѣмъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ, они ведутъ длинные переговоры и стараются уладить дѣло мирнымъ путемъ. Одна группа высылаетъ другой своихъ пословъ въ лицѣ женщинъ. Если противная сторона отвѣтитъ такою же любезностью, то дѣло улажено. Женщины пользуются здѣсь большимъ почетомъ. Если же примиреніе невозможно, тогда начинаютъ готовиться къ битвѣ: избираютъ вождя, раскрашиваютъ тѣло въ желтый и красный цвѣтъ и выступаютъ на поле сраженія.

Австралійцы имѣютъ довольно странное понятіе о войнѣ. По ихъ мнѣнію, это—законное возмездіе за понесенныя утраты: око за око, зубъ за зубъ. Они облекаютъ ее въ форму поединка между членами двухъ враждебныхъ группъ, причемъ каждая сторона высылаетъ одинаковое число борцовъ. Сраженія такого рода не имѣютъ тяжелыхъ послѣдствій: они обходятся почти безъ кровопролитій. Исходъ поединка кончаетъ дѣло; борьба не обращается никогда во всеобщую свалку,—она строго организована. Противники становятся рядами другъ противъ друга и выходятъ состязаться по два. Наиболѣе пострадавшая сторона признаетъ себя побѣжденной. Если же она

упорствуетъ, тогда борьба возобновляется, но уже съ другимъ орудіемъ, наприм., палкой, вмѣсто копья. Каждый изъ борющихся наноситъ другъ другу одинъ ударъ въ голову. Вотъ легальная форма войны, практикующаяся въ Австраліи. Она не исключаетъ, конечно, хищническихъ набѣговъ дикарей другъ на друга. Есть племена, которыя живутъ людоѣдствомъ и предпринимаютъ цѣлые походы за человѣческимъ мясомъ. Но эти набѣги не имѣютъ ничего общаго съ вышеописанною войной австралійцевъ и вызываютъ у нихъ одно только негодованіе. Истые австралійцы признаютъ войну лишь при равенствѣ условій и часто снабжаютъ европейцевъ своимъ оружіемъ въ случаѣ войны. Это оружіе носитъ самый примитивный характеръ: у нихъ въ ходу еще палка и щитъ изъ древесной коры. Метательное оружіе болѣе разнообразно. Самое интересное изъ нихъ — бумерангъ, нѣчто вродѣ согнутой палки, неодинаковой толщины, которая описываетъ въ воздухѣ при бросаніи кругъ и падаетъ къ ногамъ бросающаго. Но бумерангъ чаще употребляется на охотѣ, чѣмъ на войнѣ. Остальное оружіе австралійцевъ не такъ интересно. У нихъ есть тяжелыя деревянныя копья съ каменнымъ остріемъ и весьма остроумный снарядъ для метанія копій (woumera). Послѣдній увеличиваетъ длину рычага, образовавшагося изъ руки мечущаго, и отбрасываетъ копье на пятьдесятъ - шестьдесятъ метровъ. Иногда копье бываетъ отравлено. Австралійское оружіе, несмотря на европейское вліяніе, сохранилось въ своемъ первобытномъ видѣ: законъ и традиція не допускаютъ другихъ оружій.

Австралійцы совсѣмъ не знаютъ употребленія лука, который былъ такъ широко распространенъ у европейцевъ доисторическихъ временъ. Это доказываетъ, что Австралія долгое время жила обособленною жизнью. Папуасы, положимъ, стрѣляютъ изъ лука, но, очевидно, это оружіе у нихъ ввозное, такъ какъ самые развитые изъ меланезійскихъ племенъ, ново - каледонцы, не употребляютъ лука, хотя и знаютъ его назначеніе. Папуасы—жители Новой Гвинеи—имѣютъ много общаго въ своихъ военныхъ обычаяхъ съ австралійцами, несмотря на то, что они смѣшались съ малайцами. Папуасы такъ же, какъ и австралійцы, раскрашиваютъ передъ войной свое тѣло въ красный и желтый цвѣтъ и возлагаютъ на женщинъ посольскую миссію. Основныя причины войны у нихъ тѣ же: кража женщинъ и убійство членовъ клана; vendetta здѣсь такъ же коллективна, какъ и тамъ. Изъ австралійскихъ оружій здѣсь сохранились деревянное копье съ каменнымъ наконечникомъ, щитъ и палка. Но любимымъ оружіемъ папуасовъ является лукъ громадныхъ размѣровъ съ отравленными стрѣлами. Нравы на океанскихъ островахъ далеко не такъ добродушны, какъ у жителей Австраліи. У папуасовъ существуетъ полное презрѣніе къ жизни: убійство обратилось у нихъ въ потребность, славу, наслажденіе. Всякій, кто не принадлежитъ къ ихъ племени, считается дикимъ звѣремъ. Заслуги папуаса измѣряются количествомъ отрубленныхъ головъ. Антропофагія практикуется здѣсь въ довольно широкихъ размѣрахъ,—плѣнниковъ съѣдаютъ вездѣ, гдѣ не находятъ имъ лучшаго примѣненія. Папуасы не могутъ похвалиться ни честностью, ни

героизмомъ; хитрость и нападеніе изподтишка—основа ихъ стратегіи. Они пользуются всегда тѣмъ моментомъ, когда мужчины на охотѣ, набрасываются на беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, уводятъ ихъ въ плѣнъ и опустошаютъ цѣлыя селенія. Эти жестокіе нравы господствуютъ особенно сильно на островахъ Фиджи. Женщины соперничаютъ здѣсь съ мужчинами, матери выводятъ дѣтей на поле битвы и подстрекаютъ ихъ къ убійству. Кровь льютъ, какъ воду, но это еще не все: нигдѣ каннибализмъ не свирѣпствуетъ такъ сильно, какъ на островахъ Фиджи. Побѣжденныхъ убиваютъ, жарятъ и съѣдаютъ тутъ же на полѣ битвы. Впрочемъ, привилегіей ѣсть человѣческое мясо пользуются, главнымъ образомъ, вожди и ихъ приближенные. Жестокіе нравы фиджійцевъ отразились лучше всего въ ихъ религіи. Только убійца могъ снискать милость боговъ: чѣмъ больше онъ убилъ людей, тѣмъ онъ угоднѣе богу. Эстетика этихъ дикарей была такъ же груба, какъ и религія. Нѣтъ ничего отвратительнѣе ихъ празднествъ, воспроизводящихъ войну со всѣми ея ужасами и каннибальскими пирами. Туземцы Новой Каледоніи нѣсколько отличаются отъ остальныхъ жителей Меланезіи. Эмиграція съ острововъ Полинезіи видоизмѣнила физіономію этихъ дикарей, въ особенности политическую организацію ихъ племенъ. Ново-каледонцы живутъ подъ властью монарховъ и здѣсь можно прослѣдить впервые вліяніе монархическаго режима на военные нравы страны. Оружіе ново-каледонцевъ приближается скорѣе къ оружію австралійцевъ, чѣмъ папуасовъ. До французской оккупаціи это оружіе находилось постоянно въ дѣйствіи. Причины были различныя: месть за убійство, кража женщинъ, голодъ. Месть являлась высшимъ долгомъ: кровь вождя могла быть смыта только кровью вождя противной партіи.

Голодъ вынуждалъ ихъ также не разъ къ войнѣ. Ново-каледонцы занимались земледѣліемъ и рыболовствомъ; у нихъ не было домашняго скота и никакихъ животныхъ, кромѣ человѣка. Потребность въ мясѣ сдѣлала ихъ каннибалами. Но здѣсь также, какъ и на островахъ Фиджи, человѣческое мясо составляло привилегію вождей. Послѣдніе такъ разлакомились, что предпринимали цѣлыя войны для удовлетворенія своихъ грубыхъ аппетитовъ. «Давно уже мы не ѣли человѣческаго мяса,—говорили они,—пойдемъ, раздобудемъ его». Плѣнниковъ убивали и торжественно съѣдали. Иногда куски мяса посылались главѣ враждебной партіи, какъ символъ примиренія. Если тотъ благосклонно принималъ ихъ, то миръ былъ заключенъ. Частые набѣги, побѣдные пиры и слава развили въ ново-каледонцахъ страсть къ войнѣ. Господство французовъ было особенно тяжело для нихъ, потому что имъ запрещали воевать. «Мы больше не люди, — восклицали они, — мы больше не сражаемся!» Вся ихъ военная тактика сводилась къ хитрости и обману; они не пренебрегали никакими средствами въ борьбѣ и считали равенство условій величайшею глупостью. Впрочемъ, бывали и у нихъ подчасъ открытыя войны въ формѣ поединка, какъ у австралійцевъ. Но борьба никогда не велась такъ стройно и кончалась общею свалкой. Результаты побѣдъ были еще ужаснѣе: пожары, грабежи, убійства,

пиры, на которыхъ съѣдались еще не остывшіе трупы побѣжденныхъ,—все это напоминало какую-то дикую вакханалію. Вожди руководили дѣйствіями своихъ солдатъ, но держались въ сторонѣ, какъ боги. Они выступали въ послѣднихъ рядахъ, оберегая свою драгоцѣнную персону отъ ударовъ копья. Смерть вождя считалась величайшимъ позоромъ для племени, въ особенности, когда его трупъ служилъ пищей для враговъ. Плѣнниковъ не обращали въ рабство,—ихъ съѣдали или дѣлали членами своей общины. Этотъ странный обычай встрѣчается также и у американскихъ краснокожихъ. Вышеприведенные факты даютъ намъ довольно ясное представленіе о войнахъ въ Меланезіи. Несмотря на внѣшнее различіе племенъ, у нихъ много общихъ чертъ. Мы находимъ здѣсь нѣчто вродѣ эволюціи, но эволюція навыворотъ. Это заставляетъ насъ думать, что въ тѣ времена, когда потребности получали свое удовлетвореніе и не приходилось бороться за средства къ жизни, война была ненужна человѣку. У низшихъ расъ въ Австраліи она носитъ чисто-юридическій характеръ, служитъ средствомъ регулировать международныя отношенія. Но это чуть ли не единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ она облекается въ такія формы. Австралійская раса—одна изъ самыхъ примитивныхъ расъ, многія изъ ея племенъ не пошли дальше каменнаго вѣка. Въ настоящее время она представляетъ какой-то анахронизмъ, обломокъ отдаленнаго прошлаго. Австралійцы живутъ небольшими группами на огромномъ пространствѣ земли, ничѣмъ не стѣсняя другъ друга. Самыя условія жизни не вынуждаютъ ихъ къ борьбѣ. Кромѣ того, у нихъ сильна еще родовая организація и въ средѣ ихъ группы царитъ полная солидарность. Война является здѣсь лишь законнымъ возмездіемъ за понесенныя утраты, а не средствомъ къ жизни. Въ такой формѣ она получаетъ quasi-юридическій характеръ, о которомъ такъ много толковалъ Прудонъ. Но эта форма начинаетъ уже вырождаться даже и въ Австраліи. Нѣкоторыя изъ ея племенъ обращаютъ войну въ погоню за человѣческимъ мясомъ. Хотя этотъ видъ войны гораздо ниже перваго, но, тѣмъ не менѣе, онъ сильно распространенъ на океанскихъ островахъ, въ Новой Гвинеѣ, Новой Каледоніи и, въ особенности, на островахъ Фиджи.

Нужно замѣтить, что эти острова населены довольно густо, что здѣсь бываютъ частыя голодовки и нѣтъ почти животныхъ. Потребность въ мясѣ часто заставляетъ жителей браться за оружіе. Долгая военная практика породила у нихъ кровожадные инстинкты и до того преобразила нравственную физіономію этихъ дикарей, что убійство стало у нихъ подвигомъ, а обманъ—высшею тактикой. У папуасовъ страсть къ войнѣ развилась особенно сильно подъ вліяніемъ духовенства и вождей. Ихъ религія санкціонируетъ разбой, а боги требуютъ крови. Вліяніе вождей было еще хуже Не рискуя ничѣмъ и получая львиную долю, они смотрѣли на войну, какъ на легкую наживу. Народная кровь лилась во имя удовлетворенія ихъ волчьихъ аппетитовъ. Въ Новой Каледоніи война подчасъ имѣла единственную цѣль—человѣческое мясо.

Но въ зависимости отъ цивилизаціи измѣняются военные нравы и обы

чаи. Одни народы воюютъ не такъ, какъ другіе. У жителей Южной Африки, готтентотовъ и бушменовъ, военное искусство стоитъ на очень низкой ступени развитія. Бушмены живутъ небольшими ордами и занимаются охотой или грабежами. Несмотря на свое низкое развитіе, они употребляютъ лукъ, и это даетъ имъ преимущество передъ каффрами, которые въ интеллектуальномъ отношеніи гораздо выше ихъ. Вотъ первое опроверженіе общепринятаго взгляда, что побѣда всегда на сторонѣ болѣе развитыхъ народовъ. Лукъ и отравленныя стрѣлы—единственное оружіе бушменовъ, а, между тѣмъ, оно дѣлаетъ ихъ опасными противниками.

Грабежъ служитъ имъ средствомъ къ жизни и ставитъ ихъ во враждебныя отношенія съ готтентотами, каффрами и европейскими колонистами. Другою причиной войны является еще охота на ихъ земляхъ. Они смотрятъ на нихъ, какъ на свою неотъемлемую собственность, оберегая ее отъ всякаго вторженія. И такъ, голодъ, неуваженіе къ чужой собственности и любовь къ своей—вотъ три мотива, заставляющіе ихъ браться за оружіе. Эти casus belli существуютъ всюду, у всѣхъ народовъ, въ болѣе или менѣе скрытомъ видѣ. Готтентоты стоятъ нѣсколько выше по развитію бушменовъ. Это бѣдный кочевой народъ, занимающійся охотой и грабежомъ. Они ведутъ пастушескій образъ жизни и живутъ въ шалашахъ на подобіе азіатскихъ юртъ. Каждая группа или kraal состоитъ изъ трехъ - пятисотъ членовъ подъ предводительствомъ вождя, который предсѣдательствуетъ на собраніяхъ, командуетъ на войнѣ и ведетъ мирные переговоры. Монархическій режимъ не успѣлъ еще утвердиться у готтентотовъ; у нихъ сохранилась еще масса общинныхъ порядковъ: такъ, наприм., весь скотъ kraal'я— и бѣдныхъ, и богатыхъ—пасется вмѣстѣ и каждый членъ группы обязанъ поочередно выполнять роль пастуха.

Kraal'и нерѣдко вступали въ борьбу другъ съ другомъ изъ-за кражи скота и захвата общественныхъ пастбищъ. Раньше готтентоты были смирнымъ пастушескимъ народомъ; но теперь среди нихъ стали уже появляться воинствующія племена, которыя дѣлаютъ хищническіе набѣги на сосѣдей и грабятъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти. Но, все - таки, война не составляетъ главнаго занятія готтентотовъ, — она играетъ у нихъ второстепенную роль. Не то мы видимъ у настоящихъ африканскихъ негровъ *). Послѣдніе разбросаны въ долинахъ Нижняго Нигера, въ Габонѣ и въ Восточной Африкѣ между полосой большихъ озеръ и Занзибаромъ. У береговъ Нижняго Нигера живетъ населеніе, стоящее на крайне низкой ступени развитія. Нѣкоторыя изъ его племенъ занимаются людоѣдствомъ. Каждое племя образуетъ отдѣльное государство и имѣетъ своего царька. Между ними существуютъ постоянная вражда, взаимный грабежъ и рѣзня. Плѣнниковъ подвергаютъ пыткамъ, иногда съѣдаютъ, но чаще обращаютъ въ рабство. Хищническіе набѣги этихъ дикарей совсѣмъ опустошили сѣверный берегъ Бенинскаго залива. Каннибализмъ былъ здѣсь

*) Готтентоты скорѣе потомки негритосовъ, чѣмъ чистокровныхъ негровъ.

когда-то повсемѣстнымъ явленіемъ, но теперь онъ практикуется далеко не вездѣ. Это слѣдуетъ приписать, конечно, не гуманнымъ чувствамъ дикарей, а соображеніямъ другого рода. Когда появилась торговля рабами, плѣнниковъ стало выгоднѣе обращать въ рабство, чѣмъ съѣдать, и тогда изъ пищи они обратились въ товаръ. Каждая война завершается длиннымъ караваномъ рабовъ, которыхъ ведутъ на продажу.

Въ долинѣ Нижняго Нигера существуетъ всеобщая воинская повинность, какъ во всѣхъ первобытныхъ странахъ. Когда царь со своимъ совѣтомъ рѣшилъ предпринять войну, въ ней обязано участвовать все взрослое населеніе страны. Солдаты не получаютъ отъ царя ни жалованья, ни оружія; они должны вооружаться на свой счетъ, какъ кто можетъ и умѣетъ. По окончаніи войны побѣдители дѣлятъ между собой добычу.

Но у нѣкоторыхъ племенъ начинаетъ уже развиваться духъ завоеванія. Исламъ оказалъ въ этомъ отношеніи пагубное вліяніе. Когда негры были фетишистами, они грабили, но не покоряли. Когда же имъ привили исламъ, прозелитизмъ съ оружіемъ въ рукахъ какъ нельзя болѣе подошелъ къ ихъ грубымъ вкусамъ.

Коранъ позволялъ имъ не щадить ни имущества, ни жизни невѣрныхъ, потому-то новообращенные въ исламъ съ такою жестокостью набрасывались на несчастныхъ фетишистовъ. Исламъ давалъ просторъ самымъ дикимъ, самымъ необузданнымъ инстинктамъ человѣка. Правъ де-Местръ, когда онъ говоритъ, что религіозный и военный духъ сливаются воедино. Эта истина подтвердится еще не разъ при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ фактами.

Въ Габонѣ, также какъ и въ долинахъ Нижняго Нигера, война не принимаетъ еще широкихъ размѣровъ. Села здѣсь немногочисленны и раздѣлены другъ отъ друга дѣвственными лѣсами. Жители не имѣютъ никакого понятія о скотоводствѣ и занимаются чаще всего грабежомъ. Голодъ и необходимость удовлетворить его мясною пищей дѣлаетъ ихъ людоѣдами. Мясо встрѣчается здѣсь такъ рѣдко, что у жителей развивается, за отсутствіемъ его, извѣстная болѣзнь gouamba. Погоня за мясною пищей— главная причина ихъ войнъ, но есть еще и другія. У нихъ часто возникаютъ споры изъ-за женщинъ, изъ-за рабовъ, изъ-за колдовства, которыя ведутъ къ вооруженнымъ стычкамъ. Въ особенности женщины играютъ тутъ большую роль: стоитъ какой-нибудь изъ нихъ завязать любовныя интриги съ кѣмъ-нибудь изъ представителей другого села,—война готова. Конечно, не нѣжныя чувства руководятъ ими, а чисто-утилитарныя соображенія. Въ Габонѣ развита полигамія, женщинъ покупаютъ и заставляютъ работать на себя, такъ что каждая изъ нихъ цѣнится какъ хорошая рабочая лошадь.

Села въ Габонѣ состоятъ изъ небольшихъ группъ съ полу-монархическимъ режимомъ. Совѣтъ старѣйшихъ еще въ силѣ и нѣсколько ограничиваетъ власть царька. Послѣдній не можетъ предпринять войны безъ совѣта; рѣшеніе же совѣта подвергается народному голосованію. Если война рѣшена, не стѣсняются никакими средствами. Никто изъ жителей не можетъ считать себя въ безопасности; грабежи и убійства наводятъ ужасъ

на окрестное населеніе. Каннибализмъ хотя и встрѣчается, но не такъ часто, какъ у высшихъ негрскихъ расъ. Наступательное или оборонительное оружіе въ Габонѣ состоитъ изъ щита, покрытаго кожей, дротика и лука съ отравленными бамбуковыми стрѣлами. Фаны употребляютъ еще одно оружіе, которое указываетъ на ихъ родство съ неграми Восточной Африки. Послѣднее сдѣлано изъ желѣза и состоитъ изъ короткой ручки, на концахъ которой прикрѣплено нѣчто вродѣ остраго молотка, а съ другой—топора. Это оружіе (troumbache) мы встрѣтимъ еще у высшихъ черныхъ расъ и нѣкоторыхъ берберскихъ племенъ.

Негры Восточной Африки имѣютъ много общаго съ жителями Габона. Ихъ военные походы мало чѣмъ отличаются отъ хищническихъ набѣговъ габонцевъ, развѣ только превосходятъ ихъ своею жестокостью. Послѣднее можно приписать господствующему здѣсь монархизму. Въ Габонѣ власть царька ограничена, здѣсь же она абсолютна. Каждая война является для него источникомъ крупной наживы и онъ не стѣсняясь готовъ лить кровь своихъ солдатъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Частыя войны бываютъ сплошь да рядомъ результатомъ абсолютизма, да оно и понятно. Какъ ни грубы первобытныя республиканскія племена, какъ ни сильны у нихъ наклонности къ разбою, тѣмъ не менѣе, они прекрасно знаютъ, что имъ придется расплачиваться за свои разрушительныя дѣйствія, и это заставляетъ ихъ подчасъ воздерживаться отъ риска. Царьки же, не рискуя ничѣмъ, только кровью своихъ подданныхъ, съ легкимъ сердцемъ идутъ на войну. Нравы и вкусы восточныхъ негровъ крайне грубы и жестоки. Всѣ ихъ стремленія сводятся къ удовлетворенію своихъ физическихъ потребностей. Нужда въ пищѣ и особенно въ мясѣ является однимъ изъ главныхъ мотивовъ войны. Но это не единственная причина; у нихъ существуетъ, кромѣ того, vendetta, въ которой принимаетъ участіе все село. Убиваютъ не только виновника, но разоряютъ все населеніе, поджигаютъ жилища и опустошаютъ цѣлыя мѣстности.

Оружіе восточныхъ негровъ не имѣетъ никакой оригинальности; копья, топоры и луки у нихъ въ большомъ ходу. Ихъ военная тактика тоже мало чѣмъ отличается отъ обычной тактики дикихъ народовъ.

Изучивъ причины и слѣдствія войны у низшихъ африканскихъ расъ, мы невольно проводимъ аналогію между ними и меланезійцами. Здѣсь мы не встрѣчаемъ ни разу войны, облеченной въ юридическую форму, какъ въ Австраліи. Эта форма можетъ существовать только тамъ, гдѣ народъ еще не вышелъ изъ первобытнаго состоянія, гдѣ сохранились еще кланы съ ихъ республиканскимъ режимомъ. Деспотическая власть обратила войну въ хищническіе набѣги во имя своихъ интересовъ. Нечего и говорить, что войны такого рода не имѣютъ никакого облагораживающаго вліянія, какъ утверждаютъ ея защитники. Онѣ не только не облагораживаютъ населенія, но, наоборотъ, будятъ его самые дурные, самые звѣрскіе инстинкты.

Эѳіопскія племена стоятъ выше негрскихъ,—это смѣсь негровъ съ берберами и семитами. Самыя большія государства были основаны ими въ

бассейнѣ Верхняго Нила и въ сосѣдствѣ большихъ африканскихъ озеръ. Эти племена, сгруппированныя подъ общимъ названіемъ эѳіоповъ, имѣютъ только то общее, что всѣ они представляютъ бо́льшую или меньшую смѣсь съ бѣлою расой, имѣютъ болѣе или менѣе курчавые волосы, болѣе или менѣе темный цвѣтъ лица. Въ остальномъ они сильно различаются другъ отъ друга какъ своею внѣшнею, такъ и внутреннею физіономіей. Абиссинцы и нубійцы причисляются даже къ бѣлой расѣ,—о нихъ рѣчь будетъ дальше.

Обитатели Верхняго Нила живутъ въ постоянной враждѣ. Они образуютъ отдѣльныя группы подъ властью вождей, которые готовы сражаться другъ съ другомъ во всякое время. Мотивы, вынуждающіе къ войнѣ, здѣсь еще низменнѣе, чѣмъ у негровъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, признаютъ коллективную месть за своихъ согражданъ, у этихъ же нѣтъ никакой солидарности. Кража женщинъ вызываетъ въ Габонѣ кровавыя войны,—здѣсь на это смотрятъ равнодушно.

Эѳіопы способны рисковать жизнью только за свой скотъ. Всѣ ихъ войны имѣютъ одну цѣль—пріобрѣтеніе скота.

Предводитель латуковъ предлагалъ Бекеру помочь ему ограбить свое же село. «Вы возьмете скотъ, — говорилъ онъ, — а я *molotes* (les houes). Жители здѣсь непокорный народъ; не мѣшаетъ убить нѣсколькихъ изъ нихъ,—это послужитъ имъ на пользу». Эти слова характеризуютъ довольно мѣтко отношеніе царьковъ къ ихъ народу. У нихъ сильно развита военная жилка, и они не щадятъ народной крови часто изъ-за своего каприза. Война сопровождается всегда страшными жестокостями и дикими криками бойцовъ. Побѣжденные не просятъ пощады, да и не получать ея; они сражаются до послѣдней капли крови, предпочитая умереть, чѣмъ отдаться въ руки враговъ.

У момботтовъ и ніамъ-ніамъ понятны эти жестокости,—они людоѣды, человѣческое мясо представляетъ у нихъ лакомое блюдо. Ихъ нравы ужасны, но поучительны для соціолога: они показываютъ во всей ихъ неприглядной наготѣ первичныя причины войны.

Если мы перенесемся теперь въ полосу большихъ озеръ, мы найдемъ тамъ небольшія эѳіопскія монархіи съ безконтрольными деспотами во главѣ, которые только и думаютъ о грабежѣ да насиліи. Въ Угандѣ хищническіе набѣги принимаютъ иногда религіозную окраску. Въ этомъ сказалось вліяніе миссіонеровъ. Царь былъ здѣсь полнымъ владыкой и рѣшалъ самовольно вопросы о войнѣ и мирѣ. Стоило ему съ высоты трона объявить свою резолюцію, какъ всѣ повиновались. «Въ Угандѣ слишкомъ мало скота, женщинъ и дѣтей,—говорилъ онъ.—Пусть соберется отрядъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ и отправляется на грабежъ въ Уніоро». Война въ Угандѣ сводилась, главнымъ образомъ, къ грабежу скота, женщинъ и дѣтей. Побѣжденныхъ обращали въ вассальную зависимость и облагали данью. Рекрутскій наборъ производился здѣсь весьма просто: главнокомандующій, назначенный царемъ, избиралъ съ его согласія генераловъ, тѣ—офицеровъ, а послѣдніе—солдатъ. Эта военная орга-

низація, въ основѣ которой лежитъ произволъ царя, а цѣлью является грабежъ и подчиненіе побѣжденныхъ, встрѣтится намъ еще не разъ въ большихъ варварскихъ монархіяхъ.

На юго-востокъ отъ Викторіи-Ніанцы лежитъ страна Массаи, которая составляетъ исключеніе изъ остальныхъ африканскихъ государствъ. Здѣсь сохранился еще республиканскій режимъ, тогда какъ почти все черное населеніе Африки живетъ подъ властью монарховъ.

Массайцы нерѣдко воюютъ другъ съ другомъ, но, все-таки, нравы ихъ мягче, чѣмъ у жителей Верхняго Нила. Главною причиной войнъ является потребность въ скотѣ, который они немилосердно грабятъ у сосѣдей. Слѣдствія войны таковы же, какъ и всюду въ Африкѣ: разореніе населенія и опустошеніе края.

Но въ междуусобныхъ войнахъ они поступаютъ гуманнѣе. Послѣднія облечены до извѣстной степени въ юридическую форму и напоминаютъ войны австралійцевъ. Военные обычаи и нравы массайцевъ не лишены благородства: они уважаютъ храбрость и открытую борьбу, чего мы не видимъ у другихъ африканскихъ народовъ. Благородство ихъ характера слѣдуетъ приписать давнишнему смѣшенію съ высшею республиканскою расой—берберами.

Не таковы каффры со своими деспотическими царьками. Хотя у нихъ сохранились еще остатки республиканскаго режима,—совѣта (pitchos), гдѣ подъ предсѣдательствомъ царя рѣшаются вопросы о войнѣ и мирѣ, но эти учрежденія носятъ только тѣнь власти,—все совершается по волѣ монарха. Причиной войнъ чаще всего являются ссора изъ-за пастбищъ и кража скота. Нравы ихъ дики: цари и подданные только и думаютъ о нападеніи и грабежѣ. Военныя экспедиціи каффровъ обыкновенно сопровождаются страшными опустошеніями. Вотъ разсказъ одного каффра, который краснорѣчиво описывалъ вторженіе знаменитаго вождя матебелесовъ Масселскацци: «Матебелесы вторглись въ нашу страну съ львинымъ рычаніемъ. Они грабили и поджигали дома, закалывали женщинъ, бросали въ огонь дѣтей. Потомъ взобрались на холмъ, гдѣ были спрятаны мужчины и стада, и стали бить ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ руки не опустились отъ усталости». Затѣмъ разскащикъ взялъ въ руку горсть песку и дунулъ. «Вотъ что осталось,—добавилъ онъ торжественно,—отъ великаго предводителя синихъ стадъ». Этотъ разсказъ прекрасно рисуетъ намъ послѣдствія войны у каффрскихъ племенъ, и это—не единичный случай, а общее явленіе у жителей африканскаго материка.

Остается упомянуть еще о «полосѣ рабства», какъ называетъ Летурно всю мѣстность на сѣверъ отъ экватора и на югъ отъ Сахары. Она состоитъ изъ небольшихъ деспотій съ дикими нравами и грабительскими наклонностями. Война считается здѣсь почетнымъ занятіемъ и свирѣпствуетъ, какъ чума. Крестьяне обрабатываютъ поле, имѣя за плечами лукъ, а за пазухой стрѣлы,—никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Война не объявляется заранѣе; враги захватываютъ врасплохъ мирное населеніе, разоряютъ его до тла и уводятъ въ рабство. Особенностью дагомейцевъ является армія амазонокъ, которая состоитъ изъ плѣнницъ, съ

дѣтства пріученныхъ къ голоду и выносливости. Амазонки—необыкновенно храбрый народъ, безгранично преданный своему монарху. Новѣйшія французскія завоеванія видоизмѣнятъ, конечно, нравы дагомейцевъ.

Эѳіопское оружіе представляетъ мало оригинальности. Здѣсь встрѣчаются тѣ же копья, палки, щиты, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ. Оригинальнымъ оружіемъ является только трумбатъ, который мы уже описывали, и дангъ. Это оборонительное оружіе состоитъ изъ длиннаго гибкаго куска дерева, который своею эластичностью отражаетъ наносимые удары.

Эѳіопскіе народы, въ большинствѣ случаевъ, не употребляютъ лука, не потому, конечно, что они его не знаютъ,—есть племена, которыя стрѣляютъ изъ лука,—но вслѣдствіе какого-то страннаго предубѣжденія. У нѣкоторыхъ представителей эѳіопской расы встрѣчаются даже военныя укрѣпленія, но, конечно, въ самой примитивной формѣ.

На этомъ заканчиваетъ Летурно описаніе войны у черныхъ расъ. Ея причины и слѣдствія выступаютъ здѣсь особенно ярко во всей своей безобразной наготѣ. Но и здѣсь, впрочемъ, есть факты,—замѣчаетъ авторъ,—которые заставляютъ насъ думать, что война существовала не всегда, по крайней мѣрѣ, въ ея настоящемъ видѣ. Когда первобытные кланы были разбросаны на огромномъ пространствѣ земли, когда пищи было достаточно и не возникало еще вопроса о борьбѣ за жизнь, война не носила такого характера,—она облекалась въ юридическую форму. Когда же населеніе размножилось, когда стали смотрѣть другъ на друга, какъ на опасныхъ конкуррентовъ на жизненномъ пиру, тогда родилась вражда между людьми, тогда человѣкъ сталъ убивать человѣка. Всѣ средства были хороши въ борьбѣ съ врагомъ; хитрость и обманъ возводились въ принципъ. Каждый имѣлъ въ виду одну цѣль: истребить врага и захватить его имущество. Плѣнниковъ сперва съѣдали; но когда населеніе обратилось къ земледѣлію и торговлѣ, когда понадобились рабочія руки и товаръ, тогда ихъ стали обращать въ рабство.

Подъ вліяніемъ частыхъ войнъ измѣнился также политическій строй государствъ. Въ республиканскихъ кланахъ вождя избирали только на время войны,—это былъ самый ловкій, самый сильный, самый опасный для враговъ. Но когда войны стали слишкомъ часты, власть вождя упрочилась и онъ, въ концѣ-концовъ, изъ предводителя свободнаго народа обратился въ деспотическаго царька, который, не жалѣя, готовъ былъ лить народную кровь во имя личныхъ интересовъ. Когда же у этихъ царьковъ зародилась идея расширять свои владѣнія путемъ завоеваній, когда они образовали небольшія монархіи, тогда ихъ власть достигла апогея. Стоило сказать кому-нибудь изъ нихъ: «Идите, рѣжьте, грабьте»,—и все исполнялось по мановенію его руки. А эти деспоты нерѣдко дѣлали такія предписанія, да оно и понятно: не рискуя ничѣмъ, они пожинали плоды побѣды и славы.

Такова въ общихъ чертахъ война у черныхъ расъ.

И. К.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Т. Г. Гёксли.

17 (29) іюня скончался Т. Г. Гёксли, въ началѣ 71-го года своей жизни. Имя Гёксли пользуется всемірною извѣстностью какъ ученаго, популяризатора и учителя, но краткая біографія и такой же очеркъ его многосторонней дѣятельности яснѣе обрисуютъ передъ нами образъ великаго человѣка.

Гёксли родился въ Илингѣ въ 1825 году. За исключеніемъ двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ имъ въ илингской школѣ, гдѣ отецъ его занималъ должность учителя, онъ воспитывался дома и своимъ первоначальнымъ образованіемъ былъ обязанъ преимущественно самому себѣ. Затѣмъ, въ 1842 году онъ поступилъ въ медицинскую школу при Чэрингъ-Кросскомъ госпиталѣ, гдѣ въ то время лекціи по физіологіи читалъ извѣстный тогда физіологъ и окулистъ Уартонъ Джонсъ. Въ 1845 году Гёксли выдержалъ въ Лондонскомъ университетѣ первый экзаменъ на бакалавра медицины, послѣ чего нѣкоторое время занимался леченіемъ бѣднаго класса лондонскихъ жителей, а въ 1846 году поступилъ въ качествѣ врача во флотъ и получилъ мѣсто при Гасларскомъ госпиталѣ, откуда былъ назначенъ младшимъ врачомъ на военное судно *Rattlesnake,* предназначенное къ плаванію въ южныхъ моряхъ. Судно, подъ командою капитана Оуэнъ Станли, съ натуралистомъ Макъ-Джилливре, вышло изъ Англіи зимою 1846 года и возвратилось изъ плаванія въ 1850 году, пройдя внутреннимъ проходомъ между барьерными рифами и восточнымъ берегомъ Австраліи и Новой Гвинеи. Въ продолженіе этого времени Гёксли прислалъ нѣсколько статей, отчасти напечатанныхъ въ *Philosophical Transactions* Королевскаго Общества. Здѣсь же была напечатана (въ 1849 г.) и его первая большая работа *О строеніи и систематикѣ медузъ,* доставившая ея автору такую извѣстность, что въ 1851 году онъ уже былъ избранъ членомъ Королевскаго Общества. Свою службу въ флотѣ Гёксли оставилъ въ 1853 году, убѣдившись, что правительство не издастъ представленныхъ имъ и произведенныхъ во время кругосвѣтнаго плаванія работъ. Въ 1854 году Гёксли замѣстилъ своего друга Эдварда Форбса въ качествѣ палеонтолога и лектора по естественной исторіи въ Королевской

Горной Школѣ и занималъ это мѣсто до 1885 года. Громкая извѣстность этой школы, теперь присоединенной къ Королевской Коллегіи Наукъ, въ значительной мѣрѣ обязана преподавательскимъ талантамъ Гёксли. По просьбѣ членовъ комитета учебнаго совѣта, онъ продолжалъ тамъ свою дѣятельность въ качествѣ почетнаго декана, и этотъ постъ занималъ до самой смерти. На немъ лежала также отвѣтственность за общій ходъ преподаванія въ школѣ біологическимъ наукъ.

Гёксли былъ дважды избираемъ профессоромъ физіологіи въ Королевскомъ Институтѣ, въ первый разъ въ 1854 году, т.-е. въ томъ же самомъ, когда былъ приглашенъ экзаменаторомъ по физіологіи и сравнительной анатоміи въ Лондонскій университетъ. Въ 1858 году онъ читалъ отъ Королевскаго Общества рядъ лекцій, предметомъ которыхъ взялъ позвоночную теорію черепа. Съ 1863 по 1869 годъ занималъ каѳедру въ Королевской Медицинской Школѣ. Въ 1862 году былъ избранъ президентомъ біологической секціи Британской ассоціаціи, засѣдавшей въ то время въ Кембриджѣ, а восемь лѣтъ спустя былъ избранъ президентомъ ассоціаціи во время ея собранія въ Ливерпулѣ. Въ 1869 и 1870 годахъ состоялъ президентомъ геологическаго и этнологическаго обществъ, а въ 1872 году былъ избранъ лордомъ-ректоромъ Абердинскаго университета (на три года). Строгіе и опредѣленные взгляды на вопросы обученія, вмѣстѣ съ яснымъ сознаніемъ общественнаго долга, заставили Гёксли принять въ 1870 году его избраніе президентомъ перваго Лондонскаго Школьнаго Совѣта, и хотя разстроенное здоровье заставило его отказаться отъ этого мѣста уже въ 1872 году, однако, въ бытность свою президентомъ Комитета Воспитанія онъ сдѣлалъ очень много для правильной постановки школьнаго преподаванія.

Въ 1873 году Гёксли былъ выбранъ секретаремъ Королевскаго Общества, а десять лѣтъ позднѣе достигъ высшей почести, которая доступна для ученаго въ Англіи, именно былъ избранъ президентомъ Королевскаго Общества. Во время отсутствія покойнаго проф. Уэвилля Томпсона, участвовавшаго въ экспедиціи корвета *Чэлленджеръ,* Гёксли занималъ въ 1875 и 1879 гг. его мѣсто профессора естественной исторіи въ Эдинбургскомъ университетѣ. Съ 1881 по 1885 годъ онъ былъ инспекторомъ въ Коммиссіи рыбныхъ промысловъ, но въ 1885 году отказался отъ этого мѣста, какъ и отъ остальныхъ занимаемыхъ имъ должностей, а спустя немного переселился въ Истбёрнъ.

Перечислять всѣ почести, коими былъ удостоенъ Гёксли, нечего, но укажемъ, что онъ получилъ отъ Королевскаго Общества нѣсколько медалей и въ томъ числѣ Дарвинову медаль, которую до него имѣли только А. Р. Уоллэсъ и сэръ Дж. Гукеръ. Эта медаль краснорѣчиво опредѣляетъ научное направленіе Гёксли. Скажемъ также, что знаменитаго ученаго чествовали ученыя учрежденія всего цивилизованнаго міра и въ томъ числѣ Императорское Московское Общество Испытателей Природы съ гордостью занесло его имя въ число своихъ почетныхъ членовъ. Но, принимая эти почести,

Гёксли никогда не стремился къ нимъ и, какъ самъ говоритъ, подавлялъ въ себѣ стремленіе къ научной славѣ, поставивъ для себя другія цѣли.

Уже изъ этого краткаго біографическаго очерка видно, что Гёксли былъ и медикомъ, и палеонтологомъ, и зоологомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ не допускалъ той узкой спеціализаціи въ наукѣ, которая развилась въ послѣднее время, и находилъ научныя занятія цѣлесообразными только при широкой научной подготовкѣ. Хотя рабочій періодъ въ жизни Гёксли длился приблизительно 50 лѣтъ, однако, даже это время не уменьшаетъ нашего удивленія передъ громаднымъ количествомъ работъ, изданныхъ знаменитымъ ученымъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что нѣтъ такой группы животныхъ, изученіе которыхъ не было бы обязано ему очень многимъ.

Своимъ пребываніемъ на суднѣ *Ратльснэкъ*, которое въ продолженіе своего плаванія провело значительную часть времени въ мало изслѣдованныхъ или даже совершенно не изслѣдованныхъ въ зоологическомъ отношеніи частяхъ тропическаго океана, Гёксли воспользовался для изученія пелагическихъ животныхъ. Сначала онъ остановился на низшихъ животныхъ и познакомилъ насъ болѣе или менѣе обстоятельно съ организаціей нѣкоторыхъ простѣйшихъ. Кишечно-полостныя дали ему превосходный матеріалъ для изслѣдованія особенно двумя группами: сифонофоръ, столь замѣчательныхъ вслѣдствіе поразительнаго развитія у нихъ полиморфизма въ связи съ раздѣленіемъ труда, и медузъ, которыя заставили его обратить вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что тѣло ихъ состоитъ изъ двухъ клѣточныхъ слоевъ—эктодермы и энтодермы, вполнѣ поддающихся сравненію съ двумя зародышевыми листками высшихъ животныхъ.

Послѣ этого Гёксли далъ нѣсколько описаній весьма замѣчательныхъ формъ разныхъ червей, указалъ на своеобразность типа иглокожихъ и ихъ отношеніе къ другимъ типамъ безпозвоночныхъ и далъ длинный рядъ изслѣдованій надъ оболочниками. Чтобы покончить съ указаніемъ того, какія группы безпозвоночныхъ животныхъ обязаны Гёксли изученіемъ ихъ организаціи, исторіи развитія и біологіи, мы должны еще отмѣтить типы слизняковъ и членистоногихъ.

Само собою разумѣется, что такой огромный запасъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій, давалъ Гёксли возможность широкой критики изслѣдованій другихъ спеціалистовъ, и мы дѣйствительно находимъ у него нѣсколько критическихъ работъ, замѣчательныхъ по ясности въ постановкѣ вопросовъ и по методу, который прилагался для полученія отвѣтовъ на нихъ. Благодаря этому, простое сопоставленіе его замѣтокъ съ работами, ихъ вызвавшими, почти всегда приводитъ къ заключенію, что онъ въ сравнительно немногихъ строкахъ сообщаетъ и болѣе цѣнные факты, и строго-логическіе изъ нихъ выводы, придающіе новый интересъ предмету.

Но, безъ сомнѣнія, наиболѣе цѣнныя работы Гёксли посвящены изученію современныхъ и ископаемыхъ позвоночныхъ животныхъ. По отноше-

нію къ нимъ съ именемъ Гёксли тѣсно связаны всѣ крупные вопросы, какъ-то: вопросъ о строеніи черепа, таза и конечностей, разборъ соотношеній разныхъ группъ, сравнительное изученіе организаціи человѣка съ организаціей обезьянъ и т. д., не говоря о безчисленныхъ работахъ, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія по анатоміи, систематикѣ и проч.

Вопросъ о строеніи черепа Гёксли ввелъ въ новую фазу. До него въ наукѣ господствовала идея, что черепъ позвоночныхъ представляетъ собою результатъ сростанія и видоизмѣненія нѣсколькихъ позвонковъ, что было особенно развито Оуэномъ. Послѣдній, обладавшій огромнымъ запасомъ фактовъ, строго провелъ позвоночную теорію черепа черезъ всѣ классы позвоночныхъ, и въ его изложеніи эта теорія пріобрѣла такую стройность и изящество, что неудивительно ея общераспространенность среди современниковъ. Надо было много труда и еще больше остроумія, чтобы доказать несостоятельность этой теоріи, и Гёксли далъ намъ то и другое и, можно сказать, похоронилъ позвоночную теорію черепа въ той формѣ, какъ она защищалась до него. Изслѣдованія о тазѣ и заднихъ конечностяхъ позвоночныхъ привели Гёксли къ рѣшенію вопроса о соотношеніи птицъ и чешуйчатыхъ гадовъ и съ удивительною ясностью отмѣтили кровное родство этихъ группъ. Трудно сказать, къ какой вѣтви зоологіи отнести это изслѣдованіе: оно настолько же принадлежитъ области сравнительной анатоміи, насколько можетъ быть помѣщено въ ряду работъ палеонтологическихъ. И такъ со многими работами Гёксли: обладая огромными познаніями, онъ никогда не ограничивалъ область своихъ изслѣдованій какою-нибудь одною вѣтвью біологическихъ наукъ и въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводилъ свѣдѣнія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Обиліе частныхъ свѣдѣній естественно привело Гёксли къ желанію изложить эти свѣдѣнія по организаціи, исторіи развитія и систематики животныхъ въ видѣ руководства, и такихъ руководствъ онъ оставилъ намъ два: одно по безпозвоночнымъ, другое—по позвоночнымъ животнымъ. Въ настоящее время, несмотря на то, что наука ушла впередъ, эти руководства поражаютъ замѣчательною строгостью и стройностью изложенія и обиліемъ фактическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ на ихъ страницахъ. Кромѣ того, въ нихъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ изложены спорные вопросы и отмѣчено то, что предстояло рѣшить въ ближайшемъ будущемъ.

Такимъ образомъ, Гёксли, питавшій глубокое презрѣніе къ «бумажнымъ философамъ», изучилъ строеніе и отправленія животныхъ организмовъ, начавъ съ самыхъ низшихъ формъ и кончивъ человѣкомъ. Его лекціи о мѣстѣ человѣка въ природѣ показали, что онъ не боится идти по пути логическаго разсужденія до крайнихъ предѣловъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что сила и значеніе Гёксли кроются въ его прямолинейности. Въ концѣ нашего очерка, познакомившись съ Гёксли съ разныхъ сторонъ, умѣстнѣе привести тѣ взгляды, которыми онъ руководился въ теченіе своей жизни, теперь же мы познакомимся съ тѣми общими идеями, которыя замѣчаются въ его спеціальныхъ работахъ.

Гёксли былъ дарвинистъ, и, притомъ, дарвинистъ, всѣми своими работами доказывавшій справедливость идеи о постепенномъ развитіи органическаго міра. Въ этомъ отношеніи ему нѣтъ равнаго. Идея кровнаго родства организмовъ и образованія новыхъ формъ путемъ подбора производителей была для него истиной, въ которой онъ убѣждался своими безчисленными работами, и разъ убѣдившись въ истинности этого ученія, онъ не только слѣдуетъ за нимъ, но всегда и всюду доказываетъ его справедливость другимъ. Его пытливый умъ не могъ примириться съ частными изслѣдованіями ради нихъ самихъ: эти изслѣдованія только давали ему возможность изучать развитіе генеалогическаго древа животнаго царства въ его различныхъ частяхъ, отыскивать связь между различными, даже далеко стоящими группами животныхъ, по немногимъ остаткамъ прошлаго возстановлять исторію животныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда не терялъ изъ вида преемственнаго развитія животныхъ формъ и даже, повидимому, исключительно фактическія работы оживлялъ скрытою въ нихъ идеей о постепенномъ развитіи органическаго міра. Дарвинова теорія обязана Гёксли рядомъ такихъ блестящихъ сравнительно-анатомическихъ и палеонтологическихъ доказательствъ, которыя придали силу первоначально ея болѣе слабымъ сторонамъ. Онъ нашелъ въ ней ключъ къ пониманію явленій организованнаго міра и съ удвоенною энергіей трудился надъ группировкой частныхъ явленій въ одну общую картину, по возможности приближающуюся къ истинному изображенію того, что̀ происходило и происходитъ въ мірѣ окружающихъ насъ существъ, подъ вліяніемъ закона сохраненія лучше приспособленныхъ формъ въ борьбѣ за существованіе.

Всѣмъ извѣстно, что Дарвинова теорія встрѣтила особенный протестъ со стороны многихъ вслѣдствіе того, что послѣднимъ изъ ея выводовъ было признаніе необходимости происхожденія человѣка отъ одной изъ болѣе низко стоящихъ формъ животныхъ. До чего этотъ выводъ былъ непріятенъ даже многимъ ученымъ, свидѣтельствуетъ примѣръ Уоллэса, который, дойдя самостоятельно почти до тѣхъ же самыхъ выводовъ, къ какимъ пришелъ Дарвинъ относительно всѣхъ животныхъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ сохранить за человѣкомъ его исключительное положеніе. Напрасно Дарвинъ высказывалъ такія соображенія, что происхожденіе человѣка отъ одной изъ низшихъ формъ и высокое мѣсто, занимаемое имъ нынѣ въ природѣ, лучше всего говорятъ въ пользу его блестящихъ способностей и даютъ надежду на еще бо̀льшее совершенство въ будущемъ. Напрасно указывалъ, что едва ли наше тѣсное родство съ дикарями, которое никогда никѣмъ не оспаривалось, можетъ дѣйствовать на насъ въ смыслѣ успокоенія и удовлетворенія нашего самолюбія. Все это Дарвинъ высказываетъ спокойно на страницахъ своихъ трактатовъ, никогда не полемизируя съ своими противниками, а это былъ неблагодарный путь для борьбы съ предразсудками массы. Гёксли избралъ другую дорогу и шелъ по ней съ тою рѣшительностью, которая характеризовала всю его научную дѣятельность, какъ человѣкъ, глубоко убѣжденный въ своей обязан-

ности защищать и пропагандировать истину. Вопросъ о происхожденіи человѣка отъ низшей формы обострился прежде появленія трактата Дарвина о томъ же предметѣ. Ни для кого не было тайной, что это, такъ сказать, послѣдняя глава всей теоріи происхожденія видовъ, и потому не удивительно, что Гёксли выступилъ съ обсужденіемъ этого вопроса самостоятельно. Онъ выступилъ съ лекціями и журнальными статьями, выступилъ съ спеціальными анатомическими работами, съ такою же умѣренностью, какъ и настойчивостью, опровергъ странныя, чтобы не сказать чего-либо иного, свидѣтельства Оуэна, который всегда былъ противъ всякаго признанія измѣняемости организованнаго міра въ границахъ, не поддающихся опредѣленію, и всѣмъ этимъ сдѣлалъ для Дарвиновой теоріи болѣе, нежели всѣ другіе ея послѣдователи. Всѣ отличительныя свойства таланта Гёксли съ такою силой выступаютъ въ этомъ случаѣ, что я считаю полезнымъ привести небольшую выдержку изъ его лекцій о мѣстѣ человѣка въ природѣ, чтобы показать его незнающую колебаній научную прямоту, осторожность въ выводахъ, картинность и силу аргументаціи.

«И такъ, — говоритъ Гёксли въ концѣ своего сравненія организаціи человѣка съ организаціей другихъ животныхъ,— какой бы рядъ органовъ ни взялись мы изучать, сравненіе уклоненій, коимъ они подвергаются у различныхъ родовъ обезьянъ, приводитъ насъ постоянно къ одному и тому же заключенію, а именно, что анатомическія различія, отдѣляющія человѣка отъ гориллы и шимпанзе, не такъ еще велики, какъ тѣ, которыя отдѣляютъ гориллу отъ низшихъ обезьянъ.

«Но если человѣкъ отдѣляется отъ звѣрей не болѣе важною анатомическою преградой, нежели какими они сами другъ отъ друга отдѣляются, то слѣдуетъ, повидимому, заключить, что если будетъ доказано существованіе какой-либо естественной причины происхожденія родовъ и семействъ животныхъ, то причина эта вполнѣ достаточна и для объясненія происхожденія человѣка. Другими словами, если бы можно было доказать, напримѣръ, что мармозеты произошли отъ постепеннаго измѣненія обыкновенныхъ широконосыхъ, и что оба они, и мармозеты, и широконосыя, суть лишь измѣненныя развѣтвленія одного первоначальнаго родича, тогда не было бы разумной причины сомнѣваться, что и человѣкъ могъ возникнуть, съ одной стороны, чрезъ постепенное измѣненіе человѣкообразной обезьяны, или, съ другой стороны, произошелъ также отъ развѣтвленія одного первоначальнаго родича, общаго ему съ обезьянами.

«Въ настоящее время существуетъ лишь одно основательное предположеніе касательно такой естественной причины происхожденія; иначе говоря, одна лишь гипотеза касательно происхожденія видовъ животныхъ вообще имѣетъ теперь мѣсто въ наукѣ, а именно гипотеза Дарвина. Ибо Ламаркъ, хотя и высказалъ нѣсколько весьма мѣткихъ воззрѣній, однако, перепуталъ ихъ такимъ множествомъ скороспѣлыхъ и даже нелѣпыхъ мнѣній, что парализовалъ всю пользу, которую могъ бы принести своимъ оригинальнымъ взглядомъ, будь онъ мыслителемъ болѣе осторожнымъ и умѣ-

реннымъ. Слыхалъ я также о провозглашенiи формулы, трактующей о «предъустановленномъ, постоянномъ возникновенiи органическихъ формъ», но такъ какъ гипотеза, прежде всего, обязана быть удобопонятною, то очевидно, что подобное неопредѣленное положенiе, которое можно съ одинаковымъ успѣхомъ читать и слѣва направо, и справа налѣво, и въ разбивку, въ сущности, вовсе не имѣетъ смысла, хотя можетъ казаться осмысленнымъ.

«Слѣдовательно, въ настоящее время вопросъ объ отношенiи человѣка къ низшимъ животнымъ переходитъ въ болѣе широкiй вопросъ о томъ, состоятельны или несостоятельны воззрѣнiя Дарвина. Но тутъ мы вступаемъ на опасную почву и потому должны съ величайшею точностью опредѣлить свою точку опоры.

«Насколько мнѣ извѣстно, гипотеза Дарвина не оказывается несовмѣстною съ какимъ-либо извѣстнымъ бiологическимъ фактомъ; напротивъ того, если принять его гипотезу, то явленiя развитiя, сравнительной анатомiи, географическаго распредѣленiя и палеонтологiи получаютъ взаимную связь и такое значенiе, какого они никогда донынѣ не представляли. Я же, съ своей стороны, убѣжденъ, что если эта гипотеза не совершенно истинна, то, по крайней мѣрѣ, настолько же близка къ истинѣ, какъ, напримѣръ, гипотеза Коперника приближалась къ настоящей теорiи движенiя свѣтилъ.

«Но даже оставивъ въ сторонѣ воззрѣнiя Дарвина, общая аналогiя дѣйствiй природы такъ сильно, такъ положительно говоритъ противъ вмѣшательства какихъ-либо иныхъ причинъ, кромѣ тѣхъ, которыя обыкновенно называютъ второстепенными, для произведенiя всѣхъ мiровыхъ явленiй, что я, въ виду близкой связи человѣка съ остальнымъ живущимъ мiромъ, а также связи силъ, управляющихъ этимъ мiромъ, со всѣми остальными силами, не вижу возможности сомнѣваться въ томъ, что всѣ онѣ суть одинаковой величины ступени въ великомъ прогрессивномъ шествiи природы, переходныя степени отъ безформенности къ формѣ, отъ неорганическаго къ органическому, отъ безсознательной силы къ сознательному разуму и волѣ.

«Дѣло науки покончено, когда она изслѣдовала, дознала и возвѣстила истину; и будь эта статья писана для однихъ ученыхъ, я бы на этой страницѣ и покончилъ ее, зная, что мои собратья умѣютъ безусловно уважать доказанную истину и признаютъ священною для себя обязанностью покориться ея выводамъ даже и тогда, когда они противорѣчатъ личнымъ ихъ наклонностямъ.

«Но такъ какъ я обращаюсь къ болѣе обширному кругу просвѣщеннаго общества, то съ моей стороны было бы просто трусостью не сознавать того отвращенiя, съ какимъ большинство читателей, вѣроятно, встрѣтитъ выводы, къ которымъ привело меня самое тщательное и добросовѣстное изученiе этого предмета.

«Со всѣхъ сторонъ поднимутся крики: «Мы люди, мужчины и женщи-

ны, а не улучшенная порода обезьянъ, у которой только ноги подлиннѣе, ступни поплотнѣе, да мозгъ потяжелѣе, чѣмъ у вашихъ скотовъ — шимпанзе и гориллы. Способность пріобрѣтать познанія, сознаніе добра и зла, сострадательная нѣжность человѣческихъ привязанностей ставятъ насъ внѣ всякаго родства съ этими животными, какъ бы они ни казались похожими на насъ».

«На это я могу только отвѣчать, что считалъ бы такіе возгласы вполнѣ справедливыми и отнесся бы къ нимъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ, еслибъ они хоть сколько-нибудь шли къ дѣлу. Но не я буду стараться основывать достоинства человѣка на его большомъ пальцѣ или утверждать, что мы погибли, если у обезьяны точно есть въ мозгу малый гиппокампъ. Напротивъ, я сдѣлалъ все, что могъ, дабы ниспровергнуть такую мелочность. Я старался показать, что между нами и животнымъ міромъ нельзя отыскать болѣе рѣшительнаго анатомическаго различія, нежели между животными, непосредственно за нами слѣдующими на ступеняхъ развитія; могу еще прибавить къ этому свою увѣренность, что такъ же безуспѣшно было бы отыскивать рѣзкую черту психическаго раздѣленія, потому что зачатки высшихъ способностей чувства и разума можно прослѣдить и въ низшихъ животныхъ формахъ. Въ то же время, никто болѣе меня не убѣжденъ въ громадности бездны, пролегающей между цивилизованнымъ человѣкомъ и звѣрями, никто болѣе меня не увѣренъ, что *отъ нихъ* ли онъ произошелъ, или не отъ нихъ, теперь онъ, конечно, не одинъ *изъ нихъ.* И никто менѣе меня не расположенъ смотрѣть слегка на теперешнее достоинство или отчаяваться въ будущности единственнаго сознательно-разумнаго существа нашей планеты.

«Есть, правда, люди, имѣющіе претензію на авторитетъ въ подобныхъ вопросахъ,—говорящіе, что эти два ряда понятій несовмѣстимы и что, признавая единство происхожденія человѣка и другихъ тварей, мы тѣмъ самымъ унижаемъ человѣка, низводя его на степень скота. Но такъ ли это? Кажется, даже любой умный ребенокъ могъ бы очевиднѣйшими доводами опровергнуть поверхностныхъ говоруновъ, которые навязываютъ намъ подобныя заключенія. Неужели же какой-нибудь великій поэтъ, философъ или художникъ, геніемъ своимъ прославившій и просвѣтившій вѣкъ свой, будетъ униженъ, низведенъ изъ своего высокаго сана, вслѣдствіе несомнѣнной исторической вѣроятности,—чтобы не сказать увѣренности,—что онъ по прямой линіи произошелъ отъ какого-нибудь голаго, звѣроподобнаго дикаря, у котораго настолько хватило разума, чтобы хитростью превзойти лисицу и тѣмъ самымъ быть опаснѣе тигра? Или намъ слѣдуетъ лаять и ходить на четверенькахъ, на томъ несомнѣнномъ основаніи, что каждый изъ насъ былъ когда-то яйцомъ и что этого яйца никакимъ изъ обычныхъ способовъ изслѣдованія невозможно было отличить отъ собачьяго? Развѣ филантропъ или какой-нибудь святой долженъ отказаться отъ стараній вести примѣрную жизнь, потому только, что, при простѣйшемъ изученіи человѣческой природы, мы находимъ въ ея основаніи всѣ эго-

истическія страсти и скотскія побужденія четвероногихъ? Рѣзвѣ материнская любовь низкое чувство, оттого что она проявляется у курицы, или вѣрность—подлое свойство, потому что ею отличаются собаки?

«Здравый смыслъ массы человѣчества не колеблясь отвѣтитъ на эти вопросы. Разумъ человѣческій, усмотрѣвъ настоятельную необходимость спастись отъ существеннаго грѣха и униженія, предоставитъ разсужденіе о теоретическомъ оскверненіи циникамъ и святошамъ, которые, расходясь во всѣхъ прочихъ пунктахъ, сходятся только въ томъ, что равно не признаютъ благородной прелести видимаго міра и одинаково неспособны оцѣнить высокаго положенія, занимаемаго въ немъ человѣкомъ.

«Мало того, мыслящіе люди, однажды освободившіеся отъ ослѣпляющаго вліянія старинныхъ предразсудковъ, найдутъ въ низкомъ источникѣ, изъ котораго произошелъ человѣкъ, лучшее доказательство великолѣпныхъ его способностей и, въ виду постояннаго прогресса его въ прошедшемъ, могутъ найти разумное основаніе вѣрить, что ему предстоитъ достигнуть и гораздо высшей будущности.

«Вспомнимъ, что, сравнивая цивилизованнаго человѣка съ животнымъ міромъ, мы уподобляемся альпійскому путешественнику, который видитъ горы, возносящіяся къ небесамъ, и едва можетъ отличить, гдѣ кончаются тѣнистыя ущелья и багряныя вершины и гдѣ начинаются тучи небесныя. Безъ сомнѣнія, можно найти оправданіе восхищенному путнику, если онъ въ эту минуту не захочетъ вѣрить геологу, который станетъ ему говорить, что эти величавыя громады, въ сущности, ничто иное, какъ отвердѣвшій илъ первобытныхъ озеръ или остывшій шлакъ подземныхъ долинъ, но только выдвинутый внутренними силами и поднятый ими на эту горделивую и, повидимому, недосягаемую высоту.

«Но геологъ правъ; и, обдумавъ слова его, мы найдемъ, что они не только не уменьшаютъ нашего благоговѣйнаго восторга, но увеличиваютъ чисто-эстетическое впечатлѣніе невѣжественнаго наблюдателя всею силой умственнаго сознанія.

«Когда улягутся страсти и исчезнутъ предразсудки, таковыя же будутъ послѣдствія ученія естествоиспытателей касательно этого великаго Альпійскаго или Андскаго хребта животнаго міра—человѣка. Наше уваженіе къ благородной породѣ человѣческой не уменьшится отъ познанія, что по строенію своему человѣкъ тождественъ со звѣрями; ибо онъ одинъ одаренъ дивною способностью осмысленной рѣчи, посредствомъ которой, въ теченіе долгихъ вѣковъ своего бытія, медленно скопилъ онъ и привелъ въ порядокъ запасъ опыта, почти совершенно утрачиваемаго другими животными со смертью каждой особи; и вотъ теперь человѣкъ стоитъ на немъ, какъ на вершинѣ горы; далеко высится онъ надъ своими смиренными собратіями, и грубая природа его уже преобразилась, оттого что ему удается по временамъ отразить на себѣ лучъ неисчерпаемаго источника истины».

Гёксли былъ величайшимъ популяризаторомъ нашего времени, и это находитъ себѣ объясненіе не только въ его врожденныхъ способностяхъ,

но и въ характерѣ его дѣятельности. Врожденныя способности принесли ему съ собою литературный талантъ, ясность мысли и изложенія, нѣкоторую страстность въ защитѣ того, что̀ онъ считалъ истиннымъ. Широкое образованіе дало поразительно широкій и глубокій взглядъ на явленія природы. Наконецъ, трудъ цѣлой жизни—огромный запасъ фактическаго матеріала, почерпнутый изъ личныхъ наблюденій, а нѐ заимствованный изъ постороннихъ источниковъ. Прибавьте къ этому, что Гёксли придавалъ огромное значеніе дѣятельности популяризатора. «Я не принадлежалъ,—говоритъ онъ,—къ числу тѣхъ счастливыхъ лицъ, которыя смотрятъ на популярныя лекціи, какъ на что-то *hors d'oeuvre*, недостойное занимать мѣсто среди серьезныхъ занятій философа, и которыя въ качествѣ жрецовъ науки сохраняютъ свою славу незапятнанною попытками—по крайней мѣрѣ, счастливыми—быть понятыми массою. Напротивъ, я находилъ, что стремленіе выразить истины, добытыя при непосредственномъ изученіи природы, въ лабораторіяхъ и музеяхъ, на такомъ языкѣ, который, не теряя ни на іоту научной точности, могъ бы оставаться вполнѣ понятнымъ, требуетъ крайняго напряженія научныхъ и литературныхъ способностей, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, личный опытъ показалъ мнѣ, что нѣтъ лучшаго регулятора наклонности къ схоластическому педантизму у всѣхъ тѣхъ, кто преслѣдуетъ цѣли, стоящія въ сторонѣ отъ обыденной жизни, и привыкаетъ думать и говорить на техническомъ діалектѣ своего маленькаго мірка, какъ будто кромѣ его и нѣтъ ничего».

Гёксли читалъ свои публичныя лекціи при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: и передъ рабочими, и передъ смѣшанною публикой, и передъ собраніями преимущественно спеціалистовъ. Знатокъ физіологіи, біологіи и палеонтологіи, онъ не затруднялся въ выборѣ темы для своихъ лекцій и всегда передавалъ ихъ въ такой формѣ, что его не могли не понять. Вѣря въ науку, какъ въ проводника истины, считая пріобрѣтеніе научныхъ познаній величайшимъ достояніемъ человѣка, Гёксли шелъ на встрѣчу всѣмъ, кто стремился пріобрѣсти истинное представленіе о природѣ и ея явленіяхъ, насколько это позволяли ему его обстоятельства. Перечислить даже наиболѣе выдающіяся популярныя лекціи Гёксли невозможно. Можно лишь указать дѣленіе лекцій на категоріи по ихъ содержанію и отмѣтить тѣ изъ нихъ, которыя поражаютъ или своею стройностью, или глубиною мысли.

Я нахожу возможнымъ раздѣлить популярныя лекціи Гёксли на три категоріи: въ первую относятся лекціи болѣе или менѣе фактическаго содержанія, въ которыхъ руководящею идеей является тѣсная связь меж явленіями органическаго міра; во вторую—лекціи, посвященныя изложен Дарвиновой теоріи; наконецъ, въ третью—лекціи болѣе общаго филосо скаго содержанія.

Изъ лекцій второй категоріи особенно обращаютъ на себя внима три лекціи, читанныя въ Америкѣ. Онѣ были читаны въ концѣ семидес тыхъ годовъ, т.-е. послѣ блестящихъ палеонтологическихъ открытій, с

занныхъ въ Европѣ съ именемъ Ковалевскаго, въ Америкѣ съ именами Марша и Копа, и давшихъ въ руки Гёксли замѣчательно благодарный матеріалъ, которымъ онъ воспользовался съ исключительною талантливостью и опытностью. Въ изящномъ по своей простотѣ изложеніи онъ кратко, но ясно передалъ принципы Дарвиновой теоріи и главныя возраженія на нее и, наконецъ, съ неумолимою логикой разбилъ эти возраженія, доказавъ ихъ полную несостоятельность. По построенію, силѣ доказательствъ и изяществу изложенія эти лекціи Гёксли должны считаться образцовыми.

Что касается лекцій общаго содержанія, то онѣ представляютъ особый интересъ не каждая сама по себѣ, а взятыя всѣ вмѣстѣ. Въ нихъ развертывается научное міросозерцаніе Гёксли, который въ бесѣдахъ съ публикой былъ такъ же прямъ и откровененъ, какъ передъ самимъ собой. Предавшись всецѣло ученой и учебной дѣятельности, выработавши себѣ въ теченіе своей жизни опредѣленное и ясное воззрѣніе на явленія природы, готовый всегда назвать невѣжество и предразсудокъ ихъ собственными именами, кто бы ни защищалъ ихъ, готовый, наконецъ, въ своихъ выводахъ идти до крайнихъ предѣловъ, если къ этой крайности его вела простая логика, Гёксли производитъ неотразимое впечатлѣніе именно своими общими рѣчами. Лучше всего справедливость сказаннаго доказывается слѣдующими словами его: «Я позволю себѣ замѣтить, что логическія слѣдствія служатъ пугалами для глупцовъ и маяками для людей мудрыхъ. Единственный вопросъ, который можетъ поставить передъ собою человѣкъ мудрый и человѣкъ честный, это: вѣрна ли доктрина или ложна? Такъ что, если мой взглядъ дѣйствительно и логически ведетъ къ фатализму, матеріализму и атеизму, я долженъ признать себя фаталистомъ, матеріалистомъ и атеистомъ». Огромное вліяніе Гёксли на публику объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что онъ превосходно зналъ произведенія философовъ всѣхъ временъ и незыблемо стоялъ на достойной его высотѣ во всѣхъ столкновеніяхъ съ приверженцами разныхъ философскихъ системъ, отъ времени до времени дѣлавшихъ вылазки противъ господствующей въ біологіи теоріи эволюціонизма.

Теперь мы должны говорить о Гёксли, какъ объ учителѣ. Дѣлу преподаванія онъ отдавался такъ же горячо, какъ научной и популяризаторской дѣятельности. Онъ видѣлъ въ немъ одну изъ своихъ обязанностей по отношенію къ обществу и, несмотря на разстроенное здоровье, всегда готовъ былъ служить руководителемъ преподаванія въ его разныхъ видахъ. Нечего и говорить, что такой опытный и выдающійся лекторъ былъ знаменитымъ профессоромъ; остановимся на немъ, какъ на учителѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Чтобъ узнать взгляды Гёксли въ этомъ отношеніи, достаточно ознакомиться съ содержаніемъ его рѣчей объ изученіи біологіи и о значеніи естествознанія въ воспитаніи. Гёксли признавалъ, что не всѣ же, начинающіе заниматься біологическими науками имѣютъ для этого необходимыя способности и, прежде всего, сортировалъ начинающихъ: они должны были пройти у него краткій курсъ практическихъ занятій, и если такой

курсъ оказывался имъ не по силамъ или безполезнымъ, Гёксли безъ колебаній совѣтовалъ имъ заняться другими предметами. Личный опытъ доказалъ ему, что практическое изученіе животныхъ разныхъ группъ даетъ самую прочную точку опоры въ занятіи біологическими науками, и на этомъ основаніи онъ открывалъ свои занятія краткимъ практическимъ курсомъ, въ который входило также изученіе низшихъ растительныхъ организмовъ. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изложеніе этихъ занятій. Достаточно знать, что въ основу ихъ была положена мысль, что для начинающаго необходимо, прежде всего, почерпнуть краткія свѣдѣнія о важнѣйшихъ представителяхъ животныхъ и основательно ознакомиться съ методами изслѣдованія, а не начинать съ подробнаго изученія одной группы, какъ бы забывая о существованіи другихъ. Вѣрный своей основной идеѣ, что изслѣдователь во всякой области долженъ вообще знать предметъ, Гёксли не высоко ставилъ тѣхъ узкихъ спеціалистовъ, которые способны дать нѣсколько точныхъ, но мелкихъ работъ, не освѣщенныхъ никакою общею идеей. Едва ли они въ его глазахъ стояли выше каменщиковъ и плотниковъ, таскающихъ матеріалъ для постройки величественнаго зданія, называемаго строемъ природы, но не понимающихъ его прелести. Какъ въ спеціальныхъ работахъ, такъ и въ дѣлѣ обученія единственный нормальный путь—начинать съ простого и переходить къ сложному. Чѣмъ послѣдовательнѣе переходъ, тѣмъ совершеннѣе путь обученія, тѣмъ прочнѣе пріобрѣтаемыя въ теченіе его познанія. Гёксли смотрѣлъ, что элементарныя свѣдѣнія по біологіи, то, что можно назвать азбукой біологіи, должны быть всеобщимъ достояніемъ. Не естественно ли начинать всякое обученіе съ пріобрѣтенія элементарныхъ свѣдѣній о томъ, что̀ всегда насъ окружаетъ, что̀, можно сказать, съ утра до вечера поднимаетъ передъ нами рядъ вопросовъ, не отвѣтить на которые нельзя, потому что замалчиваніе въ такомъ случаѣ равносильно лжи? Вмѣсто того, чтобы питать юные умы не представляющею для нихъ никакого интереса классною сушью, которая, по словамъ защитниковъ этой системы, дисциплинируетъ умъ и служитъ гимнастикой для памяти, дайте имъ доступъ къ изученію живой природы. Пускай они не будутъ изолированы отъ міра живыхъ существъ; пускай они съ первыхъ шаговъ своей сознательной дѣятельности привыкнутъ ставить себя въ число явленій организованной жизни; пускай вмѣстѣ съ первоначальнымъ развитіемъ ихъ проникаетъ идея, что они живутъ не среди хаотическаго безпорядка нагроможденныхъ другъ на друга предметовъ и явленій, а въ стройной системѣ природы, которая въ безконечномъ разнообразіи проявляетъ свое единство, глубокую связь всего въ ней совершающагося. Не естественнѣе ли сначала пріобрѣсти свѣдѣнія о томъ, что̀ поддается наблюденію и опыту, и уже потомъ перейти къ изученію другихъ, болѣе сложныхъ сторонъ человѣческаго существованія, подняться до изученія высшихъ проявленій его психо-физической дѣятельности? Мы отлично знаемъ, что всякое изученіе только тогда бываетъ плодотворно, когда оно объективно. Мы стараемся

стать на такую точку зрѣнію во всякомъ случаѣ, кромѣ одного, когда всякая другая точка зрѣнія влечетъ за собой рядъ непоправимыхъ ошибокъ, а именно—въ дѣлѣ нашего самообученія. При естественной склонности человѣка относиться пристрастно ко всему, что связано съ нимъ самимъ, онъ долженъ, прежде всего, отрѣшиться отъ мысли о своемъ исключительномъ положеніи въ ряду другихъ существъ и въ природѣ вообще, а едва ли это возможно, если вся система нашего образованія построена на изученіи только человѣка, его дѣяній, исторіи, заблужденій, великихъ открытій и пр. Повторяемъ, рѣчь идетъ не объ устраненіи литературнаго или эстетическаго образованія научнымъ; но научное воспитаніе должно быть введено во всѣхъ школахъ, потому что особенность естественно-научнаго воспитанія, не дозволяющая его замѣны никакою другою системой, состоитъ въ томъ, что она ставитъ человѣка въ прямое общеніе съ фактомъ, пріучаетъ умъ выводить заключеніе изъ частныхъ фактовъ, познаваемыхъ путемъ непосредственнаго наблюденія природы. Вмѣсто того, чтобы внушать учащемуся вѣру въ человѣческіе авторитеты, мы должны ему внушить, что его долгъ—сомнѣваться до тѣхъ поръ, пока абсолютный авторитетъ природы не научитъ его вѣрить въ то, что написано въ книгахъ.

Что̀ бы ни говорили о предпочтительномъ значеніи разныхъ системъ воспитанія передъ естественно-научнымъ, мы должны признать, какъ несомнѣнное, что новѣйшая цивилизація держится на естествознаніи.

Слѣдующее мѣсто, заимствованное изъ рѣчи Гёксли о либеральномъ воспитаніи, еще полнѣе познакомитъ насъ съ его взглядами на этотъ вопросъ:

«Что такое воспитаніе?—спрашиваетъ онъ.—Помимо всего, каковъ нашъ идеалъ совершенно либеральнаго воспитанія,—того воспитанія, какое мы дали бы самимъ себѣ, если бы могли начать жить сначала,—воспитанія, какое мы дали бы своимъ дѣтямъ, если бы могли располагать судьбой по собственной волѣ? Вашего взгляда на этотъ предметъ я не знаю, но выскажу вамъ свой и надѣюсь найти, что наши взгляды не совершенно противурѣчивы.

«Предположимъ, что было бы извѣстно, что жизнь и судьба каждаго изъ насъ въ одинъ прекрасный день окажутся въ зависимости отъ выигрыша или проигрыша въ шахматы. Не думаете ли вы, что мы считали бы первою своею обязанностью изучить, по крайней мѣрѣ, названія и ходъ фигуръ, пріобрѣсти понятіе о гамбитѣ и умѣнье давать шахъ и уходить отъ него? Не думаете ли вы, что мы смотрѣли бы съ порицаніемъ, доходящимъ до презрѣнія, на отца, который оставилъ бы рости сына, или на государство, которое воспитало бы своихъ членовъ не умѣющими отличить пѣшки отъ короля?

«Но очень простая и элементарная истина, что жизнь, судьба и счастье каждаго изъ насъ и болѣе или менѣе тѣхъ, кто связанъ съ нами, зависятъ отъ нашего знанія правилъ игры безконечно болѣе трудной и слож-

ной, чѣмъ шахматы. Это—игра, начатая съ незапамятныхъ временъ, въ которой каждый мужчина и каждая женщина является однимъ изъ игроковъ въ его или ея игрѣ. Шахматная доска, это—міръ, фигуры—явленія вселенной, правила игры—то, что мы называемъ законами природы. Игрокъ на противуположной сторонѣ скрытъ отъ насъ. Мы знаемъ, что его игра всегда честна, правильна и терпѣлива. Но мы знаемъ также, что онъ никогда не пропуститъ ошибки и не дастъ ни малѣйшей поблажки нашему незнанію. Кто играетъ хорошо, тому выплачиваются огромныя ставки, съ тѣмъ видомъ благородства, которымъ сила выражаетъ свое удовольствіе при встрѣчѣ съ силой. Если же кто играетъ дурно, тому дается матъ—безъ ненависти, но и безъ сожалѣнія.

«И такъ, я считаю воспитаніемъ изученіе правилъ этой великой игры. Другими словами, воспитаніе есть наставленіе ума въ законахъ природы, подъ которой я разумѣю не только вещи и ихъ силы, но и людей и ихъ обычаи, и преобразованіе душевныхъ движеній и воли въ ревностное и любвеобильное стремленіе жить въ согласіи съ этими законами. По моему мнѣнію, задача воспитанія заключается только въ этомъ—ни болѣе, ни менѣе. И ко всему, что выдаетъ себя за воспитаніе, должна быть приложима указанная мѣрка; если же оно не выдерживаетъ ея, я не назову его воспитаніемъ, какова бы ни была сила авторитета или число приверженцевъ на его сторонѣ.

«Для каждаго изъ насъ міръ былъ нѣкогда такимъ же свѣжимъ и новымъ, какъ для Адама. И тогда, задолго прежде, чѣмъ мы были способны воспринять наставленіе въ какомъ бы то ни было видѣ, природа взяла насъ въ свои руки и каждую минуту нашей дѣятельной жизни проявляла свое воспитательное вліяніе, ставя наши дѣйствія въ строгое согласіе съ законами природы и предотвращая нашу преждевременную кончину, какъ слѣдствіе крайняго неповиновенія. Я не могу говорить объ этомъ воспитательномъ процессѣ какъ о законченномъ ни для кого, какъ бы старъ онъ ни былъ. Для каждаго человѣка міръ такъ же свѣжъ, какъ былъ въ первый день, и полонъ безчисленныхъ новинокъ для того, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. И природа не перестаетъ терпѣливо воспитывать насъ въ томъ великомъ университетѣ вселенной, членами коего мы всѣ состоимъ. Но какъ это всегда бываетъ въ случаѣ принудительныхъ мѣръ, природа строга и сурова въ своихъ дѣяніяхъ. Невѣдѣніе карается такъ же строго, какъ сознательное непослушаніе; неспособность влечетъ за собою то же наказаніе, что и преступленіе. Дисциплина природы не всегда выражается въ словахъ и ударахъ, съ ударами на первомъ мѣстѣ, но и въ ударахъ безъ словъ. Намъ самимъ предоставляется догадаться, за что намъ досталось.

«Задача того, что мы обыкновенно называемъ воспитаніемъ,—воспитаніе, въ которомъ участвуетъ человѣкъ и которое я назову искусственнымъ,—состоитъ въ томъ, чтобы пополнить пробѣлы въ воспитаніи природы; чтобы приготовить ребенка къ восприятію воспитанія природы; чтобъ

онъ не оказался ни неспособнымъ, ни малосвѣдущимъ, ни сознательно-непослушнымъ; чтобъ онъ понималъ предварительные симптомы недовольства природы, не дожидаясь наказанія. Короче говоря, всякое искусственное воспитаніе должно быть предвареніемъ естественнаго. И либеральное воспитаніе есть такое искусственное, которое не только подготовляетъ человѣка избѣгать большихъ непріятностей, слѣдуемыхъ за неповиновеніе законамъ природы, но и ведетъ его къ тому, чтобы цѣнить и получать награды, которыя природа раздаетъ такъ же щедро, какъ и наказанія.

«Съ моей точки зрѣнія, тотъ человѣкъ получилъ либеральное воспитаніе, который въ своей юности воспитывался такъ, что его тѣло всегда готовый слуга его воли, и легко и съ удовольствіемъ исполняетъ всякую работу, къ которой оно способно, какъ механизмъ; чей разумъ является ясною, холодною, логическою машиной, съ частями одинаковой силы и хорошимъ ходомъ, годной, подобно паровой машинѣ, на всякую работу—и прясть тонкія нити, и выковывать якоря духа; чей умъ исполненъ великихъ и основныхъ истинъ природы и законовъ ея дѣйствій; кто, въ противуположность слабому аскету, полонъ жизни и огня, но чьи страсти пріучены подчиняться твердой волѣ, слугѣ чуткой совѣсти; кто научился любить все прекрасное какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, ненавидѣть все низкое и уважать другихъ, какъ самого себя.

«Такимъ и никакимъ другимъ, по моему мнѣнію, можетъ быть тотъ, кто получилъ либеральное воспитаніе, потому что онъ будетъ вполнѣ представлять собою человѣка, стоящаго въ гармоніи съ природой. Онъ съумѣетъ наилучшимъ образомъ воспользоваться ею, а она имъ. Изрѣдка они будутъ встрѣчаться, но она—какъ его вѣчно любящая мать, онъ—какъ ея представитель, ея самопознаніе, ея распорядитель и толкователь».

Я не имѣю возможности останавливаться долѣе на отдѣльныхъ сторонахъ дѣятельности Гёксли. Для краткаго очерка сказано довольно, для полной и разносторонней оцѣнки понадобилось бы неизмѣримо болѣе. Перейду теперь къ тѣмъ взглядамъ Гёксли, которыми онъ руководился въ теченіе всей своей жизни и которые объясняютъ многое изъ занимаемаго имъ положенія. Каково оно было? Исключительно ли симпатіи сопровождали его въ долгой трудовой жизни, или же нападки и обвиненія, всегда преслѣдующія лицъ, стоящихъ выше толпы, были и его удѣломъ? На это можно сказать, что на него нападали,—его не только обвиняли, какъ это бываетъ съ большинствомъ, но даже въ гораздо большей степени. Гёксли сынъ своего народа. Онъ жилъ столько же въ лабораторіи, сколько и на каѳедрѣ. Не только у насъ, но нигдѣ въ другой странѣ, кромѣ Англіи, его потребность постояннаго общенія съ массой не могла бы найти себѣ удовлетворенія. Онъ съ поразительною неутомимостью сходилъ съ каѳедры въ одномъ мѣстѣ, чтобы взойти на нее почти сейчасъ же въ другомъ. Познаваемыя имъ истины онъ не таилъ про себя, а считалъ своимъ долгомъ дѣлать общимъ достояніемъ. Если то, что онъ считалъ истиной, шло совершенно

въ разрѣзъ съ ходячими мнѣніями, это не только не останавливало его отъ того, чтобы говорить именно объ этомъ, а прямо толкало къ тому, чтобы сказать людямъ лишній разъ: «Вы заблуждаетесь; истина не тамъ, гдѣ вы ее ищите, а на совершенно противуположной сторонѣ». На каѳедру онъ смотрѣлъ иногда какъ на передовой постъ, обстрѣливаемый артиллеріей противниковъ, никогда не отказывался занять этотъ постъ и никогда не покидалъ его, прежде чѣмъ не было доказано, по крайней мѣрѣ, каждому здравомыслящему человѣку, что правда на сторонѣ лектора. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ программу дѣятельности всей своей жизни: «Способствовать накопленію естественно-историческихъ свѣдѣній и примѣненію научныхъ методовъ изслѣдованія ко всѣмъ явленіямъ жизни, насколько это позволяли мои способности, въ увѣренности, которая росла и крѣпла въ теченіе всей моей жизни, что для человѣчества есть только одно средство облегчить страданія: это—стремленіе къ истинѣ въ дѣлахъ и помышленіяхъ и полное презрѣніе къ міру, когда съ него сорванъ покровъ обмана, скрывающій за собою его непривлекательныя черты. Съ этимъ намѣреніемъ я подчинилъ всякое сознательное и безсознательное стремленіе къ научной славѣ, которымъ могъ позволить себѣ развлекаться, другимъ цѣлямъ: популяризаціи науки; развитію и организаціи научнаго воспитанія; безконечному количеству стычекъ и схватокъ за идею эволюціи и постоянной оппозиціи клерикализму, который является ожесточеннымъ врагомъ науки. Въ стремленіи къ достиженію этихъ цѣлей я былъ только однимъ изъ многихъ, и я буду совершенно удовлетворенъ, если обо мнѣ вспомнятъ съ этой стороны, а то даже и въ томъ случаѣ, если совсѣмъ не вспомнятъ». Само собою разумѣется, открытое возвѣщеніе подобной программы вызвало бурю нападокъ. Гёксли обвиняли въ матеріализмѣ, фатализмѣ и атеизмѣ, смотря по тому, въ какой степени находилось раздраженіе противъ него и какая изъ его публичныхъ лекцій подливала масла въ огонь. Въ отвѣтъ на это онъ говорилъ, что призналъ бы себя и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ, еслибъ его взгляды дѣйствительно приводили его логически къ тому или иному заключенію. «Но,—прибавляетъ онъ,—я не имѣю ни малѣйшей побудительной причины причислять себя ни къ философамъ-фаталистамъ, ни къ матеріалистамъ, ни къ атеистамъ. Къ фаталистамъ—потому, что, по-моему, понятіе необходимости имѣетъ основаніе логическое, а не физическое; къ матеріалистамъ—потому, что я совершенно не способенъ понять существованіе матеріи, если нѣтъ сознанія, въ которомъ бы это существованіе рисовалось; къ атеистамъ—потому, что проблема послѣдней причины существованія кажется мнѣ безнадежно-выходящей изъ предѣловъ моихъ бѣдныхъ способностей. Изо всей безсмысленной болтовни, какую я когда-либо имѣлъ возможность слышать, доказательства тѣхъ философовъ, которые берутся разсказать намъ все касающееся природы Бога, была бы худшей, еслибъ ее не превосходили еще большія нелѣпости философовъ, доказывающихъ, что нѣтъ Бога». Но на

падки продолжались и подчасъ ихъ безсмысленная ожесточенность доводила Гёксли до того, что онъ не отвѣчалъ на нихъ. Послѣ длиннаго ряда стычекъ и столкновеній за эволюцію онъ, наконецъ, сказалъ со свойственною ему откровенностью: «Прежде, когда мнѣ доводилось слышать, что появилась новая блестящая критика современной біологической теоріи, я спѣшилъ ознакомиться съ нею и отвѣчать на нее. Но теперь я состарился и, убѣдившись, что блестящіе критики не знаютъ даже азбуки біологіи, пересталъ читать ихъ произведенія».

Въ послѣднее время разстроенное здоровье и болѣзни наложили свою руку на энергію Гёксли. Онъ отказался отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей и пересталъ выступать передъ публикой; но въ немъ нашлись силы, чтобы свою полувѣковую блестящую защиту эволюціоннаго ученія заключить рѣчью, которая проливаетъ свѣтъ на отношеніе человѣка къ космической эволюціи. Нѣсколькими выдержками изъ этой рѣчи, одинаково замѣчательной по глубинѣ мысли и картинности изложенія, мы и закончимъ нашъ очеркъ:

«Человѣкъ, какъ животное,—говоритъ Гёксли,—достигъ своего главенства надъ міромъ сознательныхъ существъ, превратился въ то гордое, прекрасное животное, какимъ мы его теперь застаемъ, конечно, только благодаря успѣху въ борьбѣ за существованіе. При данныхъ условіяхъ, организація человѣка приспособилась лучше, чѣмъ всякая другая, чтобы выйти побѣдительницей изъ космической борьбы. Въ развитіи человѣчества беззастѣнчивое заявленіе своего «я», безсовѣстное наложеніе руки на все, на что ее можно наложить, упорное сохраненіе за собою всего, что только можно сохранить, составляющія сущность борьбы за существованіе, конечно, сослужили свою службу. Своимъ успѣхомъ, въ дикомъ состояніи, человѣкъ, конечно, широко обязанъ тѣмъ качествамъ, которыя онъ раздѣляетъ съ обезьяною и тигромъ,—своей исключительной физической организаціи, своему лукавству, чувству общественности, любопытству и страсти къ подражанію, своему инстинкту истребленія, проявляющемуся какъ только какое-либо сопротивленіе пробуждаетъ его гнѣвъ.

«Но по мѣрѣ того, какъ анархія смѣнялась соціальною организаціей, по мѣрѣ того, какъ цивилизація стала пріобрѣтать цѣну въ его глазахъ, эти глубоко вкоренившіяся и сослужившія ему службу качества превратились въ недостатки. Подобно многимъ выскочкамъ, человѣкъ охотно оттолкнулъ бы лѣстницу, по которой выбрался въ люди. Онъ охотно убилъ бы въ себѣ тигра и обезьяну. Но они отказываются ему повиноваться, и это-то незваное вторженіе веселыхъ товарищей его буйной юности въ правильную жизнь, налагаемую на него гражданственностью, присоединяетъ новыя безчисленныя и громадныя страданія къ тѣмъ, которыя космическій процессъ налагалъ на него ранѣе, какъ на простое животное. И цивилизованный человѣкъ клеймитъ всѣ эти побужденія тигра и обезьяны, называя ихъ грѣхомъ, и, въ крайнемъ случаѣ, веревкой или топоромъ препят-

ствуетъ «переживанію» этихъ «наиболѣе приспособленныхъ» къ условіямъ давно минувшихъ дней.

«Люди, живущіе въ обществахъ, конечно, также подвержены этому космическому процессу. Также какъ и у другихъ животныхъ, размноженіе человѣка совершается безостановочно и влечетъ за собою жестокое состязаніе за средства къ существованію. Борьба за существованіе стираетъ тѣхъ, кто менѣе способенъ приспособляться къ условіямъ ихъ жизни. Сильнѣйшіе, наиболѣе самонадѣянные, стремятся къ тому, чтобы попирать слабыхъ. Но вліяніе этого космическаго процесса на эволюцію обществъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе форма ихъ цивилизаціи. Соціальный прогрессъ является средствомъ, ограничивающимъ на каждомъ шагу могущество процесса космическаго, и выдвигаетъ на смѣну ему другой процессъ, который мы можемъ назвать этическимъ. Результатомъ этого процесса можетъ оказаться переживаніе—не тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія, а тѣхъ, кто приспособленъ къ условіямъ существованія наилучшаго, въ смыслѣ этическомъ.

«Какъ я уже указывалъ выше, примѣненіе въ жизни правилъ, представляющихся высшими съ этической точки зрѣнія,—правилъ, которыя мы связываемъ съ представленіемъ о праведности или добродѣтели,—влечетъ за собою образъ дѣйствія, во всѣхъ отношеніяхъ противный тому, который обусловливаетъ успѣхъ въ космической борьбѣ за существованіе. Вмѣсто безжалостнаго предъявленія требованій своей личности, эти правила налагаютъ обязанность самообузданія, вмѣсто того, чтобы сметать передъ собой или попирать подъ ногами всякаго соперника, они требуютъ не только уважать своего ближняго, но и помогать ему; они способствуютъ не переживанію наиболѣе приспособленнаго, но приспособленію наибольшаго числа къ переживанію. Они съ негодованіемъ осуждаютъ гладіаторское воззрѣніе на жизнь. Они требуютъ, чтобы всякій, пользующійся выгодами и наслажденіями жизни въ обществѣ, никогда не упускалъ изъ вида своего долга по отношенію къ тѣмъ, кто своими трудами создалъ это общество, и налагаютъ на каждаго члена этого общества обязанность ни однимъ своимъ дѣйствіемъ не ослаблять связи того цѣлаго, въ которомъ ему дозволено жить. Законы и нравственныя правила направлены къ тому, чтобы побороть этотъ космичесскій процессъ и постоянно напоминать отдѣльному человѣку объ его обязанностяхъ по отношенію къ обществу, которое своею защитой и благотворнымъ вліяніемъ если не прямо даруетъ ему жизнь, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ ее чѣмъ-то болѣе цѣннымъ, чѣмъ полуживотное существованіе дикаря.

«Только вслѣдствіе невниманія къ этимъ простѣйшимъ соображеніямъ нѣкоторые фанатики индивидуализма пытаются въ наше время, по аналогіи, распространять этотъ космическій процессъ и на общество.

«Поймемъ разъ навсегда, что этическій прогрессъ общества зависитъ не отъ подражанія космическому процессу, еще менѣе отъ уклоненія отъ

него, а отъ борьбы съ нимъ. Уже далеко за нами осталось героическое младенчество нашей расы, когда добро и зло встрѣчались безразличнымъ «веселымъ привѣтомъ». Попытка спастись отъ зла—все равно, индусская или греческая—окончилась только бѣгствомъ съ поля битвы. Намъ предстоитъ отбросить въ сторону и младенческую самонадѣянность, и недовѣріе къ своимъ силамъ, свойственное несовершеннолѣтію. Мы уже возмужали и должны показать себя людьми. Мы должны лелѣять то добро, которое выпадаетъ намъ на долю, и мужественно сносить зло, въ себѣ и вокругъ насъ, съ твердымъ намѣреніемъ положить ему предѣлъ. И въ этомъ общемъ стремленіи мы можемъ руководиться общею вѣрой, общею надеждой».

М. Мензбиръ.

Изъ литературныхъ наблюденій.

Недавно вышло отдѣльнымъ изданіемъ новое произведеніе г. Мамина-Сибиряка: *Хлѣбъ*. Когда оно печаталось въ *Русской Мысли*, то возбуждало живой интересъ. Многіе находятъ его значительнѣйшимъ изъ романовъ талантливаго писателя. И для такого мнѣнія есть основанія. Г. Маминъ рисуетъ широкую картину соціальнаго переворота, произведеннаго въ хлѣбномъ краѣ пароходомъ и банкомъ, и даетъ при этомъ рядъ живыхъ фигуръ, дѣятелей и жертвъ этого переворота. Я не имѣю въ виду говорить объ общественномъ значеніи и художественномъ достоинствѣ *Хлѣба* и отмѣчаю только безмолвіе или безсиліе критики. Въ лагерѣ нашихъ «консерваторовъ» постоянно слышатся обвиненія въ томъ, что «либералы» замалчиваютъ какія-то удивительныя произведенія художниковъ-консерваторовъ. Признаюсь, такихъ произведеній я давно уже не замѣчаю. Припоминаю, что произведенія графа Голенищева-Кутузова, напримѣръ, котораго «консерваторы» причисляютъ къ своему лагерю, привѣтствовали *Русскія Вѣдомости*. Но *Хлѣбъ* замалчивается или страннымъ образомъ оцѣнивается и *своими*. Одна либеральная газета, когда романъ печатался въ *Русской Мысли*, кинувъ по его адресу нѣсколько вялыхъ строчекъ, прибавляла, что поговоритъ, какъ слѣдуетъ, когда романъ кончится. Онъ кончился и критикъ газеты, сообщая объ этомъ, пишетъ только, что о *Хлѣбѣ* онъ уже говорилъ...

Странно это и обидно, съ моей точки зрѣнія: *Хлѣбъ* мнѣ представляется самымъ выдающимся произведеніемъ истекающаго литературнаго года. Авторъ, очевидно, долго обдумывалъ его, превосходно знаетъ описываемый край, затрогиваетъ множество важныхъ вопросовъ, о которыхъ слѣдовало бы поговорить и критикѣ.

Чѣмъ же была занята въ особенности наша журналистика за послѣд нее время? Кажется, всего болѣе разрѣшеніемъ вопроса о томъ, былъ пр ведникомъ или злодѣемъ князь Вяземскій, умершій нѣсколько лѣтъ том назадъ. Объ этой удивительной *полемикѣ* читатели знаютъ изъ газетъ Это—нелѣпое и колоссальное сочетаніе сплетни съ страннымъ литератур нымъ *дознаніемъ* и *слѣдствіемъ*,—такъ г. Меньшиковъ и называетъ сво

статьи въ *Недѣлѣ*. Зачѣмъ это все дѣлалось? Умеръ человѣкъ, его изобразили праведникомъ. Предположимъ, что праведникомъ онъ не былъ; какая надобность въ вывѣдываніяхъ, въ разслѣдованіи, въ грубыхъ схваткахъ со сторонниками иного взгляда? Увы, г. Меньшиковъ совсѣмъ забылъ, что онъ *апостолъ любви и кротости*. Въ октябрьской книжкѣ *Недѣли* онъ пытается возвести въ перлъ созданія свой образъ дѣйствія.

Г. Меньшиковъ называетъ *странною, чудовищною ложью* то, что̀ писалось о покойномъ Вяземскомъ до пресловутаго *дознанія*. Ложь—можетъ быть, хотя безпристрастный читатель не можетъ отвергать и многихъ свидѣтельскихъ показаній противниковъ г. Меньшикова; но почему *чудовищная* ложь? Русскому человѣку,—въ этомъ отношеніи и г. Меньшиковъ оказался *весьма* русскимъ человѣкомъ,—свойственно скорѣе обругать, чѣмъ похвалить кого-либо, выставлять же лежащаго въ могилѣ существомъ высоконравственнымъ совсѣмъ не *чудовищно*: это можетъ оказаться невѣрнымъ, легкомысленнымъ, но, все-таки, останется симпатичнымъ. А вотъ *дознаніе, слѣдствіе*... Видите ли, г. Меньшиковъ ищетъ истины, правды. Лучше бы искать ее въ другомъ мѣстѣ, по другому поводу, а не по вопросу о томъ, совершалъ ли безнравственные поступки и злодѣйства человѣкъ, который самъ никогда не изъявлялъ притязанія на общественное вниманіе и значеніе? Вѣдь, даже на судѣ, когда стоитъ тяжкій преступникъ,—убійца, напримѣръ,—есть предѣлъ *дознанію* и *слѣдствію*, есть такія стороны въ жизни *человѣка*, хотя и преступника, которыхъ не коснется самый добросовѣстный слѣдователь и прокуроръ... И напрасно г. Меньшиковъ, горячо защищая дѣйствительно неотложную борьбу за правду, примѣшиваетъ сюда исторію серпуховского князя. Мнѣ гораздо пріятнѣе поэтому указать именно на другую часть его статьи: «Борьба съ ложью во всѣхъ ея видахъ,—говоритъ талантливый публицистъ *Недѣли*,—особенно необходима въ Россіи: неправда покрываетъ нашу страну какъ бы дремучею, непроходимою тайгой. Ужь если въ Англіи благородный Морлей, авторъ превосходной книги *О компромиссѣ*, считаетъ эту борьбу насущной, то у насъ-то, гдѣ она еле начата, и подавно. Въ изстари честной *старой Англіи*, съ ея пуританскою культурой и безстрашнымъ народомъ, существуютъ могущественныя, у насъ невѣдомыя орудія для борьбы съ ложью: свободная, не развращенная печать, *платформа*, парламентъ, а, главное, уже подготовленные, облагороженные нравы,—и тамъ эта борьба нелегка. У насъ она — подвигъ, чаще всего оканчивающійся катастрофой для возставшаго противъ лжи. И главное препятствіе для успѣха истины—исподлившіеся, рабскіе общественные нравы».

Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться и такого стремленія къ правдѣ нельзя не привѣтствовать. Но въ горячихъ статьяхъ г. Меньшикова нерѣдко встрѣчаются такія мысли и выраженія, которыя дѣлаютъ его изъ союзника противникомъ и возбуждаютъ сочувственные отзывы тамъ, гдѣ г. Меньшиковъ, вѣроятно, не желалъ бы ихъ слышать. Такъ, когда появилось его пресловутое *литературное дознаніе*, пришли въ неописанный

восторгъ *Московскія Вѣдомости:* князь Вяземскій былъ изображенъ добродѣтельнымъ человѣкомъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*; г. Меньшиковъ доказываетъ противное. Какая радость для «консерваторовъ»: однимъ хорошимъ человѣкомъ оказывается меньше! Этого мало: по логикѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, вопросъ о томъ, былъ ли святымъ человѣкомъ, или не былъ имъ князь Вяземскій, неразрывно связанъ съ вопросомъ: быть или не быть на свѣтѣ русскимъ «либераламъ».

Въ мой споръ съ г. Меньшиковымъ о знаніи и совѣсти вмѣшалась *Русская Бесѣда*. Въ сентябрской книжкѣ этого журнала написана шумливая и высокопарная статья подъ заглавіемъ: *Нужна ли совѣсть и полезна ли для общества забота о спасеніи души (поединокъ г. Меньшикова съ г. О. Т. В. „Русская Мысль“)*. Почтенный авторъ этой статьи, г. Кондратъ, становится на сторону г. Меньшикова,—что съ его стороны понятно,—и взводитъ на меня напраслину,—это ужь не совсѣмъ понятно. Откуда г. Кондратъ *Русской Бесѣды* вывелъ такое, напримѣръ, заключеніе: «По представленію О. Т. В. выходитъ, что *совѣсть* и начинается, и оканчивается въ границахъ отдѣльной личности, не переходитъ на общественныя цѣли человѣка и со зломъ общественнымъ не борется»? Впрочемъ, я долженъ подождать возраженій г. Кондрата: онъ кончаетъ свою статью заявленіемъ, что «о возраженіяхъ г. О. Т. В. г. Меньшикову — рѣчь впереди».

Доживемъ—почитаемъ, что напишетъ г. Кондратъ. Для меня споръ съ г. Меньшиковымъ представляется возобновленіемъ спора объ умѣ и чувствѣ, о томъ, что̀ важнѣе: доброе ли воспитаніе, или развитіе разума путемъ знанія и размышленія? Для меня *чувства добрыя* имѣютъ, конечно, значеніе, какъ необходимый матеріалъ, изъ котораго сознаніе, идея строитъ наше поведеніе. Такой руководящей идеи можетъ не найтись у даннаго человѣка (иной разъ у цѣлой эпохи), и тогда *чувства добрыя* пропадутъ почти даромъ, не перейдутъ въ соотвѣтствующій *образъ дѣйствія*. Никто, я думаю, не станетъ отрицать и того, что ложная идея, неправильный идеалъ губятъ многихъ людей, одушевленныхъ горячею любовью къ добру. Великими, плодотворными моментами въ исторіи каждаго народа бывали такіе, когда общество увлекалось высокою идеей, трудилось для нея, боролось съ препятствіями для ея осуществленія. Въ такія времена людямъ, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, живется радостно: есть изъ-за чего поработать, есть глубокій духовный интересъ. А въ сѣренькія, переходныя времена, когда на поверхности крикливо «торжествуютъ» представители застоя, полезно и отрадно вспоминать періоды бури и натиска, когда смѣло и бодро работа[ла] мысль.

Такое отрадное впечатлѣніе возбудила во мнѣ книжка В. П. Острогор[]скаго: *Изъ исторіи моего учительства*. Отъ нея вѣетъ идеализмомъ шести[]десятыхъ годовъ,—да, идеализмомъ, ибо кто же, какъ не идеалисты, был[и] и Добролюбовъ, и Чернышевскій, и ихъ противники, какъ Достоевскій и Катковъ (тогдашнихъ дней, конечно)?

Г. Острогорскій вспоминаетъ въ своей книгѣ, какой горячій интересъ возбуждали педагогическіе вопросы въ знаменитую преобразовательную эпоху начала царствованія императора Александра II. «У всѣхъ,—пишетъ г. Острогорскій,—главною цѣлью всего воспитанія и образованія, самою первою, важнѣйшею задачей явилось приготовленіе школой, какая бы она ни была,—низшая, средняя или высшая, военная или гражданская, мужская или женская,—приготовленіе здравомыслящаго, благородно чувствующаго человѣка для жизни, т.-е. для того, чтобъ этотъ человѣкъ, благодаря полученному воспитанію и образованію, получилъ вкусъ и интересъ къ жизни, уразумѣлъ ея великій смыслъ, съумѣлъ бы найти себѣ по душѣ и наклонностямъ честный трудъ и имъ послужить своей родинѣ, которой онъ есть гражданинъ и слуга».

Указывая на книжку г. Острогорскаго, на *гуманность*, которая характеризовала школу начала шестидесятыхъ годовъ, критикъ *Міра Божія*, г. А. Б., дѣлаетъ такое сопоставленіе: «Въ противуположность этимъ свидѣтелямъ эпохи возрожденія русскаго общества, наши злополучные декаденты и символисты были захвачены попятною историческою волной, и ихъ болѣе потѣшныя, чѣмъ возмутительныя, претензіи на *вѣчность*, жалкій бредъ души больной, выдаваемый ими за новое слово въ искусствѣ, и полное непониманіе истинныхъ задачъ послѣдняго—должны занять подобающее мѣсто въ общей исторической картинѣ нашего времени» *).

Я думаю, что г. А. Б., все-таки, преувеличиваетъ значеніе нашихъ декадентовъ. Они, конечно, выросли при неблагопріятныхъ общественныхъ условіяхъ, какъ выростаютъ грибки въ сыромъ подвалѣ; но эта порода грибковъ и не многочисленна, и безвредна. Истинными «показателями» нѣкоторыхъ особенностей переживаемаго нами времени являются въ публицистикѣ такіе «охранители» *основъ*, отъ которыхъ съ негодованіемъ отвертываются оффиціально призванные защитники этихъ основъ. Такъ, напримѣръ, хорошій урокъ *Гражданину* съ К° даетъ *Церковный Вѣстникъ*. Въ Москвѣ, какъ, вѣроятно, знаютъ читатели, былъ случай очень быстраго прекращенія сикоза. Въ закрытомъ засѣданіи медицинскаго общества одинъ профессоръ, пользующійся общимъ и глубокимъ уваженіемъ, прочелъ докладъ объ этомъ случаѣ и представилъ наиболѣе вѣроятное, съ научной точки зрѣнія, его объясненіе. *Московскія Вѣдомости* и органъ гг. Плевако и Александрова, *Русское Слово*, немедленно переврали ученое сообщеніе. Къ нимъ присоединился *Гражданинъ*, и вотъ что говоритъ ему *Церковный Вѣстникъ*: «Плохую услугу вѣрѣ оказываютъ, когда стараются дискредитировать науку; во всякомъ случаѣ, для вѣры такая самозванная услуга не нужна. И для молодого поколѣнія мало пользы, если на ряду съ сѣтованіемъ по поводу того, что его воспитаніе совершается не въ страхѣ Божіемъ и не вполнѣ согласно съ началами вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаема будетъ мысль, что наука никакой важности не представляетъ» *).

*) *Критическія замѣтки (Міръ Божій*, октябрь).

*) *Церковный Вѣстникъ*, № 40 (*Мнѣнія и отзывы*).

Еслибъ живъ былъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, какимъ негодованіемъ загорѣлся бы онъ, какъ страстно обличалъ бы онъ недостойныя попытки вмѣшивать вопросы вѣры въ полемику по общественнымъ вопросамъ, то хамское усердіе, которое обнаруживаетъ охранительная сборная команда, производя «розыскъ» среди «либераловъ»! Господа современные консерваторы вносятъ въ общество раздраженіе; ослѣпленные злобой или руководимые сквернымъ разсчетомъ, они являются сущими бонапартистами, компрометирующими тѣ начала, на охрану которыхъ они сами себя, на очень выгодныхъ условіяхъ, поставили. Пусть они попомнятъ, что, какъ выразился *Церковный Вѣстникъ*, ихъ самозванная услуга не нужна для вѣры; не нужна она, прибавимъ мы, и для государственной власти. Забавно, что эту власть *„защищаютъ“ Моск. Вѣдомости, Гражданинъ* и имъ подобныя газеты! Мы не скрываемъ того, что желаемъ, подъ сѣнью государственной власти, широкаго развитія и народнаго образованія, и независимой печати, и земскаго самоуправленія. Мы желаемъ такихъ условій существованія, при которыхъ могли бы спорить со сторонниками иныхъ взглядовъ, *уважая ихъ*. И въ насъ не меркнетъ надежда, что такія условія не за горами, что правительство можетъ рядомъ цѣлесообразныхъ мѣръ облагородить даже нашихъ «охранителей», превративъ ихъ монологи въ закономъ очерченные діалоги русскихъ публицистовъ.

Принесли октябрьскую книжку *Русскаго Богатства*. Я, по обыкновенію, прежде всего, сталъ читать *Литературу и жизнь* Н. К. Михайловскаго. Статья и интересная, и энергичная, и талантливая, но тамъ есть нѣсколько фразъ, которыя вызываютъ меня выступить *pro domo sua*. Г. Михайловскій пишетъ: *„Нужна ли совѣсть? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не настолько безспоренъ, чтобы невозможны были въ немъ разнорѣчія“*. Такъ начинается статья г. Меньшикова *Совѣсть и знаніе*, напечатанная въ іюльской книжкѣ *Русской Мысли*. Вотъ какіе глубокіе, коренные вопросы ставитъ и разрѣшаетъ нынѣ печать: нужна ли совѣсть?! Надо замѣтить, что статья г. Меньшикова полемизируетъ съ одною статьей г. О. Т. В. въ той же *Русской Мысли*, а печатая статью г. Меньшикова въ іюлѣ, редакція московскаго журнала сопроводила ее слѣдующимъ замѣчаніемъ: «*Охотно помѣщая, въ виду важности и сложности вопроса, статью г. Меньшикова, мы предоставимъ отвѣтить на нее г. О. Т. В. въ слѣдующей книгѣ нашего журнала*». Почтенная редакція исполнила свое обѣщаніе, предоставила отвѣтить г. О. Т. В. въ слѣдующей книжкѣ и въ результатѣ дебатовъ получился единогласный успокоительный отвѣтъ: совѣсть нужна. Ну, слава Богу! Можно было, однако, заранѣе ожидать, что дебатирующіе придутъ къ соглашенію именно въ томъ смыслѣ, что совѣсть нужна, потому что хотя вопросъ и *важный*, и *сложный*, допускающій *разнорѣчія*, и сразу, не подумавши, отвѣтить на него трудно, но все-таки, едва ли возможна оригинальность въ его разрѣшеніи. Оригиналь-

на и характерна для нашего времени здѣсь только самая постановка вопроса: «нужна ли совѣсть?»

Если Н. К. Михайловскій прочелъ изъ нашей полемики только приведенную фразу г. Меньшикова, то, конечно, его маленькая «инвектива» не лишена остроумія. Мы же, т.-е. я, г. Меньшиковъ и редакція *Русской Мысли*, продолжаемъ думать, что вопросъ объ отношеніи знанія къ совѣсти и важенъ, и сложенъ. Охотно допускаемъ, что онъ не кажется такимъ Н. К. Михайловскому. Про него можно сказать то, что нѣмцы говорятъ объ императорѣ Вильгельмѣ II. Богъ все знаетъ, императоръ Вильгельмъ также все знаетъ, но только еще лучше. Тѣмъ не менѣе, мы иной разъ не можемъ согласиться съ мнѣніями г. Михайловскаго или вполнѣ сочувствовать пріемамъ его полемики. Такъ, мы думаемъ, напримѣръ, что въ его статьяхъ противъ гг. Бельтова и Струве было кое-что «напрасное» и что вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ также и *важенъ*, и *сложенъ*. Кстати объ экономическомъ матеріализмѣ: у г. Струве среди ученыхъ русскихъ экономистовъ нашелся солидный послѣдователь, академикъ и профессоръ Янжулъ. Въ его книгѣ о синдикатахъ я читаю слѣдующее: «См. талантливый и остроумный очеркъ г. Струве *(Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи)*, съ главнѣйшими выводами котораго нельзя вполнѣ не согласиться».

Профессоръ Исаевъ подвергнулъ книгу г. Янжула, въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, злой и обстоятельной критикѣ. Но до сихъ поръ никто, насколько мнѣ извѣстно, не обратилъ должнаго вниманія на весьма цѣнную историко-философскую сторону этого творенія. Г. Янжулъ дѣлаетъ, напримѣръ, важный вкладъ въ ученіе о вліяніи географическаго положенія и климата на творческую ученую работу: онъ любезно сообщаетъ намъ, что его книга была написана *подъ гостепріимнымъ кровомъ* одной его знакомой въ селѣ Отрадинѣ, Балашевскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Предисловіе помѣчено 17 сентября 1894 года. Эта дата торжественно подтверждается ученымъ авторомъ въ примѣчаніи на стр. 425, такъ что никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ. Легкомысленный читатель скажетъ: а на что мнѣ знать, въ какой день какого мѣсяца кончилъ г. Янжулъ свою книгу? Но это только будетъ свидѣтельствовать о неумѣньи дѣлать изъ важныхъ фактовъ плодотворные выводы. 17 сентября—день св. Софіи, Вѣры, Надежды и Любви. Г. Янжулъ, стало быть, косвенно сообщаетъ читателямъ *Промысловыхъ синдикатовъ*, что среди его родныхъ и близкихъ знакомыхъ нѣтъ ни Софьи, ни Вѣры, ни Любви, ни Надежды, иначе г. Янжулъ не написалъ бы своего предисловія, а кушалъ бы именинный пирогъ.

Я жалѣю только, что на ряду съ такими значительными фактами г. Янжулъ сообщаетъ данныя, какъ будто не имѣющія никакого отношенія къ предмету изслѣдованія. На страницѣ 386, напримѣръ, мы читаемъ, что извѣстный скрипачъ Бродскій сообщилъ нашему академику,—и вовсе не по секрету,—такой фактъ: «извѣстный піанистъ Іозеффъ живетъ въ Нью-

Йоркѣ пять лѣтъ, не играя публично, но получая содержаніе отъ двухъ фабрикантовъ роялей—Штейнвей и Чиккарингъ съ однимъ лишь условіемъ, чтобы *не играть публично на рояли противника*».

Или слѣдующее интересное, конечно, свѣдѣніе: «*Munroe Smith* приводитъ изъ брачнаго права Соединенныхъ Штатовъ слѣдующій, напримѣръ, образецъ: человѣкъ женатый въ Нью-Йоркѣ разводится (весьма легко) и вновь женится въ штатѣ Индіаны; онъ будетъ считаться законнымъ мужемъ одной женщины въ Индіанѣ и другой—въ Нью-Йоркѣ; по закону Индіаны, его положеніе вполнѣ правильное, по законамъ же Нью-Йорка онъ долженъ судиться за двоеженство. Его дѣти, рожденныя въ Индіанѣ, по ея законамъ, будутъ признаны вполнѣ законными, по законамъ же Нью-Йорка, конечно, нѣтъ, и т. д.» (стр. 336).

Какое отношеніе имѣетъ это къ промысловымъ синдикатамъ? Одинъ мой знакомый экономистъ возразилъ мнѣ, что г. Янжулъ въ данномъ случаѣ пользовался методомъ Осипа въ *Ревизорѣ*. «Что тамъ?—говоритъ Осипъ купцамъ.—Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка въ дорогѣ пригодится».

Долженъ сознаться, что меня это объясненіе не вполнѣ удовлетворило.

О. Т. В.

Францiя передъ революцiей.

(*М. Ковалевскiй:* «Происхожденiе современной демократiи». Т. I. Москва, 1895 годъ).

Нельзя не удивляться неутомимой энергiи М. М. Ковалевскаго, широтѣ его кругозора и разнообразiю свѣдѣнiй. Отъ изслѣдованiй по средневѣковому праву и хозяйству, отъ сравнительно-юридическихъ обзоровъ и трудовъ по этнографiи и археологiи права онъ обращается въ настоящее время къ темамъ, которыми привыкли заниматься спецiалисты «всеобщей исторiи». Его книга *) свидѣтельствуетъ столько же о начитанности автора въ политической литературѣ XVIII вѣка, сколько объ оригинальности его взглядовъ и способности представить въ новомъ и интересномъ освѣщенiи вопросы, о которыхъ писано такъ много и высказано столько авторитетныхъ сужденiй.

Первою задачей спокойной и честной критики должно быть опредѣленiе точки зрѣнiя автора, его цѣлей и метода, ограниченiй, которыя онъ себѣ вольно или невольно поставилъ. Только выяснивъ, такъ сказать, общую позицiю автора, можно съ успѣхомъ и пользою выставить частныя замѣчанiя и возраженiя по поводу его мыслей и доказательствъ. Въ настоящемъ случаѣ особенно важно присмотрѣться внимательно къ постановкѣ темы, потому что дѣло идетъ не о рѣзко очерченномъ кругѣ событiй, не о всестороннемъ описанiи учрежденiй или литературныхъ произведенiяхъ. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, такова, что ему пришлось познакомиться съ самыми разнообразными источниками и отношенiями XVIII в., заглянуть и въ наказы депутатовъ, и въ трактаты юристовъ, и въ описанiя французскаго хозяйства, и въ дѣйствовавшiя узаконенiя, и въ памфлеты, проводившiе тѣ или другiя преобразовательныя идеи, и въ разсужденiя политическихъ теоретиковъ, и въ свидѣтельства практическихъ финансистовъ и администраторовъ. И, однако, нигдѣ нельзя было спецiализироваться, ни на чемъ не приходилось останавливаться подолгу, потому что цѣль состояла не въ изображенiи фактическихъ условiй «Стараго порядка», или административ-

---

*) На дняхъ вышелъ II томъ.

наго механизма, или права фёдистовъ, или политическихъ ученій, или экономическаго состоянія. Всѣ эти факты и идеи, взятые изъ различныхъ отраслей жизни, важны для автора не столько сами по себѣ, сколько по своему вліянію на весьма сложное явленіе—на общественное сознаніе Франціи передъ революціей. Ясно, что для объясненія великаго переворота конца прошлаго вѣка и для оцѣнки его результатовъ крайне важно знать, каковы были взгляды образованныхъ французовъ на господствовавшій порядокъ, каковы ихъ надежды и планы относительно будущаго. Ясно также, что коллективное общественное мнѣніе, которое оказало рѣшительное вліяніе на ходъ революціи, сложилось изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ оцѣнокъ, взглядовъ, стремленій и ученій. Нельзя разсматривать его какъ нѣчто вполнѣ опредѣленное и послѣдовательное; при ближайшемъ изученіи можно выдѣлить множество оттѣнковъ, разногласій и противорѣчій. Передъ наблюдателемъ проходитъ толпа, въ которой легко различить всевозможные костюмы и физіономіи, но которая, тѣмъ не менѣе, представляетъ извѣстную совокупность, движется по извѣстному главному направленію, составляетъ цѣлое и имѣетъ свою особую, коллективную физіономію. Отношеніе французскаго общества къ окружающей дѣйствительности не можетъ быть принято за безпристрастную и точную оцѣнку этой дѣйствительности, но оно само по себѣ есть великій историческій фактъ, съ которымъ приходится считаться; политическіе идеалы и программы французской публики не были продуманы и обоснованы научнымъ образомъ и не отвѣчаютъ теоретическимъ разграниченіямъ, которыя мы привыкли проводить между школами Монтескьё, Руссо, физіократовъ, коммунистовъ, но эклектическій составъ ходячихъ доктринъ является ихъ характернымъ признакомъ и именно въ этой эклектической формѣ онѣ оказали глубокое вліяніе на революцію.

Выдѣливъ для своего изслѣдованія вопросъ о *ходячихъ политическихъ взглядахъ французскаго общества передъ революціей*, нашъ авторъ несомнѣнно отыскалъ для себя выгодное мѣсто среди великаго множества ученыхъ, работавшихъ и работающихъ надъ исторіей революціи. «Старый порядокъ» Токвиля слѣдитъ, главнымъ образомъ, за филіаціей между идеями и учрежденіями старой и новой Франціи, сочиненіе Тэна освѣщаетъ, преимущественно, психологическую сторону переворота. Нѣкоторую часть задачи имѣлъ въ виду Феликсъ Роккенъ (Rocquain) въ своей книгѣ, посвященной литературѣ памфлетовъ *). Но его интересовали не столько положительныя оцѣнки и планы, сколько ростъ революціоннаго настроенія. Шассенъ **) и Шерестъ ***) обстоятельно занялись этими оцѣнками и планами, поскольку они высказались въ наказахъ (Cahiers), но вопросъ объ источникахъ революціонныхъ мнѣній не былъ поставленъ названными уче-

*) *L'esprit révolutionnaire avant la révolution.*

**) *Chassin*: „Le génie de la révolution“.

***) *Cherest*: „La chûte de l'ancien régime“.

ными. Проф. Н. И. Карѣевъ *) имѣлъ въ виду, между прочимъ, и подобную задачу, но онъ коснулся въ своемъ сочиненіи лишь крестьянскаго вопроса.

Если выборъ темы нельзя не признать весьма удачнымъ, то надо прибавить, что ея постановка представляетъ не только выгоды, но и значительныя трудности. Характеръ этихъ трудностей уже намѣченъ въ предъидущемъ: дѣло идетъ о политическихъ взглядахъ цѣлаго общества, приходится охватить при ихъ оцѣнкѣ всѣ фактическія условія и всѣ крупныя государственныя и хозяйственныя ученія даннаго времени, не останавливаясь спеціально ни на одномъ условіи и ни на одномъ ученіи. Трудно быть одинаково компетентнымъ и внимательнымъ по всѣмъ затронутымъ вопросамъ, и въ оправданіе попытки приходится съ удареніемъ ссылаться на важность общихъ обзоровъ наравнѣ съ спеціальными изслѣдованіями. Пользуясь, съ своей стороны, правомъ обозрѣвателя, я теперь же замѣчу, что, на мой взглядъ, главная заслуга г. Ковалевскаго—въ его обработкѣ политическихъ и хозяйственныхъ теорій (части III и IV), обращавшихся въ французской публикѣ конца прошлаго вѣка. Особенно замѣчательными представляются намъ отдѣлы, въ которыхъ авторъ разсматриваетъ вліяніе, оказанное физіократами, а также глава объ англоманахъ и американо-финахъ. Если нѣкоторыя мнѣнія автора вызовутъ возраженія и ограниченія, то въ общемъ эти отдѣлы даютъ самыя цѣнныя указанія для объясненія революціоннаго закомодательства и политики. Первыя части книги, посвященныя фактическому состоянію Франціи и его оцѣнкѣ у современниковъ, кажутся намъ значительно слабѣе. Автору приходится какъ разъ здѣсь касаться вопросовъ, много разъ обсуждавшихся въ исторіографіи, и для того, чтобы двинуть впередъ изученіе предмета, необходимы не столько общія характеристики, сколько точныя спеціальныя изслѣдованія.

Главнымъ матеріаломъ для первой книги, озаглавленной *Общественный строй Франціи въ концѣ XVIII вѣка*, было собраніе наказовъ, составленныхъ въ 1789 году для депутатовъ генеральныхъ штатовъ. Эти наказы всегда будутъ служить драгоцѣннымъ источникомъ для изучающихъ настроеніе французскаго общества, стремленія его различныхъ классовъ, отчасти фактическое положеніе ихъ. Но давно замѣчено, что къ свидѣтельствамъ наказовъ надо относиться осторожно, и что первый шагъ къ ихъ изученію долженъ состоять въ историко-критическомъ изслѣдованіи ихъ способовъ составленія, освѣдомленности и безпристрастія **). Указано было не разъ въ литературѣ, что въ наказахъ деревенскихъ округовъ, наприм., мы имѣемъ мнѣнія не столько крестьянскаго населенія, сколько адвокатовъ и горожанъ, редактировавшихъ эти наказы. Затѣмъ, главное содержаніе

*) *Карѣевъ*: „Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ послѣдней четверти XVIII столѣтія".

**) Въ русской литературѣ этотъ вопросъ поставленъ въ актовой рѣчи проф. В. И. Герье (*Отчетъ Моск. унив. за 1884 г.*).

всѣхъ наказовъ составляютъ жалобы, требованія и проекты; если пользоваться ими для возстановленія фактической картины, то необходимо провѣрить ихъ показанія съ помощью другихъ документовъ, составленныхъ при болѣе нормальной обстановкѣ и ради болѣе объективнаго изображенія фактовъ. Такіе документы можно найти въ архивахъ Франціи «Стараго порядка»; въ нихъ сохранились кипы статистическихъ обзоровъ, административныхъ переписокъ, юридическихъ актовъ. Изученіе этого матеріала требуетъ спеціальныхъ изысканій, но замѣнить его горячими обвиненіями и краснорѣчивыми жалобами наказовъ невозможно. Между тѣмъ, нашъ авторъ не имѣлъ въ виду предпринимать обширнаго изслѣдованія по архивнымъ даннымъ и привлекъ для поясненія наказовъ лишь наиболѣе доступныя свидѣтельства современниковъ. При этихъ условіяхъ можно было лишь поставить вопросы, но не разрѣшить ихъ.

Крайне важнымъ и любопытнымъ представляется, напримѣръ, вопросъ о распредѣленіи земельной собственности передъ революціей. Токвиль обратилъ на него вниманіе и пришелъ къ заключенію, что уже до революціи и революціонныхъ конфискацій существовалъ во Франціи многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ, и что имъ принадлежала значительная часть всей территоріи. Нѣтъ надобности распространяться о важности этого вывода. Токвиль видитъ въ настроеніи крестьянъ-собственниковъ одинъ изъ главныхъ факторовъ революціоннаго движенія: этотъ классъ, который при извѣстныхъ условіяхъ могъ стать главнымъ оплотомъ консерватизма, былъ опутанъ всевозможными, болѣе или менѣе тягостными повинностями и потому относился крайне враждебно къ «Старому порядку». Выводъ Токвиля интересенъ и въ другомъ смыслѣ, поскольку онъ ставитъ вопросъ о причинахъ глубокаго различія между Англіей и Франціей, изъ которыхъ первая пришла къ господству крупной собственности, а другая выработала, помимо революціонныхъ конфискацій, собственность мелкую. Токвиль, по обыкновенію, не указалъ подробно основаній, по которымъ онъ пришелъ къ своему заключенію, хотя онъ при этомъ опирался на архивный матеріалъ, а не на одни заявленія Артура Юнга. Нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ изслѣдователей его характеристика показалась недоказанной и невѣрной. У насъ въ Россіи высказался противъ нея проф. Карѣевъ, во Франціи ее оспаривалъ Шерестъ. Отношеніе М. М. Ковалевскаго къ данному вопросу не вездѣ выдержано съ послѣдовательностью: сначала отъ какъ будто не соглашается съ противниками Токвиля (стр. 28), но затѣмъ все болѣе и болѣе склоняется къ мнѣнію, что мелкая собственность была не особенно распространена, и что недоразумѣніе произошло вслѣдствіе смѣшенія между формами собственности и долгосрочной аренды (стр. 40). Окончательное рѣшеніе вопроса можетъ быть достигнуто только путемъ архивныхъ изслѣдованій, и пріятно отмѣтить, что начало въ этомъ направленіи положено опять-таки русскимъ ученымъ — проф. И. В. Лучицкимъ. Онъ ближайшимъ образомъ изучилъ положеніе дѣлъ въ трехъ департаментахъ, расположенныхъ въ различныхъ частяхъ Франціи, и уже это разслѣдованіе

въ сильной степени подтвердило выводъ Токвиля *). Надо надѣяться, что предпринятая съ такимъ успѣхомъ работа будетъ поведена далѣе по тому же, единственно правильному, пути.

Положеніе, занятое М. М. Ковалевскимъ въ этомъ вопросѣ, стоитъ въ связи съ его общимъ взглядомъ на свойства соціальныхъ противуположностей дореволюціонной эпохи. Онъ думаетъ, что въ XVIII вѣкѣ борьба шла не столько изъ-за повинностей, отягощавшихъ мелкое землевладѣніе, сколько изъ-за «экспропріаціи массы» плутократіей, которая прикрывалась дворянскими привилегіями. Съ одной стороны, онъ настаиваетъ на ломкѣ тѣхъ условій «Стараго порядка», которыя ограничивали крупное землевладѣніе, на захватѣ общинныхъ угодій помѣщиками, на ихъ стремленіи завести фермерское хозяйство и т. п. Съ другой стороны, онъ съ удареніемъ указываетъ на наплывъ въ ряды дворянства новыхъ людей, пріобрѣвшихъ дворянское достоинство службою или покупкою. Выходитъ, что и во Франціи распаденіе феодальнаго строя имѣло своимъ послѣдствіемъ великій соціальный кризисъ, подобный тому, который совершился въ Англіи. Мелкимъ владѣльцамъ грозила погибель и тѣснило ихъ не только родовитое дворянство, но всякаго рода привилегированные изъ новыхъ людей. Процессъ, совершившійся въ Англіи въ XVI вѣкѣ, можно наблюдать во Франціи двумя вѣками позднѣе, а дальнѣйшее развитіе его было пріостановлено революціей. Общая комбинація, которой придерживается нашъ авторъ, во всякомъ случаѣ, выдвигаетъ и подчеркиваетъ нѣкоторые факты, которымъ до сихъ поръ придавалось мало значенія: перерожденіе дворянства подъ вліяніемъ наплыва разночинцевъ, усиленіе плутократическихъ элементовъ и свойствъ на счетъ аристократическихъ, наступательное движеніе привилегированной плутократіи, направленное къ болѣе полной эксплуатаціи низшихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя терять изъ вида, что отъ наступательнаго движенія привилегированныхъ до экспропріаціи крестьянъ на англійскій ладъ очень далеко. За мелкую собственность ратовалъ во Франціи цѣлый рядъ могущественныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій: сельско-хозяйственное значеніе культуръ, требующихъ личнаго вниманія хозяевъ (винодѣліе, разведеніе оливковыхъ деревьевъ, плодоводство), пріемы южно-европейскаго земледѣлія, которое еще съ римскихъ временъ отличалось интензивнымъ приложеніемъ труда и личной заботливости и слабымъ приложеніемъ капитала, незначительное развитіе скотоводства и, въ особенности, овцеводства, второстепенное значеніе обрабатывающей промышленности, отсутствіе сильной эмиграціи, дробленіе имѣній въ аристократической средѣ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ лишь намѣтить въ общихъ чертахъ тѣ отличія, которыя особенно рѣзко бросаются въ глаза. Опредѣлить относительное значеніе всѣхъ этихъ факторовъ не легко и едва ли пришло время подвести итоги. Въ этомъ направленіи еще открыто поле для спеціальныхъ изслѣдованій.

---

*) *Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи.* Въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* за 1894 годъ.

Послѣ очерка цехового устройства, въ которомъ указаны какъ благодѣтельное значеніе этой организаціи въ средніе вѣка, такъ и вырожденіе ея, нашъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ политическаго строя Франціи, какимъ онъ представлялся французамъ XVIII вѣка. Сначала онъ отмѣчаетъ два противуположныхъ взгляда, которыхъ придерживались относительно «неписанной французской конституціи» служители королевской власти и представители аристократическихъ вольностей. Хранитель печати Ламуаньонъ заявлялъ, наприм.: «Признанные націей принципы французской монархіи исчерпываются положеніемъ: одному королю принадлежитъ верховная власть въ государствѣ... Нація сама находитъ выгоду въ томъ, чтобы права ея главы не подвергались никакимъ измѣненіямъ. Король является верховною главой и составляетъ одно съ націей: законодательная власть покоится въ немъ одномъ, безъ всякой зависимости и раздѣла» (стр. 263, 264). Съ другой стороны, президентъ Cour des aides Мальзербъ противупоставлялъ всемогуществу короля права судебныхъ корпорацій: «Разъ въ государствѣ существуютъ исконные, всѣми уважаемые законы, служащіе уздою для власти и мѣшающіе ея злоупотребленіямъ, мы не станемъ задаваться вопросомъ, можетъ ли король отмѣнить ихъ; мы скажемъ только: онъ не долженъ этого дѣлать. Если существуетъ во Франціи законъ, признаваемый священнымъ, то это, несомнѣнно, тотъ, которымъ обезпечена свобода регистраціи эдиктовъ: отъ этой свободы зависятъ всѣ другія. Ваши министры, государь, не рѣшатся утверждать, чтобы во Франціи не было, какъ и во всѣхъ монархіяхъ, ненарушимыхъ правъ, признаваемыхъ за всею націей» (стр. 256). И нельзя не согласиться съ авторомъ, что «гораздо ранѣе формальнаго усвоенія англійскаго ученія о различіи между королемъ и правительствомъ французы, благодаря практикѣ высшихъ судовъ и въ частности парижскаго парламента, съумѣли примирить обязанности безпрекословнаго повиновенія королю съ попытками общественнаго протеста противъ ошибочно направляющихъ его политику министровъ» (стр. 305).

Живою силой, которая приводила въ движеніе этотъ механизмъ политическихъ тормазовъ, было разнородное по составу сословіе привилегированныхъ, охватывавшее какъ родовитую аристократію и судебное дворянство, такъ и классъ облагороженныхъ. Эти соціальныя особенности придавали оппозиціи своеобразный характеръ. Во-первыхъ, отъ нея было трудно отдѣлаться, потому что она держалась на той почвѣ историческаго права, въ которой коренилась сама монархія. Во-вторыхъ, она выставляла узко-сословную программу и, несмотря на рѣзкую критику дѣйствій правительства, несмотря на смѣлую борьбу съ нимъ, была совершенно неспособна подсказать и провести необходимыя національныя реформы.

На границѣ между спорящими сторонами образуется группа дѣятелей, которые не безъ успѣха пытаются воспользоваться здоровыми элементами королевской и дворянской программъ для того, чтобы послужить націи и предотвратить насильственный переворотъ. Лучшими представителями

этой группы являются д'Аржансонъ и Тюрго. Они во многихъ отношеніяхъ держались совершенно различныхъ взглядовъ, но оба мечтали о «королевской демократіи» и думали подкрѣпить ее развитіемъ земскихъ учрежденій. Монархія должна отказаться отъ привычки руководить всѣми дѣлами черезъ своихъ чиновниковъ. Она должна окружить себя «муниципалитетами», въ которыхъ выражалось бы общественное мнѣніе. По мысли Тюрго, муниципалитеты должны быть всесословны, но его физіократическая точка зрѣнія побуждаетъ его открыть доступъ къ самоуправленію однимъ землевладѣльцамъ. Эти взгляды и проекты заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, особеннаго вниманія какъ по развитой въ нихъ идеѣ королевской демократіи, такъ и по практическому вліянію, которое они оказали на провинціальныя реформы Неккера и Калонна, а посредственно на преобразованіе мѣстнаго управленія, совершенное учредительнымъ собраніемъ.

Чрезвычайно интересны главы разсматриваемой книги, посвященныя физіократіи и ея вліянію на хозяйство, право и политику. Пересматривая общественные вопросы, которыми занимались физіократы, г. Ковалевскій постоянно сопоставляетъ взгляды этой школы съ воззрѣніями другихъ направленій, и эти сопоставленія даютъ матеріалъ для весьма любопытныхъ выводовъ. Авторъ, прежде всего, указываетъ на то, что физіократическія доктрины возникли подъ могущественнымъ воззрѣніемъ исторической обстановки: по самымъ существеннымъ пунктамъ онѣ установились въ результатѣ критики «Стараго порядка». Знаменитая теорія о produit net, напримѣръ, должна быть объяснена не только изъ отвлеченныхъ посылокъ, но также изъ реакціи противъ стѣсненій и искусственныхъ условій, которыми меркантилизмъ и протекціонизмъ обставили хозяйственную жизнь Франціи. «Большинство сеньеріальныхъ и церковныхъ поборовъ падало всѣмъ своимъ бременемъ не на чистый, а на валовой доходъ,—легко понять послѣ этого, почему, вмѣстѣ съ подъемомъ сельскаго хозяйства и развитіемъ фермерства, забота объ изъятіи валового дохода отъ обложенія и о подчиненіи ему одного produit net съ самаго начала сдѣлалось центромъ того новаго ученія, родоначальникомъ котораго былъ Кенэ. Съ другой стороны, изучая податную систему старой Франціи, въ которой налоги на потребленіе играли главную роль... и трудящійся людъ, обложенный наравнѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ подушною податью и подоходнымъ налогомъ, въ то же время, одинъ былъ призванъ къ уплатѣ земельнаго,—мы вполнѣ объясняемъ себѣ источникъ того коренного ученія физіократовъ, по которому единственнымъ предметомъ обложенія долженъ быть чистый доходъ, полученный собственникомъ,—другими словами, рента» (стр. 339, 340).

Поставивъ развитіе физіократизма въ связь съ критикой французской дѣйствительности, нашъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, насколько уже въ XVIII вѣкѣ подготовлялись воззрѣнія современнаго соціализма. По его мнѣнію, было бы крупною ошибкой отыскивать соціалистическую или даже коммунистическую программу у революціонныхъ теоретиковъ. Большая часть людей, писавшихъ тогда о хозяйствѣ и обществѣ, придерживалась взгляда,

что между общественными классами существуетъ естественная гармонія интересовъ и лишь весьма немногіе были такъ смѣлы, какъ Linguet, который сравнивалъ положеніе французскихъ рабочихъ съ древнимъ рабствомъ и, въ то же время, признавалъ существованіе этого рабства соціальною необходимостью. По мнѣнію г. Ковалевскаго, ни Руссо, ни Мабли, ни Маратъ, ни даже Бабёфъ не считали возможнымъ и желательнымъ уничтоженіе собственности или полнаго общенія имуществъ; всѣ они проводили рѣзкую границу между естественнымъ состояніемъ, къ которому никоимъ образомъ невозможно вернуться, и современнымъ обществомъ, въ которомъ собственность такъ или иначе укоренилась. Читателямъ, вѣроятно, покажется, что въ данномъ случаѣ авторъ придаетъ слишкомъ много значенія отдѣльнымъ оговоркамъ и ограниченіямъ, которыя дѣлались иногда послѣ разсужденій, послѣдовательно приводившихъ къ коммунизму: Бабёфъ, наприм., счелъ необходимымъ настаивать на этихъ оговоркахъ, когда ему пришлось оправдываться передъ судомъ. Общій смыслъ фантазій о естественномъ состояніи у Руссо и Мабли, коммунистической пропаганды Бабёфа или бѣшеной ненависти Марата къ «аристократамъ»-собственникамъ достаточно ясенъ, да и странно было бы, если бы та «guerra dei poveri contra i ricchi», о которой говоритъ венеціанская реляція, приведенная г. Ковалевскимъ, не отразилась бы въ трактатахъ и памфлетахъ. Именно съ точки зрѣнія постояннаго взаимодѣйствія между дѣйствительностью и доктринами приходится сопоставить уродливыя имущественныя отношенія «Стараго порядка» и страстныя нападки на частную собственность.

Намъ, впрочемъ, кажется, что г. Ковалевскій только преувеличилъ наблюденіе, вѣрное въ основѣ. Несомнѣнно, во-первыхъ, что революціонеры обращали главное вниманіе не на хозяйственное расчлененіе общества, а на противуположности политическія; во-вторыхъ, что *партія реформы* далеко не такъ отрицательно относилась къ воздѣйствію государства на отношенія частнаго хозяйства и частной собственности, какъ это дѣлаютъ современные либералы.

М. М. Ковалевскій постоянно возвращается къ мысли, что главный родоначальникъ индивидуалистическаго либерализма, Локкъ, первый указалъ какъ на происхожденіе собственности изъ труда, такъ и на ограниченія ея, вытекающія изъ потребностей ближняго. Если земли вдоволь, то пусть каждый пріобрѣтаетъ ее, насколько хватитъ его силъ,—отъ этого не пострадаютъ сосѣди. Отъ такого положенія не трудно перейти и къ противуположному: если земли ограниченное количество, то приложеніе труда обладаніе каждаго должны сообразоваться съ потребностями сосѣдей. П. добно Руссо и Мабли, Локкъ сдѣлалъ оговорки, чтобы не ссориться с обществомъ; онъ считаетъ, что общія начала, изъ которыхъ вытекает собственность, значительно видоизмѣнены общественными договорами. Эт. добавочныя ограниченія едва ли отнимаютъ, однако, силу у исходных положеній и нельзя отрицать, что либеральная школа XVIII в. съ самаг

возникновенія своего была расположена къ ограниченію частно-владѣльческихъ правъ.

Другимъ характернымъ признакомъ въ томъ же направленіи было признаніе со стороны передовыхъ государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка «права на трудъ». Уже у Монтескьё (кн. XXIII, гл. 29) мы находимъ слѣдующее мѣсто: «Раздача милостыни не исчерпываетъ обязанностей государства по отношенію къ неимущимъ. Оно должно обезпечить гражданамъ пищу, приличную одежду и такую житейскую обстановку, которая не противорѣчила бы требованіямъ здоровья. Человѣкъ впадаетъ въ нищету не потому, что у него нѣтъ собственности, а потому, что у него нѣтъ работы... Трудно допустить, чтобы всѣ вѣтви народной промышленности процвѣтали въ равной мѣрѣ, чтобы ни одна изъ нихъ не терпѣла временнаго застоя и не ставила служащихъ въ ней въ нужду. На государство падаетъ обязанность спѣшить имъ на помощь, частью для предупрежденія народнаго бѣдствія, частью для устраненія повода къ возстанію» (стр. 364). Тюрго былъ проникнутъ мыслью о необходимости государственной благотворительности, и, притомъ, не въ видѣ подачекъ, которыя сдѣлали бы «положеніе лѣнтяя предпочтительнѣе положенія того, кто зарабатываетъ жизнь трудомъ». Онъ рекомендовалъ устройство общественныхъ работъ и на практикѣ испробовалъ его въ бытность интендантомъ Лимузена, во время неурожая 1769 года, а въ 1775 году склонилъ правительство къ устройству «приказовъ общественнаго призрѣнія», причемъ предполагалось, прежде всего, помогать неимущимъ доставленіемъ имъ труда. Не мудрено, что въ наказахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія о необходимости для государства доставлять бѣднымъ работу.

Одинъ пунктъ физіократической программы оказался особенно существеннымъ для революціоннаго пересмотра имущественныхъ отношеній — враждебность физіократовъ ко всякаго рода корпораціямъ. Въ *Энциклопедіи* была помѣщена статья Тюрго подъ словомъ *Fondation*. Въ ней впервые провозглашалось право гражданской власти «располагать фондами, издревле пріуроченными къ извѣстнымъ церковнымъ или благотворительнымъ цѣлямъ, измѣнять назначеніе этихъ фондовъ и даже совершенно упразднять ихъ». «Общественная польза,—писалъ Тюрго,—есть высшій законъ, противъ котораго нельзя привести ни первоначальнаго намѣренія тѣхъ, кто создалъ эти фонды, ни опасенія задѣть мнимыя права корпорацій. Частныя лица, подчасъ невѣжественныя или ограниченныя, не могутъ связывать своими капризными мнѣніями грядущихъ поколѣній. У корпорацій нѣтъ никакихъ правъ по отношенію къ государству. Эти права принадлежатъ индивидамъ, такъ какъ они существуютъ независимо отъ государственнаго общества и служатъ для него составными элементами. Государство должно охранять ихъ свободу и собственность. Другое дѣло—корпораціи: онѣ не имѣютъ жизни сами по себѣ и въ собственныхъ интересахъ; онѣ созданы обществомъ и въ интересахъ общества; онѣ должны поэтому прекратить свое существованіе, какъ скоро перестанутъ быть по-

лезными. Ни одно дѣяніе рукъ человѣческихъ не создано для безсмертія. Постоянно умножаемыя подъ вліяніемъ тщеславія, корпораціи поглотили бы, въ концѣ-концовъ, всѣ фонды, всякую частную собственность. Необходимо поэтому имѣть возможность ихъ уничтожить». И Тюрго иллюстрируетъ свою мысль, говоря: «если бы всѣ и каждый изъ жившихъ имѣлъ свою могилу, скоро не нашлось бы земли для обработки» (стр. 379, 380). Не трудно видѣть, насколько эти взгляды подготовляютъ почву для секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Надо прибавить, что мыслители, ратовавшіе съ такою горячностью противъ корпорацій и ихъ собственности, совершенно не сознавали, насколько ихъ нападенія подрываютъ юридическія и историческія основы всѣхъ другихъ видовъ собственности (ср. стр. 382).

Мнѣнія физіократовъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, торговой политикѣ и крестьянской реформѣ хорошо извѣстны, и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ въ настоящей статьѣ; отмѣтимъ только интересныя страницы разбираемой книги, посвященныя торговому трактату 1786 года съ Англіей и оцѣнкѣ его невыгодныхъ послѣдствій для французской промышленности. Относительно хлѣбной торговли авторъ близко придерживается цѣннаго изслѣдованія г. Аѳанасьева *).

Въ главахъ объ англоманствѣ и американофильствѣ едва ли можно согласиться съ попыткой М. М. Ковалевскаго свести до minimum'a отличія между политическими теоріями Монтескьё и Руссо. Попытка эта, вѣроятно, вызвана тѣмъ, что первое поколѣніе революціонныхъ дѣятелей, люди 1789 года, пользовались положеніями какъ того, такъ и другого писателя. Во всякомъ случаѣ, фундаментальное различіе между теоріями раздѣленія властей и безусловнаго народнаго верховенства не устраняется мѣстами, вродѣ того, которое приведено изъ *Общественнаго договора* на стр. 615. Руссо, конечно, не смѣшивалъ правительства съ верховною властью, но въ первомъ онъ видитъ подчиненнаго исполнителя народной воли, а не самостоятельную исполнительную власть. Правильнѣе, быть можетъ, обойти контрастъ между Монтескьё и Руссо съ другого конца — со стороны Монтескьё. Въ самомъ дѣлѣ, для послѣдняго порядокъ раздѣленія властей не безусловно лучшій, а лишь наиболѣе подходящій къ современнымъ условіямъ. Въ республикѣ, построенной на доблести, Монтескьё также предполагалъ не раздѣленіе властей, а народный абсолютизмъ, но онъ не счелъ нужнымъ подробно развивать вытекающія отсюда положенія, потому что въ его глазахъ они не имѣли значенія для современнаго ему общества.

Показавъ, насколько заблуждались французы относительно сущно[сти] англійской конституціи и насколько эти заблужденія раздѣлялись сами англичанами, авторъ останавливается на теоріи о раздѣленіи властей, [ко]торая представляетъ связующее звено между воображаемою англійскою ко[н]ституціей и дѣйствительною американскою. Этюдъ о вліяніи американски[хъ]

---

*) *Аѳанасьевъ*: „Условія хлѣбной торговли во Франціи“.

образцовъ и отношенія американскихъ государственныхъ людей къ зарождавшейся французской свободѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что, какъ это ни странно, до сихъ поръ американское вліяніе находилось въ какомъ-то пренебреженіи у изслѣдователей. Между тѣмъ, хотя бы отношеніе Лафайетта къ лѣвой сторонѣ учредительнаго собранія и конституціи 1791 года должно было побудить ученыхъ пристальнѣе заняться этимъ вопросомъ. Самое положеніе, предоставленное въ этой конституціи королю, едва ли объясняется однимъ недовѣріемъ къ монарху и двору: помимо того замѣтно желаніе законодателей поставить французскую монархію въ условія, напоминающія роль президента Соединенныхъ Штатовъ.

Нельзя также не согласиться съ авторомъ, что главная причина неуспѣха учредительнаго собранія въ его попыткѣ создать «королевскую демократію» заключалась не столько въ постановкѣ учрежденій и властей, сколько въ свойствѣ задачъ, которыя пришлось разрѣшать этимъ учрежденіямъ и властямъ. Собраніе и большинство Франціи желали *королевской* демократіи, король по всему складу своего характера вполнѣ годился для повседневной роли конституціоннаго монарха, первоначальные недостатки государственнаго строя могли быть исправлены впослѣдствіи, подобно тому, какъ громадные недостатки первоначальной федераціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ были исправлены послѣ непродолжительнаго опыта конституціонной конвенціей. Но Франціи не удалось выйти на путь такихъ легальныхъ улучшеній, потому что въ первые же дни свободы началась ожесточенная борьба съ церковью и дворянствомъ, какъ представителями стараго общественнаго строя. Секуляризація церковной недвижимости, гражданское устройство церкви, законы противъ эмигрантовъ дали непосредственные поводы къ столкновенію между королемъ и революціей, и это знаменательно. Въ этихъ спорахъ высказались соціальныя противуположности, имѣвшія бо̀льшее вліяніе на ходъ событій, чѣмъ неудачная редакція тѣхъ или другихъ статей конституціи.

Отдѣльныя замѣчанія, представленныя въ настоящей статьѣ, могутъ лишь свидѣтельствовать о вниманіи и интересѣ, съ которыми была прочтена нами замѣчательная книга М. М. Ковалевскаго.

Павелъ Виноградовъ.

Правительствующая олигархія послѣ Петра Великаго *).

VIII.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы сдѣлали характеристику верховнаго тайнаго совѣта, какъ учрежденія *политическаго*, и указали на его отношеніе къ носителямъ верховной власти изучаемой эпохи. Переходя теперь къ обзору его дѣятельности въ области законодательной, административной и судебной, замѣтимъ, что въ краткомъ очеркѣ, какъ нашъ, невозможно коснуться всесторонне этой дѣятельности,—такъ всеобъемлюща она была съ одной стороны, такъ иногда мелки и незамѣтны были ея особенности—съ другой. Совѣтъ законодательствовалъ и правилъ страною, какъ верховное учрежденіе, являлся ея высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Въ этомъ своеобразномъ комитетѣ министровъ временно сосредоточивались всѣ нити тогдашняго административнаго механизма: совѣтъ, чтобы проявить свое *политическое* всемогущество, не пренебрегалъ ничѣмъ, одинаково интересуясь и важными, и неважными дѣлами управленія, разъ на рѣшеніи ихъ могло такъ или иначе проявиться его значеніе. Правда, по «мнѣнію не въ указъ», о которомъ мы уже говорили выше, совѣту принадлежатъ лишь «дѣла вящшей важности», или тѣ, «которыя собственному ея императорскаго величества рѣшенію подлежатъ», однако, то и другое опредѣленіе круга вѣдомства совѣта оставляло много простора для толкованій, особенно при желаніи возможно болѣе распространить свое воздѣйствіе на все. Конечно, кругъ вѣдомства совѣта находилъ себѣ естественную преграду въ кругѣ вѣдомства другихъ учрежденій имперіи, тѣмъ болѣе, что первоначально самъ совѣтъ утверждалъ (въ томъ же «мнѣніи»), что «какъ сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти оставлены быть имѣютъ» т.-е., иначе говоря, ихъ компетенція останется неизмѣнною. Но это былъ лишь фраза, и совѣтъ нисколько не стѣснялся, по своему произволу, иг

*) *Русская Мысль* 1894 г., кн. I, VIII.

рать этою компетенціей учрежденій, сосредоточивая въ себѣ рѣшеніе тѣхъ или иныхъ дѣлъ даже тогда, когда они принадлежали къ кругу вѣдомства другого учрежденія. Особенно ярко сказанное подтверждается на отношеніяхъ совѣта къ сенату, о чемъ мы еще будемъ говорить особо.

Обращаясь теперь, прежде всего, къ *законодательной* дѣятельности совѣта, мы на первомъ планѣ, по важности и обилію, должны поставить узаконенія, относящіяся къ переустройству центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Частью это переустройство было предпринято совѣтомъ въ виду необходимости опредѣлить отношеніе существующихъ учрежденій къ его собственной «персонѣ», а затѣмъ и другъ къ другу; частью совѣтомъ руководило желаніе упростить эти учрежденія, сократить ихъ штаты, чтобъ облегчить государственное казначейство; но многое здѣсь дѣлалось подъ вліяніемъ личныхъ и часто случайныхъ соображеній, безъ всякаго плана и системы, такъ какъ совѣтъ твердо и неуклонно проводилъ въ своей дѣятельности лишь одну идею,—идею собственнаго верховенства,—мало, въ цѣломъ, заботясь объ усовершенствованіи государственнаго механизма. Не касаясь подробностей законодательной дѣятельности совѣта, отмѣтимъ нѣсколько ея общихъ результатовъ. Какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ основаній петровской реформы было такъ называемое *коллегіальное* начало управленія. «Птенцы гнѣзда Петрова», которымъ пришлось послѣ него править государствомъ, не могли, однако, весьма скоро не замѣтить, что начало это на практикѣ даетъ совсѣмъ не тѣ результаты, какіе отъ него ожидались. Въ журналѣ совѣта отъ 15 іюня 1726 г. записано, напримѣръ, что въ совѣтѣ «разсужденіе было *о множественномъ* числѣ въ коллегіяхъ членовъ, отчего въ жалованьѣ происходитъ напрасный убытокъ, *а въ дѣлахъ успѣху не бываетъ*», почему и предположено было сдѣлать докладъ императрицѣ объ убавкѣ членовъ коллегій до 6 человѣкъ, причемъ надлежало быть одной половинѣ изъ нихъ въ С.-Петербургѣ при коллегіи, а другой въ домѣхъ своихъ, съ перемѣною погодно. Такимъ образомъ, составъ каждой коллегіи уменьшался почти *вдвое* (членовъ въ коллегіи нормально полагалось 10) и, благодаря принятой системѣ погодныхъ отпусковъ, сводится къ самому минимальному своему числу—3-мъ членамъ. Позднѣе, совѣтъ, въ докладѣ своемъ Екатеринѣ, нѣсколько подробнѣе мотивируетъ свое рѣшеніе, во-первыхъ, необходимостью упорядочить дѣлопроизводство коллегій, во-вторыхъ, значительнымъ сокращеніемъ расходовъ казны на жалованье членамъ и, наконецъ, въ-третьихъ, «пользою» для самихъ служащихъ, отпускаемыхъ въ деревни на долгіе сроки. Такъ, по разсчету совѣта, убавка состава 5 штатскихъ коллегій, съ 10 до 6 членовъ въ каждой, даетъ казнѣ сокращеніе бюджета на 5,790 р.; отпускъ половины новаго нормальнаго состава въ деревни—6,900 р.,—сокращеніе, по тому времени, довольно значительное; при этомъ подобное сокращеніе должно было имѣть мѣсто и въ другихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Но, какъ указано самимъ совѣтомъ, не это сокращеніе расходовъ руководило имъ главнымъ образомъ въ столь рѣшительномъ уменьшеніи состава коллегіи: совѣтъ, очевидно, не на-

ходилъ пользы въ многочисленности штата коллегій,—съ одной стороны, этимъ порождались «отъ многаго разногласія въ дѣлахъ остановка и продолженіе», съ другой—тамъ, гдѣ этого разногласія не было, этотъ многочисленный штатъ коллегій лишь понапрасну обременялъ бюджетъ, такъ какъ всѣ члены коллегій «въ слушаніи дѣлъ *за едино ухо* почитаются», т.-е. пассивно относятся къ исполненію своихъ обязанностей (*Сб. И. Общ.*, т., LV стр. 459; ср. 363). Совѣтъ весьма близко стоялъ къ условіямъ тогдашней дѣйствительности и живо интересовался всѣми сторонами управленія; надо думать поэтому, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, предпринимая реформу, онъ лишь отмѣтилъ то, на что ему приходилось *постоянно* наталкиваться въ дѣятельности коллегій. Наблюденія совѣта надъ дѣятельностью коллегій подтверждались впослѣдствіи и другими авторитетными лицами (напримѣръ, гр. Минихомъ, гр. Сперанскимъ и др.), которые передали потомству свои впечатлѣнія о недостаткахъ «коллежскаго» управленія почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и совѣтъ въ указанномъ выше докладѣ. Но если наблюденіе было сдѣлано правильно, то едва ли средство противъ замѣченныхъ недостатковъ было указано вѣрно: совѣтъ не излечивалъ зла глубоко, не направлялся на изслѣдованіе его причинъ, а принималъ какую-то полумѣру, не рѣшаясь ни отказаться прямо отъ принципа коллегіальности учрежденій, ни отстаивать петровскую реформу въ цѣломъ. Такая полумѣра не могла имѣть будущности. Намъ придется еще, касаясь отдѣльно вопроса о преобразованіи сената, говорить болѣе подробно о дѣятельности совѣта въ реформѣ центральныхъ учрежденій. Дѣлая здѣсь лишь ея *общую* оцѣнку, мы ограничимся пока только замѣчаніемъ, что нигдѣ такъ сильно не сказалось *политическое* значеніе совѣта, какъ въ этой реформѣ, и нигдѣ оно такъ не мѣшало *дѣловому* его значенію. Совѣтъ неуклонно и послѣдовательно заботился лишь объ одномъ,—объ укрѣпленіи и развитіи своего политическаго верховенства въ странѣ; въ остальномъ онъ дѣйствовалъ безъ всякаго плана, съ постоянными колебаніями и отступленіями въ сторону. Поэтому намъ представляется вполнѣ вѣрнымъ замѣчаніе П. Н. Милюкова, что «осуществленное путемъ партійной борьбы, новое учрежденіе не только не упорядочило, но, можетъ быть, еще болѣе запутало отношенія между *центральными* учрежденіями» (*Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ*, стр. 680), что, конечно, объяснялось тѣмъ, что одна задача не совпадала съ другой, разбивала силы и вниманіе.

Обратимся къ дѣятельности совѣта по переустройству *мѣстныхъ* учрежденій. Извѣстны тѣ *основныя* начала, кои были заложены въ мѣстное н[illegible] ше управленіе Петромъ Великимъ и затѣмъ развиты Екатериною II *). Ве[illegible] ховный тайный совѣтъ сильно поколебалъ эти начала: принципъ коллег[illegible] альности административнаго управленія и раздѣленіе вѣдомствъ, на ря[illegible]

*) См. формулировку этихъ началъ петровской реформы мѣстныхъ учрежде[illegible] въ моемъ изслѣдованіи: *О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ св[illegible] съ реформою*, стр. 28 и сл.

съ организаціей *особаго* управленія городовъ и привлеченіемъ *мѣстныхъ* общественныхъ силъ къ областнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, потерпѣли теперь почти полное крушеніе въ системѣ мѣстнаго управленія. Совѣтъ пытается отчасти вернуться къ областному управленію XVII в., отчасти оставляетъ кое-что изъ новаго. Замѣчательно, что и здѣсь его наблюденія надъ недостатками мѣстнаго управленія схвачены вѣрно, критика ихъ сильна и основана на знаніи дѣйствительности, но положительная сторона реформы,—*то*, что совѣтъ предлагалъ на смѣну прежняго, нисколько не исправляетъ этихъ недостатковъ, почему мѣстная реформа совѣта просуществовала весьма недолго, а петровскія начала, положенныя въ организацію мѣстныхъ учрежденій, нашли затѣмъ вновь, при Екатеринѣ II, свое дальнѣйшее развитіе. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ ихъ историческое оправданіе съ одной стороны и осужденіе недальновидной политики совѣта—съ другой. Какъ ни много было, наприм., правды въ словахъ указа Екатерины I, продиктованнаго ей совѣтомъ, что «умноженіе правителей и канцелярій» дорого обходится странѣ и служитъ «къ великой тягости народной» *),—это умноженіе, поскольку въ немъ выражался принципъ коллегіальности управленія и раздѣленія вѣдомствъ, когда-нибудь, при правильной постановкѣ дѣла, долженъ былъ найти себѣ примѣненіе въ жизни; возвращеніе къ дешевой (для государства, по крайней мѣрѣ) «съѣзжей избѣ» московскаго воеводы, гдѣ послѣдній и правилъ, и судилъ, и подати собиралъ и проч., было уже немыслимо, что затѣмъ вскорѣ послѣ уничтоженія совѣта и сказалось. То же самое надо сказать и объ обращеніи къ мѣстнымъ силамъ дворянства и городскаго населенія: попытки этого, сдѣланныя при Петрѣ Великомъ и оставленныя при его ближайшихъ преемникахъ, возобновляются и крѣпнутъ въ своемъ значеніи и силѣ при Екатеринѣ II. Глубоковѣрными, на нашъ взглядъ, являются слова Ѳ. М. Дмитріева, что «областныя учрежденія Петра не вынесли столкновенія съ жизнію, но, измѣняя ихъ, сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло, однако, сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени,—однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кончины Петра Великаго, затерялась основная мысль его преобразованій, и, дѣйствуя одними частными мѣрами, правительство до Екатерины II нечувствительно возвращалось къ преданіямъ XVII вѣка **).

Кромѣ переустройства центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій,—переустройства большею частью мало-удачнаго,—совѣтъ отдавалъ много вниманія дѣламъ финансовымъ и военнымъ. Уже въ извѣстномъ намъ «мнѣніи не въ указъ» совѣтъ отмѣтилъ, что «*новыя подати* или иныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ верховномъ тайномъ совѣтѣ». И дѣйствительно, установленіе новыхъ податей и налоговъ, замѣна или

*) *Сб. Ист. Об.*, т. LV, стр. 411 и сл.; *Сборн. отд. русск. яз. и слов. Императ. академіи наукъ*, т. IX, стр. 93 и сл.; *П. С. Зак.*, т. VII, № 5017.

**) *Исторія судебныхъ инстанцій*, стр. 451 и сл.

отмѣна прежнихъ, равно какъ и вообще завѣдываніе дѣлами верховнаго финансоваго управленія и разрѣшеніе ихъ законодательнымъ порядкомъ составляли важную задачу дѣятельности совѣта. Не касаясь всѣхъ подробностей, замѣтимъ лишь, что совѣтъ особенно заботился, во-первыхъ, о томъ, чтобъ имѣть точныя и полныя свѣдѣнія о движеніи государственныхъ суммъ, а, во-вторыхъ, не допускалъ ихъ расходоваться безъ его указа (*П. С. З.*, т. VII, №№ 4930, 4998). Именной указъ 15 іюля 1726 г., наприм., категорически требовалъ, чтобы «отъ сего времени какъ денегъ, такъ и товаровъ и другихъ вещей, *безъ* нашего указа, за собственноручнымъ нашимъ или *всего* верховпаго тайнаго совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе *чрезвычайные* расходы отнюдь не отпускать» указъ 20 іюня слѣдующаго года запрещалъ выдачу денегъ безъ указа совѣта «за прошлый годъ» (ibid., № 5105). Сосредоточіе въ совѣтѣ всѣхъ свѣдѣній по приходу и расходу государственныхъ суммъ, контроль надъ тѣмъ и другимъ, а равно и разрѣшеніе финансовыхъ вопросовъ законодательнымъ порядкомъ, указами, прошедшими черезъ совѣтъ, съ одной стороны, придавало всѣмъ финансовымъ мѣропріятіямъ этого времени извѣстное единство, съ другой, конечно, сильно способствовало усиленію *общаго* значенія самого учрежденія. Совѣтъ отлично понималъ это, почему и относился очень ревниво къ сохраненію своего верховенства въ данной сферѣ.

Въ близкой связи съ законодательною дѣятельностью совѣта въ области финансовъ стояла дѣятельность по развитію торговли и промышленности. Цѣлый рядъ указовъ по этому предмету, выработка обширныхъ уставовъ (какъ, наприм., вексельнаго, соляного, пошлиннаго и пр.), развитіе почтовыхъ сношеній и пр.; наконецъ, образованіе при совѣтѣ особой «коммиссіи о купечествѣ» или «о коммерціи», отъ которой дошло до насъ не мало важныхъ предложеній, принятыхъ затѣмъ совѣтомъ, показываютъ ясно, что совѣтъ и здѣсь проявлялъ большую энергію, частью, впрочемъ, въ фискальныхъ цѣляхъ.

IX.

Ограничиваясь только указанными примѣрами законодательной дѣятельности совѣта, обратимся къ обзору его дѣятельности въ области верховнаго управленія. Какъ уже отмѣчено выше, кругъ вѣдомства совѣта въ данной области былъ весьма обширенъ и разнообразенъ. Указать кратко всѣ разнородныя дѣла, входившія въ совѣтъ, нѣтъ никакой возможности Совѣтъ затѣмъ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити верховнаго административнаго управленія, почему онъ такъ охотно жертвовалъ своимъ временемъ на обсужденіе и рѣшеніе какъ важныхъ, такъ и неважныхъ дѣлъ управленія, разъ только находилъ ихъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, достойными своего вниманія. Поэтому онъ то разсуждалъ о дѣланіи монеты «новымъ штемпелемъ» или о принятіи «въ рентерею» (въ казначей-

ство) отписныхъ у Меншикова денегъ, то обсуждалъ вопросъ: «быть ли 7 мая (въ день вступленія на престолъ Петра II) какой предикѣ» (т.-е. проповѣди), то приказывалъ «Вознесенскаго монастыря церковь крыть, а на ту кровлю деньги выдать изъ казны, взамѣнъ тѣхъ, которыя съ вотчинъ сбираются», то разсуждалъ о томъ, наградить ли данное лицо за его службу орденомъ или деревнями, или рѣшалъ вопросъ о назначеніи на службу или увольненіи съ нея тѣхъ или иныхъ военныхъ или штатскихъ чиновъ *) и т. д. При общемъ обзорѣ всей этой административной дѣятельности совѣта бросается, прежде всего, въ глаза то обстоятельство, что совѣтъ отвѣчаетъ здѣсь, главнымъ образомъ, нуждамъ данной минуты, занимается тѣми дѣлами, какія требуютъ немедленнаго рѣшенія. Это, съ одной стороны, придаетъ дѣятельности совѣта очень живой и дѣятельный характеръ, а съ другой—заставляетъ его идти по теченію административной жизни и отдавать большую часть времени рѣшенію мелкихъ и обыденныхъ дѣлъ управленія. Несомнѣнно, что часть этихъ дѣлъ,—если бы совѣтъ не относился слишкомъ ревниво къ расширенію своей компетенціи,—безъ всякаго ущерба для интересовъ государства могла быть предоставлена вѣдѣнію другихъ учрежденій, какъ св. синодъ, сенатъ и пр., тѣмъ болѣе, что они уже въ предъидущее царствованіе получили большой навыкъ къ разрѣшенію текущихъ нуждъ административнаго управленія и могли бы спокойно оставаться въ кругѣ ихъ прежняго вѣдомства.

Какъ указано выше, совѣтъ касался *всѣхъ* дѣлъ верховнаго управленія, почему передать въ полнотѣ *все* разнообразіе этой широкой правительственной дѣятельности совѣта нѣтъ никакой возможности; возможно, однако, уложить ее въ нѣсколько группъ, по отдѣльнымъ сферамъ верховнаго управленія, уже тогда достаточно ясно обозначенныхъ въ тѣхъ особыхъ учрежденіяхъ, которыя ихъ вѣдали и которыя всѣ теперь представляли свои «доношенія» совѣту, какъ учрежденію верховному.

Извѣстно, что уже при Петрѣ Великомъ, въ самой организаціи коллегій, ясно сказалось преобладающее значеніе для тогдашняго государства военныхъ, финансовыхъ и торговопромышленныхъ интересовъ,—ихъ защитою и постепеннымъ развитіемъ, въ томъ или иномъ направленіи, должно было заниматься большинство только что созданныхъ коллегій; самъ сенатъ, этотъ могущественный и чрезвычайно дѣятельный органъ верховнаго управленія при Петрѣ Великомъ, отдавалъ указаннымъ интересамъ едва ли не бо̀льшую часть своего времени и энергіи. Совѣтъ не только принялъ на себя эту задачу своего предшественника, но, въ качествѣ учрежденія, стремившагося олицетворить въ себѣ верховную власть страны, развилъ ее еще болѣе; какъ указано выше, онъ законодательствовалъ въ данной области весьма энергично; но и помимо этого оставалось широкое поприще для его правительственной дѣятельности. Что касается, прежде всего, ея развитія въ сферѣ верховнаго финансоваго управленія, то совѣтъ, какъ

*) *Сборн. Ист. Об.*, т. LXXIX, стр. 87, 257, 321, 468 и мн. др.

глава финансовыхъ коллегій и сената,—поскольку послѣдній вѣдалъ дѣла этого рода,—касался всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ приходомъ и расходомъ государственной казны—составленіе штатовъ, допущеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ, выдача жалованья и т. п.; заботы о взысканіи недоимокъ; отсрочки и облегченія во взносѣ податей; наконецъ, ревизія финансовыхъ и иныхъ учрежденій, вѣдавшихъ государственные приходы и расходы,—вотъ въ краткихъ чертахъ изображеніе круга правительственной дѣятельности совѣта въ данной области. Особенно чрезвычайные расходы обращали на себя вниманіе совѣта, почему всякій, даже незначительный, расходъ этого рода обсуждался и разрѣшался самимъ совѣтомъ; совѣтъ же разрѣшалъ, обыкновенно, такъ называемые «секретные» расходы. Что касается первыхъ, то укажемъ для примѣра на слѣдующія записи совѣтскихъ журналовъ: совѣтъ, напримѣръ, рѣшилъ нѣкоего «колодника Протопопова послать, ради смотрѣнія и находу клада, въ Курскъ, а потомъ—рудъ—въ Сибири... а по дѣлу его въ бергъ-коллегіи розыскивать, и *дать ему денегъ* и въ баню парится его отпустить»; или ему же повелѣно давать «кормовыхъ по гривнѣ въ день»; или, разрѣшая, напримѣръ, выдать прогоны на перевозку людей ссылаемаго Меншикова, онъ добавляетъ, что «буде кто изъ нихъ можетъ, ѣхалъ бы на своихъ» и т. д. *).

Заботясь о приходѣ и расходѣ государственной казны, о развитіи торговли и промышленности, совѣтъ отдавалъ много времени устройству войска. Обсужденіе условій производства рекрутскихъ наборовъ, поимка бѣглыхъ рекрутъ и матросовъ, размѣщеніе войска, выдача ему жалованья и заготовка провіанта, постройка крѣпостей и укрѣпленіе линій, назначеніе и смѣщеніе командующихъ отдѣльными частями войскъ составляли постоянно,—какъ и рядъ другихъ подобныхъ вопросовъ,—предметъ усиленныхъ занятій совѣта **), причемъ въ царствованіе Петра II, когда военная коллегія, послѣ паденія Меншикова, оставалась безъ президента, совѣтъ являлся по военнымъ дѣламъ верховнымъ учрежденіемъ, непосредственно сносящимся съ императорскою властью. На ряду съ заботою о внѣшней безопасности государственный совѣтъ принимаетъ мѣры къ безопасности внутренней, заботясь о прекращеніи разбоевъ, о поимкѣ воровъ, устройствѣ карантиновъ и т. п.

Какъ ясно уже изъ всего вышеприведеннаго обзора дѣятельности совѣта, послѣдній постепенно сосредоточивалъ въ себѣ, преимущественно, всѣ тѣ дѣла верховнаго управленія, въ коихъ, при обычномъ порядкѣ вещей у насъ, когда подлѣ государя не стоитъ учрежденія, подобнаго совѣту, «власть монарха дѣйствуетъ непосредственно», какъ выражаются наши основные законы. Таково, прежде всего, ея «дѣйствіе» во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ заботахъ о войскѣ, въ верховномъ финансовомъ управле-

*) *Сб. И. Об.*, т. LXXIX, стр. 318, 397, 406, 419 и мн. др.

**) Ibid., т. LV, стр. 100 сл., 142 сл.; 174 сл.; т. LVI, стр. 108 сл.; т. LXIII, стр. 356 и др.

ніи и пр. Но ограничительныя тенденціи совѣта, его стремленіе захватить въ свои руки «власть управленія во всемъ ея пространствѣ» находятъ себѣ весьма яркое выраженіе еще въ длинномъ рядѣ дѣлъ, сосредоточенныхъ въ совѣтѣ. Таковы дѣла по назначенію на высшія должности, а равно и дѣла по увольненію изъ службы; таковы дѣла по пожалованіямъ чинами, орденами, имѣніями и пр. Что касается вопроса о назначеніи на высшія должности, то въ царствованіе Екатерины I совѣтъ, обыкновенно, представлялъ на утвержденіе императрицы своихъ кандидатовъ, изъ коихъ и дѣлались соотвѣтствующія назначенія (сенаторовъ, губернаторовъ, президентовъ коллегій и т. п.), хотя, впрочемъ, бывали случаи назначеній прямо по именному указу Екатерины (ib., т. LVI, стр. 568, 581 и др.). При Петрѣ II вмѣшательство императора въ назначенія проявлялось еще рѣже: ему, конечно, также должны были представляться кандидаты для утвержденія, но это было, во-первыхъ, простою формальностью и, во-вторыхъ, не всегда могло и соблюдаться за частымъ отсутствіемъ государя изъ столицы. Вообще, въ это царствованіе все дѣло о назначеніяхъ сводилось къ рѣшенію самого совѣта или его отдѣльныхъ членовъ. Напримѣръ, въ записи отъ 13 мая 1727 г. читаемъ, что въ совѣтѣ «разсужденіе имѣли о прибавкѣ сенаторовъ»; затѣмъ написали кандидатовъ и положили совѣщаться о нихъ на другой день; въ записи же совѣта, приложенной къ журналу 14 мая, сказано, что «было положено при общемъ собраніи разсуждать», между прочимъ, «о прибавкѣ въ сенатъ членовъ *по росписи*»; рѣшено, наконецъ, «*быть по росписи всѣмъ и доложить о томъ его императорскому величеству* (ib., т. LXXIX, стр. 331, 337); «докладные пункты» совѣта объ этомъ назначеніи были затѣмъ «высочайше утверждены». Или, напримѣръ, 6 сентября 1728 г. «отъ всѣхъ присутствовавшихъ подписанъ протоколъ о посылкѣ въ Польшу на приходящій гродненскій сеймъ, для предостереженія на ономъ его императорскаго величества интересовъ, камергера кн. Голицына, въ характерѣ полномочнаго министра, и о дачѣ ему для той посылки на экипажъ денегъ» (ib., т. LXXXIV, стр. 521). Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, совѣтъ рѣшаетъ назначеніе, даже не докладывая о немъ государю (ср., напримѣръ, ib., т. LXXIX, стр. 259). Неудивительно поэтому, что когда, напримѣръ, въ засѣданіи 1 мая того же года къ генералъ-фельдмаршалу кн. М. М. Голицыну было послано извѣщеніе, что совѣтъ «назначилъ», при корпусѣ войскъ на царицынской линіи, «быть главнымъ командиромъ генералъ-лейтенанту Чекину, а на его мѣстѣ—кн. А. Шаховскому», причемъ «велѣно требовать у него, генерала-фельдмаршала, мнѣнія, оному быть ли?» То его сіятельство сказалъ, что *въ томъ воля ихъ, господъ министровъ* (ib., т. LXXXIV, стр. 319). Такъ смотрѣли на назначенія совѣта даже высшіе сановники, какъ генералъ-фельдмаршалъ кн. М. М. Голицынъ, который уже по своему рангу имѣлъ право голоса въ назначеніяхъ на военныя должности. То же, въ общемъ, надо сказать и о пожалованіяхъ чинами, орденами, имѣніями. Всѣ дѣла о нихъ сосредоточиваются въ совѣтѣ и создаютъ изъ него могущественное

учрежденіе, къ которому всѣ обращаются за милостями, всѣ ждутъ себѣ помощи. Поэтому, въ журналахъ совѣта постоянно читаемъ такія записи: «чтена челобитная Лопухиныхъ о возвращеніи имъ ихъ деревень»; или «Левашеву изъ Меншикова деревень пріискать до 200 дворовъ»; или «въ совѣтъ реэстръ слушанъ, дѣланный у барона Андрея Ивановича (Остермана) и отмѣчивано его рукою» (кого и какъ повысить) и т. п. Иногда эти пожалованія шли на утвержденіе носителей верховной власти, иногда сенатъ обходился безъ доклада о нихъ государю; при Петрѣ II пожалованія недвижимостями или подтвержденіе грамотъ на прежнія «дачи» дѣлаются, по преимуществу, указами совѣта, а не именными указами, какъ это, обычно, бывало при Екатеринѣ I *).

X.

Переходимъ теперь къ краткому обзору дѣятельности совѣта въ судебной области. Какъ это само собою понятно, уже при самомъ своемъ основаніи совѣтъ долженъ былъ опредѣлить свою роль въ государствѣ, въ качествѣ *верховнаго* судебнаго учрежденія. Это и было сдѣлано совѣтомъ въ извѣстномъ намъ «мнѣніи не въ указъ», гдѣ было установлено, что «апелляцій» на сенатъ и «первыя» три коллегіи (военную, морскую и иностранную) должны подаваться императрицѣ и совѣту «къ вящшему разсмотрѣнію и разсужденію» о нихъ *въ послѣднемъ* **). Конечно, это опредѣленіе совершенно не обозначало всего объема судебной власти совѣта, хотя и довольно ясно подчеркивало *подчиненность* совѣту сената и трехъ первыхъ коллегій, что̀, впрочемъ, на первыхъ порахъ казалось достаточнымъ, такъ какъ остальное должно было опредѣляться потомъ, подъ вліяніемъ текущихъ нуждъ управленія и развитія самого учрежденія. Обозрѣвая въ цѣломъ судебную дѣятельность совѣта, мы видимъ, что совѣтъ не былъ только высшею апелляціонною инстанціей. Такъ, одно время онъ долженъ былъ взять на себя ревизію приговоровъ разныхъ учрежденій по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь и такъ называемую «политическую смерть»; затѣмъ совѣтъ являлся *первою* инстанціей по дѣламъ политическимъ, нѣкоторымъ преступленіямъ по должности и т. п.; онъ разрѣшалъ окончательно вопросы о подсудности дѣлъ, переносы ихъ изъ одного суда въ другой и вообще всѣ вопросы о недоразумѣніяхъ, возникавшихъ при производствѣ слѣдствія или суда; далѣе, совѣтъ, въ качествѣ верховнаго учрежденія, развивалъ широко надзоръ за дѣйствіями судовъ и т. д.; къ нему, наконецъ, поступали челобитья о помилованіи, смягченіи наказаній и т. п. Вся эта обширная власть совѣта въ области суда частью естественно перешла къ нему отъ петровскаго сената, мѣсто котораго онъ занялъ теперь, частью развилась въ силу того положенія, ко-

*) *Сб. И. Об.*, т. LXIX, стр. 576; т. LXXXIV, стр. 57; т. LXXIX, стр. 163 и друг.

**) Ib., т. LV, стр. 95 сл., п. 12.

торое постепенно получалъ совѣтъ, то дѣйствуя *рядомъ* съ верховною властью, то олицетворяя ее въ самомъ себѣ. Не касаясь здѣсь всѣхъ подробностей вопроса, остановимся на такъ называемыхъ «важныхъ» дѣлахъ, которыя поступали въ совѣтъ, какъ верховную судебную инстанцію. Указъ 24 мая 1727 г. къ дѣламъ «важнымъ» относитъ дѣла по такъ называемымъ «первымъ тремъ пунктамъ» («*первое*, ежели кто за кѣмъ злое умышленіе на здоровье его императорскаго величества, *второе* объ измѣнѣ, *третье* о возмущеніи или бунтѣ» (*П. С. З.*, т. VII, № 5078), т.-е. тѣ дѣла, которыя въ другихъ указахъ сливаются въ «два первыхъ пункта» и подъ которымъ разумѣлись дѣла политическія, начинавшіяся, обычно, сказываніемъ «государева слова и дѣла» (ib., т. V, № 2877; т. VIII, № 5397). Хотя еще при Петрѣ Великомъ, указомъ 1713 г., было разъяснено, что «слово и дѣло» могло относиться лишь къ дѣламъ «о ихъ, государевомъ, здоровьѣ и высокомонаршей чести, о бунтѣ и измѣнѣ (почему указъ запрещалъ сказывать «слово и дѣло»; «кромѣ помянутыхъ причинъ» и угрожалъ, что виновные въ этомъ будутъ «въ великомъ наказаніи и раззореніи и сосланы будутъ на каторгу»; ib., № 2755); но этотъ, какъ и другіе указы, направленные противъ всякаго рода нелѣпыхъ доносовъ,—умножившихся тогда частью подъ вліяніемъ большихъ наградъ доносителямъ,—не могли стѣснять ни при Петрѣ Великомъ, ни послѣ него самыхъ учрежденій, вѣдавшихъ политическія дѣла. Совѣтъ, впрочемъ (подобно петровскому сенату), въ царствованіе Екатерины I, когда существовала преображенская канцелярія, занимался политическими дѣлами лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, при Петрѣ II совѣтъ сталъ посвящать этимъ дѣламъ весьма много вниманія, то являясь *первою* инстанціей по наиболѣе важнымъ изъ нихъ (дѣламъ первыхъ, вторыхъ или третьихъ пунктовъ), то высшею, назначающею предварительное слѣдствіе, или же ревизующею приговоръ сената или другого суда, коему было поручено разсмотрѣніе дѣла по существу. Надо замѣтить, что и при существованіи преображенской канцеляріи, совѣтъ постановлялъ рѣшенія по дѣламъ, которыя разсматривались въ канцеляріи (повидимому, впрочемъ, лишь въ болѣе важныхъ случаяхъ), а равно и бралъ, по разнымъ поводамъ, ея дѣла къ своему разслѣдованію. Мало этого: нѣкоторыя политическія дѣла прямо поступали въ совѣтъ и если были несложны, быстро имъ разсматривались, а затѣмъ и рѣшались; при большей ихъ сложности назначалось, конечно, слѣдствіе. Что касается перваго рода дѣлъ, то въ журналахъ совѣта можно найти въ высшей степени характерныя записи о судѣ совѣта. Такъ, напримѣръ, 7 августа 1728 г. записано, что изъ сената пришелъ т. сов. Плещеевъ и донесъ, что «подметчикъ письма, которое прибито было у дворца, сысканъ», и, какъ ранѣе было приказано, приведенъ въ совѣтъ; затѣмъ, онъ былъ «спрашиванъ отъ министровъ самихъ... и за подметъ приказано учинить (ему) наказаніе и сослать въ работу, въ Рогервикъ». Въ томъ же засѣданіи «представленъ былъ» совѣту присланный Остерманомъ посадскій человѣкъ Ив. Пушниковъ, который до-

несъ, что «солдаты били его кнутомъ извощичьимъ, поднявъ на суднѣ на мачту. А привезенный же (въ совѣтъ) вахмистръ и драгунъ сказали, что оный Пушниковъ пойманъ съ краденнымъ платьемъ и битъ отъ всего народа, потомъ взятъ на судно драгунами и сказалъ за собою «слово и дѣло», а на мачту его не подымали. Разсуждено: вахмистра и драгуна освободить, а Пушникова высѣчь батогами за кражу и за сказываніе «слова» и освободить (т. LXXXIV, стр. 252 сл.). Чаще, конечно, бывали случаи, когда дѣло не могло быть рѣшено столь быстро, почему совѣтъ, принявъ предварительныя мѣры, постановлялъ свое рѣшеніе лишь позднѣе (ib., стр. 46, 218, 319). Какъ ни кратки записи совѣтскихъ журналовъ и какъ ни мало онѣ даютъ объясненій по вопросамъ о винѣ подсудимыхъ, мотивахъ рѣшеній и пр., онѣ, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что совѣтъ являлся въ нѣкоторымъ дѣлахъ *первою* и единственною судебною инстанціей, беря на себя при этомъ роль и слѣдователя, и судьи; иногда, впрочемъ, совѣтъ передавалъ слѣдствіе и судъ въ другія руки, оставляя себѣ лишь ревизію приговоровъ.

Указанные выше примѣры касались весьма простыхъ и несложныхъ политическихъ дѣлъ, которыя могли разрѣшаться совѣтомъ скоро и безъ всякихъ затрудненій. Но совѣту приходилось, въ той или иной мѣрѣ, принимать участіе въ нѣсколькихъ обширныхъ и сложныхъ процессахъ. Какъ учрежденіе не юридическое, совѣтъ не руководился здѣсь какими-либо строго установленными и одинаково ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняемыми формами; частью это объяснялось различіемъ личностей подсудимыхъ и ихъ дѣяній: кн. Меншиковъ и гр. Девіеръ, смоленскій шляхтичъ Лярскій и генералъ-фискалъ Мякининъ, дѣла коихъ велись или самимъ совѣтомъ, или при его участіи, были люди столь не похожіе другъ на друга,—какъ по своему положенію и значенію въ обществѣ, такъ и по взводимымъ на нихъ обвиненіямъ и пр.,—что, конечно, сами процессы о нихъ принимали совершенно различное теченіе и разрѣшеніе. Надъ Меншиковымъ, напримѣръ, вовсе не рѣшались производить слѣдствія и суда: 8 сентября 1727 г. объявленъ былъ ему «арестъ», а 9—уже былъ подписанъ указъ о лишеніи его чиновъ и ссылкѣ (т. LXIX, стр. 271 сл.); лишь позднѣе, когда Меншиковъ былъ уже въ ссылкѣ, нашли возможнымъ сдѣлать ему допросъ по обстоятельствамъ, выяснившимся изъ розыска, который велся надъ близкими къ нему, въ томъ или иномъ отношеніи, людьми. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совѣтъ весьма усердно занимался дѣломъ Меншикова (ib., стр. 270—927), то разбирая его указы и переписку и производя по нимъ разслѣдованіе, то отыскивая его движимыя и недвижимыя имущества, на которыя явилась уже масса претендентовъ. Конечно, все дѣло это, по особому, совершенно исключительному положенію Меншикова, не можетъ быть названо типичнымъ для уясненія роли совѣта вообще въ политическихъ процессахъ; но оно, во всякомъ случаѣ, рѣзко характеризуетъ учрежденіе, въ основѣ коего лежали не столько правильныя начала, сколько олигархическо-политическія тенденціи.

Остановимся изъ цѣлаго ряда судебныхъ дѣлъ, подлежавшихъ компетенціи совѣта, на дѣлахъ о помилованіяхъ и смягченіи наказаній. Совѣтъ, какъ это уже указывалось нами, постепенно сосредоточивалъ въ себѣ всѣ челобитья, всѣ обращенія къ высочайшей милости по тѣмъ или инымъ поводамъ; изученіе челобитенъ, давая интересную картину общественнаго быта и нравовъ эпохи, въ то же время, показываетъ ясно, какъ выростало, съ теченіемъ времени, верховное значеніе самого учрежденія. Чѣмъ меньше носители верховной власти могли «персонально присутствовать» въ совѣтѣ, — на что у совѣта въ началѣ была еще «причина уповать» (т. LV, стр. 93),—и чѣмъ меньше они, вообще, принимали участія въ его рѣшеніяхъ, тѣмъ чаще, конечно, поступавшія сюда челобитья разрѣшались *самимъ* совѣтомъ, хотя и продолжали подаваться въ совѣтъ на высочайшее имя. Не только просьбы о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла или о переносѣ его изъ одного суда въ другой и т. п., но и челобитья о смягченіи наказаній или о помилованіи, о замѣнѣ одного наказанія другимъ или «о непорицаніи прежнимъ наказаніемъ» (въ случаѣ прощенія) постоянно поступали въ совѣтъ и разрѣшались имъ, то съ доклада, то безъ доклада императорской власти. При этомъ совѣту не разъ приходилось пересматривать тѣ политическія дѣла, которыя велись до него и, обыкновенно, оканчивались ссылкою, конфискаціей имуществъ и пр. Съ перемѣною правленія, когда на престолѣ, по смерти Екатерины I, находился Петръ II, казалось, наприм., справедливымъ и необходимымъ пересмотрѣть дѣла, такъ или иначе связанныя съ именемъ царевича Алексѣя. Извѣстно, наприм., что новый порядокъ престолонаслѣдія, введенный Петромъ Великимъ, вызвалъ мѣстами не только неудовольствіе, но и сопротивленіе; одно изъ дѣлъ, вызванныхъ этимъ новымъ порядкомъ, а именно дѣло Ив. Нѣмчинова «съ товарищьми» кончилось смертною казнью однихъ осужденныхъ, ссылкою—другихъ. При Петрѣ II это сопротивленіе не могло казаться столь преступнымъ, какъ прежде, и вотъ совѣтъ, согласно челобитью оставшихся въ живыхъ участниковъ дѣла, повелѣваетъ «освободить ихъ съ каторжной работы», въ которую они были сосланы «за неприсяганіе о наслѣдствіи престола россійскаго» *). Или, наприм., въ 1718 г. были сосланы въ Сибирь Абрамъ Лопухинъ «съ товарищи»; въ царствованіе Петра II нашли необходимымъ не только освободить осужденныхъ отъ наказанія, но и возвратить имъ недвижимое ихъ имущество **). Конечно, не одни политическія дѣла восходили, по челобитьямъ частныхъ лицъ, къ совѣту и не по нимъ однимъ освобождалъ онъ осужденныхъ отъ наказанія или замѣнялъ одно наказаніе другимъ ***); но именно эти дѣла особенно характерны для пониманія значенія учрежденія: совѣтъ, будучи самъ учрежденіемъ политическимъ, преслѣдуя самъ партійныя цѣли, яснѣе, чѣмъ всякое другое учрежденіе, пони-

*) См. мое изслѣдованіе *О наказаніи по законодательству Петра Великаго*, стр. 7 и сл.; *Сб. И. Общ.* LXIX, стр. 110.

**) *Сб. И. Общ.*, ibid., стр. 121.

***) Ibid., стр. 451 и мн. др.

малъ, какъ много случайнаго можетъ входить въ подобные процессы и какъ нуждаются иногда приговоры по нимъ въ пересмотрѣ.

Сравнивая дѣятельность совѣта въ области суда въ оба царствованія, въ общемъ, нельзя не замѣтить, что при Петрѣ Великомъ совѣтъ отдаетъ больше времени и вниманія судебнымъ дѣламъ (особенно политическимъ), чѣмъ при Екатеринѣ I, когда онъ являлся, по преимуществу, высшимъ законодательно-административнымъ учрежденіемъ. Этимъ отчасти объясняется и тотъ фактъ, что хотя царствованіе Екатерины I (за время существованія совѣта) было вдвое короче царствованія Петра II, на него приходится гораздо болѣе важныхъ законодательныхъ и административныхъ актовъ совѣта, чѣмъ на царствованіе Петра II, такъ какъ совѣтъ тогда менѣе отвлекался въ своей дѣятельности веденіемъ судебныхъ и иныхъ дѣлъ (какъ, наприм., дѣлъ по высшей полиціи), которыя стали столь занимать его вниманіе въ послѣднее царствованіе. Это расширеніе компетенціи совѣта объяснялось въ свою очередь тѣмъ, что при юномъ императорѣ, особенно послѣ паденія Меншикова, совѣтъ неминуемо становился, всѣмъ складомъ событій царствованія, учрежденіемъ, которое правило государствомъ «вмѣсто персоны» монарха. Стремленіе къ политическому господству, которое отличало это олигархическое учрежденіе во все его недолгое существованіе, не находило себѣ теперь никакого ограниченія ни въ личности монарха, ни въ такихъ временщикахъ, какъ Меншиковъ. При этомъ совѣту, какъ таковому, могло казаться совершенно естественнымъ расширеніе своей власти почти до предѣловъ власти монарха, такъ какъ, во-первыхъ, на это наталкивала его сама тогдашняя дѣйствительность, а, во-вторыхъ, совѣтъ, предоставленный самому себѣ, не опираясь болѣе въ своей власти на волю царствовавшей особы, которая, какъ это надо сказать объ Екатеринѣ I, вполнѣ сознательно шла на признаніе верховнаго значенія учрежденія, долженъ былъ *самъ* заботиться о поддержаніи и усиленіи своей власти и значенія. Казалось, что не было къ этому болѣе удобнаго и легкаго средства, какъ расширеніе своей компетенціи до возможно большихъ предѣловъ, средоточіе въ своемъ вѣдомствѣ всѣхъ разнородныхъ функцій государственнаго управленія въ широкомъ смыслѣ этого слова, вслѣдствіе чего всѣ и за всѣмъ обращались бы въ совѣтъ, какъ въ верховное учрежденіе, и онъ являлся бы почти единственнымъ вершителемъ судебъ каждаго. Расширеніе *судебной* функціи совѣта было, поэтому, лишь однимъ изъ выраженій *общей* тенденціи совѣта, дошедшей до своего апогея къ концу царствованія Петра II.

XI.

Давъ выше очеркъ организаціи верховнаго тайнаго совѣта и изобразивъ его дѣятельность, попытаемся теперь, въ немногихъ словахъ, характеризовать его общее значеніе. Какъ уже доказывалось, совѣтъ былъ учрежденіемъ *политическаго* характера. Политическія цѣли, которыя лежали въ

его основаніи и которыя онъ столь постоянно и неуклонно проводилъ въ своей послѣдующей дѣятельности, не могли, прежде всего, не вліять на его правительствующую роль, не могли не умалять его *дѣловою* значенія: совѣтъ, какъ учрежденіе новое, не окрѣпшее, долженъ былъ ревниво относиться къ развитію своего политическаго значенія, чтò въ свою очередь отражалось на характерѣ его дѣятельности. Совѣтъ не былъ учрежденіемъ, подобнымъ боярской думѣ, которая могла спокойно и величаво, въ своемъ образѣ стародавняго, изстариннаго учрежденія, править дѣлами государства; ему, наоборотъ, приходилось еще завоевывать въ общемъ мнѣніи свою силу и значеніе. Олигархическій характеръ учрежденія дѣлалъ, однако, это завоеваніе весьма непрочнымъ, хотя идея *политическаго* учрежденія, стоящаго рядомъ съ сенатомъ, заслуживала вниманія и была жизненна, какъ жизненна была и попытка дать *личному* началу въ управленіи болѣе живое, чѣмъ прежде, выраженіе въ *особомъ* учрежденіи, какъ совѣтъ, который былъ, въ сущности, на нашъ взглядъ, ничѣмъ инымъ, какъ своеобразнымъ комитетомъ министровъ того времени. Во всякомъ случаѣ, незначительность *общихъ* результатовъ дѣятельности совѣта нельзя не отнести на счетъ его боевого характера, вынуждавшаго его дѣлать дѣло активнаго управленія лишь постолько, посколько этому не мѣшали его политическія задачи. Затѣмъ, оцѣнивая дѣятельность совѣта по ея результатамъ, нельзя не принять во вниманіе и того важнаго обстоятельства, что совѣту пришлось дѣйствовать непосредственно послѣ той напряженной, дѣятельной эпохи, когда реформа слѣдовала за реформою, когда во всѣхъ сферахъ народной и государственной жизни господствовало сильное возбужденіе. Совѣту пришлось быть учрежденіемъ эпохи *реакціи;* онъ долженъ былъ, по преимуществу, разбираться въ сложныхъ задачахъ петровской реформы, а такая дѣятельность, уже по самой сущности своей, не могла быть слишкомъ видною, замѣтною, хотя и она, конечно, имѣла свое значеніе въ общемъ движеніи XVIII вѣка, такъ какъ показывала ясно, чтò въ петровской реформѣ выдерживало испытаніе времени и чтò должно было быть оставлено.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Какъ бы ни было, по условіямъ времени, законно существованіе въ государственномъ строѣ данной страны тѣхъ или иныхъ *политическихъ* учрежденій, на ряду съ ними должны существовать и правильно дѣйствовать правительственныя мѣста и лица, дѣлающія сложное дѣло административнаго управленія и суда, *только* во имя закона и въ разрѣшеніе нуждъ даннаго времени, *ничего не зная о политикѣ.* Изъ такихъ учрежденій *первое* мѣсто принадлежало тогда сенату; но, однако, центръ тяжести управленія былъ *не* въ этихъ дѣловыхъ и спокойныхъ учрежденіяхъ, а въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, съ его наступательною, по отношенію ко всѣмъ остальнымъ учрежденіямъ, политикой, съ его безпорядочными и постоянными колебаніями и отступленіями во всемъ, что не касалось его основной тенденціи—«именемъ» носителей верховной власти править государствомъ. Это не могло, конечно, содѣйствовать правильности

движенія реформы и въ жертву политикѣ не разъ приносилось дѣло; въ интересахъ ея не разъ разрушалось то, что должно было жить и развиваться. Все это съ особою яркостью подтверждается на исторіи сената и всѣхъ связанныхъ съ нимъ учрежденій, кои были постоянно объектомъ неустаннаго и вмѣстѣ безпорядочнаго нападенія со стороны совѣта, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ нашей о сенатѣ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта; хотя созданіе такого политическаго учрежденія, какъ совѣтъ, вовсе не предполагало неизбѣжно разрушенія всей прежней организаціи сената, въ качествѣ если и подчиненнаго, то все же закономѣрно поставленнаго и дѣятельнаго учрежденія, разрушеніе это шло быстро и неуклонно впередъ, и два начала, политическое и правовое, лежавшія въ основѣ организаціи того и другого учрежденія, не ужились вмѣстѣ и послѣднее явилось слишкомъ подавленымъ первымъ, что, въ свою очередь, не могло не отразиться дурно на исторіи преобразованія всѣхъ учрежденій вообще и сената въ частности, когда послѣдній всѣмъ ходомъ событій изучаемаго времени былъ отодвинутъ на второй планъ и когда правительствующая олигархія дѣлала, что хотѣла, хотя и не могла замѣнить собою высшаго *коллегіальнаго* учрежденія, какъ сенатъ, гдѣ бы сосредоточивались всѣ функціи подчиненнаго управленія и контроля, поскольку всѣ онѣ нуждались въ одномъ *общемъ* органѣ,—органѣ правомѣрно поставленномъ и дѣйствующемъ въ предѣлахъ закона.

Александръ Филипповъ.

Турецкія звѣрства въ Арменіи.

(*Fr. D. Greene*: «The Armenian crisis and the rule of the Turk». 1895).

Безчеловѣчная сасунская рѣзня, имѣвшая мѣсто въ августѣ прошлаго 1894 года на высотахъ Сасуна, близъ Ванскаго озера, обратила вниманіе Европы на бѣдственное положеніе турецкихъ армянъ. Появилось въ англо-американской печати много отдѣльныхъ изслѣдованій, единодушно свидѣтельствующихъ о томъ, что не только въ періоды исключительныхъ погромовъ, каковъ былъ сасунскій, но и въ обычное время невыносимо положеніе армянъ, предоставленныхъ свободному грабежу и насиліямъ со стороны курдовъ, иррегулярныхъ войскъ (гамидіе) и турецкихъ чиновниковъ.

Въ числѣ такихъ изслѣдованій одно изъ первыхъ мѣстъ заняла книга американскаго миссіонера Грина, которая снабжена и вступительнымъ рекомендательнымъ письмомъ Гладстона. Книга эта свободна отъ подозрѣнія въ служеніи англійскимъ политическимъ интересамъ. Написанная американцемъ и для американцевъ съ исключительною цѣлью обратить вниманіе, во имя человѣколюбія, на невыносимое положеніе турецкихъ армянъ, книга не можетъ быть заподозрѣна самыми отчаянными туркофилами въ преслѣдованіи политическихъ цѣлей. Чтобы отнять всякій поводъ къ сомнѣнію относительно намѣреній автора, достаточно прибавить, что Гринъ относится весьма дружелюбно къ Россіи.

Книга Грина распадается на двѣ отдѣльныя части. Въ первой части излагаются свѣдѣнія о сасунской рѣзнѣ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, во второй же представленъ краткій очеркъ исторіи армянъ и типическія черты турецкаго режима.

Въ первой части Гринъ приводитъ, подъ 16-ю нумерами, полученны изъ Арменіи данныя о звѣрствахъ турокъ, совершенныхъ ими во время августовскаго разгрома. Данныя эти всѣ *безъ изъятія* сообщены американцами, живущими близъ мѣстности, служившей театромъ безчеловѣчнаго разгрома, и, несмотря на то, что сообщены изъ разныхъ пунктовъ, въ главныхъ чертахъ вполнѣ тождественны. Эти свѣдѣнія—самыя достовѣрныя изъ всѣхъ, какія только появлялись въ европейской печати.

Къ книгѣ Грина приложено торжественное удостовѣреніе за подписью 20-ти американцевъ, удостовѣряющихъ подлинность писемъ. Лица эти, принадлежащія къ различнымъ слоямъ общества (губернаторы штатовъ, духовныя особы, писательницы, публицисты, адвокаты, купцы и проч.), заявляютъ, что они вполнѣ увѣрены въ достовѣрности разсказовъ и считаютъ ихъ заслуживающими общаго довѣрія и заканчиваютъ свое заявленіе слѣдующими словами:

«Во имя страждущаго человѣчества мы настоятельно просимъ внимательно ознакомиться съ этими документами и рекомендуемъ всѣмъ читателямъ принять мѣры, чтобы негодованіе оскорбленнаго христіанскаго міра получило должное выраженіе. Мы стремимся предотвратить революцію среди этихъ безпомощныхъ турецкихъ подданныхъ, но стоимъ за то, чтобы единодушными усиліями дать почувствовать Турціи справедливое осужденіе со стороны нашего 70-ти милліоннаго народа».

Приводимъ нѣкоторые изъ документовъ, достовѣрность коихъ, въ виду сказаннаго, внѣ всякаго сомнѣнія.

А.... 31 октября 1894.

Мы получили изъ Битлиса извѣстіе, что избіеніе въ Сасунѣ, на югъ отъ Муша, было даже значительнѣе, чѣмъ предполагали. Краткое соообщеніе, полученное нами, говоритъ: «27 деревень въ Сасунѣ уничтожены. 6,000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей умерщвлены войсками и курдами. Это ужасное событіе только теперь становится здѣсь извѣстнымъ, хотя избіеніе произошло въ началѣ сентября. Турки употребили всевозможныя мѣры, чтобы помѣшать распространенію вѣстей; опи дошли даже до того, что выслали обратно изъ Трапезунда нѣсколько сотъ лицъ, прибывшихъ туда изъ Муша по дѣламъ. Это избіеніе было совершено по приказанію изъ Константинополя. Курды увели скотъ изъ нѣсколькихъ армянскихъ деревень; армяне преслѣдовали похитителей и пытались вернуть свою собственность, при чемъ произошла схватка, во время которой было убито 12 курдовъ. Убитые были «полуоффиціальные разбойники», т.-е. были зачислены въ войска и вооружены, какъ таковыя, но не находились подъ начальствомъ. Тогда власти телеграфировали въ Константинополь, что армяне «убили солдатъ изъ войскъ султана». Султанъ немедленно приказалъ, чтобы пѣхота и кавалерія подавили армянскій мятежъ, что и было исполнено; но, не найдя никакого мятежа, войска очистили страну такъ, чтобы въ будущемъ не могло произойти возстанія.

Изъ другого пункта:

Б.... 16 ноября 1894.

Въ прошломъ году въ Тальворикѣ армяне успѣшно отразили нападен сосѣднихъ курдовъ. Въ странѣ распространилась большая тревога. Въ нынѣшнемъ году правительство вмѣшалось и послало отряды регулярныхъ войскъ для того, чтобъ усмирить армянъ. Регулярнымъ войскамъ помогали курдскіе *гамидіэ* (*Hamediehs*—иррегулярныя войска). Армяне подвергли

нападенію въ горныхъ укрѣпленіяхъ и, въ концѣ-концовъ, должны были сдаться вслѣдствіе недостатка пищи и боевыхъ запасовъ. Около 20 деревень были уничтожены, населеніе умерщвлено и дома сожжены.

Нѣсколько молодыхъ, полныхъ силъ, армянъ были взяты въ плѣнъ, связаны, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Нѣкоторое число армянъ, опредѣляемое различно, но не менѣе 100 человѣкъ, сдались и просили пощады. Многіе изъ нихъ были застрѣляны на мѣстѣ, а остальные зарѣзаны саблями и заколоты штыками. Группа женщинъ, опредѣляемая различно, отъ 60 до 160 человѣкъ, была заперта въ церкви и среди нихъ «были пущены» солдаты. Многія изъ этихъ женщинъ были замучены до смерти, а остальныя убиты саблями и штыками. Нѣсколько молодыхъ женщинъ были захвачены въ качествѣ военной добычи. О нихъ передается два разсказа: 1) что онѣ отведены въ гаремы мусульманъ, которые похитили ихъ, 2) что имъ предложили принять исламъ и поступить въ гаремы, и когда онѣ отказались, ихъ убили. Дѣтей ставили въ рядъ одинъ за другимъ и стрѣляли въ одинъ изъ концовъ ряда, очевидно, чтобъ узнать, сколько человѣкъ можно убить одною пулей. Малолѣтнія и грудныя дѣти клались одинъ на другого и головы ихъ отрубались. Солдаты окружали дома, зажигали ихъ и штыками заставляли людей возвращаться въ пламя, когда они пытались выбѣжать изъ него.

Но довольно объ этой рѣзнѣ. Счетъ человѣческихъ жертвъ отъ 3,000 до 8,000. Это—скромныя цифры. Все это произошло въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября. Прибытіе начальника 4-го армейскаго корпуса положило конецъ рѣзнѣ. Нужно замѣтить, что избіеніе совершалось регулярными солдатами, находившимися большею частью подъ командой офицеровъ высокаго ранга. Это придаетъ дѣлу въ высшей степени серьезное значеніе.

Христіанинъ не пользуется уваженіемъ, которое оказываютъ уличнымъ собакамъ. Если эта рѣзня пройдетъ незамѣченной, это будетъ просто объявленіемъ смертнаго приговора христіанамъ. Жизнь, собственность и честь христіанина не будутъ ограждены. Недѣлю тому назадъ, въ прошедшій вторникъ вечеромъ, на закатѣ солнца, турокъ похитилъ жену богатаго армянскаго купца въ городѣ Ханоосъ Пертъ (Khanoos Pert). На слѣдующее утро люди, искавшіе ее, услышали ея крики и освободили ее изъ турецкаго дома. О какомъ-либо наказаніи виновнаго не можетъ быть рѣчи.

Ужасные слухи распространялись уже давно, но сообщенія, заслуживающія довѣрія, приходили медленно. Все было сдѣлано, чтобы подавить толки. Нѣкоторыя второстепенныя подробности разсказа, переданныя мною, можетъ быть, неточны, но я вполнѣ увѣренъ въ достовѣрности этого разсказа въ главныхъ пунктахъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя отвергать того, что произведено было жестокое, варварское и колоссальное избіеніе христіанъ регулярными солдатами съ помощью курдскихъ гамидіэ и подъ наначальствомъ высшихъ и отвѣтственныхъ офицеровъ.

Что теперь сдѣлаетъ христіанскій міръ?

Нижеслѣдующій документъ былъ тщательно написанъ сообща нѣсколькими лицами, причемъ подписи любого изъ нихъ было бы достаточно, чтобы сообщить этому документу большой вѣсъ. Одно изъ этихъ лицъ, несущее значительную долю отвѣтственности за сообщенныя данныя, занимаетъ высокое положеніе и пользуется широкимъ вліяніемъ. Матеріалъ былъ собранъ съ величайшими трудностями и при постоянномъ шпіонствѣ со стороны турецкихъ чиновниковъ. Христіане армянскаго происхожденія, о прибытіи которыхъ въ то мѣсто, гдѣ находился составитель отчета, дѣлалось извѣстнымъ, подвергались аресту, и нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ, если только они уже не подверглись худшей участи. Документы были секретно отправлены со спеціальными посланцами въ Персію и оттуда черезъ персидскую почту отправлены въ Соединенные Штаты. Эти документы высланы изъ Турціи около послѣднихъ чиселъ ноября 1894 года. Одного настоящаго отчета было бы достаточно, чтобы вызвать негодованіе христіанскаго міра.

Ц.... ноябрь 1894.

Въ Битлисѣ господствуетъ безпокойство относительно безопасности этого города. Просмотръ почты турецкими властями продолжается и нѣкоторыя письма, адресованныя лицамъ, живущимъ въ Соединенныхъ Штатахъ и занимающимъ тамъ оффиціальное положеніе, не доходятъ по назначенію.

Солдаты гамидіэ, которые вербуются изъ курдовъ и попали въ войска въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, до нѣкоторой степени обмундированы, но оставлены въ своихъ домахъ. Они совершаютъ всякія беззаконія. Правительство продолжаетъ взыскивать подати въ разграбленныхъ округахъ, посылаетъ заптіевъ (полицейскихъ) или турецкихъ солдатъ жить въ деревняхъ и объѣдать населеніе до тѣхъ поръ, пока оно не добудетъ какимъ бы то ни было образомъ денегъ. Въ мѣстности Башкалло многіе по возвращеніи домой находятъ, что правительство завладѣло ихъ собственностью и отказывается вернуть имъ имущество или дозволить имъ остаться въ нхъ домахъ.

Данныя, касающіяся рѣзни въ Сасунѣ около Муша. Въ концѣ мая 1893 г. агитаторъ не изъ мѣстныхъ жителей, Даматіанъ, былъ арестованъ около Муша. Правительство подозрѣвало, что въ Тальворикскихъ деревняхъ находили пріютъ такіе агитаторы, и отдало приказъ нѣкоторымъ курдскимъ вождямъ напасть на этотъ округъ; при этомъ оно приняло на себя отвѣтственность за всѣ убійства, которыя совершатъ курды, и обѣщало послѣднимъ всю добычу.

Вскорѣ послѣ того, какъ Даматіанъ былъ доставленъ въ Битлисъ, въ первую недѣлю іюня мѣсяца бакранлійскіе курды начали собираться за Тальворикомъ. Поселяне, видя, что курды прибываютъ съ каждымъ днемъ и достигаютъ уже нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, заподозрили ихъ намѣренія и стали готовиться. На восьмой день завязалась битва. Болѣе сильное положеніе поселянъ дало имъ возможность причинить значельный ущербъ непріятелю съ небольшими потерями съ своей стороны. Результатъ борьбы

къ заходу солнца выразился въ томъ, что курды потеряли около 100 человѣкъ убитыми, а изъ поселянъ было убито только 6, въ томъ числѣ одна женщина, пытавшаяся спасти отъ курдовъ мула. Поселянамъ удалось уничтожить мостъ черезъ глубокую часть рѣки, прежде чѣмъ отрядъ курдовъ съ противуположной стороны успѣлъ аттаковать ихъ. Такимъ образомъ, курды чувствовали себя побѣжденными и не могли произвести другого нападенія въ это лѣто.

При такихъ обстоятельствахъ генералъ-губернаторъ выступилъ въ Мушъ съ войсками и двумя полевыми орудіями и вступилъ въ округъ вблизи Тальворика, но считалъ ли онъ свои силы недостаточными или получилъ приказаніе не нарушать спокойствія, только онъ не произвелъ нападенія и ограничился тѣмъ, что держалъ осаду. Прежде чѣмъ удалиться, онъ, отдавъ заложниковъ, устроилъ свиданіе съ наиболѣе вліятельными людьми въ Тальворикѣ и спросилъ ихъ, почему они не подчиняются правительству и не платятъ податей. Они отвѣчали, что не возстаютъ противъ правительства, но не могутъ платить подати *два раза,* курдамъ и правительству. Если бы правительство защитило ихъ, они платили бы ему подати. Отъ переговоровъ ничего не послѣдовало и осада продолжалась до тѣхъ поръ, пока не выпалъ снѣгъ. Во время зимы, когда въ вилайетѣ широко практиковалось мародерство, нѣкоторые богатые жители Тальворика получили приглашеніе посѣтить генералъ-губернатора, но они не сочли удобнымъ принять это приглашеніе.

Раннею весной курдамъ нѣсколькихъ племенъ было отдано приказаніе произвести нападеніе на деревни Сасуна, между тѣмъ, войска были отправлены изъ Муша и Битлиса; они захватили при этомъ военные запасы и провіантъ и десять муловъ, нагруженныхъ керосиномъ (80 жбановъ). Весь округъ былъ осажденъ курдами и войсками. Деревни, подвергшіяся, такимъ образомъ, осадѣ, отъ времени до времени производили вылазки, чтобы добывать себѣ пищу.

Однажды курды увели нѣсколько быковъ; владѣльцы послѣднихъ прослѣдили свой скотъ до курдскаго стана и увидѣли, что одинъ быкъ уже убитъ. Они потребовали выдачи остальныхъ, но имъ отказали въ этомъ; тогда поселяне удалились и черезъ нѣсколько времени вернулись съ нѣсколькими товарищами. Произошла стычка, въ которой двое или трое были убиты съ обѣихъ сторонъ. Курды сейчасъ же представили своихъ убитыхъ властямъ въ Мушѣ и сообщили, что вся мѣстность наводнена армянами и иностранными солдатами. Власти немедленно начали собирать солдатъ со всѣхъ концовъ и въ общемъ собрали отъ 8 до 10 таборовъ (полковъ). Курдовъ набралось до 20,000; кромѣ того, около 500 человѣкъ кавалеріи гамидіэ прибыли въ Мушъ.

Образъ дѣйствія во время рѣзни и подробности послѣдней. Сначала были выпущены курды, а войска не показывались. Поселяне вступили въ борьбу и, полагая, что они имѣютъ дѣло только съ курдами, отбили ихъ нѣсколько разъ. Курды отказывались продолжать дѣйствія безъ помощи

солдатъ. Нѣкоторыя части войскъ одѣлись въ курдскій костюмъ и помогали курдамъ съ большимъ успѣхомъ. Небольшіе отряды вступили въ нѣсколько деревень, заявляя, что пришли, чтобы защитить вѣрныхъ подданныхъ. Ихъ расквартировали по домамъ, но они поднялись ночью и перебили спавшихъ поселянъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Между тѣмъ, жители другихъ селеній начали понимать, что цѣль властей заключалась въ истребленіи армянъ, и въ отчаяніи рѣшили продать свою жизнь по возможно дорогой цѣнѣ. Тогда началась рѣзня, длившаяся около 23 дней, или, въ общемъ, съ середины августа до середины сентября. Ферикъ-паша (маршалъ Зекки-паша), поспѣшно прибывшій изъ Эрзинкіана, прочиталъ фирманъ султана объ истребленіи и затѣмъ, держа указъ на своей груди, увѣщевалъ солдатъ не уклоняться отъ исполненія своего долга. *Въ послѣдній день августа, т.-е. въ годовщину восшествія султана на престолъ, солдатъ особенно увѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую звѣрскую рѣзню.* Другой такой же день выдался нѣсколько раньше, когда пролетѣлъ удивительный метеоръ.

Во время разгрома не дѣлалось никакого различія между лицами и селеніями, все равно, держались ли они спокойно и заплатили ли подати, или нѣтъ. Было приказано произвести полную чистку. Въ одномъ селеніи священникъ со старѣйшинами явились къ офицеру, предъявляя ему квитанцію въ уплатѣ податей, заявляя о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и прося пощады; но селеніе было окружено и жители переколоты штыками. Староста одного селенія, рослый и сильный человѣкъ, былъ захваченъ курдами, которые схватили его, положили на землю и, приплясывая вокругъ него, изрѣзали его въ куски.

Въ Галогюзанѣ много молодыхъ людей были связаны по рукамъ и ногамъ, положены въ рядъ, покрыты хворостомъ и сожжены живыми. Другіе были схвачены и изрублены на куски. Въ другомъ селеніи были схвачены священникъ и нѣсколько старѣйшинъ; имъ обѣщали свободу, если они укажутъ, гдѣ укрылись остальные жители; когда же плѣнные отказались выдавать своихъ односельчанъ, всѣхъ ихъ, кромѣ священника, убили. Вокругъ шеи священника была надѣта цѣпь, которую тянули съ противуположныхъ сторонъ, онъ нѣсколько разъ почти былъ удушенъ, но его приводили къ жизни; затѣмъ поставлено было остріями вверхъ нѣсколько штыковъ, на которые подбросили несчастнаго.

Жители одного селенія, обратившись въ бѣгство, собрали женщинъ и дѣтей, числомъ около 500 человѣкъ, и помѣстили ихъ въ пещерѣ въ одномъ ущельѣ. Черезъ нѣсколько дней солдаты нашли ихъ и убили тѣхъ, которые не успѣли еще погибнуть отъ голода.

Въ другомъ селеніи выбрано было 60 молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, ихъ заперли въ церковь и затѣмъ солдатамъ было разрѣшено поступить съ ними по своему желанію, послѣ чего заключенныя были убиты.

Въ третьемъ селеніи 50 избранныхъ женщинъ были пощажены; ихъ увѣщевали перемѣнить вѣру и сдѣлаться госпожами въ турецкихъ гаре-

махъ, но онѣ съ негодованіемъ отказались отречься отъ Христа, предпочитая подвергнуться участи своихъ отцовъ и мужей.

Народъ собирали въ дома и затѣмъ поджигали послѣдніе. Во время одного такого пожара изъ пламени выскочилъ маленькій мальчикъ; его посадили на штыкъ и бросили въ огонь.

Нерѣдко дѣтей поднимали за волосы и разрѣзали пополамъ или разрывали имъ челюсти. Беременнымъ женщинамъ вскрывали животы; старшихъ дѣтей оттаскивали за ноги. Красивая, недавно обвѣнчанная пара убѣжала на вершину холма; солдаты настигли молодыхъ людей и сказали, что пощадятъ ихъ изъ-за красоты, если они примутъ исламъ, но мысль объ ужасной смерти, которая, какъ извѣстно было бѣглецамъ, должна была постигнуть ихъ, не помѣшала имъ исповѣдать Христа.

Послѣднее столкновеніе произошло на горѣ Андокъ (на югѣ отъ Муша), гдѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ искали убѣжища. Курды посылались отрядами для нападенія на бѣглецовъ, но въ теченіе 10—15 дней не могли добраться до нихъ. Солдаты также направляли противъ армянъ свои горныя орудія и наносили ими нѣкоторый уронъ. Наконецъ, когда осажденные пробыли нѣсколько дней безъ пищи и ихъ военные запасы истощились, войскамъ удалось достигнуть вершины безъ всякаго урона для себя, и едва ли кто-нибудь изъ бѣглецовъ спасся.

Тогда все вниманіе было обращено на тѣхъ, которые были загнаны въ Тальворикскій округъ. Три или четыре тысячи осажденныхъ были оставлены въ этой маленькой долинѣ. Когда они увидѣли себя плотно окруженными со всѣхъ сторонъ турками и курдами, они подняли руки къ небу, моля о спасеніи. Часть ихъ перебили ружейными выстрѣлами, а остальные были уничтожены саблями и штыками, такъ что, въ концѣ-концовъ, отъ грудъ убитыхъ потекла настоящая рѣка крови.

Такимъ образомъ окончилась рѣзня, ибо прибытіе мушира (командира 4-го армейскаго корпуса въ Эрзинкіанѣ) спасло жизнь нѣсколькимъ плѣннымъ и помѣшало истребленію еще четырехъ селеній, находившихся въ спискѣ предназначенными къ уничтоженію, въ числѣ которыхъ было и протестантское селеніе Гаводорикъ (Havodorick). Такова была страшная армія, для борьбы съ которой правительство собрало столько войскъ и курдовъ.

Насколько извѣстно, въ числѣ ихъ (армянъ) было не болѣе 10 или 15 иноземцевъ, и всѣ говорятъ, что едва ли они (армяне) имѣли болѣе 100 ружей, заряжающихся съ казенной части.

Число убитыхъ армянъ. Если бы даже кто-нибудь получилъ возможность посѣтить округъ, онъ могъ бы опредѣлить только приблизительно число жертвъ, потому что многіе трупы были свалены въ рвы и засыпаны землей, и теперь дождь уже смылъ слѣды ихъ могилъ. Тамъ, гдѣ такихъ рвовъ не существовало, тѣла убитыхъ, переложенныя дровами, складывались въ кучи, обливались керосиномъ и сжигались. Повидимому, несомнѣнно, что селенія всего округа уничтожены. Одинъ курдскій вождь, явившійся со своими людьми слишкомъ поздно, нашелъ, что ему ничего не оста-

8*

лось дѣлать, и, повернувъ назадъ, овладѣлъ всею досычей, какой могъ, въ деревнѣ Мэнигъ (Maineeg), около Гаводорика.

Солдатъ, находившійся въ карантинѣ, сказалъ, что онъ убилъ 5 человѣкъ, и что онъ убилъ, между тѣмъ, меньше, чѣмъ кто-либо другой. Другой сообщилъ, что онъ убилъ 100 человѣкъ. Какой-то солдатъ поссорился на-дняхъ съ армяниномъ на битлисскомъ рынкѣ и кричалъ, что они убили тысячи и тысячи и скоро обратятся къ армянамъ, живущимъ въ городѣ.

Повидимому, можно безъ ошибки сказать, что 40 деревень совершенно разрушены, и представляется вѣроятнымъ, что убито по меньшей мѣрѣ 16,000 человѣкъ. *Самая низкая цифра 10,000,* но многіе считаютъ гораздо больше.

Въ довершеніе всего генералъ-губернаторъ, посредствомъ арестовъ и застращиванія всякаго рода, заставилъ наиболѣе видныхъ людей во всей провинціи (за исключеніемъ одного города Битлиса) подписать благодарственный адресъ султану за то, что губернаторъ «водворилъ порядокъ» въ вилайетѣ.

Изъ другого города:

Е... 6 декабря 1894 г.

Армяне, угнетаемые курдами и турками, заявили: «Мы не можемъ платить подати и курдамъ, и правительству». Они защищались отъ курдовъ, которые угнетали ихъ и грабили; нѣсколько человѣкъ было убито. Затѣмъ въ Константинополь были посланы ложныя сообщенія, что армяне вооружились и возстали. Тогда муширу (главному начальнику) въ Эрзинкіанѣ былъ данъ приказъ истребить армянъ. Приказъ, прочитанный передъ войскомъ, поспѣшно собраннымъ изъ всѣхъ главныхъ городовъ восточной Турціи, былъ таковъ: «Всякій, кто пощадитъ мужчину, женщину или ребенка, измѣнитъ долгу вѣрноподданнаго».

Мѣстность была окружена регулярными солдатами и, кромѣ того, говорятъ, тамъ же было собрано 20,000 курдовъ. Затѣмъ они двинулись къ центру, гоня народъ, какъ стадо овецъ, и подвигались, такимъ образомъ, нѣсколько дней. Никому не оказывали ни снисхожденія, ни пощады. Мужчины, женщины и дѣти умерщвлялись ружьями и саблями, какъ овцы. Вѣроятно, нѣкоторые, подвергшись такому нападенію, пытались спасти свою жизнь и защищались. Многіе разбѣжались во всѣ стороны, но большинство было убито. По наиболѣе правдоподобному подсчету 15,000 было убито и 35 селеній разорено, сравнено съ землей и сожжено. Женщины подвергались насилію и затѣмъ умерщвлялись; одинъ священникъ былъ изрубленъ на крышѣ своей церкви; молодыхъ людей клали на кучи дровъ, пропитанныхъ керосиномъ, и поджигали; значительное число женщинъ и дѣвушекъ сгонялись въ церкви, гдѣ ихъ держали нѣсколько дней, подвергая насилію грубыхъ солдатъ, и затѣмъ предавали смерти. Говорятъ, число этихъ жертвъ было такъ велико, что кровь текла изъ церковной двери.

Всѣ усилія употреблялись и будутъ употребляться, чтобъ извратить факты (извинить крайности, которыя являются, между тѣмъ, характерными чертами этой ужасной исторіи) и отвести глаза европейскимъ правительствамъ. Но, въ концѣ-концовъ, кровавая повѣсть получитъ извѣстность,—повѣсть, какъ мнѣ кажется, *самая ужасная изъ всѣхъ*, которыя зналъ XIX вѣкъ. Въ подтвержденіе изложеннаго можетъ служить слѣдующее: на-дняхъ нѣсколько сотъ солдатъ возвращались съ мѣста дѣйствія, и одинъ изъ нихъ разсказывалъ въ сосѣдней съ нами деревнѣ, что ему одному пришлось убить 30 беременныхъ женщинъ. Нѣкоторые изъ солдатъ, повидимому, стыдившіеся своихъ позорныхъ дѣяній, говорили: «Что мы могли сдѣлать?—мы дѣйствовали по приказанію».

Позднѣйшее письмо изъ того же мѣста, какъ и предъидущее. Показаніе солдата регулярной арміи, помогавшаго убирать мертвыхъ:

Е... 17 декабря 1894 г.

Солдаты, отправлявшіеся на мѣсто дѣйствія отсюда, говорятъ совершенно свободно о томъ, что происходило въ Сасунѣ. А. слышалъ на-дняхъ одинъ изъ такихъ разсказовъ. Солдатъ говорилъ, что избіеніе было почти окончено, прежде чѣмъ прибыли войска, высланныя изъ Е. Во время разгрома происходили сильные грабежи,—похищались стада, табуны, домашнее имущество и проч., но главное дѣло упомянутыхъ войскъ заключалось въ уборкѣ грудъ и грудъ убитыхъ армянъ. Зловоніе было ужасное. Трупы клались въ опустѣвшіе дома и вмѣстѣ съ послѣдними сжигались. Солдаты разсказываютъ, что разрушеніе производилось гамидіэ, т.-е. недавно организованными курдскими полками. Эти полки представляютъ теперь одинъ изъ главныхъ элементовъ опасности для страны.

Изъ города, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста происшествія:

Б... 22 декабря 1894 г.

Вы можете вѣрить почти всему, что передаютъ газеты относительно горной мѣстности на западъ отъ Муша. Я писалъ вамъ, чтобы сообщить нѣкоторыя болѣе провѣренныя подробности. Надѣюсь, письмо дошло до васъ. Я передаю здѣсь главное содержаніе его. Въ августѣ было объяснено, что армяне находятся въ состояніи мятежа. Регулярныя войска и гамидіэ получили приказъ выступить на мѣсто дѣйствія. Изъ Константинополя было приказано подавить возстаніе. Въ дѣло пущены были какъ регулярныя войска, такъ и гамидіэ. Рѣзня началась во второй половинѣ августа, именно около 18 числа, и продолжалась, приблизительно, до 10 сентября. Достовѣрный подсчетъ опредѣляетъ число жертвъ около 4,000, не менѣе 3,500 и по всей вѣроятности болѣе 4,000.

Мужчины, женщины и дѣти умерщвлялись самымъ варварскимъ способомъ, неописуемыя звѣрства производились надъ всѣми. Люди прокалывались штыками и раненые сжигались и засыпались въ землю; женщины под-

вергались насилію и затѣмъ умерщвлялись штыками или саблями; беременнымъ женщинамъ распарывали животы; малолѣтніе и дѣти насаживались на штыки и убивались саблями; дома предавались пламени и люди ввергались въ огонь.

Неизъяснимый ужасъ этихъ трехъ недѣль долженъ былъ многихъ свести съ ума. Разсказываютъ, что одинъ солдатъ нашелъ красиваго ребенка и, тронутый состраданіемъ, хотѣлъ спасти его. Мать нашли въ толпѣ бѣдныхъ женщинъ, но она находилась уже въ состояніи безумія; хотя несчастная призывала своихъ дѣтей, она не узнала ребенка и солдатъ убилъ его.

Турецкая администрація употребляла всѣ усилія помѣшать слѣдственной европейской коммиссіи и подготовить страну для слѣдствія путемъ освобожденія изъ тюремъ невинныхъ людей.

В... 29 декабря 1894 г.

Битлисскій губернаторъ требуетъ установленія кордона вокругъ Муша, потому что тамъ холера. Такимъ образомъ, консульская коммиссія отсрочивается. Турецкая коммиссія въ настоящее время въ Мушѣ. Только президентъ ея отставленъ. Между тѣмъ, бѣглецы изъ Сасуна разсѣялись по странѣ, прося подаянія. Ихъ разсказы вмѣстѣ съ разсказами солдатъ подтверждаютъ самыя ужасныя сообщенія о жестокостяхъ, производившихся надъ армянами.

При этомъ нужно помнить, что то же самое въ меньшемъ размѣрѣ происходитъ во всей странѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ 36 человѣкъ были выпущены изъ Б....ской тюрьмы, въ которой они просидѣли 3 года и 3 мѣсяца. Нѣсколько болѣе 3 лѣтъ тому назадъ 3 армянина были убиты самымъ жестокимъ способомъ въ Нарманскомъ округѣ, на сѣверъ отъ города Нармана и недалеко отъ русской границы. Къ слѣдствію привлечены были нѣсколько турокъ, которыхъ затѣмъ отпустили. Черезъ нѣкоторый промежутокъ времени были убиты и изуродованы три турка,—убійство совершено было очевидно изъ мести. Тогда всѣ взрослые жители двухъ селеній, въ числѣ 62 человѣкъ, были заключены въ тюрьму. Нѣкоторыхъ изъ нихъ приговорили къ смерти, другихъ—къ пожизненному заключенію, остальныхъ—къ заключенію на разные сроки. Часть этихъ лицъ, кажется, 15 человѣкъ, умерла въ тюрьмѣ. 36 были выпущены на-дняхъ, а 11 человѣкъ до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ. Всѣ они испытали страшныя страданія въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ.

Въ какомъ состояніи освобожденные теперь найдутъ свои дома? Почти несомнѣнно, что никто изъ нихъ ничего не зналъ объ убійствѣ и не имѣлъ къ нему никакого отношенія. Говорятъ, что убійца хорошо извѣстенъ и находится въ Россіи. Этотъ случай—сасунская исторія въ меньшемъ видѣ.

Ради Бога, не давайте общественной совѣсти снова забыть объ этомъ царствѣ ужаса. Страна находится почти въ оцѣпенѣніи отъ ужаса и страха.

Еще документъ:

А... 7 января 1895 г.

Важность настоящаго кризиса все болѣе и болѣе выростаетъ въ моихъ глазахъ. Во-первыхъ, Турція готовится къ страшной катастрофѣ, подавляя армянъ и вооружая мусульманское населеніе въ Сивасѣ, Алеппо, Кастамуни и другихъ провинціяхъ; во-вторыхъ, гнетъ усиливается всюду, за исключеніемъ трехъ провинцій, въ которыхъ коммиссія начинаетъ слѣдствіе.

Въ Ванѣ и Битлисѣ аресты и застращиванье свидѣтелей продолжались вплоть до пріѣзда туда слѣдственной коммиссіи. Тогда былъ данъ приказъ остановиться, и теперь эти провинціи обнаруживаютъ первые признаки спокойствія, котораго они не знали въ теченіе 3 лѣтъ.

Эта политика постоянной рѣзни и насилій находитъ благопріятную почву въ глубокомъ невѣжествѣ, господствующемъ всюду относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Турціи. Полагаютъ, что сасунскій разгромъ нѣчто исключительное и что поэтому нѣтъ основанія для европейскаго вмѣшательства въ турецкія дѣла ради интересовъ христіанъ. Необходимо ввести во всеобщее сознаніе, что Турція поставила своею цѣлью *истребленіе* христіанъ *во всей имперіи* и что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она проводитъ эту политику. Въ виду этого, если бы даже и не произошло послѣдняго разгрома, обязанность Европы не дать Турціи играть роль антихриста, все-таки, были бы очевидна.

Б... 25 января 1895 г.

Отъ 8 до 10 тысячъ смертей, кажется, не мало, но способы убійствъ не поддаются описанію. Нѣкоторые были посажены на колъ, другіе заживо похоронены, третьи сожжены въ домахъ при помощи керосина; беременнымъ женщинамъ распарывали животы, дѣтей поднимали за волосы и отсѣкали имъ головы, какъ будто это были никуда негодные чурбаны, сотни женщинъ подвергались изнасилованью со стороны грубыхъ солдатъ и затѣмъ были убиты.

Слѣдующее письмо написано въ Соединенныхъ Штатахъ лицомъ, проведшимъ годы въ самомъ центрѣ несчастной страны:

Нью-Йоркъ, 25 января 1895 г.

До мая мѣсяца 1894 г., когда я покинулъ Ванъ, все христіанское населеніе этой мѣстности находилось просто въ оцѣпенѣніи отъ ужаса; но среди армянъ не было никакихъ проявленій революціоннаго броженія. Если бы подготовлялось возстаніе, то, конечно, признаки этого можно было бы скорѣе всего замѣтить въ вилайетахъ (провинціяхъ) Вана и Битлиса, гдѣ возбужденіе наиболѣе сильно.

Получено еще много другихъ писемъ, не заключающихъ въ себѣ никакихъ новыхъ фактовъ, но подтверждающихъ во всѣхъ подробностяхъ

то, что̀ сообщено здѣсь. Извлеченія изъ нихъ не прибавили бы ничего къ сказанному.

Многіе, не сдѣлавшіе никакихъ сообщеній, но знающіе, что подобныя сообщенія были сдѣланы другими, говорятъ: «Вы вполнѣ можете вѣрить всему этому и даже большему, потому что страшныя подробности, о которыхъ передаютъ, становятся все ужаснѣе и ужаснѣе». «Никакіе разсказы объ этомъ чудовищномъ событіи не могутъ быть преувеличены» и т. д., и т. д.

Приводимъ извлеченіе изъ письма, присланнаго изъ одного города въ провинціи Эрзерумъ. Это—письменное свидѣтельство чистой и благородной христіанки, являющейся только одной изъ сотенъ, дѣлающихся жертвами мусульманъ. Письмо предназначалось для любимаго учителя бѣдной жертвы. Пусть Богъ и читатель судятъ,—говоритъ Гринъ,—дурно ли поступаю я, печатая его. Помните, что въ Сасунѣ царитъ молчаніе смерти, а въ другихъ мѣстностяхъ ужасъ сковываетъ языки. Письмо помѣчено 4 ноября 1894 г. с. ст., т.-е. 16 ноября. Оно краснорѣчиво своимъ паѳосомъ отчаянія и характерно для состоянія страны, въ которой подобные факты составляютъ обычныя явленія и борьба противъ нихъ безнадежна.

Ж... 4 ноября 1894 г.

Я умоляю и настоятельно прошу васъ вспомнить объ одной изъ вашихъ бывшихъ ученицъ и услышать мой вопль о сочувствіи и защитѣ. Я опозорена. О, горе мнѣ, вѣчное страданіе и печаль моему молодому сердцу! Его зовутъ Г—бей; онъ сынъ каймакама (мѣстнаго турецкаго начальника, живущаго въ селеніи). Случилось это вечеромъ между 6-ю и 7-ю часами. Я занята была своимъ домашнимъ дѣломъ и едва вышла за порогъ, какъ внезапно была схвачена четырьмя людьми. Они заглушили мои крики и грозили моей жизни и силой повели меня въ чужой домъ. О, какіе черные часы протекли для меня, пока снова показался дивный свѣтъ солнца! Хотя эти строки написаны чернилами, но, вѣрьте мнѣ, онѣ написаны кровью и слезами.

Нижеслѣдующее письмо прислано изъ совершенно другой части Турціи, а не той, откуда предшествующія письма. Эта мѣстность расположена въ значительномъ отдаленіи отъ разгрома и, тѣмъ не менѣе, находится въ такихъ условіяхъ, которыя должны быть признаны удручающими. Авторъ не американецъ и не уроженецъ Турціи; онъ провелъ нѣсколько лѣтъ в этой странѣ, и его имя, если бы мы могли назвать его, служило бы пол ною гарантіей достовѣрности сдѣланнаго мнѣ сообщенія.

Г... 11 января 1895 г.

Эти кордоны и карантинъ, въ связи съ чрезвычайными мѣрами предосто рожности, принятыми со стороны турокъ, которые до того времени был совершенно неподвижны, будто бы въ виду холеры, находившейся пок еще очень далеко и въ совершенно другой сторонѣ, представляли д

всѣхъ нѣчто таинственное, хотя всякій зналъ, что предлогъ, выставлявшійся для этихъ мѣръ, не былъ истинною причиной. Теперь, когда пришли извѣстія изъ Муша, тайна цѣлаго ряда кордоновъ между здѣшнею мѣстностью и Харпутомъ (Hagroot) объяснилась. Существуетъ серьезное основаніе предполагать, что мѣстныя власти задумали всеобщее избіеніе или рядъ избіеній христіанскаго населенія. Мало вѣроятія, чтобъ опредѣленное приказаніе въ этомъ смыслѣ было дано изъ столицы, но цѣлый рядъ недавнихъ событій показываетъ, что нескончаемыя преслѣдованія и угнетеніе христіанъ и вообще способы, къ которымъ прибѣгали раньше, чтобы сокрушить христіанское населеніе, признаны теперь недостаточными. Всюду власти обнаруживаютъ теперь дѣятельность, бдительность и энергію въ своемъ стремленіи окружить христіанъ и уничтожить ихъ имя и существованіе. Это указываетъ на возникновеніе новаго плана, который предполагается привести въ исполненіе въ возможно скоромъ времени. Горе злополучнымъ христіанамъ, остающимся еще въ этой странѣ, если только европейскія и американское правительства не обратятъ вниманія на послѣднія событія въ Турціи! Въ такомъ случаѣ, христіанскіе народы, не принимая участія въ томъ, что, безъ сомнѣнія, рано или поздно послѣдуетъ, будутъ нести часть вины за пролитіе крови своихъ единовѣрцевъ...

Другой случай, къ которому я имѣлъ отношеніе, получилъ такой же исходъ. Послѣднею весной одна женщина, протестантка въ И., подверглась нападенію со стороны трехъ турокъ и была изнасилована. Ихъ судили въ Ф. и признали виновными; но гнусный судъ въ С., подъ вліяніемъ еще болѣе гнуснаго мутесарифа (губернатора), пересмотрѣлъ дѣло, отмѣнилъ рѣшеніе и оправдалъ виновныхъ. Никакого исхода не существуетъ. Нельзя апеллировать. Единственное, что можно было бы сдѣлать, это—преслѣдовать С-скій судъ, но при настоящемъ положеніи вещей такой актъ былъ бы совершенно безполезенъ. Результатомъ подобныхъ условій должно быть то, что преступленія указаннаго характера будутъ повторяться все чаще и чаще, потому что преступники поощряются безнаказанностью своихъ дѣйствій.

Правительство какъ будто смотритъ въ настоящее время съ особенною подозрительностью на Г. «Вали» (генералъ-губернаторъ) утверждаетъ, что здѣсь существуютъ тайныя общества. Я сказалъ ему, что теперь въ Г. нѣтъ ничего подобнаго. Несчастные жители боятся открыть ротъ или выходить изъ своихъ домовъ. Вы съ трудомъ можете представить себѣ, какія перемѣны произошли въ населеніи въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Ужасъ и недоумѣніе такъ овладѣли жителями, что обнаруживаются даже въ ихъ манерахъ. На-дняхъ здѣсь было отобрано у населенія всякое оружіе.

«Каймакамъ» (мѣстный начальникъ) и офицеры производятъ каждую ночь обходы по улицамъ и по дорогѣ въ К. Офицеры и солдаты пытались вовлечь христіанъ въ ссору, но это имъ до сихъ поръ не удавалось. Ночью на этой недѣлѣ «коммиссаръ» (начальникъ полиціи) безъ всякаго повода выстрѣлилъ три раза въ одного христіанина, но послѣдній не оказалъ никакого сопротивленія. Мусульманскіе офицеры захватываютъ имущество

христіанъ и поступаютъ по своему произволу, не сообразуясь ни съ закономъ, ни со справедливостью...

Церковь и школа въ О. закрыты и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ жителямъ не позволяли собираться для богослуженія. Имъ запрещаютъ даже совершать молитвы у себя на дому.

Въ заключеніе обзора данныхъ о рѣзнѣ въ Сасунѣ, Гринъ отмѣчаетъ, что исторіи Турціи за одно нынѣшнее столѣтіе пять болѣе крупныхъ случаевъ рѣзни, имѣвшихъ цѣлью, придравшись къ ничтожному поводу *разрѣдить* ряды увеличивавшагося христіанскаго населенія. Вотъ общее количество.

Безоружныхъ подданныхъ христіанъ, умерщвленныхъ въ Турціи въ періодъ отъ 1820 по 1894 г.:

Въ 1822	г.	греки, особенно въ Хіосѣ	50,000
» 1850	»	несторіанцы и армяне въ Курдистанѣ . .	10,000
» 1860	»	марониты и сирійцы въ Ливанѣ и Дамаскѣ .	11,000
» 1876	»	болгары въ Болгаріи	10,000
» 1894	»	армяне въ Арменіи, Сасунѣ	12,000
		Итого . . .	93,000

Приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы признать въ высшей степени справедливымъ образъ дѣйствія русской, англійской и французской дипломатіи, потребовавшей у Турціи прекращенія мусульманскихъ звѣрствъ.

Z.

Очерки провинціальной жизни.

Недавно изданъ отчетъ попечителя кіевскаго учебнаго округа о состояніи дѣла народныхъ школъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій, и въ двухъ земскихъ губерніяхъ, въ Черниговской и Полтавской. Отчетъ этотъ еще лишній разъ свидѣтельствуетъ, что земскія губерніи рѣшительно по всѣмъ пунктамъ побиваютъ дореформенныя въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго просвѣщенія. Въ то время, какъ въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края къ 1 января 1895 г. имѣлось всего лишь 793 народныхъ училища, въ Черниговской и Полтавской ихъ было 1,322; въ теченіе года общее число училищъ увеличилось въ юго-западномъ краѣ на 4, а въ двухъ земскихъ губерніяхъ—на 23. Открывались здѣсь новыя училища по почину земствъ, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ. Въ губерніяхъ юго-западнаго края одно народное училище приходится на 11,417 жителей; въ Черниговской губерніи одно училище приходтся на 3,449 жителей, въ Полтавской—на 3,844. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе также и то обстоятельство, что при числѣ школъ въ губерніяхъ юго-западнаго края чуть не вдвое меньшемъ, чѣмъ въ двухъ земскихъ губерніяхъ, и при менѣе удовлетворительномъ ихъ состояніи, израсходованная на содержаніе ихъ сумма не достигаетъ расхода земскихъ губерній лишь на 59 тысячъ рублей. Читатель согласится, что цифры эти весьма краснорѣчивы.

Рядомъ съ этимъ отчетъ отмѣчаетъ еще одну важную сторону въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, а именно затрудненія, которыя встрѣчаетъ распространеніе народныхъ школъ со стороны епархіальнаго начальства. Отчетъ указываетъ, что нерѣдко все бываетъ готово къ устройству министерскаго училища, но епархіальное начальство не даетъ согласія на открытіе училища и дѣло это не осуществляется. Вмѣсто солидарной работы для умноженія количества школъ и улучшенія ихъ качества, вѣдомства спорятъ между собою, дѣлаютъ затрудненія и въ итогѣ—школы нѣтъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ *Недѣля*, что если, при наличныхъ условіяхъ, нельзя разсчитывать на полную солидарность въ учебномъ дѣлѣ свѣтскаго и духовнаго вѣдомствъ, то слѣдовало бы хотя установить здѣсь

взаимное непрепятствованіе. Односторонніе защитники церковныхъ школъ,—продолжаетъ газета,—ввели, какъ извѣстно, въ обычай совершенно нежелательные полемическіе пріемы. Поддержкѣ земскихъ и другихъ, такъ называемыхъ, свѣтскихъ училищъ они часто стараются приписывать какіе-то противуцерковные мотивы, стремленіе ослабить религіозный характеръ обученія, вообще стараются набросить на своихъ противниковъ какую-то тѣнь неблагонадежности. Но подобныя утвержденія совершенно произвольны. Сторонники свѣтскихъ школъ, во всякомъ случаѣ, друзья народнаго образованія и въ разсчетъ ихъ не можетъ входить устраненіе церковной школы только изъ-за того, что она церковная. Они не могутъ не радоваться каждому добавочному средству народнаго образованія. Если въ сосѣдствѣ съ земскимъ или министерскимъ училищемъ устроится еще церковное,—выгода, съ ихъ точки зрѣнія, представляется уже въ томъ, что, вмѣсто одного училища, будутъ два. Много ли, мало ли добавитъ пользы лишняя школа, но, во всякомъ случаѣ, добавитъ, а не убавитъ. Весь интересъ ихъ лишь въ томъ, чтобы ученье было дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ, и шло возможно успѣшнѣе. Расположеніе къ свѣтской школѣ тутъ просто объясняется тѣмъ, что въ ней ученье у всѣхъ на виду, подвергается достаточному контролю, обставлено большими гарантіями и результаты его сказываются нагляднѣе. Какъ не стоять за то обученіе, дѣйствительность котораго внѣ всякихъ сомнѣній? Если рядомъ появится церковная школа, обладающая тѣми же качествами, то противъ нея едва ли скажетъ слово хотя бы одинъ сторонникъ свѣтскаго училища. Но, разумѣется, они говорятъ иначе, когда церковную школу предлагаютъ не вдобавокъ, а *взамѣнъ* земской или министерской, такъ какъ тутъ послѣдняя устраняется навѣрно, а что явится вмѣсто нея—остается неяснымъ, проблематическимъ.

Тому же предмету посвящаетъ въ послѣдней почтѣ статью *Нижегородскій Листокъ*. Указывая на фактъ весьма частыхъ сообщеній въ провинціальной прессѣ о существованіи антагонизма между земскими и церковно-приходскими школами, газета справедливо замѣчаетъ, что такой антагонизмъ не только тормазитъ дальнѣйшее развитіе школьнаго дѣла, но прямо вредитъ ему, калѣчитъ его. Земская школа,—говоритъ газета,—есть результатъ неусыпныхъ земскихъ трудовъ; она выработала цѣлую систему начальнаго образованія, внесла въ него бодрый духъ общественной иниціативы и можетъ служить теперь образцомъ для младшей сестры своей—церковно-приходской школы. Послѣдней, чтобы стоять на высотѣ своихъ задачъ, волей-неволей приходится идти на выучку и заимствовать изъ опыта земскихъ школъ все необходимое для правильной постановки своего дѣла. И въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дѣйствительно, имѣютъ мѣсто подобнаго рода отношенія церковно-приходской школы къ земской. Такъ, недавно сообщалось въ самарскихъ газетахъ, что мѣстное епархіальное начальство организовало курсы для вольно-наемныхъ учителей церковно-приходскихъ школъ и пригласило для руководства ими учителей городскихъ и земскихъ школъ.

Это доказываетъ, что учрежденіе, стоящее во главѣ духовныхъ школъ, ясно сознаетъ всѣ преимущества земской школы и беретъ ее себѣ за образецъ. Однако, этого сознанія, и то лишь въ области практики педагогическихъ пріемовъ, конечно, далеко не достаточно. Церковно-приходскія школы ставятъ себѣ слишкомъ исключительныя задачи и выполняютъ ихъ при помощи также слишкомъ исключительной программы. Общеобразовательныя цѣли не привлекаютъ вниманія этихъ школъ, и идеаломъ ихъ является обученіе учащихся псалтыри.

Какъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія земскія губерніи оставили далеко позади себя губерніи не-земскія, такъ равно онѣ опередили вторыя и въ другихъ сферахъ мѣстныхъ нуждъ: въ организаціи медицинской помощи населенію, въ распространеніи среди крестьянства агрономическихъ знаній, въ устройствѣ страхового дѣла, въ организаціи общественнаго призрѣнія. Какъ благотворно отразилось у насъ начало самоуправленія на ходѣ общественныхъ дѣлъ, объ этомъ, между прочимъ, наглядно свидѣтельствуетъ изданная недавно коммиссіей по пересмотру законовъ объ общественномъ призрѣніи брошюра, содержащая въ себѣ данныя о состояніи общественнаго призрѣнія въ Россіи. Данныя касаются 28 земскихъ губерній и 16 губерній, не имѣющихъ земскихъ учрежденій. Въ дореформенное время,—читаемъ въ брошюрѣ,—на одну губернію приходилось 9,5 больницъ, а одинъ домъ умалишенныхъ существовалъ почти на полторы губерніи. Какъ ни ничтожно было число этихъ учрежденій, тѣмъ не менѣе, оно еще уменьшилось въ 16 не-земскихъ губерніяхъ. Въ нихъ въ девяностыхъ годахъ на губернію приходится только около 7,4 больницъ, одинъ домъ умалишенныхъ оказывается учрежденнымъ чуть не на двѣ губерніи. Затѣмъ богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ въ шестидесятыхъ годахъ числилось на губернію въ среднемъ по 2, теперь же въ не-земскихъ губерніяхъ на каждую изъ нихъ приходится 1,86 такихъ заведеній. Одинъ сиротскій или воспитательный домъ приходился въ дореформенное время на 1,2 губ., теперь же приказы общественнаго призрѣнія имѣютъ одно такое учрежденіе на 2,5 губерніи. Очевидное изъ этихъ данныхъ уменьшеніе числа благотворительныхъ учрежденій въ не-земскихъ губерніяхъ служитъ, по совершенно справедливому утвержденію брошюры, «самымъ яснымъ и опредѣленнымъ указаніемъ на полную несостоятельность веденія этого дѣла безъ участія въ немъ общественныхъ силъ», а лишь при посредствѣ однихъ чиновниковъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Какъ велико значеніе самоуправленія въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія, видно, между прочимъ, изъ того, что въ земскихъ губерніяхъ число больницъ за послѣднія 30 лѣтъ почти утроилось и возросло въ среднемъ до 26,6 на губернію. Домъ умалишенныхъ приходится уже не на полторы губерніи, а почти каждая имѣетъ два такихъ заведенія. Число богадѣленъ и инвалидныхъ домовъ увеличилось почти въ 5 разъ: вмѣсто двухъ богадѣленъ на одну губернію, теперь ихъ насчитываютъ до 9,8. Сиротскихъ и воспитательныхъ домовъ приходится по 2 на губернію, тогда какъ въ дорефор-

менное время одинъ такой домъ существовалъ на 1,2 губернію. Кромѣ того, земскія и городскія учрежденія оживили дѣятельность населенія и общими силами установили цѣлый рядъ новыхъ видовъ благотворительной помощи и учредили новыя заведенія для призрѣнія бѣдныхъ. Установивъ тотъ фактъ, что въ не-земскихъ губерніяхъ слабо развита городская и частная благотворительность, тогда какъ въ земскихъ она сдѣлала большіе успѣхи, брошюра выясняетъ, что это обстоятельство находится въ тѣсной связи съ тѣмъ общимъ повышеніемъ во всемъ населеніи общественной самодѣятельности, которое является прямымъ слѣдствіемъ земскаго самоуправленія. Повысивъ въ населеніи интересъ къ общественнымъ дѣламъ и живымъ примѣромъ подтвердивъ важность участія въ нихъ общественныхъ силъ, земское самоуправленіе однимъ фактомъ своего существованія вызвало населеніе къ самодѣятельности и къ иниціативѣ въ дѣлахъ, по привычкѣ считавшихся въ не-земскихъ губерніяхъ «предметомъ вѣдѣнія» приказовъ и другихъ казенныхъ учрежденій.

Много усилій затрачиваетъ земство также на дѣло поднятія экономическаго состоянія крестьянства. Но здѣсь, какъ мы уже не разъ указывали, результаты далеко не соотвѣтствуютъ усиліямъ. Обозрѣвая въ ноябрьской книжкѣ за прошлый годъ двадцатипятилѣтнюю дѣятельность полтавскаго земства, мы видѣли, какихъ большихъ результатовъ достигло это земство въ области народнаго образованія, въ дѣлѣ медицинской организаціи, въ устройствѣ путей сообщенія и въ страховомъ дѣлѣ. Здѣсь въ четверть вѣка полтавское земство съумѣло сдѣлать то, чего не дали мѣстному населенію цѣлыя столѣтія. И, рядомъ съ этимъ, какъ печальны результаты работы того же земства въ области экономической! А, между тѣмъ, какъ читатель видѣлъ, на борьбу съ экономическими недугами, на заботы объ обезпеченіи народнаго продовольствія, на развитіе матеріальнаго благосостоянія населенія полтавскимъ земствомъ затрачено еще больше усилій, чѣмъ на перечисленныя выше области народнаго благоустройства. Ни въ одной сферѣ своей дѣятельности полтавское земство не возбуждало и не обсуждало столько вопросовъ, не предпринимало такого значительнаго количества мѣропріятій, какъ въ сферѣ экономической. Цѣлая система мѣръ была выработана земствомъ для улучшенія экономическаго положенія населенія. Отправляясь отъ точнаго знанія быта и нуждъ населенія, земская мысль работала: надъ улучшеніемъ организаціи продовольственнаго дѣла, надъ устройствомъ мелкаго сельскаго кредита, надъ учрежденіемъ банка, облегчающаго малоземельнымъ крестьянамъ пріобрѣтеніе земли, надъ устраненіемъ цѣлой кучи посредниковъ въ торговлѣ хлѣбомъ, надъ упорядоченіемъ провоза хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ, надъ усовершенствованіемъ ремесленной и кустарной промышленностей путемъ устройства профессіональныхъ школъ, надъ упорядоченіемъ массоваго движенія рабочихъ на заработки въ южныя и юго-восточныя губерніи, надъ поднятіемъ интензивности земледѣльческаго труда путемъ устройства опытныхъ полей, складовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, надъ устраненіемъ

законодательныхъ мѣръ, препятствующихъ развитію табаководства, надъ мѣрами къ развитію лѣсонасажденій, имѣющихъ огромное значеніе въ экономическомъ и климатическомъ отношеніяхъ въ такой безлѣсной губерніи, какъ Полтавская, надъ мѣрами къ развитію мѣстнаго скотоводства, коневодства, овцеводства и еще надъ многими другими задачами. Такъ многообразна была экономическая дѣятельность полтавскаго земства. И вотъ эта многообразная, устойчивая и, надо сказать, умѣлая работа земства, все-таки, не достигла того, чтобы улучшить экономическое положеніе мѣстнаго сельскаго населенія. Результаты, полученные здѣсь земствомъ, не стоятъ въ соотвѣтствіи съ затраченными имъ усиліями. И это признало само земство еще до наступленія даже «голодныхъ годовъ». «Несмотря на многочисленныя мѣропріятія въ экономической области,—говорится въ одномъ изъ докладовъ губернской управы,—Полтавская губернія сдѣлала мало успѣховъ, а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности даже значительно пошла назадъ. Въ земледѣліи, за самыми немногими исключеніями, господствуетъ и теперь, какъ и прежде, безсистемное хозяйство, совершенно источающее землю, и практикуются первобытные способы обработки полей. Сельско-хозяйственная промышленность, говоря вообще, не только не поднялась въ теченіе этого времени, но во многихъ случаяхъ даже упала. Скотоводство и коневодство также падаютъ и давно уже потеряли свое прежнее значеніе. Табаководство, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ въ прежнее время очень распространенное и дававшее значительные доходы, теперь находится въ высшей степени упадка и во многихъ мѣстахъ даже совершенно прекратилось. Городскіе и сельскіе ремесленные промыслы, а также кустарная промышленность скорѣе обнаруживаютъ попятное движеніе, чѣмъ прогрессъ; изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ показало, что экономическое положеніе мѣстныхъ кустарей стоитъ даже ниже, чѣмъ у земледѣльческой части населенія. Изслѣдованіями констатировано также, что почти во всѣхъ отрасляхъ кустарнаго промысла замѣчается упадокъ техники и уменьшеніе заработковъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. А, между тѣмъ, взамѣнъ упавшихъ или исчезнувшихъ отраслей мѣстной промышленности на смѣну имъ новыхъ почти не появилось».

Главная причина такого печальнаго экономическаго положенія населенія въ Полтавской губерніи, какъ и во многихъ другихъ, заключается въ *малоземельѣ* крестьянъ. Земство не имѣетъ средствъ устранить эту коренную причину, а неустраненіе коренной причины парализуетъ въ значительной степени всѣ усилія, всѣ многообразныя мѣропріятія земства къ поднятію матеріальнаго благосостоянія населенія. Одной изъ важныхъ заботъ земства является повышеніе производительности почвы, усовершенствованіе земледѣльческой культуры; но огромное большинство крестьянъ не имѣетъ средствъ для улучшенія своего сельскаго хозяйства, имъ «нечѣмъ взяться», и вотъ, въ результатѣ своей неустанной работы на пользу населенія, земство должно признать, что результаты его экономической дѣятельности незначительны, что въ земледѣліи, за самыми немногими исклю-

ченіями, господствуетъ и теперь, какъ прежде, примитивное, истощающее землю хозяйство.

Достаточное по мѣстнымъ условіямъ количество земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ является, разумѣется, однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ для образованія въ крестьянскихъ рукахъ средствъ къ улучшенію земледѣльческаго промысла. Но столь же понятно, что одна достаточность землевладѣнія не гарантируетъ еще возможности сельско-хозяйственнаго прогресса. Не будетъ двигаться впередъ сельское хозяйство народа, если податная система беретъ у крестьянской массы значительную часть ея дохода; не будетъ двигаться сельско-хозяйственный промыселъ или будетъ двигаться очень медленно, если не будетъ организовано въ достаточныхъ размѣрахъ распространеніе въ народѣ сельско-хозяйственныхъ знаній. Вотъ именно всѣ эти условія и имѣются въ настоящее время у насъ налицо. Вслѣдствіе этого даже въ губерніяхъ съ достаточнымъ размѣромъ крестьянскаго землевладѣнія сельское хозяйство пребываетъ въ примитивномъ состояніи, почва истощается и экономическое положеніе населенія не представляется обезпеченнымъ.

Все болѣе и болѣе распространяется сознаніе, что причины разстроеннаго состоянія крестьянскаго хозяйства коренятся не въ случайныхъ или временныхъ факторахъ, каковыми являются неурожаи, низкія цѣны на хлѣбъ и т. п., а въ постоянныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится отечественное земледѣліе. Такое чрезвычайное бѣдствіе, какъ неурожай 1891 года, только усилило тяжесть положенія въ пораженныхъ имъ мѣстностяхъ, но не создавало ничего по существу новаго, чего бы не замѣчалось въ сосѣднихъ губерніяхъ, незатронутыхъ имъ.

Не имѣя возможности, по недостатку средствъ, производить земледѣльческія улучшенія, требуемыя возростающею потребностью въ пищѣ, крестьянское населеніе испытываетъ повсемѣстно тяготу отъ земельной тѣсноты. Земельная тѣснота давитъ населеніе даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Херсонская. Не такъ еще давно,—читаемъ въ *Одесскомъ Листкѣ*,—херсонскія степи славились своимъ привольемъ и просторомъ. Густая трава, въ ростъ человѣка, покрывала обширныя новороссійскія степи, и въ ней свободно скрывались табуны дикихъ лошадей. Но все это миновало, и миновало безвозвратно. Заселеніе края шло быстрыми шагами, а съ нимъ вмѣстѣ все болѣе сокращалась свободная, не занятая земельная площадь. Еще сильнѣе дѣйствовали въ томъ же направленіи измѣненія въ условіяхъ владѣнія и пользованія землею. Уже до освобожденія крестьянъ размѣры крестьянскаго землевладѣнія далеко не соотвѣтствовали ихъ потребностямъ. Крестьянское населеніе Херсонской губерніи передъ реформой дѣлилось на слѣдующіе три разряда: южные военные поселяне, государственные крестьяне и помѣщичьи крестьяне. Въ среднемъ на 1 душу обоего пола приходилось земли: въ группѣ южныхъ военныхъ поселянъ 4 дес., помѣщичьихъ крестьянъ 2 дес., государственныхъ крестьянъ 4,8 дес. Слѣдовательно, передъ реформой въ распоряженіи крестьянъ, принадлежавшихъ казнѣ и

составлявшихъ 53,7 проц. крестьянскаго населенія, находилось 71,2 проц. крестьянской земли, т.-е. почти три четверти всѣхъ земель, бывшихъ въ пользованіи крестьянъ, такъ какъ у крестьянъ помѣщичьихъ, составлявшихъ 46,3 проц. крестьянскаго населенія, было только 28,8 проц., т.-е. немногимъ болѣе четверти этихъ земель.

Такимъ образомъ, уже до освобожденія далеко не всѣ группы крестьянскаго населенія пользовались тогдашнимъ земельнымъ просторомъ. Для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этотъ просторъ оказывался недоступнымъ. Правда, общее количество свободныхъ земель было весьма значительно, но крестьяне, по условіямъ крѣпостного права, не могли имъ воспользоваться. Крестьянская реформа и значительный приростъ крестьянскаго населенія за послѣднія тридцать лѣтъ еще болѣе сократили размѣры крестьянскаго землевладѣнія. Хотя нормы, установленныя крестьянскою реформой для надѣленія землею, должны были выражать то среднее количество земли, которымъ крестьяне пользовались до 1861 года, но цѣлый рядъ ограниченій и изъятій изъ этого правила привелъ къ тому, что размѣры крестьянскаго землевладѣнія значительно сократились. Если сравнить составъ населенія и размѣры землевладѣнія по группамъ крестьянъ во время ревизіи 1858 г. и черезъ тридцать лѣтъ, то станетъ очевиднымъ, въ какой огромной степени увеличилась земельная тѣснота крестьянскаго населенія. Такъ, для группы южныхъ военныхъ поселянъ надѣленность двора и наличность души сократилась почти вдвое. У государственныхъ крестьянъ величина надѣла на наличную душу уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. У помѣщичьихъ крестьянъ, рядомъ съ возросшимъ населеніемъ на $30^1/_2\%$, землевладѣніе уменьшилось на $52^1/_2\%$. За 30 лѣтъ, со времени послѣдней ревизіи въ 1858 г., крестьянское населеніе въ Херсонской губерніи увеличилось съ 692,104 душъ до 1.123,436; землевладѣніе же его, вмѣсто 2.205,501 дес. въ 1858 г., составляло 30 лѣтъ спустя 2.012,511 дес. Уже одинъ этотъ фактъ,—справедливо замѣчаетъ газета,—рисуетъ въ самомъ яркомъ видѣ современную земельную тѣсноту крестьянскаго населенія Херсонской губерніи. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида все увеличивавшейся колонизаціи края иноземными пришельцами, возростанія нѣмецкаго землевладѣнія въ губерніи, которыя еще болѣе оттѣняютъ разсматриваемое явленіе. Конечно, въ губерніи существуетъ также большое количество частновладѣльческихъ земель, но онѣ или обрабатываются средствами самихъ владѣльцевъ, или отдаются въ аренду нерѣдко на весьма тяжелыхъ условіяхъ, распредѣлены далеко неравномѣрно по губерніи и часто нисколько несообразно съ нуждою крестьянъ въ землѣ.

Недавно сотрудникъ *Одесскаго Листка*, Н. Е. Борисовъ, писалъ изъ Александрійскаго уѣзда, что жажда переселеній охватила здѣсь буквально весь народъ. «Тѣсно жить въ Александрійскомъ уѣздѣ!»—восклицаетъ г. Борисовъ. Такія же сообщенія получаются и изъ другихъ уѣздовъ. Вездѣ крестьянское землевладѣніе сильно сократилось. Такъ, въ Александрійскомъ уѣздѣ за 30 лѣтъ, со времени X ревизіи, крестьянское населеніе

увеличилось на 50 проц., землевладѣніе крестьянъ уменьшилось на 15,6 проц.; въ Елизаветградскомъ уѣздѣ населеніе возросло на 70 проц., землевладѣніе уменьшилось на 6,5 проц.; въ Ананьевскомъ населеніе увеличилось на 54,2 проц., землевладѣніе сохранилось на 20,8 проц.; въ Тираспольскомъ населеніе увеличилось на 56 проц., землевладѣніе уменьшилось на 20 проц.; въ Одесскомъ населеніе возросло на 45,5 проц., землевладѣніе сократилось на 14,6 проц.; въ Херсонскомъ уѣздѣ населеніе увеличилось на 81,6 проц., но землевладѣніе возросло только на 7,1 проц. Вообще, въ Херсонской губерніи крестьянское населеніе увеличилось за послѣднія 30 лѣтъ на 431,332 души или на 62%, землевладѣніе же сократилось на 192,989 дес. или на 8,8 проц. И такъ, повсюду, во всей губерніи, стало тѣсно. Народу прибавилось много—земли сильно убавилось. Не мудрено,—замѣчаетъ газета,—что земледѣльцы стремятся «въ Сибирь!», «въ Тоболь!», «на Амуръ!» въ надеждѣ найти тамъ много земли и другія хозяйственныя удобства.

Одинъ изъ важныхъ факторовъ къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа заключается въ распространеніи образованія. Въ этой области, какъ уже сказано, земствомъ сдѣлано много, особенно если принять во вниманіе его скудные бюджеты. Провинціальныя газеты время отъ времени подводятъ итоги дѣятельности по народному образованію то того, то другого земства. Въ послѣдней почтѣ мы нашли такой итогъ для вятскаго земства, напечатанный въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*. Статья, озаглавленная *Что сдѣлало вятское земство въ области народнаго образованія за послѣднее трехлѣтіе*, свидѣтельствуетъ о разносторонней и энергичной дѣятельности этого почти исключительно крестьянскаго земства. До 1891 года вятское губернское земство ассигновало на содержаніе учебныхъ и другихъ воспитательнаго характера заведеній до 47,000 р.; но съ 1892 г. дѣятельность губернскаго земства по народному образованію еще болѣе расширилась. Въ этомъ году принятъ былъ докладъ губернской управы о распространеніи въ народѣ полезныхъ знаній путемъ безплатной раздачи книгъ; для веденія этого дѣла въ первый годъ было ассигновано земствомъ 4,000 руб. Возбужденное земствомъ ходатайство о разрѣшеніи намѣченной мѣры было удовлетворено и въ первый же годъ пріобрѣтено 27,050 экземпляровъ книгъ для распространенія среди учащихся въ земскихъ школахъ. Въ послѣдующіе годы только половина ассигнуемыхъ ежегодно 4,000 р. пришлась на пріобрѣтеніе и раздачу книгъ учащимся, а остальныя средства употреблялись на пріобрѣтеніе книгъ для взрослаго населенія. На такихъ основаніяхъ дѣло ведется до настоящаго времени. Кромѣ этого, въ минувшемъ году вятское земство ассигновало 50,000 руб. на учрежденіе особаго фонда, проценты съ котораго предназначены на покупку духовно-нравственныхъ и практически-полезныхъ книгъ, для безплатной раздачи ихъ населенію Вятской губерніи. Въ томъ же 1892 году, когда впервые были ассигнованы средства на безплатную раздачу книгъ, вятское губернское земство внесло въ смѣту 5,000 р. на устройство при народныхъ шко-

лахъ воскресно-повторительныхъ курсовъ. Курсы эти были учреждены какъ съ цѣлью поддерживать грамотность въ бывшихъ воспитанникахъ школъ, такъ и съ цѣлью продолжать обученіе тѣхъ лицъ, которыя по домашнимъ обстоятельствамъ не могли окончить школьнаго курса. Земскія ассигновки на курсы въ томъ же размѣрѣ продолжались и въ послѣдующіе годы. Въ 1893—1894 учебномъ году учебно-повторительныя занятія велись при 96 школахъ и посѣщались 2,234 учениками и ученицами. Въ слѣдующемъ 1893 году вятское губернское земство ассигновало 2,000 р. на изданіе *Вятской газеты сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной.* Эта газета разсылается безплатно во всѣ сельскія общества, волостныя правленія, земскимъ гласнымъ, школамъ и многимъ другимъ лицамъ и учрежденіямъ. Всего разсылается безплатно до 5,000 экземпляровъ. Изданіе это даетъ крестьянамъ періодически вполнѣ доступный ихъ пониманію матеріалъ по многимъ отраслямъ жизни. Въ 1893 году въ вятскомъ земствѣ былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ при всѣхъ школахъ Вятской губерніи народныхъ чтеній съ туманными картинами. Вслѣдствіе порученія губернскаго собранія, управой былъ представленъ на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія проектъ организаціи подобныхъ чтеній; но, не выжидая особыхъ разрѣшеній, губернская управа выхлопотала разрѣшеніе открыть чтеніе въ г. Вяткѣ и Слободскомъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія—помѣщенія не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ, въ виду чего губернское собраніе ассигновало въ прошломъ году 5,000 р. на организацію чтеній по всѣмъ уѣзднымъ городамъ и при всѣхъ школахъ губерніи. Раньше этого былъ принятъ докладъ объ учрежденіи въ г. Вяткѣ при земской управѣ книжнаго склада для выписки школьныхъ учебниковъ и продажи населенію книгъ и картинъ. На обороты этого склада земствомъ ассигнованъ капиталъ въ 15,000 р. Складъ открытъ въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года и по 1 октября успѣлъ продать 23,945 экземпляровъ книгъ на 6,309 рублей. Послѣднее важное постановленіе вятскаго губернскаго земства въ цѣляхъ народнаго образованія, состоявшееся въ прошломъ году, касается устройства 3,000 маленькихъ библіотечекъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ Вятской губерніи, на что ассигновано 15,000 рублей. Таковы данныя, опредѣляющія разностороннюю дѣятельность земства по развитію народнаго образованія въ вятскомъ краѣ.

Рядомъ съ развитіемъ общаго образованія, вятское земство не менѣе энергично работаетъ для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаній. Повсюду, въ самыхъ глухихъ уголкахъ, имъ устроены «доказательные участки» (на подобіе опытныхъ фермъ), число которыхъ, напримѣръ, достигло только по одному травосѣянію болѣе *двухъ тысячъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ принятъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянамъ пріобрѣтенія улучшенныхъ орудій, сѣмянъ, хорошихъ удобреній, многопольныхъ сѣвооборотовъ и т. п. Для воспособленія кустарной промышленности земствомъ учрежденъ *кустарно-промышленный музей.* Важное значеніе этого музея будетъ понятно для читателя, если онъ знаетъ, что въ Вятской гу-

берніи кустарными промыслами занято до 160,000 человѣкъ при валовомъ годовомъ оборотѣ въ 16.000,000 рублей. Кустарно-промышленный музей, организованный по образцу лучшаго въ Россіи московскаго кустарнаго музея, открываетъ кустарямъ кредитъ, организуетъ сбытъ издѣлій и заботится объ усовершенствованіи техники производства. На обороты музея вятское земство отпустило 30 т. рублей. Благодаря его дѣятельности, кустари получили возможность покупать сырые матеріалы на 50% дешевле прежняго. Почти такой же размѣръ сбереженій достигается и при продажѣ ими своихъ издѣлій. Между тѣмъ, учрежденіе это вовсе не можетъ быть отнесено къ числу благотворительныхъ. Въ первый же годъ оно, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, дало около 1,000 р. чистаго дохода. При такихъ результатахъ земство нашло возможнымъ увеличить кредитъ музею до 50 тыс. рублей.

Весьма важный починъ сдѣлало вятское земство также въ дѣлѣ уменьшенія для крестьянскаго населенія пожарныхъ убытковъ. Съ этою цѣлью оно выдаетъ крестьянамъ денежныя безпроцентныя ссуды на возведеніе каменныхъ построекъ и на устройство кирпичныхъ сараевъ. Мѣра эта, по словамъ *Вятскаго Края*, хотя существуетъ только второй годъ, оказала уже замѣтное вліяніе. Такъ, въ Яранскомъ уѣздѣ поступаетъ весьма много ходатайствъ о ссудѣ, и если въ другихъ уѣздахъ ихъ будетъ поступать столько же, то можно опасаться, что ассигнованнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ кредита на этотъ предметъ окажется недостаточно для удовлетворенія всѣхъ такихъ ходатайствъ. Крестьяне, получившіе ссуду, обыкновенно немедленно приступаютъ къ кладкѣ домовъ или къ выдѣлкѣ кирпича. Вслѣдствіе этого оказался большой спросъ на рабочихъ-каменщиковъ и кирпичниковъ. Этими промыслами въ Яранскомъ уѣздѣ занимаются по преимуществу «шанчурята», т.-е. малоземельные помѣщичьи крестьяне волостей, расположенныхъ вокругъ гор. Царевосанчурска. Въ прежніе годы они для этихъ промысловъ уходили въ дальній отходъ—за предѣлы своего уѣзда, въ губерніи: Костромскую, Нижегородскую, Казанскую, Уфимскую, Пермскую и за Уралъ—въ Сибирь. Теперь же не мало ихъ расходится уже по лѣснымъ починкамъ своего уѣзда. Въ будущемъ можно надѣяться, что если губернское земство увеличитъ кредитъ, то «шанчурята» за предѣлы своего уѣзда перестанутъ уходить, такъ какъ работать у крестьянъ въ починкахъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ у какихъ-либо крупныхъ подрядчиковъ на большихъ кирпичныхъ заводахъ, гдѣ и пища, и помѣщеніе для нихъ хуже и гдѣ ихъ нерѣдко притѣсняютъ. Здѣсь совсѣмъ не то: они чувствуютъ себя равными хозяевамъ, у которыхъ работаютъ. Съ ними он живутъ одною жизнью: вмѣстѣ съ ними пьютъ, ѣдятъ, и въ тѣхъ же помѣщеніяхъ ночуютъ. Заработокъ ихъ также повышается. Такъ, раньше до ссудъ, имъ платили сдѣльной платы на 10—20 коп. менѣе съ каждой тысячи выработаннаго кирпича; можно надѣяться, что съ развитіемъ каменныхъ построекъ сдѣльная плата имъ еще увеличится. Мало этого, вмѣ-

стѣ съ ними и сами жители лѣсныхъ починковъ научатся дѣлать и обжигать кирпичъ.

Какимъ чрезвычайнымъ контрастомъ повѣетъ на насъ, когда отъ этой плодотворной и энергичной земской дѣятельности мы перейдемъ къ безобразіямъ нижегородской ярмарки, являющимся слѣдствіемъ полнаго безучастія къ народной массѣ со стороны ярмарочнаго купеческаго комитета. Безобразія эти ярко нарисованы талантливою кистью нижегородскаго корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей*. Въ исходѣ Нижегородской улицы,—разсказываетъ корреспондентъ,—гдѣ кончается ярмарочная территорія, переходя въ болота и пески волжскаго берега, расположены рядомъ двѣ площади. Одна называется Старой, другая—Новой Самокатской. На одной находятся балаганы, на другой нѣсколько деревянныхъ зданій, сколоченныхъ кое-какъ и кое изъ чего. Вотъ это и есть «самокаты». Года три назадъ здѣсь существовали карусели, отъ которыхъ и самая площадь получила названіе «самокатской». Уплативъ 5 коп. въ кассѣ у входа, вы подымались по лѣстницѣ въ верхнее помѣщеніе, гдѣ, кромѣ эстрады (для хора) и столиковъ, покрытыхъ залитыми и грязными скатертями, находился въ полу подвижной кругъ съ каруселью. Гдѣ-то внизу, въ подвальномъ этажѣ этого зданія, два или три дюжихъ золоторотца вращали съ утра до ночи вертикальный валъ,—отъ этого наверху кругъ вертѣлся, а въ колясочкахъ карусели сидѣла простодушная, полупьяная публика, состоявшая изъ женщинъ легкаго поведенія, подвыпившихъ чернорабочихъ и прикащиковъ низшаго разряда, получая отъ того свое незатѣйливое удовольствіе. Нижнее помѣщеніе «самокатовъ» представляло собою корридоры съ клѣтушками по бокамъ. По сравненію съ этими «номерами» даже верхняя зала «самоката» представлялась чѣмъ-то аристократическимъ. Здѣсь можно было видѣть, если вы рѣшались зайти сюда, двухъ потныхъ залоторотцевъ, тупо вращавшихъ воротъ самоката, а кругомъ въ отчаянномъ обнаженіи совершалось нѣчто не подлежащее описанію, подъ визгъ гармоніи, подъ пьяную пѣсню, подъ вопли пьяной драки, подъ глухой гулъ доносящагося сверху оркестра. Теперь карусели на самокатахъ уничтожены, но все остальное измѣнилось, все-таки, мало. Такія же клѣтушки, тотъ же голый разгулъ, тѣ же осипшіе хоры, тѣ же номера, тѣ же бани вокругъ площади, съ водой, проведенной изъ стоячихъ болотъ. Наконецъ, тѣ же дѣтскія лица, блѣдныя и испитыя, среди этой оргіи пьянства и разврата. Да,—пишетъ корреспондентъ,—очень туго поддается прогрессу ярмарка вообще, а эта ея сторона въ особенности. Многіе помнятъ «приказы» главноуправляющаго ярмаркой въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, сочувственно встрѣченные всею прессой,—приказы, воспрещавшіе участіе въ хорахъ дѣтей. И, однако, тогда же пришлось констатировать, что дѣти пѣли и плясали на самокатахъ послѣ приказовъ, какъ и до ихъ изданія. «Впрочемъ, сказать правду,—замѣчаетъ авторъ корреспонденціи,—и въ освѣщенныхъ залахъ въ какомъ-нибудь Тулонѣ или у Омона сущность дѣла остается та же, слегка только прикрытая иною одеждой и нѣкоторымъ лоскомъ. Ярма-

рочные хроникеры подробно описывали, какъ одинъ купецъ кинулъ 600 рублей въ крюшонъ, чтобы онъ стоилъ ровно тысячу, а другой далъ вексель на двѣ тысячи двумъ пѣвицамъ за то, чтобы выкупать ихъ въ отдѣльномъ кабинетѣ въ шампанскомъ. Дѣвушки, несмотря на соблазнительную сумму, все упирались, и когда, несмотря на это, принесли лохань изъ-подъ стерлядей, долженствовавшую играть роль ванны, то уже наступило время запирать заведеніе, и купанье въ лохани не состоялось. Посмотрите на эти «пляски животовъ», этотъ канканъ на эстрадахъ лучшихъ гостиницъ, послушайте необыкновенныя пошлости, раздающіяся съ этихъ эстрадъ, прочитайте хотя бы въ мѣстныхъ газетахъ, что̀ творится порой въ «отдѣльныхъ кабинетахъ», и вы, пожалуй, простите самокатамъ ихъ простодушную откровенность. Не такъ давно мнѣ пришлось прочитать въ газетѣ *Волгарь* очень мѣткое и совершенно правильное замѣчаніе. Говоря о народныхъ увеселеніяхъ на Старой и Новой Самокатской площадяхъ, газета отмѣчаетъ въ нихъ одну черту: самокатскій увеселитель, раздражая, какъ и другіе его собратіи, чувственные и животные инстинкты, старается, въ то же время, затронуть любопытство и любознательность своихъ наивныхъ посѣтителей, удовлетворяя ихъ то панорамой, то звѣринцемъ, то якобы «анатоміей». Все это аляповато и грубо, но «самая попытка свидѣтельствуетъ о живыхъ и свѣжихъ, непосредственныхъ вкусахъ этой толпы». Отсюда, разумѣется, слѣдуетъ и прямой выводъ: «поставьте народныя развлеченія на болѣе разумную почву, дайте имъ образовательное, безъ морали и педанства направленіе»,—чтобъ они не потеряли характера отдыха и развлеченія,—и, конечно, вы не узнаете этой толпы и самокаты преобразятся гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать всевозможные «приказы». И даже удивительно, что до сихъ поръ никто еще не пытался сдѣлать хоть что-нибудь въ этомъ направленіи. Асфальтъ и электричество, театры и французскія пѣвицы... А для толпы—только готовое мѣсто для свальнаго разврата, только дешевый кабакъ и дозволеніе привозить сколько угодно звѣринцевъ и сколько угодно падшихъ женщинъ... Неужели и предстоящая выставка застанетъ такое же положеніе этого дѣла?»

Отъ безобразій «всероссійскаго торжища», отъ безучастнаго въ полномъ смыслѣ слова отношенія ярмарочнаго комитета къ народной массѣ отдохнемъ снова душою на внимательной къ народнымъ интересамъ земской дѣятельности. Здѣсь на первый планъ выступаетъ возбужденный многими уѣздными и губернскими земствами вопросъ первоначальной важности,— вопросъ о *всеобщемъ обученіи*. Давно земство думало объ этомъ великомъ дѣлѣ, давно и неоднократно ходатайствовало о немъ, но, наконецъ, къ тридцатилѣтію своего существованія, оно рѣшилось поставить его на очередь и добиваться настойчиво его разрѣшенія. Вотъ извѣстный намъ перечень земствъ, приступившихъ уже къ статистическимъ изслѣдованіямъ требуемымъ этимъ огромнымъ дѣломъ, или окончившихъ ихъ: тверское зубцовское, бѣжецкое, кашинское, весьегонское, московское, крестецко

курское, старооскольское, ярославское, полтавское, саратовское, самарское, буинское, балахнинское, орловское, казанское, олонецкое. Что касается остальныхъ земствъ, то почти всѣ они съ замѣчательнымъ единодушіемъ высказались за неотложность всеобщаго обученія и, несомнѣнно, на ближайшихъ земскихъ собраніяхъ сдѣлаютъ постановленія о собираніи матеріаловъ для выработки плана сѣти школъ, требуемаго всеобщимъ обученіемъ. Такой планъ, выработанный для всѣхъ земствъ, выяснитъ, какую часть расходовъ на народное образованіе въ силахъ принять на себя земство и какую часть должно принять на себя государство. Если, паче чаянія, государственный бюджетъ не расширитъ своей ассигновки на просвѣщеніе народа, тогда, по мысли нѣкоторыхъ земствъ, придется, хотя скрѣпя сердце, понизить уровень школы и, рядомъ съ господствующимъ типомъ земской школы, устраивать школы грамоты, придется сдѣлать это, только чтобы не отказывать въ первоначальномъ образованіи стучащейся въ школьныя двери огромной массѣ крестьянскихъ дѣтей. Въ такомъ именно смыслѣ высказались недавно коммиссія по народному образованію саратовскаго уѣзднаго земства и орловская уѣздная земская управа.

Прошлогоднее очередное земское собраніе Саратовскаго уѣзда поручило своей коммиссіи по народному образованію выработать планъ организаціи всеобщаго обученія въ уѣздѣ. Работу эту взялъ на себя предсѣдатель управы г. Кропотовъ, представившій теперь свои соображенія и предложенія въ особомъ докладѣ. Докладъ г. Кропотова, — какъ сообщаетъ *Саратовскій Листокъ*, — можно раздѣлить на двѣ части: въ одной авторъ сгруппировалъ свѣдѣнія о современномъ состояніи народнаго образованія въ уѣздѣ и о платежныхъ средствахъ населенія, въ другой—указываются пути для достиженія всеобщаго обученія. Школьный возрастъ составитель доклада опредѣляетъ 8—13 лѣтъ включительно. Такихъ дѣтей въ 1895 г. въ Саратовскомъ уѣздѣ насчитывалось 23,508, въ томъ числѣ 11,826 мальчиковъ и 11,682 дѣвочки. Но въ школахъ изъ нихъ обучалось *немного больше трети*—37,4%, а именно, въ земскихъ школахъ 4,816 мальчиковъ и 1,176 дѣвочекъ (25,5%), остальные 11,9% въ школахъ духовнаго вѣдомства: церковно-приходскихъ 578 дѣтей и школахъ грамоты 2,218. По полу учащихся отношеніе мѣняется: школы посѣщаетъ немного болѣе половины (57%) всѣхъ мальчиковъ въ возрастѣ 8—13 лѣтъ, дѣвочекъ же этого возраста учится въ школахъ едва 1/6 или 17,5%. На содержаніе всѣхъ школъ въ уѣздѣ тратится сельскими обществами 19,273 руб., частными лицами 1,823 руб., духовнымъ вѣдомствомъ 907 руб. и земствомъ 22,397 р., а всего 44,402 руб. Приведенныя цифры выясняютъ большой недостатокъ школъ въ уѣздѣ. Г. Кропотовъ признаетъ, что именно этимъ, да еще бѣдностью населенія, слѣдуетъ объяснять, что до 15 тыс. дѣтей 8—13 лѣтъ не обучаются въ школахъ. «Не будемъ усматривать, — говоритъ онъ на стр. 32,—въ отсутствіи обязательнаго закона препятствія къ выполненію нашей задачи передъ населеніемъ. Мы, какъ практики жизни, знаемъ, что населеніе сознаетъ выгоды образованія, и что случаи противо-

дѣйствія его въ устройствѣ школъ должны объясняться не отсутствіемъ сознанія въ пользѣ просвѣщенія, а отсутствіемъ средствъ, боязнью лишняго налога. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить сильное развитіе въ поселеніяхъ такъ называемыхъ бродячихъ школъ, которыя содержатся прямо заинтересованными въ обученіи дѣтей отцами, а состоятельныхъ поселеній, къ сожалѣнію, мало и годъ отъ году становится меньше». У земства тоже нѣтъ средствъ для удовлетворенія всеобщей потребности въ образованіи надлежащимъ образомъ, путемъ насажденія всюду нормальныхъ земско-общественныхъ школъ. А потому, если государство не возьметъ на себя долю расходовъ въ этомъ дѣлѣ, земству придется пойти на компромиссъ и устраивать простыя школы грамоты въ тѣхъ селеніяхъ, которыя не могутъ дать нужныя средства на содержаніе нормальной земской школы.

Почти то же самое говоритъ вышедшій недавно отчетъ орловской уѣздной земской управы, предназначающійся къ представленію очередному орловскому собранію, и извлеченіе изъ котораго напечатано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Отчетъ свой управа начинаетъ слѣдующими достойными вниманія словами: «Массовое невѣжество крестьянскаго населенія—такое страшное зло, устраненіе котораго должно быть первенствующею задачей учрежденій, вѣдающихъ дѣло народнаго образованія. Не нужно фактовъ, они у всѣхъ на виду и говорятъ сами за себя. Русское общество вполнѣ сознало, что безъ успѣшнаго разрѣшенія вопроса о народномъ образованіи невозможны дальнѣйшіе шаги по пути общественнаго и экономическаго развитія народа, и переживаемое нами время характеризуется усиленнымъ и повсемѣстнымъ интересомъ къ просвѣщенію народныхъ массъ. Повсюду открываются всякаго вида школы, библіотеки, читальни, музеи, а въ земствахъ поднятъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Само собою разумѣется, что послѣдняя мѣра самая радикальная и, при возможности ея примѣненія, мало замѣтные пока результаты начальной школы стали бы нагляднѣе, явилась бы возможность распространенія въ народѣ профессіональныхъ знаній и, слѣдовательно, надежда на улучшеніе матеріальнаго быта». Сочувствуя широкой постановкѣ дѣла народнаго образованія, вполнѣ сознавая необходимость всеобщаго обученія, орловская управа вынуждена заявить, что она не въ состояніи осуществить послѣднее мѣропріятіе, вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія населенія. По вычисленію управы, для введенія въ уѣздѣ всеобщаго обученія потребуется ежегодно 70,560 р., да, кромѣ того, на устройство школьныхъ зданій, въ числѣ не менѣе 40, — около 30,000 р. единовременно или всего болѣе 100,000 р., «что, очевидно, не по силамъ земству». Даже обученіе всѣхъ мальчиковъ не можетъ быть приведено въ исполненіе по вышеизложеннымъ причинамъ. А потому, если земство въ его работѣ по народному просвѣщенію будетъ предоставлено почти исключительно собственнымъ силамъ, ему придется тогда подумать объ увеличеніи числа школъ грамоты и объ улучшеніи ихъ, поручивъ наблюденіе за ними земскимъ учителямъ. Но едва ли, прибавимъ отъ себя, послѣдня

мѣра,—порученіе надзора земскимъ учителямъ,—можетъ дать какой-нибудь практическій результатъ.

Выйти изъ коллизіи между скудостью земскихъ финансовъ и настоятельною нуждой во всеобщемъ обученіи стремится также директоръ народныхъ училищъ Пермской губерніи, г. Раменскій, представившій недавно интересный докладъ всѣмъ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ Пермской губерніи. Докладъ, прежде всего, устанавливаетъ тотъ фактъ, что дѣло всеобщаго обученіи есть дѣло вполнѣ назрѣвшее. Оно занимаетъ первенствующее положеніе почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ. Надъ нимъ работаютъ комитеты грамотности. Журналы, газеты и вообще печать отводятъ ему самое видное мѣсто. Въ народѣ возбуждено сильное стремленіе къ образованію. Указавъ на общую постановку въ настоящее время вопроса о всеобщемъ обученіи, докладъ переходитъ къ мѣстнымъ условіямъ школьнаго дѣла. Къ 1 января прошлаго года въ Пермской губерніи во всѣхъ начальныхъ школахъ училось дѣтей 81,446, тогда какъ по количеству населенія губерніи всѣхъ дѣтей школьнаго возраста должно считать около 188 тысячъ, т.-е. болѣе половины дѣтей еще не учится. Происходитъ это не отъ нежеланія учиться, а только отъ недостатка и переполненія школъ. Въ недостаткѣ школъ земство неповинно. Земство Пермской губерніи всегда шло на ряду съ лучшими земствами въ дѣлѣ народнаго образованія. Оно отдѣляло на него одну пятую своего бюджета. Но эти средства были недостаточны для удовлетворенія потребности въ образованіи. Между тѣмъ, стремленіе къ просвѣщенію очень сильно. Болѣе 12,000 дѣтей ходятъ въ школы изъ отдаленныхъ селеній. Ни бѣдность, ни плохіе пути сообщенія, ни метель и дожди не останавливаютъ ихъ; препятствуетъ имъ только одно, это—отказъ въ принятіи въ школу. Таково заявленіе всѣхъ инспекторовъ народныхъ училищъ. При наличности сильнаго стремленія въ населеніи отдавать дѣтей въ школу, можно ли оставить ихъ безъ обученія? Давать однимъ среднее и высшее образованіе, а другимъ никакого, едва ли можно признать правильнымъ, а если разсматривать это съ экономической стороны, то окажется, что безграмотность въ нѣсколько разъ дороже стоитъ всеобщей грамотности, такъ какъ невѣжество лежитъ тормазомъ на развитіи силъ народа. «Каждый человѣкъ имѣетъ право на народное образованіе»,—говоритъ докладъ и доказываетъ, что еще въ проектѣ устава учебныхъ заведеній 1856 года, напечатанномъ съ Высочайшаго соизволенія, начиналось въ § 1: «Народное просвѣщеніе составляетъ главную опору государства и источникъ его благосостоянія, а потому выгодами просвѣщенія должны пользоваться всѣ лица, безъ различія пола и званія». Народное образованіе было всегда дорогимъ земству дѣломъ. Земство, съ самаго начала его открытія, поняло и громко заявило, что только на образованіи народа можетъ быть построено благосостояніе общества; поэтому оно и удѣляло этому предмету свое преимущественное вниманіе. Въ теченіе тридцатилѣтней своей дѣятельности земство достигло многаго по школьному образованію народа; настало время докончить начатое дѣло,

сдѣлать обученіе доступнымъ всему населенію, создать всеобщую грамотность. Для этого, прежде всего, нужна работа мѣстныхъ земцевъ. Въ основу разработки вопроса о всеобщемъ обученіи должно быть положено исчисленіе школъ всѣхъ вѣдомствъ и учащихся въ школахъ, количества всего населенія уѣзда и селеній съ указаніемъ въ каждомъ изъ нихъ числа дворовъ, жителей и дѣтей школьнаго возраста, распредѣленіе населенія въ томъ или другомъ районѣ, взаимныя разстоянія поселеній, выясненіе удобствъ путей сообщенія, указаніе центра для каждаго школьнаго района и его границъ, вообще опредѣленіе сѣти училищъ. Все это могутъ выполнить съ полнымъ знаніемъ дѣла только уѣздныя земства. Съ окончаніемъ этой работы выяснится уже вполнѣ отчетливо, насколько у земства не хватаетъ средствъ для учрежденія требуемаго количества нормальныхъ школъ. Въ виду недостаточности средствъ, придется для малонаселенныхъ мѣстечекъ прибѣгнуть къ параллельнымъ отдѣленіямъ или филіальнымъ, какъ болѣе дешевымъ и доступнымъ. Эти отдѣленія необходимо поставить во взаимныя отношенія съ нормальными училищами двухклассными и одноклассными, изъ которыхъ могутъ быть взяты учителями окончившіе курсъ ученики, пробывшіе нѣкоторое время подъ руководствомъ и контролемъ преподавателей практикантами и помощниками въ младшемъ отдѣленіи нормальнаго училища и достигшіе 16-ти лѣтняго возраста. Только при такой живой связи этихъ параллельныхъ отдѣленій съ нормальною школой—какъ бы матерью и могутъ принести они пользу. Дѣйствуя же изолированно, подобныя отдѣленія не могутъ имѣть такого значенія. Это уже доказали школы грамоты въ Шадринскомъ уѣздѣ. Учебники въ параллельныхъ отдѣленіяхъ должны быть одинаковы съ младшимъ отдѣленіемъ нормальнаго училища; одинакова должна быть и программа, дабы желающіе и имѣющіе возможность продолжать ученіе могли переходить въ слѣдующее отдѣленіе нормальнаго училища, а бѣдняки, которымъ трудна ходьба изъ своего селенія въ нормальную школу, заканчивали бы курсъ въ этихъ школахъ. Библіотека также могла бы быть общею для параллельныхъ отдѣленій съ нормальными училищами. Какъ сами преподаватели этихъ отдѣленій, такъ и окончившіе въ нихъ курсъ могли бы брать книги и продолжать самостоятельно свое образованіе. Вообще нормальное училище было бы центромъ для всѣхъ отдѣленій своего района и руководителемъ въ лицѣ своихъ преподавателей-законоучителей, учителей и учительницъ. Для нѣкоторыхъ же поселковъ явится необходимость организовать и передвижныя школы.

Сдѣлавъ такія уступки въ школьномъ дѣлѣ, авторъ доклада не теряетъ, однако, надежды на то, что когда будетъ разработанъ и поставленъ вопросъ о всеобщемъ обученіи, тогда и государственное казначейство придетъ на помощь, и министерство государственныхъ имуществъ—отпускомъ лѣса на постройку училищныхъ помѣщеній и надѣленіемъ школъ землею.

Если стремленіе земства раскрыть двери школы всѣмъ желающимъ учиться не осуществляется единственно по неимѣнію нужныхъ на то денежныхъ средствъ, то, очевидно, всякое значительное возростаніе зем-

скихъ бюджетовъ приближаетъ достиженіе этой цѣли. Такое именно возростаніе произошло благодаря изданному недавно закону объ отнесеніи на средства государственнаго казначейства нѣкоторыхъ обязательныхъ земскихъ расходовъ по содержанію судебныхъ, крестьянскихъ и др. учрежденій. Закономъ этимъ предоставлено въ руки земскихъ учрежденій и распорядительныхъ комитетовъ въ неземскихъ губерніяхъ болѣе 8 милліоновъ рублей. По § 3 закона освободившіяся суммы должны быть обращаемы на составленіе фонда для улучшенія грунтовыхъ и шоссейныхъ дорогъ, имѣющихъ экономическое значеніе. Но § 7 закона допускаетъ, по ходатайствамъ губернскихъ собраній, обращеніе этихъ денегъ и на иныя потребности земскаго хозяйства, кромѣ дорожныхъ. Въ виду этого §, нѣкоторыми земствами и печатью уже ставится вопросъ о томъ, не правильнѣе ли будетъ употребить освободившіяся суммы на народное образованіе. Вопросъ этотъ особенно умѣстенъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ дорожное дѣло находится въ сравнительно удовлетворительномъ состояніи, какъ, напримѣръ, въ губерніяхъ Московской, Херсонской, Полтавской. Кто не сознаетъ важности улучшенныхъ путей въ дѣлѣ экономическаго роста страны; но мы также знаемъ,— замѣчаютъ *Полтавскія Вѣдомости,*— что могутъ быть потребности, требующія еще болѣе настоятельнаго удовлетворенія. Такую именно потребность представляетъ народное образованіе. На содержаніе и улучшеніе путей въ Полтавской губерніи тратятся ежегодно довольно крупныя суммы, не менѣе 1/2 милліона рублей. Присоединеніе сюда же всей освободившейся новымъ закономъ денежной суммы было бы нераціональнымъ форсированіемъ одной стороны земскаго дѣла на счетъ другихъ, громко о себѣ заявляющихъ, но не находящихъ достаточнаго удовлетворенія единственно лишь по недостатку средствъ. Въ послѣдніе годы,—продолжаетъ газета,—во всѣхъ безъ исключенія уѣздахъ нашей губерніи не проходитъ ни одного земскаго собранія, чтобы вопросъ о поднятіи дѣла народнаго образованія не выдвигался на первую очередь, но вездѣ единственнымъ возраженіемъ противъ болѣе энергичнаго веденія этого дѣла впередъ выставлялся неизмѣнно одинъ аргументъ — недостатокъ матеріальныхъ средствъ. И вдругъ, въ этотъ именно моментъ напряженной постановки на очередь столь жгучаго, кровнаго и вполнѣ назрѣвшаго вопроса, въ руки земства переходитъ ежегодная сумма въ 1/4 съ лишнимъ милліона рублей, которая, безъ новаго обремененія плательщиковъ, можетъ почти удвоить земскій бюджетъ на низшее народное образованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что земства воспользуются этою рѣдкою и счастливою случайностью, чтобы повести быстрѣе народъ по пути знанія и усилить въ молодомъ поколѣніи свѣтъ просвѣщенія.

Существуютъ еще весьма удобные пути для увеличенія земскихъ бюджетовъ и приближенія, тѣмъ самымъ, къ осуществленію задачи всеобщаго обученія. Объ открытіи этихъ путей давно ходатайствуютъ земства. Одинъ изъ нихъ заключается въ расширеніи круга предметовъ земскаго обложенія. Въ настоящее время главная часть земскихъ сборовъ падаетъ на землю.

Торговыя же и промышленныя предпріятія, кредитныя учрежденія, желѣзныя дороги платятъ и абсолютно, и сравнительно ничтожный процентъ изъ своихъ прибылей. Справедливость, равно какъ и государственный интересъ, требуютъ уравнительнаго обложенія имуществъ земскими налогами, о чемъ неоднократно, но пока безуспѣшно ходатайствовали земскія собранія.

Другой путь къ улучшенію земскихъ финансовъ состоитъ въ измѣненіи системы взысканія податей. При существующихъ порядкахъ, взысканіе земскихъ сборовъ отодвигается на задній планъ, и вся дѣятельность агентовъ фиска направляется по преимуществу на добываніе казенныхъ повинностей. Для иллюстраціи ненормальности дѣйствующей системы взысканія податей нижегородская земская управа, какъ мы имѣли уже случай указывать, привела небезъинтересныя данныя, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ. По этимъ даннымъ оказывается, что правительство въ самые тяжелые годы не добираетъ прямыхъ налоговъ по отношенію къ общей суммѣ ожидаемыхъ къ поступленію доходовъ несравненно менѣе, чѣмъ земство въ самые лучшіе урожайные годы; въ процентномъ отношеніи величина казенныхъ недоборовъ опредѣляется въ первомъ случаѣ 9,3%, а для земскихъ налоговъ—36,7%. Помимо болѣе энергичнаго взысканія казенныхъ сборовъ, такое положеніе дѣла объясняется тѣмъ, что весь государственный бюджетъ держится почти исключительно на косвенныхъ налогахъ, тогда какъ земство черпаетъ свои средства исключительно путемъ прямого обложенія и въ частности изъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ. Отсюда нижегородская управа дѣлаетъ совершенно правильное заключеніе, что государственное казначейство очень мало зависитъ отъ земельныхъ сборовъ съ крестьянъ и болѣе слабое ихъ поступленіе не можетъ грозить какимъ-либо серьезнымъ осложненіемъ въ государственномъ хозяйствѣ. Совершенно иная картина рисуется данными о земскихъ доходахъ. Здѣсь проявляется самая полная зависимость земскаго бюджета отъ земельныхъ сборовъ вообще и въ частности отъ земельныхъ повинностей съ крестьянъ. Въ виду этого, земства давно, уже выставляютъ на видъ, что основнымъ принципомъ въ системѣ взысканія поземельныхъ налоговъ долженъ быть тотъ порядокъ, при которомъ сборы для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, имѣющихъ общегосударственное значеніе, не отодвигались бы на задній планъ, т.-е. земскіе сборы должны идти впереди сборовъ казенныхъ податей и зачисляться первыми. При этомъ нижегородское земство указываетъ, что такое правило уже принято въ основаніе закономъ 20 іюля 1892 года по взысканію продовольственныхъ ссудъ, выданныхъ по неурожаю 1891 и 1892 гг. Означенный законъ повелѣваетъ пополнить, прежде всего, долги мѣстныхъ общественныхъ продовольственнымъ капиталамъ, а затѣмъ уже имперскому продовольственному капиталу и въ послѣднюю очередь пополняется долгъ государственному казначейству. Теперь остается только ходатайствовать, чтобы эта отдѣльная правительственная мѣра была обобщена и сдѣлалась постояннымъ основаніемъ въ дѣлѣ взысканія земскихъ и ка-

зенныхъ платежей. Основаніемъ же ходатайства, по мнѣнію нижегородскаго земства, должно служить слѣдующее. До введенія земскихъ учрежденій, когда часть земскихъ дѣлъ вѣдалась самимъ правительствомъ, ст. 90 уст. о земск. повин. точно указывала, что «вносимою отъ плательщиковъ суммой покрываются сперва всѣ слѣдующіе съ него земскіе сборы по полугодовому ихъ разсчету и потомъ уже казенныя подати и особыя взысканія (если таковыя на нихъ числятся)». По введеніи же земскихъ учрежденій статья эта была измѣнена въ томъ смыслѣ, что въ земскіе сборы отчислялось лишь 12% вносимой суммы. Но такъ какъ земскія дѣла, вѣдавшіяся раньше самимъ правительствомъ, съ передачей ихъ земству не утратили своего значенія и важности въ общемъ ходѣ государственнаго управленія, то и ст. 90 уст. о земск. повин. должна бы была остаться въ прежней своей редакціи. На основаніи вышеизложеннаго нижегородское губернское земское собраніе ходатайствуетъ передъ правительствомъ о возстановленіи въ прежней редакціи вышеуказанной части ст. 90 уст. о земск. повин. Нечего и говорить о громадной важности этого ходатайства, направленнаго на улучшеніе земскихъ финансовъ. Вѣдь, земство работаетъ надъ такими первостепеннаго значенія задачами общественности, какъ народное образованіе, народное здравіе и подъемъ матеріальнаго благосостоянія народа.

Рядомъ со скудостью земскихъ финансовъ существуетъ еще одна чрезвычайно важная область общественныхъ явленій, которая сильно тормазитъ земскую дѣятеляность и производитъ несоотвѣтствіе между энергіей и усиліями земскихъ людей и жизненными результатами ихъ работы. Этотъ тормазъ заключается въ извѣстной всѣмъ неурядицѣ въ нашемъ сельскомъ и волостномъ управленіи. Неурядица эта давно сознается. Еще въ 1881 году, на запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ, были представлены почти изъ всѣхъ земскихъ губерній обстоятельныя заключенія, большинство которыхъ было солидарно въ главныхъ основаніяхъ, т.-е. въ необходимости образованія безсословнаго сельскаго управленія и связи его съ земскими учрежденіями. Въ концѣ прошлаго года министерство внутреннихъ дѣлъ снова возбудило вопросъ о недостаткахъ крестьянскаго управленія и передало свои соображенія на обсужденіе особыхъ губернскихъ совѣщаній. Въ виду постановки вопроса объ упорядоченіи сельскаго управленія, отзывы печати по этому предмету являются какъ нельзя болѣе современными. Въ высказанныхъ уже печатью мнѣніяхъ заключается та же мысль, на которой не перестаютъ настаивать земскія собранія, а именно, что въ основаніе реформы мѣстнаго управленія должно быть положено начало безсословности. Вотъ, напримѣръ, совершенно справедливыя слова по этому предмету, сказанныя *Саратовскимъ Листкомъ:* «Неудовлетворительное состояніе сельскаго и волостного управленія,—говоритъ газета,—порождается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ управленіи участвуетъ только изолированный отъ наиболѣе образованныхъ слоевъ населенія крестьянскій міръ. Средства этого міра болѣе чѣмъ ограниченны и не на что ему содержать ни народныхъ школъ и другихъ образовательныхъ учрежденій, ни санитарныхъ органовъ,

ни богадѣленъ и пріютовъ, ни хорошихъ представителей сельской администраціи. Между тѣмъ, всѣ эти учрежденія и власти необходимы не однимъ крестьянамъ, но и другимъ обитателямъ деревни: и дворянамъ, въ особенности мелкопомѣстнымъ, проживающимъ постоянно въ деревнѣ, и купцамъ, и мѣщанамъ, и сельскому духовенству, и всѣмъ пришлымъ, но тѣсно связаннымъ съ деревнею лицамъ, каковы, наприм., сельскій ремесленникъ, учитель и т. п. Очевидно, что всѣ эти лица должны имѣть вліяніе на сельское управленіе и на ходъ мѣстныхъ общественныхъ дѣлъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нести соотвѣтственную часть расходовъ на мѣстное общественное хозяйство. Соединеніе всѣхъ группъ населенія, всѣхъ сословій должно дать вполнѣ годную для самоуправленія единицу, которой будетъ по силамъ мѣстное общественное хозяйство и во главѣ которой могутъ оказаться болѣе достойные люди, чѣмъ въ нынѣшней исключительно крестьянской волости. Указаніе противниковъ безсословнаго сельскаго управленія на то обстоятельство, что можетъ взять верхъ старое крѣпостническое начало, совершенно неосновательно, ибо русская деревня 1895 года совершенно не похожа на деревню шестидесятыхъ годовъ и новые ея элементы настолько жизненны и настолько окрѣпли, что въ состояніи дать отпоръ всякимъ своекорыстнымъ требованіямъ небольшого кружка ея обитателей.

Реформѣ крестьянскаго управленія,—этому чрезвычайно важному вопросу нашей общественной жизни,—хроникеръ *Вѣстника Европы* посвящаетъ весьма содержательную статью *Безсословная волость и мелкія земскія единицы*. Не останавливаясь на этой статьѣ, такъ какъ она была уже отмѣчена въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» сентябрьской книжки нашего журнала, замѣтимъ только, что означенная статья хорошо выясняетъ необходимость органической связи земскихъ учрежденій съ сельскимъ и волостнымъ управленіемъ. «Для того, чтобы земскія собранія и управы могли захватывать всѣ интересы уѣзда, безусловно необходимо,—говоритъ авторъ статьи,—чтобы земскіе органы не были изолированы отъ органовъ сельскаго и волостного управленія; необходимо распространеніе на эти органы земскаго строя, т.-е. образованіе мелкихъ безсословныхъ самоуправляющихся единицъ... При современномъ же многовластіи въ селахъ, при вмѣшательствѣ во всѣ дѣла полиціи и другихъ представителей власти, при отсутствіи правильно организованнаго суда, естественно, что начала сельскаго самоуправленія, установленныя реформой 19 февраля, не могли развиться. Такія условія жизни, когда населеніе признаетъ за собой только однѣ обязанности—платить повинности и исполнять приказы, и не признаетъ никакихъ правъ, имѣютъ самое деморализующее на него вліяніе. При такихъ условіямъ не можетъ развиться чувство долга; они являются самою удобною почвой для развитія опасныхъ для будущаго противугосударственныхъ понятій».

Незаконнаго, ничѣмъ не оправдываемаго вмѣшательства въ дѣла крестьянскаго самоуправленія приводилось въ нашихъ очеркахъ не мало образцовъ. Вотъ новый обращикъ, сообщаемый *Недѣлей*. Нижегородскій вице-

губернаторъ Ю. Д. Родіоновъ предпринялъ поѣздку въ Арзамасскій уѣздъ для провѣрки обвиненій, взведенныхъ на г-жу Штевенъ по поводу ея школьной дѣятельности. Г. Родіонову не стоило особеннаго труда выяснить правду и убѣдиться, что во всей дѣятельности г-жи Штевенъ ровно ничего не было, что хотя косвенно не соотвѣтствовало бы видамъ правительства. Такого результата дознанія ожидали всѣ близко знающіе дѣло, но поѣздка г. Родіонова обнаружила нѣкоторые факты, очень характерные для дѣятельности противниковъ г-жи Штевенъ. Главный изъ этихъ противниковъ есть земскій начальникъ Арзамасскаго уѣзда, г. Хотяинцевъ, называющій народное просвѣщеніе *блажью*. Этотъ земскій начальникъ всѣми силами старается мѣшать крестьянамъ своего участка открывать школы и вообще обучать дѣтей. Но иногда потребность просвѣщенія у крестьянъ бываетъ настолько сильна, желаніе открыть школу настолько единодушно, что даже г. Хотяинцевъ не находитъ удобнымъ идти прямо противъ свѣта, а старается допустить «зло» въ возможно безвредной формѣ, т.-е. позволяетъ крестьянамъ обзавестись самою убогою, несовершенною, маленькою и неудовлетворительною церковно-приходскою школой. Г. Родіоновъ выяснилъ, что именно такой «пріемъ» былъ примѣненъ г. Хотяинцевымъ къ крестьянамъ с. Лопатина, Арзамасскаго уѣзда. 19 марта этого года лопатинскіе крестьяне единодушно составили приговоръ о своемъ желаніи открыть у себя на селѣ земскую школу. Живущая въ с. Лопатинѣ г-жа Кохманская заявила, что на постройку этой школы даетъ 500 руб. Крестьяне были очень обрадованы. Но ликованіе продолжалось недолго: пріѣхалъ въ село г. Хотяинцевъ и объявилъ крестьянамъ, что школа имъ совсѣмъ не нужна, что и безъ школы они достаточно бѣдны, что школа—роскошь и т. д., и т. д. Крестьяне стояли на своемъ, говорили, что только ученье и можетъ вывести ихъ изъ нищеты, и упрашивали г. Хотяинцева не тормазить дѣла. Разсерженный упорствомъ крестьянъ, г. Хотяинцевъ объявилъ имъ, наконецъ, что, въ крайнемъ случаѣ, разрѣшаетъ имъ открыть лишь самую маленькую и дешевую церковно-приходскую школу и что если не составятъ немедленно контръ-приговора согласно его указаніямъ, онъ сочтетъ ихъ за очень состоятельныхъ людей и немедленно прикажетъ старшинѣ неукоснительно взыскать съ нихъ всѣ недоимки и текущіе платежи. Крестьяне испугались, уступили и составили новый приговоръ въ отмѣну прежнему, желая получить хотя самую маленькую и низшую школу. Копія новаго приговора была послана, по приказанію г. Хотяинцева, въ назиданіе г-жѣ Кохманской, уѣхавшей въ это время въ Москву. Г-жа Кохманская, въ отвѣтъ на любезное извѣщеніе, объявила, что отъ пожертвованія 500 руб. на школу отказывается, и крестьянское ликованіе смѣнилось весьма понятнымъ уныніемъ. Г. Родіоновъ находитъ, что новый приговоръ былъ г. Хотяинцевымъ «вымученъ» и что такими пріемами легко вызвать крестьянъ на грубыя выходки, за которыми неизбѣжно послѣдуютъ самыя печальныя взысканія. Но это не единственный примѣръ попеченія г. Хо-

тяинцева о народномъ образованіи. Такой же случай имѣлъ мѣсто и въ с. Салалеяхъ. Это—большое, въ 1,000 душъ, село Арзамасскаго уѣзда. Салалейскіе крестьяне составили приговоръ о своемъ желаніи открыть и содержать земскую школу. Приговоръ этотъ былъ неосторожно написанъ на листѣ бумаги, а не въ книгѣ приговоровъ. Когда г. Хотяинцевъ узналъ о замыслахъ салалейскаго общества, онъ потребовалъ приговоръ и, помимо всякихъ съѣздовъ и присутствій, самъ краткимъ способомъ отмѣнилъ приговоръ, *изорвавши его въ клочки*. Узналъ объ этомъ арзамасскій уѣздный предводитель дворянства М. И. Степановъ, и, несмотря на то, что всю жизнь провелъ въ деревнѣ и присмотрѣлся ко всякимъ провинціальнымъ нравамъ, онъ все же удивился упрощенному способу г. Хотяинцева отмѣнять приговоры. Г. Степановъ посовѣтовалъ крестьянамъ еще разъ написать приговоръ и непосредственно подать ему, предводителю. Однако, ни писарь, ни крестьяне не рѣшились вызвать гнѣва г. Хотяинцева, доказавшаго не одинъ разъ свою памятливость. Но лишить громадное село всякой школы не рѣшился даже г. Хотяинцевъ, и поэтому черезъ нѣкоторое время въ с. Салалеяхъ была открыта небольшая низшая церковно-приходская школа. Когда спросили г. Хотяинцева, почему онъ помѣшалъ крестьянамъ открыть хорошую земскую школу, чего такъ крестьяне желали, г. Хотяинцевъ отвѣтилъ: «Они желали... а я не желаю, чтобъ они желали». Отвѣтъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы быть увѣковѣченнымъ.

Въ заключеніе нашего очерка считаемъ нужнымъ указать на докладъ гласнаго нижегородской городской думы В. М. Волкова *О реорганизаціи городского общественнаго банка*, представленный въ городскую думу. Докладъ этотъ заботится объ интересахъ городскихъ школъ, библіотекъ, безплатныхъ лечебницъ, богадѣленъ, пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій, содержащихся на счетъ города, а потому обязанность печати—способствовать возможно широкому его оглашенію и обратить на него вниманіе тѣхъ городовъ, гдѣ имѣются общественные банки.

Въ докладѣ проводится та мысль, что съ состоявшейся 6 іюня 1894 года реформой государственнаго банка должны быть непремѣнно измѣнены и уставы городскихъ банковъ. Иначе городъ лишится всѣхъ средствъ на содержаніе различныхъ общественныхъ учрежденій, которыя онъ получаетъ изъ прибылей банка. Новымъ уставомъ государственнаго банка послѣднему даны всѣ средства для облегченія денежныхъ оборотовъ въ торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ дѣлахъ. Ссуду изъ государственнаго банка теперь получить и легче, и дешевле. Благодаря этому, государственный банкъ сталъ сильнымъ конкуррентомъ для городскихъ банковъ. Между тѣмъ, банки эти основаны не для спекулятивной цѣли, а для поддержанія производительности края; кромѣ того, главная часть прибылей идетъ на содержаніе благотворительныхъ учрежденій города. Такимъ образомъ, съ уменьшеніемъ доходности общественныхъ банковъ, уменьшился городской бюджетъ, а если прибыли совсѣмъ сократятся, то городъ вынужденъ будетъ

или ввести новые налоги, или уничтожить тѣ благотворительныя учрежденія, которыми пользуются бѣдные жители города. Авторъ доклада полагаетъ, что скорѣе можно предсказать послѣднее, такъ какъ налоги и безъ того уже достигли своего крайняго предѣла и на этотъ источникъ доходовъ разсчитывать врядъ ли возможно.

Обосновавъ необходимость реформы городскихъ общественныхъ банковъ, авторъ доклада представилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно подробную программу для согласованія устава этихъ банковъ съ новымъ уставомъ государственнаго банка.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

20 и 21 октября.—Развитіе биржевой спекуляціи; ея размѣры и причины.—Попытки борьбы съ нею со стороны министерства финансовъ.—Проектъ биржевой реформы.— Могутъ ли вліять на ослабленіе спекуляціи измѣненіе состава биржевого общества, усиленіе власти биржевого комитета, упраздненіе присяжныхъ маклеровъ и новыя правила о выпускѣ акцій. — Правила для взысканія продовольственныхъ долговъ.— † Е. А. Покровскій.

20 октября минулъ годъ со дня кончины императора Александра III. Общеевропейскій миръ, твердо охранявшійся покойнымъ Государемъ, нашелъ не менѣе твердую охрану въ новое царствованіе, и такой образъ дѣйствій удачно соединяется съ энергическою защитой нашихъ національныхъ интересовъ и въ Европѣ, и на дальнемъ Востокѣ. Императоръ Николай II отмѣтилъ первый годъ своего царствованія особенною заботливостью о нуждахъ народнаго просвѣщенія. Въ этотъ же годъ Высочайшее повелѣніе вновь создало у насъ и высшее медицинское образованіе для женщинъ. Каждый монархъ, въ особенности у насъ, вноситъ въ управленіе нѣчто новое, соотвѣтствующее духу самого Государя, и русское общество исполняется надеждами, что царствованіе императора Николая II будетъ животворить нашу школу и нашу общественную самодѣятельность.

Въ теченіе всего нынѣшняго года вопросъ о биржевой спекуляціи не сходитъ со страницъ газетъ. И если за первое полугодіе было слышно только о повышеніи цѣнъ тѣхъ или другихъ акцій, то за послѣдніе $1^1/_2$— 2 мѣсяца все чаще и чаще говорятъ объ ихъ пониженіи; выигрышамъ въ недавнемъ прошломъ соотвѣтствуютъ значительные проигрыши въ конц[illegible] сентября и въ октябрѣ. Колебанія цѣнностей могутъ быть показаны [illegible] слѣдующихъ примѣрахъ: въ началѣ января 1894 г. акція петербургска[illegible] учетнаго и ссуднаго банка стоила 490 руб., петербургскаго международ[illegible] наго банка—498 р., русскаго банка для внѣшней торговли—336 р., брян[illegible] скаго рельсо-прокатнаго завода—130 рублей, пай товарищества Нобель- 5,500 руб., и въ началѣ августа 1895 года цѣна тѣхъ же акцій дости[illegible] ла: 880 рублей, 725, 534, 550, 13,000. Кто поэтому обратилъ въ нача[illegible]

1894 года все свое состояніе въ акціи одного изъ названныхъ предпріятій, тотъ могъ увеличить его за $1^1/_2$ года въ полтора раза, если его выборъ палъ на акціи банковъ, въ $2^1/_2$ раза, если его выборъ остановился на паяхъ товарищества Нобель, и въ 4 раза, если онъ купилъ акціи брянскаго завода. Но спекулянтъ не ограничивается своимъ капиталомъ; пользуясь кредитомъ подъ залогъ собственныхъ процентныхъ бумагъ и пріобрѣтаемыхъ на ссуду изъ банка, онъ покупаетъ на сумму въ 3—4 раза большую, если не хочетъ идти дальше умѣреннаго риска, и на сумму въ 10—15 разъ большую, если не боится рисковать до возможности потерять въ немного дней все, съ чѣмъ начаты его спекулятивные обороты. Нечего удивляться, если нѣкоторые спекулянты, рискуя въ высшей степени, увеличивали за немного мѣсяцевъ свой капиталъ въ 5 и даже 10 разъ. Припомнимъ, наконецъ, что игра на разность нерѣдко ведется при самомъ ничтожномъ залогѣ въ банкъ со стороны спекулянта: общая продолжительная тенденція къ повышенію позволяла многимъ, располагавшимъ одною тысячью рублей, выигрывать въ недѣлю другую тысячу, а за слѣдующую недѣлю 2,000 на 2,000 р. Не нужно удивляться, поэтому, если въ Москвѣ и Петербургѣ есть нѣсколько «счастливцевъ», начавшихъ въ половинѣ 1894 г. игру съ 2—3,000 рублей и имѣвшихъ въ половинѣ 1895 года 30—40—50,000 руб. Конечно, такихъ «счастливцевъ» очень немного, 2—3—5 на тысячи и тысячи спекулянтовъ; но, какъ бы ни было мало первыхъ, самая возможность увеличить за короткое время свое состояніе въ 10, даже въ 20 разъ служитъ соблазнительнымъ примѣромъ, побуждающимъ многихъ броситься, очертя голову, въ объятія банкирскихъ конторъ, которыя и приводятъ публику въ связь съ биржей.

Наступилъ, однако, предѣлъ повышательному движенію: колебанія цѣнностей начались еще въ концѣ сентября и составили въ октябрѣ очень замѣтныя цифры: паи товарищества Нобель отъ 13,000 въ августѣ падаютъ въ началѣ октября до 10,500, акціи брянскаго завода отъ 550 до 420, акціи сормовскаго завода отъ 370 до 305, акціи петербургскаго учетнаго и ссуднаго банка отъ 880 до 800. То же понижательное движеніе распространилось и на всѣ остальныя процентныя бумаги, отчасти на государственныя и въ большой степени на бумаги частныхъ предпріятій.

Понижательное движеніе было связано для многихъ спекулянтовъ съ крупными потерями. Среди потерявшихъ можно найти людей, которые безостановочно выигрывали въ предъидущій періодъ; есть такіе, которые удесятерили свои денежныя средства и, окрыляемые надеждой довести состояніе изъ немногихъ тысячъ до сотенъ тысячъ, пожалуй, милліоновъ, купили массу цѣнностей съ очень малымъ обезпеченіемъ и потеряли все. Но наибольшее число пострадавшихъ не можетъ быть отнесено къ этому разряду. Припомнимъ, что періоды оживленія биржевой спекуляціи даютъ обыкновенно картину демократизаціи биржи. Какъ каждый новый спортъ, каждая новая мода, начинаясь на верхушкахъ общежитія, постепенно распространяется на средне-достаточные и даже бѣднѣйшіе слои населенія, такъ только

постепенно демократизуются и биржевые обороты. Когда настроеніе биржи вяло, чуждо оживленія, то въ спекуляціи участвують банки, профессіональные игроки и только отчасти люди разныхъ общественныхъ группъ, не имѣющіе, по своему занятію, никакого отношенія къ биржѣ. Большая часть этихъ людей принадлежитъ къ среднему классу и, внося для биржевой спекуляціи десятки тысячъ, можетъ выигрывать абсолютно довольно большія суммы даже въ томъ случаѣ, когда рискуетъ умѣренно, покупаетъ процентныя бумаги со значительными залогами и не напрягаетъ кредита до послѣдней степени. Когда спекуляція уже оживилась, то въ этотъ кругъ входитъ все больше и больше людей съ маленькими и даже совсѣмъ ничтожными средствами: офицеръ, учительница музыки, прикащикъ книжнаго магазина, мелкій землевладѣлецъ, чиновникъ консисторіи, учитель гимназіи стоятъ, по своимъ занятіямъ, очень далеко отъ биржи; ремесленникъ и домашняя прислуга стоятъ еще дальше. Но общее теченіе увлекаетъ и этихъ людей; слыша объ удачѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ, они постепенно увлекаются этими примѣрами и несутъ свои обезпеченія въ банкирскія конторы. Если при вялой спекуляціи или, какъ принято говорить, застоѣ на биржѣ, отдѣльное порученіе банку купить или продать касается сотенъ или даже тысячъ акцій одного наименованія, то, съ оживленіемъ биржевыхъ оборотовъ, отдѣльныя порученія на десять акцій и даже на 2—3 акціи занимаютъ въ общей массѣ порученій все болѣе замѣтное мѣсто. Эта демократизація биржевыхъ оборотовъ обнаруживаетъ и другую особенность. Если спекулируетъ на биржѣ человѣкъ со среднимъ капиталомъ въ 20—25,000 рублей, то, купивъ акцій съ 25% обезпеченіемъ (на 80—100,000 рублей), онъ можетъ, при повышеніи цѣны на 5—6%, выиграть 4—5,000 р., т.-е. сумму, абсолютно довольно большую, какъ добавку къ постоянному доходу. Когда же человѣкъ приноситъ въ банкирскую контору 500 руб., то, купивъ на 2,000, можетъ, при такомъ же повышеніи цѣны, выиграть только 100 рублей. А эта сумма кажется слишкомъ малымъ возмездіемъ за рискъ, который принялъ на себя маленькій спекулянтъ, вынувъ деньги изъ сберегательной кассы и помѣстивъ ихъ въ гораздо менѣе надежныя руки, къ банкиру. А потому онъ напрягаетъ кредитъ до послѣдней степени и покупаетъ процентныхъ бумагъ на сумму, превышающую собственный капиталъ не въ 3—4 раза, а въ 10 разъ. Вотъ два обстоятельства, которыя хорошо разъясняютъ вопросъ о томъ, кто наиболѣе теряетъ при рѣзкомъ пониженіи цѣнности бумагъ.

Уже демократизація биржевыхъ оборотовъ наступаетъ въ то время, когда цѣны всѣхъ бумагъ стоятъ довольно высоко и когда нужно больше ожидать крушенія или, по крайней мѣрѣ, рѣзкаго пониженія, нежели въ то время, когда спекуляція только начиналась. Поэтому, малокапитальный людъ все болѣе и болѣе наполняетъ эту сферу именно въ то время, когда опасность покупокъ значительно увеличилась. Во-вторыхъ, когда бы масса публики ни начинала биржевую игру, она вноситъ въ нее гораздо больше увлеченія и легкомыслія, нежели профессіональные игроки и даже люди

которые только изрѣдка играютъ на биржѣ и выносятъ на это поле значительныя денежныя средства. Послѣдніе имѣютъ нѣкоторую опытность, слышатъ о дѣлахъ отдѣльныхъ промышленныхъ предпріятій, иные просматриваютъ отчеты общества, акціи котораго хотятъ пріобрѣсти, за нѣсколько лѣтъ, при очень высокихъ цѣнахъ, предпочитаютъ покупать бумаги первоклассныхъ предпріятій съ дивидендомъ опредѣлившимся и довольно постояннымъ, въ увѣренности, что если не будетъ очень крупнаго выигрыша, то нечего бояться и большого убытка. Тѣ же, которые стоятъ очень далеко отъ биржи, вслѣдствіе полнаго невѣдѣнія, не могутъ принимать въ разсчетъ эти условія. Они руководствуются только однимъ: свѣдѣніями о томъ, что такую-то бумагу покупаютъ и на такой-то бумагѣ многіе получали крупный выигрышъ. Какъ бы ни была высока цѣна бумагъ, она представляется (вслѣдствіе поверхностнаго знанія или даже полнаго невѣдѣнія обстоятельствъ, которыя опредѣляютъ нормальную цѣну бумаги) имъ тою, отъ которой можно ожидать выигрыша и по которой, слѣдовательно, нужно покупать. Если мы напомнимъ, въ-третьихъ, о размѣрахъ, въ какихъ рискуютъ самые мелкіе спекулянты и о незначительности залоговъ, которыми они пользуются при покупкѣ бумагъ, то поймемъ, почему именно они и страдаютъ при пониженіи цѣнъ и ослабленіи спекуляціи. Понижательное движеніе, охватывая всѣ бумаги, давитъ ихъ цѣны далеко не въ одинаковой пропорціи: первоклассныя, рѣдко покупаемыя мелкими спекулянтами, падаютъ на 5—7—8%, тогда какъ акціи менѣе надежныхъ предпріятій—на 20—25% (такъ, наприм., съ половины августа до начала октября нынѣшняго года акціи кіевскаго и виленскаго земельныхъ банковъ упали на 5—6%, тогда какъ брянскаго и сормовскаго заводовъ—на 20—22%, мальцевскаго — на 40%). А такъ какъ бумаги этихъ предпріятій покупаются особенно охотно мелкими спекулянтами и, притомъ, съ очень малымъ залогомъ, то они и наиболѣе страдаютъ при крушеніи биржи.

Подобные факты, наблюдаемые въ любой странѣ, могутъ быть подмѣчены и въ нашемъ отечествѣ. Въ 1890—1892 годахъ биржевые обороты были крайне вялы; неурожайные годы уменьшили доходность многихъ предпріятій—желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ обществъ, банковъ, новыя промышленныя предпріятія не возникали, и потому въ распоряженіи спекуляціи было очень мало матеріала. Но съ 1893 года началось оживленіе, охватившее первоначально общественныя группы, близкія къ биржѣ; только постепенно стала входить и публика въ этотъ кругъ; только постепенно стало возростать число on call-ныхъ книжекъ, выдаваемыхъ банками и банкирскими конторами людямъ, которые хотятъ попытать счастья со своими маленькими сбереженіями.

Зная порядокъ, въ которомъ расширяется кругъ людей, прикосновенныхъ къ биржевой спекуляціи, мы тѣмъ самымъ еще не познаемъ условій, которыя способствовали ея развитію. Нужно искать этихъ условій не во вкусахъ спекулянтовъ, не въ настроеніи ихъ умовъ, а въ крупныхъ фактахъ нашего народнаго и государственнаго хозяйства.

Еще въ половинѣ 80-хъ годовъ процентъ по русскимъ государственнымъ займамъ стоялъ на 5 годовыхъ. Если взять отмѣтки биржевыхъ курсовъ того времени, то окажется, что доходы первоклассныхъ частныхъ предпріятій капитализовались изъ 6%, а предпріятій менѣе надежныхъ—даже изъ 6½—7½ (вспомнимъ, наприм., о московскомъ международномъ банкѣ, акціи котораго еще 3—4 года тому назадъ, при 30-рублевомъ дивидендѣ, стоили 360 рублей, или о пароходномъ обществѣ «Самолетъ», акціи котораго, при дивидендѣ въ 20 рублей, не поднимались выше 300, хотя это предпріятіе издавна имѣетъ хорошую репутацію). Тенденція къ пониженію рыночнаго процента, рѣзко обнаружившаяся тогда въ Западной Европѣ и Америкѣ, сказалась и въ нашемъ отечествѣ и облегчила конверсію государственныхъ долговъ изъ 5% въ 4%. Эта финансовая мѣра, начавшись въ 1889 году, не могла сразу обнаружить сполна свое вліяніе на биржу. Прошло три года (изъ нихъ два неурожайныхъ), прежде чѣмъ % по государственнымъ займамъ сталъ оказывать вліяніе на цѣну процентныхъ бумагъ частныхъ предпріятій. Въ силу закона стремленія процента къ одному уровню, насколько болѣе или менѣе однородны формы помѣщенія капитала, конвертированіе государственныхъ займовъ должно было показать процентъ по акціямъ и, соотвѣтственно, поднять капитальную стоимость послѣднихъ. Такъ какъ помѣщеніе капитала въ лучшія, издавна упрочившіяся частныя предпріятія даетъ владѣльцу капитала вполнѣ достаточное обезпеченіе, то естественно, что пониженіе процента по государственнымъ бумагамъ съ 5 до 4 должно было понизить процентъ по акціямъ лучшихъ предпріятій съ 6 до 5 годовыхъ. А потому, если акція съ дивидендомъ въ 30 р. стоила въ 1892 году 500 р., а въ 1894 году 600 р., то подобное возвышеніе цѣны должно быть объяснено совершенно нормальными условіями, независимо отъ какого-либо вліянія спекуляціи. Этотъ процессъ облегчался еще тѣми убытками, которые конверсіи причинили владѣльцамъ государственныхъ процентныхъ бумагъ. Пониженіе % съ 5 на 4 уменьшило доходы на ⅕ и вызвало вполнѣ естественное стремленіе восполнить пробѣлы перемѣщеніемъ капитала изъ фондовъ въ бумаги лучшихъ частныхъ предпріятій. Разъ послѣднія стали капитализоваться изъ 5% годовыхъ, то и акціи второстепенныхъ предпріятій должны были испытать на себѣ это вліяніе: и ихъ владѣльцы стали мириться съ низшимъ процентомъ и онѣ стали капитализоваться не изъ 7%, какъ ранѣе, а только изъ 6. Такимъ образомъ, конвертированіе государственныхъ займовъ произвело постепенно дѣйствіе на всей площади процентныхъ бумагъ.

Къ этому присоединилось вліяніе и другихъ крупныхъ экономическихъ фактовъ: доходы многихъ предпріятій увеличились вслѣдствіе того, что неурожайные годы смѣнились урожайными и наступило нѣкоторое оживленіе народнаго хозяйства: желѣзныя дороги и пароходы имѣли больше грузовъ, нежели въ предъидущіе годы, крупные банки нашли выгоднымъ открыть отдѣленія въ разныхъ провинціальныхъ городахъ. Отчеты многихъ предпріятій доказываютъ это съ полною очевидностью: общество юго-восточ-

ныхъ дорогъ, дававшее (мы имѣемъ въ виду грязе-царицынскую линію, главную во всей этой сѣти) въ 1889—92 годахъ дивидендъ только по 7—8 рублей на акцію, дало въ 1893 и 94 годахъ по 9—10 рублей. Пароходное общество «Самолетъ», дававшее въ 1890—92 годахъ по 10—15 рублей, дало за 1893 и 94 гг. по 20 рублей дивиденда. Петербургскій частный коммерческій банкъ, приносившій за 1890—92 годы по 15—20 р. дивиденда, далъ за 1893 годъ 25 рублей, а за 1894 г.—30 р. То же можно сказать и о многихъ другихъ предпріятіяхъ. Акціи промышленныхъ обществъ стали быстро повышаться въ цѣнѣ вслѣдствіе общаго направленія нашей хозяйственной политики. Выражаясь, съ одной стороны, въ таможенномъ покровительствѣ отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ, эта политика вылилась также въ крупныхъ казенныхъ заказахъ туземнымъ заводамъ: брянскій заводъ, путиловскій, сормовскій, балтійскій паровозостроительный и другіе получили отъ казны многомилліонные заказы на изготовленіе рельсовъ и другихъ принадлежностей для сибирской и другихъ желѣзныхъ дорогъ. Обезпеченіе этихъ предпріятій заказами на много лѣтъ явилось залогомъ вѣрнаго и значительнаго дивиденда. Поэтому, если 3—4 года тому назадъ дивидендъ многихъ изъ этихъ предпріятій не превышалъ 5—6 руб. и биржевая цѣна стояла ниже нарицательной, то повышеніе въ послѣдніе два года дивиденда до 20—25 рублей должно было увеличить капитальную стоимость въ 4—5 разъ.

Вотъ факты, которые, независимо отъ всякихъ коммерческихъ фокусовъ, должны были измѣнить цѣны акцій многихъ предпріятій. Поскольку цѣны повышались только подъ этими вліяніями, постольку (мы не говоримъ, чтобы самыя эти вліянія были благотворны для народнаго хозяйства; напротивъ, вліяніе таможеннаго покровительства, искусственное поддержаніе туземной промышленности должны быть признаны вредными) слѣдуетъ признать повышеніе нормальнымъ. Но къ этимъ вліяніямъ присоединились и другія, которыя, содержа въ себѣ элементы легкомыслія и злого умысла, должны быть признаны ненормальными. Эти вліянія могутъ быть группированы такимъ образомъ: 1) Банки и разныя промышленныя общества стали расширять свои капиталы посредствомъ выпуска новыхъ акцій. 2) Они начали созидать новыя предпріятія. До нѣкоторой степени и выпуски новыхъ акцій и основаніе новыхъ предпріятій вызываются общимъ оживленіемъ промышленныхъ дѣлъ: для того, чтобы петербургскому банку открыть отдѣленіе въ Саратовѣ или какому-нибудь рельсо-прокатному заводу исполнить заказы казны, нужно увеличить капиталъ выпускомъ новыхъ акцій; для того, чтобъ эксплуатировать минеральныя богатства донецкаго или домбровскаго округа, нужно создать нѣсколько новыхъ промышленныхъ предпріятій. Однако, и выпуски новыхъ акцій, и учредительство настолько связаны съ личными интересами владѣльцевъ старыхъ акцій въ первомъ случаѣ и банковъ, учреждающихъ предпріятія, во второмъ, что то и другое становится источникомъ злоупотребленій. Такъ какъ по обычаю владѣльцы старыхъ акцій получаютъ новыя

по цѣнѣ гораздо низшей сравнительно съ биржевой, на каждыя 5, 10, 15, старыхъ акцій по одной новой, то и выпуски новыхъ акцій, и насажденіе новыхъ предпріятій совершаются съ большою дозой легкомыслія, а нерѣдко и злонамѣренности, въ разсчетѣ на то, что среди спекулянтовъ всегда найдутся многіе, готовые вѣрить самымъ фантастическимъ планамъ. Легковѣріе же публики объясняется, прежде всего, не индивидуальными особенностями тѣхъ или другихъ биржевыхъ игроковъ, а общимъ состояніемъ экономическихъ дѣлъ, которыя и создаютъ почву для этого легковѣрія. Когда расширяется старое предпріятіе посредствомъ новаго выпуска акцій или создается новое, то въ головѣ спекулянта совершается такой процессъ: «если заводъ А получилъ отъ казны подрядъ на 10 милліоновъ рублей, а заводъ Б. на 8, то она не оставитъ безъ заказовъ и вновь возникающихъ предпріятій В, Г, Д», или: «если въ связи съ общимъ характеромъ русской таможенной политики туземная промышленность доставляетъ большіе барыши, то каждое вновь возникшее промышленное предпріятіе также найдетъ для себя широкій рынокъ сбыта». Если во главѣ расширяемаго предпріятія или вновь возникающаго стоитъ лицо съ громкимъ именемъ въ сферѣ промышленности, то акціи находятъ покупателей по очень высокой цѣнѣ, хотя бы въ теченіе первыхъ 2—3 лѣтъ и нельзя было разсчитывать на полученіе дивиденда: дѣловитость заправилы оцѣнивается такъ высоко, что считается выгоднымъ не получать на капиталъ процентовъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, такъ какъ грядущіе доходы сполна вознаградятъ за это воздержаніе. И такъ, общее положеніе экономическихъ дѣлъ склоняетъ къ легкомыслію и крайнему оптимизму и многихъ людей, уже искусившихся въ биржевыхъ оборотахъ. Люди же наименѣе опытные такъ проникаются чрезмѣрными надеждами, что самый нелѣпый вымыселъ принимается на лету и заставляетъ многихъ бросаться на очень сомнительныя бумаги и давать за нихъ высокія цѣны.

Примѣняя эти общія соображенія къ цѣнамъ акцій, которыя котируются на нашихъ биржахъ, мы видимъ, что предпріятія, которыя представляются ими, даютъ очень пеструю картину: здѣсь есть старинныя упрочившіяся предпріятія, которыя удачно ведутъ свои дѣла уже много лѣтъ и гдѣ нѣтъ рѣзкаго диссонанса между размѣрами оборотовъ и величиной собственнаго капитала; здѣсь есть предпріятія, предъидущая дѣятельность которыхъ далеко не блистательна, но которыя значительно увеличили капиталъ и пріобрѣли крупные заказы; есть обновленныя или даже новыя предпріятія съ такими лицами во главѣ, дѣловитость которыхъ служитъ серьезнымъ залогомъ успѣшнаго развитія; есть, наконецъ, предпріятія, о которыхъ можно сказать только одно: «еще однимъ промышленнымъ и торговымъ дѣломъ стало больше». А. П., авторъ весьма хорошей статьи *По поводу биржевой игры* (*Русскія Вѣдомости* 1895 г., № 281) говоритъ слѣдующее: «Какъ недавно справедливо было отмѣчено, главнымъ импульсомъ для подъема акцій почти заброшенныхъ заводовъ и для учрежденія новыхъ горнозаводскихъ и другихъ промышленныхъ компаній служило по-

кровительство отечественной промышленности, принявшее форму правительственныхъ заказовъ. Въ публикѣ усердно распространяли слухи, что путиловскіе, брянскіе, сормовскіе и мальцевскіе заводы получили заказы, обезпечивающіе дивидендъ чуть ли не на десять лѣтъ впередъ. Удивительно ли, что эти заказы стали учитываться на биржѣ и что съ промышленными бумагами началась игра, тѣмъ болѣе оживленная, чѣмъ менѣе были извѣстны предпріятія? Жажда быстрой наживы вскружила голову публикѣ, повсюду стали искать матеріала для игры и выкапывать бумаги, валявшіяся безъ движенія многіе годы. Когда подобрали все, что можно было пустить въ обращеніе, естественно стали стремиться къ новымъ дѣламъ, къ учрежденію новыхъ промышленныхъ и заводскихъ предпріятій, а главнымъ базисомъ для этого, опять-таки, послужили правительственные заказы. Тогда на биржѣ наступила полная оргія: акціи заводовъ, къ постройкѣ которыхъ еще не приступили, стали рости съ поразительною быстротой. Другими словами, началась спекуляція не на заводы, уже приносившіе доходъ, а на предстоящій будто бы доходъ отъ правительственныхъ заказовъ. Поощреніемъ для игры служила, такимъ образомъ, вся экономическая политика, поддерживавшая промышленность мѣрами, которыя могли только обогатить спекулянтовъ, а не оживить промышленную дѣятельность страны». Вполнѣ соглашаясь съ этою характеристикой, мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить только одно: незначительное число новыхъ промышленныхъ предпріятій, возникшихъ у насъ за послѣдніе два года, со времени оживленія биржевыхъ оборотовъ; наше учредительство, ограничиваясь нѣсколькими десятками обществъ, составляетъ очень огромную величину сравнительно съ учредительскою горячкой, которая по временамъ овладѣваетъ западно-европейскими биржами.

Министерство финансовъ стало обращать вниманіе на биржевую игру съ 1894 года, когда биржа начала привлекать къ себѣ все больше людей съ мелкими сбереженіями. Неоднократно приглашая публику воздерживаться отъ увлеченія биржевою горячкой, министерство, чтобы воспрепятствовать ажіотажу, стало примѣнять новый порядокъ выпуска акцій. Этотъ порядокъ заключается въ томъ, что, при выпускѣ новыхъ акцій, акціонеры должны вносить, сверхъ складочнаго капитала и соотвѣтствующей доли запаснаго, еще половину разницы между берживою цѣной и вышеуказанными суммами. Если цѣна акцій достигла на биржѣ 1,000 рублей при нарицательной цѣнѣ въ 250, то, по новымъ правиламъ, требуется взнесеніе не только 250 руб., соотвѣтственно съ нарицательною цѣной, и доли запаснаго капитала, не болѣе 83 рублей, т.-е. $^1/_3$ складочнаго, но еще 333 р. $\left(\frac{1000-333}{2}\right)$, т.-е. въ сложности 666. Такой порядокъ былъ установленъ въ предположеніи, что уменьшеніе барышей акціонеровъ отъ выпуска новыхъ акцій можетъ ослабить побужденія къ биржевой игрѣ. До сихъ поръ этотъ порядокъ примѣняется, какъ административная мѣра, и встрѣчаетъ на практикѣ много исключеній. Но еслибъ онъ былъ опредѣленъ закономъ, если бы не допускалось изъятій, то онъ не былъ бы въ состояніи

даже въ малой мѣрѣ ослабить биржевую игру. Конечно, темною стороной биржевыхъ оборотовъ является то, что выпуски новыхъ акцій позволяютъ акціонерамъ пріобрѣтать въ самое короткое время огромные барыши и наживать милліоны. Но если бы барыши ограничивались гораздо меньшими суммами, то не было бы устранено другое явленіе—страсть, съ которою масса публики бросается на акціи и поднимаетъ ихъ цѣны, какъ скоро предстоитъ выпускъ новыхъ акцій. Хотя выигрышъ, вслѣдствіе оплаты новыхъ акцій болѣе высокою цѣной, уменьшается на половину, однако, для большинства мелкихъ спекулянтовъ выпускъ новыхъ акцій есть синонимъ не только расширенія предпріятія, но и увеличенія его доходности. И такое предположеніе не есть слѣдствіе только легковѣрія и предразсудковъ: оно есть слѣдствіе общаго сознанія, что предпріятіе дастъ относительно тѣмъ бо̀льшій доходъ, чѣмъ болѣе увеличиваются его размѣры. Поэтому, если предпріятіе даетъ нѣсколько лѣтъ кряду по 30 руб. дивиденда на акцію, то выпускъ новыхъ акцій внушаетъ увѣренность, что дивидендъ достигнетъ 33—35 руб., и уже это одно, независимо отъ того, какъ оплачиваются новыя акціи, вызываетъ большой запросъ на нихъ и поднимаетъ ихъ цѣну. Есть и другая причина, въ силу которой указанный порядокъ не можетъ препятствовать развитію биржевой игры: выпускъ новыхъ акцій есть одно изъ многихъ условій, которыя привлекаютъ къ биржевымъ сдѣлкамъ. На акціи предъявляется запросъ потому, что, хотя не предстоитъ новыхъ выпусковъ, предпріятіе идетъ болѣе успѣшно, даетъ большій доходъ или даже (при учреждаемыхъ предпріятіяхъ) если доходъ еще не существуетъ, но имѣются какіе-нибудь элементы, обѣщающіе пріобрѣтателю дать въ будущемъ вѣрный источникъ дохода. Наконецъ, порядокъ выпуска новыхъ акцій не имѣетъ вліянія на всѣ тѣ случаи, когда вымыслы, ложные слухи побуждаютъ спекулянтовъ цѣлыми толпами направляться въ банки за какою-нибудь бумагой.

Безрезультатность этой мѣры побудила министерство финансовъ выработать планъ измѣненій въ законахъ о биржахъ. Проектъ, составленный министерствомъ финансовъ, подвергается обсужденію въ особой коммиссіи. Теперь онъ имѣетъ такой видъ.

Биржи являются общественными установленіями и состоятъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ подъ наблюденіемъ департамента мануфактуръ и торговли. Дѣятельность биржи нормируется и общимъ уставомъ, и особыми правилами, которые утверждаются для каждой биржи министромъ финансовъ. Для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ, важныхъ для всѣхъ или нѣкоторыхъ биржъ, могутъ быть, въ установленномъ порядкѣ, созываемы съѣзды представителей всѣхъ или нѣкоторыхъ биржъ; ихъ постановленія утверждаются и включаются въ правила биржъ, принимавшихъ участіе на съѣздѣ. Проектъ раздѣляетъ биржи на 3 разряда, сообразно важности и свойствамъ производимыхъ на нихъ оборотовъ: 1) биржи обѣихъ столицъ, 2) 6 провинціальныхъ биржъ—варшавская, одесская, ростовская на Дону, кіевская, рижская и либавская. Всѣ остальныя биржи относят

къ 3-му разряду. Только биржи перваго и второго разрядовъ будутъ подчинены новому закону, а всѣ остальныя будутъ дѣйствовать по своимъ спеціальнымъ уставамъ. Проектъ удѣляетъ много вниманія вопросу о составѣ биржевого общества и установленіи на биржѣ единой твердой власти. По проекту, биржевое общество состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ право на занятіе промышленностью и торговлей. Сверхъ того, установляется цѣлый рядъ отрицательныхъ условій, которымъ лицо должно удовлетворять, дабы быть принятымъ въ составъ: исключаются всѣ, присужденные къ наказаніямъ, которыя связаны съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ, виновные въ проступкахъ противъ чужой собственности, отрѣшенные отъ должности въ теченіе 3 лѣтъ со времени отрѣшенія, исключенные изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ или изъ биржевого общества, признанные несостоятельными должниками и состоящіе подъ администраціей. Не могутъ быть членами биржевого общества также служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ и состоящіе кассирами въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Но товарищи-распорядители торговыхъ домовъ, директоры, управляющіе могутъ быть членами биржевого общества, дабы были лучше и болѣе разносторонне охраняемы интересы предпріятій, которыя они представляютъ. Желающіе поступить въ члены биржевого общества подвергаются баллотировкѣ; дабы личность баллотируемаго кандидата могла быть вполнѣ выяснена, объявленія о желающемъ вступить въ члены выставляется въ теченіе двухъ недѣль. Исключеніе изъ членовъ производится по закрытой баллотировкѣ; поводами же къ исключенію могутъ быть: неблаговидные поступки члена въ его торговой и промышленной дѣятельности, содѣйствіе сокрытію имущества отъ кредиторовъ, дѣйствіе въ ущербъ довѣрію къ русской торговлѣ и промышленности на заграничныхъ рынкахъ, неправильность въ исполненіи биржевыхъ сдѣлокъ, умышленное воздѣйствіе на курсы и нарушеніе биржевыхъ правилъ. Наконецъ, биржевой комитетъ исключаетъ члена по предложенію министра финансовъ, на время, указанное въ предложеніи. Во главѣ биржевого общества проектъ ставитъ биржевой комитетъ. Онъ избирается биржевымъ обществомъ. Комитету принадлежитъ управленіе биржей и ея имуществомъ; высшій надзоръ надъ биржевымъ комитетомъ осуществляется департаментомъ торговли и мануфактуръ. Комитетъ биржи 1-го разряда состоитъ изъ 24 членовъ, 2-го—изъ 18 и 3-го—изъ 12. Члены избираются на трехлѣтній срокъ; ежегодно $^1/_3$ выходитъ по жребію. Установляя, по сравненію съ дѣйствующими биржевыми уставами, многочисленный составъ комитетовъ, проектъ имѣетъ въ виду обезпечить непрерывность занятій комитета, безъ обремененія отдѣльныхъ его членовъ и предсѣдателя. Многочисленный составъ комитета облегчитъ, по предположенію проекта, образованіе временныхъ или постоянныхъ коммиссій, которыя дѣйствуютъ именемъ комитета и куда могутъ быть приглашаемы лица, обладающія разными спеціальными научными и практическими знаніями,—техники, моряки, юристы и проч. Распоряженія биржевого комитета обязательны для биржевого общества и

другихъ посѣтителей биржи, но могутъ быть обжалованы департаменту торговли и мануфактуръ. Внѣшняя дисциплина на биржѣ поддерживается очереднымъ членомъ биржевого комитета. На биржевыхъ собраніяхъ могутъ бывать только члены биржи, ихъ уполномоченные и приказчики и въ небольшомъ числѣ стороннія лица, по разрѣшенію биржевой власти. Придавая большое значеніе вопросу о маклерствѣ, проектъ упраздняетъ присяжныхъ маклеровъ и предоставляетъ всѣмъ членамъ биржевого общества одни и тѣ же права. Каждый членъ биржевого общества можетъ избрать любой способъ биржевой дѣятельности, подъ условіемъ предварительнаго заявленія о томъ комитету. Выраженіемъ дѣятельности людей биржи служитъ биржевая сдѣлка. Въ правилахъ каждой биржи точно опредѣляются: предметы биржевой торговли и наименованія ихъ количества, допускаемыя въ биржевыхъ сдѣлкахъ; въ частности, тѣ предметы, на которые допускается заключеніе сдѣлокъ на срокъ и продолжительность этихъ сроковъ. Биржевыя сдѣлки излагаются въ двухъ экземплярахъ биржевой записки, которая отмѣчается въ биржевомъ реестрѣ (его ведетъ биржевой нотаріусъ). Зарегистрированныя биржевыя сдѣлки имѣютъ двоякое преимущество: однѣ имѣютъ примѣненіе въ теченіе короткаго срока и только на биржѣ, а другія сопровождаютъ биржевую сдѣлку въ судѣ и въ конкурсномъ производствѣ. Всѣ эти преимущества взяты изъ дѣйствующаго законодательства и биржевыхъ уставовъ. Проектъ предполагаетъ образованіе особаго присутствія для составленія бюллетеня по каждому биржевому собранію. При составленіи бюллетеня принимаются въ разсчетъ биржевыя сдѣлки въ оконченномъ биржевомъ собраніи. Бюллетень есть документъ, удостовѣряющій все, что въ немъ отмѣчено. Проектъ установляетъ также контроль надъ обращеніемъ бумагъ на биржѣ. Дабы контроль былъ наиболѣе дѣйствителенъ, онъ долженъ предшествовать допущенію бумагъ къ обращенію на биржѣ. Самому допущенію бумагъ на биржу предшествуютъ нѣкоторыя формальности. И самое заявленіе относительно бумаги выставляется въ теченіе двухъ недѣль, дабы посѣтители могли предварительно ознакомиться съ нею. Принятіе или непринятіе бумаги рѣшается большинствомъ голосовъ. Подобно тому, какъ принятый въ члены биржевого общества можетъ быть исключенъ изъ него по распоряженію министра финансовъ, такъ можетъ и бумага быть устранена изъ обращенія на биржѣ. Постановленіемъ биржевого комитета можетъ быть исключена изъ котировки бумага въ случаѣ ея обезцѣненія до 50% нарицательной цѣны, если въ теченіе 3 мѣсяцевъ она не поднимется до 75% нарицательной цѣнности, и въ случаѣ искусственно вызванной спекуляціи на бумагу. Проектъ вводитъ еще одну гарантію вѣрности бумаги, допускаемой на биржѣ. Эта гарантія заключается въ томъ, что заявляющій ходатайство о допущеніи бумаги къ обращенію долженъ обозначить въ заявленіи цѣну, по которой онъ обязуется, въ теченіе двухъ лѣтъ по допущеніи бумаги къ обращенію, принимать ее отъ всякаго, если къ концу перваго года по допущеніи бумаги на биржу биржевая цѣна ея упадетъ на 30% ниже нарицательной.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ проектъ новаго биржевого устава, выработанный министерствомъ финансовъ. Министерство придаетъ особенное значеніе слѣдующимъ пунктамъ проекта: 1) строгому выбору въ члены биржевого общества; 2) образованію сильной власти въ лицѣ биржевого комитета; 3) устраненію присяжныхъ маклеровъ и 4) правиламъ относительно допущенія бумагъ къ обращенію на биржѣ. Посмотримъ, насколько порядокъ, установляемый въ проектѣ относительно этихъ пунктовъ, можетъ задерживать развитіе биржевой спекуляціи.

По поводу перваго пункта читаемъ въ *Вѣстникѣ Финансовъ* слѣдующее: установляя цѣлый рядъ условій, которыя преграждаютъ лицу доступъ въ биржевое общество, «проектъ стремится достигнуть существеннаго измѣненія состава биржевой публики, въ смыслѣ полнаго его очищенія отъ вторгающихся въ него постороннихъ и вредныхъ элементовъ, устраненіемъ сомнительныхъ посѣтителей, лишеніемъ права посѣщенія биржи любителей и непрофессіональныхъ посѣтителей и превращеніемъ, наконецъ, биржи изъ открытаго, всѣмъ доступнаго рынка въ замкнутую корпорацію» (*Вѣстн. Фин.* 1895 г., № 43, стр. 264).

Поставивъ себѣ такую цѣль, проектъ и не допускаетъ въ составъ биржевого общества людей, на которыхъ судомъ положено какое-нибудь пятно. Мы увѣрены, что эти ограниченія развѣ въ самой незначительной мѣрѣ затруднятъ доступъ въ члены биржевого общества. И доказательство налицо: мы жалуемся на присяжныхъ маклеровъ, что они искусственно подогрѣваютъ въ публикѣ наклонность къ спекуляціи, а, вѣдь, никто изъ дѣйствующихъ маклеровъ не опороченъ по суду, не лишенъ «особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ», не былъ несостоятельнымъ должникомъ; мы приписываемъ банкирскимъ конторамъ вредное вліяніе на развитіе спекуляціи, а, между тѣмъ, можно поручиться, что никто изъ владѣльцевъ первоклассныхъ конторъ или даже служащихъ въ оныхъ не носилъ оффиціальную печать порочности; есть полное основаніе сомнѣваться даже въ томъ, чтобы среди служащихъ въ конторахъ второго и третьяго разрядовъ нашлись люди, бывшіе подъ судомъ и не оправданные, чтобы несостоятельные должники не составляли въ этой средѣ самаго рѣдкаго исключенія. И это понятно: хозяинъ банкирской конторы, сберегая свои интересы, требуетъ отъ служащихъ удовлетворенія хотя бы тѣхъ минимальныхъ требованій морали, исполненіе которыхъ служитъ ручательствомъ, что человѣка не будутъ преслѣдовать по суду. Но эта неопороченность по суду еще безконечно далека до такого образа дѣйствій, при которомъ человѣкъ (не говоримъ воздерживается отъ спекуляціи) строго воздерживается отъ всего, что можетъ развивать въ людяхъ наклонность къ биржевой игрѣ. А если таково положеніе дѣлъ теперь, то нѣтъ никакого ручательства, что указанныя ограниченія дадутъ намъ такой составъ биржевого общества, при которомъ оно будетъ свободно отъ сомнительныхъ элементовъ, наводняющихъ биржевыя собранія.

Придавая значеніе 2-му пункту, проектъ руководствуется тѣмъ сообра-

женіемъ, что «раздвоеніе власти между коллегіальнымъ учрежденіемъ, выбираемымъ членами общества, и совокупностью послѣднихъ не болѣе оправдало себя на биржѣ, чѣмъ въ другихъ примѣненіяхъ. Въ примѣненіи же къ биржѣ и ея устройству раздвоеніе власти непригодно еще потому, что при вмѣшательствѣ общихъ собраній членовъ комитетъ не имѣетъ полнаго авторитета, связанъ въ своей инициативѣ» (*Вѣстникъ Финансовъ*, тамъ же). Здѣсь авторъ статьи въ органѣ министерства финансовъ высказываетъ положеніе, которое отнюдь не можетъ быть принято. Оставляя въ сторонѣ примѣръ западно-европейской жизни, не касаясь того, что представляетъ повсюду на земномъ шарѣ промышленность и торговля, гдѣ многочисленныя предпріятія имѣютъ два коллегіальныхъ органа власти (общее собраніе акціонеровъ и правленіе), мы возьмемъ область русскаго государственнаго права и напомнимъ о земскихъ учрежденіяхъ. Какъ ни много положено было труда для съуженія компетенціи земства, какъ ни много было людей, враждебно настроенныхъ противъ него въ то время, когда вырабатывалось положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года, однако, никому не пришло и въ голову устранить двойственность коллегіальнаго устройства—въ управахъ, съ одной стороны, и собраніяхъ—съ другой. Такимъ образомъ, это положеніе, какъ общее, не можетъ быть принято. Но этотъ порядокъ нежелателенъ еще и потому, что онъ передаетъ все завѣдываніе биржей въ руки немногихъ лицъ, которыя легко могутъ стакнуться и произвести искусственное повышеніе цѣны бумаги или же ея пониженіе. Въ состояніи биржевыхъ дѣлъ нѣтъ такихъ условій, которыя дѣлали бы участіе отъ времени до времени всего биржевого собранія слишкомъ громоздкимъ и тяжеловѣснымъ. Важнѣйшія стороны жизни биржи регулируются закономъ и биржевыми обычаями, и участіе всѣхъ больше обезпечиваетъ общій интересъ людей, соприкасающихся съ биржей, нежели вѣдѣніе всего дѣла исключительно биржевымъ комитетомъ. Такимъ образомъ, и этотъ пунктъ не обезпечиваетъ ослабленія биржевой спекуляціи.

Отмѣна присяжныхъ маклеровъ считается очень важною мѣрой потому, что въ присяжныхъ маклерахъ видятъ главный фокусъ, къ которому сходятся всѣ нити, приводящія въ движеніе спекуляцію. Если же мы присмотримся ближе къ механизму спекулятивныхъ сдѣлокъ, то увидимъ, что присяжные маклера не играютъ здѣсь выдающейся роли. Множество мелкихъ спекулянтовъ не завязываютъ сношеній съ маклерами, а совершаютъ покупки и продажи черезъ банкирскія конторы или же черезъ мелкихъ биржевыхъ дѣльцовъ, которые носятъ техническое наименованіе «зайцевъ». Упраздненіе присяжныхъ маклеровъ не будетъ имѣть, мы увѣрены, ни малѣйшаго вліянія на биржу. Въ этомъ мірѣ останутся всѣ тѣ лица, которыя, согласно съ нынѣшнимъ порядкомъ, были бы присяжными маклерами, и какъ теперь ихъ располагаетъ къ темнымъ дѣлишкамъ отнюдь не званіе, которое они носятъ, а индивидуальныя наклонности, воспитываемыя и укрѣпляемыя общественною средой, такъ при новомъ порядкѣ ихъ будетъ удерживать отъ неблаговиднаго образа дѣйствій вовсе не свобода биржe-

выхъ сдѣлокъ, позволяющая каждому (по примѣру Англіи) избрать любой видъ биржевыхъ оборотовъ, а только большая добросовѣстность. Мы полагаемъ даже, что новый порядокъ, если онъ окажетъ вліяніе на биржу, будетъ скорѣе способствовать возростанію злоупотребленій: теперь званіе присяжнаго маклера служитъ для нѣкоторыхъ уздой и удерживаетъ отъ неправильныхъ сдѣлокъ. Наличность маклеровъ (среди которыхъ есть и добросовѣстные люди) съуживаетъ дѣятельность зайцевъ, которые не имѣютъ оффиціальнаго положенія; при новомъ же порядкѣ всѣ члены биржевого общества будутъ представлять изъ себя одну сплошную массу, гдѣ стороннему лицу, умѣющему купить и продать на биржѣ, будетъ труднѣе отличить надежнаго посредника отъ людей, которые не заслуживаютъ довѣрія. Остается послѣдній пунктъ—порядокъ выкупа бумагъ или ихъ изъятіе изъ обращенія на биржѣ. Биржевой комитетъ можетъ исключить бумагу послѣ того, какъ она обезцѣнится до половины своей нарицательной стоимости. Конечно, эта мѣра совершенно безвредна, но и безполезна. Когда бумага очень упала въ цѣнѣ и, особенно, если она, долго котируясь по цѣнѣ выше нарицательной, спустилась до половины нарицательной, то она только влачитъ свое существованіе, но уже не служитъ предметомъ оживленныхъ сдѣлокъ. Припомнимъ маленькіе биржевые крахи послѣднихъ лѣтъ. Таковые были въ октябрѣ 1892, 1894 и 1895 годовъ. Паденія цѣнъ большей части бумагъ не были въ эти періоды огромны (какъ, напримѣръ, въ вѣнскій кризисъ 1873 года), однако, они были значительны и разорили много мелкихъ, частью среднихъ спекулянтовъ. Но главныя потери были понесены на бумагахъ, которыя въ своемъ обезцѣненіи далеко не дошли до уровня, когда, по проекту, слѣдовало бы изъять ихъ изъ обращенія на биржѣ. Въ октябрѣ 1892 года спекуляція особенно много потеряла на акціяхъ русскаго банка для внѣшней торговли, опустившихся съ 260 на 237 рублей; въ октябрѣ 1894 года было особенно много жалобъ на убытки отъ акцій брянскаго завода, которыя упали съ 275 до 240 р., а въ октябрѣ 1895 года особенно пострадавшими оказались владѣльцы акцій также брянскаго завода, упавшихъ съ 550 на 410 рублей, и мальцевскаго—съ 1,100 на 600 рублей. А, вѣдь, нарицательная цѣна акцій этихъ предпріятій составляетъ 250, 100 и 500 рублей, т.-е. имъ было еще чрезвычайно далеко до той нормы, когда слѣдовало бы исключить ихъ изъ обращенія на биржѣ. И понятно, почему именно такія пониженія (бумагъ, вообще, надежныхъ) причиняютъ спекулянтамъ очень большіе убытки: когда предпріятіе идетъ успѣшно, бумага служитъ предметомъ осуществленныхъ сдѣлокъ и биржевая цѣна далеко превышаетъ нарицательную, то спекулянты видятъ все въ розовомъ свѣтѣ, покупаютъ данную бумагу на большія суммы, взносятъ малое обезпеченіе, ставятъ на карту все и, при сильномъ ослабленіи биржи, теряютъ все. А причины, вызвавшія ослабленіе, часто не имѣютъ ничего общаго съ состояніемъ промышленности и торговли. Паденіе же цѣны акцій, происходящее отъ ухудшенія дѣлъ даннаго предпріятія, большею частью (насколько предпріятіе не было только мыль-

нымъ пузыремъ), развивается хронически, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слухи, неблагопріятные для репутаціи предпріятія, становятся все болѣе настойчивы; сдѣлка съ его бумагами не отличается оживленіемъ; очень немногіе спекулянты, даже изъ среды наименѣе опытныхъ, покупаютъ такую бумагу крупными партіями, и рискъ отъ ея обезцѣненія распространяется на очень большую площадь. Если паденіе цѣнности захватываетъ очень долгій періодъ, наприм., цѣлый годъ, то бумага можетъ, причинивъ многимъ убытки, не разорить никого. Можно ли признать значительною ту гарантію, которую проектъ биржевого устава вводитъ при допущеніи бумаги на биржу? Нѣтъ, эта гарантія не серьезна. Такъ какъ при оживленіи биржевыхъ дѣлъ выпускная цѣна превышаетъ нарицательтельную въ 2—3 раза, то выпускающій, какъ бы ни было рискованно предпріятіе (лишь бы оно не было совсѣмъ эфемерно), можетъ смѣло принять на себя обязательство принимать бумагу въ теченіе двухъ лѣтъ по нарицательной цѣнѣ: хотя бы предпріятіе не давало дивиденда и даже не было пущено въ ходъ, участіе въ правленіи хотя одного лица съ именемъ въ торговомъ мірѣ можетъ довольно долго поддерживать цѣну акцій на высотѣ, при которой выпустившему бумагу еще не придется расплачиваться за нее. Но, конечно, это не служитъ ручательствомъ, что черезъ 3—4 года, когда предпріятіе будетъ пущено въ ходъ и окажется поставленнымъ неудачно и убыточно, акціи не упадутъ очень низко. Возьмемъ для примѣра цѣны петербургской биржи за послѣднія числа октября, когда биржа была въ угнетенномъ состояніи и многіе жаловались на крупные убытки. При цѣнахъ, вообще, низкихъ, акціи русскаго паровозо-строительнаго механическаго завода, который еще не устроенъ, стояли на 150 р., при нарицательной цѣнѣ въ 125 р. А это предпріятіе принадлежитъ къ наименѣе извѣстнымъ изъ всѣхъ бумагъ, которыя котируются на петербургской биржѣ; при малѣйшемъ же оживленіи дѣлъ онѣ поднимаются въ цѣнѣ. И такъ, пустившій ихъ на биржу могъ бы смѣло принять отвѣтственность, которая предусмотрѣна проектомъ устава о биржахъ. Конечно, критическое положеніе дѣлъ, паника принимаетъ обыкновенно такіе размѣры, что цѣны падаютъ невѣроятно низко. Но при полномъ биржевомъ крушеніи никакія правила не помѣшаютъ разоренію многихъ людей, даже изъ тѣхъ, которые съ большою осторожностью совершаютъ обороты. Можно, повидимому, бороться съ этимъ посредствомъ установленія еще болѣе тяжелыхъ условій выпуска акцій, наприм., такъ, чтобы выпускающій былъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ обязанъ принимать ихъ отъ каждаго по нарицательной цѣнѣ. Затруднивъ многіе выпуски, это поставило бы серьезныя препятствія развитію акціонерныхъ предпріятій, въ которыхъ преимущественно развиваются промышленность и торговля.

Если, такимъ образомъ, проектъ биржевой реформы въ своихъ существенныхъ чертахъ не можетъ обуздать спекуляцій, то онъ содержитъ дв пункта, которые безъ всякой пользы для дѣла, а часто и съ большим вредомъ для него, расширяютъ права министерства финансовъ: мы раз

иѣемъ право министра финансовъ требовать исключенія изъ биржевого собранія того или другого члена и право исключать бумагу изъ обращенія на биржѣ. Эти пункты стоятъ въ явномъ противорѣчіи съ основнымъ направленіемъ проекта. Стараясь измѣнить биржевые порядки къ лучшему, проектъ усиливаетъ власть биржевого комитета, увеличиваетъ его составъ и даетъ ему большія полномочія. Разъ комитетъ признается органомъ, который всегда можетъ дѣйствовать безъ вмѣшательства биржевого общества, то признаютъ недостаточнымъ нравственный авторитетъ на его сторонѣ и полную компетентность . Мы не согласны съ тѣмъ, чтобъ его компетентность была во всѣхъ случаяхъ довольно велика и не нуждалась бы въ направленіи со стороны биржевого общества. Но въ вопросахъ, касающихся личныхъ качествъ членовъ биржевого общества и достоинства бумагъ, биржевой комитетъ болѣе компетентенъ, нежели министерство финансовъ. Послѣднее можетъ случайно знать того или другого члена, или же подробности въ жизни отдѣльнаго предпріятія, представляемаго данною бумагой. Но близкое знаніе членовъ и подробностей относительно многихъ предпріятій доступно именно биржевому комитету, который изо дня въ день, уже по профессіи своихъ членовъ, дѣлаетъ множество наблюденій и гдѣ сосредоточиваются разнообразныя свѣдѣнія о промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ. Министерство финансовъ тѣмъ болѣе не нуждается въ особыхъ правахъ относительно исключенія членовъ, что надзоръ за биржей сосредоточенъ въ департаментѣ торговли и мануфактуръ и, при надзорѣ не только формальномъ, но и дѣйствительномъ, биржевой комитетъ всегда будетъ по мѣрѣ силъ слѣдить за дѣятельностью членовъ и не оставлять безъ вниманія данныхъ, которыя накопляются относительно котируемыхъ бумагъ. Два права министерства финансовъ, способныя служить источникомъ прискорбныхъ ошибокъ или облегчить произволъ, тѣмъ болѣе нежелательны, что такое право будетъ ослаблять въ лучшихъ членахъ биржевого общества желаніе вступить въ члены биржевого комитета.

Резюмируя все изложенное, мы скажемъ, что проектъ биржевой реформы можетъ внести въ строеніе и дѣятельность биржи нѣкоторыя мелкія, частичныя улучшенія, но рѣшительно безсиленъ воздѣйствовать на биржевую спекуляцію. Послѣдняя зависитъ отъ всѣхъ условій современной общественной жизни. Она можетъ быть устранена только съ коренными перемѣнами во всей области народнаго хозяйства. Вдумаемся въ причины, которыя развиваютъ биржевую игру среди круговъ, стоящихъ близко къ сферѣ промышленности и торговли, и мы придемъ къ заключенію, что члены этихъ кружковъ не могутъ не участвовать въ игрѣ. Акціонерное общество является преобладающею формой для промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Люди, покупающіе акціи, часто, и даже большею частью, не хотятъ имѣть ничего общаго съ дѣломъ, въ которое они внесли свой капиталъ. Нерѣдко они не имѣютъ даже отдаленнаго понятія о характерѣ и условіяхъ развитія этого дѣла. Дивидендъ, получаемый ими, образуетъ самый чистый видъ нетрудового дохода; привыкнувъ къ нему, они изыски-

вают всѣ способы для его увеличенія, а отсюда—покупки и продажи цѣнныхъ бумагъ. А такъ какъ каждый, дѣйствуя въ извѣстной средѣ, пользуется наилучшими средствами, которые она даетъ для дѣятельности въ этомъ направленіи, то и при покупкѣ цѣнныхъ бумагъ охотно обращаются къ кредиту, который пригоденъ для этихъ сдѣлокъ не меньше, чѣмъ для производства. Словомъ, участвуя въ биржевой игрѣ, эти люди дѣлаютъ только то, что вытекаетъ изъ всѣхъ условій жизни ихъ круга. Вслѣдъ за ними тянется длинная вереница мелкихъ спекулянтовъ, которые принадлежатъ къ инымъ общественнымъ группамъ. Почему? Потому, что жажда пріобрѣтенія, вообще сильная въ людяхъ, особенно возростаетъ при видѣ меньшинства, которое пользуется нетрудовыми доходами или получаетъ плату за такой трудъ, который имѣетъ только личину работы и вовсе не заслуживаетъ этого признанія. Разъ въ человѣкѣ, который скопилъ маленькія сбереженія, нѣтъ очень твердыхъ нравственныхъ устоевъ, чтобы съ философскимъ достоинствомъ переносить удары судьбы, несправедливости, разъ въ немъ остро сознаніе того, что общество распредѣляетъ свои дары между людьми вовсе не пропорціонально заслугамъ, а обратно пропорціонально имъ, то является страстное желаніе урвать что-нибудь изъ этихъ выгодъ: кто не можетъ или не хочетъ искать ихъ въ государственной или частной службѣ, тотъ обращается къ игрѣ. За немногими изъятіями, это влеченіе охватываетъ всѣхъ. Къ ослабленію этой страсти ведутъ не тѣ или иные порядки на биржѣ, а крупныя общественныя реформы, укрѣпляющія въ людяхъ сознаніе личнаго достоинства, поднимающія значеніе труда и трудовыхъ доходовъ и выдвигающія на главныя мѣста въ народномъ хозяйствѣ, занятыя нынѣ ассоціаціями капитала, ассоціаціи труда.

Для взысканія продовольственныхъ долговъ, которые числятся за населеніемъ съ 1891—92 годовъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ установлены правила, сходныя съ правилами 7 февраля 1894 года объ отсрочкѣ и разсрочкѣ выкупныхъ недоимокъ. Эти правила касаются очень важной стороны народной жизни, такъ какъ задолженность крестьянскаго населенія очень велика. Центральный статистическій комитетъ собралъ въ 1893 году свѣдѣнія о задолженности сельскихъ обществъ по окладнымъ сборамъ и въ продовольственные капиталы. Этотъ матеріалъ, позволяющій сдѣлать заключеніе о разныхъ сторонахъ жизни крестьянства, касается 46 губерній и 32 милліоновъ душъ наличнаго мужского населенія. На немъ лежитъ долгъ около 336½ милліоновъ рублей. Изъ этой суммы 118 милліоновъ рублей составляли недоимки; денежный продовольственный долгъ опредѣлялся суммою до 103 милліоновъ, а цѣнность хлѣба, взятаго изъ общественныхъ магазиновъ, достигала 116 милліоновъ. Изслѣдованіе центральнаго статистическаго комитета показываетъ, что больше ¾ населенія были недоимщиками. Но есть губерніи, гдѣ недоимщиками состоитъ «почти все населеніе поголовно. Въ 24 губерніяхъ процентъ недоимщиковъ составля-

етъ больше 90% населенія, изъ нихъ въ Тульской, Симбирской и Саратовской 98—99%, Оренбургской, Пензенской, Воронежской и Самарской—99—99,7%, въ Казанской—100%. Для всей Европейской Россіи средняя цифра денежныхъ продовольственныхъ и окладныхъ недоимокъ составляетъ 9 рублей на душу задолжавшаго населенія и 2 р. 66 коп. на 1 десятину пахатной надѣльной земли. Но нѣкоторыя губерніи даютъ такія отклоненія отъ этой цифры, которыя наводятъ на самое тяжелое раздумье: въ Тульской губерніи на душу падаетъ больше 15 рублей недоимокъ, Пензенской—16 р., Самарской—21 рубль слишкомъ, въ Казанской—около 26 р. Этотъ долгъ огроменъ, почти неоплатенъ; онъ долженъ вызывать со стороны правительства самое напряженное вниманіе и самыя серьезныя заботы. И ужь, конечно, самыя цифры этого долга имѣютъ гораздо болѣе угрожающій характеръ, чѣмъ рѣзкія проявленія биржевой игры.

Въ прошломъ мѣсяцѣ скончался извѣстный дѣтскій врачъ, редакторъ-издатель *Вѣстника Воспитанія*, Е. А. Покровскій. Основанный имъ журналъ много содѣйствовалъ развитію у насъ интереса къ вопросамъ «здороваго воспитанія» и распространилъ не мало полезныхъ знаній и разумныхъ педагогическихъ идей. Смерть Егора Арсеньевича является печальною утратой для немногочисленной семьи педагоговъ, которые неразрывно связываютъ задачи физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Несмотря на конечный успѣхъ мадагаскарской экспедиціи, кабинетъ Рибо по открытіи парламентскихъ засѣданій продержался очень не долго. Его скомпромтетировала въ глазахъ палаты депутатовъ внутренняя политика. Министерство не хотѣло преслѣдовать энергичнымъ образомъ многочисленныя желѣзно-дорожныя злоупотребленія; оно не желало раскрыть темныя дѣянія болѣе или менѣе высокопоставленныхъ людей изъ правительственнаго лагеря и ничего не предпринимало въ интересахъ улучшенія экономическихъ условій рабочаго класса.

Министерство пало вслѣдствіе того, что палата приняла направленное противъ кабинета предложеніе Руане, соціалиста, требовавшаго новаго и строгаго слѣдствія по дѣлу южной желѣзной дороги. Президентъ республики за составленіемъ новаго кабинета обратился къ Леону Буржуа, который и образовалъ однородное радикальное министерство. Декларація, прочтенная нынѣшнимъ главою правительства въ палатѣ и министромъ юстиціи въ сенатѣ, вызвала горячее сочувствіе только со стороны радикаловъ, прогрессистовъ и отчасти соціалистовъ, хотя новый кабинетъ рѣшительно высказался за принципъ частной собственности.

Министерству Буржуа предсказываютъ очень недолгое существованіе. У него нѣтъ большинства ни въ сенатѣ, ни въ палатѣ: то большинство, которое низвергло Рибо, было коалиціоннымъ, въ него входили консерваторы и монархисты, которые, конечно, возстанутъ противъ новой правительственной программы. Но возможенъ и другой исходъ: въ нынѣшней палатѣ вообще нѣтъ однороднаго большинства, и Леонъ Буржуа имѣетъ полное право при первомъ же серьезномъ столкновеніи распустить ее. Препятствіемъ можетъ явиться только сенатъ, согласіе котораго требуется для роспуска палаты депутатовъ.

Во всякомъ случаѣ важно, что правительство выступаетъ съ опредѣленною и содержательною программой. Такъ какъ въ ней намѣчены вопросы, которые во всякомъ случаѣ будутъ играть очень важную роль въ политической жизни Франціи, то мы и приводимъ министерскую декларацію въ ея главныхъ пунктахъ.

Леонъ Буржуа заявляетъ, что иностранная политика Франціи останется неизмѣнною: «Франція,—сказалъ министръ-президентъ,—обновленная республиканскимъ миромъ, вступила въ союзы, возстановившіе международное равновѣсіе. Мы отвѣтимъ на единодушное желаніе французскаго народа, оставаясь вѣрными этимъ союзамъ и преслѣдуя вмѣстѣ съ ними всегда, когда мы должны это дѣлать, мирное развитіе нашего вліянія, нашихъ интересовъ и нашихъ правъ».

Кабинетъ желаетъ опираться только на истинныхъ республиканцевъ, а не на присоединившихся по разсчету къ республикѣ монархистовъ и не на такія группы, которыя являются представителями насилія.

Въ управленіе арміей и флотомъ правительство обѣщаетъ внести важныя преобразованія и строгій контроль. Это заявленіе особенно подчеркивается тѣмъ обстоятельствомъ, что военнымъ министромъ въ новомъ кабинетѣ является Кавеньякъ, морскимъ—Локруа (оба не военные).

«Мы исполнимъ волю палаты,—говорятъ министры,—назначивъ дополнительное слѣдствіе по дѣлу южной желѣзной дороги. Каковы бы ни были результаты слѣдствія, правительство обѣщаетъ полностью обнародовать его документы, чтобы парламентъ имѣлъ возможность произнести нравственный и политическій приговоръ по этому дѣлу.

«Мы отвѣтимъ также,—продолжаетъ декларація,—на предшествовавшіе вотумы палаты и внесемъ законопроектъ, на основаніи котораго членамъ законодательныхъ собраній будетъ запрещено входить въ составъ административныхъ совѣтовъ обществъ, имѣющихъ дѣло съ государствомъ, и, подъ страхомъ лишенія депутатскихъ полномочій, принимать участіе въ синдикатахъ, занимающихся выпусками цѣнныхъ бумагъ.

«Наконецъ, мы будемъ поддерживать предложенія, имѣющія цѣлью установить состязательныя пренія въ исправительномъ и уголовномъ слѣдствіи. Для того, чтобы ввести наиболѣе дѣйствительную гарантію противъ нападокъ, предметомъ которыхъ никогда не должно быть правосудіе въ свободной странѣ, мы предложимъ сдѣлать предварительное слѣдствіе гласнымъ, насколько это совмѣстимо съ преслѣдованіемъ и пресѣченіемъ преступленій».

Правительство заявляетъ далѣе о весьма важныхъ финансовыхъ законопроектахъ:

«Проектъ прогрессивнаго налога на наслѣдства стоитъ въ порядкѣ дня палаты, и мы будемъ поддерживать его.

«Реформа законовъ о напиткахъ предложена сенату; мы также будемъ добиваться ея осуществленія, подъ условіемъ сложенія налоговъ съ гигіеническихъ питей,—условіемъ, которое главнѣйшимъ образомъ сообщаетъ этой реформѣ демократическій характеръ.

«При нашей фискальной системѣ нѣкоторые налоги особенно тяжело ложатся на менѣе состоятельныхъ плательщиковъ. Мы полагаемъ, что всеобщій подоходный налогъ является средствомъ для исправленія этихъ неравенствъ и для осуществленія такого порядка, при которомъ тяжесть обло-

женія будетъ пропорціональна средствамъ гражданъ. Въ очень скоромъ времени вамъ будетъ предложенъ законопроектъ, построенный на этихъ основаніяхъ.

«Въ настоящее время разрабатывается совокупность предложеній, касающихся третейскаго суда, страхованія и сбереженій: мы будемъ поддерживать ихъ передъ вами. Наконецъ, мы всѣми силами будемъ ускорять осуществленіе системы пенсіоннаго обезпеченія рабочихъ, возвѣщенной еще вотумомъ 2 милліоновъ, которые включены въ бюджетъ 1895 г.»

Правительство заявляетъ кромѣ того, что имѣетъ въ виду регулировать законодательнымъ путемъ отношенія между государствомъ и церковью, и выработать законопроектъ объ ассоціаціяхъ. Въ глазахъ правительства «республика составляетъ не только названіе политическаго учрежденія, но является орудіемъ нравственнаго и соціальнаго прогресса, непреложнымъ средствомъ къ уменьшенію неравенства положеній и укрѣпленію солидарности между людьми. Для этой цѣли, для выполненія этой программы мы приняли на себя отвѣтственность власти».

Кончается декларація слѣдующими твердыми словами:

«Мы высказали вамъ свои мысли. Вы будете судить о насъ по нашимъ дѣйствіямъ. Мы просимъ у васъ довѣрія не для того, чтобы держаться у власти, но чтобы дѣйствовать. Если вы полагаете, что идеи, которымъ мы хотимъ служить, не отвѣчаютъ желаніямъ и интересу республики, выскажите это прямо; пусть другіе выступятъ съ иной программой. Страна разсудитъ между нами».

Заявленія новаго кабинета встрѣчены, конечно, очень недружелюбными отзывами умѣренныхъ республиканскихъ газетъ и рѣзкими нападеніями со стороны газетъ реакціоннаго и клерикальнаго лагеря. Новый фазисъ, въ который вступаетъ теперь политическая жизнь третьей республики, не обѣщаетъ быть покойнымъ, въ парламентскомъ смыслѣ слова, но исполненіе программы Леона Буржуа и его товарищей внесло бы успокоеніе въ общественную жизнь Франціи: общественное мнѣніе этой страны все настойчивѣе требуетъ энергической борьбы съ злоупотребленіями разныхъ дѣльцовъ и компаній и внесенія болѣе справедливыхъ началъ въ экономическое законодательство.

Министерству Бадени не удалось привлечь на свою сторону младочеховъ. Ихъ не удовлетворили снятіе осаднаго положенія въ Прагѣ и неопредѣленныя обѣщанія новаго министра-президента. Для правительства возникли и другія затрудненія. Побѣда на выборахъ въ вѣнскую думу коалиціи, предводимой антисемитами, повела къ избранію городскимъ головою вождя антисемитовъ Люгера. Несмотря на то, что онъ былъ избранъ большинствомъ двухъ третей, правительство не утвердило Люгера. Новые выборы кончились, однако, его новою побѣдою. Тогда распускается только что избранная дума. Среди населенія Вѣны обнаружилось раздраженіе, много-

тысячная толпа ходила по улицамъ города и кричала: долой Бадени, да здравствуетъ Люгеръ.

Неутвержденіе Люгера было уже предметомъ запроса въ парламентѣ Въ отвѣтѣ графа Бадени прозвучала заносчивая фраза, что онъ не отвѣтственenъ передъ палатою депутатовъ и не обязанъ давать отчета о своей дѣятельности никому, кромѣ императора. Естественно, что слова министра-президента вызвали въ парламентѣ негодованіе, и не только среди оппозиціи, но и среди поддерживающихъ правительство партій. Не можетъ, напримѣръ, нѣмецкая лѣвая согласиться на уничтоженіе основныхъ требованій парламентаризма.

Первые опыты графа Бадени показываютъ, что быть министромъ-президентомъ много труднѣе, чѣмъ быть намѣстникомъ Галиціи. Многое изъ того, что удавалось тамъ, съ мѣстнымъ сеймомъ, гдѣ существуетъ крѣпкое польское большинство, не удастся въ палатѣ депутатовъ, обсуждающей общегосударственные вопросы. Въ галиційскомъ ландтагѣ, гдѣ большинство дѣйствовало за одно съ намѣстникомъ, можно было заглушать голоса оппозиціи. Это невозможно въ цислейтанскомъ парламентѣ. Во время послѣднихъ выборовъ въ Галиціи администрація, т.-е. графъ Бадени, производила систематическое давленіе на населеніе. Съ обличеніемъ этихъ злоупотребленій выступилъ въ парламентѣ депутатъ Романчукъ, бывшій однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сторонниковъ сближенія русскихъ галичанъ съ поляками. Корреспондентъ *Галичанина* разсказываетъ интересныя подробности объ этомъ засѣданіи парламента (мы заимствуемъ ихъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* № 295). Въ залѣ водворилась необыкновенная тишина, лишь только Романчукъ сталъ приводить факты изъ прошлыхъ выборовъ въ галиційскій сеймъ. «На лицахъ всѣхъ депутатовъ парламента было замѣтно удивленіе, скрыть котораго не могъ даже министръ баронъ Гаучъ, а министръ юстиціи, графъ Глайспахъ, слыша о конфискаціи русскихъ газетъ, объ отвѣтѣ, данномъ редактору *Галичанина* львовскимъ прокуроромъ на вопросъ, почему онъ конфискуетъ сообщенія газеты объ избирательныхъ беззаконіяхъ, не производя о нихъ слѣдствія *) даже, всталъ со своего министерскаго кресла и подошелъ ближе къ говорившему рѣчь г. Романчуку съ явнымъ выраженіемъ чрезвычайнаго удивленія на лицѣ».

«Министръ-президентъ графъ Бадени сначала старался быть хладнокровнымъ, отворачиваясь въ противуположную отъ г. Романчука сторону, но потомъ вышелъ изъ залы, снова возвратился въ нее, блѣдный отъ внутренняго волненія, какое обнаруживалось и въ его неспокойныхъ движеніяхъ. Факты насилій, о которыхъ разсказывалъ г. Романчукъ, то и дѣло вызывали въ средѣ депутатовъ восклицанія изумленія, какъ будто

---

*) Прокуроръ отвѣчалъ редактору *Галичанина*: Такъ какъ графъ Бадени торжественно заявилъ, что выборы происходили совершенно спокойно и съ соблюденіемъ законности, то онъ считаетъ сообщенія газетъ о насиліяхъ при выборахъ измышленными и потому конфискуетъ ихъ.

эти депутаты слышали разсказы о дѣлахъ страны, расположенной въ глубинѣ Азіи».

Понятно, что младо-чехи держатся съ такимъ государственнымъ мужемъ, какъ графъ Бадени, на-сторожѣ и не довѣряютъ его благодѣтельнымъ фразамъ. А, между тѣмъ, приближается срокъ возобновленія «соглашенія» (*Ausgleich*) съ Венгріей. Противъ него поведутъ теперь ожесточенную борьбу антисемиты, всегда непріязненные мадьярамъ, а теперь раздраженные неутвержденіемъ Люгера и распущеніемъ вѣнской думы, въ чемъ они усматриваютъ мадьярское вліяніе. Неблагопріятно относятся къ соглашенію и клерикалы, которымъ не уступаетъ у себя транслейтанское правительство. Всѣ почти выгоды этого соглашенія падаютъ на долю Венгріи. Чешская *Politik* указываетъ, какъ печально отражается на Цислейтаніи мадьярская расточительность, въ особенности на военныя цѣли. Нужно замѣтить, что *соглашеніе*, возобновляемое каждыя десять лѣтъ, совершается по слѣдующимъ вопросамъ: по размѣру суммъ, которыя должны платить Цислейтанія и Транслейтанія на общеимперскіе расходы; по опредѣленію общей таможенной черты, по вопросамъ о денежномъ обращеніи и о косвенныхъ налогахъ. Существовавшее до сихъ поръ соглашеніе графъ Андраши характеризовалъ такими словами: мы (мадьяры) платимъ 30%, пользуемся 70%. Понятно, почему многіе въ Цислейтаніи недовольны этимъ и желали бы установить отношенія къ Венгріи на болѣе справедливыхъ началахъ. Со времени перваго соглашенія истекаетъ тридцать лѣтъ. Государственный бюджетъ Венгріи возросъ съ 206.000,000 гульденовъ до 350.000,000. Увеличились и долги Транслейтаніи. Скоро должно начаться между цислейтанскимъ и транслейтанскимъ правительствами переговоры о возобновленіи соглашенія, и задача графу Бадени предстоитъ трудная, потому что мадьяры не любятъ уступать, а цислейтанскіе нѣмцы и чехи протестуютъ противъ непропорціонально возлагаемыхъ на эту половину имперіи финансовыхъ тяжестей.

На банкетѣ въ честь новаго лорда-мэра города Лондона глава англійскаго правительства произнесъ замѣчательную рѣчь, которую привѣтствуетъ большинство европейской печати. Она имѣетъ особенное значеніе въ виду осложненій на дальнемъ Востокѣ и тѣхъ прискорбныхъ событій, какія происходятъ въ Турціи. Лордъ Салисбюри сказалъ, что Великобританіи нѣтъ никакихъ основаній тревожиться тѣмъ, что теперь дѣлается въ Китаѣ и Японіи: Англія достаточно сильна, чтобъ отстоять свои интересы и не имѣетъ причины не довѣрять другимъ европейскимъ державамъ (также заинтересованнымъ въ установленіи покоя и благопріятныхъ культурныхъ условій въ Небесной имперіи и въ Кореѣ). Но существуетъ,—продолжалъ лордъ Салисбюри, — страна, «въ которой положеніе дѣлъ не отличается столь мирнымъ и обнадеживающимъ характеромъ, какъ на дальнемъ Востокѣ. Слово «Арменія» поглощало ваше вниманіе въ теченіе долгаго времени. Вы знаете, что въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ три посланника великихъ

державъ, по инструкціи своихъ правительствъ, предложили Портѣ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ законахъ и управленіи, имѣющія цѣлью оградить армянъ отъ страшныхъ и жестокихъ страданій, тронувшихъ англійскую націю до глубины души. Эти предложенія были сдѣланы тремя послами въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ, т.-е. еще при нашихъ предшественникахъ. Послы вели переговоры съ большимъ искусствомъ, и требованія, предъявленныя державами, были приняты султаномъ».

Министръ - президентъ изложилъ въ краткихъ чертахъ тѣ требованія, которыя предъявляютъ Блистательной Портѣ европейскія государства, чтобъ обезпечить христіанское населеніе Турціи отъ рѣзни и грабежа со стороны мусульманскаго населенія, отъ возмутительныхъ притѣсненій со стороны турецкой администраціи. «Вы спросите,— замѣчаетъ Салисбюри, — принесутъ ли эти реформы какую - нибудь пользу? Еслибъ онѣ были дѣйствительно введены, то армяне пользовались бы всѣми условіями, необходимыми для благополучія и мира, для осуществленія справедливости въ отношеніи между людьми и для обезпеченія жизни и имущества. Но будутъ ли онѣ введены? Этотъ вопросъ всегда вызывалъ во мнѣ нѣсколько скептическое отношеніе къ предложеніямъ о томъ или другомъ измѣненіи дѣйствующаго въ Турціи законодательства,— предложеніями, которыя обсуждались на митингахъ и въ печати». Лордъ Салисбюри заявляетъ, что надо убѣдить султана въ томъ, чтобъ онъ оказалъ справедливость армянамъ, причемъ англійскій премьеръ саркастически прибавилъ, что употребляетъ глаголъ *убѣдить* въ самомъ широкомъ значеніи. По мнѣнію оратора, «пока держится Оттоманская имперія, единственное средство дѣйствій, которымъ располагаете вы и которымъ располагаютъ державы, заключается въ воздѣйствіи на султана. Здѣсь вопросъ не въ выборѣ лучшаго пути къ достиженію цѣли,— выборѣ, относительно котораго мнѣнія могли бы расходиться; это просто фактъ, который не подлежитъ спору,— фактъ, заключающійся въ томъ, что пока существуетъ Оттоманская имперія, какія бы то ни было благодѣтельныя реформы въ интересахъ подданныхъ султана могутъ быть проведены вами только черезъ самого султана. При такой точкѣ зрѣнія естественно возникаетъ вопросъ: что̀ же, если султана не удастся убѣдить? Я долженъ заявить вамъ, что вѣсти, приходящія изъ Константинополя, не даютъ намъ права питать радостныя надежды въ этомъ отношеніи. Вы, конечно, поймете, что я могу говорить только очень коротко объ этомъ предметѣ и что откровенное заявленіе моихъ мнѣній могло бы повредить дѣлу мира и порядка, составляющему для меня высшую цѣль. Но предположимъ, что султанъ не осуществитъ обѣщанныхъ реформъ,—что̀ произойдетъ въ такомъ случаѣ? Первый отвѣтъ, который я дамъ на этотъ вопросъ, заключается въ томъ, что, независимо отъ всякихъ договоровъ и комбинацій, «сила вещей» или, если хотите, «Провидѣніе» ведетъ къ тому, что дурное управленіе, въ концѣ-концовъ, губитъ правительство, которое упорно и постоянно примѣняетъ его».

Но не надо при этомъ забывать, что Турція находится въ исключи-

тельномъ положеніи: въ послѣднее полустолѣтіе она держалась только потому, что великія державы признавали ея существованіе необходимымъ для общеевропейскаго мира. Великія державы продолжаютъ такъ смотрѣть и въ настоящее время. Необходимо, однако, устранить на этотъ счетъ двѣ иллюзіи. «Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что трактатъ, связывающій въ настоящее время европейскій концертъ, можетъ потерять силу и что какая-нибудь изъ державъ, освободивъ себя отъ обязательности договора, попытается рѣшить восточный вопросъ согласно своимъ желаніямъ. Я имѣю удовольствіе заявить, что не вижу никакихъ основаній для такихъ предположеній. Я полагаю, что державы будутъ единодушны и что онѣ никогда не были расположены болѣе, чѣмъ теперь, дѣйствовать сообща, держась той организаціи Европы, которая установлена ихъ совокупною мудростью».

Это заявленіе, весьма важное въ интересахъ сохраненія европейскаго мира и достоинства цивилизованныхъ государствъ, лордъ Салисбюри подкрѣпилъ замѣчаніемъ, устраняющимъ другую иллюзію. «Совѣтники султана,—сказалъ онъ,—могутъ, пожалуй, подумать, что подъ давленіемъ необходимости, заставляющей державы строго охранять существующее положеніе въ Европѣ, правительства европейскихъ государствъ воздержатся отъ какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ. Но это было бы, по мнѣнію Салисбюри, большою иллюзіей: «Я полагаю, что державы непреклонно рѣшили дѣйствовать сообща во всемъ, что касается Оттоманской имперіи. Какъ онѣ будутъ дѣйствовать, я не берусь предсказать. Я не знаю, какія случайности могутъ возникнуть, но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что державы, утомившись криками страданій, доходящими до ихъ ушей, установятъ какой-нибудь другой порядокъ вещей взамѣнъ того, который онѣ поддерживаютъ въ теченіе сорока лѣтъ» (со времени парижскаго трактата).

«Я скажу въ заключеніе,—таковы послѣднія слова Салисбюри,—что во всѣхъ переговорахъ, происходившихъ въ послѣднее время, ничто не произвело на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ расположеніе великихъ державъ дѣйствовать сообща и ихъ глубокое сознаніе страшныхъ опасностей, съ которыми сопряжены были бы разъединенныя дѣйствія каждой изъ нихъ».

Послѣ этихъ словъ дружное вмѣшательство великихъ державъ съ цѣлью прекратить избіенія и звѣрства въ турецкихъ провинціяхъ является нравственною необходимостью.

Итальянское правительство получило недавно, благодаря папскому престолу, довольно чувствительную непріятность. Португальскій король, побывавшій въ Парижѣ, а потомъ въ Берлинѣ, хотѣлъ посѣтить и короля итальянскаго. Свиданіе назначено было въ Римѣ. Но Ватиканъ оказалъ давленіе, и король Карлъ предложилъ итальянскому правительству назначить для свиданія какое-либо другое мѣсто, только не вѣчный городъ, отнятый у папы. Оскорбленный итальянскій король отвѣчалъ отказомъ, и

свиданіе не состоялось. Общественное мнѣніе Италіи возмущено дипломатическимъ ударомъ, который нанесенъ римско-католическою церковью національному достоинству страны. Клерикалы, конечно, чрезвычайно довольны этимъ происшествіемъ, свидѣтельствующимъ о силѣ папскаго авторитета. Французскія газеты отозвались не безъ злорадства, нѣмецкія, въ большинствѣ, приняли сторону Италіи. *National-Zeitung* возмущается самою возможностью вести переговоры о томъ, посѣщать или не посѣщать итальянскаго короля въ городѣ, который вотъ уже четверть вѣка является его столицей. Однако, сама *National-Zeitung* напоминаетъ, что австрійскій императоръ такъ и не отдалъ визита королю Гумберту, потому что мѣстомъ для этого визита король назначалъ только Римъ.

Въ Норвегіи образовано смѣшанное министерство, въ составъ котораго входятъ представители и умѣренной, и радикальной партіи. Долго ли продержится это министерство и плодотворна ли будетъ его дѣятельность, объ этомъ въ западной печати высказываются различныя мнѣнія. Несомнѣнно одно, что распря Норвегіи съ Швеціей въ настоящее время потеряла острый характеръ; но никто не поручится, что отношенія между этими двумя государствами снова не обострятся.

Въ политической жизни Даніи происходитъ движеніе въ пользу лѣвой стороны парламента. Въ октябрѣ въ фолькетингъ Краббе внесъ предложеніе объ измѣненіяхъ въ конституціи. По этому законопроекту запрещаются указы, которыми безъ разрѣшенія парламента дозволялось производить сборъ податей и расходовать деньги. Для устраненія столкновеній по финансовымъ вопросамъ между верхней и нижней палатами парламента предлагается избраніе особой коммиссіи, съ равнымъ числомъ членовъ отъ той и другой палаты. Предсѣдатель коммиссіи выбирается по жребію, и его голосъ, при равенствѣ голосовъ, рѣшаетъ вопросъ. Въ рядахъ консерваторовъ происходитъ разладъ, и на первый планъ выдвигаются снова болѣе реакціонные элементы, Эструпъ и его единомышленники.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что Испанія до] сихъ поръ не справилась съ возстаніемъ на островѣ Кубѣ. Туда отправляются подкрѣпленія за подкрѣпленіями, и войска метрополіи, въ концѣ-концовъ, подавятъ возмущеніе, если въ дѣло не вмѣшаются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, что̀, впрочемъ, мало вѣроятно. Населеніе, однако, сочувствуетъ инсургентамъ и испанское владычество на Кубѣ останется непрочнымъ. Треть населенія этого острова принадлежитъ не къ бѣлому племени и особенно усердно поддерживаетъ возстаніе.

Интересныя данныя нашли мы въ одной нѣмецкой газетѣ (*National-Zeitung*). 29 сентября нынѣшняго года минуло семьдесятъ лѣтъ съ того дня, когда первый паровозъ Стефенсона повезъ первый поѣздъ желѣзной дороги. Скорость этого поѣзда равнялась 22,86 километровъ въ часъ. Теперь желѣзно-дорожная міровая сѣть равняется 671,170 километрамъ. Она

могла бы почти въ семнадцать разъ опоясать землю по экватору. Всего болѣе рельсовый путь занимаетъ пространства въ Америкѣ: въ ней считается 360,415 км.; на долю Европы приходится 238,550 км. Въ Азіи желѣзныхъ дорогъ было до послѣдняго времени только 38,718 км., но нашъ великій сибирскій путь значительно увеличиваетъ эту цифру. Въ Африкѣ паровозъ пробѣгаетъ по линіямъ лишь въ 12,384 км., въ Австраліи—въ 21,030 км.

Съ этими числами поучительно сопоставить слѣдующія: ежегодныя военныя издержки въ Европѣ достигли пяти милліардовъ трехсотъ трехъ милліоновъ франковъ. Европейскіе государственные долги въ истекающемъ году равнялись 116 милліардамъ франковъ. Если опредѣлить выплачиваемые по нимъ проценты въ 4%, то ежегодное бремя отъ нихъ дойдетъ до пяти милліардовъ. Истолковывать эти ужасающія цифры нѣтъ надобности.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театръ: *Дворянское гнѣздо*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ (по Тургеневу) Петра Вейнберга.—*Два лагеря*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. И. Тимковскаго.— *Родина*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Зудермана.—*Старый закалъ*, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ князя А. И. Сумбатова.— Квартетныя собранія.— Первое симфоническое собраніе.

Осенній сезонъ московскаго Малаго театра прошелъ въ нынѣшнемъ году благополучнѣе, чѣмъ за нѣсколько предшествовавшихъ лѣтъ: на этотъ разъ не провалилась ни одна пьеса изъ пяти новыхъ, поставленныхъ въ сентябрѣ и въ октябрѣ, и двѣ изъ нихъ имѣли положительный успѣхъ. Первыми новинками шли: *Два лагеря*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Н. И. Тимковскаго (Криницкаго), и *Миражи*, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ А. А. Вербицкой, за ними *Родина*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Германа Зудермана, въ переводѣ г. Куманина, потомъ *Дворянское гнѣздо*, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 6-ти картинахъ (по Тургеневу) Петра Вейнберга, и, наконецъ, 31 октября, въ бенефисъ режиссера г. Черневскаго, поставлена драма князя А. И. Сумбатова *Старый закалъ*. Наименьшій успѣхъ имѣла передѣлка г. Вейнберга знаменитаго и лучшаго романа Тургенева. Большинство газетъ, говорившихъ объ этой пьесѣ, высказали мнѣніе, что не слѣдуетъ передѣлывать для сцены произведенія, написанныя въ повѣствовательной формѣ. Съ этимъ мы не можемъ согласиться и, наоборотъ, думаемъ, что передѣлки въ драматическую форму выдающихся романовъ желательны, при непремѣнномъ условіи, разумѣется, чтобъ исполнено это было талантливо, тщательно, безъ искаженія фабулы, безъ переиначиванія или затемнѣнія характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Дѣло это очень трудное, не менѣе трудное, какъ намъ сдается, чѣмъ написать драму или комедію на сюжетъ собственнаго измышленія. Но за то на сторонѣ драматурга, берущагося за такой трудъ, есть огромное преимущество: онъ имѣетъ въ рукахъ готовый матеріалъ, высокое достоинство котораго общепризнано, и трудъ передѣлывателя является добрымъ трудомъ популяризатора высокой идеи, если только выборъ сдѣланъ имъ такъ же удачно, какъ въ данномъ случаѣ. На самомъ дѣлѣ, *Наканунѣ* и *Отцы и дѣти, Рудинъ* и нѣко-

торыя другія произведенія Тургенева имѣли огромное значеніе и вліяніе на общество въ свое время, какъ откликъ великаго таланта на вопросы, назрѣвавшіе въ тогдашнемъ обществѣ и настоятельно требовавшіе скорѣйшаго, можно сказать, неотложнаго разрѣшенія или, по меньшей мѣрѣ, разъясненія ихъ сущности. Съ тѣхъ поръ прошло тридцать пять лѣтъ, миновали шестидесятые и семидесятые годы, время пламенныхъ увлеченій и необычайнаго духовнаго подъема, поразительнаго роста общественнаго самосознанія. Всѣ вопросы, волновавшіе лучшихъ людей той эпохи, разрѣшены,—хорошо ли, худо ли, это другое дѣло,—но съ ними общество покончило, «наканунѣ» отошло въ область добрыхъ преданій, тогдашніе «отцы» сошли со сцены, ихъ «дѣти» въ свою очередь сдѣлались отцами, состарились, и между ними и ихъ дѣтьми стоятъ новые вопросы, сущность которыхъ тщетно пытаются нынѣшніе писатели опредѣлить съ такою ясностью и силой, какъ то было сдѣлано Тургеневымъ. Изъ далекаго прошлаго, черезъ всю эволюцію, пережитую русскимъ обществомъ, дошелъ до нашихъ дней во всей неприкосновенной свѣжести высоко-драматическій конфликтъ, положенный въ основу романа *Дворянское гнѣздо*, написаннаго въ 1859 г. Съ тѣхъ поръ и въ литературѣ, и въ жизни сдѣлано было много попытокъ найти честный выходъ изъ того положенія, въ которомъ роковымъ образомъ очутились Лаврецкій и Лиза, но къ выходу, безспорно признанному за надлежащій, мы нисколько не подвинулись, и вопросъ о немъ остается такимъ же новымъ и захватывающимъ, какимъ онъ представлялся въ то время, и такимъ же останется, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока будутъ на свѣтѣ дѣвушки, подобныя Лизѣ, обездоленные судьбой люди, подобные Лаврецкому. А такіе люди, ни чуть не выдуманные, не идеальные и лишь типически изображенные великимъ художникомъ, — такъ же вѣчны, какъ чистая любовь, ихъ связавшая и приведшая къ грустному концу. Для такихъ романовъ, для такихъ драмъ не имѣютъ значенія ни время, ни мѣсто дѣйствія,—они общечеловѣчны. Перестройка такихъ произведеній для изображенія ихъ въ лицахъ передъ массовою публикой всегда будетъ вызывать большой интересъ общества и будетъ поставлена въ заслугу драматургамъ, какъ напоминаніе о возвышенныхъ и гуманныхъ идеяхъ, какъ художественная ихъ иллюстрація, доступная такому множеству людей, которому неизвѣстны и долго останутся неизвѣстными выдающіяся произведенія въ ихъ повѣствовательной формѣ.

Осуществленіе г. Вейнбергомъ его очень хорошаго замысла мы не можемъ признать вполнѣ удачнымъ. Съ огромными трудностями предпринятаго дѣла онъ не справился такъ, какъ это было желательно и какъ мы того ждали отъ его опытности и силы. Самый главный, основной, недостатокъ пьесы мы видимъ въ ея началѣ, производящемъ совершенно не то впечатлѣніе, какое получается при чтеніи романа. Передъ нами, увлекавшимися прелестью повѣствованія, проходятъ милые и дорогіе намъ образы, какъ тѣни или, пожалуй, вѣрнѣе, какъ фотографіи близкихъ намъ людей,—фотографіи, возстановляющія въ нашемъ сознаніи множество та-

кихъ подробностей, которыхъ не можетъ передать снимокъ, которыхъ и нѣтъ на немъ въ дѣйствительности. Память, возвратное впечатлѣніе, дополняетъ то, чего не передало воспроизведеніе. Такъ это для насъ и совершенно не такъ для людей, которые впервые знакомятся съ Лаврецкимъ и Лизой, появляющимися передъ ними во-очію на театральной сценѣ. Для «чужихъ», для не знающихъ романа и не имѣющихъ ранѣе составленнаго понятія о томъ, въ чемъ тутъ дѣло, выходитъ такъ, будто Лаврецкій влюбляется въ милую, симпатичную сосѣдку, которую онъ зналъ маленькою дѣвочкой, будто Лиза съ первой встрѣчи, послѣ нѣсколькихъ фразъ, влюбляется въ только что пріѣхавшаго сосѣда и дальняго родственника. Деревенская барышня увидала новое, интересное лицо, услыхала новыя, симпатичныя ей слова и вспыхнула нѣжною страстью, сама еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, «что съ нею дѣлается». Совсѣмъ это не такъ на самомъ дѣлѣ. Все это иначе и далеко не сразу совершается, тутъ нѣтъ и тѣни «влюбленности»,—тихо, шагъ за шагомъ, надвигается на обоихъ и постепенно захватываетъ ихъ иное чувство, именно то, для котораго созданы, роковымъ образомъ подготовлены всѣмъ прошлымъ такія души, какъ у Лаврецкаго и Лизы. Въ романѣ такое наростаніе чувства, развитіе его изъ неосязаемаго зародыша, проведено съ удивительною художественностью и правдивостью, составляющими главную основу прелести всего романа и его первенствующихъ дѣйствующихъ лицъ. Все дальнѣйшее есть только логическое послѣдствіе такой совершенно особенной, вполнѣ понятной «по Тургеневу», любви, которая имѣетъ очень мало общаго съ влюбленностью и съ тѣмъ, что̀ представляетъ намъ пьеса г. Вейнберга. Мы не станемъ подробно разбирать пьесу, въ которой почти всѣ разговоры выписаны изъ романа и очень искусно связаны въ послѣдовательно развивающіяся сцены и дѣйствія. Нѣкоторыя отступленія отъ оригинала и добавленія къ нему, ради требованій сцены, ничего не портятъ и проходятъ незамѣченными для огромнаго большинства зрителей, частью забывшихъ романъ Тургенева или и совсѣмъ его не читавшихъ. Въ наше время и такихъ не мало найдется не на однихъ только театральныхъ верхахъ. Напомнить однимъ лучшее изъ произведеній славнаго писателя, познакомить съ нимъ другихъ, хотя бы въ не совсѣмъ точной передачѣ—дѣло, во всякомъ случаѣ, хорошее. Но напоминаніе или ознакомленіе при посредствѣ сцены требуетъ двойной передачи — авторомъ пьесы и ея исполнителями. И, къ сожалѣнію, труппѣ Малаго театра, при томъ распредѣленіи ролей, какое мы видимъ въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*, такая задача оказалась не по силамъ. Кто за это, то-есть за распредѣленіе ролей, долженъ нести отвѣтъ, мы разбирать не беремся, но считаемъ себя вправѣ выразить сожалѣніе по тому поводу, что сами артисты отнеслись, повидимому, слишкомъ равнодушно къ памяти Тургенева. Мы разумѣемъ не тѣхъ артистовъ, которые играли въ пьесѣ,—о нихъ рѣчь впереди,—а тѣхъ, которые въ ней не принимали участія. Мы думаемъ, что, несмотря на всѣ старанія г. Правдина, роль Лемма не совсѣмъ по немъ, и полагаемъ, что вышла бы она

ближе къ подлиннику въ передачѣ г. Ленскаго. Какъ г. Правдинъ, такъ и г. Горевъ, изображавшій Гедеонскаго, даже излишне перестарались и довели типическія черты этихъ лицъ до каррикатурности. Тѣмъ не менѣе, они были лучшими изъ вторыхъ лицъ драмы. Въ роли Паншина кого бы ни выпустили вмѣсто г. Багрова, любой артистъ нашей труппы былъ бы лучше. Худшаго исполнителя этой роли не найти, кажется, нигдѣ въ мірѣ. Въ этомъ отношеніи совершенно подъ пару ему оказалась г-жа Тираспольская въ роли Варвары Павловны Лаврецкой. Какого чиновника министра и камеръ-юнкера, какую очаровательницу, восхищавшую весь Парижъ, изобразили г-жа Тираспольская и г. Багровъ—это уму непостижимо. Театральныя подмостки все терпятъ, и публика наша вынослива, но вообразите себѣ такого сорта молодого человѣка и такого пошиба даму въ дѣйствительной жизни. Да нѣтъ, ничего подобнаго и вообразить нельзя въ нашемъ обществѣ, а тѣмъ паче въ обществѣ, выходившемъ изъ «дворянскихъ гнѣздъ» пятидесятыхъ годовъ. Плоха была г-жа Полянская въ роли Марьи Дмитріевны Калитиной, но она просто не достаточно ясно поняла свою роль и, какъ намъ кажется, ее немножко сбили съ толку. А сбило ее съ толку и, быть можетъ, не ее одну вотъ что: дѣло, по роману Тургенева, происходитъ около сорока лѣтъ назадъ. Въ погонѣ за реальностью и точностью, въ большинствѣ случаевъ очень похвальной, а иногда и не особенно нужной, наши распорядители сценой выпустили всѣхъ артистовъ въ костюмахъ и прическахъ якобы того времени, совершенно отличныхъ отъ принятыхъ въ наши дни. Вотъ эта-то непривычная внѣшность, повидимому, и повліяла на нѣкоторыхъ исполнителей, не видавшихъ обитателей «дворянскихъ гнѣздъ» и представившихъ ихъ себѣ чѣмъ-то вродѣ дѣйствующихъ лицъ *Ревизора*. Смѣемъ завѣрить дорогихъ намъ артистовъ,— мы то время такъ же хорошо помнимъ, какъ вчерашній день, — что въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, что въ «дворянскихъ гнѣздахъ» жили точно такіе же барыни, барышни, молодые люди и старики, какіе и теперь живутъ въ хорошемъ обществѣ. Правда, моды измѣнились, но далеко не въ такой степени, какъ это изображено въ *Дворянскомъ гнѣздѣ* на сценѣ Малаго театра. Въ своей попыткѣ точно воспроизвести внѣшность того времени распорядители такъ же переусердствовали, какъ гг. Горевъ и Правдинъ. И мы считаемъ своею обязанностью сказать имъ: «усердствуйте, да не очень».

При всемъ этомъ драма г. Вейнберга не «провалилась», и если не имѣла большого успѣха, то, именно, лишь въ силу нами высказаннаго. Найди г-жи Лешковская и Садовская и г. Южинъ хоть какую-нибудь поддержку въ остальныхъ исполнителяхъ, мы убѣждены, что результатъ получился бы совершенно иной. При всей блѣдности и неблагодарности роли Лаврецкаго (не въ романѣ, а въ драмѣ) г. Южинъ сдѣлалъ изъ этого лица глубоко-симпатичнаго человѣка, немного впадающаго въ нытье, — но ужь въ этомъ вина лежитъ не на артистѣ. Г-жу Лешковскую мы, къ огромнѣйшему удовольствію нашему, можемъ поздравить съ блистательною по-

бѣдой, одержанною надъ очень большими трудностями роли и надъ самою собой. Двѣ подобныхъ побѣды высоко-талантливой артистки мы отмѣтили въ свое время и хорошо ихъ помнимъ,—въ драмѣ *Жертва* и въ трагедіи *Шильонскій замокъ*. Теперешнее торжество г-жи Лешковской еще выше и полнѣе. И опять-таки, какъ относительно г. Южина, не вина исполнительницы, если чудный образъ тургеневской Лизы воспроизведенъ передъ нами на сценѣ не въ той полнотѣ и чарующей ясности, съ какими онъ представляется въ романѣ. Но это образъ тотъ же самый, нѣжный и чистый, увлекающій своею необычайною простотой и неподдѣльною искренностью. До высокой степени совершенства доходитъ игра г-жи Садовской въ роли Марѳы Тимоѳеевны, особливо въ послѣднихъ сценахъ четвертаго акта, проведенныхъ настолько безукоризненно-правдиво, что передъ зрителемъ проносится уже не картина, созданная художникомъ, а нѣсколько глубоко-трогательныхъ моментовъ, цѣликомъ выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни... Считая своимъ долгомъ отмѣчать не одни только крупныя явленія, но и всякіе проблески дарованія молодыхъ артистическихъ силъ, мы съ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на исполненіе г-жею Копниной маленькой роли француженки Жюстины, горничной Варвары Павловны. Въ нѣсколькихъ фразахъ настоящаго парижскаго говора и въ нѣсколькихъ угловатыхъ движеніяхъ, вѣрно схваченныхъ, молодая артистка отлично передала типическія черты изображаемой ею фигурки.

Очень непріятное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что въ томъ же спектаклѣ слѣдомъ за *Дворянскимъ гнѣздомъ* идетъ *Месть Амура*, сочиненія г-жи Щепкиной-Куперникъ, «лирическая сказка», какъ значится на афишѣ,—«декадентская дрянь», какъ справедливо назвалъ эту пьесу одинъ знакомый намъ старый театралъ. Пытающіеся оправдать постановку пьесы говорятъ, что это—«хорошенькая картинка, въ которой есть два-три десятка очень красивыхъ стиховъ». Мы же думаемъ, что гаденькій вздоръ нельзя скрасить никакою постановкой и никакими стихами, хотя бы они всѣ сплошь блистали, какъ самоцвѣтные камни. Въ этомъ-то и заключается сущность декадентства, что подъ вылощенною и отшлифованною формой преподносится публикѣ жалкое ничтожество, не стоющее выѣденнаго яйца, или того хуже—нездоровая гниль, которая можетъ казаться лакомою только людямъ съ болѣзненно-извращенными вкусами. Въ пьесѣ г-жи Щепкиной-Куперникъ роли распредѣлены между девятью «госпожами», «господина» нѣтъ ни одного. Есть «графъ Филиппъ де-ла-Моттъ-Руврэй» (г-жа Таирова), избранный Амуромъ для отмщенія, да и тотъ оказывается переодѣтою дѣвицей. И вообще-то подобныя пьесы лучше бы не ставить на казенныхъ сценахъ, а ставить ихъ вмѣстѣ съ такими драмами, какъ *Дворянское гнѣздо*—ужь совсѣмъ неподходящее дѣло.

Г. Тимковскій (Криницкій) далъ своей комедіи заманчивое заглавіе *Два лагеря*, могущее заинтересовать очень многихъ въ наши дни, когда всякій общественный кружокъ оказывается расколотымъ на двѣ враждующія партіи, дающія другъ другу, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ не-

подходящія клички «консерваторовъ» и «либераловъ», «охранителей» и «передовыхъ» и т. д. Какой бы кругъ ни выбралъ авторъ для того, чтобы показать намъ въ живыхъ, сценически-олицетворенныхъ образахъ представителей обоихъ «лагерей», ихъ взаимныя отношенія, сущность раздѣляющихъ ихъ взглядовъ и убѣжденій,—одинаково любопытно должно быть изображеніе современной общественной междуусобицы. И мы думаемъ, что для опытнаго и талантливаго драматурга такая задача не представляетъ большихъ трудностей. Стóитъ только внимательно всмотрѣться во все окружающее, вдуматься въ смыслъ того, что у всѣхъ на виду, и ни за сюжетомъ, ни за типическими фигурами, усиленно просящимися на сцену, остановки не будетъ. Къ сожалѣнію, г. Тимковскій не взялъ на себя труда ни всматриваться, ни вдумываться, ни даже просто сообразить, что два общественныхъ круга, не имѣющихъ между собою ничего общаго, не составляютъ собою «двухъ лагерей», стоящихъ другъ противъ друга готовыми къ бою, а оказываются различными слоями общества, живущими рядомъ, каждый самъ по себѣ, своими особыми интересами и запросами отъ жизни. Въ комедіи, о которой идетъ рѣчь, нѣтъ и признака какихъ-нибудь «лагерей», и конфликтъ, положенный въ основу комедіи, вытекаетъ не изъ идейной розни людей одного класса и одинаковаго развитія, а изъ чисто-случайныхъ обстоятельствъ, сблизившихъ семью учителя Покровскаго (г. Макшеевъ) съ семьею богатаго фабриканта Коврова (г. Рыбаковъ). Дочь учителя, Зина (г-жа Токарева), влюбилась въ сына фабриканта, Анатолія (г. Ильинскій), Анатолій влюбился въ Зину, и рѣшили они сочетаться законнымъ бракомъ. Папаша-учитель не одобряетъ выбора дочери, а папаша-фабрикантъ прямо запрещаетъ сыну жениться на бѣдной дѣвушкѣ, готовитъ ему богатую невѣсту и, въ случаѣ неповиновенія, грозитъ прекращеніемъ выдачи денегъ на содержаніе Анатолія. Тотъ стоитъ на своемъ, поддерживаемый мамашей, Ириной Ивановной (г-жа Великанова-Рамазанова), которая обѣщаетъ выдавать сыну достаточно денегъ изъ собственныхъ средствъ. Въ послѣднюю минуту, въ день, назначенный для свадьбы Анатолія, фабрикантъ принуждаетъ жену передать ему, супругу, всѣ свои капиталы. Объ этомъ объявляютъ молодымъ людямъ, готовымъ ѣхать въ церковь, и Анатолій отказывается отъ любимой дѣвушки, такъ какъ не вѣритъ, что «съ милой рай и въ шалашѣ», знаетъ, что трудомъ существовать очень тяжело, да къ труду онъ не привыкъ и не приготовленъ. Свадьба разстраивается и комедіи—конецъ. Изъ-за этого не стоило писать четыре акта и томить зрителей три часа.

Драма Германа Зудермана *Родина* могла бы съ бóльшимъ правомъ носить заглавіе *Два лагеря*. Тутъ на самомъ дѣлѣ члены одной семьи и одного общества расходятся такъ далеко другъ отъ друга, что примиреніе между ними становится невозможнымъ. Во главѣ семьи стоитъ заслуженный отставной подполковникъ Шварце (г. Горевъ), женатый вторымъ бракомъ на Августѣ фонъ-Вендловской (г-жа Великанова-Рамазанова). Приставка «фонъ» означающая дворянское происхожденіе жены Шварце, имѣетъ извѣстно

вліяніе на весь складъ семьи. У подполковника двѣ дочери отъ перваго брака, Магда (г-жа Ермолова) и Мари (г-жа Кузина). Но старикъ признаетъ только меньшую дочь, живущую съ нимъ, старшую онъ давно исключилъ изъ семьи за «непокорность»; даже имя Магды никто не смѣетъ произнести въ присутствіи старика, строгаго охранителя семейныхъ началъ, скрѣпляемыхъ всеподчиняющимъ авторитетомъ родительской власти. Преступленіе Магды, лишившее ее семьи, состояло въ томъ, что она не согласилась выйти замужъ за очень почтеннаго пастора Гефтердинга, назначеннаго ей въ супруги волею родителя. Изъ душной атмосферы чопорной провинціальной жизни, строго размѣренной, гнетущей своимъ разъ навсегда установленнымъ однообразіемъ, Магда рвалась на свободу, на широкій просторъ и, увлекаясь музыкой, ушла *учиться*, жить независимо, самой проложить себѣ путь, существовать самостоятельно заработкомъ. Родные вычеркнули ее изъ семьи и знать не хотятъ, гдѣ она, что съ нею сталось. Такъ прошло семь лѣтъ. За это время дѣйствительная жизнь дала Магдѣ неизмѣримо болѣе того, о чемъ когда-либо мечтала молодая дѣвушка. Магда сдѣлалась пѣвицей и европейскою знаменитостью. Въ родномъ городѣ никто этого не подозрѣваетъ, такъ какъ она прославилась подъ принятою ею для сцены итальянскою фамиліей. Въ городѣ какой-то мѣстный національный праздникъ, распорядители пригласили участвовать въ немъ знаменитую пѣвицу, Магду потянуло на родину, къ тихому отцовскому дому, и она пріѣхала. Тутъ, конечно, скоро узнали, кто она. Подъ вліяніемъ пастора Гефтердинга, подполковникъ соглашается принять строптивую дочь,—не примириться съ нею, нѣтъ, а «простить» ея заблужденія. Все это устраивается, но рознь отъ того ничуть не сглаживается. Все хорошо, все мило въ родительскомъ домѣ, но мило это все, какъ воспоминаніе прошлаго, далекаго и невозвратимаго. Магда привыкла быть полною госпожей своихъ поступковъ, думъ и убѣжденій, хотя они шли въ разрѣзъ съ понятіями и взглядами того общества, къ которому принадлежатъ ея отецъ, сестра, мачиха и всѣ остальные. Своя она здѣсь только по рожденію, по духу и мысли—она всѣмъ чужая, и все ей здѣсь не только чуждо, но и враждебно. Съ своимъ лагеремъ, крѣпко держащимся всѣхъ традицій, она порвала всякія связи и сердцемъ, и умомъ перешла въ другой лагерь, не признающій разумности и полезности тѣхъ законовъ, которые составляютъ святыню ея «родины». Изъ этой розни, естественно, возникаетъ глухая, затаенная борьба. Магда старается уклониться отъ нея изъ любви къ отцу и сестрѣ, идетъ на многія уступки въ надеждѣ скоро вырваться опять на свободу. Но «родина» не удовлетворяется тѣмъ, что̀ она есть въ данную минуту, она заявляетъ свои права контролировать ея прошлое. А въ этомъ прошломъ была любовь, у Магды есть ребенокъ, который далъ ей силы перенести очень много горькаго и тяжелаго. Она боготворитъ свое дитя, ради него живетъ и работаетъ, и въ этомъ видитъ цѣль и радость жизни. Дѣло усложняется появленіемъ героя давно и грубо оборваннаго романа, совѣтника фонъ-Келлера. Подполковникъ Шварце добился

таки своего, выпыталъ у дочери полную исповѣдь и рѣшилъ безповоротно, что только бракомъ Келлера съ Магдой можно возстановить честь семьи,—по убѣжденіямъ Шварце,—опозоренной преступною дочерью. Подъ давленіемъ всего окружающаго, Магда соглашается и на эту жертву. Но требованіе Келлера, чтобы она, вступая съ нимъ въ бракъ, отказалась отъ своего ребенка, разсталась бы съ нимъ, доводитъ Магду до послѣдней крайности, — подчиниться этому требованію она не можетъ, это выше силъ ея. На отчаянныя требованія отца, подъ угрозой убить ее и себя, Магда не находитъ другого исхода, чтобъ избавиться отъ ненавистнаго и невозможнаго брака, какъ только взведя на себя небылицу, давая понять отцу, что Келлеръ не былъ «единственнымъ въ ея жизни». Старикъ Шварце, съ крикомъ: «распутница!»—схватываетъ пистолетъ, чтобы на мѣстѣ убить недостойную дочь, но силы покидаютъ его, и онъ умираетъ. Для насъ въ фабулѣ пьесы нѣтъ почти ничего новаго. На нашей «родинѣ» такіе два лагеря пережили и отжили свой вѣкъ, вмѣстѣ «съ дворянскими гнѣздами», въ шестидесятыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Для насъ *Родина* Зудермана представляется картиною чужихъ нравовъ. Но картина эта написана широко, правдиво и горячо. Мы воочію видимъ настоящихъ нѣмцевъ на ихъ «родинѣ», съ ихъ милитаризмомъ, юнкерствомъ, преклоненіемъ передъ знатными, съ ихъ окаменѣлою неподвижностью, не дерзающею выйти изъ крѣпко охватившихъ всю жизнь ихъ общественныхъ условностей и предразсудковъ. Тѣмъ, что все это для насъ чужое и мало знакомое, обусловливается успѣхъ пьесы больше, чѣмъ ея достоинствами. Это «чужое», у насъ уже устарѣвшее, отражается и на игрѣ артистовъ, не находящихъ въ себѣ достаточно пылкости для повторенія всѣмъ давно извѣстнаго и всѣми признаннаго о правахъ женщины на личное счастье, особливо, когда права эти взяты съ бою собственною энергіей и трудомъ. Магда у себя, на своей нѣмецкой «родинѣ», могла говорить отцу въ заключительной сценѣ: «Если хотите, вяжите насъ, дѣлайте изъ насъ дуръ, запирайте въ гаремы и монастыри. Это будетъ, пожалуй, самое лучшее! Но разъ вы намъ даете свободу, не удивляйтесь, что мы пользуемся ею». У насъ такія фразы звучатъ анахронизмомъ, и русская женщина или дѣвушка придала бы имъ другую, болѣе категорическую форму такого рода: «Насъ нельзя связать и дѣлать изъ насъ дуръ, насъ не запрете въ гаремъ или монастырь. Это старо и сдѣлать это у васъ нѣтъ средствъ. Если вы не хотите дать намъ свободу, тѣмъ хуже для васъ, мы возьмемъ ее и будемъ пользоваться ею, и никто не удивится тому». Отдаленность отъ насъ типовъ, выведенныхъ въ драмѣ Зудермана, замѣтно отразилась на сценическомъ воспроизведеніи ихъ русскими артистами. Въ очень тщательно отдѣланной съ внѣшней стороны г. Горевымъ личности подполковника Шварце не чувствуется непоколебимо-упорнаго убѣжденія въ томъ, что всѣ бѣды производитъ «духъ протеста, охватившій теперь весь міръ» и что только сильная власть можетъ все спасти и охранить суровою дисциплиной. Подполковникъ Шварце говоритъ въ первомъ дѣйствіи: «Загл

ните въ тихіе, мирные родные уголки, гдѣ воспитываются вѣрные своему королю солдаты, а для нихъ благонравныя невѣсты. Тамъ вы ни услышите ни о наслѣдственности, ни о борьбѣ за существованіе, ни о правахъ личности... Тамъ не бываетъ скандальныхъ исторій, тамъ шлютъ къ чорту эти современныя идеи, и все же тамъ-то именно и покоится и сила, и цвѣтъ отечества». Г. Горевъ произноситъ эти и имъ подобныя фразы пылко и энергично, но въ тонѣ больше горячности, чѣмъ искренности, не слышится вѣры въ непреложность такихъ основъ семейнаго и общественнаго благополучія. На этотъ разъ г. Гореву не удалось слиться вполнѣ съ задушевною сущностью изображаемаго лица. Вслѣдствіе тѣхъ же, вѣроятно, причинъ и въ игрѣ г-жи Ермоловой нѣтъ обычной высоко-талантливой артисткѣ цѣльности и законченности. Все обще-человѣческое и общественное артистка передаетъ безукоризненно правдиво, а то, что въ роли Магды есть характернаго германскаго, въ интерпретаціи г-жи Ермоловой утрачиваетъ свои нѣмецкія особенности, звучитъ недостаточно сильно и ясно. Въ роли пастора мы видѣли г. Правдина и находимъ, что, при его исполненіи, непонятнымъ оказывается огромное его вліяніе на всѣхъ окружающихъ и на Магду въ особенности. Кромѣ того, весь тонъ и акцентъ, принятые г. Правдинымъ, какъ бы выдѣляютъ его изъ того общества, гдѣ онъ занимаетъ столь выдающееся положеніе. Впечатлѣніе получается довольно странное,—такое, будто передъ нами успокоиваетъ и уговариваетъ людей хорошо выучившійся русскому языку нѣмецъ, и опять-таки не глубоко убѣжденный и, слѣдовательно, не могущій такъ обаятельно воздѣйствовать на другихъ, что всѣ подчиняются его кроткому авторитету. Г. Левицкій очень хорошо передалъ умственный и нравственный складъ нѣмецкаго карьериста, совѣтника фонъ-Келлера, и мы думаемъ, что еще лучше онъ могъ бы сдѣлать это, если бы чуть-чуть убавилъ игру физіономіей, переходящую иногда въ лишнія гримасы.

3 ноября во второй разъ шла пятиактная драма князя А. И. Сумбатова *Старый закалъ* и изъ всѣхъ пьесъ нынѣшняго сезона имѣла, повидимому, наибольшій успѣхъ, благодаря, главнымъ образомъ, превосходному и образцово-стройному ея исполненію. Мы знаемъ, видали тому примѣры, что наши артисты умѣютъ придать жизнь и очень плохимъ пьесамъ, способны на своихъ плечахъ выносить очень слабыя произведенія поставщиковъ сценическаго товара. Пьеса князя Сумбатова отнюдь не можетъ быть причислена къ издѣліямъ такого рода. Въ ней, правда, нѣтъ ничего новаго, но, во-первыхъ, мы думаемъ, что хорошее и здоровое старое много лучше посредственнаго и хилаго новаго, что, во-вторыхъ, неизмѣримо пріятнѣе слушать умно передаваемыя воспоминанія о быломъ, хотя бы и достаточно знакомомъ, чѣмъ пустяковыя измышленія на современныя темы, и, наконецъ, не въ примѣръ полезнѣе мысленно вернуться къ доброму прошлому, чѣмъ заниматься мелкими и, нерѣдко, гаденькими «злобами дня», слишкомъ часто являющимися перетряхиваніемъ грязныхъ тряпокъ. Для вѣрнаго изображенія серьезныхъ «злобъ дня» въ ихъ настоящемъ видѣ есть

много разнообразныхъ препятствій, по милости которыхъ рядъ драматическихъ положеній оказывается непригоднымъ или недоступнымъ для изображенія на сценѣ. Да, кромѣ того, разъясненіе какихъ бы то ни было «золъ» и обличеніе ихъ требуютъ со стороны писателей такихъ выдающихся талантовъ, какъ Грибоѣдовъ, Гоголь и, въ извѣстной области, Островскій. Сатира—дѣло большое, а «сатира и мораль»—еще большее дѣло... Теперешнимъ драматургамъ сіе не по плечу, и благо тѣмъ изъ нихъ, кто не берется за это. Они, по крайней мѣрѣ, сами не попадаютъ въ комически-плачевное положеніе людей, совершающихъ «покушенія съ негодными средствами». Князь Сумбатовъ взялъ для своей пьесы время начала пятидесятыхъ годовъ,—какъ значится на афишѣ,—и мѣстомъ дѣйствія выбралъ Кавказъ въ интересный моментъ борьбы русскихъ съ фанатическими горцами, взволнованными знаменитымъ «имамомъ» Шамилемъ. Вступленіемъ, такъ сказать, прологомъ къ драмѣ служитъ первое дѣйствіе, происходящее въ Петербургѣ, въ домѣ у Батунина-Вертищева (г. Невскій), крупнаго чиновника, бывшаго помѣщика. У «крупнаго чиновника» двѣ дочери невѣсты, сынъ—шалопай и очень разстроенное состояніе, какъ и быть должно у «бывшаго помѣщика». Старшая, Вѣра Борисовна (г-жа Ермолова), любитъ своего дальняго родственника, ротмистра графа Бѣлоборскаго (г. Южинъ). Повѣса-гвардеецъ влюбленъ въ кузину Вѣру и ревнуетъ ее къ претендентамъ на ея руку, что не мѣшаетъ ему, впрочемъ, ухаживать за другими женщинами и одерживать амурныя побѣды. Но, какъ только дѣло доходитъ до серьезнаго объясненія, во время котораго Вѣра прямо предлагаетъ стать его женой, гвардеецъ отказывается отъ такого «счастья» и рисуетъ передъ растерявшеюся дѣвушкой непригляднѵю картину семейной жизни съ обычными въ то время «халатами, вареньями, соленьями» и цѣлымъ выводкомъ пискливыхъ ребятишекъ... Вѣрѣ дѣлаетъ предложеніе кавказскій полковникъ Олтинъ (г. Рыбаковъ), пріѣхавшій на время въ Петербургъ. Съ точки зрѣнія всей семьи и всего общества, ей давно пора замужъ, партія представляется очень хорошею, сама Вѣра сознаетъ, что отъ жизни ей ждать уже нечего, и соглашается выйти за немолодого, искренно любящаго ее героя кавказскихъ войнъ. Со второго акта дѣйствіе переносится на Кавказъ, въ крѣпость, которою командуетъ полковникъ Олтинъ. Со времени его женитьбы прошло два счастливыхъ для него года. Появленіе графа Бѣлоборскаго, сосланнаго на Кавказъ, нарушаетъ душевный покой молодой женщины. Графъ съ новою силой влюбился въ кузину, ея любовь къ нему ничуть не ослабѣла, но всѣ его попытки увлечь молодую женщину до забвенія ею долга чести остаются тщетными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, становится для Вѣры совершенно невозможною прежняя жизнь съ мужемъ, котораго она никогда не любила и, при всемъ своемъ уваженіи къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, не могла полюбить. Случай, весьма возможный и заурядный, вызываетъ у пожилого полковника взрывъ ревности. Вѣра все, съ полною искренностью, разсказываетъ мужу и проситъ отпустить ее къ роднымъ. Олтинъ вѣритъ въ безупречность жены, но уж

навсегда утрачиваетъ сладкую надежду когда-либо добиться съ ея стороны желанной взаимности. Всѣ эти объясненія происходятъ наканунѣ опасной экспедиціи противъ скопищъ горцевъ, собранныхъ Шамилемъ. Полковникъ Олтинъ, послѣ блистательной побѣды, одержанной русскими войсками подъ начальствомъ князя Барятинскаго, кидается въ совершенно ненужную, съ военной точки зрѣнія, схватку съ черкесами,— просто ищетъ смерти. Его приносятъ смертельно раненымъ, и онъ умираетъ, окруженный своими боевыми товарищами, горько оплакиваемый батальономъ, которымъ онъ геройски командовалъ. Какъ видитъ читатель, въ смыслѣ идейномъ нѣтъ тутъ ничего новаго, нѣтъ ни новыхъ положеній, ни указаній на новое рѣшеніе стараго вопроса, ни новыхъ лицъ, которыя не были бы давно извѣстны изъ другихъ литературныхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, вся картина кавказской военной жизни пятидесятыхъ годовъ, несомнѣнно, нова и жива, написана очень умно и мастерски, съ большимъ знаніемъ изображаемаго быта. Сами знакомыя намъ, по романамъ, повѣстямъ и разсказамъ, лица впервые выводятся на театральной сценѣ и въ такой группировкѣ, которой до сихъ поръ не было въ драматическихъ произведеніяхъ. Этимъ въ значительной мѣрѣ обусловливается интересъ пьесы князя Сумбатова и ея успѣхъ. Нѣкоторыя сходства съ Евгеніемъ Онѣгинымъ и Татьяной, съ Печоринымъ и Максимомъ Максимовичемъ не умаляютъ ни интереса, ни достоинствъ пьесы, и не помѣшали публикѣ выразить свое сочувствіе автору, несмотря на существенные недостатки его драмы. Самый главный изъ нихъ заключается въ ея растянутости, доводящей зрителя до скуки въ первомъ дѣйствіи и отчасти въ послѣднемъ, гдѣ слишкомъ много мѣста отведено разсказамъ о геройскихъ подвигахъ батальона полковника Олтина. Отдавая должное воинскимъ доблестямъ, мы имъ предпочитаемъ то наставленіе, которое преподаетъ полковникъ ротному командиру Корневу (г. Садовскій) во второмъ дѣйствіи и которое состоитъ въ томъ, что гражданское мужество требуется отъ офицеровъ много чаще, чѣмъ боевая неустрашимость. И достойный командиръ лично подаетъ добрый примѣръ гражданскаго мужества, отказываясь принять негодный провіантъ для солдатъ, швыряя въ лицо поставщику деньги, которыми тотъ вздумалъ подкупить поручика Чарусскаго (г. Ильинскій). Нѣкоторые вводные эпизоды, каковы: любовь молоденькаго прапорщика Ульина (г. Садовскій 2-й) и Людмилы (г-жа Щепкина), младшей сестры Вѣры Борисовны, ухаживанія Захарова (г. Музиль), денщика Олтина, и Жиговкина (г. Васильевъ), денщика Бриста, за горничной Настей (г-жа Тираспольская),— были бы хороши, если бы не чувствовалось въ нихъ растянутости... Мы только что назвали фамилію Бриста (г. Правдинъ), подполковника, командующаго артиллерійскою частью въ отрядѣ Олтина. Иванъ Густавовичъ Бристъ—нѣмецъ, служака, суровый человѣкъ добрѣйшей души,—такими умѣютъ быть только истые нѣмцы, преимущественно остзейскіе,—безобидный мизантропъ, какихъ вырабатывала тяжелая и унылая жизнь въ крѣпостяхъ старой кавказской линіи. Г. Правдинъ сдѣлалъ изъ этой фигуры совершенно ти-

пическое лицо, противуположное другому, не менѣе правдивому русскому типу капитана Глушкова, превосходно переданному г. Макшеевымъ. Авторъ отлично отмѣтилъ большое разнообразіе типическихъ представителей тогдашняго русскаго общества, волею и неволею связанныхъ между собою механически, необходимостью жить вмѣстѣ въ глухомъ горномъ гнѣздѣ, и нравственно, для всѣхъ одинаковымъ сознаніемъ долга, которому всѣ подчиняются съ равнымъ самоотверженіемъ. Мы были бы несправедливы къ милымъ и дорогимъ намъ артистамъ, если бы прошли молчаніемъ или умалили заслуги гг. Музиля, Ѳедотова въ роли военнаго врача, Горева въ роли грузинскаго князя, Гарина въ роли казачьяго хорунжаго, Варравина въ роли поставщика провіанта, Садовскаго 2-го — птенчика-офицера, Ильинскаго—несчастнаго молодого человѣка, оторваннаго отъ университета и науки, сосланнаго на Кавказъ въ солдаты—искупать юношескія увлеченія... Всѣ поименованныя нами артисты и тѣ, кто занималъ меньшія роли, въ одинаковой мѣрѣ еще разъ доказали блистательно превосходство московской драматической труппы. И, все-таки, въ разбираемой нами драмѣ первенство принадлежитъ г-жѣ Ермоловой и г. Рыбакову, проведшимъ съ поразительною силой и правдой очень тяжелыя роли, въ которыхъ и типичность вложена менѣе ярко, и относительной оригинальности меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ роляхъ. Блѣднѣе всѣхъ въ драмѣ личность графа Бѣлоборскаго, и, конечно, не вина высокоталантливаго артиста Южина въ томъ, что авторъ, князь Сумбатовъ, не далъ ему возможности проявить на этотъ разъ всю силу своего дарованія. Не виновата и г-жа Садовская въ томъ, что въ ея роли чувствуется нѣкоторый шаржъ, совершенно напрасно подпущенный авторомъ. Г-жа Тираспольская отлично изобразила крѣпостную горничную, выросшую въ хорошемъ барскомъ домѣ и сохранившую во всей неприкосновенности взгляды и повадки господской дворни. Изъ коротко и въ общихъ чертахъ намѣченнаго нами разнообразія лицъ, взятыхъ авторомъ изъ жизни и необыкновенно жизненно воспроизведенныхъ артистами, читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ и полнотѣ картины, развертывающейся передъ зрителями въ драмѣ *Старый закалъ*. Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ добавить, что въ пьесѣ нѣтъ ни искорки шовинизма, ни черточки увлеченія милитаризмомъ, столь чуждымъ духу русскаго народа. Съ большою искренностью и вѣрностью, историческою и психологическою, изображены авторомъ вся жестокость боевой жизни, невыносимо тяжелой какъ для носящихъ военный мундиръ, такъ и для ихъ женъ и невѣстъ, и всѣ ужасы войны, хотя бы такой необходимой, какъ та, что велась на Кавказѣ ради защиты границъ и мирнаго русскаго населенія отъ полудикой орды хищниковъ, жившихъ грабежомъ.

Ан.

Въ первомъ квартетномъ собраніи были исполнены слѣдующія произведенія: квартетъ Моцарта Es-dur (по изданію Петерса № 3); квинтетъ Шумана Es-dur, соч. 44; квартетъ Бетховена E-moll, соч. 59. Квартетъ Моцарта обнаруживаетъ типическія стороны его творчества: изящество, ясность формы и удивительную общую музыкальность. Внутреннее содержаніе его отличается нѣсколько пессимистическимъ настроеніемъ,—таковы въ особенности первыя двѣ части и только въ послѣдней части, Allegro vivace, мы узнаемъ прежняго, жизнерадостнаго Моцарта. При болѣе тонкомъ исполненіи квартета, особенности его характера высказались бы яснѣе, но исполненъ онъ былъ плохо. Видимо исполнителямъ не хватило достаточно времени прорепетировать и вдуматься въ содержаніе его. Квинтетъ Шумана—очень красивое и поэтичное произведеніе великаго романтика. Въ шумановскихъ произведеніяхъ невидимо ощущается присутствіе поэтическаго сюжета, и для исполненія ихъ необходимо поэтическое настроеніе. Перемѣна темпа, ритма, тактовыя измѣненія, замедленія въ формѣ ritardando,—все это, имѣющее внутреннюю связь съ содержаніемъ, должно исполняться соотвѣтствующимъ образомъ. Ограничиваясь же однимъ буквальнымъ исполненіемъ выписанныхъ знаковъ сочиненія, значитъ не производить на слушателя никакого впечатлѣнія или, что еще хуже, показывать полнѣйшее непониманіе шумановской музыки. Фортепіанную партію въ квинтетѣ играла г-жа Пастернакъ; она хорошо ее выучила и безошибочно сыграла, но въ совмѣстной игрѣ она видимо мало опытна, и другимъ исполнителямъ приходилось только внимательно слѣдить за ея игрою, чтобы не разойтись съ нею; впрочемъ, они съ успѣхомъ преодолѣли всѣ препятствія. На аплодисменты публики было повторено Scherzo, которое, между прочимъ, прошло хуже остальныхъ частей.

Квартетъ Бетховена можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ полетъ мысли великаго музыканта принимаетъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры и условныя формы выраженія становятся ему тѣсными. Уже въ первой части мы встрѣчаемъ массу подробностей, показывающихъ намъ, что Бетховенъ могъ бы высказать еще много новаго, неизвѣданнаго. Прогрессивно развиваясь въ своихъ взглядахъ и способахъ выраженія, онъ приводитъ насъ къ грандіозному финалу послѣдней части. Этотъ финалъ, по обширности концепціи и по характеру звучности, напоминающей цѣлый струнный оркестръ, можетъ служить единственнымъ примѣромъ во всей квартетной музыкѣ. Въ Allegretto квартета есть русская тема (maggiore); она прекрасно сопровождается и имитирована во всѣхъ голосахъ. Но, странная вещь, теперь для насъ, познавшихъ, что такое русская музыка и ея темы, она звучитъ крайне бѣдно и кажется такою загнанной и обездоленной. Но это кажется намъ только теперь, когда мы ясно узрѣли самобытность русской музыки и ея національный характеръ. Для Бетховена она была только темою, подходящею для настоящаго момента. Объ исполненіи квартета много говорить намъ не приходится: можно было ожидать лучшаго. Исполнители, видимо афраппированные; плохимъ исполненіемъ моцартовскаго

квартета, никакъ не могли подняться до надлежащей высоты и сыграли весь квартетъ довольно безцвѣтно.

Второе квартетное собраніе началось G-dur'нымъ (соч. 17, № 5) квартетомъ Гайдна, однимъ изъ множества написанныхъ имъ квартетовъ и по содержанію представляющимъ изъ себя такое произведеніе, въ которомъ творчество переходитъ уже въ простую потребность писать, вызываемую продуктивною силой таланта, а стиль изложенія, помимо свойственной каждому генію субъективности, имѣетъ видъ не разъ практиковавшейся манеры. Только Adagio съ продолжительнымъ соло скрипки, хорошо исполненнымъ г. Гржимали, нѣсколько приподняло настроеніе публики. Мы даже склонны думать, что квартетъ собственно для этого соло и былъ выбранъ, такъ какъ г. Гржимали, по всей вѣроятности, хотѣлось загладить дурное впечатлѣніе, произведенное прошлымъ вечеромъ. Затѣмъ слѣдовала соната Бетховена для фортепіано C-mol, соч. 111, исполненная г. Игумновымъ. Послѣднія фортепіанныя сонаты Бетховена многими признаются за шедёвры подобнаго рода, но мы находимъ въ нихъ нѣкоторую расплывчатость въ содержаніи, какую-то програмность, мало идущую къ фортепіано, какъ инструменту, по звуку довольно безцвѣтному. Во всякомъ случаѣ, въ нихъ нѣтъ прежней силы и сжатости, и чисто-техническая сторона композиціи видимо преобладаетъ. Исполнитель сонаты г. Игумновъ, молодой артистъ, ученикъ профессора консерваторіи Пабста и одинъ изъ участвовавшихъ въ пресловутомъ конкурсѣ въ Берлинѣ на рубинштейновскую премію, оказался піанистомъ прекраснымъ (мы слушаемъ его въ первый разъ), умѣющимъ передавать внутренній смыслъ произведенія, помимо технической стороны его, а это теперь большая рѣдкость между піанистами. Конечно, онъ еще не зрѣлый артистъ, но при его данныхъ его ожидаетъ блестящая будущность, если, конечно, онъ будетъ заботиться о своемъ всестороннемъ музыкальномъ развитіи. Сонату онъ сыгралъ очень хорошо и на бисъ исполнилъ еще двѣ пьесы. Заключительнымъ произведеніемъ, играннымъ въ этотъ вечеръ, былъ квинтетъ Брамса для кларнета и струнныхъ инструментовъ. Іоганнъ Брамсъ у насъ въ публикѣ, кажется, только и извѣстенъ по своимъ венгерскимъ танцамъ, а, между тѣмъ, онъ писалъ и симфоніи, и концерты для фортепіано и скрипки, а его «нѣмецкій реквіемъ» считается въ Германіи знаменитымъ. Квинтетъ, о которомъ мы говоримъ, по своему типу тоже носитъ венгерскій характеръ, хотя и сильно оевропеившійся. Въ общемъ же онъ представляетъ очень красивое, хотя и не особенно сильное произведеніе, а по своей техникѣ показываетъ большую талантливость автора. Г. Розановъ исполнялъ свою партію отлично, но звукъ кларнета иногда казался тривіальнымъ среди богатыхъ оттѣнками струнныхъ инструментовъ. Мы приписываемъ это скорѣе качеству инструмента г. Розанова, чѣмъ общему несоотвѣтствію соединенія кларнета съ струнными инструментами. Во всякомъ случаѣ, талантливый исполнитель заслуживаетъ большой похвалы. На публику квинтетъ тоже не произвелъ особеннаго впечатлѣнія; наша публика мало привычна къ духовымъ инструментамъ, мало слышитъ самостоятельнаго исполненія на нихъ и, вслѣдствіе

этого, довольно презрительно относится къ нимъ. Какъ бы то ни было, это прискорбно, а квинтетъ, тѣмъ не менѣе, сыгранъ былъ хорошо. Кромѣ вышеупомянутыхъ артистовъ, исполнителями въ обоихъ собраніяхъ были: г. Крейнъ (вторая скрипка), г. Соколовскій (альтъ) и г. Глэнъ (віолончель). Публики въ оба вечера было достаточно много и артистовъ принимали сочувственно.

Въ программу перваго симфоническаго концерта вошли слѣдующія произведенія: седьмая симфонія Бетховена A-dur; пятый концертъ для фортепіано съ оркестромъ Рубинштейна и сюита для оркестра изъ оперы-балета *Млада* Н. А. Римскаго-Корсакова. Оркестромъ дирижировалъ г. Сафоновъ.

Классики, въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, представляютъ намъ удивительные образцы соединенія прекрасной мысли съ прекрасною формой. При нихъ и послѣ нихъ писалось много хорошей музыки, но такого стройнаго развитія частей, такой послѣдовательности, съ которою являются отдѣльные моменты мысли, мы не встрѣчаемъ болѣе ни у кого. Это-то гармоническое единство мысли и формы, соединенныхъ тонкимъ вкусомъ и глубокимъ чувствомъ, и составляетъ главную силу и красоту ихъ произведеній. Седьмая симфонія Бетховена именно подходитъ къ этому опредѣленію. Если подъ «сочиненіемъ» даже вдохновеннаго произведенія, все-таки, подразумѣвается нѣкоторый практическій разсчетъ, хотя бы съ цѣлью произвести опредѣленный эффектъ на слушателя, то седьмая симфонія такой преднамѣренности не представляетъ и смѣло можетъ быть причислена къ какой-то сверхъестественной импровизаціи прямо на оркестръ,—до такой степени много въ ней непосредственнаго творчества и вдохновенной простоты. Для исполненія этой симфоніи требуется то, что̀ заключается въ ней самой: артистическій вкусъ и искреннее чувство художника. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время то и другое весьма часто отсутствуетъ, замѣняется простою передачей написаннаго или якобы субъективнымъ пониманіемъ произведенія. А, между тѣмъ, классическія произведенія, болѣе чѣмъ какія другія, именно требуютъ достаточнаго количества вкуса и чувства.

При дирижированіи симфоніи г. Сафоновымъ то и другое качество присутствовало въ сравнительно небольшихъ дозахъ. Концертъ Рубинштейна—чисто-виртуозное произведеніе, съ первенствующимъ значеніемъ фортепіано, какъ сольнаго инструмента. Особой музыки въ немъ нѣтъ, хотя средняя часть Andante довольно поэтично написана, но вниманіе сосредоточивается, главнымъ образомъ, на исполнителѣ и его виртуозной ловкости въ техническихъ трудностяхъ. Г. Левинъ, премированный на берлинскомъ конкурсѣ, оказался на высотѣ своего положенія и показалъ намъ всю быстроту своихъ пальцевъ. Но его игрѣ недоставало шири и мощи, такъ свойственныхъ большимъ произведеніямъ Рубинштейна, а при исполненіи мелодическихъ сюжетовъ—и чувства. Впрочемъ, тутъ виноватъ отчасти инструментъ; рояль фабрики Шредера оказался по звуку плохимъ для залы. На бисъ г. Левинъ сыгралъ нѣсколько пьесъ, въ которыхъ еще разъ выказалъ свою блестящую технику. Сюита г. Римскаго-Корсакова состоитъ изъ вступленія, рисующаго намъ,

какъ сказано въ программѣ, «тѣнь Млады, ея полеты и мимическія обращенія къ Яромиру», трехъ танцевъ: дыня рядовая (Redowa), литовская пляска, индѣйская пляска и шествіе князей,—что-то вродѣ марша. Сюитою называется рядъ небольшихъ пьесъ, большею частью носящихъ названіе танцевъ; таковы, наприм., старинныя сюиты Баха (это указываетъ на ея историческое происхожденіе отъ танцовальной музыки). Началомъ ея могутъ служить прелюдія, интродукція или увертюра, а финаломъ—пьеса болѣе крупныхъ размѣровъ, въ быстромъ движеніи, въ которой можетъ участвовать даже хоръ. Впрочемъ, сюита новѣйшаго построенія иногда беретъ сюжетомъ себѣ и поэтическое произведеніе, и изображаетъ моментъ психическаго состоянія. Теперь этотъ жанръ, временно было утратившій значеніе, начинаетъ опять пріобрѣтать его среди молодыхъ, въ особенности начинающихъ, композиторовъ. Главная суть этого жанра заключается въ томъ, чтобы въ цѣломъ рядѣ небольшихъ, по размѣрамъ, пьесъ показать себя во всеоружіи музыкальныхъ познаній и обнаружить силы таланта автора. Такимъ образомъ, композиторъ, предвкушая длинныя сюиты, симфоніи и даже оперы, практикуется на небольшихъ, но со вкусомъ расположенныхъ пьесахъ. Единство и цѣльность сюиты именно и заключается въ умѣньи расположить пьесы одну вслѣдъ за другой. Поэтому и сюита должна быть написана единовременно, а не служить только сборникомъ произведеній, написанныхъ въ различное время. Точно также не могутъ называться сюитой и нумера, понадерганные изъ большихъ сочиненій—изъ оперъ и балетовъ, если даже они подобраны будутъ и со вкусомъ. Вотъ почему и сюиту г. Римскаго-Корсакова мы не назовемъ сюитой, а только рядомъ музыкальныхъ нумеровъ, выбранныхъ изъ оперы-балета *Млада*. Пьесы написана большимъ мастеромъ и превосходно инструментованы.

Въ послѣднее время въ концертахъ у насъ часто играютъ танцы для заключенія музыкальнаго вечера. Это напоминаетъ намъ приснопамятное время крѣпостного права, когда въ домахъ господъ для разъѣзда гостей игралась какая-нибудь музыка. Можетъ быть, въ артистической дѣятельности нашихъ музыкальныхъ учрежденій кроется наклонность къ дорогому прошлому, но намъ такой порядокъ программы кажется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Не съ плясовыми мотивами должны мы возвращаться изъ серьезнаго концерта, а съ эстетически удовлетворенною душой. Для этого и писали геніи свою музыку... Но, какъ бы то ни было, сюита была сыграна удовлетворительно, только хоръ въ «шествіи князей» звучалъ нѣсколько жидко, но это, по всей вѣроятнести, зависѣло отъ мѣста, занимаемаго имъ позади большого оркестра. Публики въ креслахъ сравнительно было немного. Исполнителей принимали сочувственно и исполненіе имѣло спѣхъ.

А. Б.

Картинки современныхъ нравовъ.

I.

Какъ только что пробилъ третій звонокъ и послѣдняго пассажара затиснули въ переполненный вагонъ прямого сообщенія и сказали ему: «Сиди здѣсь и терзайся безъ пересадки двое съ половиною сутокъ!»—господа путешественники начинають обнаруживать совсѣмъ не свойственный русскому обывателю мятежный духъ, увеличивающійся по мѣрѣ того, какъ затекали ноги, становилось душнѣе и нельзя было принять удобнаго положенія для того, чтобы вздремнуть.

Въ маленькомъ отдѣленіи насъ полный комплектъ—шесть человѣкъ и, къ общему неудовольствію, все болѣе или менѣе плотныхъ. Только одинъ строгаго вида старикъ былъ худъ, какъ спичка, и прямъ, какъ сосна.

Уже послѣ третьяго звонка и на ходу поѣзда кондукторъ вводить къ намъ седьмого пассажира, сверхкомплектнаго, и, проговоривъ въ видѣ утѣшенія: «они только до Пскова»,—благоразумно исчезаетъ.

Сверхкомплектный, чувствуя на себѣ недоброжелательные взгляды всѣхъ шести человѣкъ, садится съ края и занимаетъ самое крошечное мѣстечко, только бы на него не сердились. «Онъ, ей-Богу, не виноватъ!»—говорить его нѣсколько сконфуженное лицо.

И, обращаясь къ сосѣду, глаза котораго кажутся злыми менѣе другихъ, онъ говоритъ:

— Я только до Пскова.

— Но, вѣдь, это, кажется, вагонъ прямого сообщенія?—не безъ внушительности замѣчаетъ сосѣдъ.

— Нѣтъ мѣстъ.

Сперва всѣ оглядываютъ другъ друга съ тѣмъ инстинктомъ недоброжелательства, съ какимъ встрѣчаются двѣ незнакомыя собаки.

Всѣ молчатъ и видимо сердятся, стараясь усѣсться поудобнѣе.

Мой vis-a-vis—плотный, солиднаго вида господинъ лѣтъ подъ сорокъ. Онъ въ новой темносѣрой парѣ и въ шелковой дорожной шапочкѣ. Судя по бритымъ губамъ, рыжеватымъ англійскимъ бачкамъ и устало-озабоченному, не лишенному нѣкоторой внушительности, выраженію помятаго, ис-

томленнаго лица, это чиновникъ, вродѣ начальника отдѣленія, служащій, вѣроятно, въ одномъ изъ тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ всѣ чиновники, если вѣрить газетамъ, работаютъ по восемнадцати часовъ въ сутки и переутомляются вмѣстѣ съ начальствомъ.

Изъ разговоровъ его на платформѣ съ провожавшею его женой, полною блондинкой, красной, какъ піонъ, отъ туго затянутаго корсета, я, между прочимъ, узнаю, что онъ ѣдетъ отдохнуть и полечиться на три мѣсяца: сперва заѣдетъ въ Кіевъ, оттуда въ Одессу и потомъ на Кавказъ попить эссентука.

Онъ первый поднимаетъ знамя мятежа и восклицаетъ:

— Ну, и порядки у насъ на желѣзныхъ дорогахъ, нечего сказать! Пор-ря-дки!

Охваченный мятежнымъ духомъ, онъ забываетъ, что еще часъ тому назадъ увѣрялъ жену, мечтавшую прокатиться въ Швейцарію, пока онъ будетъ на Кавказѣ, что за границей путешествовать и скверно, и дорого, а жить среди этихъ обиралъ и вовсе отвратительно, не то, что у насъ, дома, гдѣ, по крайней мѣрѣ, люди еще Бога не забыли!... А тамъ, въ Европѣ...

— Да ты, Соня, развѣ не читала сегодня статьи собственнаго парижскаго корреспондента? Онъ, Соня, всегда основательно пишетъ. Не даромъ недавно Почетнаго Легіона получилъ!

И онъ посовѣтовалъ супругѣ прочесть эту статью, въ которой «собственный корреспондентъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ тѣхъ оплакивающихъ прошлыя заблужденія своей и откровенно называющихъ себя «мерзавцами своей жизни» литераторовъ, которые завелись въ послѣднее время въ журналистикѣ, съ пѣной у рта оповѣщалъ читателей о томъ, какъ его обсчитали въ Женевѣ, и, на этомъ основаніи, обозвалъ весь швейцарскій народъ поголовно ворами, грабителями и разбойниками, прибавляя ко всему этому, что у такихъ подлецовъ не было, да и не могло быть Вильгельма Теля,—они его выдумали,—а вотъ у французовъ была настоящая Орлеанская дѣва, какъ у насъ былъ настоящій Иванъ Сусанинъ, и потому французы великодушны и мы добродѣтельны.

Этотъ пассажиръ съ рыжими бачками забываетъ все, что говорилъ и онъ самъ и любимый имъ «собственный корреспондентъ».

Испытывая теперь своими боками неудобства путешествія, онъ начинаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ бранить желѣзно-дорожные порядки въ отечествѣ, противупоставляя имъ европейскіе, и—о, дерзкій статскій совѣтникъ!—(онъ уже отрекомендовался намъ) осмѣливается даже желать предержащимъ желѣзно-дорожнымъ властямъ такихъ же египетскихъ казней, какія испытываетъ самъ, да еще за свои же кровныя денежки. Онъ даже не получилъ воспособленія по случаю болѣзни. О, у нихъ въ вѣдомствѣ на этотъ счетъ строго! Экономія и бережливость, бережливость и экономія! Вотъ если бы командировка...

И, возбуждая общее сочувствіе товарищей по несчастію, онъ горячится, волнуется и продолжаетъ развивать мятежныя мысли такого рода:

— Пусть бы главный желѣзно-дорожный инспекторъ или его помощники, что ли, провели трое сутокъ въ подобныхъ клѣткахъ, а? Пусть бы они, по примѣру добродѣтельнаго Гарунъ-аль-Рашида или умнаго губернатора въ *Периколѣ*, снявъ свои форменныя одежды и облачившись въ статскія, проѣхались инкогнито, чтобы посмотрѣть, каково порядочнымъ людямъ находиться въ положеніи астраханскихъ селедокъ. Виноватъ-съ. Я васъ толкнулъ!—обращается ораторъ ко мнѣ.

— Сдѣлайте одолженіе.

Всѣ мы, конечно, соглашаемся, что придуманная статскимъ совѣтникомъ мѣра не лишена остроумія. Кто-то вставляетъ замѣчаніе, что тогда высшее начальство знало бы, по крайней мѣрѣ, что творится.

— Но газеты переполнены воплями пассажировъ!... Каждый день почти появляются письма въ редакцію!—замѣчаетъ осторожно сверхкомплектный пассажиръ безъ мѣста.

Хранившій доселѣ молчаніе длинный и худой, какъ спичка, старикъ въ очкахъ, сквозь которыя глядятъ небольшіе, острые и холодные глаза, вытягиваетъ губу, что придаетъ его блѣдно-желтому, нѣсколько птичьему лицу, опушенному сѣдою подстриженною бородкой, выраженіе глубочайшаго презрѣнія, и выговариваетъ, цѣдя слова:

— Серьезный государственный человѣкъ не долженъ обращать вниманія на то, что пишутъ въ газетахъ. Мало ли что пишутъ и могутъ написать. Правда тамъ перепутывается съ неправдой... и вообще, что̀ это за источникъ свѣдѣній эти газеты? Есть средство болѣе дѣйствительное: послать довѣреннаго чиновника. Онъ разслѣдуетъ, донесетъ и тогда только главное начальство приметъ мѣры.

И этотъ внушительный тонъ, и это презрѣніе къ газетамъ, и этотъ строгій видъ вселили во мнѣ мысль, что пассажиръ-старикъ, по крайней мѣрѣ, тайный совѣтникъ въ отставкѣ, когда-нибудь да управлявшій чѣмъ-нибудь и, вѣроятно, обиженный газетами еще въ тѣ далекія времена, когда онѣ могли обижать тайныхъ совѣтниковъ.

Ему видимо было непривычно и неудобно сидѣть не въ отдѣльномъ купэ, а въ общемъ, да еще полномъ, отдѣленіи, тѣмъ болѣе, что онъ помѣстился у дверей, и его длинныя ноги то и дѣло должны были поджиматься, когда пассажиры выходили на площадку покурить. Старикъ не выносилъ дыма и протестовалъ противъ куренія,—отдѣленіе было для некурящихъ.

Но старикъ переносилъ свой «жребій» съ молчаливымъ достоинствомъ человѣка, понимающаго превратность судебъ. Проговоривъ свою тираду, онъ развернулъ *Московскія Вѣдомости* и углубился въ газету.

Но ни главнаго инспектора, ни кого-либо изъ его помощниковъ, которымъ можно было бы предложить проектъ мятежнаго статскаго совѣтника, налицо не оказывалось. По всей вѣроятности, они, несмотря на поздній часъ, сидѣли въ своихъ канцеляріяхъ, занятые высшими соображеніями насчетъ тѣхъ же неблагодарныхъ пассажировъ, и вычисляли, какое потребно пространство на каждаго, чтобы доставлять его живымъ до мѣста

назначенія, впредь до увеличенія подвижного состава. А, можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ, инспектируя линію, спалъ себѣ въ этомъ же поѣздѣ въ отдѣльномъ купэ или въ директорскомъ вагонѣ, предпочитая наслаждаться, а не страдать, такъ какъ страданіе вовсе не входитъ въ его служебныя обязанности и исключительно предоставлено пассажиру.

Какъ бы то ни было, а возмутившемуся путешественнику остается только изливать свое негодованіе на кондукторахъ да на начальникахъ станцій или писать обличительныя замѣтки въ жалобныхъ книгахъ.

И онъ обрушивается на этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, считая и ихъ виновными и за тѣсноту, и за неудобство, и, главное, за то, что съ нимъ обращаются съ патріархальною безцеремонностью, которую, положимъ, онъ самъ очень цѣнитъ, какъ національную особенность, но только не на желѣзной дорогѣ, и не за свои деньги, и не на собственныхъ бокахъ.

Гдѣ ужъ тутъ, въ раздраженіи, углубляться въ корень вещей? Гдѣ ужъ тутъ соображать о томъ, что безцеремонность на желѣзныхъ дорогахъ съ публикой не есть что-либо исключительное? Напротивъ, управленія желѣзныхъ дорогъ еще отвѣчаютъ на печатныя письма, разъясняютъ и успокоиваютъ публику хотя бы тѣмъ, что оповѣщаютъ ее о сдѣланныхъ младшимъ агентамъ выговорахъ. И само вѣдомство не усматриваетъ въ печатныхъ пассажирскихъ «воплях» чего-нибудь злонамѣреннаго, подрывающаго престижъ власти, и «вопли» эти свободно доходятъ до публики, тогда какъ другія несравненно болѣе отчаянныя прорываются только черезъ двери суда.

Если же, несмотря на все это, отношеніе къ пассажиру и особенно къ пассажиру третьяго класса оставляетъ желать весьма многаго, то и въ подобномъ отношеніи, опять-таки, сказывается одна изъ чертъ нашей самобытной этики, являющейся основой всего строя общественной жизни. И ни мелкая сошка, ни управляющіе и инспектора, ни высшее начальство не столь виноваты, сколько это кажется ошалѣлому пассажиру. По крайней мѣрѣ, нисколько не болѣе этой вдругъ обидѣвшейся на безцеремонность публики, которая на разные лады кричитъ о несомнѣнномъ превосходствѣ передъ всѣми другими современныхъ русскихъ идеаловъ, въ числѣ которыхъ безцеремонность къ ближнимъ несомнѣнно играетъ первенствующее значеніе

Но пассажиру не до философскихъ обобщеній, къ тому же, и не особенно любимыхъ въ наши времена, когда надо приспособляться къ господствующему общественному настроенію, а не философствовать, рискуя получить отъ перваго встрѣчнаго «дурака».

И онъ, завидѣвъ оберъ-кондуктора, вопіетъ:

— Кондукторъ! Что это у васъ за безобразіе?

Такъ какъ мѣсто дѣйствія—отдѣленіе перваго класса и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—кто ихъ знаетъ?—могутъ быть и генералы, то оберъ-кондукторъ, галантно приложивъ руку къ шапкѣ, съ вѣжливымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ:

— Какія безобразія?

— Какъ какія? Отчего не прицѣпили еще вагонъ?

— Полагается всего одинъ вагонъ прямого сообщенія.

— Но почему полагается? А если пассажировъ больше, чѣмъ мѣстъ въ вагонѣ?

— Это ужъ не наше дѣло, господинъ. Такое распоряженіе.

— Весьма глупое распоряженіе. Тутъ задохнешься отъ жары, а вы толкуете: «распоряженіе!»

— Въ отдѣленіи шесть мѣстъ и шесть пассажировъ.

— Зачѣмъ вы лжете? Тутъ насъ семь!

— Они только до Пскова. Но если они васъ стѣсняютъ...

Сверхкомплектный пассажиръ, предвидящій новыя скитанія по вагонамъ все-таки, рѣшительно заявляетъ намѣреніе не стѣснять и уйти. Никто не удерживаетъ его отъ такого намѣренія, хотя, должно быть, всѣ удивляются его самоотверженію быть бродягой за свои деньги. Но оберъ-кондукторъ проситъ повременить пятнадцать минутъ, до слѣдующей станціи.

— Тамъ я васъ пересажу, господинъ. Я найду вамъ мѣсто.

Съ этими словами оберъ-кондукторъ хочетъ улизнуть.

Еще бы не хотѣть! Довольно онъ наслышался за одинъ-другой часъ ядовитыхъ замѣчаній и сердитыхъ окриковъ. Ахъ, эти курьерскіе поѣзда! Сколько хлопотъ теперь съ пассажирами перваго и второго классовъ, при удешевленномъ тарифѣ, когда всѣхъ точно прорвало и всѣ поѣхали! То ли дѣло пассажиры третьяго класса. Ихъ хоть подъ скамейки запихай,—ничего, довольны и не пикнутъ! Понимаютъ, что не я виноватъ, что мѣстъ нѣтъ. Такъ потомъ жаловался мнѣ оберъ-кондукторъ, изливая свою душу.

— Постойте, кондукторъ! Куда вы?

— Что вамъ еще угодно?—нетерпѣливо спрашиваетъ оберъ-кондукторъ.

— Вѣдь, тутъ нестерпимо сидѣть, понимаете вы это? Дамское отдѣленіе свободно. Посадите двоихъ изъ насъ въ дамское купэ.

— Какъ же можно-съ? Оно для дамъ.

— Но, вѣдь, дамъ нѣтъ?

— Могутъ гдѣ-нибудь на станціи сѣсть.

— Тогда мы уйдемъ.

— Извините, господинъ, я не имѣю права. Вотъ пріѣдемъ въ Лугу,— не угодно ли будетъ обратиться къ начальнику станціи.

— Это чортъ знаетъ что такое! А другое купэ, рядомъ?

— Оно занято-съ.

— Кѣмъ занято?

— Тамъ генералъ Быстрый сидятъ! — значительно произноситъ оберъ-кондукторъ, понижая голосъ, вѣроятно, въ знакъ почтенія къ генералу Быстрому.

Эта фамилія производитъ чарующее впечатлѣніе на мятежнаго статскаго совѣтника,—настолько чарующее, что онъ на мгновеніе затихъ и замлѣлъ, не смѣя и мысленно даже протестовать противъ того, что генералъ Быстрый

одинъ занимаетъ шесть мѣстъ. По выраженію лица статскаго совѣтника видно, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что тайный совѣтникъ Быстрый могъ бы занимать цѣлый вагонъ, а не то, что шесть мѣстъ,—вѣдь, онъ слишкомъ видное лицо, этотъ тайный совѣтникъ Быстрый. Еще недавно былъ помѣщенъ его портретъ и краткая біографія въ субботнемъ приложеніи къ одной газетѣ. Совсѣмъ еще молодой на видъ человѣкъ, а того и гляди, не сегодня - завтра, займетъ высокій постъ. Какъ же ему не занимать отдѣльнаго купэ?

При имени Быстраго худощаваго старика передергиваетъ точно отъ электрическаго тока. Но онъ тотчасъ же овладѣваетъ собой и, подавляя завистливый вздохъ, спрашиваетъ у оберъ-кондуктора:

— Куда ѣдетъ тайный совѣтникъ Быстрый?

— До станціи Борковичи.

— А-а-а!—многозначительно мычитъ старикъ.

На остальныхъ пассажировъ имя генерала Быстраго не производитъ особенно-подавляющаго впечатлѣнія, хотя и вызываетъ нѣкоторое оживленіе на лицахъ, а красивый молодой брюнетъ, сидѣвшій у окна, рыхлый толстякъ съ большою выхоленною, надушенною бородой, въ купомъ вестонѣ, слегка накрахмаленной батистовой сорочкѣ и въ перчаткахъ,—не то помѣщикъ, не то заводчикъ, не то адвокатъ, не разберешь,—тотъ даже иронически усмѣхается и, насмѣшливо щуря черезъ пенснэ въ золотой оправѣ свои черные, небольшіе плутоватые глаза, кидаетъ кондуктору крикливымъ веселымъ теноркомъ:

— Генералъ Быстрый за все купэ заплатилъ, что ли?

— У нихъ одинъ билетъ, но только въ Петербургѣ было распоряженіе отвести имъ цѣлое отдѣленіе.

— Превосходно! Значитъ, вашъ генералъ Быстрый можетъ, какъ персонажъ Островскаго, одинъ ѣхать въ двухъ каретахъ, а мы, поэтому, обязаны вариться въ собственномъ соку? Такъ, что ли, господинъ оберъ-кондукторъ?

— Это не наше дѣло, господинъ.

— Вполнѣ вѣрю, что не ваше, а вашего милаго начальства!—смѣется толстякъ.—Кто у васъ управляющій дорогой?

Оберъ-кондукторъ называетъ фамилію.

— Очень хорошо. Благодарю васъ.

И вслѣдъ за этими словами, внезапно раздражаясь, вдругъ выпаливаетъ:

— Экое свинство! Экая Азія!

Ни игривое замѣчаніе толстяка о двухъ каретахъ, ни это желчное восклицаніе объ Азіи,—тогда какъ мы ѣхали по Европѣ,—не только не возбуждаютъ въ большинствѣ присутствующихъ ни малѣйшаго сочувствія, а, напротивъ, вызываютъ видимое неодобреніе.

Худой старикъ бросаетъ на дерзкаго пассажира быстрый, строгій взглядъ изъ-подъ очковъ. Замлѣвшій статскій совѣтникъ и одинъ бѣлобрысый молодой человѣкъ въ форменной судебной тужуркѣ, храня ледяное молчаніе,

устремляютъ глаза долу, точно имъ стыдно смотрѣть на человѣка, который вслухъ говоритъ неприличныя вещи.

Только довольно страннаго вида пассажиръ, неопредѣлимой профессіи, очень плохо одѣтый пожилой господинъ съ засѣдѣвшими длинными кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ потертой мягкой шлепенки, дремавшій съ отхода поѣзда, внезапно открываетъ заспанные глаза и произноситъ: «Совершенно справедливо изволили замѣтить. Вопіющее свинство!» Но за то генералу Быстрому удобнѣе спать въ Азіи, чѣмъ въ Европѣ!—прибавляетъ онъ со смѣхомъ и, снова откидываясь назадъ, закрываетъ глаза.

Толстякъ улыбается. Бродитъ сочувственная улыбка и на лицѣ пассажира до Пскова. За то старикъ брезгливо пожимаетъ плечами. Дескать чортъ знаетъ съ кѣмъ приходится ѣхать!

Кондукторъ, между тѣмъ, исчезъ, и статскій совѣтникъ выходитъ въ корридоръ, очевидно, озаренный какою-то мыслью.

Выхожу и я подышать воздухомъ у окна.

Раздается свистокъ, возвѣщающій приближеніе къ станціи, и въ дверяхъ вагона появляется оберъ-кондукторъ. При видѣ безпокойнаго пассажира, онъ хочетъ поворотить назадъ, но сторожившій его статскій совѣтникъ уже машетъ ему рукой и на лицѣ его, вмѣсто прежняго негодующаго выраженія, появляется заискивающая улыбка.

— Послушайте, кондукторъ,—говоритъ онъ ласковымъ конфиденціальнымъ тономъ, совсѣмъ не похожимъ на прежній вызывающій тонъ мятежника,—если бы вы какъ-нибудь устроили меня и стараго господина въ дамскомъ отдѣленіи, а? Мы поблагодаримъ васъ за это... понимаете?—прибавилъ онъ, значительно подмигивая глазомъ для вящаго пониманія.

Но оберъ-кондукторъ оказывается неподкупенъ.

Цифра «три», которой нѣсколько разъ ласкаетъ слухъ кондуктора нѣжный шепотъ статскаго совѣтника, такъ же мало дѣйствуетъ на соблазняемаго, какъ, вѣроятно, мало подѣйствовала бы цифра «три», конечно, тысячи, на демона-соблазнителя, служащаго въ вѣдомствѣ, гдѣ, кромѣ экономіи и бережливости и неусыпнаго бдѣнія, циркулярно предписано и безкорыстіе въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ: «Не потерплю!»

Несмотря на свое горячее сочувствіе къ добродѣтели, особенно отечественной, мятежный статскій совѣтникъ непріятно изумленъ. Онъ недовѣрчиво взглядываетъ на посѣдѣвшаго оберъ-кондуктора и не безъ горькаго чувства накидываетъ еще рублишко.

— Никакъ невозможно, господинъ! Вотъ развѣ послѣ того, какъ контроль пройдетъ!—какъ бы невзначай бросаетъ оберъ-кондукторъ, проходя дальше.

— Ахъ, этотъ контроль!

Оказывается, что онъ не только бичуетъ «маленькихъ воришекъ для поученія большихъ», но даже отодвигаетъ на нѣкоторое время возможность выспаться порядочному человѣку въ дамскомъ купэ. Не даромъ же онъ такъ ненавистенъ и князю Мещерскому.

Читатель помнитъ, вѣроятно, эту весеннюю исторію, окончившуюся оффиціознымъ разоблаченіемъ причинъ внезапнаго негодованія князя на контроль и обвиненія его чуть ли не въ неблагонамѣренности? Вѣдь, все дѣло-то загорѣлось изъ-за того, что князь Мещерскій, урвавшій, во время управленія министерствомъ путей сообщенія г. Кривошеина, подрядъ на печатаніе желѣзно-дорожныхъ бланковъ по такимъ «истинно-русскимъ» цѣнамъ, что даже опытные контролеры, видавшіе виды, ахнули, захотѣлъ продолжать въ томъ же родѣ и далѣе. Но бдительное око контроля помѣшало, когда на то пришла пора, и показало, какъ истинно-русскій человѣкъ обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Не знаю, продолжаетъ ли печатать князь Мещерскій бланки по тѣмъ же патріотическимъ цѣнамъ, но знаю, что между Лугой и Москвой мятежный статскій совѣтникъ ушелъ изъ нашего отдѣленія и, растянувшись въ дамскомъ купэ (контроль уже прошелъ!), прекратилъ мятежъ и снова сталъ вполнѣ благонамѣреннымъ человѣкомъ.

Но пока контроль не проходилъ онъ все еще бунтовалъ, хотя и полегче.

Долго крѣпился худой старикъ и молчалъ, но чѣмъ ближе надвигалась ночь и чѣмъ болѣе клонило его ко сну, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становилось его лицо. Онъ пробовалъ заснуть, прислушивался съ завистью къ храпѣвшему во всю ивановскую «неприличному» пассажиру, но сонъ бѣжалъ его глазъ.

Наконецъ, и онъ забунтовалъ, открывшись предварительно статскому совѣтнику въ томъ, что онъ тайный совѣтникъ въ отставкѣ Охвостьевъ, словно бы для того, чтобы показать, что онъ бунтуетъ благонамѣренно.

Признаюсь, я съ особеннымъ любопытствомъ взглянулъ на новаго мятежника, потому что слышалъ о немъ кое-что и зналъ, что о немъ въ свое время производилось нѣсколько дѣлъ въ первомъ департаментѣ сената по жалобамъ евреевъ на такъ называемыя «недоразумѣнія» относительно примѣненія тѣлесныхъ наказаній въ тѣ отдаленныя времена, когда эти «недоразумѣнія» повторялись весьма часто и заставляли господъ сенаторовъ разводить руками и настойчиво требовать соблюденія закона. Припомнилъ я, что Охвостьевъ, наконецъ, былъ отставленъ отъ службы, такъ какъ одно «недоразумѣніе» кончилось не совсѣмъ обыкновенно, и въ это-то время въ газетахъ появились кое-какія корреспонденціи, вѣроятно, и озлобившія его на всю прессу.

Его превосходительство, между тѣмъ, говорилъ, обращаясь къ статскому совѣтнику, о томъ, что пора, наконецъ, прекратить эти безобразія и дать какія-нибудь гарантіи (такъ-таки и сказалъ: «гарантіи») пассажирамъ перваго и второго классовъ въ томъ, что ихъ не будутъ такъ стѣснять...

— Въ самомъ дѣлѣ, я покупаю билетъ и разсчитываю, что могу хоть ночью протянуть ноги, а, между тѣмъ, ваше законное право нарушается самымъ возмутительнымъ образомъ.

— Именно: возмутительнымъ образомъ, ваше превосходительство.

— Кажется, не трудно было бы прибавить вагоновъ для удобства публики... Надо же принять во вниманіе, что среди этой публики могутъ быть лица, заслуживающія, по крайней мѣрѣ, болѣе заботливаго отношенія по своимъ лѣтамъ и по своему положенію... Я вотъ никакъ не могу заснуть.

— И я никакъ не могу, ваше превосходительство!

— А *они* будто этого не понимаютъ! Сажаютъ насъ въ вагоны, точно пассажировъ третьяго класса... Тѣмъ ничего, они привыкли и не могутъ быть требовательны. Какой-нибудь пархатый жидъ, тотъ можетъ спать и подъ скамейкой, каналья,—продолжаетъ мятежный генералъ, видимо, не забывшій еще своей ненависти къ «жидамъ», изъ-за которыхъ онъ пострадалъ,—а, вѣдь, у насъ есть извѣстныя культурныя привычки...

— Быть можетъ, ваше превосходительство,—утѣшаетъ старика статскій совѣтникъ,—намъ возможно будетъ пересѣсть въ дамское купэ и заснуть. Оберъ-кондукторъ обѣщалъ.

— Эти бестіи только обѣщаютъ.

— Нѣтъ, онъ, кажется, сдержитъ обѣщаніе. Вотъ только контроль пройдетъ.

— Очень буду радъ... очень буду радъ, а то весьма здѣсь скверно... И вдобавокъ этотъ неприличный господинъ, который такъ ужасно хрипитъ!—прибавляетъ, понижая голосъ, его превосходительство.

Но «неприличный» господинъ ужъ нѣсколько времени не храпѣлъ и, какъ оказалось, слышалъ кое-что изъ разговора его превосходительства.

И онъ намѣренно громко говоритъ, обращаясь къ молодому толстяку:

— Изволили слышать о новомъ проектѣ желѣзно-дорожнаго управленія?

— О какомъ такомъ?

— Весьма интересномъ. Съ будущаго года въ вагоны будутъ садить пассажировъ по чинамъ: будутъ генеральскіе вагоны, затѣмъ штабъ-офицерскіе, оберъ-офицерскіе и для разночинцевъ... Предъявили паспортъ и— садитесь. Не правда ли, весьма остроумно?

Толстякъ смѣется. Тайный совѣтникъ злобно сверкаетъ глазами и, сожалѣя въ душѣ, что не можетъ приказать отодрать «неприличнаго» пассажира, умолкаетъ и закрываетъ глаза.

— Станція Луга! Поѣздъ стоитъ 10 минутъ!—кричатъ кондуктора.

Всѣ выходятъ въ буфетъ и, возвратившись, стараются заснуть, но напрасно. Одинъ только «неприличный» пассажиръ дремлетъ.

— А генералъ Быстрый спитъ себѣ на шести мѣстахъ! — говоритъ толстякъ и смѣется.

— На то онъ и Быстрый!—откликнулся «неприличный» пассажиръ.

— Экое свинство!

— А вы еще ему удивляетесь, молодой человѣкъ!

Наконецъ, контроль появился, осмотрѣлъ билеты и ушелъ, а черезъ нѣсколько минутъ изъ нашего отдѣленія ушли два главные мятежника.

Насъ осталось четверо и мы, довольные, собираемся серьезно заснуть, протянувъ ноги.

Мятежъ пока окончился.

II.

На слѣдующее утро всѣ мои спутники, выспавшись болѣе или менѣе хорошо, уже не имѣли вида людей недовольныхъ существующимъ порядкомъ на желѣзныхъ дорогахъ. Напротивъ, всѣ, казалось, были вполнѣ имъ довольны.

Статскій совѣтникъ, объявившій, что онъ отлично выспался въ дамскомъ купэ, былъ веселъ, даже игривъ и болтливъ, но уже въ самомъ благонамѣренномъ духѣ. Онъ, между прочимъ, говорилъ, обращаясь то къ тайному совѣтнику, то къ пассажиру въ судебной тужуркѣ, то ко мнѣ, какъ у нихъ въ министерствѣ вырабатываютъ реформу за реформой, словно пекутъ блины, и какъ нынѣ много работы чинамъ ихъ вѣдомства. Онъ конфиденціально сообщилъ, что очень скоро произойдутъ перемѣны въ административныхъ сферахъ и, что навѣрное, всѣмъ, не имѣющимъ пока формы, дадутъ форму, не исключая и фельдшерицъ, и сельскихъ учительницъ. Это подниметъ ихъ духъ. А то, согласитесь, человѣкъ безъ формы... какъ-то неудобно, особенно въ провинціи.

Молодой брюнетъ-толстякъ болѣе не вспоминалъ ни объ Азіи, ни о свинствѣ и съ видимымъ наслажденіемъ читалъ *Des demies-vierges*. «Неприличный» пассажиръ, оказавшійся при свѣтѣ утра старымъ господиномъ съ умнымъ и саркастическимъ лицомъ, не бросалъ ядовитыхъ замѣчаній по адресу тайнаго совѣтника, хотя и иронически на него взглядывалъ по временамъ; даже пассажиръ въ судебной тужуркѣ, все время старавшійся быть серьезнымъ и степеннымъ, открылся, что онъ назначенъ товарищемъ прокурора, и весь вспыхнулъ, вѣроятно, отъ удовольствія, что онъ, столь молодой, и уже можетъ законопачивать болѣе или менѣе неосторожныхъ людей въ отдаленныя мѣста и въ арестантскія роты.

Одного только стараго тайнаго совѣтника не смягчило ни это славное іюньское утро, ни временное пребываніе въ отдѣльномъ купэ. Онъ былъ молчаливо и озлобленно угрюмъ, словно бы дѣла о немъ въ первомъ департаментѣ сената не были давнымъ-давно прикончены и весьма для него благополучно.

Быть можетъ, и даже навѣрное, его огорчилъ необыкновенно веселый и нѣсколько вызывающій видъ представительнаго, моложаваго и свѣжаго, какъ огурчикъ, человѣка данной минуты, тайнаго совѣтника Быстраго, котораго онъ только что встрѣтилъ въ корридорѣ, напомнивъ ему о тѣхъ временахъ, когда и онъ былъ «аркадскимъ принцемъ» и такъ высоко приподнялъ знамя «сильной власти», понимаемой имъ какъ отрицаніе всякихъ законовъ, что, вмѣсто признательности, получилъ отставку.

Какъ бы то ни было, но старикъ былъ мраченъ, какъ туча.

Я съ особеннымъ любопытствомъ взглядывалъ на него, тѣмъ болѣе, что наканунѣ, когда онъ ушелъ въ отдѣльное купэ, ядовитый пассажиръ—земецъ въ тѣхъ палестинахъ, гдѣ, много лѣтъ тому назадъ, свирѣпствовалъ тайный совѣтникъ, разсказалъ намъ на сонъ грядущій не мало о немъ исторій.

Этотъ разсказъ былъ длинною эпопеей о безчисленныхъ «недоразумѣніяхъ» съ евреями. Впрочемъ, и лица другихъ вѣроисповѣданій не оставлялись при случаѣ безъ отеческаго вниманія. Однимъ словомъ, тайный совѣтникъ наводилъ такую панику, что граждане при видѣ его прятались по домамъ, трепеща за цѣлость своихъ спинъ. Представителей земства, городского самоуправленія и чиновъ судебнаго вѣдомства онъ считалъ первыми крамольниками, писалъ въ *Гражданинѣ* проекты, чтобы всѣхъ ихъ упразднить, и сообщилъ куда слѣдуетъ объ ихъ неблагонадежности.

— То-есть, я вамъ скажу, это такой баши-бузукъ былъ, что и описать невозможно. «Отпороть»—было любимымъ его словомъ... Можно ли, нельзя ли—«выпороть!»—и дѣлу шабашъ.

Короче, подробности, передаваемыя земцемъ, можно было бы принять за сказку, еслибъ ее слушалъ какой-нибудь иностранецъ.

— Но какъ же его не привлекли, однако, къ отвѣтственности за превышеніе власти? — спросилъ возмутившійся пассажиръ въ судебной тужуркѣ.

Земецъ взглянулъ на юнаго товарища прокурора тѣмъ удивленнымъ взглядомъ, какимъ могутъ смотрѣть люди на человѣка, сказавшаго невозможную глупость.

— Слѣдовало бы отдать его подъ судъ!—строго произнесъ прокурорскій надзоръ.

— Неужели?—иронически воскликнулъ старый земецъ.

— А то какъ же? Я полагаю, что это ясно, какъ Божій день.

— Не смѣю съ вами спорить, но въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, точка зрѣнія на подсудность, вѣроятно, нѣсколько разнилась отъ вашей. У васъ, въ школѣ, не разъясняли этого вопроса теоретически, разсчитывая, конечно, что практика жизни дополнитъ и разъяснитъ все, что нужно. А одинъ почтенный администраторъ и, вдобавокъ, юристъ разъяснилъ мнѣ однажды этотъ вопросъ и даже весьма остроумно.

— Какимъ образомъ? Это интересно,—спросилъ я.

— А вотъ какимъ. Онъ говорилъ, правда, послѣ обѣда въ честь какого-то юбиляра, что нельзя приравнивать нарушителя закона обыкновеннаго смертнаго къ таковому же нарушителю необыкновенному смертному. Если за кражу, да еще со взломомъ, какого-нибудь мѣднаго чайника Васькой Непомнящимъ его, голубчика, отправятъ въ арестантскія роты, то отъ этого, кромѣ торжества правосудія, ничего не произойдетъ; но если привлечь къ суду человѣка, облеченнаго полномочіями, за то, что онъ, предположимъ, даже нарушилъ законъ, отодравши, какъ сидорову козу, того, кого драть не приличествуетъ, или, допустимъ, имѣлъ недоразумѣнія съ казенными день-

гами, то отъ этого произойдутъ явленія прискорбныя съ государственной точки зрѣнія. Легкомысленная публика, привыкшая чтить и видѣть однихъ добродѣтельныхъ начальниковъ, изъ-за одного недобродѣтельнаго можетъ разочароваться въ добродѣтели вообще. Къ чему же лишать публику довѣрія къ властямъ? Не лучше ли лицъ, превысившихъ свои полномочія, глядя по чину и званію, отстранять безъ шума? Кого уволить, кого причислить, кого назначить въ совѣтъ, какъ пострадавшее за нарушеніе законовъ лицо, которое можетъ, въ огражденіе ихъ, при случаѣ замолвить вѣское слово, кого, наконецъ, ужь очень безстыжаго, снарядить за границу, чтобъ не смѣлъ показывать глазъ. Такимъ манеромъ и дѣло исправлено—неблагонамѣренный удаленъ, и довѣріе не поколеблено, и престижъ власти не нарушенъ. А для удовлетворенія цивическихъ чувствъ общества всегда найдутся становые и исправники, которые время отъ времени попадаютъ подъ судъ и даютъ пищу для ума и сердца. Прокуроры говорятъ горячія рѣчи и господа газетчики пишутъ, какіе бываютъ дурные исправники и какъ ихъ наказываетъ за то правосудіе.

— Теперь ничего подобнаго не можетъ быть!—горячо произнесъ молодой прокуроръ.

Никто не возразилъ. Всѣмъ хотѣлось спать.

III.

Поѣздъ приближался къ Цилейнѣ. Всѣ мои спутники стали собираться и вышли въ Цилейнѣ, чтобы продолжать дальнѣйшій путь по либаво-роменской желѣзной дорогѣ, а не по полѣсской.

Отъ Вильны, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, мы ѣхали только вдвоемъ съ однимъ пассажиромъ, сѣвшимъ на этой станціи.

Это былъ худощавый, невысокій господинъ, очень скромнаго, даже пришибленнаго вида, видимо, не особенно заботившійся о костюмѣ, старенькомъ и потертомъ, съ очень симпатичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, блѣднымъ и изнуреннымъ.

Онъ усѣлся въ уголъ и молчалъ. Вдругъ черезъ открытыя двери отдѣленія долетѣлъ къ намъ громкій, рѣзкій женскій голосъ:

— Я не позволю!... Какъ вы смѣете?... Я вамъ покажу!...

Оказалось, что это бушевала дама, сѣвшая въ отдѣленіе перваго класса съ билетомъ второго.

— Но, сударыня...

— Вонъ! Я буду жаловаться министру. Тамъ нѣтъ мѣстъ.

— Есть мѣста, сударыня... Я васъ посажу... Не угодно ли идти?

— Вы еще смѣете грубить? Я жена полковника... грубіянъ этакій!

Такъ съ барыней ничего и не подѣлали. Она завоевала себѣ мѣсто въ первомъ классѣ.

— Однако, бойкая барыня,—проговорилъ я, обращаясь къ спутнику.

— Удивительно бойкая!—отвѣчалъ онъ, словно бы изумленный чужою бойкостью и испуганно прибавилъ:—Какъ ей не досталось!

Слово за слово, мы разговорились.

Оказалось, что онъ учитель гимназіи въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ губернскихъ городовъ и учительствуетъ въ той гимназіи двадцать три года, пріѣхавши на мѣсто молодымъ человѣкомъ. Воспользовавшись вакаціями, онъ отправился путешествовать и теперь направляется на югъ посмотрѣть Крымъ и Кавказъ.

— Хотѣлось провѣтриться, а то, знаете ли, въ провинціи, да еще учителю, очень, знаете ли, подчасъ тяжело... Я одинокій!—прибавилъ онъ, какъ бы въ поясненіе, и улыбнулся тою доброю, нѣсколько застѣнчивою улыбкой, озарившею его некрасивое лицо, которое говорило, что вѣрно гимназисты не очень боятся педагога, не потерявшаго способности такъ улыбаться.

Вѣроятно, мимолетность встрѣчи расположила этого на видъ боязливаго человѣка къ откровенности или, быть можетъ, ему просто захотѣлось облегчить свою душу передъ человѣкомъ, да еще литераторомъ, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить сочувствіе,—кто знаетъ? Но только онъ въ скоромъ времени нервно и порывисто сталъ разсказывать о томъ, каково быть учителемъ въ захолустьи.

О, это была одна изъ тѣхъ не эффектныхъ, но потрясающихъ драмъ исключительно русскаго характера, въ которыхъ вся жизнь человѣка отзывчиваго, живого и честнаго сводится къ непрерывному трепету за свое существованіе. Быть можетъ, и даже навѣрное, этотъ трепетъ и былъ нѣсколько преувеличенъ излишнею боязливостью потерять мѣсто и остаться безъ куска хлѣба, но, тѣмъ не менѣе, этотъ трепетъ имѣлъ свое основаніе въ той воистину ужасающей средѣ педагоговъ-чиновниковъ, въ которой пришлось работать моему спутнику.

Онъ ни на кого не жаловался, никого не обвинялъ, а только разсказывалъ, и потому разсказывалъ, что тамъ, на мѣстѣ, въ своемъ захолустьѣ, онъ ни съ кѣмъ изъ своихъ товарищей не откровенничалъ, хотя со всѣми былъ въ недурныхъ отношеніяхъ и прямо сторонился изъ боязни, какъ бы чего не вышло. А выйти могло,—онъ это видѣлъ по примѣрамъ. Директоръ, поощрявшій наушничество и среди учителей, и среди гимназистовъ, требованіе показной религіозности, лицемѣріе и обезличеніе,—какъ тутъ не замкнуться въ себя и не трепетать обыкновенному среднему человѣку, настолько порядочному, чтобы самому не купаться въ грязи, настолько боязливому, чтобы не осмѣлиться подчеркнуть свое несочувствіе хотя бы скромнымъ протестомъ?

— Да, знаете ли, тяжеленько!—промолвилъ мой спутникъ, окончивъ свой разсказъ.—Многіе спиваются!... А я и пить не могу, не выношу вина!—прибавилъ онъ.

Въ Борковичахъ къ намъ подсѣлъ пассажиръ, и боязливый учитель уже болѣе не разсказывалъ. За то въ томъ же родѣ повелъ разсказъ другой пассажиръ—земскій врачъ, объяснявшій, почему его не утверждаютъ въ должности. Это тоже была характерная исторійка, заставившая поѣхать

въ Кіевъ, объясняться съ высшимъ начальствомъ о томъ, что онъ чистъ, какъ голубь, въ смыслѣ благонамѣренности, и имѣетъ даже удостовѣреніе о томъ отъ учрежденія, которому спеціально это извѣстно. Что же касается того обстоятельства, что онъ, бывши гимназистомъ 5 класса, попалъ въ такъ называемую «исторію», то и эта прикосновенность къ «исторіи» объяснена тѣмъ же учрежденіемъ, какъ прискорбная ошибка, нисколько не компрометирующая молодого врача.

— И, тѣмъ не менѣе, мнѣ, все-таки, дѣлаютъ затрудненія!—прибавилъ молодой человѣкъ.

— Почему?

— Почему? Да, кажется, просто потому, что исправнику очень хочется устроить брата своей жены. Онъ и затѣялъ всю эту исторію о моей неблагонадежности. Поди теперь хлопочи... объясняй свою невинность и пакость исправника. Его даже и за клевету привлечь къ суду нельзя. Все сдѣлано конфиденціально.

— А вашему конкурренту извѣстно, какими путями добиваются его назначенія?

— Еще бы не извѣстно!

— И ничего... не стыдится?

— Онъ не изъ стыдливыхъ. Онъ недавно въ доказательство полной своей пригодности представилъ во врачебную губернскую управу... какъ вы думаете, чью рекомендацію? И не догадаетесь!

— А чью?

— Игуменьи одного женскаго монастыря. Положимъ, она женщина очень почтенная, но какое же отношеніе она имѣетъ къ медицинѣ?

— Ловокъ!—замѣтилъ кто-то.

— Да, кромѣ того, напечаталъ въ мѣстной газетѣ обстоятельный отчетъ о томъ, какъ излечился отъ катарра желудка прикосновеніемъ въ теченіе десяти дней къ веригамъ нѣкоего великаго старца. Мой коллега изъ молодыхъ, да ранній!—прибавилъ, смѣясь, тридцати-пяти лѣтній врачъ, возстановляющій свою невинность, по ошибкѣ заподозрѣнной еще въ отроческіе годы.

У насъ издавна любятъ «чудесное». Вотъ и теперь объявилась въ Москвѣ вѣдьма. По крайней мѣрѣ, добрые москвичи, пришедшіе помолиться у часовни, приняли одну сердобольную женщину, которая дала какому-то мальчику яблоко, за вѣдьму. Доказательства всѣ были налицо. Какъ только что мальчикъ съѣлъ яблоко, съ нимъ сдѣлался припадокъ подучей болѣзни, которою онъ страдалъ.

И какъ только какая-то женщина сообщила свои подозрѣнія о томъ, что тутъ вѣдьма, какъ черезъ нѣсколько минутъ уже толпа была возбуждена. Кто-то крикнулъ: «бей!»—и первый ударилъ и вслѣдъ за нимъ вся толпа бросилась бить вѣдьму. И, конечно, бѣдной женщинѣ бы не жить, еслибъ не выручилъ ее какой-то господинъ, оказавшійся, на счастье, полицейскимъ сыщикомъ. Онъ показалъ свой билетъ и, заручившись содѣйствіемъ полиціи, отвезъ полумертвую женщину въ больницу.

Разумѣется, всѣ возмутились. Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія и вдругъ... вѣдьма! Какая бы то ни была Москва, а все же бѣлокаменная—и москвичамъ стало совѣстно. Только *Московскія Вѣдомости* да *Гражданинъ* нашли, что избіеніе женщины свидѣтельствуетъ о стойкости религіознаго чувства. Какое отношеніе имѣетъ религіозное чувство съ желаніемъ прикончить «вѣдьму», подите спросите у г. Петровскаго и князя Мещерскаго.

За то другія газеты справедливо пришли въ ужасъ отъ этого изувѣрства толпы въ столичномъ городѣ, на людномъ мѣстѣ. Но кто же виноватъ, какъ не мы сами, что до сихъ поръ безпробудный мракъ невѣжества охватываетъ громадную часть населенія? Идите, судите эту толпу. Но хватитъ ли у кого мужества, несмотря на все ея звѣрство, осудить ее?

Разговоры, подобные тѣмъ, которые я слышалъ отъ трепещущаго учителя и врача, отыскивающаго свою невинность, были нерѣдки. Не бойтесь, почтенный мой спутникъ, я такъ исказилъ и вашу наружность, и вашу рѣчь, и въ такихъ общихъ чертахъ, не приводя фактовъ, описалъ ту ужасающую атмосферу, въ которой вы съумѣли еще не задохнуться и быть любимымъ учителемъ своихъ учениковъ, я такъ тщательно скрылъ мѣсто вашего служенія, что ни директоръ, ни ваши соглядайствующіе коллеги не догадаются, о комъ идетъ рѣчь. Да и зачѣмъ имъ догадываться? Не они же одни, въ самомъ дѣлѣ, виноваты, что условія жизни вырабатываютъ и такихъ педагоговъ, и такихъ врачей, и такихъ журналистовъ.

III.

Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ разсказахъ, которыхъ я достаточно-таки наслушался отъ обитателей глухихъ мѣстъ и дорогой, и въ той самой «дырѣ», гдѣ я мнилъ найти идиллію, господствовала одна тема. Тема эта—полная одиночество и безпомощность въ провинціи человѣка, который не живетъ, какъ всѣ, не открываетъ кабаковъ или не занимается торговлей и промышленностью (хотя и эти жалуются), и болѣе чѣмъ унизительная зависимость отъ перваго встрѣчнаго, которому почему-либо не понравится ваша, хотя бы самая скромная, маленькая дѣятельность, не похожая на обычную дѣятельность большинства.

Не одно только мѣстное начальство—исправникъ и земскій начальникъ, не одинъ только становой, урядникъ или волостной старшина и писарь, но даже посторонній первый «прохвостъ» можетъ причинить вамъ столько непріятностей, что не оберетесь. Господствующее общественное настроеніе въ такихъ глухихъ мѣстахъ еще ощутительнѣе, и борьба съ разными препятствіями за право жить не такъ, какъ всѣ, мелочнѣе, и унизительнѣе, и труднѣе. Или думай какъ всѣ, или уходи отсюда! Фактовъ такого отношенія не мало сообщается въ газетныхъ корреспонденціяхъ. Достаточно будетъ вспомнить лишь одинъ, и весьма характерный: это—удале-

ніе одного врача изъ писарской земства за то, что онъ, въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу исправника Иванова, присужденнаго прошлою весной саратовскою судебною палатой къ тюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ за варварскія истязанія крестьянъ при взысканіи недоимокъ,—показалъ не въ пользу обвиняемаго. Какъ видите, сочувствіе земской управы оказалось на сторонѣ истязателя.

Надо пожить хоть немного въ провинціи, чтобы рѣшительно ничему не удивляться. Тѣ подчасъ изумительныя исторіи, которыя, порой, черезъ судебную залу вырываются на свѣтъ Божій и попадаютъ на страницы газетъ въ видѣ судебныхъ отчетовъ, приподнимаютъ лишь незначительные уголки общей картины нашихъ нравовъ, хотя и ужасающіе по мрачному своему колориту. Оно и понятно. Въ суды, большею частью, попадаютъ трагическія дѣла, а разныя, не столь кричащія, дѣла остаются неизвѣстными. Не станетъ же всякій, незаконно высѣченный или избитый, мужикъ жаловаться на земскаго начальника или на другого какого-нибудь чина. Надо что-нибудь ужь очень серьезное, въ смыслѣ членовредительства, чтобы явилась жалоба со стороны того самаго «мужика», выносливость и терпѣніе котораго ставится «патріотами своего отечества», какъ одна изъ главнѣйшихъ доблестей національнаго характера.

Въ послѣднее время что-то очень часто въ судахъ разбираются дѣла, свидѣтельствующія о жестокости нашихъ нравовъ.

Читатели *Русской Мысли* помнятъ, конечно, и о «бойнѣ», по выраженію г. прокурора, происходившей въ одномъ изъ тюремныхъ зáмковъ,—«бойнѣ», окончившейся нѣсколькими человѣческими жертвами, и объ истязаніяхъ при взысканіи недоимокъ, и объ убитыхъ и искалѣченныхъ въ сумасшедшихъ домахъ, и о многихъ подобныхъ же фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ провинціальныхъ палестинахъ и вызывавшихъ горячія, полныя паѳоса, рѣчи гг. прокуроровъ. Конечно, правосудіе сдѣлало свое дѣло: виновные понесли кару, быть можетъ, большую, чѣмъ слѣдовало, если взглянуть на непосредственныхъ виновныхъ, какъ на людей невѣжественныхъ и не привыкшихъ къ пониманію законовъ, и умѣющихъ только усердствовать, иногда даже слишкомъ искренно, желая угодить начальству. Предписано: «взыскать недоимки»—и иной исправникъ готовъ перервать горло всякому недоимщику, чтобы только исполнить приказаніе точно, быстро и рачительно.

Но отъ того, что нѣсколько непосредственныхъ виновниковъ отправятся въ тюрьмы, нравы еще не смягчатся, и положеніе людей, зависимыхъ отъ слишкомъ дѣятельныхъ и исполнительныхъ агентовъ, едва ли измѣнится.

На-дняхъ въ газетахъ появился судебный отчетъ по дѣлу «о примѣненіи чинами сельской полиціи Рѣжицкаго уѣзда, Витебской губ., *пытокъ* при допросахъ по уголовнымъ дѣламъ».

Пытки въ концѣ девятнадцатаго вѣка, и, притомъ, какъ оказывается, практиковавшіяся подсудимымъ урядникомъ, въ компаніи другихъ сельскихъ

чиновъ, не годъ, не два, а цѣлыхъ 15 лѣтъ, такъ что населеніе было въ такой паникѣ, что не смѣло и жаловаться.

Ужасъ охватываетъ человѣка при чтеніи коротенькаго судебнаго отчета,—коротенькаго, ибо, вѣдь, это дѣло считается газетами не «громкимъ» дѣломъ, вродѣ дѣла Палемъ, когда газеты, кромѣ отчета, помѣщали еще отдѣльныя замѣтки «изъ залы суда»,—ужасъ и стыдъ. Я не стану передавать содержаніе дѣла,—это сдѣлаетъ, конечно, мой собратъ, авторъ *Очерковъ провинціальной жизни,*—но я позволю себѣ обратить вниманіе читателя только на характерныя подробности о докторѣ, объ исправникѣ и становомъ.

Докторъ, свидѣтельствовавшій при предварительномъ дознаніи трупъ умершаго отъ пытокъ мальчика, подвѣшенный потомъ на дерево, чтобы возможно было предположить самоубійство, призналъ многочисленныя полосы и синеву на тѣлѣ «трупными пятнами», а рану на головѣ—происшедшею отъ удара о дерево при самоповѣшеніи. Только потомъ, когда дѣло разбиралось на судѣ, г. Елизаровъ,—этотъ врачъ, хотѣвшій прикрыть злодѣйство,—объявилъ, что онъ *ошибся,* дѣлая первое заключеніе.

Хороша ошибка!

Не менѣе любопытно еще и слѣдующее обстоятельство. Исправникъ (фамиліи его нѣтъ въ отчетѣ), которому было поручено прокурорскимъ надзоромъ произвести новое дознаніе въ виду того, что первое, произведенное становымъ приставомъ Пьянковымъ при участіи уѣзднаго врача Елизарова и утверждавшее фактъ самоповѣшенія, показалось прокурорскому надзору недостаточнымъ, тоже не могъ ничего открыть. Преступленіе обнаружилось только благодаря настойчивости прокурорскаго надзора, поручившаго произвести новое дознаніе (третье) жандармскому офицеру, г. Жданъ-Пушкину.

«Да, жестокіе у насъ, сударь, нравы!»—могъ бы сказать и теперь, какъ говорилъ много лѣтъ назадъ Кулибинъ въ *Грозѣ* Островскаго, и едва ли правъ товарищъ прокурора судебной палаты, обвинявшій подсудимыхъ, сказавъ, что дѣло это «безпримѣрное».

У насъ не только къ такимъ процессамъ равнодушны, но, пожалуй, немногіе ихъ читаютъ, тѣмъ болѣе, что наши газетчики не обращаютъ вниманія на нихъ читателей хотя бы двумя-тремя строчками.

IV.

Въ послѣдніе годы особенно часто рекомендуютъ интеллигенціи ѣхать въ деревню и тамъ заниматься хорошими дѣлами: открывать школы, помогать добрыми совѣтами народу и все въ такомъ родѣ... Въ современныхъ повѣстяхъ и романахъ,—по крайней мѣрѣ, такихъ, въ которыхъ не описывается на всѣ лады одинъ адюльтеръ,—разочарованный герой обязательно ѣдетъ воспрять духомъ въ деревню, а героиня, благородство ко-

торой хочетъ показать авторъ, послѣ разочарованія въ мужѣ, укравшемъ на другой же день послѣ свадьбы все серебро, полученное въ приданое, непремѣнно посылается авторомъ опять-таки въ деревню или открывать школу, или поступать въ сидѣлки къ больнымъ. Современные драматурги тоже изрѣдка прибѣгаютъ къ такимъ совѣтамъ, благо на то ихъ княжая воля. Хочешь—сошли въ деревню, хочешь—выдай героиню замужъ за одного изъ тѣхъ французскихъ маркизовъ, которые публикуются въ газетахъ,—отъ этого, все равно, глупость и бездарность современныхъ пьесъ не измѣнятся.

Многіе изъ молодыхъ людей, ищущихъ выхода изъ того мрака жизни, который они чувствуютъ вокругъ себя, и не умѣющихъ по примѣру своихъ сверстниковъ приспособляться къ дѣйствительности, и ѣдутъ въ деревню, самоотверженно гибнутъ тамъ въ холерные годы и самоотверженно работаютъ во время голода. Но не ежегодно, не всегда же бываетъ холера и такой голодъ, какъ въ недавнее время. Тогда они, эти люди, ищущіе какого-нибудь дѣла, стараются по возможности найти его по своему вкусу, но всѣ эти дѣла—и, замѣтьте, самыя обыкновенныя, вродѣ обученія грамотѣ или объясненія крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей—такъ же не тверды, какъ домъ, построенный на пескѣ. Какой-нибудь первый кулакъ-проходимецъ, какой-нибудь урядникъ, имѣющій претензіи на государственныя соображенія, и... уѣзжайте скорѣй изъ деревни, бросивши дѣло.

Припомните недавнюю исторію г-жи Штевенъ. Она дѣлала доброе дѣло, заводила школы, собирала на нихъ пожертвованія отъ добрыхъ людей и вся отдалась этому дѣлу, какъ вдругъ... одному земскому начальнику дѣятельность г-жи Штевенъ показалась вредной. Поднимается дѣло. Хотя вице-губернаторъ, командированный на мѣсто для разслѣдованія этого дѣла, и нашелъ дѣятельность г-жи Штевенъ весьма полезною, хотя земскій начальникъ и получилъ отъ губернатора выговоръ, тѣмъ не менѣе, г-жѣ Штевенъ распоряженіемъ мѣстнаго епархіальнаго начальства воспрещено открывать школы.

Вмѣстѣ съ рекомендаціями ѣхать «дѣлать дѣла» въ деревнѣ у насъ въ послѣдніе годы вообще усиленно проповѣдуются «маленькія дѣла», какъ панацея для медленнаго, но вѣрнаго достиженія всеобщаго благополучія.

Я, разумѣется, не стану отрицать относительную полезность всѣхъ этихъ маленькихъ дѣлъ, на которыя набросилась съ такимъ рвеніемъ извѣстная часть, конечно, лучшаго общества, но когда меня станутъ увѣрять, да еще съ самодовольнымъ апломбомъ, что нѣсколько заведенных школъ или пріютъ на семь малютокъ, или домъ призрѣнія двадцат нищихъ есть тотъ идеалъ полезной дѣятельности, благодаря которо все исправится, то я сочту такихъ самодовольныхъ филантроповъ, гото выхъ выѣденное яйцо возвести въ перлъ созданія, за большихъ, хотя и добродѣтельныхъ болвановъ, забывающихъ, что нѣсколько школъ тамъ

гдѣ требуются ихъ многія тысячи, забота о нѣсколькихъ малюткахъ, когда сотни тысячъ ихъ гибнутъ въ курныхъ избахъ, и въ подвигахъ призрѣнія двадцати нищихъ, когда тысячи ихъ погибаютъ въ пьянствѣ и развратѣ,—что все это такъ же мало можетъ измѣнить условія жизни, какъ мало вычерпнетъ ковшикъ воды изъ океана, и что не маленькими, хотя и полезными, дѣлами дѣлается исторія, а тѣми широкими идеями и тѣми носителями ихъ, которые считаются нерѣдко современниками безумцами.

И литература наша, въ особенности беллетристика, тоже особенно полюбила въ послѣднее время разныхъ добродѣтельныхъ героевъ, дѣлающихъ маленькія дѣла, и старается возбудить къ нимъ (и не безъ успѣха) сочувствіе читателя.

Въ прежнее время—дурно или хорошо, бездарно или талантливо—и беллетристика выводила героевъ, которые мечтали о благополучіи *всѣхъ*, непремѣнно всѣхъ, на меньшее герой никакъ не соглашался,—а теперь напротивъ: герои вполнѣ довольны (и съ ними, конечно, ихъ авторы), если они заведутъ сыроварню, или устроятъ больницу, или построятъ узкоколейную дорогу, или, наконецъ, поселятся въ деревнѣ и станутъ учить мужика не пьянствовать, или устроятъ продажу народныхъ книгъ.

И, что всего при этомъ интереснѣе, что всѣ эти герои удивительно легко достигаютъ цѣлей: и сыроварни устраиваютъ, и больницы, и книги продаютъ полезныя, и мужиковъ просвѣщаютъ, и ни одинъ урядникъ не ставитъ имъ препонъ... Напротивъ, и самъ онъ, въ концѣ-концовъ, проникается добродѣтелью героя и кончаетъ тѣмъ, что перестаетъ пить и носить съ собою нагайку, а по вечерамъ читаетъ съ восторгомъ изданія «Посредника».

V.

Поѣздъ подходилъ къ Кіеву. Распростившись съ трепещущимъ учителемъ и съ врачомъ, возстановляющимъ свою невинность, и пожелавъ имъ отъ души всякихъ успѣховъ, я прямо съ желѣзной дороги поѣхалъ на пароходъ, который долженъ былъ привести меня къ желанной «идилліи».

По дорогѣ я заѣхалъ на телеграфъ, и тамъ ужъ началась «идиллія».

Въ комнатѣ дожидался какой-то мужикъ съ телеграммой. Сталъ и я. Господа телеграфисты въ это время мирно бесѣдовали, обращая на насъ двоихъ такъ же мало вниманія, какъ много мы обращали на нихъ.

Прошло такъ нѣсколько минутъ. Я нарочно молчалъ, выжидая, когда окончится бесѣда телеграфистовъ. Но терпѣніе мое истощилось и я просилъ принять телеграмму. Тогда только телеграфистъ взглянулъ на меня, и такъ враждебно, точно я нанесъ ему кровную обиду, желая обогатить телеграфное вѣдомство на 65 к., и протянулъ руку за депешей.

— Тутъ раньше дожидаются. Примите по очереди депешу,—проговорилъ я.

Къ выраженію враждебности въ лицѣ телеграфнаго чиновника приба-

вилось еще выраженіе такого дикаго изумленія, точно онъ видѣлъ передъ собою человѣка, только что вырвавшагося изъ сумасшедшаго дома.

— Онъ подожетъ!—сказалъ недоумѣвающій телеграфистъ.

— Я подожду,—покорно произнесъ мужикъ.

Пароходъ Днѣпровскаго общества оказался довольно грязнымъ, какъ и слѣдовало ожидать, но я охотно ввѣрилъ свою жизнь капитану, увѣренный, что здѣсь, при всемъ его желаніи, потонуть невозможно. Берега близки и мѣстами рѣка такъ мелка, что мы то и дѣло притыкались къ мели.

Къ полуночи, послѣ семичасового плаванія, я уже былъ въ обѣтованной землѣ и дышалъ чуднымъ воздухомъ прелестной іюльской ночи.

К. Станюковичъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, господинъ редакторъ! Въ октябрской книжкѣ издаваемаго вами журнала напечатано письмо г. Московскаго обывателя. Отдавая должную дань справедливости вашему безпристрастію, благодаря которому письмо это могло появиться на страницахъ *Русской Мысли*, я считаю своимъ долгомъ, какъ консерваторъ, высказаться противъ крайностей и односторонности г. Московскаго обывателя, которыя производятъ нѣкоторое смущеніе въ нашемъ лагерѣ.

Неправильно и неблагоразумно, взявшись за защиту охранительныхъ идей, вести эту защиту до сведенія къ нелѣпому (*reductio ad absurdum*). Г. Московскій обыватель забываетъ, что мы, огражденные въ нашей самобытности съ Востока Китаемъ, Афганистаномъ и Персіей, имѣемъ по другую сторону не близкую нашему сердцу Абиссинію, а Западную Европу, которую «закидать шапками» нѣтъ никакой возможности. Не подобаетъ поэтому истинному консерватору возставать противъ народнаго образованія вообще. Оно, при нынѣшнихъ международныхъ условіяхъ, необходимое для насъ зло, и надо только позаботиться, чтобы пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній сопровождалось возможно меньшимъ такъ называемымъ «развитіемъ», подъ которымъ либералы наши разумѣютъ пробужденіе и укрѣпленіе человѣческаго достоинства, усиленіе чувства законности въ русскомъ народѣ и т. п. Надо больше дѣлать, чѣмъ возвѣщать, и не возвѣщать всего того, что собираешься дѣлать. Если князь Мещерскій принужденъ съ будущаго года сократиться въ семь разъ и издавать вмѣсто ежедневной газеты еженедѣльную, то не свидѣтельствуетъ ли это, что охранители-публицисты, не компрометируя себя, не должны выставлять своихъ вожделѣній съ неблагоразумною откровенностью? Приведу два примѣра. Въ нашемъ уѣздѣ возникла среди мѣстнаго дворянства такая мысль: ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы каждый дворянинъ, не опороченный по суду и не заподозрѣнный въ либеральномъ образѣ мыслей, считался состоящимъ на государственной службѣ и получалъ окладъ, соотвѣтствующій тому образу жизни, который долженъ вести первенствующее въ государствѣ сословіе. Я и мои единомышленники возстали противъ этого предложенія и успѣли убѣдить другихъ въ его несвоевременности.

Другой примѣръ. Въ московской городской думѣ отъ времени до времени возникаетъ вопросъ о необходимости контроля надъ общественными средствами, которыя тратятся для пользы и нуждъ города. Неблагоразумно отрицать въ принципѣ такой контроль: это можетъ вызвать не только крики среди либераловъ, которыми справедливо пренебрегаетъ г. Московскій обыватель, но и живыя опасенія среди городскихъ плательщиковъ, никакого образа мыслей не имѣющихъ и составляющихъ, въ сущности, нашу главную опору. Поэтому я считаю въ высшей степени тактичнымъ докладъ ревизіонной коммиссіи московской городской думы: она предлагала думѣ признать неправильною запись на расходъ въ 71 руб. 40 коп., полученные за порожніе кули изъ-подъ овса, и таковую же сумму снести на расходъ по ассенизаціонному обозу; что же касается многомилліонныхъ расходовъ по другимъ статьямъ, то ихъ полностью утвердить. При такой постановкѣ дѣла и принципъ контроля, любезный либераламъ, былъ бы не нарушенъ, и контролируемая сумма оказалась бы безобидною. Къ сожалѣнію,—въ этомъ я расхожусь съ г. Московскимъ обывателемъ,—московская дума не всегда руководствуется «русскимъ духомъ»: она не одобрила заключеній ревизіонной коммиссіи. Къ счастью, дума не пошла дальше по этому скользкому пути и утвердила денежный отчетъ управы за 1894 годъ.

На основаніи всего сказаннаго, принимая въ соображеніе, что каждая новая школа создаетъ и новыхъ враговъ намъ, охранителямъ,—а новыя школы, скрѣпя сердце, приходится, все-таки, открывать,—я и считаю неблагоразумнымъ письмо г. Московскаго обывателя.

Умѣренный консерваторъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Ноябрь 1895 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Исторія, мемуары и біографіи.—Путешествія.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники и книги для дѣтей. — Изданія для народа.— Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Русское Обозрѣніе», *октябрь*. — «Русскій Вѣстникъ», *октябрь*. — «Вѣстникъ Европы», *октябрь*.—«Русское Богатство», *сентябрь*. — «Міръ Божій», *сентябрь* и *октябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 октября по 1 ноября 1895 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Отверженный". *Д. С. Мережковскаго.* — „Цвѣтокъ олеандра". *К. М. Длусскаго.*— „Таинственные разсказы". *Эдгара По.*

Отверженный. Романъ въ двухъ частяхъ Д. С. Мережковскаго. Спб., 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к. Г. Мережковскій выбралъ для своего историческаго романа очень интересное время послѣдней борьбы угасавшаго язычества противъ торжествовавшаго надъ нимъ христіанства. Герой романа *Отверженный*, римскій императоръ Юліанъ, почти совершенно незнакомъ массѣ читающей публики, знающей только, что жилъ-былъ когда-то Юліанъ-Отступникъ, который, умирая, воскликнулъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!" Но что за личность этотъ „отступникъ", почему онъ сдѣлался „отступникомъ", какимъ онъ подчинялся побужденіямъ, какія были у него цѣли, къ достиженію какихъ идеаловъ онъ стремился и какія употреблялъ для того средства,— все это большинству читающей публики осталось неизвѣстнымъ до появленія въ свѣтъ романа г. Мережковскаго, а послѣ прочтенія этого романа тотъ, кто объ императорѣ Юліанѣ имѣлъ понятіе смутное, и тотъ, кто зналъ его только по имени, получитъ о немъ понятіе не только неясное, но и превратное. Почти одновременно съ произведеніемъ г. Мережковскаго вышелъ въ свѣтъ и переведенъ на русскій языкъ романъ нѣмецкаго писателя Феликса Дана, озаглавленный *Юліанъ-Отступникъ*, плохой романъ и скучный, въ которомъ дѣйствуютъ и говорятъ не римляне и греки на конечной грани античнаго міра, а такіе же нѣмцы, какихъ изображалъ Георгъ Эберсъ въ костюмахъ и въ обстановкѣ древнихъ египтянъ, персовъ, грековъ и римлянъ въ своихъ псевдо-историческихъ, вѣрнѣе же—„антикварныхъ", романахъ. Беллетристическая археологія и романическое антикварство имѣютъ, несомнѣнно, свою цѣну, и очень большую цѣну, когда они представляютъ собою историческую раму къ исторически вѣрнымъ картинамъ

и портретамъ, какъ въ *Саламбо* и *Иродіадѣ* Флобера, какъ въ *Камо грядеши* и *Пойдемъ за Нимъ* Генрика Сенкевича. Въ романахъ же Эберса, Дана и другихъ, до г. Мережковскаго включительно, вся эта археологія есть ничто иное, какъ старательная и бьющая въ глаза „выписка“ аксессуаровъ на тусклой картинѣ, невѣрной по своему существу. Со второй главы романа *Отверженный*, въ которой впервые появляется на сцену Юліанъ, читатель получаетъ совершенно неправильное представленіе о героѣ романа и о близкихъ ему людяхъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на его развитіе. Повѣривши повѣствованію г. Мережковскаго, читатель подумаетъ, будто Юліанъ совсѣмъ еще ребенкомъ, лѣтъ девятидесяти, былъ сосланъ въ Каппадокію, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Галломъ, будто оба брата жили чуть не въ нищенской обстановкѣ, будто учитель Юліана, Мардоній, былъ плохонькій старичишка, и т. д. Въ дѣйствительности, все это далеко не такъ. За́мокъ Макеллы (fundus Macelli) былъ великолѣпнымъ царскимъ жилищемъ, молодые принцы были окружены большою роскошью и многочисленнымъ дворомъ, Галлъ задавалъ банкеты съ играми и зрѣлищами. Юліанъ привезенъ въ Макеллы двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, получившимъ въ Константинополѣ начало солиднаго и блестящаго образованія *), и едва ли могъ лакомиться пышками старой няньки, играть „въ кораблики“, шаловливо бѣгать потихоньку къ молоденькимъ сосѣдкамъ, ночевать въ пустомъ языческомъ храмѣ. Анахронизмы допустимы, конечно, въ беллетристическомъ произведеніи, когда они нужны автору для художественныхъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ ничего подобнаго мы не видимъ и, наоборотъ, находимъ, что допущенныя авторомъ неточности ведутъ только къ затемнѣнію дѣйствительности, къ искаженію тѣхъ фактическихъ основаній, на которыхъ развивались характеры Галла и Юліана. Изъ неизвѣстныхъ намъ источниковъ взятая г. Мережковскимъ сцена появленія трибуна Скудило съ толпою пьяныхъ солдатъ ночью въ спальнѣ молодыхъ принцевъ, шутовская роль, навязанная авторомъ при этомъ Мардонію, оказываются уже не анахронизмомъ, а произвольнымъ извращеніемъ дѣйствительности, дающимъ читателю совершенно превратное представленіе о положеніи дѣлъ, вообще, и объ истинномъ положеніи племянниковъ императора въ ихъ роскошно обставленномъ заключеніи. На самомъ дѣлѣ, при всей свободѣ забавляться, наслаждаться, дѣлать что угодно въ оградѣ за́мка и его парка, молодые люди находились подъ самымъ тщательнымъ и бдительнымъ надзоромъ, никакъ не могли бѣгать куда имъ вздумается, и доступъ къ нимъ постороннимъ людямъ былъ совершенно невозможенъ, въ особенности же цѣлому отряду солдатъ съ трибуномъ во главѣ... Если бы г. Мережковскій держался доподлинныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о жизни Галла и Юліана въ бывшей резиденціи каппадокійскихъ царей, онъ могъ бы дать намъ въ высшей степени любопытную картину заточенія императорскихъ родственниковъ, „окруженныхъ всею блестящею церемоніальностью и великолѣпною обстановкой придворной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишенныхъ всякой свободы въ своемъ почетномъ заключеніи“ **) Объясненія, которыя г. Мережковскій даетъ нерасположенію Юліана къ христіанству и предпочтенію, оказываемому имъ язычеству, на-

---

*) *Императоръ Юліанъ и его отношенія къ христіанству*, сочин. Я. Алфіонова, диссертація магистра духовной академіи. По другимъ извѣстіямъ, Юліану было 1· лѣтъ (*E. Lamé:* „Julien l'Apostat).

**) Тамъ же.

столько слабы и легковѣсны, чтобы не сказать—наивны, что ими только спутывается все дѣло и черезъ то извращается до неузнаваемости личность Юліана, неловѣка, несомнѣнно, выдающихся способностей и очень большого ума, опаснѣйшаго изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ противниковъ христіанства. Въ извѣстной брошюрѣ Штрауса, ради особливыхъ цѣлей и съ большими натяжками, Юліанъ представленъ „романтикомъ на тронѣ цезарей". Никакихъ подобнаго рода цѣлей г. Мережковскій не имѣлъ, вѣроятно, а просто не понялъ ни характера изображаемой личности, ни тѣхъ сложныхъ обстоятельствъ, которыя вовлекли Юліана въ безплодную борьбу съ ученіемъ христіанскимъ, столь противуположнымъ эллинскому духу и міровоззрѣніямъ древняго Рима. Во имя блестящей цивилизаціи и ради величія имперіи возсталъ Юліанъ противъ религіи, которая, по весьма близкому къ истинѣ мнѣнію аристократа-кесаря, философа и эстетика, грозила стереть съ лица земли всю античную культуру съ ея науками, искусствами и всеміpнымъ владычествомъ. Предшественники Юліана и слѣдовавшіе за нимъ императоры нашли болѣе для себя удобнымъ и подходящимъ ко времени воспользоваться христіанствомъ и забрать его въ свои руки, сдѣлавши государственною религіей и себя самихъ подставивши на мѣсто Христа... Насколько имъ это удалось, здѣсь говорить не мѣсто. Юліанъ пытался сдѣлать нѣчто подобное, только безъ христіанства, при помощи античнаго язычества, имъ обновленнаго и реформированнаго на началахъ философіи и чистаго разума. Въ своемъ выборѣ и въ послѣдовавшей затѣмъ борьбѣ онъ упустилъ изъ вида, что на его сторонѣ всѣ „эллинскія прелести и мудрость", вся сила самовластія и древней религіи, но безъ вѣры, а на противной сторонѣ—простая, но ничѣмъ несокрушимая вѣра. Упустилъ это изъ вида и г. Мережковскій въ своемъ романѣ. Онъ очень хорошо изобразилъ чиновничій и буржуазный индифферентизмъ, съ которымъ искатели выгодъ переходили изъ язычества въ христіанство, потомъ обратно въ язычество, затѣмъ обратно въ христіанство,—куда вѣтеръ подуетъ на правительственныхъ верхахъ. Авторъ также хорошо передалъ настроеніе черни, бѣгущей съ одинаковымъ увлеченіемъ на христіанскія торжества и на кровавыя потѣхи цирка. Еще лучше изобразилъ г. Мережковскій яростныя распри сектантовъ, позорившихъ церковь первыхъ вѣковъ христіанства. Но все это вышло въ романѣ отрывочно и безсвязно, необъединеннымъ во что-либо цѣлое опредѣленною идеей. Произошло же это опять-таки отъ того, что, вмѣсто очень крупной,—хотя и попадавшей иногда въ комическія положенія,—личности Юліана, все дѣйствіе вертится вокругъ ничтожнаго и жалкаго декадента чисто-современнаго пошиба,—вокругъ сбитаго съ толку, доходящаго подъ конецъ до настоящаго безумія. Вмѣсто серьезныхъ личностей послѣднихъ языческихъ философовъ, въ романѣ дѣйствуютъ пустомели и плуты, которые никоимъ образомъ не могли вліять на Юліана настолько обаятельно, какъ то показано въ романѣ и какъ то было въ дѣйствительности. Нанизывая множество ни на что не нужныхъ сценъ, весьма сомнительной правдивости и прямо вымышленныхъ и неправдоподобныхъ, втискивая, довольно насильственно, въ романъ лишнія фигуры и событія собственнаго сочиненія, г. Мережковскій пропускаетъ не мало сценъ интереснѣйшихъ и важныхъ для характеристики Юліана, его современниковъ и изображаемой эпохи. Таковы, напримѣръ, сцена прощанія восемнадцати-лѣтняго Юліана съ Галломъ, объявленнымъ кесаремъ Востока съ обязательствомъ жениться на

сестрѣ императора. Далѣе совершенно скомкано все время пребыванія Юліана при дворѣ въ Миланѣ, безъ выясненія оставлены крайне интересныя отношенія молодого принца къ императрицѣ Евсевіи. Въ высшей степени важное и характерное для Юліана свиданіе его и бесѣда съ императоромъ Констанціемъ переданы въ трехъ строкахъ и въ самомъ искаженномъ видѣ. И, наоборотъ, множеству незначительнѣйшихъ сценъ посвящены цѣлыя главы. Впрочемъ, и весь романъ, слѣпленный изъ случайно нахватанныхъ обрывковъ, написанъ необыкновенно тягуче и удручающе скучно. Мы не станемъ перечислять всѣхъ недочетовъ и промаховъ, замѣченныхъ нами въ романѣ г. Мережковскаго,—это заставило бы насъ далеко выйти изъ рамокъ библіографическаго отзыва. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ предисловіе къ роману, въ которомъ авторъ сообщаетъ, что его *Отверженный* есть только часть „Трилогіи". Вторая часть будетъ озаглавлена *Воскресшіе боги*; „ея герой—Леонардо да Винчи, эпоха—итальянское возрожденіе". Противъ этого возразить нечего, можно только пожелать, чтобъ авторъ взялъ на себя трудъ болѣе тщательно изучить то время и болѣе глубоко вдуматься въ смыслъ избранной имъ эпохи, чѣмъ онъ сдѣлалъ это для Юліана. Но третья часть „Трилогіи" привела насъ въ большое недоумѣніе,—она будетъ озаглавлена *Петръ и Алексѣй*, „т.-е. Новый Міръ",—поясняетъ г. Мережковскій. Послѣ „конца античнаго міра и языческихъ боговъ" есть достаточныя основанія перейти къ Возрожденію, а при чемъ могутъ тутъ быть царь Петръ Алексѣевичъ и несчастный царевичъ Алексѣй Петровичъ, это уму непостижимо. Торжество христіанства при Юліанѣ, возрожденіе наукъ и искусства въ Италіи имѣли, несомнѣнно, огромное міровое значеніе За ними на третьемъ мѣстѣ могли быть поставлены Реформація и Революція, которыми опредѣляются важнѣйшіе переломы въ культурной исторіи человѣчества и въ религіозной жизни всего цивилизованнаго міра. Но при чемъ же тутъ Петръ I? Увлеченный символизмомъ сочинитель, очевидно, перемудрилъ и хватилъ черезъ край.

Цвѣтокъ олеандра. Разсказы К. М. Длусскаго, рисунки В. Навозова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Передъ нами отлично изданная книжка, въ эффектной обложкѣ, напечатанная на хорошей бумагѣ красивымъ и четкимъ шрифтомъ, украшенная виньетками очень талантливаго художника В. Навозова. На эту книжку нельзя не обратить вниманія, если увидишь ее выставленною въ витринахъ и на прилавкахъ книжныхъ магазиновъ. Совершенно иное впечатлѣніе получается, когда прочтешь десять, двѣнадцать страницъ перваго произведенія г. Длусскаго. Впечатлѣніе — такое, что это переводъ, и, притомъ, довольно плохой переводъ, съ какого-нибудь иностраннаго языка. Мы нашли даже нужнымъ вернуться опять къ заглавному листу и удостовѣриться, что *Цвѣтокъ олеандра* (заглавіе перваго разсказа)—произведеніе оригинальное, а не переводное, какъ это показалось намъ, и потому еще, что дѣйствіе происходитъ въ Швейцаріи и героиня разсказа—юная итальянка, находящаяся подъ надзоромъ гувернантки англичанки, другая дама—француженка, шансонетная пѣвица, дѣйствующія лица—итальянцы Джузеппе, Гаэтано и т. д. Г. Длусскій пишетъ: „Да, это правда,—оживленно заговорила хорошенькая, смуглая дѣвушка *изъ* рынка..." „При его плохо *сколоченной* фигурѣ съ длинными руками..." „Поповъ началъ разсказывать своимъ дамамъ про сегодняшнюю прогулку *его*..."—вмѣсто „свою", такъ какъ онъ про себя разсказывалъ. Въ немъ „легко было узнать одного изъ тѣхъ нашихъ

бѣдныхъ школьныхъ тружениковъ, классическія гимназіи у которыхъ латынью и греческимъ языкомъ выжали послѣднія капли алой крови". Француженка проситъ Попова „*открыть*" (вмѣсто „отпереть") *замокъ*..." „Не можете ли вы мнѣ дать, ну, въ крайности, *занять* (вмѣсто „ссудить") пять франковъ..." Въ этихъ пяти франкахъ вся суть повѣсти, занимающей треть книги. Юная итальянка дала Джузеппе „на выпивку" пять франковъ за то, что итальянецъ помогъ Попову остановить обозлившагося осла. У Попова денегъ нѣтъ, дядя отказываетъ ему въ просьбѣ дать взаймы („занять",—по выраженію автора) пятифранковикъ. Молодой человѣкъ мучается тѣмъ, что про него подумаютъ хорошенькая Лолла и ея наставница, которыя объ этихъ деньгахъ давно забыли, и выпрашиваетъ пять франковъ у шансонетной пѣвицы. Деньги эти онъ отдаетъ итальяночкѣ, когда та сидитъ уже въ вагонѣ, а дѣвушка даритъ ему на память цвѣтокъ олеандра... И сказка вся тутъ. Слѣдующій разсказъ, съ заглавіемъ *Часы съ курантами*, напомнилъ намъ страшныя-престрашныя повѣсти г-жи Радклифъ, англійской писательницы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Лѣтъ восемьдесять-девяносто назадъ ея романами зачитывались, и, на самомъ дѣлѣ, писательница она была талантливая. А г. Длусскій, судя по прочитанной нами книгѣ, талантомъ не богатъ и своими разсказами о пустынномъ зàмкѣ, его сказочномъ великолѣпіи, похищеніяхъ юныхъ красавицъ, братоубійствахъ и другихъ ужасахъ, до появленія въ „черной" комнатѣ ожившей статуи преступнаго монаха,—вызываетъ только улыбку сожалѣнія надъ безсильными покушеніями взволновать читателя. Остальные разсказы (всѣхъ ихъ восемь) размѣрами меньше вышеуказанныхъ и только этимъ, развѣ, лучше ихъ.

Таинственные разсказы. Эдгара По. Переводъ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Изданіе князя А. И. Урусова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. Объ авторѣ *Таинственныхъ разсказовъ*, Эдгарѣ По или Эдгарѣ Поэ, какъ называли у насъ въ старые годы и теперь многіе называютъ знаменитаго писателя, мы говорили въ нашемъ *Библіографическомъ отдѣлѣ* (*Русск. Мысль* 1895 г., кн. III) при разборѣ переведенныхъ г. Бальмонтомъ *Балладъ и фантазій* того же удивительнаго автора, одареннаго огромнымъ, но необыкновенно страннымъ, „тяжелымъ" талантомъ. Фантазія автора, въ болѣзненномъ напряженіи, не останавливается передъ границами возможнаго въ дѣйствительности и почти въ каждомъ разсказѣ переноситъ читателя въ міръ страшныхъ грёзъ, наводящихъ ужасъ тѣмъ, что все передаваемое авторомъ представляется правдоподобнымъ подъ вліяніемъ захватывающей человѣка idée fixe, неудержимо влекущей его къ совершенію поразительно безумныхъ дѣяній или же къ твердому убѣжденію въ томъ, что имъ совершено нѣчто, выходящее изъ ряда нормальныхъ явленій и противное всѣмъ законамъ природы. Съ особенною силой изображаетъ Эдгаръ По постепенное развитіе ничтожной ненормальности мышленія, разростающейся шагъ за шагомъ въ полную потерю сознанія, въ какую-то роковую невозможность бороться противъ наступающаго безумія, то вынуждающаго совершать безсмысленныя преступленія, то неудержимо заставляющаго публично объявить о томъ, что было подготовлено и сдѣлано съ величайшею осторожностью, съ такою обдуманностью, что никому не могло бы въ голову придти ни малѣйшаго подозрѣнія. Послѣдовательный переходъ случайнаго впечатлѣнія къ безумной идеѣ, обусловившей безсмысленно-дикій поступокъ, изображенъ въ разсказѣ *Береника;* ничѣмъ не объяснимое, кромѣ

быстро развившагося сумасшествія, заявленіе о совершенномъ преступленіи передано необыкновенно живо въ разсказѣ *Демонъ извращенности;* соединеніе того и другого, выраженнаго одинаково поразительно, мы имѣемъ въ разсказѣ *Сердце-изобличитель*... Наиболѣе же сильное впечатлѣніе,—на насъ, по крайней мѣрѣ,—производитъ разсказъ *Вильямъ Вильсонъ,*—повѣствованіе (какъ и большинство разсказовъ Эдгара По) отъ перваго лица юноши о томъ, какъ онъ жилъ, учился, развивался и нравственно падалъ, имѣя вначалѣ постоянно, потомъ все рѣже и рѣже, рядомъ съ собою другого Вильяма Вильсона, враждебнаго его дурнымъ наклонностямъ, постояннаго двойника-обличителя, пытавшагося удержать его отъ дурныхъ поступковъ. Само собою разумѣется, что этотъ мнимый двойникъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ внутреннею раздвоенностью, живымъ въ сознаніи молодого человѣка протестомъ противъ его позорныхъ стремленій, которыя, въ концѣ-концовъ, побѣдили, однако. Всѣ подобные разсказы, представляющіе собою, по большей части, тяжелый бредъ разстроеннаго воображенія, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, глубокій смыслъ поразительно яркихъ иллюстрацій тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя подстерегаютъ каждаго человѣка, не желающаго сдержать себя въ критическій моментъ первыхъ приступовъ маніи, когда въ своемъ зародышѣ она можетъ быть названа русскимъ словомъ „блажь". Представивши въ необычайно живыхъ образахъ развитіе несдержанныхъ во-время порываній, авторъ показываетъ и доказываетъ, что въ душѣ человѣка есть нѣчто, столь могуче протестующее противъ всего злого, что раскрытіе преступленія является неизбѣжнымъ, внутренно необходимымъ послѣдствіемъ его совершенія. Вообще, переводы г. Бальмонта очень хороши, часто безукоризненны. На этотъ разъ мы, къ сожалѣнію, не видимъ той всегдашней тщательности и отдѣланности, которою отличаются другія произведенія г. Бальмонта. Не имѣя подъ руками оригинала, мы затрудняемся указать съ полною опредѣленностью частныя погрѣшности перевода. Напримѣръ, на стр. 55: „Они (подвалы) *выложены* селитрой"; на стр. 59: „Я *открылъ* бутылку",—вмѣсто откупорилъ; на стр. 60: „*оцѣпенѣлый* факелъ"... На стр. 54: „Какъ отлично *выглядите* вы сегодня"... Но это все не такъ существенно, какъ то, что во всей книгѣ не чувствуется того увлеченія переводчика своимъ оригиналомъ, которое одно даетъ способность воспроизвести не только содержаніе, но и тонъ, всѣ неуловимыя особенности автора подлинника. Мы не можемъ объяснить всего этого ничѣмъ инымъ, какъ спѣшностью работы такого опытнаго и талантливаго переводчика, какъ г. Бальмонтъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Auguste Comte et Herbert Spenser", *par E. de Roberty.*—„Душевныя свойства женщинъ". *П. Ѳ. Каптерева.*—„Изъ записокъ сельской учительницы". *А. А. Штевенъ.*

Auguste Comte et Herbert Spenser, contribution à l'histoire des idées philosophiques au XIX-e siècle par E. de Roberty. Bibliothèque de philosophie contemporaine. Paris, 1895. Въ этой книжкѣ нашъ извѣстный соотечественникъ продолжаетъ развивать свое оригинальное міровоззрѣніе, которое представляетъ собою синтезъ обычныхъ положеній позитивной философіи съ индивидуальными взглядами самого автора. Стоя на своей давнишней позиціи, утверждая, что по-

зитивизмъ не имѣетъ ни права, ни основанія воздерживаться отъ познанія вещей въ себѣ, г. де-Роберти разбираетъ нѣкоторые тезисы Конта и Спенсера и старается показать несовмѣстимость монизма и агностицизма въ одной и той же философемѣ. Для него является несомнѣннымъ, что высшіе запросы человѣческой мысли могутъ найти себѣ удовлетвореніе и въ области метафизическихъ проблемъ, что непознаваемаго вообще не существуетъ, а есть только временно-неизвѣстное. Монизмъ, какъ ученіе объ универсальномъ единствѣ, не можетъ не вступать въ очевидную антипатію съ агностицизмомъ, на который надо смотрѣть какъ на пережитокъ слѣпой и робкой вѣры. По Конту, объективное или научное единство реализуется въ самихъ вещахъ и обнаруживается въ универсальности естественныхъ законовъ; онъ признаетъ, что извѣстные аттрибуты общи всѣмъ вещамъ, всему бытію, онъ распространяетъ свой монизмъ на сферу моральныхъ и соціальныхъ отношеній,—словомъ, онъ придаетъ ему огромное значеніе въ своей системѣ и, въ то же время, онъ его разрушаетъ,—разрушаетъ тѣмъ, что стоитъ за относительность нашего знанія, ограничиваетъ его одними явленіями и провозглашаетъ агностицизмъ. По мнѣнію г. де-Роберти, Контъ, лишенный, такъ сказать, чутья исторической перспективы, отождествляетъ еще не познанное съ абсолютно-непознаваемымъ; кромѣ того, допуская неправдоподобную гипотезу о существованіи такого реальнаго бытія, познаніе котораго для насъ навсегда скрыто, позитивизмъ вовсе не изгоняетъ трансцендентнаго, а, наоборотъ, усиливаетъ его и доставляетъ ему торжество (стр. 85). Изъ философіи Конта необходимо удалить мистическій элементъ агностицизма для того, чтобы дать просторъ и развитіе двумъ другимъ ея принципамъ—монизму и эволюціонизму. Г. де-Роберти мѣтко указываетъ на многія противорѣчія въ позитивизмѣ, видитъ въ немъ слѣды телеологическихъ иллюзій и устроумно сближаетъ его съ критицизмомъ и практическою философіей Канта. Но нельзя не замѣтить, что научная философія должна рухнуть сама собою и потерять все свое значеніе, если, какъ это дѣлаетъ г. де-Роберти, мы станемъ лишать ее того тезиса агностицизма, который является главнымъ фундаментомъ ея построеній. Позитивизмъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда онъ не претендуетъ на познаніе вещи въ ея внутренней субстанціи, когда онъ отмежевываетъ себѣ опредѣленную область явленій, за границами которой признаетъ непознаваемое. Именно эта черта позитивизма дала ему характерную окраску и указала ему роль въ исторіи философіи, именно благодаря ей подъ сѣнь позитивизма прибѣгла на время мысль, утомленная и разочарованная въ метафизическихъ исканіяхъ. Самою важною заслугой Конта нашъ авторъ считаетъ то, что онъ былъ „вульгаризаторомъ генія“ (стр. 10), что онъ создалъ интеллектуальную демократію. Однако, едва ли можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ, не говоря уже о странности критерія, по которому философская система высоко оцѣнивается на томъ основаніи, что она, отказавшись отъ глубокаго анализа своихъ собственныхъ принциповъ, заботится только объ ихъ популяризаціи и доступности „среднимъ умамъ“ (стр. 14). Если даже не упоминать о стилѣ Конта, туманномъ и тяжеловѣсномъ, какъ этого не отрицаетъ самъ г. де-Роберти, то, все-таки, ни въ методѣ, ни въ доктринѣ позитивизма нѣтъ такихъ специфическихъ элементовъ, которые дѣлали бы положительную философію преимущественнымъ достояніемъ умственной демократіи и ставили бы ее въ

этомъ отношеніи выше, напримѣръ, эмпиризма въ теоріи познанія или утилитаризма въ этикѣ.

Если Спенсеръ ставитъ непознаваемое во главѣ своей теоріи и видитъ въ немъ тотъ пунктъ, гдѣ религія и наука сходятся во взаимномъ признаніи, то понятно, что г. де-Роберти долженъ отрицательно относиться къ философіи англійскаго мыслителя. Монизмъ эволюціонной системы не можетъ существовать вмѣстѣ съ агностицизмомъ и въ насильственномъ союзѣ съ нимъ получаетъ уродливое извращеніе, и это г. де-Роберти старается показать на разборѣ главныхъ положеній Спенсера. Между прочимъ, онъ тратитъ не мало аргументовъ для доказательства того, что эволюціонизмъ вовсе не является впервые у Спенсера. „Быть можетъ,— говоритъ онъ,— пора уже налить немного воды въ то вино, которое опьяняетъ эволюціонистовъ" (стр. 21). Но трудъ г. де-Роберти очень неблагодаренъ: никто не сомнѣвается въ томъ, что эволюціонная теорія имѣетъ свои корни въ прошломъ; не сомнѣваются въ этомъ, прежде всего, сами эволюціонисты, которые уже въ силу своей собственной системы не могутъ не признавать ея стариннаго происхожденія, и если они опьянены, то вовсе не тѣмъ, что будто бы считаютъ свои идеи какимъ-то новымъ откровеніемъ.

Въ заключительной главѣ своей книги г. де-Роберти дѣлаетъ оригинальную попытку установить отношеніе между моралью, съ одной стороны, и монизмомъ и агностицизмомъ—съ другой. По его мнѣнію, агностицизмъ, спутникъ не разсуждающей вѣры, въ области морали приводитъ къ сервилизму во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Агностицизмъ, какъ резигнація, какъ отреченіе въ сферѣ познанія, имѣетъ тѣсную связь съ прежнимъ самоуничиженіемъ человѣка передъ неизвѣстною божественною силой; кто признаетъ непознаваемое, тотъ отчаивается въ истинѣ и впадаетъ въ интеллектуальный пессимизмъ, тотъ дѣлается рабомъ. Наоборотъ, эволюціонизмъ и монизмъ, предлагая свободное развитіе и всеобщее единство, служатъ почвой, на которой созрѣваютъ гуманныя идеи свободы и равенства,—идеи, немыслимыя безъ духа неограниченнаго изслѣдованія, идеи, чуждающіяся всякаго агностицизма. Однако, нисколько не умаляя симпатичности этихъ мыслей, надо замѣтить, что г. де-Роберти былъ бы правъ только въ томъ случаѣ, еслибъ агностицизмъ отвергалъ возможность всякаго изслѣдованія, всякаго познанія вообще. Но философія, утверждающая непознаваемое, оставляетъ человѣческому уму огромное поприще для глубокаго анализа и вовсе не съуживаетъ рамокъ интеллекта. Пока мысль наткнется на тотъ барьеръ, за которымъ начинается непознаваемое, она будетъ имѣть слишкомъ много поводовъ къ созданію либеральныхъ и эгалитарныхъ принциповъ, и мракъ, который скрываетъ отъ насъ начало и конецъ вещей, ничуть не мѣшаетъ изслѣдованію въ свѣтлой и доступной намъ области явленій и не препятствуетъ установленію высокихъ этическихъ идеаловъ.

Душевныя свойства женщинъ. Публичныя лекціи П. Ѳ. Каптерева. Спб., 1895 г. Цѣна 75 коп. Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту небольшую книжку, какъ довольно удачную попытку содѣйствовать освѣщенію такъ называемаго „женскаго вопроса", поставленнаго на научную почву. Подвергнувъ критическому разсмотрѣнію существующіе взгляды на психическую природу женщинъ, авторъ ставитъ основнымъ положеніемъ психическую одинаковость женщинъ и мужчинъ по основнымъ элементамъ и процессамъ; различіе же состоитъ только въ сочетаніи психическихъ элементовъ и процессовъ, обусловли-

ваемыхъ анатомо-физіологическими особенностями женскаго организма. Исходя изъ этой точки зрѣнія, почтенный авторъ съ обычнымъ умѣньемъ развиваетъ цѣлый рядъ психологическихъ положеній, опредѣляющихъ вмѣстѣ съ извѣстными соціальными условіями душевныя свойства женщины. Эти душевныя свойства, дѣлающія женскій типъ отличнымъ отъ мужского, нисколько не ставятъ его ниже послѣдняго; напротивъ, ему принадлежитъ равное мѣсто въ культурной работѣ человѣчества. „Широкое и дѣятельное участіе женщинъ въ культурной работѣ,—говоритъ авторъ,—должно существенно улучшить культуру, пополнить ее, устранить тормазящіе ее недостатки“. Книга г. Каптерева для многихъ представитъ интересное и полезное чтеніе.

Изъ записокъ сельской учительницы. А. А. Штевенъ. Спб., 1895 г. Цѣна 75 коп. Октябрское внутреннее обозрѣніе *Русской Мысли* уже познакомило читателей нашего журнала съ выдающеюся дѣятельностью г-жи Штевенъ на поприщѣ народнаго образованія, столь неожиданно прерванной извѣстнымъ „опредѣленіемъ“ нижегородскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Относясь горячо и энергично къ своему дѣлу, симпатичная „сельская учительница“ въ рядѣ рефератовъ, статей и брошюръ своевременно знакомила образованное общество съ нуждами народныхъ школъ своего района, дѣлилась разнообразными впечатлѣніями, которыя она получала во время своей кипучей дѣятельности, и призывала на помощь содѣйствіе всѣхъ друзей народнаго образованія. Эти простыя и задушевныя повѣствованія, несмотря на свой скромный тонъ, живо рисовали передъ читателемъ замѣчательную преданность дѣлу и крайне серьезное отношеніе къ нему со стороны ихъ автора и въ результатѣ вызвали въ періодической печати цѣлую литературу изъ многочисленныхъ статей и замѣтокъ, отдававшихъ почтенной радѣтельницѣ русскаго просвѣщенія вполнѣ заслуженную ею дань уваженія. Теперь всѣ статьи г-жи Штевенъ собраны въ одну книжку, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, включая сюда и „опредѣленіе“ епархіальнаго училищнаго совѣта, съ отвѣтомъ на него автора статей, напечатанныхъ въ видѣ письма въ редакцію въ газетѣ *Русскія Вѣдомости*. Вотъ эти статьи: *Исторія одной школы* (рефератъ, прочитанный въ одномъ изъ засѣданій московскаго комитета грамотности въ декабрѣ 1893 года), *По поводу школъ грамотности* (*Вѣстн. Евр.* 1895 г., мартъ), *Изъ жизни деревни и молодого ея поколѣнія*. Очерки. 1. *Пѣшкомъ въ Муромъ*. 2. *Лѣтнія занятія при Яблонской школѣ въ 1894 году* (*Вѣстн. Евр.* 1895 г., августъ). Статьямъ предпослано небольшое предисловіе, въ которомъ г-жа Штевенъ высказываетъ, между прочимъ, „русскимъ людямъ свою радостную, горячую благодарность за живую ихъ отзывчивость и скорую, щедрую помощь“. „Радуясь успѣху личнаго своего скромнаго дѣла,— говоритъ она далѣе,—я, вмѣстѣ съ тѣмъ, горячо вѣрю, что настало время быстраго и всесторонняго роста всего вообще великаго дѣла народнаго образованія, и вѣра эта вполнѣ миритъ меня со многими отдѣльными неудачами и затрудненіями“. Впрочемъ, эти слова были написаны еще до появленія на свѣтъ „опредѣленія“.

Являясь прекраснымъ отчетомъ всей десятилѣтней дѣятельности г-жи Штевенъ на пользу русскаго народнаго образованія и давая выразительные итоги этой дѣятельности, небольшая книжка краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какую важную роль можетъ имѣть частная иниціатива въ трудномъ дѣлѣ просвѣщенія русской деревни и съ какими, тѣмъ не менѣе, трудностями и препятствіями все еще сопряжено

у насъ проявленіе этой полезной и крайне необходимой инициативы. Вѣдь, печальному концу просвѣтительной работы А. А. Штевенъ могутъ радоваться только тѣ литературные кликуши, лицемѣры и изувѣры, для которыхъ ненавистно все, что носитъ въ себѣ свѣтъ, жизнь и любовь и которые убѣждены, что въ этомъ-то ненавистничествѣ и состоитъ „консерватизмъ".

ИСТОРІЯ, МЕМУАРЫ И БІОГРАФІИ.

„Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія". *И. А. Чистовича.*—„И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г.". *В. Н. Витевскаю.* — „Сборникъ Императорскаго историческаго общества". — „Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ". *Лависса и Рамбо.* — „На войнѣ въ Азіи и Европѣ". *В. В. Верещагина.*—„Семейство Бронтё". *О. Петерсонъ.*

Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія духовныхъ училищъ. И. А. Чистовича. Спб., 1894 г. Задачу посмертнаго труда И. А. Чистовича составляетъ „выясненіе тѣхъ началъ, которыя служили основаніемъ управленія духовными училищами, и изображеніе дѣятельности и характеристики членовъ коммиссіи духовныхъ училищъ, какъ заправителей и руководителей духовнаго образованія въ Россіи". Первую часть этой задачи, т.-е. выясненіе началъ, положенныхъ въ основу развитія русской духовной школы, авторъ выполнилъ съ помощью архивныхъ матеріаловъ коммиссіи духовныхъ училищъ. Вмѣстѣ со множествомъ мелочныхъ свѣдѣній, едва ли интересныхъ и для спеціалистовъ, изъ этого источника заимствованы авторомъ цѣнныя данныя о двухъ реформахъ духовно-учебныхъ заведеній: въ 1814 г. и въ 1838 г. при гр. Протасовѣ. Для выполненія второй половины задачи И. А. Чистовичу пришлось сгруппировать біографическія данныя о цѣломъ рядѣ лицъ, перебывавшихъ членами коммиссіи. А такъ какъ въ этомъ числѣ встрѣчается не мало очень видныхъ государственныхъ и духовныхъ дѣятелей, особенно за время царствованія императора Александра I, то изслѣдованіе автора разростается въ цѣлый рядъ интересныхъ очерковъ по исторіи общественной жизни Россіи въ царствованіе Александра I. Господство мистицизма и „министерство духовныхъ дѣлъ" кн. А. Н. Голицына, возникновеніе, процвѣтаніе и упадокъ библейскаго общества, интрига противъ Голицына, орудіемъ которой послужилъ извѣстный фанатикъ Фотій, и торжество реакціи,— всѣ эти событія послѣднихъ годовъ александровской эпохи вновь пересказываются въ книгѣ г. Чистовича. Нельзя сказать, чтобъ изложеніе автора было полно и оригинально, нельзя даже сказать, чтобъ онъ воспользовался вполнѣ существующею литературой и напечатанными источниками, относящимися къ этому предмету, но и то, что имъ сдѣлано, должно пригодиться историку русскихъ общественныхъ направленій. Изъ болѣе интересныхъ сообщеній автора отмѣтимъ его разсказъ о столкновеміяхъ между Филаретомъ, будущимъ московскимъ владыкой, и Ѳеофилактомъ рязанскимъ, о дальнѣйшемъ развитіи карьеры Филарета, о жизни Фотія въ Юрьевскомъ монастырѣ, объ обмѣнѣ взглядовъ на положеніе духовной школы, вызванномъ реформаціонными планами гр. Протасова и друг. Изложеніе прерывается на началѣ сороковыхъ годовъ, хотя, повидимому, авторъ хотѣлъ довести его до 1867 года.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прошломъ его составѣ до 1758 г. В. Н. Витевскаго. Вып. IV. Казань, 1895 г. Обширная работа трудолюбиваго провинціальнаго изслѣдователя все еще не пришла къ концу и съ четвертымъ выпускомъ. „Обиліе архивнаго матеріала“ заставило его раздѣлить предполагавшійся послѣдній выпускъ на два; эта же причина задержала на нѣсколько лѣтъ появленіе настоящаго выпуска. Качество ученой работы автора значительно выиграло отъ этой задержки: г. Витевскому удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ тѣхъ недостатковъ, на которые ему указывала критика, и снабдить свой трудъ тѣми достоинствами, которыхъ отъ него ожидали. Содержаніе четвертаго выпуска составляетъ, съ одной стороны, развитіе промышленности и торговли Оренбургскаго края, съ другой — сношенія съ инородцами въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка. Если первый отдѣлъ представляетъ тщательный подборъ данныхъ, заключающихся по преимуществу въ печатныхъ источникахъ, то второй отдѣлъ имѣетъ еще большее значеніе. Отношенія къ инородцамъ, особенно къ малой киргизской ордѣ при Абуль-Хайрѣ и Нурамъ-ханахъ, излагаются преимущественно по архивнымъ даннымъ тургайскаго областного архива, а также по нѣкоторымъ дѣламъ сенатскаго архива. Эта часть работы автора является цѣннымъ дополненіемъ къ извѣстному сочиненію Левшина и составляетъ вкладъ въ литературу русской исторической этнографіи. Пятый и послѣдній выпускъ своего сочиненія г. Витевскій обѣщаетъ издать въ ближайшемъ времени.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 94. Спб., 1894 г. Въ этомъ томѣ заключается продолженіе одного изъ наиболѣе цѣнныхъ изданій историческаго общества, именно VII томъ *Протоколовъ, журналовъ и указовъ верховнаго тайнаго совѣта* за январь—іюнь 1729 г. По характеру дѣятельности верховнаго совѣта, его *Протоколы* не такъ интересны за это время, какъ за предъидущее; но, попрежнему, они заключаютъ въ себѣ самый разнообразный и часто очень важный матеріалъ для внутренней исторіи Россіи. Нельзя не пожалѣть, что издательская дѣятельность историческаго общества какъ будто нѣсколько ослабѣла въ послѣднее время; общество такъ пріучило спеціалистовъ къ быстрому выходу своихъ изданій, всегда важныхъ и значительныхъ, что намъ трудно примириться съ мыслью о возможности пріостановки этой полезной дѣятельности.

Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Э. Лависса и А. Рамбо. Пер. съ французскаго. Цѣна 1 р. 50 к. Изданіе Прянишникова. М., 1895 г. Разбираемая книга представляетъ собою переводъ нѣсколькихъ главъ изъ 2-го тома *Всеобщей исторіи отъ IV вѣка до нашихъ дней*, издаваемой подъ редакціей извѣстныхъ ученыхъ Э. Лависса и А. Рамбо. Для перевода взяты отдѣлы, посвященные характеристикѣ важнѣйшихъ сторонъ средневѣковаго строя въ эпоху его разцвѣта (XI—XIII вв.) — феодализма, церкви, городского быта, промышленности и торговли, просвѣщенія. Изложеніе подлинника отличается свѣжестью и до нѣкоторой степени общедоступностью, такъ что съ этой стороны выборъ переводчика нельзя не признать удачнымъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о самомъ переводѣ и особенно объ его изданіи. Книга напечатана на плохой бумагѣ, корректура отличается небрежностью, печать нерѣдко до того тускла, что ее трудно разбирать. Для книги въ 20 листовъ, такъ отпечатанной и предназначаемой для большой публики, 1 рубль 50 коп.—цѣна слишкомъ высокая. Переводъ въ общемъ исполненъ

удовлетворительно. Нехорошо только то, что въ затруднительныхъ случаяхъ переводчикъ нередко предоставляетъ четателю собственными силами добираться до смысла такихъ малопонятныхъ терминовъ и выраженій, какъ missi и эшевены (стр. 143), центены (стр. 145), nogecrar (стр. 194), ost и chevauschée (199), командитъ (227), виварєтные своды (316), гіаротизмъ (322) и т. д. Оставлены безъ перевода даже такія выраженія, какъ Contes de Cantorbery (стр. 274) или De la nature des choses (стр. 295). Кромѣ техническихъ терминовъ, переводчика, повидимому, сильно смущала и транскрипція собственныхъ именъ, и онъ поэтому предпочиталъ оставлять ихъ во французской формѣ, ставя тѣмъ въ неловкое положеніе читателя, незнакомаго съ французскимъ языкомъ. Тамъ, гдѣ транскрипція именъ произведена, она иногда оказывается неудачною. Нелегко, наприм., въ Женѣ узнать Генуя, въ Колоньѣ—Кельнъ, въ Брюжѣ—Брюгге, въ Гандѣ—Гентъ и т. п. Наконецъ, вмѣсто перепечатки библіографіи, занявшей больше листа и едва ли нужной читателямъ перевода, не лучше ли было снабдить книги болѣе подробнымъ оглавленіемъ, чѣмъ голый перечень главъ?

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. Воспоминанія художника В. В. Верещагина. М., 1894 г. Эта книга состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ очерковъ, въ которыхъ авторъ излагаетъ свои воспоминанія о защитѣ Самарканда (1868 г.), набѣгѣ на китайскую границу (1869 г.) и о турецкой компаніи 1877—1878 гг. Особый этюдъ посвященъ характеристикѣ Скобелева. *Воспоминанія* написаны очень живо и прочтутся съ интересомъ всѣми любителями военныхъ разсказовъ. Тѣмъ не менѣе, на насъ они произвели нѣсколько удручающее впечатлѣніе. В. В. Верещагинъ пріобрѣлъ всемірную извѣстность, главнымъ образомъ, своею проповѣдью противъ войны. Самъ онъ въ разбираемой книгѣ говоритъ: „Въ жаръ, въ лихорадку бросало меня, когда я смотрѣлъ на все это и когда писалъ потомъ мои картины; слезы набѣгаютъ и теперь, когда вспоминаю эти сцены, а умные люди увѣряютъ, что я „холоднымъ умомъ сочиняю небылицы". „Подожду и искренно порадуюсь, когда другой дастъ болѣе правдивыя картины великой несправедливости, именуемой войною" (стр. 322). Казалось бы, въ книгѣ, посвященной авторомъ военнымъ воспоминаніямъ, представлялся прекрасный случай развить ту мысль, которая такъ ярко выражалась въ его батальныхъ картинъ. Однако, мы не только не видимъ въ воспоминаніяхъ г. Верещагина ничего подобнаго, но, слѣдя за его разсказомъ, съ первыхъ же страницъ наталкиваемся на такое лыбовное отношеніе ко всему военному, что приходимъ въ полное недоумѣніе. Немногіе завзятые воины, проведшіе жизнь „въ пылу сраженій", рѣшатся такъ откровенно восхищаться своими смертоностными подвигами. Положимъ, г. Верещагинъ часто сражался только по необходимости: завлеченный въ какое-нибудь военное предпріятіе желаніемъ во что бы то ни стало имѣть сюжетъ для своихъ картинъ, онъ долженъ былъ защищаться противъ нападающихъ. Но это нисколько не объясняетъ намъ того увлеченія войною, которымъ пропитана каждая страница лежащей передъ нами книги. Странное впечатлѣніе производитъ и тотъ тонъ, съ которымъ г. Верещагинъ вспоминаетъ о совершенныхъ имъ смертоубійствахъ. „Помню, — пишетъ онъ, наприм., на стр. 26, — я застрѣлилъ тутъ двоихъ изъ нападавшихъ, если можно такъ выразиться, по-профессорски". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 36) г. Верещагинъ говоритъ: „Съ горя я взялъ ружье и ушелъ въ нашу башню при воротахъ—стрѣлять зайцевъ (!!), нѣтъ-нѣтъ да и подвертывавшихся подъ

выстрѣлы". Вообще къ человѣческой жизни онъ относится, повидимому, довольно легко. Такъ, на стр. 270—273 находимъ слѣдующій разсказъ, передаваемый нами съ нѣкоторыми сокращеніями. „Привели къ Струкову двухъ албанцевъ, отчаянныхъ разбойниковъ, по увѣренію болгаръ, вырѣзывавшихъ младенцевъ изъ утробъ матерей... Я просилъ Струкова повѣсить ихъ, но онъ не согласился, сказалъ, что не любитъ разстрѣливать и вѣшать въ военное время и не возьметъ этихъ двухъ молодцовъ на свою совѣсть, а передастъ ихъ Скобелеву,—пускай тотъ дѣлаетъ, что хочетъ.—Хорошо,—отвѣчалъ я,—попрошу Мих. Дм.: отъ него задержки, вѣроятно, не будетъ.—Что это вы, В. В., сдѣлались такимъ кровожаднымъ?—замѣтилъ Струковъ.—Я не зналъ этого за вами. Тогда я признался, что *не видалъ повѣшенія и очень интересуюсь процедурою*, которая, конечно, будетъ совершена надъ этими разбойниками. Я попросилъ Скобелева повѣсить упомянутыхъ двухъ разбойниковъ, онъ отвѣчалъ: „это можно",—и, позвавши командира стрѣлковаго батальона, приказалъ нарядить полевой судъ надъ обоими схваченными албанцами и прибавилъ:—„да пожалуйста, чтобъ ихъ повѣсить".—Слушаю, ваше прев—ство,—былъ отвѣтъ. Я считалъ, что дѣло въ шляпѣ, т.-е. что до выхода нашего изъ Адріанополя я еще увижу эту экзекуцію и послѣ передамъ ее на полотнѣ. Не тутъ-то было" и т. д. Такою же „кровожадностью" переполнена вся книга: г. Верещагинъ какъ бы щеголяетъ своими *военными* понятіями, своею *военною* опытностью и знаніями. Въ концѣ своего небольшаго сочиненія онъ помѣстилъ даже особую статью (*Изъ опыта походовъ*), въ которой серьезно трактуетъ „нѣкоторые техническіе вопросы организаціи кавалеріи". Странно читать подобныя вещи за подписью г. Верещагина!

Семейство Бронтё. О. Петерсона. Спб., 1895 г. Цѣна 1 рубль. Эта изящно изданная книжка напечатана въ пользу *общества вспоможенія окончившимъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ*. Ради такой доброй цѣли нельзя было бы не пожелать сочиненію О. Петерсона широкаго распространенія; но книга интересна и по содержанію. Въ семействѣ Бронтё передавался наслѣдственно литературный талантъ. Судьбы этой семьи и литературная дѣятельность ея членовъ, въ особенности сестеръ Шарлотты (извѣстный романъ *Дженни Эйръ*), Эмили и Анны (*Бурныя вершины, Агнеса Грей*), живо и занимательно разсказаны въ книгѣ. Къ ней приложенъ портретъ Шарлотты Бронтё. Сестры писали подъ псевдонимами Керреръ, Эллисъ и Актонъ Белль. *Дженни Эйръ* въ свое время (романъ появился въ 1847 году) произвелъ огромное впечатлѣніе.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ". *Э. Ю. Петри.*

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложено Э. Ю. Петри. Спб. Лежащая передъ нами книга представляетъ сокращеніе трехтомнаго труда покойнаго Юнкера, изданнаго имъ въ Вѣнѣ въ 1889—91 гг. подъ заглавіемъ *Reisen in Afrika*. Имя Юнкера весьма мало извѣстно нашей публикѣ и пользуется за границей гораздо большею популярностью, чѣмъ у насъ. Между тѣмъ, Юнкеръ выросъ въ Россіи и всегда считалъ послѣднюю своимъ отечествомъ. Онъ родился въ Москвѣ въ 1840 г. въ богатой семьѣ извѣстнаго банкира Юнкера. Образованіе

нашъ будущій путешественникъ получилъ частью въ петербургской Петропавловской школѣ, частью за границей. Свои студенческіе годы Юнкеръ провелъ въ Геттингенѣ и Дерптѣ, гдѣ старательно занимался медициной. Онъ вовсе не думалъ, однако, сдѣлаться врачемъ: мало-по-малу страсть къ путешествіямъ и географическимъ открытіямъ взяла у него перевѣсъ надъ всѣми другими интересами и уже въ 1869 г. предпринялъ онъ экскурсію по Исландіи. Во время этой поѣздки Юнкеръ рѣшилъ посвятить себя изученію Африки и принялся дѣятельно готовиться къ этому трудному дѣлу. Въ Тунисѣ онъ выучился арабскому языку и ознакомился съ магометанскимъ міромъ, который имѣетъ такое вліяніе во всей центральной Африкѣ. Затѣмъ онъ занялся въ Берлинѣ картографіей подъ руководствомъ географа Кемперта. Въ 1875 г. Юнкеръ предпринялъ пробное путешествіе по Ливійской пустынѣ, а въ слѣдующемъ году уже началъ свои изслѣдованія центральной Африки. Изъ этихъ послѣднихъ особенно плодотворно въ научномъ отношеніи третье путешествіе Юнкера (1879—1886 гг.), стоившее ему наибольшихъ трудовъ, лишеній и опасностей. Махдистское возстаніе захватило его въ странѣ людоѣдовъ и преградило ему путь въ Европу. Семь лѣтъ нашъ путешественникъ пробылъ въ Африкѣ, дѣля опасности со знаменитымъ Эминомъ-пашею. Съ 1886 г. Юнкеръ жилъ преимущественно въ Вѣнѣ, приводя въ порядокъ свои замѣтки объ Африкѣ. Въ началѣ 1892 г. онъ прибылъ въ Петербургъ, простудился и скончался здѣсь на 52 году своей жизни. Изъ африканскихъ путешественниковъ въ Россіи пользуются особою извѣстностью Ливингстонъ и Стэнли, но Юнкера не приходится сравнивать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ: районъ его путешествій ничтоженъ сравнительно съ грандіозными пространствами, пройденными этими англичанами; про Ливингстона можно сказать, что онъ прошелъ всю Африку вдоль и поперекъ, а Стэнли дважды пересѣкъ „черный материкъ“ — съ востока на западъ и съ запада на востокъ. Съ другой стороны, Юнкеръ былъ гораздо лучше подготовленъ къ своему дѣлу,—онъ дѣйствительно примыкаетъ къ числу *ученыхъ* нѣмецкихъ изслѣдователей Африки, тогда какъ Ливингстонъ былъ преимущественно миссіонеромъ, а Стэнли —талантливымъ и отважнымъ авантюристомъ-корреспондентомъ. Даже точки отправленія у трехъ этихъ людей были различныя: Ливингстонъ началъ свои путешествія съ юга Африки изъ Капской земли, Стэнли шелъ обыкновенно изъ Занзибара и только на помощь къ Эмину двинулся съ запада, а Юнкеръ неуклонно отправлялся съ сѣвера, изъ Египта. Вообще изслѣдованія Юнкера начинаются на самыхъ сѣверныхъ пунктахъ великаго пути Стэнли, сдѣланнаго имъ при открытіи истоковъ рѣки Конго. Но малый (сравнительно) районъ путешествій Юнкера изученъ имъ съ такою полнотой и такою научною точностью, которыхъ часто недостаетъ англійскимъ путешественникамъ. И въ этомъ отношеніи работы Юнкера не оставляютъ желать ничего лучшаго. Къ сожалѣнію, изложеніе его вяло и сухо и нисколько не напоминаетъ увлекательныхъ кни Стэнли. Мы совершенно согласны съ проф. Петри, что переводъ тре томнаго сочиненія Юнкера едва ли нашелъ бы въ Россіи многочисле ныхъ читателей. Однако, и изложеніе самого Э. Ю. Петри страдает на нашъ взглядъ, недостатками подлинника: предназначая свою кни для большой публики, петербургскій ученый могъ бы внести въ н больше науки и занимательности. Намъ кажется, что г. Петри съумѣлъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія нѣмецкаго оригинала, такъ ка въ тѣхъ частяхъ книги, гдѣ онъ говоритъ отъ себя (наприм., при оп

санія махдистскаго возстанія, стр. 261—268), онъ даетъ прекрасныя, полныя жизни страницы. Не можемъ не пожалѣть также, что въ книгѣ подчасъ слышится полемическая нотка, которыхъ такъ чуждъ былъ самъ Юнкеръ: нападки проф. Петри на Стэнли, наприм., кажутся намъ совершенно излишними и весьма мало обоснованными. Тѣмъ не менѣе, повѣствованіе о дѣятельности нашего ученаго и гуманнаго путешественника встрѣтитъ, конечно, сочувственный пріемъ въ русскомъ обществѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мы далеко не избалованы столь роскошными изданіями: лежащая передъ нами книга буквально испещрена художественно-исполненными иллюстраціями, изображающими въ мельчайшихъ деталяхъ жизнь и нравы негритянскихъ народовъ, а также и дивную природу экваторіальной Африки. Въ книгѣ находимъ двѣ карты, прекрасный портретъ Юнкера и краткое его жизнеописаніе, составленное проф. Петри.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг.“. *Г. П. Каменскаго.*—„Библіотека экономистовъ“.

Государственное хозяйство Англіи за шесть лѣтъ управленія министерства тори 1887—88, 1892—93 гг. Г. П. Каменскаго. Спб., 1895 г. Трудъ г. Каменскаго распадается на двѣ части: въ первой онъ излагаетъ общій порядокъ веденія государственнаго хозяйства въ Англіи, а именно порядокъ составленія смѣтъ государственныхъ расходовъ и доходовъ, самый способъ обсужденія ихъ въ особыхъ парламентскихъ комитетахъ, разрѣшеніе кредитовъ, контроль за ними и т. д.

Однимъ словомъ, въ первой своей части, всего заключающей 54 стр., авторъ не выходитъ за предѣлы извѣстной брошюры недавно умершаго академика Н. Х. Бунге: *Государственное счетоводство и финансовая отчетность въ Англіи* 1890 г., и ничего новаго сравнительно съ послѣдней не даетъ, тѣмъ не менѣе, эта часть можетъ разсчитывать на полное вниманіе со стороны публики, благодаря ясности и сжатости изложенія. На 54 страницахъ изложенъ здѣсь внѣшній механизмъ государственнаго хозяйства Англіи, представляющій чрезвычайно много оригинальнаго и поучительнаго. Такъ, наприм., Англія вовсе не знаетъ недоимокъ: здѣсь не существуетъ никакихъ льготныхъ сроковъ для поступленія сборовъ, и всѣ прямые налоги уплачиваются впередъ за цѣлый годъ. Сборщики разсылаютъ повѣстки въ январѣ, т.-е. за три мѣсяца до начала финансоваго года, и если въ срокъ уплата не послѣдуетъ, то сборщикъ сообщаетъ объ этомъ департаменту внутреннихъ доходовъ, который и выдаетъ исполнительный листъ, и затѣмъ слѣдуютъ опись и продажа имущества неисправнаго плательщика (стр. 29). Въ Англіи эта отвѣтственность взысканія не ложится тяжело на бѣдный классъ, такъ какъ онъ совершенно освобожденъ отъ прямыхъ налоговъ: налоги подоходный и подомовый при существованіи въ нихъ Existenz minimum'a падаютъ на достаточные классы: такъ, отъ подоходнаго обложенія прежде освобождались всѣ лица съ доходомъ 150 ф. ст., а теперь даже съ доходомъ ниже 100 ф.; ст. подомовый налогъ также не взыскивается съ домовъ, наемная плата которыхъ ниже 20 ф. ст. въ годъ (стр. 30). Затѣмъ весь строй государственнаго хозяйства Англіи заключенъ въ узкія правильныя рамки: ни одинъ самый мелочной расходъ не можетъ быть произведенъ здѣсь безъ разрѣшенія пар-

ламента, ни одинъ налогъ не можетъ быть установленъ безъ разрѣшенія послѣдняго, и въ силу этого принципа даже всякое испрашиваніе дарственныхъ приношеній, подписокъ и ссудъ безъ разрѣшенія парламента строго воспрещается правительству. Всякій ссужающій правительство или какое-нибудь вѣдомство для государственныхъ цѣлей безъ разрѣшенія парламента подвергается строгой отвѣтственности передъ закономъ. Такъ, въ концѣ послѣдняго столѣтія, передъ началомъ войны съ Франціей, правительство предложило сформировать корпусъ волонтеровъ и покрыть расходы на содержаніе его національною подпиской, но парламентъ съ своей стороны указалъ, что позаимствованіе денегъ у народа, въ видѣ ссуды, пожертвованія или подписки, безъ согласія парламента, противно основнымъ началамъ конституціи (стр. 9—10). Государственное казначейство безъ разрѣшенія парламента не можетъ даже заимствоваться въ англійскомъ банкѣ. Въ парламентскомъ актѣ 1889 г., положенномъ въ основаніе англійскаго банка, упомянуто, что банку запрещается давать ссуды королю или его наслѣдникамъ безъ согласія парламента и за нарушеніе этого пункта управляющій и самый банкъ подвергаются строгому наказанію: денежному штрафу втрое болѣе ссужаемой суммы (стр. 9). Уже изъ этихъ примѣровъ видно, насколько сильно государственное хозяйство Англіи проникнуто правовымъ элементомъ и какую роль играетъ санкція парламента въ этомъ хозяйствѣ. И такъ, читатель въ этой первой части при сжатости ея найдетъ много любопытнаго и интереснаго.

Но если первая часть разбираемаго нами труда отличается сжатостью изложенія, то совсѣмъ противуположнымъ качествомъ грѣшитъ вторая часть, посвященная характеристикѣ дѣятельности англійскаго министра финансовъ мистера Гошена и обзору бюджетовъ за этотъ періодъ, т.-е. за 1887—88 и 1892—3 годы.

Эта часть черезъ-чуръ растянута и нѣсколько утомительна, хотя изъ обзора всей дѣятельности мистера Гошена выступаетъ ярко общая тенденція нашего времени: это—стремленіе внести больше справедливости въ распредѣленіе тягости обложенія между различными классами населенія *).

Мистеръ Гошенъ въ своей финансовой дѣятельности стремился перенести тягость обложенія съ бѣднаго класса, главнымъ образомъ, на достаточный классъ плательщиковъ.

Такъ, съ этою цѣлью понижена ввозная пошлина на табакъ съ 6 пенсовъ до 4 пенсовъ на фунтъ для всѣхъ сортовъ и видовъ табаку, и это уменьшеніе пошлины на табакъ было значительнымъ облегченіемъ для бѣднаго класса, да и государственное казначейство не пострадало: такъ, въ 1891—92 году оно получило отъ табаку при 4-пенсовой пошлинѣ 9.950,000 ф. ст., и эта сумма превышала на 600,000 ф. стерлинговъ самыя прибыльныя получки того времени, когда существовала прежняя высокая 6-ти пенсовая ввозная пошлина на табакъ. Надо, впрочемъ, здѣсь отмѣтить вліяніе и другого фактора, а именно: въ Англіи ранѣе при отдѣлѣ табакъ чрезвычайно смачивался, такъ что влага въ общемъ вѣсѣ табачныхъ издѣлій достигала 40—45%, при Гошенѣ же, одновременно съ пониженіемъ пошлины, былъ установленъ опредѣленный вѣсъ влаги въ 30% и, конечно, это должно было повлечь за собой увеличеніе ввоза табаку (стр. 88—9).

---

*) См. *The Yale Review, a Quarterly Journal of History and Political Science*, vol III, № 4. February 1895. *A. Teligman:* „Recent Reforms in taxation“, стр. 352.

При Гошенѣ же была понижена и пошлина на чай съ 6 пенс. до 2 на фунтъ. Такимъ образомъ, говоритъ г. Каменскій, „между статьями таможеннаго сбора теперь только табакъ и чай ложатся на массу, но пошлина на чай, можно предвидѣть, не продержится; безпошлинный завтракъ представляется экономическимъ идеаломъ, къ которому стремятся здѣсь финансовые администраторы всѣхъ партій, который уже нѣсколько разъ былъ обѣщанъ на выборахъ массамъ и который рано или поздно осуществится, когда представится къ этому первая возможность“ (стр. 323).

Затѣмъ въ области прямыхъ налоговъ сдѣланы существенныя облегченія для мелкихъ домовладѣльцевъ, а именно понижено обложеніе жилыхъ домовъ, отдаваемыхъ за наемную плату отъ 20 ф. ст. до 60 ф. ст. въ годъ, и это облегченіе въ обложеніи равнялось въ общей сложности 540,000 ф. ст. (стр. 237), т.-е. съ малоимущаго класса было сложено около 5 мил. рублей.

Гошеномъ же произведена знаменитая въ исторіи государственныхъ долговъ Европы, по своей величинѣ, конверсія 3% англійскаго государственнаго долга на сумму 557,9 мил. ф. ст. Долгъ этотъ равенъ въ $2^3/_4$% бумаги по 1903 г., а съ этого времени eo ipso процентъ по государственному долгу понижается до $2^1/_2$% и затѣмъ уже эти новые $2^1/_2$% фонды обезпечиваются отъ выкупа и всякихъ измѣненій въ % по нимъ на 20 лѣтъ, т.-е. до 1923 года. При этомъ кредиторами, не желавшими конвертировать находящіяся у нихъ бумаги, было предъявлено послѣднихъ всего на сумму 1.199,102 ф. ст. Выгоды же для государственнаго казначества отъ этой конверсіи очень значительны: такъ, ежегодно государственное казначейство до 1903 г. будетъ сберегать на процентахъ по государственному долгу 1.411,943 ф. ст., а съ 1903 г., т.-е. съ пониженіемъ процента по фондамъ до $2^1/_2$%, это сбереженіе будетъ составлять 2.800,000 ф. ст. въ годъ (стр. 139). И такъ, въ министерство Гошена кое-что было сдѣлано въ смыслѣ облегченія малоимущаго класса, и эта тенденція позднѣе продолжается въ реорганизаціи податной системы Англіи: такъ, уже послѣ Гошена при Гаркурѣ за послѣдніе годы въ Англіи реформированъ налогъ съ наслѣдствъ, причемъ введенъ сюда прогрессивный принципъ обложенія, и такимъ путемъ этотъ налогъ будетъ давать не 10.000,000 ф. ст., какъ было раньше, а 13,5—14.000,000 ф. ст., и, конечно, весь избытокъ падетъ на имущіе классы; затѣмъ повышенъ Existenz minimum въ подоходномъ обложеніи съ 150 ф. ст. до 160, и если прежде въ доходахъ ниже 400 ф. ст. были свободны отъ обложенія лишь 120 ф. ст., то теперь эта норма также повышена до 160 ф. ст, и т. д. И такъ, стремленіе къ облегченію налоговаго бремени для малоимущихъ классовъ крѣпко проникло въ финансовую политику Англіи, и г. Каменскій въ своей книгѣ также сильно подчеркнулъ его, и надо отмѣтить, что это движеніе далеко не ограничивается теперь одной Англіей, а широко развилось—и не только по всей Европѣ, но даже проникло въ Новую Зеландію (см. упомянутую ст. Seligman'а).

Облегчая налоговое бремя малоимущихъ, Гошенъ нашелъ, въ то же время, возможнымъ придти на помощь и городскимъ, и земскимъ управленіямъ, отказавшись отъ нѣкоторыхъ статей дохода въ пользу этихъ послѣднихъ: такъ имъ были переданы совѣтамъ графствъ часть налога съ наслѣдствъ, поступленія съ лиценцій и т. д., и это дало очень крупныя суммы мѣстному управленію: въ 1888—89 г. 1,410 ф. ст., въ 1890—91 г.—6,974 тыс. ф. ст., а въ 1892—93 г.—7,638 т. ф. ст.

Надо замѣтить, что бюджетъ расходовъ мѣстныхъ союзовъ достигъ огромной цифры, а именно въ 1889—90 г. 55.375,027 ф. ст., между тѣмъ, мѣстное обложеніе и другіе источники даютъ гораздо менѣе: такъ, въ тотъ же 1889—90 г. они дали всего 48.838,556 ф. ст., слѣдовательно дефицитъ простирался до 6,536 тыс. ф. ст., а въ 1890—91 г. дефицитъ поднялся даже до 11,186 тыс. ф. ст. И мѣстныя управленія, не имѣя средствъ, вынуждены были прибѣгать къ займамъ и ихъ задолженность въ 1891 г. достигла уже 200.000,000 ф. стерл., т.-е. она равнялась почти одной трети всего государственнаго долга Англіи (стр. 318).

Между тѣмъ, важность задачъ, порученныхъ совѣтамъ графствъ, какъ-то: оздоровленіе городовъ, постройка жилищъ для рабочихъ и т. д.,—требовала, чтобы государство пришло имъ на помощь и поставило ихъ финансовое хозяйство на прочныя основанія. Пока это сдѣлано лишь въ Пруссіи реформой 1893 г. 14 іюля, въ Англіи же Гошенъ, хотя и сознавалъ всю несостоятельность этой реформы, но ограничился пока полумѣрами, но, конечно, важно то, что эта задача теперь открыто поставлена и важность ея признана.

Такимъ образомъ, книга г. Каменскаго даетъ намъ любопытную картину финансовой исторіи Англіи за 6 лѣтъ,—правда, картину не всегда ясную, иногда даже через-чуръ запутанную мелочными подробностями. Но свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, могутъ навести читателя на любопытныя размышленія примѣнительно къ нашей русской жизни. Такъ, нашъ бюджетъ страдаетъ отъ недоимокъ, и мы пытаемся бороться съ этимъ явленіемъ путемъ разсрочекъ, льготъ и т. д., но единственное радикальное средство противъ этой нашей болѣзни, недоимочности въ платежахъ, даетъ намъ Англія. Это средство очень просто: это—освободить отъ прямыхъ налоговъ бѣдные классы населенія, а примѣнительно къ намъ хотя бы облегчить налоги, лежащіе на нашемъ крестьянствѣ, и только одно это средство можетъ избавить нашъ бюджетъ отъ недоимокъ, которыя теперь у насъ ростутъ и ростутъ, и даже если искусственно снимаются съ населенія по высочайшимъ манифестамъ, то онѣ скоро вновь выростаютъ, словно нарывъ на больномъ и зараженномъ мѣстѣ.

Нѣтъ, здѣсь нужно радикальное леченіе. И многому другому можно поучиться изъ любопытной книги г. Каменскаго.

Библіотека экономистовъ. Т. Р. Мальтусъ. Опытъ закона о народонаселеніи. Пер. И. А. Вернера. М., 1895 г. Изъ всѣхъ включенныхъ до сихъ поръ въ *Библіотеку экономистовъ* авторовъ Мальтусъ всего больше, вѣроятно, нуждается въ популяризаціи. Главнѣйшія положенія Смита извѣстны всякому образованному человѣку, Милль, особенно съ примѣчаніями Чернышевскаго, читается очень прилежно нашею учащеюся молодежью, Рикардо служитъ предметомъ детальнаго разбора въ университетскихъ семинаріяхъ. Напротивъ, съ Мальтусомъ почти никто не знакомъ изъ первоисточника: знаютъ и судятъ о немъ обыкновенно только по наслышкѣ. Нельзя не одобрить поэтому редакцію *Библіотеки экономистовъ*, не обошедшую своимъ вниманіемъ этого знаменитаго и, въ то же время, забытаго экономиста.

Благодаря своимъ внѣшнимъ несовершенствамъ и устарѣлости нѣкоторыхъ частей, *Опытъ* Мальтуса легко поддается обширнымъ сокращеніямъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ выпускъ *Библіотеки экономистовъ*. Сокращенія въ данномъ случаѣ выразились въ опущеніи десяти главъ первой и всей второй книги *Опыта*

и въ приведеніи послѣднихъ двухъ книгъ лишь „въ видѣ сокращенныхъ выборокъ“ (по заявленію самого переводчика на стр. 36). Такимъ образомъ, болѣе или менѣе полно, хотя и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній Мальтуса, перепечатаны въ новомъ русскомъ изданіи лишь первыя двѣ главы этого обширнаго трактата. Касаясь, прежде всего, фактической стороны книги Мальтуса и его полемики съ другими писателями, сдѣланныя русскимъ переводчикомъ сокращенія затронули очень чувствительно и чисто-теоретическую часть *Опыта о народонаселеніи*. Такъ, между прочимъ, остракизму подверглись очень важныя главы о земледѣльческой и торговой системѣ, о хлѣбныхъ законахъ и плодовитости браковъ. Нельзя не пожалѣть также о той небрежности, съ которой произведены сокращенія въ сохраненныхъ главахъ. На стр. 39, наприм., мы читаемъ: „свои разсужденія о совершенствованіи органической природы человѣка Кондорсэ *оканчиваетъ*“ и т. д.—оканчиваетъ, даже не начавъ, ибо этому мѣсту въ переводѣ г. Вернера предшествуетъ пропускъ въ двѣ печатныя страницы.

Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ *Русской Мысли* при разборѣ перваго выпуска *Библіотеки экономистовъ* уже указывались неточности и ошибки русскаго изданія, проистекающія изъ перевода англійскихъ экономистовъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода. Въ выпускѣ, который теперь лежитъ передъ нами, неудобство такого пріема сказалось особенно рѣзко. Если сравнить переводъ г. Вернера съ англійскимъ текстомъ *Опыта о народонаселеніи*, окажется, что во многихъ мѣстахъ русскій переводчикъ отдалился не только отъ буквы, но и отъ смысла подлинныхъ выраженій Мальтуса. На стр. 30 русскаго изданія мы читаемъ, наприм., слѣдующее: „что касается встрѣчающихся въ книгѣ (дѣло идетъ о книгѣ мистера Синклера) повтореній и даже противорѣчій, то они не затемняютъ вопроса и даже укрѣпляютъ довѣріе читателя“. На самомъ дѣлѣ Мальтусъ очень далекъ отъ столь парадоксальнаго мнѣнія. „Встрѣчающіяся въ книгѣ повторенія и противорѣчія,—говоритъ онъ (стр. 12 по изд. 1890 г.),—не такъ уже по моему предосудительны; вообще этому свидѣтельству можно придавать больше вѣры, чѣмъ другимъ частнымъ показаніямъ“. На стр. 44 русскаго перевода читаемъ: „Я уже разоблачилъ заблужденія людей, утверждающихъ, что даже чрезмѣрное возростаніе населенія не можетъ причинить нищеты, пока будетъ возростать количество произведеній земли“. А въ англійскомъ текстѣ говорится совершенно иное (стр. 309): „Я уже указалъ на ошибочность предположенія, согласно которому никакой нищеты и затрудненій не можетъ возникнуть вслѣдствіе избыточнаго населенія, пока земля не откажется совершенно производить *что бы то ни было*“. Если бы г. Вернеръ сколько-нибудь справлялся съ подлинникомъ, онъ бы не сдѣлалъ и слѣдующей капитальной ошибки: въ его переводѣ *Опытъ о народонаселеніи* оказывается состоящимъ изъ пяти книгъ, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ только четыре *).

Приложенная русскимъ переводчикомъ статья о Мальтусѣ не претендуетъ на оригинальность. Перечисливъ спорные пункты Мальтусова ученія, г. Вернеръ замѣчаетъ (стр. XXIX): „По всѣмъ этимъ пунктамъ наиболѣе существенныя возраженія принадлежатъ Чернышевскому. Въ дальнѣйшемъ изложеніи эти возраженія приведены съ дополненіемъ нѣ-

*) Ошибка эта заимствована г. Вернеромъ, вѣроятно, изъ перевода г. Бибикова, гдѣ подъ видомъ несуществующей пятой книги перепечатано позднѣйшее приложеніе къ *Опыту*.

новыхъ статистическихъ данныхъ". *Новыя статистическія* перепечатаны изъ *Сравнительной статистики населенія* Янсо дополненіе къ замѣчаніямъ Чернышевскаго, г. Вернеромъ при... но еще нѣсколько страницъ изъ *Основаній политической экономіи* ...лля, изъ *Основаній біологіи* Спенсера и изъ статьи г. Тимирязева *Историческій методъ въ біологіи*. Никакого собственнаго мнѣнія по затрогиваемымъ въ этихъ выпискахъ вопросамъ авторъ вступительной статьи не высказываетъ, ссылаясь на свою „некомпетентность" (стр. XLVI). Біографическія свѣдѣнія о Мальтусѣ заимствованы изъ статьи Молинари, но, къ сожалѣнію, не отличаются точностью. Не вѣрно, наприм., будто Мальтусъ-отецъ, извѣстный своимъ свободомысліемъ, „готовилъ своего сына къ духовной карьерѣ" (стр. VI). Нельзя еще не упрекнуть русскаго переводчика за то, что онъ допускаетъ различное и часто неправильное правописаніе англійскихъ фамилій (Стьюардъ и Стевартъ, Тоунзендъ и Таунсентъ, Бюркъ вмѣсто Бёркъ, Дубльда и Дёбельде) и что самому трактату Мальтуса даетъ неупотребительное и на нашъ взглядъ совершенно неправильное заглавіе: *Опытъ закона о народонаселеніи* (вмѣсто: *Опытъ о законѣ народонаселенія*, *Essay on the principle of population*). Къ книгѣ приложенъ изящно сдѣланный портретъ Мальтуса.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". — „Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи". *А. М. Чернова*. — „Юридическая библіотека". *Изд. Я. Канторовича*.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. IV. Спб., 1895 г. Преувеличенія уголовно-антропологической школы должны были вызвать реакцію. Выразителемъ ея явился въ недавнее время французскій ученый Анри Жоли. Е. А. Синицкій въ изданіи юридическаго общества представилъ интересное изложеніе его идей, сопровождаемое довольно подробною критическою оцѣнкой всей доктрины. Разбирая шагъ за шагомъ доводы итальянскихъ ученыхъ, Жоли приходитъ къ выводамъ діаметрально противуположеннымъ: „въ эволюціи преступности онъ не отводитъ никакой роли тираннически властнымъ особенностямъ больной организаціи; эволюція преступности — это процессъ моральной порчи *нормальнаго* человѣка". Дѣйствительность большей части психо-физическихъ особенностей, наблюдаемыхъ у преступниковъ криминалистами-антропологами, можетъ быть оспариваема; „тѣ же особенности преступниковъ, которыя отмѣчены вѣрно,—это *послѣдствія*, а не причина преступленія; это тѣ видоизмѣненія и извращенія, которыя порождаетъ жизнь порока и злодѣянія". Переходя отъ психологіи преступности къ соціальнымъ факторамъ, ее вызывающимъ, Жоли находитъ, что „причины экономическія подчинены причинамъ соціальнымъ, а послѣднія—причинамъ моральнымъ, которыми, прямо или косвенно, но порождаются самыя многочисленныя и самыя грозныя послѣдствія. Жоли не представляетъ себѣ въ обществѣ какихъ-нибудь факторовъ, которые въ концѣ-концовъ не сводились бы къ тѣмъ или инымъ—дурнымъ или хорошимъ,—свойствамъ и поступкамъ личностей, составляющихъ общество". Съ этой точки зрѣнія онъ и разсматриваетъ три главныхъ, по его мнѣнію, фактора преступности: деклассацію (то-есть удаленіе человѣка изъ

естественныхъ группъ, сдерживающихъ его дурные инстинкты,—изъ семьи, школы, общины, корпораціи, отечества), проституцію и „дурную политику“. Сообразно такимъ воззрѣніямъ построена и система борьбы съ преступленіемъ: воздѣйствіе на моральное чувство почти цѣликомъ сводится къ устрашенію и передъ нашими глазами—суровая лѣстница наказаній, начинающаяся одиночнымъ заключеніемъ и завершаемая гильотиной. Свои возраженія противъ первой части теоріи Жоли г. Синицкій сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „поскольку доктрина Joly о соціальныхъ факторахъ преступности носитъ моралистически-анатомическій характеръ, она 1) не указываетъ истинныхъ факторовъ преступности; 2) препятствуетъ раціональной постановкѣ вопроса о борьбѣ съ преступленіемъ и 3) противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности“. Указавъ затѣмъ на недостатки проповѣдуемой Joly системы борьбы съ преступленіемъ (она получаетъ у него характеръ борьбы съ преступниками), г. Синицкій переходитъ къ положительнымъ сторонамъ разсматриваемаго ученія. „Есть правда,—говоритъ онъ,—на сторонѣ антропологовъ, есть правда и на сторонѣ классиковъ, а еще большая истина должна быть, повидимому, завоевана“. „Къ числу соединительныхъ (между теоріями классиковъ и антропологовъ) ученій принадлежитъ и доктрина Joly, который стремится обосновать идею отвѣтственности и идею наказанія позитивнымъ изученіемъ фактовъ дѣйствительности“. Главною же заслугой Жоли г. Синицкій считаетъ теорію деклассаціи, которая, по его мнѣнію, „должна быть признана выдающеюся научною теоріей“. Ее-то авторъ излагаемой статьи выдвигаетъ и развиваетъ уже самостоятельно въ послѣдней главѣ. Формулируется она такъ: „между преступностью и процессами общественной диссолидарности существуетъ самая тѣсная причинная зависимость“. Мы не имѣемъ, конечно, возможности разбирать здѣсь эту теорію; замѣтимъ только, что г. Синицкій не избѣгъ въ своей проповѣди нѣкоторыхъ ошибокъ Жоли, ранѣе имъ самимъ указанныхъ (ср., напримѣръ, конецъ стр. 271 со стр. 292). Тѣмъ не менѣе, на нашъ взглядъ, это самая интересная статья *Сборника*. Укажемъ далѣе на солидное и даже нѣсколько тяжеловѣсное изслѣдованіе В. В. Пржевальскаго, излагающее исторію и принципы предпринятаго Союзнымъ Совѣтомъ объединенія уголовнаго законодательства Швейцаріи. Выработанная уже проф. Штоссомъ, общая часть кодекса отличается оригинальностью и, по мнѣнію лучшихъ авторитетовъ Европы, вполнѣ отвѣчаетъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Изъ доклада А. А. Кауфмана узнаемъ о результатахъ статистическаго изслѣдованія Восточной Сибири, предпринятаго по почину иркутскаго генер.-губ. графа Игнатьева. Авторъ характеризуетъ въ общихъ чертахъ „матеріалы“, собранные экспедиціей, даетъ перечень сторонъ сибирской жизни, которыхъ они касаются, и подробно останавливается на вопросѣ „о степени емкости охваченнаго изслѣдованіемъ раіона для будущихъ переселеній“. „Ходячій взглядъ, — говоритъ онъ, — что безпредѣльныя пространства Сибири могутъ вмѣстить еще милліоны и десятки, даже чуть не сотни милліоновъ населенія, далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности“: какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири уже чувствуется недостатокъ въ земляхъ, пригодныхъ для земледѣльческой культуры, и до тѣхъ поръ, пока не будутъ затрачены громадныя деньги на осушеніе болотъ и ирригацію, нечего надѣяться на неистощимый въ Сибири запасъ земель для переселенія. В. Ф. Дерюжинскій въ своей небольшой статьѣ знакомитъ насъ съ устройствомъ, составомъ и дѣя-

комитета иностранныхъ законодательствъ во Франціи. Опу- .ересныя, но черезъ-чуръ спеціальныя для нашихъ читателей . г. Суворова (*Книга по церковному праву*) и г. Верблоовскаго .йший проектъ вотчиннаю устава*), скажемъ нѣсколько словъ о .обной лекціи П. И. Новгородцева, посвященной имъ разбору *Политическихъ идеаловъ Платона*. Авторъ ея ставитъ себѣ задачей: „указать связь платоновскихъ идеаловъ съ греческою исторіей и выяснить ихъ своеобразность". Перваго онъ достигаетъ сопоставленіемъ твореній Платона съ такими фактами, какъ борьба демоса съ аристократіей, слѣдовавшая за вѣкомъ Перикла, смерть Сократа, бѣгство Платона, гонимаго народомъ, знакомство его съ сиракузскимъ дворомъ и т. д. Своеобразность платоновскихъ взглядовъ видитъ онъ въ той *теократической* окраскѣ, которую придаетъ этотъ философъ своему аристократическому идеалу крѣпкаго государственнаго строя. „Въ *Законахъ*, какъ и въ *Государствѣ*,—говоритъ г. Новгородцевъ,—чувствуется духъ средневѣковаго нетерпимаго католицизма: то же убѣжденіе въ обладаніи непогрѣшимой истиной и то же недовѣріе къ личнымъ усиліямъ людей". Выясненіе этой двойственности въ ученіи Платона и составляетъ главное содержаніе разсматриваемой лекціи. Вторая половина *Сборника* занята, по обыкновенію, хроникой, состоящей изъ обзора текущаго законодательства и изъ литературнаго обозрѣнія вновь появившихся юридическихъ сочиненій.

Набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. А. М. Чернова. Гжатскъ, 1895 г. Цѣна 1 р. Книга эта затрогиваетъ одинъ изъ весьма важныхъ вопросовъ, сдѣлавшихся въ послѣднее время особенно частою темой консервативнаго лагеря печати,—вопросъ о розгахъ, о примѣненіи ихъ въ волостной юстиціи. Авторъ задался цѣлью указать на ненормальность и даже невозможность примѣненія этой мѣры наказанія въ крестьянскомъ быту, попутно указывая на то, что горячіе защитники розги не имѣютъ самаго первоначальнаго знакомства какъ съ дѣйствующимъ закономъ, такъ и съ существомъ и практикой трактуемаго предмета, почему и вносятъ въ общественную мысль одно только недоумѣніе. Въ частности эта книга отвѣчаетъ на вспыхнувшую живую полемику по поводу ревизіи смоленскаго губернатора въ 1893 г., открывшей, что въ одномъ участкѣ земскій начальникъ упразднилъ практику сѣченія.

Съ 19 февраля 1861 г. волостному суду предоставлялось подвергать виновныхъ на ряду съ другими наказаніями и розгамъ до 20-ти ударовъ, причемъ вошедшій въ силу приговоръ исполнялся волостнымъ старшиною безъ всякаго промедленія. По преобразованіи волостныхъ судовъ въ 1889 г. имъ предоставлена была *большая компетенція* какъ по роду подсудныхъ дѣлъ, такъ и по размѣрамъ наказанія, но способъ исполненія рѣшеній остался тотъ же для всѣхъ случаевъ, *кромѣ сѣченія*, приговоръ о которомъ не можетъ быть исполненъ иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, имѣющаго право замѣнять сѣченіе штрафомъ и арестомъ. Для выясненія тенденціи законодателя г. Черновъ обращается за справками къ общественнымъ условіямъ времени, создавшаго розгу, какъ мѣру наказанія, и причинамъ, побудившимъ законодателя оставить ее неприкосновенной и по освобожденіи крестьянъ. Розга глубоко проникала правосознаніе народа и была дешева и цѣлесообразна (остальные роды наказаній, какъ арестъ и общественныя работы, были непригодны потому, что представляли собой скорѣе не наказаніе, а отдыхъ; что касается денежнаго штрафа, то

онъ представлялъ собой наказаніе неосуществимое при оброчной недоимкѣ и мало понятное въ средѣ, гдѣ всѣ жизненныя потребности удовлетворялись натуральнымъ трудомъ. Общественныхъ работъ не существовало и присужденный къ нимъ развѣ только подметалъ дворъ волостного правленія). Прошло почти тридцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣло измѣниться многое: проникло въ умы низшаго сословія равенство передъ закономъ, развилась грамотность, время стало цѣниться дороже и лишеніе благъ въ видѣ штрафа и въ видѣ ареста стало считаться чувствительнымъ наказаніемъ и, наконецъ, сдѣлано было изъятіе розги сначала изъ учебныхъ заведеній, а потомъ и изъ житейскаго обихода. И вотъ прогрессъ въ общественномъ отношеніи дошелъ до того, что къ 1889 г. разновременными изъятіями были освобождены отъ розги: весь женскій полъ, не взирая на сословія, дворяне, почетные граждане, купцы, духовенство, мѣщане и дѣти изъятыхъ родителей. А въ сферѣ податного сословія освобождались воспитанники учебныхъ заведеній, прослужившіе въ низшихъ должностяхъ, имѣющіе знаки отличія, солдаты и, вообще, носившіе военный мундиръ, служащіе и служившіе въ выборныхъ общественныхъ должностяхъ, лица старше 60 лѣтъ, страдающіе различными болѣзнями и лѣсные сторожа. Опредѣляя количество лицъ податного сословія, подлежащихъ сѣченію, мы видимъ, что оно не велико. Кромѣ того, въ общественное сознаніе проникла сущность этихъ изъятій и постыдность розги, какъ наказанія посрамляющаго. И если законодатель оставилъ розгу, то только въ силу нерѣшимости порвать окончательно связь съ прежними законодательными принципами. За то земскому начальнику предоставлено право не обращаться къ розгѣ, а *замѣнять ее* другими наказаніями по своему усмотрѣнію, но не *замѣнять послѣднія розгою*. Это *строго-отрицательное* право земскаго начальника и опредѣляетъ предѣлы сѣченія. А. М. Черновъ, обращаясь къ функціи земскаго начальника, дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ о томъ, что право отмѣны розогъ предоставлено дворянству, какъ такому изъ сословій, которое давно было свободно отъ тѣлесныхъ наказаній и потому болѣе способно понять, насколько глубоко задѣвается чувство человѣческаго достоинства примѣненіемъ розогъ, а не волостному старшинѣ, какъ прежде. Причемъ отмѣна распространяется даже на *окончательно вошедшее въ силу судебное рѣшеніе*. Слѣдовательно, нельзя и думать о томъ, чтобы законодательство стремилось расширить районъ примѣненія розги.

Разсматривая цѣлесообразность розги, какъ наказанія, съ юридической точки зрѣнія, авторъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ. Розга не выдерживаетъ критики ни въ одномъ отношеніи, прилагаемомъ юриспруденціей къ системѣ наказанія. Кромѣ того, сравнивая взятые изъ устава о наказаніяхъ проступки, наказуемые розгой и ненаказуемые ею, мы находимъ удивительную несообразность, благодаря которой, наприм., подлежатъ проступки противъ личности и не подлежатъ случаи, когда задѣты интересы общественные (см. стр. 42, 43).

Розга не устанавливаетъ и справедливости въ размѣрѣ наказанія, такъ какъ одни за одинъ и тотъ же проступокъ (усиливающійся тѣмъ, наприм., что его совершило лицо грамотное, или побывавшее въ извѣстной дисциплинѣ, какъ солдатъ, или облеченное общественнымъ довѣріемъ) не наказуются, а другіе подлежатъ поркѣ. Общая тенденція должна идти по тому направленію, которое намѣчено освобожденіемъ

— по пути уничтоженія всякихъ позорящихъ человѣка на-
Таковъ выводъ изъ книги г. Чернова и съ нимъ не можетъ
ласиться всякій, кто прочтетъ эту живую, толково написанную
…ту человѣческаго достоинства.

Юридическая Библіотека. Честь въ философіи и въ правѣ. Проф. I. Экштейна. Пер. съ нѣм. Б. Л. Г—ча. Изд. Я. Канторовича. Спб., 1895 г. Если остальные выпуски *Юридической Библіотеки* г. Канторовича будутъ похожи на этотъ первый, то мы не поздравляемъ русской читающей публики. Проф. Экштейну не слѣдовало писать своей книжки, г. Б. Л. Г—чу не слѣдовало ее переводить, г. Канторовичу не слѣдовало ее издавать. Авторъ начинаетъ свое *Введеніе* загадочными словами: „Передъ нами теперь, какъ и прежде, стоитъ вопросительный знакъ"... Читатель недоумѣваетъ, о чемъ идетъ рѣчь, но проф. Экштейнъ этого недоумѣнія разсѣивать не хочетъ и продолжаетъ вѣщать таинственныя изреченія какъ будто бы о философіи, какъ будто бы о правѣ, какъ будто бы о вѣчности. Безконечно-длинная болтовня наполняетъ все произведеніе г. профессора, и только съ большимъ трудомъ читатель догадывается, о чемъ съ нимъ бесѣдуетъ авторъ. Проф. Экштейнъ задался цѣлью показать, насколько гармонируетъ съ правомъ наша современная честь" (стр. 4). Не выясняя понятія чести, смѣшивая его съ честолюбіемъ, переплетая отовсюду надерганныя цитаты съ собственными откровеніями, дѣлая „экскурсіи" въ область свободы воли и въ разныя другія области, но не оставаясь подолгу нигдѣ, почтенный профессоръ говоритъ такъ много, темно и запутанно, что вы съ нѣкоторымъ ужасомъ пробираетесь сквозь дебри его краснорѣчія и приходите къ центральному пункту его трактата. Г. профессоръ находитъ, что государство должно заступаться за идаальную личность и наказывать всякое оскорбленіе чести, въ чемъ бы оно ни проявлялось; въ такомъ случаѣ прекратятся дуэли и все будетъ благополучно. Но авторъ считаетъ лишнимъ объяснять, какимъ именно образомъ государство можетъ охранять внутреннюю честь индивидуума и наказывать тѣ неуловимо-тонкія обиды, которыя не нарушаютъ, однако, правъ обиженнаго. Онъ хочетъ, чтобы дѣла, часто кончающіяся дуэлью, „были предоставлены общимъ судебнымъ мѣстамъ, причемъ судьи должны рѣшать ихъ не на основаніи своего внутренняго убѣжденія, а на основаніи законовъ" (стр. 123). Изъ той вѣрной мысли, что между правомъ и нравственностью не должно быть пропасти, проф. Экштейнъ выводитъ заключеніе, что государство должно оберегать мою честь и мстить за меня не только когда я подвергаюсь клеветѣ или оскорбленію словами или дѣйствіемъ, но и когда кто-нибудь доставитъ мнѣ непріятное ощущеніе, омрачитъ мое настроеніе духа и т. д. Своихъ воззрѣній г. профессоръ нигдѣ не формулируетъ точно и ясно и, возлагая на государство такія сложныя обязанности, самъ не беретъ на себя труда разграничить понятія внѣшней чести и внутренняго достоинства и вообще мыслить болѣе логически и болѣе юридически.

Если къ особенностямъ нѣмецкаго оригинала прибавить еще прелести русскаго перевода, то впечатлѣніе получится прямо юмористическое. Г. переводчикъ не только не умѣетъ переводить, но и не знаетъ русской грамоты. Онъ употребляетъ такія слова, какъ „безсомнѣнно" (стр. 12), онъ говоритъ, что „Томазій... различалъ три сорта въ понятіи хорошаго" (стр. 75), онъ находитъ, что „въ этомъ взглядѣ... лежитъ... жестокая ошибка" (стр. 6), онъ, наконецъ, какъ это видно изъ выноски на стр. 32, глубоко убѣжденъ, что Беконъ былъ нѣмецъ.

Такіе перлы въ изобиліи разсыпаны чуть ли не въ каждой строкѣ. Присоедините еще сотни грубѣйшихъ опечатокъ и вы поймете, какъ пріятно читать книгу проф. Экштейна въ переводѣ г. Б. Л. Г—ча.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

„Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій". *П. Хрущова.*

Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. П. Хрущова. Харьковъ, 1894 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. При ежедневно возростающемъ значеніи термодинамики для теоретической химіи нельзя не привѣтствовать появленіе въ русской литературѣ книги г. Хрущова, которая можетъ служить введеніемъ къ изученію химической динамики.

Въ составъ книги вошли лекціи, читанныя авторомъ въ Харьковскомъ университетѣ въ теченіе зимняго сезона 1892—1893 года. Книгу автора можно раздѣлить на три отдѣла: въ первомъ авторъ, послѣ ознакомленія читателя съ явленіями химическихъ равновѣсій, излагаетъ методъ изслѣдованія этихъ явленій, основанный на измѣреніи дѣйствія массъ. Имъ довольно подробно разсматривается теорія Гульдберга и Воге и приводятся главнѣйшіе результаты ихъ работъ, равно какъ и работы французскаго химика Lemoin'а.

Послѣ того какъ такимъ образомъ читатель довольно обстоятельно ознакомится съ тѣми опытными данными, какія извѣстны относительно явленій химическихъ равновѣсій, авторъ во второмъ отдѣлѣ знакомитъ со вторымъ методомъ изученія этихъ явленій,—методомъ, основаннымъ на законахъ термодинамики, причемъ онъ сперва обстоятельно разсматриваетъ первый законъ термодинамики и его примѣненія къ химіи, затѣмъ второй законъ, и разбираетъ нѣсколько случаевъ примѣненія уравненія Клапейрона къ физическимъ (явленія испаренія и плавленія) и химическимъ (явленія диссоціаціи).

Послѣ этого онъ переходитъ къ выясненію понятія „термодинамическій потенціалъ" и показываетъ, какимъ путемъ это понятіе можетъ служить для рѣшенія вопросовъ химической динамики; съ этою цѣлью онъ посвящаетъ цѣлую главу изложенію теоріи диссоціаціи по М. Планку. Разсмотрѣніе приложеній термодинамики приводитъ автора къ изслѣдованію современной теоріи растворовъ и къ оцѣнкѣ роли, которую въ ней играютъ гипотезы Фанги, Гоффа и Арреніуса. Изложивъ теорію Арреніуса, авторъ въ заключеніе указываетъ, что путь, данный Арреніусомъ для объясненія электропроводности, не единственный: возможны другія объясненія, и авторъ знакомитъ съ теоріей электропроводности, основанія которой даны англійскимъ физикомъ J. J. Thomson'омъ.

Послѣдняя, заключительная, глава посвящена динамической теоріи химическихъ равновѣсій, данной въ книгѣ J. J. Thomson'а *Application of dynamics to physics and chemistry*.

Предварительно авторъ даетъ краткую характеристику динамическихъ уравненій Лагранжа и уясняетъ ихъ физическій смыслъ.

Таково въ общемъ содержаніе книги г. Хрущова. Несомнѣнно, она можетъ оказать большую услугу лицу, приступающему къ основательному изученію химической динамики. Прибавимъ только, что по самому существу дѣла она доступна для лицъ, которыя знакомы съ началами высшаго математическаго анализа.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ". *К. Э. Линдемана.*— „Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ". *А. А. Соколова.* — „Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 годъ". *В. Н. Дьякова.*

О насѣкомыхъ, вредящихъ домашнимъ животнымъ и пчеламъ. К. Э. Линдемана. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Цѣна 10 к. Въ новой маленькой брошюрѣ проф. Линдемана описаны строка (муха, поселяющаяся подъ кожей рогатаго скота), мухи и оводы, вредящіе лошадямъ и овцамъ, а изъ числа враговъ пчеловодства—пчелиная вошь, майка, восковая моль и личинки жука-пестряка; для послѣднихъ четырехъ насѣкомыхъ сдѣланы только самыя краткія указанія. Изъ мѣръ борьбы сравнительно подробно описаны простыя предупредительныя и лечебныя мѣры противъ строки, сильное размноженіе которой наблюдалось, между прочимъ, и въ окрестностяхъ Москвы. Изложеніе сопровождается 8 рисунками.

Лошадь, строеніе ея тѣла и наружные признаки, опредѣляющіе здоровье, силу и годность ея къ работѣ. Составилъ А. А. Соколовъ. Спб., 1895 г. Изд. Девріена. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ, ветеринарный врачъ и преподаватель иппологіи въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, издалъ книжку для сельско-хозяйственныхъ школъ, кавалерійскихъ и ветеринарно-фельдшерскихъ училищъ. Привлекательнымъ и заслуживающимъ подражанія элементомъ новаго изданія служитъ отпечатанный красками разборный рисунокъ лошади съ подробными объясненіями, относящимися къ экстерьеру, скелету, мышцамъ, сосудамъ и внутренностямъ; этотъ рисунокъ значительно облегчаетъ первоначальное ознакомленіе съ топографической анатоміей лошади. Въ текстѣ имѣется 45 политипажей, изображающихъ преимущественно зубы и копыта. Низшимъ сельско-хозяйственнымъ школамъ руководство г. Соколова принесетъ несомнѣнную пользу и, кромѣ того, вѣроятно, окажется пригоднымъ для повторительнаго обзора иппологіи въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ и для самообразованія.

Отчетъ по опытному полю полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества за 1894 годъ. Составилъ В. Н. Дьяковъ. Полтава, 1895 г. Полтавское опытное поле, благодаря настойчивости своихъ устроителей и руководителей, заняло видное мѣсто въ ряду русскихъ учрежденій экспериментальной агрономіи. Полтавское губернское земство, оказавшее существенную денежную поддержку опытному полю, исполняло, въ сущности, общегосударственную службу, результатами которой несомнѣнно воспользуется и министерство земледѣлія при открытіи новыхъ опытныхъ учрежденій и при возобновленіи дѣятельности старыхъ опытныхъ полей, не баловавшихъ насъ печатаніемъ трудовъ. Послѣдній годовой отчетъ знакомитъ читателей съ работами, исполнявшимися въ десятый годъ существованія полтавскаго поля. Многі количественныя отмѣтки сопоставлены хронологически съ данным прежнихъ девяти лѣтъ. Съ осени 1893 года полтавское поле къ пре: ней своей площади въ 21 десятину присоединило новую площадь в 45 десятинъ, и на этомъ вновь купленномъ участкѣ съ весны 189 года начались новые опыты. Изъ числа ихъ обращаемъ вниманіе н испытаніе разныхъ пріемовъ обработки почвы въ трехпольномъ сѣвс оборотѣ примѣнительно къ условіямъ крестьянскаго хозяйства.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Уксусъ". *Т. Мартинсона.* — „Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ". *М. А. Рылова.*

Уксусъ. Скорая и медленная его фабрикація. Краткое популярное руководство, необходимое для заводовъ и для всякаго хозяйства. Съ 8 рисунками. Съ прибавленіемъ извлеченій изъ химіи Муспрата. Составилъ Т. Мартинсонъ. Спб. Цѣна 1 рубль. Эта небольшая книжка содержитъ методы и рецепты для приготовленія разныхъ сортовъ уксуса, общія понятія объ уксусѣ и уксусной кислотѣ, о броженіи, объ испытаніи и храненіи и пр.,—однимъ словомъ, почти все, что необходимо для основательнаго ознакомленія съ производствомъ. Г. Мартинсонъ назвалъ свое руководство краткимъ и популярнымъ. И то, и другое несовсѣмъ вѣрно. На 78 страницахъ можно весьма обстоятельно и довольно подробно изложить сущность этого весьма несложнаго дѣла. Нельзя также назвать его популярнымъ, потому что въ немъ встрѣчаются всѣ химическіе термины (окисленіе, броженіе, составъ тѣлъ, ферменты и пр.) и понятія, какія мы находимъ въ руководствахъ химической технологіи. Г. Мартинсонъ приводитъ даже химическія формулы съ объясненіемъ ихъ значенія. Научныя знанія авторъ вообще считаетъ необходимыми. „Чтобы вести съ успѣхомъ,—говоритъ онъ,—какое-либо производство, основанное на химическихъ законахъ, необходимо совершенно ясное представленіе о сущности тѣхъ химическихъ манипуляцій, слѣдствіемъ которыхъ образуются нужныя химическія соединенія". Все это, конечно, совершенно справедливо. Но чтобы достигнуть этого, прежде всего, нужно образованіе, нужны извѣстныя научныя свѣдѣнія, безъ которыхъ нельзя составить никакого техническаго руководства. Разныя лубочныя изданія могутъ служить доказательствомъ этого, какъ можно путемъ книгопечатнаго станка распространять въ народныхъ массахъ вмѣсто знаній невѣжество, вмѣсто научныхъ истинъ—всякаго рода нелѣпости.

Нужно отдать справедливость, авторъ дѣйствительно старается разъяснять научныя основы уксуснаго производства; но, къ сожалѣнію, это ему не всегда удается и онъ зачастую своими странными выраженіями и оборотами совершенно затемняетъ суть дѣла, а мѣстами даетъ даже невѣрное представленіе о предметѣ. Такъ, на стр. 9 онъ масляную кислоту называетъ кислотой коровьяго масла и говоритъ о какихъ-то несуществующихъ броженіяхъ молочной кислоты, плѣсени, угольной кислоты. Есть дѣйствительно молочнокислое броженіе, но это броженіе сахара, а не молочной кислоты. Столь рѣзкое смѣшеніе понятій повторяется и на стр. 12. И такихъ погрѣшностей противъ научныхъ основъ въ книгѣ г. Мартинсона довольно много. Особенно богато ими прибавленіе изъ химіи Муспрата, трактующее о добываніи чистой уксусной кислоты изъ древеснаго уксуса. Извлеченіе сдѣлано, повидимому, безъ пониманія техническихъ процессовъ производства, и отпечатано безъ всякой сколько-нибудь компетентной предварительной редакціи.

Практическое руководство къ выдѣлкѣ разнообразныхъ сортовъ и по различнымъ способамъ подошвенныхъ кожъ (соковыхъ, гемлокъ, шведскихъ, буфель, хлѣбныхъ, спиртовыхъ, полувалу и мостовья съ указаніемъ возможности примѣненія къ выдѣлкѣ подошвы электрическаго (скораго) дубленія). Составилъ кожевенный мастеръ М. А. Рыловъ. Часть I. Вятка. Ц. 60 коп.

Въ предисловіи г. Рыловъ разсказываетъ о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми приходится сталкиваться авторамъ техническихъ сочиненій при изданіи своихъ трудовъ. Еще въ 1889 г. было приготовлено къ печати исправленное и дополненное 3-е изданіе кожевеннаго производства. Авторъ обратился за содѣйствіемъ къ болѣе крупнымъ издательскимъ фирмамъ, но сочувствія не встрѣтилъ. Тогда онъ открылъ подписку среди кожевенныхъ заводчиковъ, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу: изъ 13,000 подписалось только 38. Вслѣдствіе этого, полное изданіе пришлось отложить на неопредѣленное время; теперь же отпечатана только одна 4-я часть, касающаяся выдѣлки подошвенныхъ кожъ. По этому весьма важному отдѣлу кожевеннаго производства на русскомъ языкѣ почти нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ руководствъ.

Въ качествѣ опытнаго мастера по кожевенному дѣлу, г. Рыловъ хорошо знакомъ какъ съ техникой производства, такъ и съ положеніемъ этой промышленности въ Россіи. Его книжка съ пользою будетъ прочитана не только мастерами и заводчиками, но также и студентами-технологами. Къ недостаткамъ этого труда нужно отнести нѣсколько тяжеловатый языкъ и недостаточно ясное изложеніе, а въ особенности то обстоятельство, что авторъ почему-то „избѣгалъ теоретическихъ разсужденій". Этого тѣмъ болѣе не слѣдовало дѣлать, что, по его собственному признанію, „безъ теоріи непонятенъ процессъ въ техническихъ производствахъ".

Особенно интересна глава о примѣненіи электричества къ дубленію кожъ. Въ короткихъ словахъ, но достаточно ясно и толково, авторъ успѣлъ передать сущность этого новаго и весьма интереснаго способа. Значительно ускоряя выработку кожанаго товара, способъ этотъ, съ дальнѣйшимъ его усовершенствованіемъ, долженъ произвести настоящій переворотъ въ производствѣ.

МЕДИЦИНА.

„Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни". *Альбрехта.*—„Пища маленькихъ дѣтей". *Tedeschi.*—„Какъ взростить здороваго ребенка".—„Берегите глаза новорожденныхъ". *В. Бараца.*—„О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ". *В. Ф. Якубовича.*—„Физическое воспитаніе въ школѣ". *А. Гриневскаго.*

Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Альбрехта. Переводъ подъ редакціей Л. О. Финнельштейна. Спб., 1894 г. Ц. 50 к. — Пища маленькихъ дѣтей. Tedeschi. Пер. съ итальянскаго. Кіевъ, 1894 г. Ц. 25 к.—Какъ взростить здороваго ребенка. (Совѣты и указанія молодымъ матерямъ). М., 1894 г. Ц. 25 к. — Берегите глаза новорожденныхъ. Наставленіе родителямъ, какъ предупреждать и умалять опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ. В. Бараца. Кіевъ, 1894 г. Ц. 10 к.—О пьянствѣ дѣтей и о вліяніи вина на дѣтскій организмъ. В. Ф. Якубовича. Спб., 1894 г. Ц. 25 к. — Физическое воспитаніе въ школѣ. А. Гриневскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 20 к. Изъ перечисленныхъ книжекъ первыя двѣ—Альбрехта и Tedeschi—касаются, главнымъ образомъ, вопросовъ питанія грудныхъ дѣтей и искусственнаго ихъ вскармливанія. Рекомендуется, конечно, чтобы всякая мать сама кормила своего ребенка, но такъ какъ это не всегда возможно, то приходится прибѣгать къ суррогатамъ; въ обѣихъ книжкахъ для этого совѣтуется одно и то же—стерилизованное молоко. Итальянскій авторъ особенно воз-

мущается распространенною у насъ мукой Нестле, къ которой Альбрехтъ относится безразлично. Обѣ книжки имѣютъ каждая свои достоинства и недостатки, хотя по содержанію мало отличаются другъ отъ друга; очень цѣнное достоинство сочиненія Альбрехта, во-первыхъ,—выводы, сгруппированные въ концѣ книги въ видѣ кратко формулированныхъ правилъ, а, во-вторыхъ, дополненія редакціи, касающіяся условій русской жизни. Книжка неизвѣстнаго автора *Какъ взростить здороваго ребенка* обнимаетъ собою уже всѣ элементы воспитанія; въ ней говорится объ устройствѣ дѣтской спальни, объ уходѣ за ребенкомъ въ первое время его жизни, о кормленіи, о началѣ ходьбы, о рѣчи ребенка, объ его игрушкахъ и т. д. Правда, имѣющіяся указанія очень коротенькія, но, тѣмъ не менѣе, имъ нельзя отказать, во-первыхъ, въ практичности, въ смыслѣ возможности выполненія въ жизни, а, во-вторыхъ, и въ оригинальности; въ чемъ нельзя, однако, согласиться съ авторомъ—во времени начала прикармливанія: 3—4 мѣсяца, показанные имъ, слишкомъ нѣжный возрастъ для начала прикармливанія; это можетъ быть допущено только въ исключительныхъ условіяхъ. Брошюрка г. Бараца, весьма обстоятельно написанная, содержитъ наставленіе родителямъ, „какъ предупреждать и умалять опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ". По языку она приспособлена къ понятіямъ простого народа, въ виду чего нельзя не пожелать широкаго распространенія ея, тѣмъ болѣе, что гнойное воспаленіе глазъ у новорожденныхъ — болѣзнь совсѣмъ не рѣдкая; но цѣна книжки сравнительно высока. Публичная лекція г. Якубовича *О пьянствѣ дѣтей и вліяніи вина на дѣтскій организмъ* въ большей части своей посвящена вопросу о вредѣ пьянства вообще, о вліяніи алкоголизма на вырожденіе и проч., уже достаточно заѣзженные вопросы. Лекторъ приводитъ далѣе нѣсколько примѣровъ изъ иностранной литературы привычныхъ дѣтей пьяницъ; причины развитія пьянства среди дѣтей лекторъ видитъ въ невѣжествѣ родителей, бѣдности ихъ и, наконецъ, въ томъ, что сами врачи способствуютъ развитію дурныхъ привычекъ широкимъ назначеніемъ спирта въ дѣтской практикѣ.

О роли гимнастики въ дѣлѣ физическаго воспитанія въ школѣ намъ уже приходилось говорить на страницахъ *Русской Мысли* по поводу дѣтскихъ игръ на открытомъ воздухѣ, горячо рекомендованныхъ докторомъ Покровскимъ въ его книгѣ *Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья молодежи*, причемъ взглядъ д-ра Покровскаго на гимнастику, какъ на плохой суррогатъ дѣтскихъ игръ въ дѣлѣ физическаго развитія, слѣдуетъ считать правильнымъ. Всякая гимнастика, съ машинами или безъ нихъ, носитъ въ себѣ, во-первыхъ, характеръ чего-то принудительнаго, однообразнаго до скуки, а, во-вторыхъ, требуетъ устройства гимнастическихъ залъ и, слѣдовательно, затратъ. Дѣло школы въ отношеніи физическаго воспитанія состоитъ не только въ томъ, чтобы развить мышцы, но и доставить и физическій, и моральный отдыхъ; гимнастика же, во всякомъ случаѣ, не можетъ доставить ни того, ни другого, — это только смѣна напряженнаго сидѣнья въ классѣ напряженнымъ же маршированьемъ, лазаньемъ, прыганьемъ и проч. Г. Гриневскій, раздѣляя отчасти эти же взгляды на такъ называемую шведскую гимнастику, видитъ въ гимнастикѣ на машинахъ возможность развить и силу, и ловкость въ дѣтяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставить имъ и необходимый моральный отдыхъ отъ занятій; для этого г. Гриневскій проектируетъ устройство гимнастическихъ залъ, образованіе особаго класса учителей гимнасти-

ки, учрежденіе институтовъ для образованія такихъ учителей и, наконецъ, учрежденіе особой должности инспектора гимнастики, который время отъ времени могъ бы ревизовать дѣятельность учителей, вообще цѣлый департаментъ гимнастики. Такъ какъ устройство гимнастическихъ залъ стóитъ весьма не дешево и доступно, конечно, только большимъ городамъ, то уже этимъ самымъ роль машинной гимнастики съуживается весьма значительно — для громаднаго большинства учащихся она совершенно недоступна. Затѣмъ едва ли даже производительны будутъ и эти затраты и на залы, и на учителей, и на учрежденіе институтовъ, и на самого инспектора включительно, — никакая гимнастика замѣнить игры въ мячъ на лугу, катанья на konькахъ, снѣжковъ и т. п. не можетъ, также какъ не можетъ она и парализовать хоть сколько-нибудь вредъ шестичасового сидѣнья въ классѣ.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

„Систематическій диктантъ по русскому языку". *А. Костина.*— „Изъ лекцій по теоріи словесности". *А. А. Потебни.*— „Россія". *С. Меча.*—„Іоанна д'Аркъ". *Н. М. Дементьевой.*— „Маленькія дѣти". *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.*—„Сказки и разсказы для дѣтей младшаго возраста". *Д. И. Мамина-Сибиряка.*—„Акъ-Бозатъ". *Его же.*— „Рождественская звѣзда". *И. Горбунова-Посадова.*

Систематическій диктантъ по русскому языку. Для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ (книга для учащихъ). Составилъ А. Костинъ. Самара. Цѣна 35 к. безъ пересылки. Всякому извѣстно, что сборникъ диктантовъ долженъ отличаться грамотностью, а систематическій сборникъ диктантовъ, сверхъ того, и системой, а между тѣмъ, въ *Систематическомъ диктантѣ* г. Костина замѣчается не только безграмотность, но и отсутствіе системы. Въ самомъ дѣлѣ, въ довольно большомъ предисловіи нашего составителя къ его „диктанту" мѣстами встрѣчаются такая диковинная разстановка знаковъ препинанія и такое запутанное изложеніе, что подчасъ рѣшительно мудрено понять, о чемъ именно идетъ рѣчь. Остановимся всего только на одномъ примѣрѣ. Г. Костинъ, между прочимъ, говоритъ: „Здѣсь, на урокѣ, провѣрка работъ имѣетъ, кажется, наглядное преимущество: каждая допущенная ошибка кѣмъ-либо изъ учениковъ пройдетъ черезъ цѣлый классъ и сдѣлается полнымъ достояніемъ (?) каждаго допустившаго ошибку и нагляднымъ повтореніемъ для лучшихъ, и не найдется уже или очень немного такихъ учениковъ, которые бы не знали, въ чемъ именно онъ допустилъ ошибку" и т. д. (продисл., стр. 7). О чемъ говоритъ здѣсь г. Костинъ, и можно ли назвать подобное мѣсто грамотнымъ, а такихъ мѣстъ въ его предисловіи достаточно. Кромѣ нихъ, въ томъ же предисловіи авторъ чрезвычайно обстоятельно распространяется объ очень извѣстныхъ истинахъ, находя даже нужнымъ недостатки назвать „нежелательными" (стр. 3), какъ будто существуютъ желательные недостатки, и, что всего любопытнѣе, весьма горячо увѣряетъ кого-то въ необходимости системы при обученіи орѳографіи. Несмотря, однако, на эти увѣренія, системы-то и нельзя найти въ разбираемой книжкѣ. Въ ней то и дѣло натыкаешься на примѣры ранѣе правилъ. Слово „торговка" (стр. 15) помѣщено во фразахъ ранѣе правила о сомнительныхъ согласныхъ, слово „тяжело" (стр 15) ранѣе правила о сомнительныхъ гласныхъ, форма „гусиныя" (стр. 21) ранѣе правила объ именительн. падежѣ множ. числа им. прилагательн.,

форма „кормять" (стр. 33) ранѣе правила о различіи 1-го спряженія отъ 2 и т. д., и т. д. Что касается до объясненій г. Костина именъ существ. умственныхъ (стр. 23), предложенія (стр. 47) и проч., то они или трудны, или невѣрны, а часто и трудны и невѣрны вмѣстѣ. Такимъ образомъ, не думаемъ, чтобы *Систематическій диктантъ* явился „для начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ" какою-нибудь особенною находкой.

Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица, Поговорка. А. А. Потебни. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 35 к. При разсмотрѣніи книги профессора Потебни, прежде всего, нельзя не обратить вниманія на предметъ, которому она посвящена. Дѣло въ томъ, что теорія словесности, какъ это ни странно, слишкомъ рѣдко изучается за послѣднее время въ университетскомъ курсѣ, и потому самое появленіе книги, которая заключаетъ въ себѣ лекціи по названному предмету, должно возбудить особый интересъ. Но интересъ этотъ увеличивается, чуть только мы знакомимся съ оглавленіемъ вышеупомянутой книги: изъ этого оглавленія видно, какъ занимательны и поучительны вопросы, имѣющіе отношеніе къ теоріи словесности. Правда, мы говоримъ о книгѣ профес. Потебни, который умѣетъ взглянуть на дѣло, какъ истинный философъ, но, съ другой стороны, то же оглавленіе можетъ навести на мысль, что и сама по себѣ теорія словесности—глубоко-интересный предметъ, такъ что стóитъ пожалѣть, что она находится въ такомъ пренебреженіи и такъ мало разрабатывается у насъ.

Проф. Потебня исходною точкой своихъ лекцій дѣлаетъ басню, но на баснѣ онъ показываетъ „различіе основныхъ формъ человѣческой мысли, поэзіи и прозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и то, что это не какія-нибудь временныя формы мысли, отъ которыхъ человѣчество можетъ отдѣлаться съ развитіемъ, а формы постоянныя, находящіяся въ извѣстномъ взаимодѣйствіи" (стр. 39). Что касается собственно поэзіи, то проф. Потебня съ убѣдительностью разъясняетъ, что „всѣ свойства поэтическаго произведенія находятъ соотвѣтствіе въ свойствахъ слова" (стр. 126), между тѣмъ, „говорить—значитъ не передовать свою мысль другому", какъ часто думаютъ „а только возбуждать въ другомъ его собственныя мысли" (стр. 132). Такимъ образомъ, „поэзія не есть нѣкоторая прикраса мысли, не есть нѣчто ненужное, чѣмъ можно пользоваться въ минуту досуга, а можно и не пользоваться. Напротивъ, поэзія есть одна изъ двухъ формъ познанія при помощи слова; а если это такъ, то поэтическій образъ составляетъ и долженъ составлять для насъ не только предметъ наслажденія, не только такое явленіе, къ которому мы относимся страдательно, ожидая, чтобы насъ осѣнила благодать, исходящая изъ него" (стр. 99).

Нечего и говорить о томъ, что всѣ выписанныя положенія богато иллюстрируются какъ баснями, такъ пословицами и поговорками, о которыхъ также говоритъ профес. Потебня; эти басни, пословицы и поговорки разбираются весьма всесторонне и тонко, авторъ на каждомъ шагу дѣлаетъ самыя смѣлыя и счастливыя обобщенія и заключенія, и читатель легко дочитываетъ книгу до конца, а по прочтеніи выноситъ изъ нея очень много полезнаго. Во всякомъ случаѣ, издатель лекцій, г. Харціевъ, вполнѣ справедливо замѣчаетъ въ предисловіи, что въ изложеніи ихъ, характеризующемъ вообще методу преподаванія А. А. Потебни, слѣдуетъ отмѣтить обиліе примѣровъ, предпосылаемыхъ общимъ выводамъ, отсутствіе апріорныхъ обобщеній, ка-

жущіяся отступленія въ сторону („кстати“, „между прочимъ“), дающія широкую психологическую подкладку разбираемымъ явленіямъ, озаряющія ихъ яркимъ свѣтомъ глубокой мысли“. Нельзя не пожалѣть объ одномъ: по словамъ предисловія, „лекціи по теоріи словесности проф. Потебни издаются по единственному экземпляру записокъ одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого профессора“; вотъ почему многое въ разсматриваемой книгѣ недостаточно обработано, многое же было бы, вѣроятно, выпущено при изданіи авторомъ своихъ записокъ самимъ.

Россія. Географическій сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Сергѣя Меча. 4-е дополненное изданіе. М., 1895 г. Цѣна 1 р. Сборникъ г. Меча имѣетъ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Онъ составленъ изъ умѣло выбранныхъ очерковъ лучшихъ знатоковъ природы и этнографіи Россіи и изъ статей самого г. Меча. Авторъ посѣтилъ много и глухихъ, и роскошныхъ уголковъ нашего отечества, живо и колоритно описываетъ какъ Финляндію, такъ и Кавказъ, какъ Новгородскую губернію, такъ и Крымъ. Г. Мечъ не только натуралистъ, но и поэтъ, онъ не только даетъ полезныя свѣдѣнія, но и увлекаетъ разсказомъ своихъ юныхъ, нерѣдко и взрослыхъ читателей. Его географическій сборникъ слѣдуетъ имѣть въ каждой школѣ и въ каждой образованной семьѣ.

Іоанна д'Аркъ. Историческая хроника Н. М. Дементьевой. М., 1895 г. Объ Іоаннѣ д'Аркъ существуетъ обширная литература, вмѣщающая въ себѣ болѣе 3,500 сочиненій. Но русскіе читатели знаютъ объ Іоаннѣ только по трагедіи Шиллера, да по сочиненію Ламартина. И тотъ, и другой мало даютъ свѣдѣній о настоящей исторической Іоаннѣ. Авторъ далъ въ подробномъ разсказѣ полную біографію Іоанны. При этомъ сообщаются всѣ необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы читатели могли ясно представить себѣ тотъ вѣкъ, въ который жила эта великая героиня, и ту обстановку, въ которой она родилась и жила. Высокое воспитывающее значеніе имѣетъ образъ этой дѣвушки, одаренной необыкновенной любовью къ родинѣ, высокой энергіей, мужествомъ, и словно нечеловѣческой силой воли. Этимъ и объясняется ея могучее вліяніе на толпу, которая фанатически вѣрила въ ея святость.

Такой богатый сюжетъ, какъ біографія Іоанны д'Аркъ, полная захватывающихъ душу эпизодовъ, можно было бы разсказать съ гораздо большею живостью и интересомъ. Впрочемъ, само по себѣ содержаніе этого разсказа увлечетъ читателей и дастъ успѣхъ книгѣ, котораго мы ей желаемъ отъ души. Изданіе роскошно и снабжено прекрасными рисунками. Книга особенно годится для праздничныхъ подарковъ.

Маленькія дѣти. Разсказы, картинки съ натуры, сценки, эскизы и силуэты. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. Съ 40 рис. въ текстѣ. Второе дополненное изданіе М. Клюкина. Спб., 1895 г. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к. Книга предназначена для дѣтей младшаго возраста. Это— задушевныя, простыя бесѣды съ дѣтьми. Написаны онѣ совершенно примѣнительно къ возрасту своихъ читателей. Содержаніе по большей части веселое и забавное: дѣтскія приключенія, проказы кошки, милые анекдоты—вотъ незатѣйливые сюжеты этихъ набросковъ. Въ одномъ слѣдовало бы упрекнуть автора—въ нѣсколько приторномъ тонѣ, въ которомъ онъ снисходительно говоритъ съ дѣтьми о дѣтскихъ шалостяхъ, подчасъ не совсѣмъ „милыхъ“, каковы, наприм., обманъ и лицемѣріе. Напрасно также авторъ слишкомъ часто прибѣгаетъ къ многоточіямъ.

Сказки и разсказы для дѣтей младшаго возраста. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Изд. книжнаго склада Д. И. Тихомирова. Ц. 60 к. М., 1895 г.—Акъ-Бозатъ. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. Изд. Д. И. Тихомирова. Картинки художника А. С. Степанова. Ц. 30 к. М., 1895 г. Г. Маминъ-Сибирякъ—талантливѣйшій изъ русскихъ дѣтскихъ писателей. Счастливая судьба выпала на его долю: онъ пишетъ просто, не бьетъ на эффектъ, а производитъ сильное впечатлѣніе на читателей, вызывая въ нихъ непритворный восторгъ; онъ избѣгаетъ малѣйшихъ покушеній на морализацію, а, между тѣмъ, читая его, становишься какъ-то чище и благороднѣе; онъ пишетъ на самыя разнообразныя темы, никогда не искажая своего сюжета и языка на какой-то особенный ладъ, и всѣ его вещи, написанныя для дѣтей, читаются съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ не только дѣтьми, но и взрослыми людьми.

Разсказъ *Акъ-Бозатъ* взятъ изъ киргизскаго быта и представляетъ собою одновременно и этнографическій очеркъ, и тонкій психологическій анализъ, настроеніе, которое испытываетъ страстный наѣздникъ при потерѣ коня, котораго онъ любитъ больше всего на свѣтѣ, и интереснѣйшій по разнообразію приключеній и сценъ разсказъ, который проникнутъ живымъ юморомъ и читается съ одинаково жаднымъ интересомъ отъ начала до конца.

Содержаніе *Сказокъ и разсказовъ* относится къ самымъ обыденнымъ предметамъ и явленіямъ, а, между тѣмъ, отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ сценъ и разговоровъ: авторъ заставляетъ жить и говорить и стараго воробья, и пѣтуха, и болонку, и мопса, и утку, и зайца, и козла, и голубей, и проч., и проч.,—и все это выходитъ у него такъ интересно и весело, что книга эта, несомнѣнно, быстро пріобрѣтетъ широкую популярность въ мірѣ дѣтей, а авторъ сдѣлается любимымъ ихъ писателемъ.

Рождественская звѣзда. Сборникъ разсказовъ и сказаній для дѣтей старшаго возраста изъ произведеній Виктора Гюго, Франсуа Коппе, Жюля Леметра, Чарльза Диккенса, Андерсена и др. Состав. И. Горбуновъ-Посадовъ. Со многими рисунками. М., 1895 г. Выборъ матеріала для чтенія сдѣланъ здѣсь не совсѣмъ удачно. Онъ слишкомъ односторроненъ. Подбирая нравоучительные сюжеты, составитель сборника отдалъ предпочтеніе разсказамъ съ мистическою подкладкой: юные читатели все время, пока будутъ читать эту книгу, будутъ находиться въ атмосферѣ чудесъ, въ средѣ духовъ, видѣній и тайныхъ голосовъ. Въ каждомъ разсказѣ есть что-нибудь страшное, вызывающее мертвенную блѣдность на лицахъ героевъ, а, можетъ быть, также и самихъ читателей. Какъ на лучшее исключеніе, слѣдуетъ указать на разсказъ Виктора Гюго *Жаворонокъ въ неволѣ*. Нравственно-воспитательная сторона его заключается въ томъ, что онъ привлекаетъ въ юныхъ читателяхъ сочувствіе къ маленькимъ мученикамъ труда и неволи, которыхъ такъ много въ этомъ мірѣ, къ малолѣтнимъ пасынкамъ природы, безроднымъ и безпомощнымъ, на которыхъ взваливаются непосильные труды и которымъ жизнь сулитъ безконечныя обиды, побои, притѣсненія и всякія надругательства.

Произведенія безъименныхъ авторовъ, переведенныя съ англійскаго и итальянскаго, кромѣ, впрочемъ, одного (*Человѣкъ безъ сердца*), не отличаются никакими художественными достоинствами, ни малѣйшею жизненною правдой и проникнуты слишкомъ прозрачною надуманностью и наивнымъ сантиментализмомъ. Въ одномъ изъ такихъ разсказовъ

(*Сорванецъ*) изображается мальчикъ, по поведенію большой шалопай и бездѣльникъ, который совершенно неожиданно для читателей дѣлается великимъ героемъ, проявившимъ необычайную самоотверженность: цѣною собственной жизни онъ спасаетъ свою бабушку отъ руки убійцъ, заслонивъ ее отъ грабителей собственнымъ тѣломъ. Подставивъ свою шею подъ топоръ разбойника, онъ умираетъ съ какимъ-то нечеловѣческимъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа. Эффектная картина его смерти заканчивается не менѣе эффектно просьбой мальчика—исполнить только одно: не забывать его.

Въ другомъ разсказѣ (*Эдита и воръ*) изображается идеальная дѣвочка: Эдита не любила играть, а любила читать. Она прочла гдѣ-то, что существуютъ какіе-то „воры со взломомъ“. Только что она поговорила съ отцомъ объ этомъ вопросѣ, какъ словно нарочно, въ видѣ нагляднаго пособія, появляется въ домѣ грабитель. Эдита не потеряла присутствія духа, показала вору сама, гдѣ спрятано серебро, а воръ, тронутый такимъ любезнымъ гостепріимствомъ, вскорѣ вернулъ дѣвочкѣ украденныя вещи, да еще прислалъ цѣнный подарочекъ, то же изъ украденныхъ вещей, только уже въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему не устраивали овацій. Что можетъ быть назидательнѣе морали: суй вору въ руки все, что у тебя есть, если хочешь, чтобъ онъ вернулъ твое добро съ лихвой?

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Еще о лубочной литературѣ.—Матеріалы для ея характеристики.

Изданія **Губанова, Холмушина, Кузина, Бриллiантова, Абрамова и др.—„Бога бойтеся, царя чтите. Изд. Морозова.—Благочестивый пахарь. Соч. Ф. Домбровскаго. Изд. Кузина.—Путешествіе на луну купца Труболетова. Соч. Жуля Невѣрнаго. Изд. Кузина.—Таинственный монахъ. Изд. Абрамова и др.** Наша характеристика современной лубочной литературы для народа была бы далеко не полна, если бы мы умолчали о нѣкоторыхъ общераспространенныхъ качествахъ тѣхъ книжекъ, которыя издаетъ плеяда лубочниковъ, дѣйствующихъ большею частью въ Москвѣ. Кстати сказать, въ плеядѣ этой насчитывается теперь 13 человѣкъ,—роковое и не совсѣмъ пріятное число для книжниковъ, поставляющихъ на книжный рынокъ матушки Руси самыя дрянныя и несуразныя книжки. Впрочемъ, изъ этой плеяды слѣдуетъ почти исключить фирму И. Сытинъ и К°, которая къ лубочникамъ примыкаетъ въ настоящее время, такъ сказать, однимъ бокомъ,—именно изданіемъ сонниковъ, оракуловъ, календарей и коекакихъ „съ ногъ сшибательныхъ“ книжекъ. Имена другихъ 12 лубочниковъ нижеслѣдующія. Мы располагаемъ ихъ въ той послѣдовательности, какая указывается размѣрами издаваемыхъ книгъ. И. Сытинъ (въ 1893 г., по свѣдѣніямъ *Ежегодника* московскаго комитета грамотности, издалъ 116 названій въ 1.236,700 экз.), Е. Губановъ (86 назв., 729,000 экз.), Е. Абрамова (44 назв., 522,600 экз.), И. Морозовъ (58 назв. 423,600 экз.), А. Холмушинъ (50 назв., 386,500 экз.), Г Бриллiантовъ (24 назв., 333,000 экз.), Т. Кузинъ (24 назв., 172,000 экз.), С. Живаревъ (9 назв., 66,000 экз.), Т. Губановъ (въ Кiевѣ) (8 назв., 35,000 экз.), Барковъ (2 назв., 24,000 экз.), П. Каменевъ (5 назв., 20,000 экз.). Изъ этого видно, что лубочная дрянь льется въ народную среду тринадцатью потоками; видно и то, каковы относи-

тельные размѣры этихъ потоковъ. Весьма характерно, что очень многочисленныя книжки, изданныя господами лубочниками, имѣютъ громадную наклонность къ морализированію; онѣ, вообще говоря, очень тенденціозны, но, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, тенденціозны посвоему, тою тенденціей, которая не только не возбраняется, но даже и поощряется. Это послѣднее обстоятельство довольно наглядно видно изъ нашего отчета о той книжкѣ, которая обвиняла *Родное Слово* Ушинскаго ни болѣе, ни менѣе, какъ въ событіи 1 марта 1881 г. *). Но народныя книжки богаты не только тенденціями, такъ сказать, политическими, а еще въ большей степени тенденціями моральными. Мораль эта иногда очень своеобразна. Очень многія морализирующія книжки направлены противъ пьянства. Но есть и такія, которые рекомендуютъ своимъ читателямъ открытіе кабака или трактирнаго заведенія, возводя такого рода „занятіе" въ гражданскій идеалъ. Такова, напримѣръ, книжка, изд. Морозовымъ, *Бога бойтеся, царя почитайте*. Заглавіе это, прежде всего, совершенно не соотвѣтствуетъ содержанію, въ которомъ ни слова не говорится ни о царѣ, ни о Богѣ, а разсказывается вотъ о чемъ. Нѣкій благочестивѣйшій христіанинъ, которому его христіанство не мѣшаетъ быть храбрѣйшимъ солдатомъ и рѣзать и колоть кого прикажутъ, храбро воюетъ, а затѣмъ возвращается послѣ службы въ свою деревню. Разумѣется, добродѣтели этого христіанина должны быть вознаграждены свыше. Разумѣется, это и случается (если бы не случилось, то былъ бы подрывъ „основамъ"). За какіе-то военные подвиги христіанину назначена была пенсія. Эту пенсію онъ пускаетъ въ оборотъ на благо своихъ ближнихъ—односельчанъ, иначе говоря, открываетъ трактирное заведеніе. Вотъ тутъ-то и благословляетъ его Богъ. Число его посѣтителей стало увеличиваться. Обрадовавшись этому, добродѣтельный герой сталъ еще добродѣтельнѣе. Отъ этого посѣтителей стало еще больше. А отъ этого онъ сдѣлался еще болѣе добродѣтельнымъ. А отъ этого... число посѣтителей еще болѣе возросло. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріумножились и финансы героя. Въ концѣ-концовъ посѣтила его высшая милость: онъ переѣхалъ въ городъ и сдѣлался городскимъ трактирщикомъ. Предоставляемъ судить самому читателю объ отношеніи такого рода содержанія къ морали, выраженной въ заглавіи книжки. Еще курьезнѣе мораль, заключающаяся въ книжкѣ, изданной Кузинымъ (въ Спб.). Эта книжка носитъ трогательное названіе *Благочестиваго пахаря* и представляетъ изъ себя передѣлку какого-то стариннаго писанія, вѣроятно, съ польскаго языка, и, къ тому же, писанія, предназначеннаго ни больше, ни меньше, какъ только для крѣпостныхъ крестьянъ. Передѣлка совершена петербургскимъ борзописцемъ Ф. Домбровскимъ. Составитель желаетъ показать „образецъ жизни простого крестьянина". Дѣйствіе происходитъ „нѣсколько столѣтій тому назадъ", „когда идолопоклонство еще не было вполнѣ искоренено", на югѣ Россіи, недалеко отъ губернскаго города. Герой—благочестивый пахарь, главное качество котораго—полнѣйшее отсутствіе чувства личнаго достоинства, полнѣйшее самоотреченіе отъ всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ ради помѣщика. Но помѣщикъ этотъ тоже удивительно благочестивый. И вотъ, пахарь „Исидоръ" и помѣщикъ наперерывъ стали состязаться въ добродѣтеляхъ. Исидоръ, слѣдуя завѣту отца, „шелъ служить, а не разсуждать, чѣмъ мнѣ быть; стараться исполнить то, что мнѣ прикажутъ, а что мой трудъ будетъ стоить, это можетъ

*) См. *Русская Мысль* 1894 г., кн. XI.

оцѣнить только тотъ господинъ, которому я буду служить". У помѣщика было земли такъ много, что своихъ крѣпостныхъ ему не хватало, и онъ нуждался въ работникахъ. У Исидора, какъ водится, земли не было, а изъ скота была лишь одна коза, но коза еще болѣе удивительная, чѣмъ самъ пахарь и помѣщикъ: коза эта давала „почти столько же молока, сколько даютъ наши двѣ коровы". Эта-то коза и питала „Исидора", а самъ благочестивый пахарь только то и дѣлалъ, что подражалъ Сидоровой козѣ. Помѣщикъ, желая испытать Исидора въ добродѣтели, далъ приказъ своимъ урядникамъ обременять его трудомъ потяжелѣе, да еще и слѣдить за нимъ. Урядники исполняли свое дѣло ретиво: „тыкали Исидора пальцами (sic) и „бранили"; тотъ терпѣлъ. Другіе рабочіе предлагали Исидору устроить стачку. Тотъ отвѣчалъ: „Чтобы быть вѣрнымъ Богу и людямъ, нужно терпѣть; что касается платы, то я предпочитаю получить ее на небѣ, чѣмъ на землѣ". Помѣщикъ смотрѣлъ на вещи все же противуположными глазами и предпочиталъ для себя землю. А Исидоръ молился за помѣщика, что тотъ его „принялъ подъ свой кровъ и *незаслуженно* (sis) кормитъ и поитъ" его (стр. 31), и уговаривалъ своихъ товарищей „зарабатывать хлѣбъ какъ для себя, такъ и для другихъ". Задумалъ Исидоръ жениться, но и жену выбралъ подъ стать себѣ. Когда онъ спросилъ свою нареченную, желаетъ ли она выйти за него замужъ, та отвѣчала: „Если эта мысль твоя (о женитьбѣ) исходитъ изъ чистаго сердца, что она найдетъ сочувствіе и у нашихъ хозяевъ, а если внушена нечистью, то и хозяева не согласятся. Мы оба живемъ въ услуженіи и не можемъ располагать собственною волей" (стр. 37). И вообще, когла Господь объявлялъ Исидору „свою волю устами его хозяевъ, то Исидоръ не смѣлъ противиться этому" (стр. 40). И за это Господь совершилъ чудо, „пришелъ на помощь своему вѣрному слугѣ за его послушаніе и убилъ наповалъ волка, осмѣлившагося напасть на исидоровыхъ воловъ" (стр. 52). Отъ благочестія Исидорова расплодилась даже разная дичь въ помѣщичьемъ лѣсу (стр. 84—85). Наконецъ - таки помѣщикъ отъ добродѣтели Исидоровой совсѣмъ умиляется и читаетъ такую мораль: „Для чего намъ данъ разумъ и та научная тля, которой мы пичкаемъ себя, когда она не можетъ ни удовлетворить насъ, ни успокоить? Вотъ вамъ простой крестьянинъ, безъ всякихъ научныхъ познаній, а онъ больше знаетъ и умѣетъ, чѣмъ всѣ философы, взятые вмѣстѣ, которые лишены вѣры во все святое (sic). Исидоръ не работникъ, а учитель, отъ котораго я узналъ много истинъ" (стр. 64). И не только узналъ истинъ, но и попользовался инымъ способомъ. Изъ предъидущаго читатель видитъ, что эта книжка очень характерна, и, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ за насъ за то, что мы знакомимъ его съ нею такъ подробно. Она показываетъ, что еще теперь, 35 лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, составляются и пускаются въ обращеніе такія книжки для народа, которыя предназначались для крѣпостныхъ. Нельзя не пожалѣть, что заглавіе книжки не соотвѣтствуетъ ея содержанію. Нужно было назвать ее не *Благочестивымъ пахаремъ,* а *Сидоровой козой*, дающей молока больше, чѣмъ двѣ коровы. Но довольно о морали. Въ лубочной литературѣ встрѣчаются книжки, проповѣдующія, что и убійство, и особенно убійство злодѣя, часто бываетъ дѣломъ хорошимъ, что страсть выпить—врожденная человѣческая добродѣтель, что если въ извѣстной библейской исторіи объ Іосифѣ Прекрасномъ кто и нравствененъ, такъ ужъ не Іосифъ, а жена Пентефрія, а что нѣмцы, поляки, евреи и всякія другія національности—

живутъ на земномъ шарѣ лишь по какой-то непростительной ошибкѣ божества, и проч., и проч. Все вышеизложенное достаточно характеризуетъ уже, какого сорта идейное божество вносится въ народную среду тѣми милліонами книгъ, которыя распространяются ежегодно. Но для полноты характеристики слѣдуетъ еще обратить вниманіе на книжки „смѣхотворныя". Среди читателей, къ какому бы кругу они ни принадлежали, есть постоянный запросъ на такого рода книжки. Анекдоты о Балакиревѣ, о пошехонцахъ и т. п. въ громадномъ ходу и понынѣ. Но встрѣчаются въ лубочной литературѣ еще книжки особаго рода, предназначеніе которыхъ—смѣшить во что бы то ни стало помощью особыхъ вывертовъ, выработанныхъ по мѣстному шаблону. Тутъ уже дѣло идетъ не объ остроуміи, не объ „аттической соли"—бацъ-бацъ по мордѣ—смѣшно. „Щипанулъ ее въ энто мѣсто!"—смѣшно. Кузнецъ, по разсѣянности, вмѣсто того, чтобы всунуть въ огонь желѣзо, всунулъ туда собственную руку—смѣшно. Карлъ Иванычъ отказывается отъ предложенной рюмки по тремъ причинамъ: „во-первыхъ, я не пью!—разъ. Во-вторыхъ, еще очень рано—два. Въ-третьихъ, потому, что я ужь выпилъ",—смѣшно. Мужикъ сравниваетъ луну съ блиномъ, который обмазанъ сметаной,—и тоже смѣшно. Въ одной книжкѣ, гдѣ описаны „приключенія господина Пузанчикова", разсказывается, между прочимъ, какъ у одной кухарки былъ „кумъ" пожарный, какъ однажды онъ забрался къ своей Дульцинеѣ рано утромъ и сталъ съ нею пить чай на балконѣ, какъ лавочникъ, увидѣвъ на балконѣ пожарнаго, подумалъ, что горитъ, и поднялъ такую тревогу, что тотчасъ пріѣхала цѣлая команда пожарныхъ заливать пожаръ двухъ пылкихъ сердецъ. Въ томъ же родѣ *Путешествіе на луну купца Труболетова*, сочиненіе Жуля Невѣрнаго, переведенное съ французскаго языка на нижегородскій К. Голохвастовымъ (изд. Кузина). Здѣсь разсказано, какъ купецъ Труболетовъ, изъ породы „знай нашихъ", покупаетъ древнія рѣдкія статуи и, чтобъ онѣ не стояли нагишомъ, велитъ всѣхъ ихъ раскрасить. Картинку Рембранда даетъ въ реставрацію къ маляру Никитѣ. Этимъ „варварствомъ" возмущается благородный помѣщикъ и даетъ Труболетову по мордѣ и вступаетъ съ нимъ въ драку. Въ книжкѣ описанъ рядъ дебоширствъ Труболетова и его путешествіе на луну, какъ водится, во время сна. Въ концѣ-концовъ, Труболетовъ *кается*. Таковы лубочныя книги для смѣха. Самая же многочисленная категорія лубочныхъ книгъ принадлежитъ къ „съ ногъ сшибательнымъ романамъ" въ нижегородско-французскомъ вкусѣ, съ невозможными сюжетами, небывалыми приключеніями, удивительнѣйшими совпаденіями и невѣроятностями самаго кроваваго свойства, производящими на культурнаго читателя такое впечатлѣніе, словно по тонкой струнѣ ударяютъ громаднымъ кузнечнымъ молотомъ. Ужь если герой, такъ герой, а если злодѣй, такъ злодѣй, если ужь дѣва, такъ дѣва, и т. д. Таковы, напримѣръ, книжки *Невольница или три недѣли въ гаремѣ*, *Невѣста-убійца или отъ вѣнца въ кандалы*, *Лѣсной бродяга*, *Покойница или привидѣніе на кладбищѣ* и т. п. Суздальскія краски, чудовищные образы, предназначенные для „желѣзныхъ нервовъ и деревянныхъ душъ",—вотъ характерныя черты цѣлой массы народныхъ книжекъ. Наконецъ, есть еще одна черта, общая очень многимъ книжкамъ, это—бездарнѣйшее изложеніе и безграмотность, сплошь и рядомъ поразительныя по своей безсмысленности. Для примѣра выписываемъ одно мѣстечко изъ книжки, изд. Абрамовымъ и представляющей „передѣлку" извѣстнаго романа Р. Зотова *Таинственный монахъ*. Сохраняемъ орѳографію подлинника.

„Началъ царь (Петръ I) продолжать войну съ турками, оконченную ся неудачно. Главной помогой были инженеры и строители. Петръ предпринялъ путешествіе въ чужіе края. Уничтожилъ самовластіе, улучшилъ законы, и пріятнѣе пошла общественная жизнь (sic). Какъ теперь, хотя и значительно рѣже, существовали и существуютъ злонамѣренные люди, какъ ничтожные паразиты, единственно изъ своихъ выгодъ, презирая общую пользу, и пользуясь грубымъ количествомъ массъ (sic)". (точка).

Изъ всего предъидущаго видно, что лубочная литература и до сего времени сохраняетъ на себѣ тѣ же существенные признаки, которыми отличалась и 25 лѣтъ тому назадъ; что она и понынѣ существуетъ во всей своей непривлекательности и что она вноситъ въ народную среду идеи и представленія далеко не невиннаго свойства. Не игнорировать нужно народную литературу, а энергично бороться съ нею. Правда, попадаются среди лубочныхъ книжекъ изрѣдка относительно порядочныя по содержанію книжки (напримѣръ, Кукеля—*Чужое добро въ прокъ нейдетъ*, Коренева—*Жестокая судьба*), но это явленія рѣдкія и одиночныя. Они не измѣняютъ общаго впечатлѣнія.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Отчетъ Императорской публичной библіотеки". — „Французско-русскій словарь". *И. Бастена.* — „Карманный словарь иностранныхъ словъ". *Н. Я. Гавкина.*

Отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1892 г. Спб., 1895 г. Помимо обычнаго содержанія отчетовъ о личномъ составѣ, хозяйственной части, денежной отчетности, количествѣ посѣтителей и выданныхъ книгъ, въ этомъ изданіи помѣщено значительное количество писемъ митрополита Филарета, Хемницера, Карамзина, Одоевскаго, Булгарина (письма послѣднихъ интересны, какъ характеристики цензуры и отношенія писателей тогдашняго времени), Н. Ф. Павлова и Гоголя. Кромѣ того, перечислены полученныя въ распоряженіе библіотеки коллекціи бумагъ И. С. Аксакова, Г. Р. Державина (богатое собраніе, заключающее сочиненія его, переписку и матеріалы для біографіи), собраніе произведеній К. Н. Батюшкова и матеріалы для біографіи; бумаги изъ министерства народнаго просвѣщенія, относящіяся до цензуры; бумаги Шевырева и переписка его; письма и бумаги, оставшіяся послѣ П. Н. Батюшкова (бывшаго попечителя виленскаго учебнаго округа), проливающія свѣтъ на положеніе учебнаго дѣла въ Сѣверозападномъ краѣ, и многія другія интересныя по содержанію рукописи и бумаги.

Французско-русскій словарь И. Бастена. Dictionnaire Français-Russe étimologuique et comparé, par J. Bastin. Спб. Изданіе книжнаго магазина Н. Фену и К°. 1895 г. Цѣна 3 р. На обложкѣ этой книги напечатано крупнымъ шрифтомъ: „Ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія одобренъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ". Мы постоянно слышимъ жалобы на неудовлетворительность имѣющихся у насъ въ обращеніи французско-русскихъ словарей и считаемъ эти жалобы довольно основательными. По нашему мнѣнію, лучшій изъ нихъ *Словарь* Н. П. Макарова оказывается далеко не полнымъ. Лежащій передъ нами новый *Словарь* г. Бастена никоимъ образомъ не можетъ замѣнить собою ни *Словаря* Макарова и никакого другого изъ нынѣ существующихъ: онъ усту-

паетъ имъ всѣмъ въ смыслѣ полноты и для переводовъ имъ совсѣмъ нельзя пользоваться. Для какого собственно „употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“ онъ одобренъ ученымъ комитетомъ министерства—мы рѣшать не беремся. Весьма возможно, что преподаватели французскаго языка найдутъ въ немъ что-либо пригодное для объясненія происхожденія французскихъ словъ, въ него вошедшихъ. Но мы считаемъ этотъ словарь совершенно ненужнымъ ученикамъ какихъ бы то ни было заведеній; мы полагаемъ, что учащимся французскому языку онъ не принесетъ никакой пользы, а сбить ихъ съ толку легко можетъ. О полнотѣ словаря г. Бастена можно судить по тому, что на буквы *Ba* въ немъ помѣщено 83 слова, тогда какъ у Макарова на *Ba* мы насчитали около 750 словъ. Этимологическихъ объясненій г. Бастена мы касаться не будемъ, а ограничимся приведеніемъ примѣровъ того, какъ составитель словаря переводитъ французскія выраженія на русскій языкъ: „*Acompte* — зачетныя деньги“; „*S'acoquiner*—вдаваться, привязываться“, не объяснено, что это обозначаетъ также: связываться съ недостойными людьми, вступать въ унизительныя связи. При словѣ *acquiter* пропущено его значеніе „оправдать“. „*Acrostiche*—акростихъ, краестишіе“; „*Adepte*—адептъ, алхимикъ“; „*Bibliomane*—страстный любитель книгъ“; „*bibliophile*—любитель книгъ“; „*bigame*—двубрачный, на двухъ женатый, за двумя замужняя“,—вмѣсто: двоеженецъ, двумужница. „*Figaro*—фигаро, посредникъ въ дѣлахъ, сводникъ, брадобрей, цирульникъ“. „*Knout*—кнутъ, наказаніе плетью“... „*Kremlin*—внутренняя (?) крѣпость, palais des impereur à Moscou“... Въ словарѣ г. Бастена встрѣчаются опечатки такого рода: „bien *du* mal famé“,—превращающія все выраженіе въ безсмыслицу. На стр. XXV *Introduction*, въ объясненіи различія между выраженіями „народными“ и выраженіями „учеными“ („les mots populaires et les mots savants“), поставлены, какъ имѣющія одно значеніе: лат.—*Débitum*, народн.—*Dette* и учен.—*Débit*. Въ самомъ же *Словарѣ* (на стр. 124 и 147) мы находимъ, что слова *débit* и *dette* имѣютъ и значеніе совершенно различное, хотя корень у нихъ и одинъ. Какъ бы ни было, для публики и переводчиковъ, нуждающихся въ словарѣ, книга г. Бастена не можетъ замѣнить *Словаря* Макарова.

Карманный словарь иностранныхъ словъ. Составилъ Н. Я. Гавкинъ. (Коллекція карманныхъ словарей подъ редакціей Э. Гокинса). Изданіе 4-е. Изданіе книгопродавца-издателя Ф. Л. Іогансона. Кіевъ. Цѣна 50 коп. Въ предисловіи составитель говоритъ, что „въ третьемъ изданіи (этого словаря) не было, пожалуй, ни одного слова, которое можно было бы оставить безъ измѣненія“, при выпускѣ книги четвертымъ изданіемъ. Хороши, должно быть, *Словари* г. Іогансона въ трехъ первыхъ изданіяхъ, и какъ должна быть благодарна публика книгопродавцу-издателю за выпущенное имъ въ трехъ послѣдовательныхъ изданіяхъ сплошное вранье, по признанію его собственныхъ „составителей“ словарей. Не имѣя въ рукахъ третьяго изданія, мы не можемъ сказать, насколько правъ г. Гавкинъ, произнесшій столь суровый судъ надъ прежнихъ составителемъ, г. За—скимъ, но смѣемъ завѣрить, что трудъ самого г. Гавкина, редактированный г. Гокинсомъ, представляетъ собою книжку, въ которой немногое можно „оставить безъ измѣненія“. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ съ одной странички, 41-й: „*Арфа*—одинъ изъ древнихъ музыкальныхъ инструментовъ, имѣющій видъ треугольника съ натянутыми струнами“. *Арфистъ-стка* - играющій-щая на арфѣ“.

„*Арфянка* — странствующая арфистка“. „*Архалукъ* — свободный костюмъ, застегиваемый крючками“. „*Арханиелъ* — начальствующій ангелъ“. „*Архи*— частица для приданія слову высшаго значенія“. „*Архиваріусъ*—чиновникъ при учрежденіяхъ, завѣдующій архивомъ“. А какъ же „высшее-то значеніе?“ „*Архидіаконъ*—старшій между діаконами“. „*Архимандритъ*—настоятель монастыря“. „*Архипастырь* греч.— наименованіе высшихъ духовныхъ лицъ“. *Архипелагъ*—названіе восточной части Средиземнаго моря...“ Едва ли нужно объяснять и доказывать, что это сущій вздоръ, что „пастырь“ не греческое слово и не можетъ сдѣлаться греческимъ отъ приставки къ нему *архи*, что *архимандритъ* можетъ не быть начальникомъ монастыря, а начальникъ монастыря сплошь и рядомъ не имѣетъ „сана“ архимандрита, что *архи* не всегда придаетъ слову высшее значеніе, примѣры: архивъ, архитекторъ... Въ „Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ“, а не въ академическомъ или энциклопедическомъ, ни на что не нужно объясненіе такихъ словъ, которыя изстари вошли въ нашъ языкъ и всѣмъ понятны безъ смѣхотворныхъ объясненій гг. Гавкина, Гокинса и Іогансона. А такихъ словъ въ лежащей передъ нами книжкѣ тьматьмущая,—примѣры: адъ, амбаръ, арбузъ, арестантъ, армякъ, артель, аршинъ, атаманъ, базаръ, барка, бархатъ, барышъ, башмакъ, безменъ, зипунъ, кабакъ, крендель, офицеръ, солдатъ“ и пр., и пр. Вотъ нѣсколько образцовъ потѣшныхъ курьезовъ: „*Актеонъ* — имя охотника, подсмотрѣвшаго Діану, когда она купалась съ нимфами, и превращеннаго ею въ оленя; отсюда: *рогатый мужъ*“. Это откуда же? „*Альфонсъ* др.-герм.—нарицательное имя мужчины, живущаго на счетъ женщины“. Вотъ такъ „древне-германское“ словечко!—„*Буль* фран.— мебель съ инкрустаціей изъ черепахи“. „*Вальсъ* фр.—танецъ, въ которомъ пара танцующихъ кружится вокругъ себя самой“.

Книжка стоитъ дешево, всего 50 к... Но кому же нужна такая галиматья, хотя бы она и даромъ раздавалась?

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Обозрѣніе“, *октябрь*.—„Русскій Вѣстникъ“, *октябрь*.—„Вѣстникъ Европы“, *октябрь*.—„Русское Богатство“, *сентябрь*.—„Міръ Божій“, *сентябрь и октябрь*.

Въ Западной Европѣ, при расчлененіи общества на классы, болѣе или менѣе рѣзко разграниченные и почти всегда экономически враждебные, при классовомъ управленіи, почти до послѣдняго времени, можно сказать, былъ невозможенъ тотъ роковой вопросъ, надъ которымъ въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ такъ страстно мучается и такъ порывисто работаетъ русская интеллигенція,—вопросъ о томъ, что̀ дѣлать. Только въ послѣднюю четверть столѣтія, когда европейская интеллигенція, да и все европейское общество болѣе или менѣе ясно начинаютъ сознавать всю непригодность для дальнѣйшаго развитія общества чисто-классоваго строя, этотъ вопросъ становится роковымъ и тамъ. И тамъ интеллигенція начинаетъ становиться безсословной или, вѣрнѣе сказать, неклассовой и пытается засыпать страшную пропасть, исторически образовавшуюся между отдѣльными, враждебными другъ другу общественными классами. Этими общественно-психологическими мотивами объясняются такія яркія и высоко-альтруистическія явленія европейской жизни, какъ, напримѣръ, распространеніе университетскаго образованія, университетскія поселенія, народны

дворцы и т. п. У насъ дѣло обстояло и обстоитъ совершенно иначе. Съ самаго момента освобожденія крестьянъ, со времени созданія новой Россіи, т.-е. съ того момента, къ которому только и возможно пріурочивать появленіе у насъ сколько-нибудь обособленной и самостоятельной интеллигенціи,—вопросъ о томъ, что̀ дѣлать, не сходитъ съ очереди. Понятно, что съ особою силой и настоятельностью онъ навязывается уму и чувству интеллигенціи въ такіе моменты ея краткаго, но полнаго разнообразными, часто трагическими событіями, существованія, когда у ней пробуждалась,—увы, какъ не надолго пробуждалась!—надежда на возможность если не дѣйствовать, то, по крайней мѣрѣ, думать и говорить. При кратковременности и немногочисленности такихъ моментовъ въ жизни нашей интеллигенціи не удивительно, что вопросъ о томъ, что дѣлать, такъ и остался вопросомъ. Не удивительно и то, что предлагаемыя рѣшенія его отличались иногда непродуманностью, иногда нѣкоторою неопредѣленностью и легковѣсностью и очень часто неумѣстною рѣзкостью. Все это совершенно понятно, какъ понятно и то, что отвѣты на вопросъ каждымъ поколѣніемъ по большей части повторяются одни и тѣ же, несмотря на неудачи опытовъ прежнихъ поколѣній: для правильнаго и сколько-нибудь цѣлесообразнаго рѣшенія всякаго крупнаго общественнаго вопроса, прежде всего, необходимы послѣдовательность жизненныхъ явленій традиція. Поэтому не будемъ удивляться, если въ тѣхъ отвѣтахъ на роковой вопросъ о дѣланіи, на которые мы попытаемся указать на основаніи разныхъ статей лежащихъ передъ нами книгъ журналовъ, мы встрѣтимъ все старые, престарые мотивы.

Есть, однако, кое-что и новенькое—и, прежде всего, то, что этотъ старый вопросъ съ особою силой и настоятельностью выступаетъ именно теперь, именно въ настоящую минуту. Онъ не сходилъ со сцены и раньше, но несомнѣнно, однако, что нѣкоторый перерывъ въ попыткахъ его рѣшенія былъ несомнѣнно, что интеллигенція на минуту, конечно, историческую минуту, охватившую жизнь нѣсколькихъ почти безслѣдно погибшихъ для общественнаго развитія поколѣній, какъ будто уставала искать и мучиться и уходила „подъ кущу“. Мы не беремся отвѣтить, значитъ ли это, что въ интеллигенціи снова возбуждается вышеупомянутая надежда на возможность думанія и обсужденія. Но, кажется, что-то вродѣ этого есть. Окажется ли такая надежда сколько-нибудь основательной и прочной,—это уже совсѣмъ другой вопросъ.

Потомъ новизна въ томъ, что въ постановкѣ вопроса о „дѣланіи“ приняли участіе и наши консерваторы-самобытники. Совершенно понятно, что раньше они не принимали и не хотѣли принимать никакого участія въ рѣшеніи этого вопроса. Что такое всегда была для нихъ интеллигенція? Нѣчто имъ совершенно чуждое, постороннее. Да и самихъ-то ихъ причислить къ интеллигенціи можно было развѣ только по недоразумѣнію. Эти отрицатели, эти истые нигилисты русской дѣйствительности имѣли свои вопросы и изъ-за нихъ гдѣ имъ было разсмотрѣть такую мелочь, какъ нравственныя и умственныя мученія интеллигенціи?... Отрицателями они, конечно, остаются и теперь. Иначе они должны бы были отказаться отъ самаго права на существованіе. Но важно то, что они волей или неволей должны были заняться вопросомъ. Значитъ, онъ ужь черезъ-чуръ настоятеленъ.

Г. Тихомировъ (*Что дѣлать нашей интеллигенціи. Русск. Обозр.*) и задается этимъ вопросомъ. Всѣ знакомые съ произведеніями г. Ти-

хомирова могутъ предвидѣть, какимъ образомъ онъ рѣшитъ его. Этотъ столпъ нашихъ самобытниковъ не только отрицатель, но и софистъ. Вообще наши самобытники въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ это нужно, притягиваютъ разныя, болѣе или менѣе рискованныя теоріи, заимствованныя изъ европейской науки и европейской партійной борьбы, къ защитѣ своихъ утвержденій. Такъ, мы когда-то указывали, что г. Розановъ опирался на гипотезу такъ называемаго экономическаго матеріализма, доказывая неразрывность и причинную связь общинныхъ устоевъ русской жизни и православія. Такой самобытникъ, какъ г. Тихомировъ, забывая на время все, что онъ говорилъ объ особенностяхъ русской жизни, — особенностяхъ, которыя не могутъ не заключаться, между прочимъ, и въ отсутствіи классоваго строя и классовой борьбы, — признаетъ интеллигенцію классомъ и на этомъ строитъ всѣ свои разсужденія. Совершенно понятно, что тутъ все дѣло въ намѣренно-неправильномъ примѣненіи терминовъ. Какой, въ самомъ дѣлѣ, классъ составляетъ наша интеллигенція? Буржуазію, аристократію, демосъ, пролетаріатъ, четвертое или даже пятое сословіе? Только отвѣтивъ на такой вопросъ, можно бы было говорить о классовомъ сознаніи нашей интеллигенціи въ отличіе отъ національнаго. Но дѣло въ томъ, что отвѣтъ невозможенъ, потому что наша интеллигенція, какъ, впрочемъ, и европейская въ настоящее время, стоитъ внѣ классовъ. Она—явленіе не классового строя, а національнаго сознанія. Понятно, что и совѣтъ г. Тихомирова „не заботиться о пересозданіи Россіи, а о совершенствованіи того, что въ ней есть“, въ самомъ лучшемъ случаѣ представляется только ломаньемъ открытыхъ дверей. „Сохраненіе національнаго типа“, „сознательное усвоеніе національнаго пониманія жизни и участіе въ національной работѣ“, собственно говоря, вѣдь, все это просто недѣланіе, т.-е. отрицательное отношеніе къ поставленному вопросу. Иного пониманія жизни, иного типа, иной работы, кромѣ національныхъ, интеллигенція и имѣть не можетъ, даже еслибъ она хотѣла. Все дѣло въ томъ, что она, и только она, истинно національна—и именно потому, что она не представляетъ класса. Сознаніе интеллигенціи можетъ быть только національнымъ, потому что сама она есть продуктъ — и, притомъ, единственный чистый и безпримѣсный продуктъ—національнаго сознанія. Сознаніе, напримѣръ, земледѣльческаго крестьянства, его стремленія—общепризнанное стремленіе къ землѣ и менѣе признаваемое, но не менѣе дѣйствительное и не менѣе живое стремленіе къ „волѣ“, т.-е. къ правильному, заключенному въ законныя рамки самоуправленію—суть сознаніе и стремленія классовыя, хотя они и совпадаютъ съ національными, такъ какъ этотъ классъ (крестьянство) представляетъ самый большой и наиболѣе жизнеспособный классъ населенія. Съ другой стороны, интеллигенція, не составляя сама класса, можетъ, однако, служить классовымъ интересамъ. У насъ она, къ счастью, за исключеніемъ незначительнаго, въ сущности, количества самобытниковъ, не служитъ таковымъ, а служитъ націи. Но сама она, все-таки, никакихъ классовыхъ интересовъ, а, стало быть, и классоваго сознанія, не имѣетъ.

Гдѣ тутъ зарыта собака, какъ говорятъ нѣмцы, вполнѣ уясняется отношеніемъ г. Тихомирова къ вопросу о расколѣ въ нашей интеллигенціи по поводу того: быть или не быть у насъ капитализму. Говоря о помѣщенной въ нашемъ журналѣ статьѣ г. Оболенскаго, г. Тихомировъ замѣчаетъ, что „Россія въ своемъ типѣ такова, какъ этого тре-

буютъ условія ея развитія (какъ будто кто въ этомъ сомнѣвается!) Она измѣнится, если почувствуетъ въ этомъ дѣйствительную необходимость (что это: лазейка, оставляемая авторомъ для выхода, или уступка? Для самобытника типа г. Тихомирова она измѣниться не можетъ, не должна), и, притомъ, измѣнится не ихъ усиліями", не усиліями интеллигентовъ. Очевидно, что поставленный вопросъ сводится на нѣтъ; интеллигенція осуждена на недѣланіе. Мало того: само существованіе, т.-е. право ея на существованіе, отрицается. Признавая всяческія формы воздѣйствія, — воздѣйствія классовыя, воздѣйствія власти и т. д., авторъ отрицаетъ одно только воздѣйствіе на жизнь, воздѣйствіе сознанія, т.-е. интеллигенціи. Понятно, что при этомъ расколъ въ интеллигенціи по вопросу о капитализмѣ—вопросъ пустой. Все сдѣлается само собой или такъ, какъ будетъ угодно власти, или, еще лучше, какъ будетъ удобно для гг. самобытниковъ... Но причемъ же тутъ, однако, національное сознаніе? Вопросъ о томъ, быть или не быть капитализму, очевидно, для г. Тихомирова вопросъ не національный. Конечно, это очень удобно для капиталистовъ, промышленниковъ; но наврядъ ли это особенно удобно для самаго большого класса націи, для крестьянства. Повторяемъ, совершенно ясно, гдѣ тутъ собака зарыта.

Что же, однако, дѣлать интеллигенціи, по мнѣнію г. Тихомирова? „Мы, живя, работая,—говоритъ онъ,—сами видимъ, что намъ лучше и удобнѣе, и сообразно съ этимъ каждый видоизмѣняетъ свои способы дѣйствія"... Довольно откровенное признаніе, много объясняющее и приготовляющее насъ къ новымъ страннымъ признаніямъ. Г. Тихомировъ намѣренъ поступать, какъ ему будетъ удобно. Такъ и запишемъ.

Г. Тихомировъ утверждаетъ, что интеллигенція не думаетъ о національномъ дѣлѣ и не принимаетъ въ немъ участія. „Какое ей дѣло до того, что несогласованность отношеній нѣмецкихъ колонистовъ съ крестьянствомъ порождаетъ язвы разложенія? Какое ей дѣло до того, что враждебность вѣрованій вноситъ раздоры и мѣшаетъ устроенію?"— говоритъ онъ. На самомъ дѣлѣ эти вопросы очень и очень занимаютъ интеллигенцію, но... Почему взгляды самобытниковъ на эторъ вопросъ національны, а вгляды интеллигенціи не національны? Почему мнѣнія тѣхъ тобольскихъ крестьянъ, которые убили *нѣмца*, или рабочихъ Смоленской губ., принявшихъ *нѣмца* за водяного, національны, а мнѣнія проф. Потебни, наприм., не національны? Массовое еще не значитъ національное. И, конечно, не интеллигенціи учиться у массы пониманію жизни.

Въ предъидущемъ обозрѣніи мы приводили мнѣніе проф. Протебни о томъ, что денаціонализація народа въ сферѣ языка равнозначительна опустошенію его сознанія. То же онъ утверждаетъ и по отношенію къ вѣрованіямъ. Выгодно ли для государства, какъ продукта настоящаго, а не фальшиваго въ смыслѣ нашихъ самобытниковъ, національнаго сознанія, чтобы какая-либо часть его подданныхъ превратилась въ людей съ опустошеннымъ сознаніемъ, чтобы среди нея произошло пониженіе культурнаго уровня? Выгодно ли это даже для господствующаго племени?

Любопытный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ г. Южаковъ *(Изъ современной хроники. Русское Богатство)*. Оказывается, что одно среднеобразовательное учебное заведеніе приходится въ Европейской Россіи на 343 тыс., въ Царствѣ Польскомъ на 270 т., въ Прибалтійскомъ краѣ на 133 т. Россіи для того, чтобы догнать окраины, надо утроить

число своихъ среднихъ учебныхъ заведеній и открыть еще 431 заведеніе. Такимъ образомъ, обрусительная политика, которой придерживались самобытники и которой оставалась чуждой интеллигенція, принесла пользу окраинамъ и вредъ кореннымъ областямъ. Денаціонализаціи не совершилось, но за то совершилась денаціонализація нашего русскаго культурнаго класса (въ томъ смыслѣ, что русская интеллигенція по отсутствію образовательныхъ средствъ численно слаба, а она и есть настоящая представительница національнаго сознанія).

Для самобытниковъ, конечно, и г. Южаковъ, и проф. Потебня—представители интеллигенціи, т.-е. лжелиберализма, и ихъ мнѣніямъ они не могутъ придавать какого-либо значенія. Приведемъ мнѣніе по этому вопросу графа А. Толстого *(Письма. Вѣстникъ Европы)*. „Вы знаете,—писалъ графъ,—насколько я *ненавижу все красное* и чортъ меня возьми, если я въ той или другой изъ моихъ трагедій хотѣлъ что-либо доказать. Я презираю всякую тенденцію въ литературномъ трудѣ, я ее презираю, какъ пустой патронъ. Но не моя вина, если изъ написаннаго мной ради любви къ искусству само собой вытекаетъ, что деспотизмъ никуда не годится. Тѣмъ хуже для деспотизма... Не хотѣть уничтожить нѣмцевъ и поляковъ, какъ альбигойцевъ, не значитъ сдѣлаться нѣмцемъ или полякомъ. Если Европа допускаетъ гибель кандіотовъ, Европа выходитъ изъ своей роли и дѣйствуетъ по-татарски. Я отказываюсь отъ Европы... Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія... Это не тенденція—это я самъ. Откуда взяли, что мы антиподы Европы? Туча прошла надъ нами, облако монгольское, но это была лишь туча и чортъ долженъ поскорѣе убрать ее... Заслуга скандинавовъ въ томъ, что они подтвердили наши начала свободы, тогда какъ отвратительная Москва уничтожила ихъ, — вѣчный стыдъ Москвѣ. Не было надобности уничтожать свободу, чтобы покорить татаръ. Не стоило уничтожать менѣе сильный деспотизмъ, чтобы замѣстить его болѣе сильнымъ. Собираніе русской земли? Собирать хорошо, но надо знать, что̀ собирать. Горсточка земли лучше огромной кучи... Какой русскій не желалъ бы сліянія польскаго элемента съ русскимъ? Но не запрещеніемъ говорить по-польски этого достигаютъ... Вы имѣете грустную храбрость порицать мой тостъ за всѣхъ подданныхъ государя, какая бы ни была ихъ нація. Вы смѣшиваете государство съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но не отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности. Удовлетворяйтесь податями, которыя вамъ платятъ, а потомъ старайтесь рядомъ искусныхъ мѣръ обрусить разныя національности. Но не будьте глупы и грубы. Фактъ (установленіе національности) существуетъ, цифры не причемъ. Напротивъ, чѣмъ меньше цифра, тѣмъ менѣе вамъ извинительно употреблять мѣры насилія и топтать ногами соціальные законы. Когда я вспомню о красотѣ нашего языка, когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хочется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія: что мы сдѣлали съ дарами, которые далъ намъ Богъ?“

Съ гр. Толстымъ можно во многомъ не соглашаться. Но... онъ былъ монархистомъ болѣе прочнымъ, чѣмъ тѣ самобытники, которые поступаютъ *какъ имъ будетъ удобнѣе*. Его слова—слова искренняго и честнаго интеллигента, т.-е. человѣка, который именно потому, что онъ вмѣстилъ въ своемъ сознаніи историческій опытъ своего народа и,

кромѣ того, многое другое, болѣе національнѣе, чѣмъ, наприм., тпивошіе нѣмца смоленскіе мужики.

Мы нѣсколько отклонились отъ вопроса о томъ, что дѣлать интеллигенціи и что такое національное дѣло, въ которомъ интеллигенція должна принять участіе. Національное ли дѣло, наприм., народное образованіе? Какъ ни откровененъ г. Тихомировъ, но и онъ наврядъ ли теперь рѣшится признать это дѣло дѣломъ не національнымъ. Свящ. Фудель *(Поучительная исторія. Русское Обозрѣніе)* еще болѣе откровенный писатель. Для него вопросъ о школѣ есть вопросъ *о власти*, т.-е. вопросъ, прежде всего, классовый. Онъ довольно откровенно признается, что „стыдиться и краснѣть надо не за тѣ школы, *которыхъ нѣтъ*, а за тѣ, которыя вносятъ политическій и духовный развратъ въ народную среду“ (читай: за школы земскія и министерскія, которыя находятся якобы въ рукахъ интеллигенціи). Приведемъ изъ хроники г. Южакова маленькую справку. По словамъ отчета г. попечителя кіевскаго округа, въ юго-западномъ краѣ число народныхъ училищъ далеко не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ требованіямъ. Несмотря на довѣріе населенія къ министерской школѣ, несмотря на заботы училищныхъ властей, несмотря на готовность крестьянъ жертвовать на школы, приговоры объ окрытіи школъ остаются безъ послѣдствій *вслѣдствіе несогласія епархіальнаго начальства*, а, между тѣмъ,—продолжаетъ отчетъ,—школа въ краѣ, кромѣ общаго воспитанія народа, признана еще служить сліянію всѣхъ элементовъ населенія. Эта задача можетъ быть разрѣшена только школою министерской“. Эта справка очень важна: она указываетъ на разницу между взглядомъ на народное образованіе, какъ на дѣло истинно-національное, и взглядомъ на него, какъ на дѣло классоваго интереса, а на самую школу, какъ на орудіе партійной классовой борьбы, какъ на средство классовой власти. По мнѣнію этихъ господъ, лучше оставить народъ совсѣмъ безъ школъ, чѣмъ дозволить интеллигенціи,—нѣтъ, даже не интеллигенціи, а *постороннему вѣдомству* (въ данномъ случаѣ *такимъ вѣдомствомъ является министерство народнаго просвѣщенія)* участвовать въ дѣлѣ народнаго образованія. Свящ. Фудель съ большимъ одобреніемъ приводитъ письмо извѣстнаго эмигранта Тверского, гдѣ сей международный человѣкъ пишетъ слѣдующее: „Русская интеллигенція и русскій народъ—двѣ несовмѣстимыя вещи, и всякія попытки совмѣстить ихъ только мѣшаютъ народу идти по своему собственному пути. Интеллигенція не съумѣетъ устроить Русскую землю и только задерживаетъ народъ своими неудачными поползновеніями. Пусть самъ народъ добивается прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у него на пути, онъ скорѣе выбьется изъ тьмы на свѣтъ... Я ушелъ съ родины, и думаю, что это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣйствительно принесъ пользу русскому народу. Чѣмъ скорѣе мы уберемся во-свояси, тѣмъ скорѣе славянскій народъ добьется того, чтò ему нужно. Мы не только не можемъ ему помочь, но и несомнѣнно ему вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ“... Международный человѣкъ совѣтуетъ интеллигенціи бѣжать. Мы не бросимъ въ него камнемъ осужденія потому только, что отчаянія не судятъ. Но понятно, что не бѣгство рѣшаетъ вопросъ о томъ, что дѣлать. Свящ. Фудель милостиво разрѣшаетъ интеллигенціи оставаться на родинѣ, но съ тѣмъ, чтобъ она отняла руки прочь отъ народнаго образованія. Поставивъ вопросъ о національномъ дѣлѣ, самобытники рѣшаютъ его отрицательно. Они остаются, какъ и прежде, нигилистами, отрицателями русской дѣйствительности и недвусмысленно про-

являютъ свои поползновенія превратить національное дѣло въ дѣло классоваго интереса и классовой власти. Тутъ интеллигенціи, дѣйствительно, дѣлать нечего... Такое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія есть то самое „фронтовое“ отношеніе, на которое указываетъ по отношенію къ расколу такой несомнѣнный консерваторъ и столь же несомнѣнный православный, какъ Гиляровъ-Платоновъ *(Логика раскола. Русское Обозрѣніе)*. „Не только русское подданство, но и русская народность,—говорилъ онъ,—съ расширеніемъ предѣловъ государства перестали быть однозначущими съ православіемъ. Въ сущности, строгимъ представителемъ фронтового взгляда нынѣ осталась одна православная іерархія и чѣмъ выше, тѣмъ суровѣе. Психологически это объясняется *досадой о потерянной власти*. Ревнители казеннаго православія... лобызаютъ зависимость церкви отъ гражданской власти (по вопросу о школѣ они, какъ мы видѣли, хотятъ сами поработить гражданскую власть), хотѣли бы сѣсть къ ней совсѣмъ на руки и не прочь доказывать, что въ этомъ даже состоитъ достодолжное преимущество истинно православнаго церковнаго устройства“.

У другого столпа самобытнаго консерватизма, г. Розанова *(Культурная хроника русскаго общества и литературы. Русск. Вѣстн.)* невольно вырвалось одно очень любопытное признаніе, имѣющее болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу о томъ, что дѣлать интеллигенціи. Г. Розановъ путаетъ, но наврядъ ли лицемѣритъ. Когда онъ читалъ свои нелѣпыя нотаціи Л. Н. Толстому, то его слова возбуждали негодованіе, но не отвращеніе. И совершенно напрасно онъ теперь оправдывается *(Необходимое разъясненіе. Русскій Вѣстн.)* тѣмъ, что онъ говорилъ съ Толстымъ, какъ христіанинъ съ христіаниномъ. Всѣ сколько-нибудь проницательные читатели такъ это и поняли; г. Розановъ съ Толстымъ иначе и говорить не могъ. Другой вопросъ, что̀ такое христіанство г. Розанова? Это христіанство „великаго инквизитора“, Торквемады; отъ его страстныхъ призывовъ къ покаянію и смиренію, обращенныхъ къ Толстому, пахнетъ дымомъ костра. Это было бы страшно, еслибъ не было смѣшно. А смѣшно потому, что теперь Торквемада неизбѣжно превращается въ очень мелкаго изувѣра. Инквизиторъ страшенъ только при обладаніи властью, а не на страницахъ журнала.

Но это такъ, кстати... Тѣмъ не менѣе, г. Розановъ искренній, а не только откровенный писатель, и у него вырываются признанія, которыя не могутъ вырваться ни у г. Тихомирова, ни у г. Spectator'a... И они цѣнны, эти признанія-то. Онъ говоритъ о томъ теченіи нашей литературы, которое идетъ отъ Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова до г. Михайловскаго, отъ *Современника* до *Русскаго Богатства* и *Русской Мысли*, и замѣчаетъ: „Самая поразительная и общая черта, соединяющая всѣхъ писателей, которые образуютъ это теченіе, состоитъ въ томъ, что имъ не приходила на умъ мысль, что ихъ сочиненія могутъ быть нужны кому-нибудь, кромѣ юношей, которымъ *они нужны въ высшей степени*... Точка зрѣнія взрослыхъ людей, имѣющихъ на сущныя нужды и трудныя обязанности, безусловно отсутствуетъ у всѣхъ нихъ. *Отечеств. Записки*, *Современникъ*, *Русское Богатство*, *Русская Мысль*, говоря серьезно и о серьезныхъ вопросахъ, говорятъ именно юношеству, съ точекъ зрѣнія для юношества занимательныхъ, ему понятныхъ или имъ усвоимыхъ... Что это за странное явленіе? Кто они, эти странные люди, и въ чемъ ихъ истинная миссія? Они были безсознательные (?) педагоги и *съ неслыханнымъ совершенствомъ*

выполняли эту функцію. Внѣ школы, скучной, безсвязной, *безкультурной*, не способной сколько-нибудь вовлечь души въ міръ серьезныхъ интересовъ, развернулась школа не чиновничья, въ которую ринулось все свѣжее, ищущее, любознательное, и они, эти педагоги-писатели, радостно и дружно пошли на встрѣчу этому движенію. Въ томъ общеніи, какое начиналось между учителемъ и учениками, соблюдены были *всѣ вѣчные принципы образованія*: индивидуализмъ отношеній, однородность воспріятій, культъ уваженія къ предметамъ наученія и *любви къ лицу научающаго*... Этотъ циклъ литературы, *къ сожалѣнію*, уже истощающійся (?), поражаетъ свѣжестью, богатствомъ формъ и, главное, необычайною оригинальностью этого совершенно новаго во всемірной литературѣ явленія; углубившись въ его смыслъ, мы поймемъ *великую мысль*, на немъ почившую. Мы *навсегда* сохранимъ эту школу для нашего юношества. Пусть *въ сторонѣ отъ насъ и нашихъ путей*, въ садахъ чудесныхъ Гесперидъ ростутъ наши дѣти, отдыхаютъ до времени, когда придетъ ихъ часъ и позоветъ ихъ къ труду".

Замѣчаніе г. Розанова можно принять съ нѣкоторыми, очень, впрочемъ, важными, оговорками. Извѣстно, какую роль сыграло то литературное теченіе, о которомъ онъ говоритъ, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Вопросы о крестьянскомъ банкѣ, о регулированіи и упорядоченіи переселенческаго дѣла и проч., и проч. были поставлены и отчасти рѣшены писателями, составлявшими это теченіе. Надѣемся, что всѣ эти вопросы достаточно „взрослые". Но въ основѣ, въ принципѣ замѣчаніе г. Розанова вѣрно. Да, роль этого литературнаго теченія и роль интеллигенціи, представителемъ которой оно было, была педагогическая, воспитательная, и мы не думаемъ, что такая роль была сыграна „теченіемъ" только по отношенію къ юношеству. Въ положеніи юношества находились и до сихъ поръ находятся и взрослые. Слишкомъ мы еще некультурны, чтобы наша интеллигенція могла и теперь отказаться отъ своей педагогической, воспитательной миссіи. Ей и теперь приходится,—и слава Богу, что приходится,—не служить какому-либо общественному классу, а учить,— учить и юношество, и взрослыхъ людей разныхъ общественныхъ классовъ, и самый народъ. Интеллигенціи учиться у народа нечему. Она — продуктъ народнаго сознанія, т.-е., собственно говоря, она его освѣщенное знаніемъ сознаніе.

Это уже до нѣкоторой степени отвѣтъ на поставленный вопросъ. Учить и словомъ, и дѣломъ—миссія почетная и отвѣтственная. Но, конечно, это только общій отвѣтъ, отнюдь не опредѣляющій подробностей. Чтобы учить, надо знать, чему учить, надо, стало быть, и самимъ учиться.

Въ *Литературѣ и жизни* г. Михайловскаго мы находимъ нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ отношеніе къ этой послѣдней сторонѣ вопроса. Говоря о различныхъ, трудно совмѣстимыхъ характеристикахъ настроенія современной молодежи, авторъ спрашиваетъ: „Кто же, однако, этотъ требующій себѣ широкой дороги „восьмидесятникъ" или „девятидесятникъ"? Кто онъ: віолончелистъ, марксистъ, мистикъ, кутила, толстовецъ, практикъ, декадентъ?... Всѣ эти господа, отправляясь отъ самыхъ разнородныхъ исходныхъ точекъ, шумно торжествуютъ побѣду надъ извѣстнымъ міросозерцаніемъ, но не думаютъ сводить счеты между собою и даже какъ будто не замѣчаютъ другъ друга... Почему они только воюютъ съ идеалами отцовъ, по ихъ словамъ, уже потерявшими кредитъ, а не отвергаютъ своихъ торжествующихъ

современниковъ?... Все дѣло сводится къ слишкомъ торопливымъ и одностороннимъ обобщеніямъ, побуждающимъ однихъ столь же незаконно радоваться повышенію духовнаго уровня молодежи, а другихъ столь же незаконно скорбѣть объ упадкѣ... Въ общемъ духовный уровень молодежи дѣйствительно понизился сравнительно съ не очень давнимъ временемъ, но нѣтъ такого круга идей или такого настроенія, которое можно бы было назвать преобладающимъ. За самое послѣднее время, однако, рѣзко пробивается теченіе, свидѣтельствующее, что молодежь сознаетъ нѣкоторыя свои слабыя стороны и, не довольствуясь „разсыпанною храминой", склонна выработать себѣ общее міросозерцаніе".

Конечно, это не отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, да и самъ г. Михайловскій не признаетъ его за таковой. Онъ и вопроса такого не ставитъ. Но это указаніе на важный фактъ, имѣющій къ отвѣту отношеніе. Стремятся выработать общее міросозерцаніе,—значитъ, сознаютъ, что оно нужно и что его нѣтъ. Нужно оно можетъ быть, конечно, только для дѣланія и хорошо и то уже, что является первый и необходимый шагъ къ дѣланію. А что нѣтъ общаго міросозерцанія, что люди очутились въ „разсыпанной храминѣ", такъ это не ихъ вина. Припомните, что̀ г. Розановъ говоритъ о некультурной, чиновничьей школѣ; припомните и то, что̀ мы сказали объ отсутствіи традицій... Все это, однако, не мѣняетъ ни сущности, ни настоятельности поставленнаго вопроса. Отсутствіе традицій—печальное дѣло; но связать прерванное, вѣдь, все же возможно и учительная миссія интеллигенціи остается все также святой и необходимой.

Укажемъ еще на одну статью—на статью г. Л. С. *(Наши направленія въ печати и въ обществѣ. Вѣстн. Евр.)*. Эта статья, помимо своего собственнаго интереса, любопытна потому, что она составляетъ нѣкоторый признакъ времени. Прежде всего, поражаетъ то обстоятельство, что авторъ признаетъ у насъ существованіе только двухъ направленій: либеральнаго и консервативнаго... Все остальное игнорируется, какъ не заслуживающее вниманія. Правду сказать, мы не вполнѣ понимаемъ такой пробѣлъ. Это какое-то добровольное самоограниченіе. Можетъ быть, оно и имѣетъ какіе-либо резоны, очень возвышенные и тонкіе. Но мы откровенно сознаемся, что такихъ резоновъ мы органически не способны понимать, какъ не способны понимать и другихъ самоограниченій автора. Характеристика патріотовъ, дѣлаемая авторомъ, довольно мѣтка, хотя и не оригинальна. „Они (патріоты) всегда имѣютъ отношеніе къ казенному пирогу; они обнаруживаютъ болѣзненную страсть къ кляузничеству, къ полемическимъ передержкамъ для разоблаченія чужой неблагонадежности... Публицисты-патріоты выдаютъ себя за охранителей національнаго духа въ политикѣ и общественной жизни; но они сами не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что̀ охраняютъ и что̀ отвергаютъ (ахъ, г. Л. С., напрасно вы это говорите: эти господа слишкомъ хорошо сознаютъ, что они дѣлаютъ. Они единственные у насъ, — въ печати, по крайней мѣрѣ, — представители классовыхъ интересовъ и это они чудесно сознаютъ). Трудно считать ихъ сознательными консерваторами; они—оппортунисты на реакціонной подкладкѣ, готовые защищать какіе угодно интересы, кромѣ народныхъ. Съ одной стороны, они проповѣдуютъ аристократическіе принципы, а съ другой—отстаиваютъ неумѣренныя притязанія крупныхъ промышленниковъ и коммерсантовъ" (то-то и есть. А вы о безсознательности толкуете!).

Если эту характеристику консерваторовъ, принявъ во вниманіе сдѣланныя нами оговорки, и можно признать правильной, то этого, по нашему мнѣнію, нельзя сказать о характеристикѣ либераловъ. Тутъ г. Л. С. дѣлаетъ рядъ самоограниченій, совершенно незаконныхъ и даже излишнихъ. Указывать на нихъ мы, по весьма понятной причинѣ, не будемъ и ограничимся буквальнымъ воспроизведеніемъ характеристики, сдѣланной г. Л. С. Замѣтимъ только, что, по русской поговоркѣ, слово—серебро, а молчаніе—золото... Иногда оно, дѣйствительно, золотомъ бываетъ.

Чего хотятъ либералы?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: „Чтобы государство было сильно не только количествомъ войскъ, но и умственнымъ и экономическимъ ростомъ населенія, сознательною энергіей. Къ тому же стремились всегда и представители власти. Мечтаютъ они о томъ, чтобы были школы, чтобы кабаки замѣнились читальнями, чтобъ у народа были подходящіе законы, вмѣсто устарѣлыхъ, чтобы крестьянство не облагалось податями въ большей мѣрѣ, чѣмъ богатое купечество; чтобы законность и справедливость не были игрушками въ рукахъ исполнителя. То же желательно и высшимъ представителямъ правительства. Либералы стоятъ за гласность и контроль, за активную роль земства, за содѣйствіе общества и печати; но и гласность, и земство, и содѣйствіе общества подчинены государству и служатъ его интересамъ. Не странно ли, что уваженіе къ закону болѣе свойственно либераламъ, чѣмъ консерваторамъ? Когда законы оказываются несостоятельными, то консерваторъ предлагаетъ исполнителямъ игнорировать ихъ и руководиться личнымъ усмотрѣніемъ, а либералъ возбуждаетъ вопросъ о замѣнѣ старыхъ законовъ новыми; въ этомъ огромная принципіальная разница. Наши либералы всего менѣе склонны держаться принципа laissez faire въ какой бы то ни было области государственной и народной жизни. Такъ какъ у насъ нѣтъ буржуазіи, то нѣтъ и буржуазнаго либерализма. Либералы у насъ хлопочутъ о томъ, что полезно всему народу, а, слѣдовательно, и государству, въ противуположность охранителямъ, откровенно преслѣдующимъ особыя выгоды... Либерализмъ несовмѣстимъ съ ложнымъ націонализмомъ, а истинно національно все то, что повышаетъ благосостояніе, умственныя силы, энергію и бодрость народа и что даетъ твердую почву для сознанія равноправности съ передовыми націями...“ Въ заключеніе авторъ увѣряетъ, что „либеральныя идеи все болѣе усвоиваются *передовою общественною силой* нашего времени—*просвѣщенною бюрократіей*, постепенно и *неудержимо* поглощающею *лучшіе элементы* образованнаго общества. Дѣятельный, предпріимчивый бюрократизмъ является *господствующимъ направленіемъ* нашей эпохи и остается только желать, чтобъ онъ не проникся безжизненнымъ канцелярскимъ духомъ“.

Мы, разумѣется, согласны съ г. Л. С., что „остается только желать“. Согласны мы и въ томъ, что „просвѣщенная бюрократія составляетъ передовую общественную силу“, что она „неудержимо поглощаетъ лучшіе элементы“, что „предпріимчивый бюрократизмъ есть господствующее направленіе“. Мы вообще согласны, что все прекрасно въ семъ лучшемъ изъ міровъ. Но... Въ *Нравахъ Растеряевой улицы* Г. И. Успенскаго есть одинъ несчастненькій мастеровой. Женился онъ на благородной. Она ему: вонь, мочало!...—и бацъ, бацъ его по щекѣ!... А онъ ей: „Чувствительнѣйше васъ благодарю!“ Но когда она привела его къ офицерамъ и говоритъ: „Господа енералы, забрѣйте моему мужу лобъ... въ солдаты“, такъ даже этотъ забитый человѣчекъ не

сказалъ: „чувствительнѣйше васъ благодарю“, и далъ стрекача. Сто городовъ пробѣжалъ, пока на Растеряевой улицѣ очутился. Такъ вотъ мы и не увѣрены, что наша интеллигенція, когда г. Л. С. опредѣлитъ ее въ „предпріимчивую бюрократію“, непремѣнно скажетъ: „чувствительнѣйше васъ благодарю“, а, пожалуй, и стрекача задастъ.

Все-таки, очень хорошо въ семъ лучшемъ изъ міровъ и никакого вопроса о томъ, что дѣлать интеллигенціи, не существуетъ. Какой ужь тутъ вопросъ, когда „неудержимо“ поглощаетъ? Тутъ ужь спрашивать не о чемъ, а просто: пусть теперь влечетъ меня, куда хочетъ валъ.

И такъ, вотъ какой оборотъ выходитъ: консерваторъ г. Розановъ, хотя и не безъ нѣкотораго ехидства, а все же указываетъ интеллигенціи на важную и святую миссію воспитанія юношества, народа и общества, а „либералъ“ г. Л. С. опредѣляетъ интеллигенцію въ передовую и предпріимчивую бюрократію... Конечно, могутъ быть и другіе отвѣты на поставленный вопросъ, но мы, вѣдь, беремъ только то, что въ текущей журналистикѣ имѣется... Во всякомъ случаѣ, надо выбирать.

Изъ другихъ статей разбираемой книги *Вѣстника Европы* укажемъ на статью г. Тернера: *Крестьянскіе платежи и способы ихъ взысканія*. „Болѣе трехъ четвертей нашего народонаселенія,—говоритъ почтенный авторъ,—живетъ подъ дѣйствіемъ податныхъ порядковъ, составляющихъ діаметральную противуположность тому, что вся Европа признаетъ основаніемъ нормальнаго фискальнаго устройства. *Вездѣ за подать отвѣчаетъ объектъ подати*; отказываясь отъ объекта, плательщикъ освобождается и отъ обязанности уплаты какъ налога, такъ и недоимки. *Нигдѣ тѣлесныя истязанія не допускаются*, какъ средство побужденія плательщиковъ къ исправному взносу податей. Эти два коренныя начала всякаго цивилизованнаго фискальнаго порядка не примѣняются до сихъ поръ къ нашему сельскому населенію. Несмотря на уничтоженіе подушной подати, налогъ и выкупной платежъ все еще остаются связаны съ лицомъ плательщика, за нихъ отвѣчаетъ не объектъ налога, не земля. Утверждаютъ, будто бы всякому усовершенствованію податной системы у насъ мѣшаютъ общинное владѣніе и круговая порука. По словамъ Н. П. Семенова, тягость круговой поруки зависитъ не отъ свойства той круговой поруки, которая сама собой вытекаетъ изъ общиннаго строя, а отъ свойства и размѣра повинностей. Только та круговая порука, которая не истекаетъ сама собой изъ общиннаго начала мірского строя, является въ глазахъ народа угнетеніемъ и насиліемъ. На основаніи извѣстныхъ изслѣдованій Трирогова, фискальная круговая порука никогда не осуществляется; не было случая, чтобы сходъ постановлялъ о пополненіи по раскладкѣ всѣмъ обществомъ суммы повинностей, не внесенной неплательщикомъ. Идея круговой поруки осуществляется другимъ образомъ, а именно въ формѣ взаимной общественной отвѣтственности, т.-е. не въ видѣ явленія, вышедшаго изъ области административныхъ мѣръ, а въ видѣ элемента, самовытекаемаго изъ тѣхъ началъ, по которымъ люди соединяются для удовлетворенія общихъ экономическихъ нуждъ въ особый общественный союзъ. Круговая порука есть взаимная общественная отвѣтственность, только *предварительная*, а не *послѣдующая* за раскладкой. Въ такой формѣ она является естественнымъ *коррективомъ* всякаго поземельно-подворнаго налога въ общинѣ. Ни земля, ни ревизская, ни рабочая душа, сама по себѣ, безъ этого корректива не можетъ служить здоровою единицей подушной раскладки налога въ

общинѣ. Нельзя и помышлять о томъ, чтобы совершенство податной системы когда-нибудь дошло до знакомства съ каждымъ хозяйственнымъ дворомъ. Въ порядкахъ же общины проявляется указаніе на *болѣе естественныя единицы*, чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгаютъ и земство, и государство. Община отвергаетъ и душу, и десятину, какъ единственное выраженіе экономической силы, и все строитъ *на домохозяйствѣ*, въ которое и рабочая душа, и десятина входятъ какъ элементы. Общество не знаетъ названія различныхъ податей, а только общую цифру платежей, которую оно и распредѣляетъ *подворно-подомохозяйственно*, по выраженію Трирогова. Какимъ же образомъ при такихъ условіяхъ могутъ вообще быть недоимки по каждому отдѣльному обложенію? Ни народъ, ни сборщики, ни писаря, сельскіе и волостные, ни старосты цифры недоимокъ по каждому обложенію опредѣлить не могутъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ. Цифры недоимокъ по каждому сбору образуются лишь въ бюрократическихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, въ жизни народа, совершенно въ розпь отъ оффиціальной терминологіи и отъ оффиціальныхъ фискальныхъ порядковъ, выработалась своя финансовая раскладочная система, простая, разумная и вполнѣ справедливая. Народъ практически пришелъ къ убѣжденію, что экономическія и податныя силы населенія опредѣляются не количествомъ душъ, не пространствомъ десятинъ, а правильнымъ сочетаніемъ того и другого, насколько оно выражается въ подвижной силѣ домохозяйства.

При подобныхъ условіяхъ податное дѣло должно бы быть въ благопріятномъ положеніи, но на дѣлѣ выходитъ иное. По авторитетному мнѣнію автора книги *Неурожай*, уничтоженіе подушной подати и уменьшеніе размѣра выкупныхъ платежей не оказали на экономическое положеніе крестьянства того благодѣтельнаго вліянія, на которое можно было разсчитывать, потому что возросли земскіе и общественные сборы и потому, что порядокъ взысканія остался прежній. Даже въ годы самаго высокаго урожая населеніе не въ состояніи поправить своего благосостоянія. Вся тяжесть взиманія податей ложится на хлѣбъ, а хлѣба или мало и тогда накопляются недоимки, или много, но онъ такъ дешевъ, что крестьянинъ его продажей не можетъ выполнить свои обязательства передъ казной. Надѣлъ и лошадь продать нельзя. Но надѣлъ можно отобрать и сдать въ постороннія руки; точно также путемъ личныхъ взысканій, до тѣлеснаго наказанія включительно, можно заставить крестьянина заложить корову и лошадь. И тогда, конечно, дѣло крестьянина непоправимо. Особенно вредно дѣйствуетъ на благосостояніе крестьянъ неограниченность размѣра сборовъ, когда у нихъ есть недоимка. Какъ бы ни была она велика, ее не разлагаютъ на годы, а выбираютъ все, что можно. Иногда съ крестьянъ выбирается болѣе двойного годового оклада. Поэтому въ хорошіе годы крестьянинъ и не поправляется; все уходитъ на пополненіе недоимокъ и ничего не остается. На основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній въ теченіе десяти лѣтъ средняя годовая недоимка превышаетъ семь милліоновъ. Съ 1876 по 1886 годъ недоимка увеличилась почти вдвое, а въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ она съ 66 милл. возросла до 117. Вообще въ урожайные годы можно съ увѣренностью ожидать перепоступленія, а въ средніе годы недоимка ростетъ, потому что отъ урожайнаго года ничего не остается. Давно уже указывалось на необходимость реформы въ виду такого положенія дѣлъ. Въ 1873 году коммиссія гр. Валуева заявляла, что *общая реформа прямыхъ податей стоитъ въ числѣ самыхъ насущ-*

ныхъ потребностей Россіи. Двадцать лѣтъ спустя авторъ книги *Неурожай* пишетъ: выходъ изъ этого положенія одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вопросовъ, который подлежитъ *неотложному разрѣшенію... Нельзя медлить* съ этимъ вопросомъ, нельзя скрывать отъ себя его первостепенной важности, нельзя надѣяться разрѣшить его какими-либо полумѣрами. Съ разрѣшеніемъ вопроса о коренномъ преобразованіи нашей податной системы, въ благопріятномъ для населенія смыслѣ, связана вся экономическая жизнь нашего народа, все будущее преуспѣяніе русскаго государства.

Въ чемъ же должна состоять реформа? Трироговъ полагалъ, что государственной и земской податной системѣ слѣдуетъ приблизиться къ тому, что фактически существуетъ въ крестьянскомъ обществѣ. По его мнѣнію, домохозяйство, какъ единица обложенія, устойчивѣе, цѣлостнѣе и цѣлесообразнѣе другихъ единицъ: души или десятины. Эта единица, домохозяйство, есть продуктъ правильно - прогрессирующей жизни хозяина. Поэтому *экономическія доли*, опредѣляющія экономическую силу домохозяйства, должны быть положены въ основаніе всякаго обложенія. По мнѣнію г. Тернера, домохозяйство наврядъ ли можетъ служить удобною единицей государственнаго и земскаго обложенія, именно въ силу своей измѣнчивости. Въ рукахъ государства оно не можетъ быть живымъ элементомъ и превратится въ внѣшнюю схематическую форму. Да установленіе какой-либо единицы и не важно, по мнѣнію автора, такъ какъ крестьяне всякій налогъ разсматриваютъ только въ его итогѣ, перелагая по собственной раскладкѣ на домохозяевъ. Поэтому, по мнѣнію автора, *измѣненія настоящей податной системы не требуется*, а требуется *измѣненіе системы взиманія*. Круговая порука, вытекающая изъ общиннаго строя, какъ предварительная, не только не препятствуетъ усовершенствованію системы взиманія, а, напротивъ, облегчаетъ введеніе всякаго улучшенія. Не то, конечно, грубая фискальная круговая порука. Она страшное орудіе въ рукахъ богатыхъ, дающее имъ средство къ закабаленію слабосильныхъ; она ведетъ къ совершенному разоренію бѣдныхъ крестьянъ. Ея отмѣна не только не отзовется вредно на поступленіи платежей, но будетъ имѣть благопріятныя послѣдствія, такъ какъ послужитъ къ поднятію благосостоянія крестьянства. По отношенію къ мѣрамъ взысканія г. Тернеръ признаетъ первую и единственную мѣру: временное или окончательное отобраніе у недоимщика части надѣла или всего надѣла. Подобная постановка податного дѣла имѣла бы то преимущество, что при отчужденіи надѣла у крестьянина оставались бы нѣкоторыя средства, позволяющія ему взяться за другое дѣло. При теперешнемъ же порядкѣ всѣ мѣры, не достигая цѣли, ведутъ только къ окончательному истощенію недоимщика и превращенію его въ нищаго. Вмѣсто отдачи недоимщика въ заработки, надо предоставить ему возможность отработать недоимку рабочими днями. Такіе рабочіе дни предоставляются въ распоряженіи правительства и употребляются на разныя общественныя работы. Это будетъ жертва для казны, но незначительная и даже только кажущаяся, такъ какъ исправленіе, наприм., дорогъ возвысить благосостояніе всего края, а возможность отработать недоимку дастъ крестьянину возможность поправиться. Далѣе слѣдуетъ безусловно воспретить продажу инвентаря, такъ какъ при бѣдности крестьянина этотъ инвентарь иостоитъ только изъ коровы и лошади, безъ которыхъ все равно вести хозяйство невозможно. Поэтому, очевидно, благоразумнѣе отбирать землю, такъ

какъ безъ инвентаря земля крестьянину все равно безполезна. Затѣмъ необходимо воспретить примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, вредныхъ даже съ фискальной точки зрѣнія, такъ какъ они косвеннымъ образомъ только ведутъ къ разоренію крестьянина и отдаютъ его въ руки кабалителей. Наконецъ, слѣдуетъ точно опредѣлить и ограничить кругъ дѣятельности полиціи. Руководство податного дѣла должно быть предоставлено податнымъ инспекторамъ, а полиція должна дѣйствовать по ихъ указанію. Но для исполненія всѣхъ этихъ предположеній,— замѣчаетъ г. Тернеръ,—необходимо одно условіе, *чтобы доходность земли превышала сумму платежей, которыми она облагается*. Тогда только крестьянинъ будетъ цѣнить землю, и при отчужденіи на нее всегда найдутся охотники. И въ хозяйственномъ, и въ фискальномъ отношеніи излишнее бремя платежей такое зло, которое останавливаетъ всякій прогрессъ. Пониженіе платежей крестьянства не составитъ даже особаго ущерба для казны. Есть предѣлъ, дальше котораго крестьянинъ платить не можетъ. Говоря о соразмѣрности платежей, слѣдуетъ имѣть въ виду всю ихъ сумму; поэтому надо имѣть въ виду земскіе и мірскіе платежи и недоимки. По отношенію къ земскимъ и мірскимъ платежамъ всего лучше установить нѣкоторую соразмѣрность ихъ съ казенными платежами; первые должны взиматься въ видѣ опредѣленной *дополнительной копѣйки* ко вторымъ. Что касается недоимокъ, то на ихъ возмѣщеніе надо смотрѣть, какъ на актъ справедливости, а не какъ на источникъ государственнаго дохода. Поэтому уплата ихъ можетъ быть разсрочена на очень продолжительное время, такъ чтобы размѣръ взыскиваемой недоимки не превышалъ извѣстнаго процента оклада, наприм., 5 или 10%. Наконецъ, желательно, чтобы недоимщикъ, отъ котораго отчуждается надѣлъ, получалъ возмѣщеніе разницы между стоимостью надѣла и суммой недоимокъ; обязательство такого возмѣщенія должно быть возложено частью на того общинника, которому передается надѣлъ, а частью на общество или даже на правительство.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Богатствѣ*, укажемъ на дѣльную статью г. Зака: *Судьбы крестьянской общины въ Германіи*. Авторъ обладаетъ недюжинною эрудиціей и очень трезвыми, хорошо обоснованными взглядами. Предметъ, которому посвящена статья, имѣетъ несомнѣнное общественное значеніе и для русскаго читателя. Вопросъ о судьбахъ крестьянской общины въ Германіи въ свое время возбуждалъ довольно оживленные споры между такъ называемыми романистами, которыхъ теперь найдется немного и главнымъ представителемъ которыхъ можетъ считаться Фустель де-Куланжа, и такъ называемыми германистами. Спорный между ними вопросъ былъ вопросъ о происхожденіи средневѣковой общины. Онъ былъ связанъ съ вопросомъ, занимавшимъ умы ученыхъ еще прежде, чѣмъ стали интересоваться общиннымъ вопросомъ. Это былъ вопросъ о томъ, развилась ли средневѣковая Европа на почвѣ римской цивилизаціи, или германскаго „варварства", возобладали ли начала римскаго быта съ его строго выработаннымъ институтомъ частной собственности, съ его рабствомъ, колонатомъ и проч., или начала германскія? Если бы оказалось вѣрнымъ первое рѣшеніе вопроса, то были бы правы тѣ, кто утверждалъ, что средневѣковая крѣпостная община развилась изъ частнаго владѣнія съ рабскимъ трудомъ; въ противномъ случаѣ вопросъ переносился на почву изслѣдованія германскихъ началъ первоначальной свободной общины. Вопросъ затрогивалъ важный историко-

соціологическій законъ о характерѣ общечеловѣческаго прогресса. При рѣшеніи его въ смыслѣ мнѣній романистовъ прогрессъ былъ правильнымъ и закономѣрнымъ—отъ рабства къ свободѣ черезъ различныя стадіи крѣпостного права. При иномъ рѣшеніи оказывалось, что прогрессъ шелъ неправильно, по извилистой линіи, отъ первичной стадіи свободы черезъ рабство къ освобожденію. Научныя данныя рѣшили вопросъ въ этомъ послѣднемъ направленіи. Припомнимъ, что подобный же споръ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ велся и у насъ между общинниками, славянофилами и западниками, и одной изъ группъ западниковъ, главнымъ представителемъ которой въ этомъ спорѣ являлся г. Чичеринъ. И у насъ, какъ въ Европѣ, историческое изслѣдованіе рѣшило въ пользу общинниковъ. Общинная организація,—говоритъ въ своей статьѣ г. Закъ,—сообщила индивидууму необыкновенный закалъ, которымъ и объясняется, почему немногочисленныя толпы варваровъ овладѣли Римскою имперіей, несмотря на ея администрацію, централизацію и развитые гражданскіе законы. Какая разница между членомъ любой изъ деревенскихъ общинъ и современнымъ нѣмецкимъ крестьяниномъ! Первый разсматривалъ себя какъ равнаго всѣмъ. Онъ свободно выбиралъ своихъ вождей, принималъ участіе въ завѣдываніи дѣлами общины, онъ судилъ разногласія и преступленія равныхъ, онъ никогда не покидалъ своего оружія. Современный нѣмецкій крестьянинъ неподвиженъ, онъ подавленъ могущественною іерархіей, онъ самъ себѣ не господинъ, онъ берется въ составѣ соціальнаго механизма, располагающаго имъ, какъ вещью. Онъ весь охваченъ государствомъ и поставленъ имъ на опредѣленное мѣсто.

. Для насъ и въ настоящее время вопросъ о происхожденіи и въ особенности о разрушеніи общины, чему будетъ посвящено продолженіе статьи г. Зака, не утратилъ своего интереса. „Если голодъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—ничего не принесъ крестьянству, кромѣ разоренія, то для интеллигенціи онъ сослужилъ ту службу, что заставилъ ее приступить къ пересмотру тѣхъ теорій, которыми она жила до сихъ поръ. Снова заговорили о судьбахъ экономическаго развитія Россіи, снова появилась теорія о неизбѣжности разрушенія общины, снова былъ поставленъ вопросъ: быть или не быть капитализму въ Россіи. Но всѣ эти возродившіеся толки объ общинѣ и капитализмѣ не имѣли подъ собой прочной фактической почвы. Люди часто говорили о роковой замѣнѣ общинной собственности частною и имѣли весьма смутное представленіе объ историческомъ процессѣ, приведшемъ къ паденію общины въ Европѣ. Только ознакомленіе съ фактическимъ содержаніемъ замѣчательнаго переворота, выразившагося въ замѣнѣ общинной формы владѣній индивидуальною, позволитъ составить заключеніе о томъ, дѣйствительно ли паденіе западно-европейской общины было неизбѣжнымъ, неотвратимымъ процессомъ и подтверждаетъ ли исторія тѣ выводы по отношенію къ общинѣ, которые необходимо вытекаютъ изъ матеріалистической теоріи“.

Появившіяся въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ и отчасти въ обществѣ несомнѣнно реакціонныя теченія: символизмъ, декадентство, мистицизмъ, метафизическія философскія теоріи и т. п. представляютъ явленія наносныя, заимствованныя, а не выросшія органически на почвѣ русской дѣйствительности. Происхожденіе свое они получили, главнымъ образомъ, отъ ненадлежащаго и чрезмѣрнаго вліянія на насъ направленій французской жизни и литературы. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что послѣднія десятилѣтія и въ нашей рус-

ской дѣйствительности существовали извѣстныя условія, дѣлавшія такой процессъ воспріятія чуждыхъ реакціонныхъ элементовъ особенно легкимъ и особенно плодотворнымъ. Трудно, конечно, предсказать съ увѣренностью, что всѣ эти наносныя теченія исчезнутъ безслѣдно при измѣненіи вызвавшихъ ихъ заимствованіе условій. На это можно только надѣяться. Несомнѣнно пока одно, что они у насъ начинаютъ уже играть нѣкоторую, къ счастію, пока незначительную, общественную роль. Поэтому небезъинтересно познакомиться съ основными причинами появленія ихъ на мѣстѣ ихъ происхожденія, во Франціи. Такому изслѣдованію причинъ реакціонныхъ явленій въ литературѣ и жизни Франціи посвящаетъ свою корреспонденцію (*Изъ Франціи*) г. Н. К. Въ средѣ господствующихъ классовъ все больше и больше возникаетъ духъ философской, политической и соціальной реакціи,—говоритъ онъ. Новое теченіе можно охарактеризовать однимъ словомъ „чертобѣсіе"... это—стремленіе ко всему таинственному, чудесному, сверхъестественному, попытка отпирать самыя простыя вещи ключомъ мистики. Причины этой современной болѣзни разнообразны и довольно сложны. Однимъ изъ главныхъ факторовъ было поверхностное увлеченіе естественными науками. Возникла иллюзія, будто наука сама по себѣ способна разрѣшить всѣ вопросы общежитія. Далѣе развитіе промышленности создало иллюзію, будто рѣшеніе всѣхъ вообще соціальныхъ вопросовъ лежитъ въ развитіи матеріальныхъ условій. Такъ какъ наука даетъ человѣку господство надъ природой, то это и считалось достаточнымъ для устраненія „искусственныхъ" формъ господства человѣка надъ человѣкомъ и для признанія неподдающихся такому устраненію формъ общественной неправды „естественными". Въ концѣ-концовъ, увлеченіе научностью свелось къ сознательной защитѣ современныхъ учрежденій, къ выдѣленію „естественной аристократіи" ума и къ оправданію во имя науки низменныхъ и эгоистическихъ мотивовъ.

Другимъ факторомъ подготовленія реакціи былъ очень удобный для буржуазіи философскій пессимизмъ. Этотъ пессимизмъ—сущій кладъ для нея: все скверное совершается по законамъ естества и, стало быть, никто не виноватъ. Новымъ подготовителемъ реакціи было довольно сложное явленіе нравственнаго и соціальнаго скептицизма, часто называемаго во Франціи *ренанизмомъ*. Несомнѣнно, что у Ренана были умственное эпикурейство, слащавый оптимизмъ, крайняя терпимость, основанная на презрѣніи къ людямъ, и часто возмутительное безразличіе къ явленіямъ нравственнаго міра. Это было удобною точкой зрѣнія для отживающей буржуазіи, ея эгоистическаго наслажденія жизнью, ея индифферентизма.

Не менѣе важную роль въ выработкѣ идейной реакціи сыграло искусство, въ особенности пресловутый натурализмъ. Разцвѣтъ натурализма былъ опять-таки подготовленъ человѣкомъ буржуазной науки и буржуазной философіи, Тэномъ. Міровоззрѣніе Тэна—міровоззрѣніе противуобщественное, основанное на презрѣніи къ большинству и на эгоистическомъ наслажденіи мыслителя-художника игрой въ логическій анализъ и въ художественный синтезъ образовъ. Знаменательно въ современной реакціи слѣдующее. Есть между буржуазіей люди, которые, не касаясь основъ буржуазнаго общества, стараются выработать среди имущихъ свойства мысли и характера, могущія развить въ нихъ способность бороться за интересы и идеи привилегированныхъ классовъ. И эти люди призываютъ къ идейной реакціи. Такъ, наприм., проф. Лависсъ характеризуетъ настроеніе молодого поколѣнія словами: тоска

по небесной родинѣ! И дѣйствительно, среди свободомыслящей буржуазіи только одинъ Гюйо указывалъ на значеніе принципа общественности, ассоціаціи. Большинство же свободомыслящихъ буржуа состоитъ на противуобщественной точкѣ зрѣнія и, отрицая высшую справедливость, враждебно началу союза и сотрудничества, предпочитая этому принципу принципъ крайняго индивидуализма и борьбы. Самая яркая сторона идейной реакціи въ философіи и художественномъ творчествѣ, это—возрожденіе самыхъ грубыхъ суевѣрій среди буржуазіи и созданіе самыхъ грязныхъ образовъ ея художниками. И это понятно. Когда люди стоятъ на эгоистической точкѣ зрѣнія, кругъ ихъ наслажденій быстро исчерпывается: надо что-нибудь *новое*, хотя бы и глупое и мерзкое. Трудно сказать, до какой степени дойдутъ эта болѣзнь ума и извращеніе сердца. Какое средство противъ этого чертобѣсія?—спрашиваетъ авторъ.—Преобразованіе общества, замѣна борьбы сотрудничествомъ, равномѣрное распредѣленіе труда, отдыха и наслажденія. И нужно замѣтить, что этотъ великій процессъ выработки новаго общественнаго типа подвинулся уже далеко. Г. Н. К. заключаетъ свою статью восторженнымъ возгласомъ: ты, солнце святое, гори!

Міръ Божій, *сентябрь и октябрь*. Мы въ долгу передъ почтеннымъ петербургскимъ журналомъ: по недостатку мѣста, о немъ почти не говорилось въ нынѣшнемъ году въ журнальномъ обозрѣніи *Русской Мысли*. Поневолѣ останавливаемся на двухъ послѣднихъ книжкахъ *Міра Божія*, интересно и разнообразно составленныхъ. По беллетристикѣ оригинальной мы находимъ здѣсь наброски и силуэты г. Потапенка *Грѣхи*, еще не оконченные, и продолженіе романа г. Станюковича *Исторія одной жизни*; по беллетристикѣ переводной выборъ очень удаченъ: *Сенъ-Марсъ* Альфреда де-Виньи, романы и разсказы г-жи Ожешковой, Киплинга и т. д. Книжки богаты научными статьями, приспособленными къ потребностямъ самообразованія. П. Н. Милюковъ продолжаетъ свои интересные по замыслу и весьма содержательные *Очерки по исторіи русской культуры*. Глава этого обширнаго труда, напечатанная въ сентябрьской книжкѣ *Міра Божія*, трактуетъ о *пстройкѣ зданія русской общественности* (войско, финансы, учрежденія). Очень поучительны таблицы, составленныя авторомъ. Оказывается, напримѣръ, что съ 1680 года по 1892 военные расходы, составлявшіе въ первый изъ этихъ годовъ 50% всего бюджета, сократились, по отношенію къ общей суммѣ расходовъ, до 30,7%. Но слѣдуетъ прибавить, что за то явились платежи по долгамъ, сдѣланнымъ преимущественно для военныхъ цѣлей (27,2% всего бюджета). На народное образованіе болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ государство тратило 0,14%, теперь тоже ничтожную сумму—2,4%.

Міръ Божій даетъ много статей по естествознанію (*Автономія у животныхъ* г. Никольскаго, *Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ* г. Бородина и друг.; изъ переводныхъ статей должно отмѣтить *Отъ грековъ до Дарвина*, историческій очеркъ идеи развитія органическаго міра Генри Осборна).

Міръ Божій даетъ постоянно свѣдѣнія объ успѣхахъ науки и о нашей общественной жизни, въ приложеніи печатаются хорошія научныя сочиненія (переводныя), наприм., *Исторія цивилизаціи* Дюкудрэ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1895 г.

А..., нар. учит. О положительномъ воспитаніи. Спб. 1895 г. Ц. 65 к.

Алферовъ, А., Грузинскій, А., Нелидовъ, Ф., и Смирновъ, С. Десять чтеній по литературѣ. Изд. Мамонтова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аффольтеръ, А. Основныя черты общаго государственнаго права. Пер. съ нѣм. В. Ивановскаго. Казань, 1895 г.

Барановъ, А. Осенью. Разсказы и сказки. Изд. Кекина. Вятка, 1895 г.

Баранцевичъ, К. Флиртъ и другіе разсказы. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Beltza, Stanisław. W kraju tysiaca jezior. Warszawa, 1896 г.

Библіографическій указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ (годъ первый). Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Витковскій, А. Г. Аринушка. Изд. Каспари. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вучетичъ, Н. Г. Злой человѣкъ. Изд. Вучетича. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Гансъ Закcъ, башмачникъ-поэтъ. Изд. А. Дредера. Харьковъ, 1895 г.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Гаршинъ, Евгеній. Русская литература XIX вѣка. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.

Гайсбергъ, С. Ф. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Изд. 3-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Гегидзе, Т. Е. Поруганная честь. Витебскъ, 1895 г.

Гефель. Противъ разврата. Пер. съ нѣм. А. Калмыковой. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1896 г. Ц. 10 к.

Гигіена сна. Какъ обезпечить себѣ крѣпкій и здоровый сонъ. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Пер. А. Острогожскаго. Изд. 3-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Гольдштейнъ, М. Л. Впечатлѣнія и замѣтки. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р.

Дьяконовъ, М. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVI и XVII вѣк. Спб., 1895 г.

Жиро, П. Общества у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва., 1896 г. Ц. 1 р.

Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія іюльской сессіи 1895 г. Вятка, 1895 г.

Журналы полтавскаго губернскаго земскаго собранія XXX очереднаго созыва 1894 года. Полтава, 1895 г.

Звонокъ, юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. Соч. и изд. Д. Александрова. М., 1895 г.

Зелинскій, В. Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда“ и „Наканунѣ“ И. С. Тургенева. Москва, 1995 г. Ц. 70 к.

Золотаревъ, Л. А. Супружескія измѣны, ихъ значеніе и причины. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

Извлеченіе изъ отчета по харьковскому земледѣльческому училищу за 1894 г. Харьковъ, 1895 г.

Исаевъ. Начала политической экономіи. Изд. 3-е, дополненное. Спб., 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Карбе. Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

Кирхенгеймъ, А. Обзоръ юридической литературы за 1884—1894 гг. Пер. съ нѣм. П. Н. Апостолъ. Москва, 1895 г. Ц. 45 к.

Клемпереръ, д-ръ. Основы клинической діагностики. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. съ нѣм. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 4 р.
Lange, A. Poezye.
Лапинъ, В. Пѣсни горя. Хабаровскъ, 1895 г.
Лебединскій, П. А. „Іоаннъ Креститель", стихотворное повѣствованіе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Перев. А. Аксарова. Изд. Бейленсона. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
Липранди, А. П. Австрійская оккупація Босніи и Герцеговины. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Пер. съ нѣм. Изд. У. Юровскаго. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасека. Изд. М. В. Клюкина. М., 1896 г. Ц. 30 к.
Маленькая антологія. № 1. Китай и Японія. Спб., 1896 г. Ц. 30 к.
Мурашкинцевъ, Н. А. О сибирской язвѣ. Москва, 1895 г. Ц. 5 к.
— О бугорчаткѣ домашнихъ животныхъ. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 5 коп.
Мюссе, Альфредъ. Ночи. Пер. А. Д. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Общество попеченія о бѣдныхъ и безпріютныхъ дѣтяхъ въ Москвѣ и ея окружностяхъ. Отчетъ за 1894 г. М., 1895 г.
Объ участіи губернскаго земства въ развитіи начальнаго образованія и въ распространеніи грамотности. Полтава, 1894 г.
Основы поэтики. Изд. педагогическаго отдѣла историко-филологическаго общества. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
Отчетъ генеральнаго коммисара русскаго отдѣла всемірной колумбовой выставки въ Чикаго. Спб., 1895 г.
Отчетъ - ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Кіевъ, 1895 г.
Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1894 г. Харьковъ, 1895 г.
Отчетъ совѣта петербургскаго фребелевскаго общества для содѣйствія первоначальному воспитанію за 1893—1894 гг. Спб., 1895 г.
Отчетъ по лѣсному управленію за 1894 годъ. Спб., 1895 г.
Отчетъ полтавской губернской земской управы объ обезпеченіи населенія продовольствіемъ вслѣдствіе неурожая въ 1892 году. Полтава, 1894 г.
Отчетъ дирекціи херсонской общественной библіотеки за 1894 г. Херсонъ, 1895 г.
Отчетъ о дѣятельности новочеркасской коммиссіи народныхъ чтеній за 1893—1895 гг. Новочеркасскъ, 1895 г.
Отчетъ о дѣятельности общества распространенія полезныхъ книгъ въ области Войска Донского съ 1 мая 1893 г. по 1 января 1895 г. Новочеркасскъ, 1895 г.
Пелисье, Жоржъ. Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Пер. Ю. В. Доппельмайеръ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1895 г. Ц. 2 р.
Penzold, F., и Stintzing, R. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Вып. 4. Спб., 1895 г.
Петерсонъ, О. Семейство Бронтё. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Поддерегинъ, Д., технол. Отчетъ министерству народнаго просвѣщенія. Спб., 1895 г.
По, Эдгаръ, Таинственные разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пособіе для устройства общедоступныхъ научныхъ и литературныхъ чтеній. Изд. педагогическаго отдѣла харьковскаго историко - филологическаго общества. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Протоколы съѣзда врачей александровскаго уѣзднаго земства за 1894 г. съ приложеніями. Александровскъ, 1895 г.
По поводу указаній вятскимъ земствамъ, какъ слѣдуетъ вести имъ дѣло народнаго образованія. Вятка, 1895 г.
Потапенко, И. Одинъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.
Пѣтуховъ, Е. В. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. Изд. 2-е. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
Рашевскій, И. Замѣтки по фармакологіи для фельдшеровъ. Изд. 2-е. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства съ 1886 по 1892 гг. Издан. полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества. Полтава, 1894 г.
Фонъ-Риттеръ, А. А. Наброски. Москва, 1896 г. Ц. 50 к.
— Нюта. Разсказъ. М., 1896 г. Ц. 15 к.
Сборникъ пермскаго земства. Пермь, 1895 г.
Святскій, И. Драгоцѣнные камни. Изд. П. П. Сойкина. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Свѣтловъ, В. Семья или сцена? Романъ. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
Свѣдѣнія о ветеринарно-санитарномъ состояніи Московской губерніи за март 1895 г.
Слюнинъ, Н. В., д-ръ. Водныя богатства Приморской области.
— Экономическое положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Сибири.
Соколовскій, А. Л. Шекспиръ. Т 4-й. Спб., 1895 г Ц. 1 р. 25 к.
Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторы

изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. М., 1895 г.

Спутникъ по Казани. Годъ первый. 1895—1896 гг. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.

Третій годовой отчетъ московской городской санитарной станціи. М., 1895 г.

Утинъ, Е. И. Изъ литературы и жизни. Т. I и Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 руб.

Ученыя записки императорскаго Юрьевскаго университета. Юрьевъ, 1895 г.

Фуллье, А. Современная наука объ обществѣ.

Хрущовъ, Я. Ѳ. Бесѣды о лѣсѣ. Минскъ, 1895 г.

Царевскій, А. А. С. Я. Надсонъ и его поэзія мысли и печали. Казань, 1895 г. Ц. 1 р.

Диксонъ, Чарльсъ. Перелетъ птицъ. Перев. съ англ. графини Е. П. Шереметевой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Чермакъ, Н. О построеніи живого вещества. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Чешихинъ, Всеволодъ. Жуковскій, какъ переводчикъ Шиллера. Рига, 1895 г. Ц. 60 к.

Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Изд. Байкова, 1895 г. Вып. III.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Ч. 2-я. Изд. А. Ф. Девріена. Спб., 1896 г. Ц. 85 к.

Шмидтъ, П. Ю. Біологическіе этюды. Изд. журнала „Научное Обозрѣніе". Спб., 1895 г.

Шперкъ, Ѳедоръ. О страхѣ смерти и принципѣ жизни. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.

Шредеръ, К. Учебникъ акушерства. Изд. 5-е. Спб., 1896 г. Ц. 5 р.

Штевенъ, А. Изъ записокъ сельской учительницы. Спб., 1895 г Ц. 75 к.

Штейнгауеръ, И. С. Земля и небо. Общедоступныя бесѣды о мірозданіи для грамотнаго народа и публичныхъ чтеній. Изд. II. Спб., 1895 г. Ц. 10 коп.

Штрайслеръ, Фридрихъ. Исторія культуры. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1896 г. Ц. 40 к.

Энциклопедическій словарь Граната. Т. XVI. Спб., 1895 г.

Юрченко, А. Краткій практическій курсъ сельскаго хозяйства, огородничества и садоводства. Воронежъ, 1895 г.

Яновскій, А. П. Удобреніе фосфоритомъ. Изд. В. Н. Маракуева. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 октября по 1 ноября 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб.
— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
— Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мицкевичъ, Адамъ. Крымскіе сонеты. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдева. М. 1895 г. Ц. 30 к.

Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.

Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 75 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль". Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ) Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изд.) Ц. 1 р. 50 к.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?" Цѣна 1 руб.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб.
— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Чеховъ, Ан Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Хлѣбъ. Романъ. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к. Пересылка по вѣсу и разстоянію.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Абровъ, Н. Отъ Марселя до Одессы черезъ Аѳины и Константинополь. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Агаповъ, Д. Е. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Азбелевъ, И. П. Японія и Корея. Замѣтки изъ кругосвѣтнаго плаванія. Съ 15-ю рис. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Александровъ, Д. А. Звонокъ. Юмористическій альманахъ и календарь на 1896 г. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; средн. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Алябьевъ, Б. Связка интимныхъ писемъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейцеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрэ, М. Ф. Упражненія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Ц. 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтіарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Везэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Өедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Веръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.
Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Бернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Бильдерлингъ, А. Просвѣтители Россіи. Фототипіи исполнены въ мастерской А. И. Вильборга. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Вичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Влеклей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.
Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Кіевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Исторія цивилизаціи въ Англіи въ популярномъ изложеніи Нотовича. Седьмое изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Боровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
— Фабричные паровые котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
Боттонъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
— Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
Брассъ, Леонъ. Гуттаперча, ея происхожденіе, добыча и обработка. Перев. съ французскаго Бессонъ инженеръ-технологъ. Спб., 1895 годъ. Ц. 1 р.
Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Врикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Брусиловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на зеленевой бум. 60 к.
Брюкке, Эрнестъ. Красота и не-

достатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буанъ, Эмиль. Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

– Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

– Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 к.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бузольтъ, Георгъ. Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бѣлецкій, И. Почвовѣдѣніе. Образованіе почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Бюрстенбиндеръ. Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Артельныя начинанія русскаго общества. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Вальтеръ, проф. Море и его жизнь. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. А. Н. Краснова. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Ванъ-Тигемъ. Общая ботаника (морфологія, анатомія и физіологія растеній). Подъ редакціею, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 политип. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.

Ванклинъ, Альфредъ. Химія каменноугольно-газоваго производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Введенскій, Алексѣй. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 60 к.

— П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— О религіозной философіи Виктора Дмитріевича Кудрявцева. Харьковъ, 1893 г. Ц. 40 к.

— Очеркъ современной французской философіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

— Рѣчь передъ защитой диссертаціи: Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М., 1891 г. Ц. 30 к.

— Демоніонъ Сократа. Этюдъ по исторіи древней философіи. Серг. Пасадъ, 1893 г. Ц. 40 к.
— Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи. Сергіевъ Посадъ. 1894 г. Ц. 3 р.
— Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ-за границы). Съ приложеніемъ характеристики: „Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ". Серг. Посадъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейнбергъ, Павелъ. Новые разсказы и сцены. Второе изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
— Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Старинный театръ въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

***Виндельбантъ.** Исторія древней философіи. Спб., 1893 г. Ц. 3 р.

Винкельманъ, I. I. Исторія искусства древности. Ревель, 1890 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Владимірова, А. К. (А. Европеусъ). Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Владиславлевъ, М. Учебникъ логики. Одобренъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія какъ руководство для гимназій. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
— Книга для учителей. Ц. 60 к.
— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
— Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II, Ц. 60 к.
— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
— Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.

Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
— Гипнотизмъ и внушеніе. Перевелъ съ нѣмец. Колубовскій. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гавкинъ, Н. Я. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. 1. М., 1893 г. Ц. 2 р. Вып. 2. Торговыя сдѣлки. Ред. прив.-доц. Моск. университета Гусакова. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Гаспари, Альфредъ. Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.

Гейнце, Н. Э. Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
— Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.

Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.

Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.

Германъ, Ф. Л., д-ръ. Какъ лѣчились московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
— Суевѣріе въ медицинѣ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Переводъ съ англійскаго съ примѣчаніями и предисловіемъ Каменскаго. Культурно-историческая библіотека № 1. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка

и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.: часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Гиляровъ, А. Н. Источники о софистахъ. Платонъ какъ историческій свидѣтель. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Гиршъ Вильямъ, д-ръ. Геніальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Глинскій, А. Г. Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.

Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Головачева-Панаева. Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Гольцендорфъ, Ф., проф. Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Гоніондзскій, З. А. Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Машины и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Горстманъ, А. О теоріи растворовъ. Спб. 1893 г. Ц. 40 к.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета и. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гримо, Э. Элементарный курсъ органической химіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 8 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

— Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности. М., 1889 г. Ц. 50 к.

— О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г. Ц. 70 к.

— Устои нравственной жизни и дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 30 коп., съ перес. 40 к.

— Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка. М., 1889 г. Ц. 40 к.

— Нравственные идеалы нашего времени. Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Грузинцевъ, А. П. Электромагнитная теорія свѣта. Харьковъ, 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 8 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

— Стихотворенія. Вып. V. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данилевскій, В. Я., проф. Чувство и жизнь. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Данилевскій, Н. Я. Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ училищъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Деппъ, Г. Ф. Бездымное сожиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. 50 к.

Дерюжинскій, В. Ф. Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джабадари, И. С. Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣнтяя. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Добкевичъ, Б. Конспектъ по уголовному процессу. Составилъ примѣнительно къ программѣ юридической коммиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
Додоновъ, А. М. Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
Додэ, Альфонсъ. Сцена и кулисы. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Дриль, Дм. Преступность и преступники (уголовно-психологическіе этюды). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
Дрэперъ, Дж. В. Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
Дюверну, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
Дюмуленъ. Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
Дюрсенъ, А., д-ръ. Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 105 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Дю-Прель, Карлъ. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
*Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея за 1895 г. Ц. 1 р.
Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
Жакье, Э. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Желанскій, А. Скамья и каѳедра. Разсказы изъ гимназической жизни семидесятыхъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
***Жиро, П., проф.** Общество у животныхъ. Перев. В. Склифосовскаго. Москва, 1896 г. Ц. 1 р.
Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Жюль Вернъ. Гекторъ Сервадакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
***Зеландъ, Н.** Здоровье и счастье. М., 1895 г. Ц. 2 р.
Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ А.С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Критическіе Момментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чахотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серія романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Маленькій Эйольфъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Съ портретомъ автора и краткими свѣдѣніями объ его жизни и литературной дѣятельности. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Игра футоолъ съ политипажами въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Поровоской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 189¹/₂ г.

Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Казанскій, А. Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Одесса, 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Камаровскій, Л., проф. Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Канторовичъ, Я. Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Кантъ, Иммануилъ. Пролегомени ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ. А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

***Каринскій, М.** Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи. Спб., 1873 г. Ц. 2 р.

Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Карышевъ, Ив. А. Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра". М., 1891 г. Ц. 60 к.

— Духовно-нравственный міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Составъ человѣческаго существа. Жизнь и смерть. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Карѣевъ, Н., проф. Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

— Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кацолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 75 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенигъ, Ф., д-ръ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.

Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киландъ, Александръ. Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.

Клау, Ѳ. Ѳ. Краткій очеркъ химическихъ явленій. Составилъ по программѣ реальныхъ училищъ. Съ 34 политипажами въ текстѣ. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 70 к.

Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

— Происхожденіе современной демократіи. Въ 2-хъ томахъ. М., 1895 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 коп.

Козловъ, А. А. Очерки изъ исторіи философіи. Понятія философіи и исторіи философіи. Философія восточная. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Тардъ (G. Tarde) и его теорія общества. Кіевъ, 1887 г. Ц. 1 р.

— Гипнотизмъ и его значеніе для психологіи и метафизики. Кіевъ, 1887 г. Ц. 75 к.

— Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого: „О жизни". М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 40 к.

— Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый вмѣсто „Философскаго трехмѣсячника". Кіевъ, 1888 г. № 1. Ц. 2 р. съ пер.; 1889 г. № 2. Ц. 2 р. съ пер.; 1890 г. № 3. Ц. 2 р. съ пер.

Козловскій, С. А. Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ процентовъ, учета векселей, цѣнное, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сроковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.

— Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ А. Малинина и К. Буренина. Вып. II. Правило процентовъ (простыхъ и сложныхъ). Съ № 2891—3100 включительно. Борисовъ, 1894 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

Козлинина, Е. И. Обездоленныя дѣти. Очеркъ изъ судебной практики. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Колеръ, I., проф. Шекспиръ съ точки зрѣнія права. (Шейлокъ и Гамлетъ). Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.

Колубовскій, Я. Философскій ежегодникъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Колэ, Л. Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

*— Паденіе античнаго миросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Лекціи, читанныя въ Московскомъ политехническомъ музеѣ въ 1891—1892 год. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Коренблитъ, А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).

Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.

— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.

Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Коченовскій. Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской коммиссіи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.

— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.

— Прогрессивный общій параличъ. Пер. д-ра Вольтера. Харьковъ, 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

*Крестный календарь на 1896 г. Гатцука. Ц. 15 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. (Культурные скиты и культурныя одиночки). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кривошеинъ, Г. Г., и Саткевичъ, А. А. Военные инженеры. Висячій мостъ со среднимъ шарниромъ статически-опредѣлимая система. Чертежи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.

Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.

Крихлеръ, Францъ. Породы собакъ. Описаніе всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и комнатныхъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Добрымъ дѣтямъ иллюстрированны разсказы въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

*—Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. I). Изд. 2-е, доп. М., 1895 г. Ц. 1 р.

*—На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы.

(Живыя души, т. II). Изд. 2-е, дополн. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

***Кудрявцевъ, В.** Введеніе въ философію. Изд. 2-е. М., 1890 г. Ц. 40 к.

***Кудрявцевъ-Платоновъ,** сочин. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Ц. 1 р. 50 к. Вып. III. Ц. 1 р. 50 к.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно-Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
— Артуръ Шопенгауэръ. Пер. Грумъ-Гржимайло. М., 1894 г. Цѣну за два выпуска 2 р. 50 к., по выходѣ второго выпуска 3 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.

Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
— Основанія политической экономіи. Переводъ съ 4-го французскаго изданія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лависсъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Ланге, Н. Н. Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи. Теорія волевого вниманія. Одесса, 1893 г. Ц. 2 р.

Ландцертъ, В. П. Спутникъ по Россіи. Лѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Лаоси. „Тао те кингъ". Переводъ съ китайскаго со введеніемъ Д. П. Кониссн. М., 1894 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
— Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
— Какъ надо жить. Перев. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Лёбе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.

Лёвенфельдъ. Л. Половая неврастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Ле-Бонъ, Густавъ. Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Ладвезъ. Фото-сепія и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Избранныя философскія сочиненія. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Избранныя философскія сочиненія. Подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Москва, 1890 г. Ц. 2 р.

Лейненбергъ, Н. Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о вліяніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Леонтьевъ, Н. І. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Барнгельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
*Летурно, Ш. Соціологія основанная на этнографіи. Пер. съ послѣдняго французскаго изданія. Вып. I. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Лидовъ, А. П., проф. Руководство къ химическому изслѣдованію жировъ и восковъ. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Харьковъ, 1894 г. Ц. 3 р.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лодыгинъ, П. Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
Лопатинъ, Л. М. Понятіе объ индукціи. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Положительныя задачи философіи. М., 1886 г. Ц. 2 р.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Сочиненія. 3 тома Спб., 1894 г. Ц. по 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Лучицкій, И., проф. Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
— Бѣшеная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
— Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
*Любимовъ, Н. А. Исторія физики. Ч. I. Періодъ греческой науки. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
*— Философ. Декарта. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Маевскій, П. Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополнен.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб.. 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
— Акъ-Бозатъ. Разсказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
— Уральскіе разсказы. Т. II. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Горное гнѣздо. Романъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Три конца. (Уральская лѣтопись). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
*— Весеннія грозы. Ром. въ 3-хъ част. Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мантегацца, П. Физіологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Физіологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
*— Физіономія и выраженіе чувствъ. Пер. съ францув. подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Я. Грота и Е. В. Вербицкаго. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.
Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М.,1890 г.
Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.
— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
Маудсли, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Маурeръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
Мачтѐтъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
— На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.
— Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семья Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лебону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мёбіуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к. № 33. Спенсеръ, Г. О нравственномъ воспитаніи. Ц. 20 к. № 34. Фулье, А. Характеръ расъ и будущность бѣлой расы. Ц. 15 к. № 35. Летурно, Ш. Прошедшее и будущее литературы. Ц. 20 к. Гижицкій Г. Основы морали. Одесса, 1895 г. Ц. 60 к.
Мёбіусъ, д-ръ. Гигіена, діэта и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.
Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
Металлодавильное дѣло (выдавливаніе полыхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
Микуличъ, В. Зарницы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
Миллеръ, В. П. Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ

растеній и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Милль, Джонъ-Стюартъ. Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Мильтонъ. Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Михайловъ-Викторовъ. Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мороховецъ, Левъ, проф. Имп. Моск. унив. Физико-химическія основы біологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физіологической техниковой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.

Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мункъ, І., д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, пріютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

***Мюссе, А.** Ночи. Перев. А. Облеухова. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія сказки. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— „На добрую память" изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

N. N. Снабженіе горячей водой небольшихъ жилыхъ домовъ. Переводъ съ англійскаго инж. техн. Л. Л. Боровича. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Ѳедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Способы воздухонасыщенія комнат-

ныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

***Нимейеръ, Павелъ, д-ръ.** Геморрой. Причины болѣзни, способы лѣченія и предупрежденія ея. Пер. В. Бороздича. Казань, 1895 г. Ц. 50 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нотнагель, Г. д-ръ. Руководстве къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Новѣйшая исторія Англіи 1865—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Изд. „Международной библіотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг. Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности комитета грамотности, состоящаго при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. М., 1895 г. Ц. 15 к.

***Очеркъ исторіи греческой философіи** Целлера. Перев. съ нѣмецкаго М. Некрасова, подъ редакц. М. Каринскаго. Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Объ устройствѣ водяныхъ клозетовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газеты“. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оже, Люсьенъ. Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Ожешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Орловъ, К. В., д-ръ мед. Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.

Оровичъ, Я. Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Освальдъ, Фридрихъ. Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. М, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ разсказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

— Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

***Образовательныя игры, учебныя пособія и полезныя занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ** Вл. А. Попова: 1) „Подвижныя животныя“. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра-пособіе для ознакомленія дѣтей съ царствомъ животныхъ). Два выпуска. Ц. каждому выпуску, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45

коп.—2) „Рисованіе по трафаретамъ“: Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть карт. табл. различн. животныхъ). Ц. каждому конверту 35 коп.—3). „Складная карта Европейской Россіи“. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 коп.—4) „Тѣневые портреты русскихъ писателей“. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Ц. 40 коп.—5) Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ писателей, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній: а) „Цыгане“, А. С. Пушкина; б) „Мазай и зайцы“, Н. А. Некрасова; в) „Дѣдушка“, И. С. Никитина. Ц. каждой картинкѣ 45 коп.—6) „Ручныя тѣни“. (Любимая дѣтская забава). Ц. 15 коп.—7) „Затруднительное путешествіе“. (Игра-задача). Ц. 15 к.—8) „Лихіе наѣздники“. (Шутка-задача). Ц. 10 к.—9) „Замысловатый квадратъ“. (Головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность, съ предисловіемъ и чертежомъ). Ц. 25 коп. — 10) „Мудреный кругъ“. (Тоже). Ц. 25 коп.—11) „Русская подвижная азбука для школъ“. (Крупныя буквы, знаки препинанія и цифры, въ коробкѣ). Цѣн. 35 коп.—12) „Русская подвижная азбучка“. (Буквы и цифры, въ коробкѣ). Ц. 15 коп.—13) „Русская азбука на кубикахъ. (6 алфавитовъ на 35 кубикахъ, въ красивой коробкѣ). Ц. 50 коп.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляйелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юмъ, Ѳедотовъ

Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Педаевъ, Д. Атмосферное электричество. Очеркъ. Харьк., 1895 г. Ц. 60 к.

Пекаторосъ, Г. М. Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.

Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Литературное движеніе въ XIX столѣтіи. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Пеллико, Сильвіо. Мои темницы. Съ рисунками. Переводъ Гариной. М., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Песоцкій, Н. А. Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Систематическое обученіе практическимъ пріемамъ столярнаго ремесла въ 2-хъ частяхъ. Съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1890 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

***Петерсонъ, О.** Семейство Бронтё (Керреръ, Элисъ и Актонъ Белль). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. Въ пользу общ. вспомож. кончив. высшіе женск. курсы.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ. Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.

Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1898 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).

Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М., 1891 г. Ц. 2 р.

Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань, 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.

*— Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М., 1896 г. Ц. 1 р.

*— Одинъ. Ром. М., 1896 г. Ц. 2 р.

Починъ. Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.

Прессъ. Руководство къ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

— Искусственное высушиваніе дерева, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Прёльсъ, Р. Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнительною статьей В. В. Чуйко. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.

Приготовленіе протравъ для дерева и поддѣлка простыхъ породъ дерева. Изд. „Ремеслен. Газеты", 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Програмы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Пругавинъ, А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Рабовъ, С., проф. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ для врачей и студентовъ. Харьковъ, 1894 г. Цѣна въ клеенкѣ 1 р. 40 к.

Радда-Бай (Е. П. Блаватская). Изъ пещеръ и дебрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ". Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радловъ, Э. Л. „Объ истолкованіи" Аристотеля. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ (изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейтцъ, В. Лекціи по паталогіи и терапіи дѣтскаго возраста. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
*— Земля. Въ VI выпускахъ. Вып. I—ц. 90 к. Вып. II—ц. 1 р. 30 к. Вып. III—ц. 1 р. 10 к. Вып. IV—ц. 1 р. 10 к. Вып. V—ц. 1 р. Вып. VI—ц. 1 р. 30 к.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Кіевъ. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 дополн. франц. изд. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
*— Изслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ французск. Максимовой. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 р. М., 1888 г.
Рихтеръ, Е. Элементарная геометрія въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (изд. 5). Спб., 1893 г. Ц. 3 р.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орѳографическій словарь. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Ростовская, М. Ѳ. Звѣздочки. Повѣсти и разсказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Разсказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Разсказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунк. Изд. третье, исправлен. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Повн. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
*Русская библіотека. № 6. Южаковъ, С. Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина. Ц. 20 к. № 7. Карѣевъ, Н., проф. Что такое общее образованіе? Ц. 20 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р., а за каждый томъ отдѣльно по 1 р. 75 к. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Сост. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 к.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Свѣтухинъ, М. И. Къ діагностикѣ болѣзней сердца. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.

Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Сёлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчкій. Т. 1. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Серебрениковъ, В.** Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 года. Ц. 80 к.
Сикорскій. Заиканіе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
Симсонъ, Э. О певыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.
Скворцовъ, Ир. П., проф. Основные вопросы лечебной гигіены. Отдѣлъ первый. Леченіе климатическое. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Складная карта Европейской Россіи. (Пособіе при изученіи географіи и для самообразованія.) Изданіе Вл. А. Попова. Ц. 60 к.
Сковорода, Г. С. Сочиненія собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣевымъ. Харьк., 1894 г. Ц. 4 р.
Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 р.
— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.
— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц 60 к.
— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. 2 тома. Цѣна за оба тома 4 руб.
Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.
— Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнительною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Долгъ (Нравственныя обязанности человѣка). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
— Москва—Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
Снегиревъ. Судебныя драмы. А. Бартеневъ. Убійство Висновской. Г. Шамбижъ. Убійство Гриль. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія). М., 1894 г. Ц. 40 к.
Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Сперанскій, Сергѣй. Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
Станюковичъ, К. М. Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины. Токологія или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисл. гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
Стороженко, Н. И., проф. Поэзія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ I томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
Страховъ, Н. Міръ какъ цѣлое, черты изъ науки о природѣ. Изданіе 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
***Струве, Генрихъ.** Введеніе въ философію. Варшава, 1890 г. Ц. 3 р.
Судебныя драмы. Жанъ Делаклоняжъ. Ц. 30 к.
— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
— Убійство Бефани. Ц. 40 к.
— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.
— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
*— Ольга Палемъ (Убійство студента Довнара). М., 1895 г. Ц. 1 р.
Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
***Сѣровъ, А. Н.** Критическія статьи. Т. I, II, III, IV. Спб., 1892—1895 гг. Ц. за всѣ 4 т. 6 р.
Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
Тардъ, Г. Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
Таренецкій, А., проф. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петербургѣ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго ореографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковнославянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.
— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токарскій, А. А., приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эпидеміи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ,— 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.
— Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 окт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.
— Гипнотизмъ въ педагогіи. Ц. 20 к.
— Международный конгрессъ по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. М., 1889 г. Ц. 10 к.
— Къ вопросу о вредномъ вліяніи гипнотизированіи. Спб., 1889 г. Ц. 50 к.
— Меряченіе и болѣзнь судорожныхъ подергиваній. М., 1893 г. Ц. 1 р.
— Терапевтическое примѣненіе гипнотизма. М., 1890 г. Ц. 60 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
— „Ходите въ свѣтѣ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Торминъ. Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Ч. II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р. 60 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 р. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Троицкій, М. Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи. Т. I и II. М., 1883 г. Цѣна за оба тома 6 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евг., кн. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. Ч. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубецкой, С., кн. Мнимое язычество или ложное христіанство? Отвѣтъ о. Буткевичу. М., 1891 г. Ц. 20 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ, И. Чтеніе объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уерингъ, Рудольфъ. Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Ульцманнъ, Робертъ, проф. Лекціи по болѣзнямъ мочевыхъ органовъ. Вып. IV и V послѣдній. Переводъ подъ редакціей доктора медицины Н. П. Федченко. Харьковъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. XII. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

***Фалькенбергъ.** Исторія новой философіи отъ Николая Кузанскаго (XV в.) до настоящаго времени. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Фаусеттъ. Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Федоровъ, П. А., техн. Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпиловочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ Гипсовыхъ и папьемаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Федосѣевъ, П. А. Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. (Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фейгинъ, Ф., д-ръ мед. Привычные запоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М. 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2 Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ южнымъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Филипповъ, Ал. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фишеръ, Г. Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикаціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ пріемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни по поводу Крейцеровой сонаты. Перев. съ нѣмецкаго. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

***Фурнье, А.** Леченіе сифилиса. Пер. Говсѣева. Изд. 2-е. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Фэйе. Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 85 к.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Хрущовъ, П. Введеніе къ изученію теоріи химическихъ равновѣсій. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.
— Рѣчь къ судьямъ за Т. Анній Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.
— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.

***Чешихинъ, Всев.** Жуковскій, какъ переводч. Шиллера. Ц. 60 к.
*— Стихи. Ц. 1 р.

Чижъ, В., проф. Криминальная антропологія. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Опыты по исторіи русскаго права. М., 1858 г. Ц. 1 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М., 1862 г. Ц. 1 р.
— Курсъ государственной науки. Ч. I. Общее государственное право. Москва, 1894 г. Ц. 3 р.
— Собственность и государство. Т. I. М., 1882 г. Ц. 4 р. Т. II. М., 1883 г. Ц. 4 р.
— Очерки Англіи и Франціи. Москва, 1858 г. Ц. 1 р.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.

Чуевскій, И. А., д-ръ. Конспектъ физіологіи человѣка. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шалуны. Юмористическія сцены съ рисунками Буша. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шамуринъ-Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
— Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.

Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія въ 2-хъ томахъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Цѣна за оба тома 3 р.

Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.

Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
*— Всеобщая исторія литературы. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга. Изд. Байкова. Принимается подписка. Ц. 6 р. безъ дост., съ пер. и дост. 8 р. Вышли 1, 2, 3 и 4 вып.

Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М.; 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Счесновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Штейнъ, Вл. Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Спб., 1887 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Графъ Джіакомо Леопарди и его теорія infelicità. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шумковъ, И. В. Верблюдъ какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пер.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эдвинсонъ, Г. Руководство спайки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіена въ примѣнеіи къ обыденной жизни). Сбп., 1891 г. Ц. 40 к.
Экштейнъ, I., проф. № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
Экштейнъ, Ф. А. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ исопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Юровъ, А. Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
Юрьевъ, Мих. Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
— Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
— Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р 50 к.
Юлій Цезарь. Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янжулъ, И. И., проф. Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

---

*Album universel. Съ видами Италіи, Швейцаріи, Франціи, Германіи, Турціи, Греціи и другихъ странъ. 30 выпусковъ, въ каждомъ по 16 видовъ. Цѣна 30 вып. 7 р. 50 к. Каждому отдѣльно 30 коп.
Bow, R. H. Графическія данныя раціональнаго разсчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Hager'a, H., д-ръ. Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. За всѣ пять выпусковъ 3 р. Кіевъ, 1895 г.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблицѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. M., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Moebius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Ribot, Th. О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Матеріалы для изученія дифтеріи. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Salomonsen, C., проф., и Черевковъ, д-ръ. Руководство къ практической (технической) бактеріологіи. Общая и спеціальная часть для врачей, ветеринаровъ и студентовъ. Съ 81 рис. въ текстѣ. Харьк., 1894 г. Ц. 3 р.
Schrader, W. Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.
Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
Unwin. Основы построенія частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к
Weil-Mantou, d-r. Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abe des tout petits. Couveture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*

L'Abe du premier âge. Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*

L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*

L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.

Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par. Myrbach.

—

Вторая серія.

Цѣна по 40 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Frère et soeur, ill. par Vogel.

Gargantua, ill. par Myrbach.

Petite Poucette, ill. par Job.

Don Quichotte, ill. par Myrbach.

Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Третья серія.

Цѣна по 20 коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.

La Semaine de Julie, ill. par Martin.

Guignol, ill. par Job.

Jean L'ours, ill. par Massé.

Paul dans la lune, ill. par Job.

L'oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy, ill. par Clérice.

Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.

Le Baron de Kraek, ill. par. Chovin.

—

Четвертая серія.

Цѣна по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Cendrillon, ill. par Grivaz.

Tome Pouce, ill. par Vogel.

Folle journée, ill. par Steinlen.

Barbe bleue, ill. par Vogel.

Pierrot, ill. par Jozet.

L'assaut du moulin, ill. par Tofani.

Le Chat botté, ill. par Myrbach.

Le prince Saphir, ill. par Gumery.

Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Пятая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.

Mon père m'a donné un mari, ill par Bouisset.

Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.

Gribouille, ill. par Steinlen.

Il était une bergère, ill. par Bouisset.

Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.

M. de la Palisse, ill. par Chovin.

Malb'raugh, ill. par Clérice.

Cadet Rousselle, ill. par Faria.

La Mère Michel, ill. par Faria.

Le Roi Dagobert, ill. Chovin.

Abc des tous petits, ill. par Bouisset.

Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.

Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Шестая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.

Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.

La Première Poupée, ill. par Bouisset.

Le Voyage de Lucie, ill. Godefray

Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.

La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.

Le Bain de Minet, ill. par Godefray.

La petite fermière, ill. par Bouisset.

La petite Ménagère ill. par Bouisset.

La petite meunière.

—

Седьмая серія.

Цѣна по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.

Bambins et bambines, ill. par Harding.

—

Восьмая серія.

Цѣна по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.

La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.

Album des enfants sages. Illust. par Harding.

Heureux âge, ill. par Harding.

—

Книги для чтенія для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.

Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.

Цѣна каждаго тома безъ переп. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriveau.
Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.
Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
La plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.
Une partie de plaisir, par Roger Dombre.
Le théatre de Polichinelle, par le papa de Nénette.
Les vacances de Paul, par M-me J. de Sobol.
Les bonheurs de Pauline, par M-me de Bosguérard.
Mémoires d'une chèvre, par M-me la comtesse de T.

—

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit omme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugéne. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
„ „ Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

—

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
„ Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
„ Les Rogimbot.
„ M lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
„ Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
„ Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
„ L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
„ Les héros modestes.
„ Les coeurs aimants.
„ Amour de mère.
Paloff. Lucien et Lucienne.

—

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque rose illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Jean qui grogne et Jean qui rit. par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Les bons enfants, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Ferogio.
Les deux nigauds, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Pierrot, par m-lle Julie Gouraud, ill. par éd. Zier.
L'auberge de l'ange-Gardien., par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Foulquier.
Pauvre Blaise, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes de fées, tirés de Charles Perrault de m-me d'Aulnoy et le prince de Beaumont, Ill, par Bertall, Beaugé etc.
La soeur de gribouille, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Castelli.
Contes choisis des frères Grimm., traduits de pallemand par Frédéric Baudry ill. par Bertall.
Après la pluie le beau tempa, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par E. Bayard.
Voyages de Gullver, a lilliput, a brobdingnag et au pays des houyhnhnms par Swiet.
Memoires d'un ane, par m-me la comtesse de Ségur ill. par Horage Castelli.

Le mauvais Génie, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Les premiers chants, par Fournier, ill. par Gustave Roux.
François le Bossu, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Emile Bayard.
Quel amour d'enfant, par m-me la comtesse de Ségur, ill. par Bayard.
Bibliothèque de la famille. In 8°. Illustrée.

Каждый томъ въ переплетѣ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.—Puck—Mein Miezi.—Nach Helgoland.— Mutter Glaus und ihre Lieblinge—Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—Das Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.— Eisenbahn ABC. — Ein treuer Hausfreund.—Hucke-Pack.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater.—Kätzchen zu Hause—Die En ten familie.—Tick-Tack für kleine Leute.— Was ich weiss.—Bekanntes und Unbekanntes. — Zoologischer Garten. — Vas Föglein singt.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche — Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz— Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche. — Prinzessin Tausendschön.— In der Maienzeit.—Spielzeug Alphabet.— LustigeKatzen-Geschichten. — Ver nicht „liebes Kind“ will sein.—Guckkasten.— Robinson Crusoe.—Der Schneemann.— Besuch bei Grossmama.—Unsere Kameraden.—Gartenfreuden.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde—Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Biller, Im Reich der Heinzelmännchne oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 8 R. 50 K, nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchenr Schilderungen, Lebensbeschreibungeel Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfnl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Original-zeichnunden deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb, statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie fier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

—

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vièlen dunten Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonnirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonnirt. 30 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.

Gurcke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonnirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій, съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячн. журн. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 к.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.

Книговѣдѣніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.

Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 1/2 г. 5 р., съ пер. 12 р., 1/2 г. 6 р.

Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и пер. 8 р.

Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $1/2$ г. 10 р. 50 к.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $1/2$ г. съ достст. р., съ перес. 10 р.

Новое Слово. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 10 р. съ дост. и перес.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $1/2$ г. 8 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $1/2$ г. 9 р.; съ перес. 17 р , $1/2$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $1/2$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $1/2$ г. 6 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $1/2$ г. 5 р. 50 к.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р,

Нувеллистъ. Музыкальный журналъ. съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.

Образованіе. Ежемѣсячный журналъ. Спб. Ц. 5 р. съ достав. и перес.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Петербургская Газета. Газета общественн. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $1/2$ г. 5 р.; съ пер. 10 р., $1/2$ г. 6 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $1/2$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $1/2$ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $1/2$ г. 8 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.

Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборн." 13 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $1/2$ г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р ; $1/2$ г. 6 р.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.

Тифлисскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника“. Еженедѣльная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ преміею 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcelniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkicm mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranieznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo-rzemieslnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika“. Lwów, 21 reszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowsckiego. 6. rs. 10.
Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

Книги, вновь поступившія въ магазинъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца, обозначены *.

Вышли и разосланы подписчикамъ
I, II, III, IV и V-й выпуски
„ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ“
Іоганна Шерра.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями **П. И. Вейнберга.**

Содержаніе V выпуска: Средневѣковой театръ. Отд. 2-й. Франція: Провансальскіе трубадуры.—Сѣверо-французскіе труверы.—Сатира, какъ противуположность романтизму: Раблэ. — Начатки французской національной литературы. — Французскій классицизмъ (16 рис. въ текстѣ). Отдѣльныя приложенія. Портреты: 1) Мольеръ и 2) Расинъ.

Подписка продолжается. Все изданіе будетъ заключаться въ 20 выпускахъ, что составитъ **два** большихъ тома, около **1000** страницъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Отдѣлы русской и славянской литературъ будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе закончится весною 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНІЕ:

Безъ доставки **6** р. Съ доставкой и пересылкой **8** руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ въ ноябрѣ **4** р. и затѣмъ ежемѣсячно по **1** руб. до уплаты полной стоимости. Первый выпускъ можетъ быть высланъ отдѣльно за **50** коп.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ книжный магазинъ „Русской Мысли“, Москва, Большая Никитская, д. № 2—24.

Издатели **Д. В. Байковъ и К°.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ
на общественно-литературную газету
„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“
IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подъ новою редакціей приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы поставить изданіе на надлежащую высоту въ смыслѣ строгаго выбора предназначаемаго для печатанія матеріала; въ этихъ видахъ къ сотрудничеству въ газетѣ привлечены вполнѣ опытныя и свѣдущія въ газетномъ дѣлѣ лица. Въ 1896 подписномъ году въ **„Минскомъ Листкѣ“**, помимо отдѣловъ, существующихъ въ любой столичной газетѣ, будутъ помѣщаться критическіе фельетоны, посвященные обозрѣнію выходящихъ въ Россіи журналовъ. Редакція газеты озаботилась также о томъ, чтобы подписчики **„Минскаго Листка“** получали своевременныя свѣдѣнія о предстоящихъ въ будущемъ году празднествахъ **Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ** и объ открывающейся въ Нижнемъ-Новгородѣ всероссійской художественно-промышленной выставкѣ; для этой цѣли она будетъ выпускать съ 1 января 1896 года, въ видѣ прибавленій, Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства четыре раза въ недѣлю, исключая очередные нумера газеты. Такимъ образомъ, **без увеличенія подписной платы**, подписчики **„Минскаго Листка“** на 1896 г. будутъ имѣть почти ежедневную газету. Телеграммы будутъ печататься общаго содержанія и **коммерческія**; въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаться также разнаго рода **объявленія**.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой—на годъ **4** р., на 9 мѣс. **3** р., на полгода **2** р. **50** к., на 3 мѣс. **1** р. **50** к. и на 1 мѣс. **75** к., безъ доставки и пересылки—на годъ **3** р., на 9 мѣс. **2** р. **50** к., на полгода **2** р., на 3 мѣс. **1** р. и на 1 мѣс. **50** к.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ городѣ Минскѣ губ.

За редактора издатель *К. И. Зиновьевъ.*

Открыта подписка на 1896 годъ
на ТРИ изданія:

I.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„НОВОСТИ ДНЯ".

XIV годъ изданія.

Газета отводитъ на своихъ столбцахъ мѣсто всему выдающемуся въ русской жизни, отмѣчая событія въ возможной полнотѣ и яркой, живой и общедоступной формѣ.

Помимо обширной мѣстной хроники, въ „НОВОСТЯХЪ ДНЯ" помѣщаются ежедневно многочисленныя телеграфныя сообщенія и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, изъ провинціи и крупнѣйшихъ заграничныхъ центровъ—изъ Парижа, Берлина, Лондона и друг. Ежедневно помѣщается беллетристическій фельетонъ.

Желая, кромѣ того, дать читателямъ иллюстраціи къ тому богатому матеріалу, который помѣщается въ ежедневной газетѣ „НОВОСТИ ДНЯ", редакція, благодаря постоянно возростающему успѣху газеты, нашла возможнымъ дать

всѣмъ своимъ подписчикамъ БЕЗПЛАТНО

другое свое изданіе — еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕМЬЯ".

Несмотря на то, что „СЕМЬЯ" служитъ **безплатнымъ** приложеніемъ для подписчиковъ „НОВОСТЕЙ ДНЯ", журналъ этотъ представляетъ собою вполнѣ изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. д.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня. Какъ читатели могутъ сами судить по примѣру прошлыхъ лѣтъ, „СЕМЬЯ" по размѣрамъ своимъ и богатству содержанія не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія **Ихъ Императорскихъ Величествъ**, «СЕМЬЯ» дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. „СЕМЬЯ" посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Для ознакомленія съ журналомъ „СЕМЬЯ" можетъ быть высланъ любой номеръ его БЕЗПЛАТНО.

Подписная цѣна на „НОВОСТИ ДНЯ" вмѣстѣ съ еженедѣльн. журналомъ „СЕМЬЯ" въ годъ 10 р., на шесть мѣсяцевъ 5 р. 50 к., на три мѣсяца 3 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.
Въ Москвѣ въ годъ 8 р.

II.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„СЕМЬЯ“.

IV годъ изданія.

Несмотря на свою дешевизну, журналъ „СЕМЬЯ“ представляетъ собою вполнѣ изящное изданіе, въ которомъ помѣщается много интереснаго текста и масса портретовъ (іерарховъ православной церкви, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ и т. п.) и рисунковъ, относящихся къ злобѣ дня.

„СЕМЬЯ“ выходитъ по слѣдующей программѣ: 1) Изящная литература: романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія — оригинальныя и переводныя. 2) Научныя обозрѣнія и критика: литературная, театральная, художественная и музыкальная. 3) Историческія очерки и путешествія. 4) Біографія. 5) Спортъ всѣхъ видовъ. 6) Изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды и смѣсь. 7) Задачи, шарады, ребусы, игры, ноты. 8) Почтовый ящикъ. 9) Снимки съ картинъ современныхъ художниковъ. 10) Иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ. Портреты выдающихся дѣятелей. Рисунки, объясненія къ рисункамъ. Виньетки и пр. По размѣрамъ своимъ и богатству содержанія „СЕМЬЯ“ не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ изданій.

Въ 1896 г., въ виду предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, „СЕМЬЯ“ дастъ на своихъ страницахъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этому знаменательному событію.

Въ будущемъ же году предстоитъ открытіе всероссійской художественно-промышленной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. «СЕМЬЯ» посвятитъ выставкѣ рядъ своихъ номеровъ, и на ряду съ описаніемъ будетъ помѣщенъ альбомъ рисунковъ и иллюстрацій по всѣмъ отдѣламъ будущей выставки.

Подписная цѣна въ годъ 3 руб.

III.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Новости Иностранной Литературы“.

VI годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячными книжками и даетъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и пр.

Подписная цѣна въ годъ 8 р., съ журналомъ «СЕМЬЯ» 5 р., вмѣстѣ всѣ три изданія 13 р.

Адресъ: Главная контора газеты «Новости Дня» и журналовъ «Семья» и «Новости иностранной литературы»: Москва, Красныя ворота, соб. домъ.

Издатель *А. Липскеровъ.*

годъ изданія 84-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. годъ изданія 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1896.**
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

печатается ежедневно (въ 2-хъ изд.) въ количествѣ **48,500** экземпляровъ.
первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата
СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета *Сынъ Отечества* въ первомъ (большомъ) изданіи

8 на годъ съ доставкою.

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52 НУМЕРА ВОСКРЕСНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ газетѣ „Сынъ Отечества" будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

2) **ДВѢНАДЦАТЬ НУМЕРОВЪ „МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ"** замѣняютъ **„МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ".**

3) **СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** (съ картою Россіи) разсылается при первомъ нумерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества" въ 1896 году получатъ безплатно и безъ всякой приплаты за пересылку

ИЗБРАННЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ ЛЮБИМАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ

А. МИХАЙЛОВА,

гдѣ, между прочимъ, будутъ помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появленіи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „ЖИЗНЬ ШУПОВА".—II) „ЛѢСЪ РУБЯТЪ—ЩЕПКИ ЛЕТЯТЪ".

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ изданій—ПЯТЬ РУБЛЕЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 руб.—На полгода 4 руб. 50 коп.—На три мѣсяца 2 руб. 50 коп.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты „Сынъ Отечества" выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями. Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ Особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

4 НА ГОДЪ съ доставкою.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. || На полгода 2 руб. || На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное объявленіе высылается изъ конторы по требованію безплатно.

1896. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. 1896.

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, несмотря на громадные расходы, вводятся важныя и существенныя улучшенія, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть два самостоятельныхъ литературныхъ изданія, не возвышая прежней подписной цѣны:

52 Иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскош. бумагѣ, съ большими гравюр. лучшихъ художниковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, а также открытія въ Нижнемъ-Новгородѣ „Всероссійской художественно-промышленной выставки“, журналъ „Живописное Обозрѣніе“ дастъ цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

ПРИ НУМЕРАХЪ ЖУРНАЛА, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА БУДЕТЪ ВЫДАНО:

1) 52 нумера—„Хроника событій за недѣлю“.—2) 12 нумеровъ „Парижскихъ новѣйшихъ модъ“ съ рисунками. — 3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).— 4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—6) Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—8) Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ВМѢСТО БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ ВЪ 1896 ГОДУ БУДЕТЪ ВЫДАНО:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ,

въ составъ которыхъ входятъ новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско - хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Тома эти будутъ выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будетъ состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщенъ ОДИНЪ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ нѣкоторые будутъ иллюстрированы извѣстными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихся личностей.

Несмотря на новыя весьма цѣнныя улучшенія въ нашемъ изданіи, ставящія его, по богатству и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріала, внѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями,

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ:

на годъ (съ доставкою въ Спб. и по Имперіи) 8 р., безъ доставки въ Спб. 7 р.,— Въ Москвѣ—7 р. 75 к., на полгода (съ доставкою) — 4 р. 50 к., на три мѣсяца—2 р. 50 к., за границу на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ глав. конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ главную контору журнала: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

4 р. за годъ! БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА. 1 р. три мѣс.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

безусловно независимый органъ печати со строго выдержаннымъ направленіемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является *наиболѣе полнымъ* **выразителемъ нуждъ провинціи.**

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичный и провинціальной общественой жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденцій и пр.,— по своей **полнотѣ и свѣжести** совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ **другихъ большихъ столичныхъ газетъ.** Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ **извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,** произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ЕЖЕДНЕВНО:

Руководящія статьи, посвященныя политическому положенію дня, общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. **Знамя газеты**—стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, новости и отголоски **общественной жизни.** Дневникъ. Столичная хроника, изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чемъ говорятъ и пишутъ. Отклики. Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность Ежедневныя бесѣды нашего даровитаго сотрудника **г. Далина** о вопросахъ и нуждахъ провинціи, о дѣятельности нашего земскаго и городского самоуправленія и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центровъ политической жизни: **Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константинополя** и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. Заграничная жизнь. **Фельетоны** беллетристическіе; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственныя и научныя бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ
„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“
со всѣми приложеніями и
съ пересылкой въ Россіи:

На годъ. . . .	4 р.	На 3 мѣсяца	1 р.
„ полгода . .	2 „	„ декабрь или январь . . .	35 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ еженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составятъ въ наступающемъ году спеціально написанныя для „Биржевыхъ Вѣдомостей“ новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко
большой романъ въ 4 частяхъ
„ВѢЧНЫЕ МИРАЖИ“
(изъ жизни русскихъ за границею).

Графа Е. Л. Саліаса
большой романъ въ 2 частяхъ
„ИЗЛОМАННЫЕ ЛЮДИ“
(изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы
послѣднее предсмертное произведеніе
„КОЗЕЛЪ“.

---

12 ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей:

I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), большой романъ *„Въ одинъ ненастный день“*. **I. Н. Потапенко**, большой романъ *„Старое и юное“* и повѣсть *„Простая случайность“*. **К. С. Баранцевича**, повѣсть *„Дама изъ мезонина“*. **А. А. Луговаго**, повѣсть *„Павла Львовича перевели“*. **Д. А. Линева**, повѣсть *„Разсчетъ“*. **А. В. Круглова**, повѣсть *„Донъ-Кихотъ“*. **Н. П. Аксакова**, историч. повѣсть *„Макаръ-Богатырь“*. **Е. О. Дубровиной**, больш. романъ *„Свое и наносное“* и повѣсть *„Русалка“*. **Слово Глаголь**, *„Искатели правды“*. **Н. А. Соловьева**, пов. *„Душа проснулась“* и р[illegible] другихъ произведеній беллетристичес[illegible] литературнаго и научнаго содержанія, [illegible]шедшихъ въ воскресные номера 1895 [illegible], высылаются желающимъ, какъ особа[illegible]

ПРЕМІЯ

за 1 рубль (включительно расходов[illegible] пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ нумер[illegible] 1895 г.) новымъ годовымъ и полуг[illegible]вымъ подписчикамъ, выславшимъ по[illegible]ныя деньги не позже 20-го декабря.

ВЫСТАВКА „БУДИЛЬНИКА".

Редакція журнала „БУДИЛЬНИКЪ", желая ознаменовать 32-й г. своего существованія, открываетъ въ 1896 г. выставку общечеловѣческихъ курьезовъ, людскихъ благоглупостей и житейскихъ „перловъ" нашей обыденной жизни. Въ виду этого

Сцены „Плоды просвѣщенія" сняты съ натуры фотографомъ-художникомъ К. А. Фишеромъ.

Выставка „Будильника" представляетъ 50 №№, а каждый № слѣдующіе отдѣлы: Каррикатуры на серьезную тему и каррикатуры смѣхотворныя. Свѣтящіеся фонтаны краснорѣчія на злобы дня. Поразительныя картинки провинціи въ рисункахъ и описаніяхъ. Домашній театръ—пародіи собственныхъ драматурговъ. Звонки—калейдоскопъ маленькихъ шутокъ въ стихахъ и прозѣ. Политическія шалости карандашомъ и перомъ. Новость — Оригинальные иллюстрированные юмористическіе разсказы изъ русской жизни и Новѣйшая новость — „Нижегородская выставка". Тузы и двойки экспонентовъ выставки. Веселый путеводитель. Кромѣ того, въ каждомъ №—Приложенія: 1) новѣйшія пьесы текущаго веселаго репертуара и 2) забавные разсказы иностраннаго производства и собственнаго розлива.

Подписныя деньги адресовать: Москва, редакція „Будильникъ".

„ХАРЬКОВСКІЯ губ. ВѢДОМОСТИ"

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОСТОЯННЫЯ РУБРИКИ ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩІЯ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4) Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5) Телеграммы. 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7) Корреспонденціи. 8) Новости науки, литературы и искусства. 9) Театръ и музыка. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Земская и городская хроника. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебный отдѣлъ. 14) Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научные очерки и т. п.). 15) Библіографическія замѣтки. 16) Смѣсь. 17) Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьковскихъ Вѣдомостей".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12м.	11м.	10м.	9 м.	8 м.	7м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Съ пересылкой	10 —	9 50	9 —	8 —	7 —	6 20	5 75	5 —	4 —	3 —	2 10	1 20
Съ доставк. въ Харьковѣ	9 25	8 50	8 —	7 —	6 50	5 50	5 —	4 —	3 50	2 50	2 —	1 —
Безъ доставки	8 25	8 —	7 50	6 50	6 —	5 25	4 50	3 75	3 —	2 25	1 50	— 80

„Вопросы Философіи и Психологіи".

ИЗДАНІЕ

МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ срединѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.): безъ доставки—6 р., съ дост. въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащіеся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ **„Новаго времени"** (С.-Пб., Москва, десса и Харьковъ), **Карбасникова** (С.-Пб., Москва, Варшава), **Вольфа** (С.-Пб. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ), **Башмакова** (Казань) и другихъ,—принимается въ конторѣ журнала: Москва, Никитская, д. № 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

Въ 1895 году напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Вл. С. Соловьева. «Аскетическое начало въ нравственности».—*Его же.* «О добродѣтеляхъ».—*Его же.* «Мнимыя начала правильнаго поведенія».—*Б. Н. Чичерина.* «Пространство и время».—*А. А. Козлова.* «Теорія искуства съ точки зрѣнія Тейхмюллера».—*А. С. Лебедева.* «Сковорода, какъ богословъ».—*Н. Я. Грота.* «Устои нравственной жизни и дѣятельности».—*Л. М. Лопатина.* «Параллелистическая теорія душевной жизни».—*Кн. С. Н. Трубецкого.* «Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова».—*Его же.* «Этика и догматика».—*М. С. Корелина.* «Отношеніе А. М. Иванцова-Платонова къ исторической наукѣ».—*Его же.* «Этическій трактатъ Лоренцо Валлы».—*В. А. Гольцева.* «Самуилъ Пуфендорфъ».—*П. Д. Боборыкина.* «Природа красоты».—*В. А. Вагнера.* «Генезисъ и развитіе музыки».—*Его же.* «О прекрасномъ въ музыкѣ».—*А. А. Токарскаго.* «Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ».—*Л. О. Даршкевича.* «Объ интеллектуальной сферѣ женщины» и другія.

Предполагаемое содержаніе ноябрьской книги (№ 30) 1895 г.

М. С. Корелина. «Этическій трактатъ Лоренцо Валлы».—*Его же.* «О удовольствіи и объ истинномъ благѣ». — *А. А. Козлова.* «Сознаі Бога и знаніе о Богѣ».—*Л. М. Лопатина.* «Явленіе и сущность ı жизни сознанія.—Статьи *Н. Я. Грота. Л. В. и С. Соловьева.*—*Л. Е. Об ленскаго.* «Попытка научнаго примиренія моральныхъ разногласій.—*Вл. . Гольцева.* «Памяти Гуго Гроція.—*Ѳ. А. Зеленогорскаго.* «Ив. Г. Шадъ».

Критика и библіографія.—Психологическое общество—и проч.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(*XV годъ изданія*)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

„РОДНИКЪ“

И ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ

„Воспитаніе и Обученіе“.

Родникъ въ 1896 г. будетъ издаваться подъ тою же редакціей, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 14 лѣтъ.

Родникъ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинками.

Въ 1896 году въ **Родникѣ**, между прочимъ, будутъ помѣщены: вторая часть очерковъ изъ морской жизни К. М. Станюковича, подъ названіемъ **Вокругъ свѣта на „Коршунѣ“**, и новая біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса: **Жизнь и приключенія Гоголя-студента.**

Вмѣстѣ съ **Родникомъ** можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ **Воспитаніе и Обученіе**, посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Родникъ рекомендованъ и одобренъ ученымъ и учебнымъ комитетами: Мин. Нар. Просв., Святѣйшаго Синода, собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Глав. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ. Мин. Нар. Прос. признанъ необходимымъ для выписки въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и учительскія библіотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія (т.-е. съ 1882 г.).

Условія подписки на 1896 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогичечскій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— » 50 »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

За издателя **Н. Моревъ**. Редакторъ **Алексѣй Альмедингенъ**.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «**Читальня Народной Школы**» (9-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

1-го ноября вышла ноябрьская книжка иллюстрированнаго ежемѣсячнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) **Бѣлолобый.** Разсказъ. **Ант. П. Чехова.** Съ тремя рисунками художника В. И. Андреева. 2) **Ручей и его исторія** (По Элизе Реклю). VII. Источники долины. VIII. Пороги и водопады. IX. Излучины и водовороты. (Продолженіе). **Д. А. Коробчевскаго.** 3) **Птицы.** (Стихотвореніе). **Л. М. Медвѣдева.** Съ двумя рисунками. 4) **Голодъ.** (Исторія одного волка). Разсказъ. Гл. I—III. **И. Н. Потапенка.** Съ двумя рисунками художника В. И. Андреева. 5) **О книгахъ и сочинителяхъ.** X. Книги законовъ. Насмѣшливыя сказки про Ерша Щетинника и Шемякинъ судъ. Стоглавъ. Домострой. (Продолженіе). **В. Н. Ладыженскаго.** 6) **Слѣпой** (Изъ „Слѣпого музыканта“ **В. Г. Короленка**). Гл. IX—XIV (Окончаніе). Пересказано **К. В. Лукашевичемъ.** Съ двумя рисунками художника Николаева. 7) **Олимпійскій праздникъ.** (Продолженіе). **С. В. Зенченка.** Съ двумя рисунками. 8) **На чужбинѣ.** Разсказъ. **В. В. Огаркова.** Съ двумя рисунками. 9) **Кабардинскія сказанія о Кавказскихъ вершинахъ.** 1. Эльбрусъ. 2. Машука. 3. Бештау. Съ тремя рисунками художника П. Литвиненка. 10) **Дѣдушка „Дѣтскаго Чтенія“ и его время.** (Николай Ивановичъ Новиковъ). **В. Е. Ермилова.** 11) **Благодѣтель человѣчества.** Съ портретомъ Пастёра. **В. Б.** 12) **По бѣлу свѣту:** Птичье царство на берегахъ сѣверной Норвегіи. Отношеніе норвежцевъ къ русскимъ. 13) **Новости изъ книгъ и журналовъ.** Различныя свойства растеній. 14) **Шарады, загадки и ребусы и т. д.** 15) **Рѣшенія.** 16) Объявленія.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкою: на годъ—**6** р., на полгода—**3** р.; **безъ пересылки: на годъ**—**5** р., на полгода—**2** р. **50** к.

Открыта подписка на 1896 годъ.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

библіотеки журнала „Дѣтское Чтеніе“.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. За Дунаемъ, вторая книжка: Старый фельдфебель. Наканунѣ. Въ походъ. Подъ Плевну. Въ битвѣ. Ночное сраженіе. Счастье Токмакову. Дома. Днемъ на міру (печатлѣніе офицера). Одинъ ночью (тоже). Прапорщикъ Марья Петровна. Картины зимняго похода. Въ горной бурѣ. Надъ бездной. Метель утихла. Бивакъ. На Балканахъ. По льду. Охотники. Бѣглецы. Собака. Настоящій герой. Враги. Цѣна 40 коп.

Его же. Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть для дѣтей, со многими рисунками, изящное изданіе, цѣна въ папкѣ 75 к., въ бумажкѣ 65 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста: Старый воробей, Пріемышъ, Постойко, Сѣрая шейка, Упрямый козелъ, Медвѣдка, На [illegible]ти, Елка, Зеленая война, Лѣсная сказка, Искорки. Со многими картинками. Въ п[illegible]кѣ ц. 75 к., въ бумажкѣ—60 к.

Его же: Акъ-Бозатъ. Разск., съ картинками худ. А. Степанова. Изящн. изд., ц. [illegible] к.

Его же: 1) Земля не принимаетъ. 2) Ангелочки. Ц. 10 к.

Его же: Послѣдняя треба. Съ картинками. Ц. 10 к.

Складъ книгъ въ редакціи «Дѣтское Чтеніе». Выписывающіе изъ реда[кціи] за пересылку не платятъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости"

въ 1896 году.

Приступая къ редактированію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», князь Э. Э. Ухтомскій считаетъ необходимымъ заявить, что онъ будетъ относиться къ своей **совершенно самостоятельной задачѣ** безъ всякихъ предвзятыхъ взглядовъ и партійныхъ чувствъ. Задача газеты служить по мѣрѣ силъ выраженіемъ запросовъ и истинныхъ нуждъ государственной, общественной и народной жизни, черпая данныя для того въ постоянномъ общеніи съ людьми положительнаго идеала. Редакція намѣрена давать возможно полный критическій обзоръ религіозной и литературно-художественной жизни Запада во всѣхъ ея существенныхъ проявленіяхъ, но на ряду съ тѣмъ особенно выяснять значеніе и необходимость русскаго поступательнаго движенія въ Азіи, гдѣ наше грядущее главенство должно быть разсматриваемо какъ просвѣтительно-историческая миссія. «С.-Петербургскія Вѣдомости» будутъ открыты всему трезвому и гуманному, выше всего ставя вопросы о благѣ достоинствѣ и величіи Россіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенн. прибавл.	
	На годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	На годъ	6 мѣс.
Безъ доставки	14 р.—к.	8 р.—к.	4 р.—к.	1 р. 50 к.	16 р.—к.	9 р.—к.
Съ достав. по гор. почтѣ	16 „ — „	9 „ — „	4 „ 50 „	1 „ 80 „	18 „ — „	10 „ — „
Съ пересылкой иногород.	17 „ — „	10 „ — „	5 „ 50 „	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „ — „	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ князя Э. Э. Ухтомскаго, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель *Князь Эсперъ Эсперовичъ Ухтомскій*.

Туда же можно обращаться за роскошнымъ иллюстрированнымъ изданіемъ сочиненія князя Э. Э. Ухтомскаго:

Путешествіе на Востокъ нынѣ благополучно царствующаго

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Цѣна каждой изъ 4 отпечатанныхъ брошюрованныхъ частей 6 руб.

За каждыя 2 части въ общемъ переплетѣ 16 руб.

Открыта подписка на 1896 г.

на ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить въ прежнемъ объемѣ, 25—26 листовъ, и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 руб., безъ доставки 8 р., за границу 12 р. Подписныя деньги слѣдуетъ исключительно адресовать въ контору журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“—*С.-Петербургъ, Бассейная ул., 10.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается **разсрочка:** при подпискѣ 5 руб. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 руб. и къ 1-му іюля 3 руб. **Другихъ условій разсрочки не допускается.**

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журн. прекращается.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики **„Русскаго Богатства“**, уплатившіе подписную сумму сполна, пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ склада журнала.

Редакторы: П. В. Быковъ, С. И. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Въ 1896 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю—по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1. **Мѣстный отдѣлъ:** Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2. **Внутренній отдѣлъ:** Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Приазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3. **Иностранный отдѣлъ:** Свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4. **Судебная хроника.** 5. **Смѣсь.** 6. **Фельетоны:** Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7. **Справочный отдѣлъ.** 8. **Объявленія.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Безъ доставки..	6 —	5 50	5 25	4 75	4 50	4 —	3 50	3 —	2 75	2 25	1 50	— 75
Съ дост. и перес.	7 —	6 50	6 —	5 50	5 —	4 50	4 —	3 50	3 —	2 50	1 70	— 85

Подписка принимается: въ Таганрогѣ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5, и въ отдѣленіи редакціи въ Ростовѣ-на-Дону, уголъ Соборнаго переулка и Темерницкой ул., при типо-литографіи И. Я. Алексанова.

Редакторъ М. Красновъ.
Издатель А. Мироновъ.

Открыта подписка на 1896 годъ

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Програма газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства". V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и пр. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

☛ По поводу предстоящаго **Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ** въ „Южномъ Краѣ" своевременно будетъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событію; во время коронаціи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы. ☚

Годовымъ подписчикамъ «Южнаго Края» на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

Подписная цѣна на 1896 годъ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
съ пересылкою иногороднимъ:											
11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50
съ доставкою въ Харьковѣ:											
10 —	9 50	9 —	8 25	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край", на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

Открыта подписка на 27-й годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни, со многими безплатными приложеніями и преміями.

„НИВА" 1896 г.

Гг. подписчики „НИВЫ" получатъ въ теченіе 1896 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива", заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ГРИГОРОВИЧА,

вновь пересмотрѣннаго и исправленнаго самимъ авторомъ, съ приложеніемъ при первомъ томѣ автографа и портрета Д. В. Григоровича, гравированнаго на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Полное собраніе соч. Д. В. Григоровича будетъ выдано при „Нивѣ" въ теченіе одного 1896 года, въ 12 томахъ, которые будутъ выходить въ началѣ каждаго мѣсяца и заключать въ себѣ всѣ сочиненія Д. В. Григоровича, а именно:

ТОМЪ I. *Петербургскіе шарманщики. Свѣдка. Лотерейный балъ. Деревня. Антонъ Горемыка. Бобыль. Капельмейстеръ Сусликовъ. Четыре времени года.* ТОМЪ II. *Похожденія Накатова или недолгое богатство. Неудавшаяся жизнь. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Свистулькинъ. Мать и дочь.* ТОМЪ III. *Проселочныя дороги.* Ром., ч. I. ТОМЪ IV. *Проселочныя дороги.* Ром., ч. II. ТОМЪ V. *Смедовская долина. Зимній вечеръ. Рыбаки.* ТОМЪ VI. *Переселенцы.* Ром. въ 5 ч. ТОМЪ VII. *Прохожій. Столичные родственники. Пахарь. Школа гостепріимства.* ТОМЪ VIII. *Скучные люди. Очерки современныхъ нравовъ. Въ ожиданіи парома. Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. Кошка и мышка. Пахатникъ и бархатникъ.* ТОМЪ IX. *Корабль Ретвизанъ* (Годъ въ Европѣ и на европейск. моряхъ). ТОМЪ X. *Два генерала. Столичный воздухъ. Гуттаперчевый мальчикъ. Алексѣй Чемезовъ* (Недолгое счастье). *Карьеристъ.* ТОМЪ XI. *Акробаты благотворительности. Сонъ Карелина* (Отрывокъ изъ ром. „Петербургъ прошлаго времени"). *Не по-хорошу милъ,—по-милу хорошъ. Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 г. въ Лондонѣ. Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 г.* ТОМЪ XII. *Рождественская ночь. Мой дядя Бандуринъ. Замшевые люди* (Заноса). Ком. въ 4 д. *Городъ и деревня. Литературныя воспоминанія. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Встрѣча.*

Сочиненія Григоровича отдѣльно отъ журнала „НИВА" не продаются.

12 КНИГЪ «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», въ увеличенномъ объемѣ, которыя будутъ выходить при „Нивѣ" въ серединѣ каждаго мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, разсказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ", выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

ПОРТРЕТЪ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, и[...]полненный по оригиналу художника И. С. Галкина, размѣр. въ [...] вершк. вышины и 14 вершк. ширины.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ" на 1896 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ" со всѣми вышеозначенны[ми] приложеніями: Безъ доставки въ С.-Пб. 5 р. Съ доставкою въ С.-Пб 6 р. 50 к. Бе[зъ] доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) 6 р. Съ пересылкою во всѣ горо[да] и мѣстности Россіи 7 р. За границу 10 р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журна[ла] „НИВА" (А. Ф. Марксу), Малая Морская, д. № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

НОВУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„КАЗБЕКЪ“.

Газета будетъ выходить во Владикавказѣ три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Статьи по экономическимъ, этнографическимъ, бытовымъ и другимъ вопросамъ, касающимся Кавказа вообще и Терской области по преимуществу. 3) Хроника: мѣстныя происшествія, извѣстія внутреннія и внѣшнія, съ указаніемъ ихъ источниковъ. 4) Корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ и телеграммы. 5) Судебная хроника безъ обсужденія рѣшеній. 6) Фельетонъ, новости изъ области наукъ и искуствъ, повѣсти, разсказы, очерки оригинальные и переводные, статьи популярно-научнаго содержанія. 7) Смѣсь, справочныя свѣдѣнія и объявленія.

Подписная цѣна: съ доставкой во Владикавказѣ на годъ 6 руб., на 6 мѣс. 3 р. 50 к., на 3 мѣс. 2 р. и на 1 мѣс. 75 к., съ пересылкой по почтѣ на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. и на 1 мѣс. 1 р., отдѣльный нумеръ 5 к.

Подписка и объявленія принимаются у издателя

Сергѣя Іосифовича Казарова.

Издатель *С. Казаровъ.* Редакторъ *А. Колубейко.*

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЙ ЛИСТОКЪ
ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Газета телеграммъ, распоряженій мѣстнаго начальства, объявленій и рекламъ.

ИЗДАНІЯ XII ГОДЪ.

Въ 1896 году „Листокъ“ будетъ выходить попрежнему по воскресеньямъ обязательно, и въ случаѣ накопленія матеріаловъ и ежедневно большимъ форматомъ и въ большомъ количествѣ. „Листокъ“ будетъ раздаваться въ г. Екатеринославлѣ безплатно въ магазинахъ, гостиницахъ, конторахъ, банкахъ, на вокзахахъ жел. дорогъ, пароходныхъ пристаняхъ и проч. Кромѣ того, „Листокъ“ будетъ высылаться безплатно въ разныя мѣста Екатеринославской, Херсонской, Полтавской, Харьковской, Таврической и Кіевской губ., въ С.-Петербургъ, Москву, Варшаву, Кавказскій, Балтійскій, Юго-западный край и за границу.

Независимо отъ безплатной раздачи и разсылки, для желающихъ получить „Листокъ“ регулярно—подписная цѣна на годъ 3 руб., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Пріемъ объявленій производится: въ г. Екатеринославлѣ, въ главной конторѣ редакціи „Екатеринославскаго Листка“, Харьковская ул., д. Тавровскаго, кв. В. И. Гурлянда. Объявленія изъ С.-Петербурга, Москвы, Прибалтійскаго края, Царства Польскаго и изъ-за границы принимаются исключительно въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Сытова, и въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЙ
ВЫШЛА ПЕРВАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ КНИЖКА НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НОВОЕ СЛОВО".

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Восточный магазинъ". Повѣсть. **П. Засодимскаго.** 2) „Артели для подрядныхъ и наемныхъ работъ". **В. В.** 3) „Безъ особенныхъ правъ". Повѣсть. **Д. Мамина-Сибиряка.** 4) „Изъ записокъ Н. В. Шелгунова". 5) „На край свѣта". **Ив. Бунина.** 6) „Загадка". Разсказъ. **Гейнца Товота.** Перев. съ нѣмецк. **З. Журавской.** 7) „Родина". Стихотвореніе **А. Колтоновскаго.** 8) „Декадентство въ морали". **Л. Оболенскаго.** 9) „Бесси Кострель". Повѣсть мистрисъ **Гумфри Уордъ.** Пер. съ англійск. 10) „Общественныя профессіи". Соч. **Герберта Спенсера.** 11) „Въ разлукѣ". Изъ дневника. Стихотв. **А. Колтоновскаго.** 12) „Современная женщина". Романъ **Эллы Хепвортъ Диксонъ.** Пер. съ англ. **В. Мосоловой.** 13) „Участіе общественнаго элемента въ отправленіи правосудія". **В. Бинштока.** 14) „Взыскующіе града". Изъ наблюденій надъ русскимъ читателемъ. **Н. Рубакина.** 15) „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ". Критическія письма. **А. Скабичевскаго.** 16) Новыя книги. 17) Обзоръ заграничной жизни: I. Римскій и Седанскій юбилеи. II Интересы дня. III. Между журналами и газетами. **В. Т.** 18) Научная хроника: Астрономія. Химія. Біологія. **Н. Э.** 19) Обозрѣніе внутренней жизни. I. Письма изъ провинціи: Письмо первое—**Я. Абрамова**; письмо второе — изъ Чернигова; письмо третье — изъ Кіевской губерніи. **Н. Н.** II. Изъ юридической области. Раскольничьи браки. III. Обо всемъ (фельетонъ). **Сѣдого.** 20) Некрологъ Н. В. Стасовой. 21) Приложеніе: Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Соч. **Ж. Жюссерана.** 22) Объявленія.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.)** и др.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политическій журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) Новое Слово принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ **10 р.**, безъ пересылки на годъ **9 р.**, на полгода **5 р.**, на три мѣсяца **2 р. 50 к.**, за границу на годъ **12 р.**

Адресъ конторы редакціи: Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв 1.
Отдѣленіе конторы: Спб., Невскій пр., д. 54, **Библіотека Черкесова.**

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подьяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора **А. А. Слѣпцовъ.** Издательница **О. Н. Попова.**

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на пятое изданіе собранія сочиненій **Н. А. Добролюбова.**

Въ четырехъ томахъ съ біографіею и портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и библіографическимъ указателемъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе **6 руб.** Допускается слѣдующая разсрочк при подпискѣ вносится **2 руб.**, по выходѣ II и III тома по **2 руб.** выходѣ въ свѣтъ IV тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ н чалѣ декабря.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, библіотека **Черкесов** въ конторѣ журнала **Новое Слово**, Спб., Спасская ул. (уг. Надеждинской), 15, кв. 1 и въ библіотекѣ **А. Т. Рубакиной**, Спб., Большая Подьяческая, № 24.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала Новое Сло

НОВОЕ ИЗДАНІЕ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на общедоступное изданіе собранія сочиненій Чарльза Дарвина.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ.

Томъ I. **Вступительная статья проф. К. Тимирязева.** Путешестіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Перев. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. Бекетова. Происхожденіе видовъ, новый переводъ проф. **К. Тимирязева.**

Томъ II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. **И. Сѣченова.**—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе **3 рубля.** Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 1 руб., при полученіи I и II тома по рублю. По выходѣ въ свѣтъ II тома цѣна будетъ повышена. Томъ I выйдетъ въ концѣ ноября.

Подписка принимается въ конторѣ изданій, Спб., Невскій, 54, библіотека **Черкесова,** въ конторѣ журнала **Новое Слово,** Спб., Спасская ул. (уголъ Надеждинской), 15, кв. 1, и въ библіотекѣ **Л. Т. Рубакиной,** Спб., Большая Подьяческая, № 24.

Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору журнала **Новое Слово.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

политическую, общественную, литературную и торговую газету

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Условія подписки съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ—7 руб., 11 мѣс.—6 руб. 50 коп., 10 мѣс.—6 руб, 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 руб. 50 коп., 6 мѣс.—4 руб., 5 мѣс.—3 руб. 50 коп., 4 мѣс.—3 руб., 3 мѣс.—2 руб. 40 коп., 2 мѣс.—1 руб. 70 коп., 1 мѣс.—90 коп., ½ мѣс.—50 коп.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ **разсрочкой,** съ платою не менѣе какъ въ мѣсяцъ 1 руб., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соотвѣтственный взносу срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 числа мѣсяца. За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копѣйки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 35 буквъ, одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40 %. За объявленія не менѣе 100—150 разъ—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз. или по 50 к. съ 100 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.
на
„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"
ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ и ПОЛИТИЧЕСКУЮ.
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Восточное Обозрѣніе" издается три раза въ недѣлю. Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ оффиціальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и за границей. 4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы. 9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣс. 1 р.; за границу за годъ—11 р., полг.—6 р. 50 к., три мѣсяца—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 40 к. Газета съ приложеніями за годъ: въ Россіи—10 р., за границу—14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 р. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 коп. на 1-й.

Адресъ: Иркутскъ, редакція газеты „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

За издателя наслѣдники Н. М. Ядринцева. Редакторъ И. И. Поповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г.
НА
СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,
газету общественно-политическую и литературную.
(Годъ изданія девятнадцатый).

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Въ случаѣ особой важности извѣстій, будутъ выпускаемы особыя прибавленія къ воскресному № и разсылаться по понедѣльникамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—6 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к. Допускается разсрочка платы: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 августа 2 руб.

Новые годовые подписчики, внесшіе подписную плату раньше 1 декабря, получаютъ газету за декабрь безплатно. Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса 15 к., а при перемѣнѣ городского на иногородній 30 к. Объявленія на 1-й стр. 20 к. строка, на 4-й—10 к., абонементныя имѣютъ значительную скидку. Приложенія при газетѣ разсылаются по 10 руб. отъ 1000 экземпляровъ.

Редакторъ *В. В. Гулевичъ*. Издатель *В. В. Азанчевскій*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

„Всемірная Иллюстрація"

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1896 г. занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы. 28-й г. изд.

Ни одинъ журналъ въ Россіи не можетъ сравниться со „Всеміріною Иллюстраціей" ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему; ГРАНДІОЗНАЯ ЗАДАЧА предстоитъ „Всемірной Иллюстраціи" въ будущемъ 1896 году и редакціей приняты уже теперь всѣ мѣры для успѣшнаго ея выполненія—роскошно иллюстрировать два великихъ историческихъ событія:

1) Священное коронованіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и 2) Всероссійскую промышленно-художественную выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Доведя въ настоящее время художественную часть журнала до возможной высоты, редакція сдѣлаетъ все возможное относительно улучшенія и литературнаго отдѣла, въ которомъ читатели встрѣчали и встрѣтятъ имена выдающихся нашихъ беллетристовъ и ученыхъ.

Редакція „Всемірной Иллюстраціи", не щадя средствъ, намѣрена обрадовать своихъ подписчиковъ рѣдкою и цѣнною во всѣхъ отношеніяхъ безплатною преміей, дать: 1) Сочиненія графа Л. Н. ТОЛСТОГО изъ послѣдняго періода его дѣятельности, съ богатыми иллюстраціями лучшихъ русскихъ художниковъ, воспроизведенными со всею роскошью типографскаго искусства, отпечатанныя цвѣтными красками, будетъ заключать въ себѣ такіе шедевры какъ: „СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА", „ВЛАСТЬ ТЬМЫ" и рядъ избранныхъ разсказовъ. 2) ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ со строгимъ выборомъ относительно интереса и красоты выполненія. Такимъ образомъ „Всемірная Иллюстрація" за 1896 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

Подписная цѣна журнала „Всемірная Иллюстрація" на 1896 годъ СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ и ПРЕМІЕЙ

15 р. *безъ дост.* — съ доставкой въ С.-Петербургѣ—17 руб. — 18 р. *съ перес.*

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія" В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на веленевой бумагѣ): безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемірной Иллюстраціи": С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы „Книгоиздательство Германъ Гоппе" высылается по требованію безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

Техническій сборникъ
и ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

7-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Ежемѣсячный журналъ открытій, изобрѣтеній, усовершенствованій и вообще новостей по всѣмъ отраслямъ техники и промышленности.

Фабриканты, заводчики и техники найдутъ въ журналѣ много полезныхъ и необходимыхъ для нихъ матеріаловъ.

Задавшись цѣлью служить интересамъ фабрично-заводской техники и промышленности, редакція стремится давать въ журналѣ возможно болѣе полезнаго матеріала по всѣмъ отдѣламъ программы.

Въ программу журнала входятъ: машиностроеніе и механическое дѣло, механическая и химическая технологія, желѣзно-дорожное дѣло, архитектура, инженерное и строительное искусства, электротехника, техническое образованіе, обзоръ дѣятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и техническихъ обществъ, біографіи выдающихся дѣятелей техники и промышленности, критика и библіографія; **смѣсь**: замѣтки о новостяхъ техники, практическіе совѣты, испытанные составы и т. д.; **справочный отдѣлъ**: отвѣты на запросы гг. подписчиковъ, торговыя и статистическія свѣдѣнія, данныя о спросѣ и предложеніи; правительственныя распоряженія; **приложенія**: чертежи, книги, брошюры спеціальнаго характера.

Въ предстоящемъ 1896 г. предположено редакціей дать на страницахъ журнала возможно болѣе мѣста описанію „Всероссійской промышленной и художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ“.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Полные экземпляры журнала за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. по 16 руб. высылаются по первому требованію съ наложеннымъ платежомъ.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе въ свѣтъ №№.
Пробные №№ высылаются по первому требованію, съ наложеннымъ платежомъ, по 1 р. 50 к.

---

16 р. въ годъ съ перес. и дост., за полгода 9 р.

Подписка принимается: въ редакціи журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.
Допускается разсрочка. Учащимся—скидка въ 25%.

Адресъ редакціи: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Изд. Учен. Инж.-Мех. К. А. Казначеевъ.

Редакторы: Инж.-Техн. А. М. Кудрявцевъ.
Мех.-Стр. А. И. Сюзевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ.

11-й годъ изданія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ изданіе съ рисунками въ текстѣ и съ приложеніемъ, сверхъ того, при каждомъ нумерѣ двухъ листовъ исполнительныхъ чертежей и образцовыхъ рисунковъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, приспособленій и пр. предметовъ по различнымъ ремесламъ, а также кустарнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ, съ подробными описаніями и наставленіями, къ нимъ относящимися.

Въ „Рем. Газ." будутъ даны описанія новостей **Всероссійской промышленной и художественной выставки въ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.**

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА" необходима спеціальнымъ школамъ, технику, ремесленнику, кустарю, торговцу, сельскому хозяину, любителю ремеслъ и потребителямъ ремесленныхъ издѣлій, т.-е. во всякомъ семействѣ.

ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЫБРАТЬ или ЗАКАЗАТЬ нужный предметъ, полезно и необходимо знать, какимъ современнымъ требованіямъ онъ долженъ удовлетворять. Въ этомъ отношеніи „Ремесленная Газета" оказываетъ необходимое содѣйствіе и потребителю, и производителю ремесленныхъ издѣлій. Въ ней постоянно помѣщаются **рисунки и чертежи самыхъ модныхъ образцовъ** по слѣдующимъ ремесламъ: **столярному, драпировочному, портновскому** (моды Русселя), **сапожно-башмачному, кузнечному, слесарному, токарному** и пр. При этомъ въ общепонятномъ изложеніи даются надлежащія описанія, **указанія и рецепты** практическаго свойства.

Кромѣ множества разнообразнѣйшихъ чертежей и рисунковъ, въ „Ремесленной Газетѣ" будетъ помѣщенъ рядъ описаній различныхъ ремесленныхъ производствъ, новѣйшихъ изобрѣтеній, усовершенствованій, выставокъ, музеевъ, образцовыхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ, частныхъ промышленныхъ мастерскихъ и пр.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА" въ теченіе истекшихъ 10-ти лѣтъ успѣла пріобрѣсти **огромный составъ читателей**, не только въ виду ея характера и крайней дешевизны, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того **ОБИЛІЯ** полезнаго и необходимаго для всякаго матеріала, который она даетъ своимъ подписчикамъ, а именно: 1) **50 №№ ВЪ ГОДЪ**, содержащихъ до 1000 статей со множествомъ рисунковъ (гравюръ) въ текстѣ, и 2) **сто листовъ приложеній** (замѣняющихъ премія къ „Ремесленной Газетѣ"), которыя отдѣльно стоятъ въ розничной продажѣ **свыше 20 р. с.** 3) Изящно иллюстрированный настѣнный календарь.

Редакція въ состояніи давать все это своимъ читателямъ лишь въ виду ихъ многочисленности и широкаго развитія своего дѣла.

Подписавшимся среди года высылаются всѣ вышедшіе №№.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ ГОДЪ 6 руб. съ пересылкой и доставкой (за полгода 4 руб.).

„Ремесленная Газета" РЕКОМЕНДОВАНА Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія: 1) для техническихъ и ремесленныхъ училищъ—мужскихъ и женскихъ; 2) для городскихъ и сельскихъ училищъ; 3) для учительскихъ институтовъ и семинарій, а также 4) для библіотекъ реальныхъ училищъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Долгоруковская ул., домъ № 71.

Редакторъ-Издатель Ученый Инженеръ-Механикъ **К. А. Казначеевъ.**

VII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 Г. г. изд. VII.

на ежедневную газету

6 р. въ год. **„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“** 3 р. 50 к. за 6 мѣс.

Открывая подписку на 1896 годъ, „Русскій Листокъ“ начинаетъ 7-й годъ изданія. „Русскій Листокъ“ попрежнему считаетъ своею первою и главною задачей служеніе ПРАВОСЛАВІЮ, САМОДЕРЖАВІЮ и НАРОДНОСТИ—этимъ тремъ несокрушимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа—и будетъ такъ же, какъ и прежде, служить истинно-русскимъ интересамъ.

Въ „Русскомъ Листкѣ“ есть слѣдующіе отдѣлы: Дѣйствія и распоряженія правительства; Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству; Факты и слухи; Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра; Военный Листокъ; повседневныя событія московской жизни; повседневныя событія петербургской жизни; Телеграммы; Желѣзнодорожный Листокъ; Театръ и музыка и Изъ міра искусствъ; День за день, Обо всемъ и По городамъ и селамъ; Мелочи; Всякая всячина; Мимоходомъ; Пѣсни дня; По Россіи; Торгово-промышленный листокъ и По сельскому хозяйству; Разныя извѣстія; биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно же въ фельетонахъ „Русскаго Листка“ печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже пріобрѣли незыблемыя симпатіи читающей публики, а также помѣщаются повѣсти, разсказы, сценки и т. д.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ роскошно-изданный „Коронаціонный альбомъ“, для котораго извѣстнымъ художникамъ заказана масса снимковъ съ важнѣйшихъ моментовъ предстоящаго высокорадостнаго событія. Альбомъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 2 р. 50 коп. Затѣмъ—за ту же плату—„Русскій Листокъ“ время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственныхъ дѣятелей. Въ наступающемъ подписномъ году „Русскій Листокъ“ будетъ выходить въ такомъ же громадномъ форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются слѣдующіе интересные романы: В. Риваля—„Докторъ“, ром. въ 2-хъ частяхъ; Н. Аѳанасьева—„Путемъ преступленія“; А. П. Павлова—истор. романъ „Темное дѣло“; А. Д. Апраксина—„Крахъ банка“ и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

6 р. въ годъ, 3 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, 70 к. за 1 мѣсяцъ. Разсрочка подписной платы не допускается. Почтовыя марки не принимаются.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Варсонофьевскій пер., д. Поповой.

1896 г. **„НУВЕЛЛИСТЪ“** 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

И

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно перваго числа каждаго мѣсяца, тетрадями большого нотнаго формата. Въ „НУВЕЛЛИСТѢ“ въ теченіе года будутъ помѣщены: 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностранныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. 2) Новые любимые танцы (вальсы, польки, мазурки, кадрили). 3) Русскіе романсы. 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано. 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано. 6) Дѣтскія пѣсенки. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкал. номеровъ.

Музыкально-театральная газета будетъ выходить въ продолженіе музыкальн сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель Н. Бернардъ.

ПРЕМІЯ. Каждый подписчикъ на „НУВЕЛЛИСТЪ“ получитъ безплатно премію—ПОЛНУЮ ОПЕРУ въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и ДВА ПОРТРЕТА выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ—5 р., съ пересылкой или доставкой—6 р., за грани съ пересылкою—8 р. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конто „НУВЕЛЛИСТА“ при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 1 Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1896 ГОДЪ
НА
„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"
(изданія годъ XXII).

Въ 1896 году „Самарскій Вѣстникъ" будетъ издаваться, какъ и въ предшествовавшіе годы, ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за табельными и двунадесятыми праздниками, по нижеслѣдующей программѣ:

1) Дѣйствія и распоряженія правительства.

2) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства".

3) Статьи по общественнымъ вопросамъ и по вопросамъ, непосредственно касающимся интересовъ г. Самары, Самарской губерніи и Поволжскаго края.

4) Городскія извѣстія и сообщенія о выдающихся событіяхъ и происшествіяхъ, отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, земскихъ и другихъ общественныхъ собраній, судебной палаты, окружнаго суда и уѣздныхъ съѣздовъ; рефераты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, отчеты о театральныхъ и друг. зрѣлищахъ. Волжская хроника.

5) Фельетоны и очерки мѣстной, поволжской и общерусской жизни; беллетристическія произведенія, историческіе эскизы, стихотворенія и проч.

6) Корреспонденціи и сообщенія отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ городовъ и селеній Самарской губерніи, а также изъ Петербурга, Москвы и губерній Волжско-Камскаго района.

7) Иностранныя извѣстія и очерки заграничной жизни.

8) Обозрѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности. Сел. хозяйство.

9) Критика и библіографія.

10) Торговый отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи самарскаго и другихъ выдающихся торговыхъ русскихъ и иностранныхъ рынковъ по свѣдѣніямъ „Россійскаго Телеграфнаго Агентства", биржевыхъ комитетовъ и собственныхъ корреспондентовъ.

11) Календарныя свѣдѣнія. Указатель дѣлъ, назначаемыхъ къ разбирательству въ окружномъ судѣ и уѣздномъ съѣздѣ.

12) Казенныя и частныя объявленія и рекламы.

Въ 1896 году редакція „Самарскаго Вѣстника" будетъ освѣщать и разрабатывать, главнымъ образомъ, мѣстные земско-экономическіе и бытовые вопросы родного Самарскаго края, удѣляя также на страницахъ своего органа мѣсто статьямъ общекультурнаго характера и по общегосударственнымъ вопросамъ, насколько сіи послѣдніе будутъ имѣть отношеніе къ жизни провинціи и ея многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Подписная цѣна:

Для подписчиковъ городскихъ и Самарскаго уѣзда:
за годъ 5 рублей, 1/2 года 3 рубля, 1 мѣсяцъ 50 коп.
Для подписчиковъ иногороднихъ:
за годъ 6 руб., 1/2 года 3 руб. 50 коп., 1 мѣсяцъ 60 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Самарѣ: 1) въ главной конторѣ редакціи, Алексѣевская улица, домъ Назарова, и 2) въ книжномъ магазинѣ В. П. Ушакова, близъ Алексѣевской площади, д. Попова (тамъ же можно получать и отдѣльные №№ газеты по 5 коп.).

Въ Сызрани: въ конторѣ типографіи Синявскаго.
„ **Хвалынскѣ:** при типографіи и книжной торговлѣ Н. К. Платонова.
„ **Челябинскѣ:** у дантиста А. А. Балашевой, Уфимская ул., д. Унгвицкихъ.
„ **Абдулинѣ:** у М. К. Марканова.
„ **Бугурусланѣ:** у И. В. Серебрякова.
„ **Николаевскѣ:** у В. И. Топкаго.
„ **Уфѣ:** торговля Н. К. Блохина.

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И ГЕОГРАФІЯ",

имѣющій выходить съ 1 января 1896 года.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акинфіевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, Ѳ. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и друг.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 к.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ исключительно въ главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ **Печковской** (Петровскія линіи).

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва.**

„REWUE DES REWUES"

ET

Revue d'Europe et d'Amérique

Considérablement agrandie, parait les 1-er et les 15 de chaque mois. Elle es devenue *indispensable* à tous ceux qui veulent se tenir au courant du mouvement littéraire, artistique et scientifique du monde civilisé.

„Avec elle on sait tout, tout de suite" (Al. Dumas fils), „car la *Pevue des Revues* est extrêmement bien faite et constitue une des lectures les plus intéressantes, les plus passionnantes et les plus amusantes" (Francisque Sargeu); „rien n'est plus utile que ce résumé du mouvement de l'esprit humain" (E. Zola); „elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes Revues français et étrangères" (*Les Débats*), etc.

La *Revue des Revues* donne des articles *inédits* dos principaux écrivaine français et étrangers; les *meilleurs* articles des Revues du monde entier; des romans et des nouvelles; des articles richement *illustrès*; des *caricatures* politiques (les *meilleurs dessins* des humoristes européens); une revue des *livres*, des découvertes et inventions, etc., etc.

On s'abonne: chez tous les libraires, dans tous les bureaux de poste et par l'envoi d'une carte postale à la *Revue*, qui se charge de l'éncaissment.

La *Revue* offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

France. . . . . 14 francs par an, 9 francs par six mois.
Étrangers . . . 18 — — 12 — —

Rédaction et Administration: Paris, 32, rue de Verneuil.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА

„ВРАЧЪ,“

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигіены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1896 году подъ тою же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манассеина (Петербургъ, Симбирская, д. 12, кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургѣ, 9 руб.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 коп. Подписка принимается у издательницы **Ольги Александровны Риккеръ** (Петербургъ, Невскій, 14). **Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно высылки гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ №№ и т. д.).**

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

(III годъ изданія).

52 №№ и 6 книгъ.

Цѣль журнала — содѣйствовать распространенію научныхъ знаній. Журналъ не принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ „популярныхъ“; тѣмъ не менѣе, изложеніе, по возможности, отличается общедоступностью. **Отдѣлы:** антропологія, соціологія, опытная психологія, лингвистика, біологическія и физико-химическія науки, геологія, астрономія и др. Научныя новости, дѣйствія ученыхъ обществъ. Математическій листокъ.

Въ 1895 году принимали участіе, между прочимъ, слѣдующіе авторы:

Магистръ зоол. *В. А. Вагнеръ*, секр. моск. общ. люб. естеств. *Г. А. Кожевниковъ*, проф. *Н. Кузнецовъ*, проф. Неаполитанск. унив. *Фр. Нитти*, проф. *А. Трачевскій*, проф. *В. М. Шимкевичъ*, *П. Ю. Шмидтъ* (Спб. зоол. каб.), лаборантъ *А. Филипповъ* (лаб. Спб. унив.), *Ф. Харитоновъ* (членъ московск. психол. общества), проф. *Н. Холодковскій* и друг.

Въ 1896 году въ числѣ приложеній будутъ даны соч. Дарвина: **„Происхожденіе человѣка и половой подборъ“** (Путеш. на кораблѣ *Бигль*, Автобіографія) и **„Выраженіе ощущеній“**; „Теорія зрѣнія“ (популярн. лекціи) Гельмгольца и „Палеонтологія“ Годри.

Условія подписки: на годъ **семь** руб. съ перес. и доставкой, на полгода **четыре** руб., четверть года **два** руб. Адресъ редакціи и главной конторы: **С.-Петербургъ, Надеждинская, 43 (Манежный, 7), кв. 15.**

Ред.-изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ.**

М. М. Филипповъ: ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Изъ оглавленія: *Изъ I части.* Метафизика и наука. Древность. Средніе вѣка. Новое время. Ламаркъ. Преформисты и эпигенетики. Бэръ. Палеонтологія. Дарвинизмъ. Витализмъ. Рефлексъ, инстинктъ, разумъ. Соціальная эволюція. Семья и собственность. Прогрессъ умственный и нравственный. Экономическій матеріализмъ. О субъективномъ методѣ. Развитіе личности и учрежденій. *Изъ II части.* Вещество и сила. Критика матеріализма. Превращеніе энергіи. Энтропія. Начало наименьшаго дѣйствія. *Изъ III части.* Границы познанія. Позитивизмъ, агностицизмъ, критицизмъ.

Подписная цѣна (большой томъ, роскошное изданіе въ 700 стр. съ рис. и табл.) пять руб. (съ перес. шесть р.). **По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ увеличена.** 1-й вып. вышелъ. Всего **4** выпуска.

Подписчики по желанію пользуются разсрочкой: при подпискѣ **три** руб., затѣмъ по выходѣ второго выпуска еще **три** рубля (съ пересылкой).

Книгопродавцамъ, доставляющимъ подписку, уступка 30 коп., причемъ пересылку, доставку и отвѣтственность передъ подписчиками редакція принимаетъ на себя. Въ случаѣ же, если иногородній книжный магазинъ подписывается на **свое имя**, уступка магазину 25% съ подписной цѣны. Пересылка—на счетъ закащика.

XII годъ издані.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

XII годъ изданія.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 еженедѣльн. иллюстриров. №№, заключающихъ въ себѣ болѣе 3000 столбцовъ интереснѣйшаго текста и до 500 рис. лучш. русск. и иностранн. художниковъ.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ ежемѣсячныхъ, иллюстрированныхъ лучшими заграничными художниками, заключающихъ въ себѣ вторую половину

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ МАЙНЪ-РИДА.

Въ 1896 году будутъ выданы слѣдующіе 14 романовъ этого писателя:

1) *Ползуны по скаламъ.*
2) *Стрѣлки въ Мексикѣ.*
3) *Вождь гверильясовъ.*
4) *Островъ Борнео.*
5) *Жилище въ пустынѣ.*
6) *Молодые невольники.*
7) *Огненная Земля.*
8) *Приключенія юнги Вильяма.*
9) *Охотники за растеніями.*
10) *Ямайскіе марроны.*
11) *Золотой браслетъ.*
12) *Мальчики на сѣверѣ.*
13) *Дѣти лѣсовъ.*
14) *Молодые путешественники.*

Первая половина собранія сочиненій Майнъ-Рида выдана подписчикамъ въ 1895 году.

Кромѣ того годов. подписчики при доплатѣ одного рубля получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ**, состоящія изъ двухъ большихъ художествен. картинъ (олеографій).

Картины, размѣромъ каждая $20^1/_4$ вершковъ въ длину и $13^1/_2$ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

1) ВХОДЪ ВЪ БОСФОРЪ
ВЪ СОЛНЕЧНЫЙ ЮЖНЫЙ ДЕНЬ.
Съ картины профессора Лагоріо.

2) ЦАРИЦЫНЪ ПАВИЛЬОНЪ
ВЪ ПЕТЕРГОФѢ
ПРИ ЛУННОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.
Съ картины художника Кондратенко.

Оригиналы этихъ картинъ пріобрѣтены спеціально для премін 1896 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ изданіе съ приложеніемъ **ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ** собранія сочиненій **МАЙНЪ-РИДА**, съ доставкою и пересылкою **4 р.**
съ двумя картинами 5 руб.
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 руб., къ 1-му апрѣля и къ 1-му іюля по 1 руб.

ПОДПИСЧИКИ, желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта“ съ приложеніями за 1896 г., еще **ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ** сочиненій **МАЙНЪ-РИДА**, выданную подписчикамъ въ 1895 году, состоящую изъ 12 томовъ, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе романы:

1) *Затерявшаяся гора.*
2) *Островъ Діавола.*
3) *Квартеронка.*
4) *Переселенцы Трансвааля.*
5) *Всадникъ безъ головы.*
6) *Водяная пустыня.*
7) *Пропавшая сестра.*
8) *Морской волкъ.*
9) *Охотники за черепами.*
10) *Дочери скваттера.*
11) *Прогулка боэровъ.*
12) *Охотники за жирафами.*

доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкой и пересылкой 2 р.

Адресъ: Москва, Валовая улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина, въ редакціи журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-вомъ И. Д. Сытина.

Девятый годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВѢСТНИКЪ
РУССКАГО СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

(52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ).

Редакція даетъ *безплатныя приложенія*: альбомы и сѣмена. Въ журналѣ помѣщаются, по мѣрѣ надобности, рисунки и чертежи и даются *безплатно* отвѣты на вопросы сельскихъ хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и спеціалисты по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Безплатное приложеніе къ „Вѣстнику" на 1896 годъ:

АЛЬБОМЪ ДОРОГОБУЖСКАГО СКОТА

разошлется всѣмъ подписчикамъ въ январѣ 1896 года, которые внесли полную годовую плату за журналъ на 1896 г. (шесть рублей). Этотъ альбомъ состоитъ изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Въ 1895 году редакція дала подписчикамъ, какъ безплатное приложеніе, **„Альбомъ ярославскаго скота"**, состоящій изъ 10 художественно выполненныхъ фототипій.

Программа журнала: Статьи по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденціи.—Хроника.—Библіографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговыя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	съ пересыл.	безъ пересыл.
На годъ, съ 1-го января	6 руб.	5 руб.
На полгода	3 „	3 „

На годъ съ пересылкой за границу 7 рублей. Отдѣльный номеръ 20 коп., а съ заказною пересылкой 30 коп. Цѣна полнаго экземпляра „Вѣстника" за 1895 годъ, вмѣстѣ съ „Альбомомъ", 6 рублей, за 1891—1894 годы по 3 рубля, а за 1890 и 1889 годы по 4 рубля за каждый годъ, съ пересылкой.

Адресъ редакціи: *Москва, Леонтьевскій пер., домъ Варженевскихъ.*

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За печатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта по 10 коп. за каждый разъ (длина строки = $2^1/_4$ верш.). За пересылку при журналѣ прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій, взимается 80 к. отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ 40 к., съ сотни экземпляровъ. За перемѣну адреса городского на иногородній или обратно платится 1 рубль, если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во второй половинѣ; за перемѣну городского на городской и иногородняго на иногородный—20 коп. Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются безплатными. О новыхъ книгахъ по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются безплатныя объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель *И. П. Петровъ.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ и Ко

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Архіереевъ, А. Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начальнаго обученія русскому правописанію. Изд. 2-е. Спб. Ц. 25 к.

Анненковъ, К. Система русскаго гражданскаго права. Т. II. Права вещныя. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.

Беркевичъ, Л. Ѳ. Коммерческая ариѳметика. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блеккы, Дж. Стюартъ. Самовоспитаніе умственное, физическое и нравственное. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Бокль. Вліяніе женщинъ на успѣхи знанія. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 25 к.

Въ добрый часъ. Сборникъ въ пользу общества вспомоществованія коломенской женской гимназіи. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вороновъ, О. Домашняя сушка плодовъ и овощей и домашнее приготовленіе нѣкоторыхъ консервовъ. Съ 9 рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.

Вортманъ, Ю. Примѣненіе и дѣйствіе чистыхъ дрожжей въ винодѣліи. Съ 9 рис. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Годлевскій, С. Ф. Ренанъ, какъ человѣкъ и писатель. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Данилевскій, А. М. Гамлетъ, принцъ Датскій. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ. Ревель, 1894 г. Ц. 75 к.

Д. М. Справочная книжка по гальванопластикѣ съ указаніемъ химическихъ веществъ, входящихъ въ нее, ихъ свойствъ, приготовленія, употребленія и испытанія. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Сочин. Т. IX. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Длусскій, К. М. Цвѣтокъ олеандра. Рисунки В. Навозова. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 25 к.

Заксъ, Гансъ. Башмачникъ-поэтъ 1894—1894 гг. Харьковъ, 1895 г. Ц. 25 к.

Каразинъ, Н. Н. Мои сказки. Съ иллюстраціями автора. Спб., 1895 г. Ц. 4 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Мысли о сущности общественной дѣятельности. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

К. З. Сборникъ задачъ, предлагавшихся на конкурсныхъ экзаменахъ по алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Красильниковъ, Н. Императоръ Наполеонъ I. Его молодость. 1769—1793 гг. Историческій очеркъ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Коринескій, А. Черныя розы. Стихотворенія 1893 — 1895 гг. Спб., 1896 г. Ц. 1 р.

Лебединскій, П. А. „Іоаннъ Креститель". Стихотворное повѣствован. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Левенфельдъ, Р. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Спб., 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Летурно, Шарль. Литературное развитіе различныхъ племенъ и народовъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лундъ, Р. Ускоренная выѣздка верховой лошади. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Милль, Дж. Стюартъ. О подчиненіи женщины. Спб., 1896 г. Ц. 60 к.

Розовое домино. Тайны двухъ клубовъ. Романъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Свирскій, А. И. По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Субисъ, А. Французскій критикъ русской музыки. Минскъ, 1895 г. Ц. 50 к.

Терзаевъ, Красновъ и Славянскій. Кровь растерзаннаго сердца. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Счастливыя и тяжелыя минуты крейсера „Воевода". Спб., 1895 г. Ц. 70 к.

Сѣдой, А. (псевдонимъ). Святочные разсказы. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 50 к.

Травчетовъ, И. М. Ирраціональныя числа и длина окружности. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Утинъ, Е. И. Изъ литературы и жизни. Т. II. Спб., 1896 г. Ц. 3 р.

Фюстель де-Куланжъ. Древняя гражданская община. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Хикманъ, А. Монеты всѣхъ странъ въ образцахъ и условія ихъ обращенія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Чеховъ, А. Химическій словарь фотографа. Изд. 2-е. Спб., 1896 г. Ц. 40 к.

Штевенъ, А. А. Изъ записокъ сельской учительницы. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Шрейдеръ, Д. И. Японія и японцы. Съ 145 рис. Сбп., 1895 г. Ц. 4 р.

Шапиръ, Ольга. Записки мужа. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. А. Соколовскаго. Т. 4-й. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

XII годъ изданія.

Открыта подписка на 1896 годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“,

выходящую два раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго газета носитъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:	р.	к.	Съ доставкой и пересылкой:	р.	к.
На годъ	4	50	На годъ	5	50
» полгода	2	50	» полгода	3	—
» 3 мѣсяца	1	50	» 3 мѣсяца	1	75

Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками.

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи *Сѣвернаго Кавказа.*

XXXI. ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. XXXI.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЪ 1896 ГОДУ

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ ТОМЪ ЖЕ

БОЛЬШОМЪ ФОРМАТѢ

и съ тѣми же рубриками.

Редакція стремится доставить читателямъ: своевременныя, точныя и разнообразныя какъ общія, такъ и мѣстныя краевыя извѣстія; отклики на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерніи и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Царицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг.; оригинальная и переводная беллетристика; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и проч.

Редакторы-издатели: { *Н. Л. Росляковъ.* *В. И. Оклабинскій.*

Подписная цѣна съ пересылкой:

На годъ 7 р. 50 к., на полгода 5 р., на 3 мѣс. 3 р. 25 к., на 1 мѣс. 1 р. 25 коп.

Подписка принимается: въ Астрахани, въ конторѣ редакціи „Листка“, и въ Прикаспійскомъ магазинѣ, по Эспланадной улицѣ, домъ Сергѣевыхъ.

Еженедѣльный иллюстр. популярно-научный журналъ

ПРИРОДА И ЛЮДИ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VII.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября.

№ 1-й выйдетъ 2 ноября 1895 г. *Содержаніе*: Жизнь и дѣятельность Т. Эдиссона. (Біограф. разск. съ рис.).—За гранью льдовъ. Ром. *Н. Соколова.* — Метаморфозы земли. *Камилла Фламмаріона.*—Русскія колоніи въ Турціи. † Д-ра *А. В. Елисѣева.*—Исторія луны. *І. Т.*—Со всѣхъ концовъ свѣта. — Изъ области естествознанія. — Изъ обл. техники. *Приложеніе*: „Исторія чудеснаго въ новѣйшее время". *Л. Фигье.* Пер. съ франц. *М. Гогунцова.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 5 РУБ. съ доставк. и пересылк. во всѣ города Россіи. Безъ доставки 4 руб. за границу 8 руб.

Журналъ „Природа и Люди" знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогреса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1896 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№ Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 худож. рис.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журнала „ПРИРОДА и ЛЮДИ"—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность одного приложенія превышаетъ подписную цѣну на журналъ „ПРИРОДА и ЛЮДИ", такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА"

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. Амуръ. По источник. обработ. Ф. Волгинъ (со многими худож. иллюстр.).
2 и 3. Вокругъ свѣта на велосипедѣ.—Т. Стивенса. Перев. съ англійскаго.
4. Гигіена популярная. По Эрисману, Доброславину и друг. Сост. Ѳ. Сергѣевъ.
5 и 6. Жизнь въ морѣ. Проф. К. Келлера. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. проф. А. М. Никольскаго (съ 200 роскошн. иллюстрацій).
7. Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Л. Фигье. Пер. съ фр. М. Гогунцова.
8. Карлики и великаны. Э. Гарнье.
9. Джонъ Буль и его колоніи. Максъ о Релля. (Путевые очерки и неброс.).
10. Міры дѣйствительные и воображаемые. Камилла Фламмаріона.
11. Пѣвчія птицы. И. Святскаго (съ рис.).
12. Южный полюсъ. Де Фонвіелля. Пер. съ франц. (со мног. худож. иллюстр.).

Издатель *П. Сойкинъ.*—Редакторъ *С. Груздевъ.*

КОНТОРА И РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА ПРИРОДА и ЛЮДИ
С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д.

Разсрочка допускается не иначе, какъ при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальные. Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ со всѣми прилож. 4 р. за каждый годъ, а въ роскошномъ переплетѣ 5 р. Перес. за 10 фун. по вѣсу и разстоянію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на издающуюся въ Ростовѣ-на-Дону ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ".

VI годъ изданія.

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительствен. распоряженія. II. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. III. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. Заграничная жизнь. VII. О чемъ пишутъ. VIII. Злобы дня. IX. Летучіе листки. X. Сказки жизни. XI. Маленькій фельетонъ. XII. Хроника общая, мѣстная и изъ отдѣленій редакцій. XIII. Изъ залы суда. XIV. Корреспонденціи. XV. По Россіи. XVI. Смѣсь. XVII. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Библіографія. XXI. Торговыя свѣдѣнія. Биржа. XXII. Справочный отдѣлъ. XXIII. Объявленія и рекламы.

Въ Приазовскомъ Краѣ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки по Россіи:

Безъ доставки (въ городѣ):		Съ доставкой и пересылкой (городск. и иногор.).	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	9 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 5 „	3 „ 75 „	„ 5 „	4 „ 25 „
„ 4 „	3 „ — „	„ 4 „	3 „ 50 „
„ 3 „	2 „ 25 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 2 „	1 „ 50 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 80 „	„ 1 „	1 „ — „

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяцъ. За перемѣну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписавшихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. и 2) въ три срока — при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му сентября 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ нумеровъ „Приазовскаго Края" въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной ихъ провѣрки и группировки, контора редакціи проситъ **ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ-на-Дону—въ главной конторѣ газеты Приазовскій Край и

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ: Въ Таганрогѣ — у П. Ф. Каменева, типографія Рази, въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Ѳ. Галладжіанцъ, въ Маріуполѣ — у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ - Грушевскомъ — у С. И. Розенштейна, въ Ейскѣ — у К. Л. Петрова, въ Новороссійскѣ—у Э. Маринаки, писчебумажный магазинъ, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Каменской—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ, въ ст. Константиновской Об. В. Д.—у П. В. Сидорова, въ Азовѣ—у В. П. Золотарева.

Редакторъ-издатель *С. Х. Арутюновъ.*

Образовательныя игры, учебныя пособія и полезныя занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. А. ПОПОВА.

Въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" (Москва, уголъ Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу новыя изданія:

СКЛАДНАЯ КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ (пособіе при изученіи географіи и для самообразованія). Ц. 60 к., перес. 15 к.

ПОДВИЖНЫЯ ЖИВОТНЫЯ. (Для вырѣзыванія, склеиванія и разстановки; игра-пособіе для ознакомленія дѣтей съ царствомъ животныхъ). Два выпуска. Ц. каждому, заключающему въ себѣ по 4 таблицы съ 11-ю экз. животныхъ, 45 к., перес. одного 10 к., двухъ 15 к.

РИСОВАНІЕ ПО ТРАФАРЕТАМЪ. Цвѣты (шесть картонныхъ шаблоновъ различныхъ цвѣтовъ). Животныя (шесть шабл. различн. животныхъ). Цѣна каждому конверту 35 к., перес. одного или двухъ—10 к.

АЗБУКИ: „Русская подвижная азбука для школъ". Цѣна 35 к., пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.—„Русская подвижная азбука". Ц. 15 к., перес. за 1 фунтъ по разстоянію.—„Русская азбука на кубикахъ". Цѣна 50 коп., перес. за 2 фунта по разстоянію.

Гг. иногородніе обращаются съ требованіями исключительно въ *главный складъ изданій:* МОСКВА, ЗНАМЕНКА, д. НАВРОДСКИХЪ.

Изданія высылаются съ наложеннымъ платежомъ по первому требованію.

Черезъ складъ изданій Вл. А. Попова можно выписывать учебныя пособія, изданныя другими фирмами, а также всякаго рода книги, въ томъ числѣ учебники и книги для дѣтскаго чтенія.

Каталогъ образовательныхъ игръ и занятій высылается безплатно.

1896. XII годъ. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1896. XII годъ.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

политики, литературы и общественной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годъ **9** р., ½ года **4** р. **50** к., 3 мѣс. **2** р. **25** к., 1 мѣс. **75** к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника».

Объявленія изъ Европейской Россіи и изъ-за границы для «Сибирскаго Вѣстника» принимаются въ конторѣ Метцль и Ко въ Москвѣ, Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская, № 11.

3 2044 050 648 732

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

NOV 30 62 H